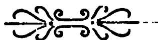
Б. Б. Глинскій.

Борьба за Конституцію

1612—1861 гг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ

съ портретами и иллюстраціями.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Н. П. Карбасникова.
1908.

Типографія и Литографія В. А. Тиханова, Садовая, № 27.

ОТЪ АВТОРА:

Настоящая книга составилась изъ очерковъ, напечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ 1905—1907 годахъ, подъ заглавіями: „Годы смуты и борьбы“, „Борьба за Конституцію“, „Очерки революціоннаго движенія въ Россіи. Наканунѣ реформы“. Здѣсь всѣ эти очерки, значительно дополненные новыми матеріалами, сгруппированы и объединены общимъ заглавіемъ, смыслъ котораго и является тою идейною осью, вокругъ которой расположены историческіе факты, имѣющіе непосредственное отношеніе къ той или иной составной части разрабатываемаго вопроса.

Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ стародавней эпохи „Русскаго лихолѣтія“, закончившагося утвержденіемъ въ нашемъ отечествѣ самодержавія послѣ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова на Россійскій престолъ. Въ дальнѣйшимъ изложеніи отмѣчено, какъ представители *земско-народнаго самодержавія* видоизмѣнили его, обративъ въ *полицейско-бюрократическое единодержавіе* Петербургскаго періода отечественой исторіи; рядомъ съ этимъ представлены главнѣйшіе моменты, когда въ народныхъ массахъ и интеллигентныхъ слояхъ проявлялись теченія, враждебныя установившейся формѣ правленія, съ стремленіями замѣнить ее иною и, въ тѣсной зависимости отъ этой замѣны, такъ или иначе обновить и весь соціальный и экономическій строй русской дѣйствительности. Отсюда явилась необходимость изложенія тѣхъ, попреимуществу политическихъ, программъ, которыя были выдвинуты въ качествѣ антитезы этой дѣйствительности, съ указаніемъ,

что́ и при какой обстановкѣ предпринималось въ таковыхъ цѣляхъ. Тутъ-же отмѣчено, какъ отвѣчали правящія сферы и верховная власть на эти попытки и что́ предпринималось для сохраненія государственнаго status quo. Ходъ событій въ такомъ кругу дѣйствій доведенъ до 1861 г., когда подъ напоромъ суровой дѣйствительности послѣ Севастопольскаго погрома, по „мановенію царя“, Россія изъ дореформеннаго періода жизни вступила на путь соціальныхъ и экономическихъ преобразованій, значительно видоизмѣнившихъ ея государственный обликъ.

Въ слѣдующей части авторъ надѣется дать обозрѣніе событій, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ идейной оси своей работы, которыя наступили послѣ „эпохи великихъ реформъ“ и приблизили Россію къ манифесту 17 Октября 1905 года.

Выпуская первую часть своихъ историческихъ очерковъ отдѣльнымъ изданіемъ, авторъ считаетъ долгомъ оговориться: онъ пользовался литературнымъ матеріаломъ, уже разработаннымъ такъ или иначе рядомъ изслѣдователей русской жизни, но разбросаннымъ въ множествѣ спеціальныхъ трудовъ. Поэтому авторъ не претендуетъ на оригинальность новизны, но преслѣдуетъ цѣли популярнаго чтенія въ интересахъ широкихъ массъ, не имѣющихъ возможности и средствъ знакомиться съ тою обширною историческою литературою, которая въ послѣдніе годы и въ особенности послѣ 17 Октября 1905 года значительно выросла и раздробилась по множеству періодическихъ изданій, книгъ и брошюръ.

Авторъ въ предѣлахъ своей задачи постарался использовать эту литературу, скомпоновалъ ее и освѣтилъ факты, въ ней изложенные, подъ опредѣленнымъ угломъ зрѣнія. Въ интерессахъ той-же популяризаціи историческаго знанія текстъ иллюстрированъ портретами нѣкоторыхъ историческихъ дѣятелей, которые наиболѣе интензивно поработали въ направленіи рефор-

мированія отечественнаго государственнаго строя, съ цѣлью приданія ему такого облика, который онъ долженъ современемъ принять, какъ результатъ высочайшей воли, выраженной манифестомъ 17 Октября 1905 года. Въ число портретовъ включенъ между прочимъ и портретъ Пугачева, какъ наиболѣе типичнаго представителя въ исторіи Россіи специальной смуты, чуть было недобившагося въ своемъ бурномъ натискѣ на государственность опредѣленныхъ результатовъ. Точно также воспреизведены здѣсь и „кондиціи“, предложенныя верховниками императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, какъ нѣкоторый историческій прообразъ государственнаго акта 17 Октября 1905 года.

Б. Глинскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

Стр.

ГЛАВА XIII.

ГЛАВА XIV.

ГЛАВА XV.

ГЛАВА XVI.

Портреты и иллюстраціи.

ГЛАВА I.

Смутное время.—Политическія программы той эпохи.—Земскіе соборы и соборъ 1613 г.—Ликвидація смутнаго времени.—Значеніе царствованія Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича.—Бунтъ Стеньки Разина.—Политическая программа Разина.—Его послѣдователи.

Резюмируя элементы, опредѣлявшіе приближеніе соціально-политическаго кризиса въ Московскомъ государствѣ конца XVI вѣка, профессоръ С. Θ. Платоновъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ: „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вѣковъ", отмѣчаетъ, что „въ основаніи московскаго государственнаго и общественнаго порядка заложены были два внутреннихъ противорѣчія, которыя, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, давали себя чувствовать московскимъ людямъ. Первое изъ этихъ противорѣчій можно назвать политическимъ и опредѣлить словами В. О. Ключевскаго: „это противорѣчіе состояло въ томъ, что московскій государь, котораго ходъ исторіи велъ къ демократическому полновластію, долженъ былъ дѣйствовать посредствомъ очень аристократической администраціи". Такой порядокъ вещей привелъ къ открытому столкновенію московской власти съ родовитымъ боярствомъ во второй половинѣ XVI вѣка. Второе противорѣчіе было соціальнымъ и состояло въ томъ, что подъ давленіемъ военныхъ нуждъ государства, съ цѣлью лучшаго устройства государственной обороны, интересы промышленнаго и земледѣльческаго класса, трудъ котораго служилъ основаніемъ народнаго хозяйства, систематически приносились въ жертву интересамъ служилыхъ землевладѣльцевъ, не участвовавшихъ непосредственно въ производительной дѣятельности страны. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было недовольство тяглой массы и стремленіе ея къ выходу съ „тяглыхъ жеребьевъ" на черныхъ и частновладѣльческихъ земляхъ, а этотъ выходъ, въ свою очередь,

вызвалъ рядъ другихъ осложненій общественной жизни. Оба противорѣчія въ своемъ раскрытіи, во вторую половину XVI вѣка, создали государственный кризисъ, послѣднимъ выраженіемъ котораго и было такъ называемое „Смутное время“.

Итакъ, корни русской смуты XVII вѣка глубоко были заложены въ явленіяхъ внутренней политики царствованія Грознаго, благодаря которой, по свидѣтельству профессора С. Ѳ. Платонова, все въ государственной жизни того времени было потрясено внутреннимъ кризисомъ и военными тогдашними неудачами, все потеряло устойчивость и бродило скрытымъ, внутреннимъ броженіемъ, пока не разразилось бурными проявленіями самозванщины и междуцарствія, конецъ которымъ былъ положенъ совокупными силами и дѣйствіями всей земской Россіи.

Нѣтъ надобности излагать здѣсь событія русской смуты начала XVII вѣка: они общеизвѣстны. Поэтому, оставляя прагматическую сторону дѣла безъ изложенія, считаемъ нужнымъ лишь отмѣтить нѣкоторые главнѣйшіе моменты въ ходѣ событій, затрагивающіе вопросы объ отношеніи нѣкоторыхъ круговъ тогдашней интеллигенціи къ формѣ государственнаго правленія и о роли земщины въ утвержденіи и укрѣпленіи именно опредѣленной формы правленія—московскаго самодержавія.

Въ развитіи московской смуты выдѣляются три періода: династическій, соціальный и національный. Въ первомъ періодѣ, начавшемся немедленно послѣ смерти Грознаго, на первомъ планѣ стоятъ борьба боярства за власть, попытки ограничить самодержавіе въ пользу боярства привлеченіемъ послѣдняго къ дѣлу управленія; въ этомъ періодѣ участіе въ ходѣ историческихъ событій со стороны народа и земщины очень слабо и почти незамѣтно, если не считать только за таковое участіе буйство московской черни и пассивную станцію тогдашнихъ неполныхъ и случайныхъ земскихъ соборовъ въ утвержденіи выставленнымъ тѣми или иными партіями боярства кандидатовъ на престолъ. Во второмъ періодѣ рѣшающій голосъ въ ходѣ событій беретъ на себя войско, которое послушно слѣдуетъ за излюбленными и популярными вождями, руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ не столько твердо сознаваемыми соображеніями внѣшней или внутренней политики, сколько вѣрою въ счастіе и удачу воинскихъ талантовъ своихъ руководителей. Третій періодъ выдвигаетъ на авансцену „самъ народъ“, который соборне и единодушно сметаетъ съ арены историческаго театра и властолюбивое боярство съ его ограничительными политическими замыслами, и самозванщину,

какъ проявленіе авантюризма, и иноземщину, какъ силу, грозящую политическому и національному единству и цѣлостности Русской земли. Этотъ „самъ народъ“ громко поднимаетъ свой властный и рѣшающій голосъ, создаетъ національное правительство съ Михаиломъ Θеодоровичемъ Романовымъ во главѣ, и вручаетъ послѣднему единую нераздѣльную и самодержавную власть, безъ всякой тѣни на ней какихъ либо твердо оформленныхъ ограниченій, но съ придаткомъ къ ней народосовѣтія, какъ элемента, сопутствующаго исторической формулѣ любовнаго и неразрывнаго единенія царя съ народомъ.

Искровавленное и политически-ослабленное террористическою программою управленія Грознаго, боярство, успѣвшее за время Θеодора Іоанновича нѣсколько окрѣпнуть, снова стать на ноги и съорганизоваться, какъ только приблизилось силою событій къ престолу, изъ опасенія повторенія эпохи грознаго царя и исключительно въ интересахъ самозащиты и сословной безопасности, спѣшитъ уже внести въ государственную формулу управленія ограничительный придатокъ къ царской власти. Мысль ограниченіи этой власти впервые всплываетъ въ 1598 году, при избраніи на престолъ Бориса Годунова, но уже болѣе осязательно вводится въ политическую избирательную программу боярства, при возведеніи на престолъ Василія Шуйскаго.

Передавая о событіяхъ избранія Шуйскаго, профессоръ С. Θ. Платоновъ въ своихъ „Лекціяхъ по русской исторіи“, при анализѣ крестоцѣловальной записи новоизбраннаго царя, отмѣчаетъ въ ней три пункта ограничительнаго характера: 1) царь Шуйскій не имѣетъ власти никого лишать жизни безъ приговора боярской думы; 2) онъ не будетъ подвергать гоненію невинную родню лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ; 3) онъ обязуется не давать вѣры доносамъ, не провѣривъ ихъ тщательнымъ слѣдствіемъ; если доносъ окажется лживымъ, то доносчикъ долженъ быть наказанъ. „Этими тремя условіями исчерпываются всѣ обѣщанія Шуйскаго“,—говоритъ С. Θ. Платоновъ и разъясняетъ, что въ этихъ условіяхъ „трудно найти дѣйствительное ограниченіе царскаго полновластія, а можно видѣть только отказъ этого полновластія отъ недостойныхъ способовъ его проявленія; царь обѣщаетъ лишь воздержаться отъ причудъ личнаго произвола и дѣйствовать посредствамъ суда бояръ, который существовалъ одинаково во всѣ времена Московскаго государства и былъ всегда правоохранительнымъ и правообразовательнымъ учрежденіемъ, не ограничивающимъ, однако, власти царя“.

Съ этимъ толкованіемъ почтеннаго профессора врядъ ли можно согласиться, ибо идея абсолютнаго самодержавія, какъ таковаго, несовмѣстима съ условными „правовыми гарантіями“, положенными въ основаніе свободнаго избранія на престолъ Михаила Ѳеодоровича, соборъ не бралъ съ него крестоцѣловальной записи съ опредѣленно формулированными правовыми гарантіями. Послѣднія суть аттрибуты власти конституціонной, и въ этомъ ея главнѣйшее и существеннѣйшее отличіе отъ власти единодержавной и самодержавной. Поэтому и условія провозглашенія царемъ Василія Шуйскаго должны быть разсматриваемы, какъ условія съ характеромъ ограничительнымъ или конституціоннымъ, гдѣ въ будущей конституціи власть ограничительная признается не за „земскимъ соборомъ“, какъ то мы увидимъ далѣе въ договорѣ съ Владиславомъ, а исключительно за боярскою думою, то-есть мы встрѣчаемся здѣсь съ первою реальною попыткою фактическаго созданія аристократической конституціи. Жизненнаго историческаго значенія эта попытка не имѣла: извѣстенъ печальный конецъ Шуйскаго и краткій періодъ его цаствованія.

Еще менѣе практическаго значенія получилъ договоръ съ Владиславомъ или Сигизмундомъ, которому и совершенно не было суждено фактически осуществиться, такъ какъ договаривавшіеся даже не были уполномочены на веденіе переговоровъ хотя бы какою-либо широкою и властною группою, опирающеюся въ своихъ правахъ на то или иное большинство отъ имени Русской земли. Конституція Владислава шла на встрѣчу интересамъ средняго сословія — „добрыхъ дворянъ“, осуществляла скорѣе всего ихъ буржуазныя вожделѣнія и была далека, какъ отъ аристократической программы бояръ при избраніи Шуйскаго, такъ и отъ соціально-революціонной программы Болотникова, этого любопытнаго авантюриста эпохи самозванщины, которая по дѣйствовавшимъ въ ней мотивамъ во многомъ аналогична, какъ то увидимъ далѣе, и программѣ кроваваго разгула Стеньки Разина и программѣ кровавой расправы Емельяна Пугачева и даже тѣмъ нѣкоторымъ анархическимъ программамъ, которыя были провозглашены во второй половинѣ прошлаго столѣтія за границею М. Бакунинымъ и его ближайшими послѣдователями — „молодыми бакунистами“.

Договорные пункты по избранію на русскій престолъ Владислава сводились къ слѣдующимъ главнѣйшимъ: 1) Владиславъ вѣнчается на царство отъ русскаго патріарха; 2) православіе

въ Московскомъ государствѣ должно быть почитаемо и оберегаемо по прежнему; 3) имущество и права какъ духовенства, такъ и свѣтскихъ чиновъ пребудутъ неприкосновенны; 4) судъ долженъ совершаться по старинѣ, измѣненіе въ законахъ не зависитъ отъ воли одного только Владислава: „то вольно будетъ баярамъ и всей землѣ"; 5) Владиславъ никого не можетъ казнить безъ вѣдома думы и безъ суда и слѣдствія, родню виновныхъ лицъ онъ не долженъ лишать имущества; 6) великихъ чиновъ людей Владиславъ обязанъ не понижать невинно, а меньшихъ долженъ повышать по заслугамъ; для науки будетъ дозволенъ свободный выѣздъ въ христіанскія земли; 7) подати собираются „по старинѣ", назначеніе новыхъ податей не можетъ произойти безъ согласія боярской думы; крестьяне не могутъ переходить ни въ предѣлахъ Московскаго государства, ни изъ Руси въ Литву и Польшу; 8) холопы должны оставаться въ прежнемъ состояніи, и вольности имъ король давать не будетъ.

Этотъ договоръ очень любопытенъ по своему содержанію: онъ консервативенъ, защищаетъ преимущественно интересы служилаго сословія и помѣстнаго дворянства и, какъ вышедшій изъ среды „тушинскихъ людей", представляетъ собою полную противоположность, антитезу анархической программѣ Болотникова, бывшей столь хорошо знакомой „воровскому" лагерю самозванца Лже-Петра. Болотниковъ, немало повидавшій на своемъ вѣку, побывшій и въ Азіи и въ Западной Европѣ, явился въ періодъ Смутнаго времени апостоломъ кровавой соціальной революціи, собирая около себя приверженцевъ во имя ненависти къ имущимъ классамъ и въ цѣляхъ главнымъ образомъ насильственнаго соціально-экономическаго переворота. Коснувшись анализа Болотниковской программы, профессоръ С. Ѳ. Платоновъ говоритъ *): „Дѣйствуя именемъ царя Димитрія, онъ звалъ къ себѣ всѣхъ недовольныхъ складомъ общественныхъ отношеній въ Московскомъ государствѣ и, подавая имъ надежду на соціальныя перемѣны въ ихъ пользу, возбуждалъ къ дѣйствіямъ вообще противъ господствующихъ классовъ. Не сохранилось, къ сожалѣнію, подлиннаго текста его воззваній, но есть интересный о нихъ отзывъ патріарха Гермогена. Передавая содержаніе „воровскихъ листовъ", которые разсылались изъ стана Болотникова въ Москву и по другимъ городамъ, патріархъ говоритъ, что эти листы внушаютъ дворнѣ бояръ и дѣтей боярскихъ, а съ нею и всякой

*) „Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ".

черни „всякія злыя дѣла на убіеніе и на грабежъ". Мятежники „велятъ боярскимъ холопомъ побивати своихъ бояръ, и жены ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ; а шпынямъ и безымянникомъ-воромъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать и животы ихъ грабити; а призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярства и воеводство и окольничество и дьячество". Это былъ прямой призывъ противъ представителей земельнаго и промышленно - торговаго капитала, и имъ легко увлекались люди, страдавшіе отъ тогдашняго имущественнаго строя. „Собрахуся боярскіе люди и крестьяне,—говоритъ лѣтопись о движеніи Болотникова,—съ ними же пристаху украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы и казаки, и начаша по градомъ воеводы имати и сажати по темницамъ, бояръ же своихъ домы разоряху, и животы грабяху, женъ же ихъ и дѣтей позоряху и за себя имаху". Такимъ образомъ, войска, шедшіе съ южныхъ окраинъ къ Москвѣ и состоявшія изъ знакомыхъ уже намъ общественныхъ элементовъ „прежде погибшей" украйны, громко заявляли о своей склонности къ общественному перевороту и уже покушались на демократическую ломку существовавшаго строя.

Отсюда явствуетъ, что вполнѣ сознательная и формулированная проповѣдь соціальной анархіи, безъ ясно и опредѣленно намѣченныхъ государственныхъ и политическихъ задачъ, раздается въ Россіи впервые на зарѣ XVII вѣка. Особаго успѣха, конечно, эта проповѣдь имѣть не могла, какъ не имѣющая за собою реальной обстановки, на фонѣ которой она могла бы удовлетворить чьимъ либо классовымъ интересамъ. Существо ея могли выразить и выразили дѣйствительно лишь бродячіе элементы отечественныхъ окраинныхъ областей, представители разгула и безшабашнаго молодечества, вся жизненная формула которыхъ сводилась къ понятію—„день, да нашъ".

Три приведенныхъ соціально-политическихъ программы были идейными факторами, сыгравшими выдающуюся роль въ событіяхъ Смутнаго времени; сами же событія, какъ широкая и сложная панорама народныхъ движеній, представляли собою полный общественный хаосъ, залитый кровью, которою въ настоящемъ смыслѣ слова истекала тогда несчастная московская Русь. Люди гибли, лишались своихъ животовъ и казны, вотчины стояли опустошенными, поля невоздѣланными; государственная власть съ твердымъ сознаніемъ своихъ обязанностей и правъ отсутствовала, правительственнаго войска не было, какъ равно

не было и единой государственной казны, и, казалось, московская Русь переживаетъ послѣдніе дни историческаго существованія съ перспективой въ недалекомъ будущемъ дробнаго расщепленія и раздѣла между сѣверными, западными и юго-восточными сосѣдями. Но спасеніе пришло, пришло неожиданное, энергичное и полное, такъ что отъ недавней еще лихой бѣды вскорѣ не осталось глубокаго и рѣзкаго слѣда.

Спасеніе Руси отъ смуты и анархіи, отъ политической гибели и историческаго крушенія явилось изъ нѣдръ земщины, которая, сплотившись и собравшись воедино, вывела отечество на широкую и мирную дорогу государственнаго бытія, почерпнувъ форму для него изъ историческаго опыта, предшествовавшаго смутной эпохѣ. Ходъ событій: земское ополченіе Нижняго-Новгорода, освобожденіе Москвы отъ поляковъ, земскій соборъ 1613 года, избраніе Михаила Ѳеодоровича на престолъ шли быстрымъ темпомъ и, несмотря на встрѣчавшіяся по пути шероховатости и нѣкоторыя отклоненія отъ первоначальнаго направленія,—въ общей картинѣ своего развитія и окончательнаго дѣйствія явили собою результатъ единой и напряженной воли всѣхъ совокупныхъ силъ соборной Русской земли.

С. М. Соловьевъ въ живомъ и увлекательномъ изложеніи даетъ слѣдующую картину историческаго движенія вопросовъ *): „Отступленіе Сигизмунда дало досугъ заняться избраніемъ царя всею землею. Разосланы были грамоты по городамъ, съ приглашеніемъ прислать властей и выборныхъ въ Москву для великаго дѣла; писали, что Москва отъ польскихъ и литовскихъ людей очищена, церкви Божіи въ прежнюю лѣпоту облеклись, и Божіе имя славится въ нихъ попрежнему; но безъ государя Московскому государству стоять нельзя, печься о немъ и людьми Божіими промышлять некому, безъ государя вдосталь Московское государство разорятъ все. Безъ государя государство ничѣмъ не строится и воровскими заводами на многія части раздѣляется, и воровство многое множится: и потому бояре и воеводы приглашали, чтобы всѣ духовныя власти были къ намъ въ Москву, и изъ дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ, посадскихъ и уѣздныхъ людей, выбравъ лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ людей, поскольку человѣкъ пригоже, для земскаго совѣта и государскаго избранія, всѣ города прислали бы въ Москву-жъ, и чтобы эти власти и выборные лучшіе люди договорились въ сво-

*) „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", т. VIII, изд. 1896 г.

ихъ городахъ накрѣпко и взяли у всякихъ людей о государскомъ избраніи полные договоры. Когда съѣхалось довольно много властей и выборныхъ, назначенъ былъ трехдневный постъ, послѣ котораго начались соборы. Прежде всего стали разсуждать о томъ, выбирать ли изъ иностранныхъ королевскихъ домовъ или своего природнаго русскаго, и порѣшили: „литовскаго и шведскаго короля и изъ дѣтей и иныхъ нѣмецкихъ вѣръ и нѣкоторыхъ государствъ иноязычныхъ не христіанской вѣры греческаго закона на владимирское и московское государство не избирать, а Маринки и сына ея на государство не хотѣть, потому что польскаго и нѣмецкаго короля видѣли на себѣ неправду и крестное преступленіе и мирное нарушеніе: литовскій король Московское государство разорилъ, а шведскій король Великій Новгородъ взялъ обманомъ“. Стали выбирать своихъ; тутъ начались козни, смуты и волненія: всякій хотѣлъ по своей мысли дѣлать, всякій хотѣлъ своего, нѣкоторые хотѣли и сами престола, подкупали и засылали; образовались стороны, но ни одна изъ нихъ не брала верха. Однажды,—говоритъ хронографъ,—какой-то дворянинъ изъ Галича принесъ на соборъ письменное мнѣніе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, его и надобно избрать въ цари. Раздались голоса недовольныхъ: „Кто принесъ такую грамоту, кто, откуда?“ Въ это время выходитъ донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. „Что это ты подалъ, атаманъ?“—спросилъ его князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій.—„О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ“, — отвѣчалъ атаманъ. Одинаковое мнѣніе, поданное дворяниномъ и донскимъ атаманомъ, рѣшило дѣло: Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ провозглашенъ царемъ. Но еще не всѣ выборные находились въ Москвѣ; знатнѣйшихъ бояръ не было: князь Мстиславскій съ товарищами тотчасъ послѣ своего освобожденія разъѣхались изъ Москвы, имъ неловко было оставаться въ ней подлѣ воеводъ-освободителей; теперь послали звать ихъ въ Москву для общаго дѣла; послали также надежныхъ людей по городамъ и уѣздамъ вывѣдать мысль народа насчетъ новаго избранника, и окончательное рѣшеніе отложили на двѣ недѣли, отъ 8 до 21 февраля 1613 года. Наконецъ Мстиславскій съ товарищами пріѣхали, пріѣхали и запоздавшіе выборные, возвратились посланники по областямъ съ извѣстіемъ, что народъ съ радостію признаетъ Михаила царемъ. 21 февраля, въ недѣлю православія, т.-е. въ первое воскресеніе великаго поста, былъ

послѣдній соборъ: каждый чинъ подалъ письменное мнѣніе, и всѣ эти мнѣнія найдены сходными, всѣ чины указывали на одного человѣка — Михаила Өеодоровича Романова. Когда рязанскій архіепископъ Өеодоритъ, троицкій келарь Авраамій Палицынъ, новоспасскій архимандритъ Іосифъ и бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ взошли на Лобное мѣсто и спросили у народа, наполнявшаго Красную площадь, кого они хотятъ въ цари: „Михаила Өеодоровича Романова",—былъ отвѣтъ".

Этотъ историческій моментъ былъ и формальнымъ моментомъ окончанія смуты—смуты правительственной, государственной и политической. Смута соціальная и экономическая, конечно, сразу улечься не могла, и составные элементы ея еще долго пребывали въ броженіи, проявляясь подчасъ, какъ видно будетъ далѣе, въ острыхъ и бурныхъ вспышкахъ взбудораженной народной воли. Смутное время было очень серіознымъ историческимъ экзаменомъ для московской Руси, который она передъ лицомъ всего міра выдержала, и, по мѣткому выводу Н. И. Костомарова *), „то обстоятельство, что страшное потрясеніе, испытанное и тяжко прочувствованное государствомъ Московскимъ, оказало на него только временное вліяніе и осталось безъ важныхъ послѣдствій для его внутренняго организма,—очень знаменательно въ русской исторіи. Несмотря на множество разрушительныхъ элементовъ, которые всѣ вышли тогда съ самаго дна жизни, государство это заключало въ себѣ столько здоровыхъ и живительныхъ началъ существованія и дальнѣйшаго саморазвитія, что устояло противъ внѣшняго напора, удержалось на той самой степени развитія, до какой успѣло прежде того дойти, скоро оправилось отъ ударовъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, пошло своею прежнею историческою дорогою, зарубивши, такъ сказать, себѣ на память болѣе для будущаго расчета. Основной матеріалъ этого государства, несмотря на слабость связей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, оказался до того крѣпокъ, что Польша, наперши на него съ размаха, скоро сама больно зашиблась объ него своимъ уже нездоровымъ тѣломъ и усилила тѣмъ свою болѣзнь, но не одолѣла сломить его и раздробить; а потому Смутное время останется чрезвычайно знаменательною эпохою въ русской исторіи, какъ свидѣтельство крѣпости внутренней жизни народа—важный задатокъ для его будущаго".

---

*) „Историческія монографіи и изслѣдованія". Николая Костомарова, т. VI, изд 1884 года.

Какія же начала легли въ основаніе возрожденнаго и умиротвореннаго государственнаго строя Россіи послѣ приснопамятнаго 1613 года, и что представляло собою то учрежденіе, которое взяло на себя починъ въ установленіи этого строя? На этихъ вопросахъ необходимо нѣсколько остановиться: это—вопросы, которые, въ связи съ текущими вопросами и явленіями современной намъ жизни, такъ интересуютъ наше общество, печать и всю интеллигентную Россію.

21-го февраля 1613 г. на Руси было возстановлено и утверждено пошатнувшееся въ предшествовавшую эпоху смуты самодержавіе, и сдѣлано это было по единодушному приговору земли черезъ ея исполнительно-законодательный органъ—земскій всесословный соборъ. Въ Московскомъ государствѣ уже съ давнихъ поръ сложилась и утвердилась монархическая форма правленія по праву наслѣдства и на основахъ выборнаго начала. Объ этомъ правѣ наслѣдства проф. В. И. Сергѣевичъ говоритъ *): „Московскіе князья смотрѣли на свои княженія, какъ на долженствующія перейти, по ихъ смерти, къ ихъ нисходящимъ. Но что кому дать, и по ровну ли, или одному больше, другому меньше,—это было дѣломъ ихъ усмотрѣнія и опредѣлялось обыкновенно духовною грамотою. Право наслѣдника устанавливалось, слѣдовательно, усмотрѣніемъ царствующаго государя. Послѣдній нисколько не считалъ себя связаннымъ правами своихъ наслѣдниковъ. Наоборотъ, онъ признавалъ за собою право дѣлать между ними выборъ. По воззрѣнію московскихъ князей, если престолъ и переходитъ отъ отца къ сыну, то не въ силу самостоятельнаго права сына на престолъ, а въ силу воли отца; вотъ относящійся сюда случай. У Ивана Васильевича было нѣсколько сыновей. Старшій, Иванъ, умеръ еще при жизни отца (1490 г.), оставивъ сына Димитрія. Старшій сынъ, пока былъ живъ, считался преемникомъ престола; по его смерти преемникомъ считался не внукъ Ивана Васильевича, Димитрій, а его второй сынъ, Василій. Въ теченіе цѣлыхъ восьми лѣтъ Иванъ считалъ своего второго сына наслѣдникомъ, но потомъ измѣнилъ свои отношенія къ нему, заключилъ его въ тюрьму, а наслѣдникомъ назначилъ внука. Но и внукъ сохранилъ за собою это званіе не болѣе 4 лѣтъ. Иванъ Васильевичъ помирился съ сыномъ; первымъ слѣдствіемъ примиренія было то, что, продолжая еще считать

*) „Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права“. И. Сергѣевичъ. Изд. 1903 г.

внука наслѣдникомъ московскаго престола, онъ назначилъ сына великимъ княземъ новгородскимъ и псковскимъ. Узнавъ объ этомъ, новгородцы и псковичи пришли въ смущеніе и отправили посольство къ Ивану Васильевичу, выражая сожалѣніе, что имъ назначенъ особый отъ Москвы князь. Они опасались, что впослѣдствіи это можетъ повести къ борьбѣ московскаго государя съ новгородскимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ посольству: „Развѣ я не воленъ въ сынѣ или внукѣ: кому хочу, тому и даю царство". Это право назначать себѣ преемника крайнее выраженіе свое получило при Петрѣ, устранившемъ единственнаго своего сына отъ престола. Неудовольствіе, которое эта мѣра вызвала въ народѣ, указываетъ, что идея наслѣдственности въ сознаніи народа имѣла тогда болѣе глубокіе корни, чѣмъ въ сознаніи императора. Итакъ, московское княженіе составляетъ отчину потомковъ великаго князя Александра Невскаго, но порядокъ преемства всякій разъ опредѣляется усмотрѣніемъ царствующаго государя".

Такимъ образомъ, въ основаніе владѣнія московскимъ престоломъ прежде всего былъ полагаемъ принципъ наслѣдственности, однако внѣ обязательныхъ условій первородства, т.-е. естественныхъ правъ первенца. Этотъ принципъ былъ уничтоженъ въ 1722 году единодержавнымъ произволомъ Петра Великаго, но возстановленъ въ 1797 г. Павломъ I, впрочемъ, въ видоизмѣненной формулѣ. Петръ I, выкинувшій изъ обихода былого московскаго самодержавія начало единенія царя съ народомъ, отказавшись отъ второго принципа, сопутствовавшаго до него самодержавію, — утвержденія послѣдняго въ каждомъ спеціальномъ случаѣ земскимъ соборомъ, преступилъ тѣмъ самымъ вѣковую историческую традицію и нарушилъ принципъ, который былъ положенъ въ избраніе его дѣда на престолъ и въ призваніе дома Романовыхъ на царство. Согласно новому закону Петра I, за царствующимъ государемъ устанавливается право назначать своимъ наслѣдникомъ кого угодно и лишить престола назначенное лицо, если оно окажется недостойнымъ. Этотъ новый порядокъ вещей, правда, сохранилъ царствующее положеніе его женѣ, но зато странѣ создалъ рядъ смутныхъ и тревожныхъ моментовъ, когда русскій престолъ сталъ подвергаться непрестаннымъ колебаніямъ и являться предметомъ честолюбивыхъ происковъ и замысловъ, ознаменовавшихся кровавыми и жестокими сценами. Павелъ I по мотивамъ личной жизни и личнаго опыта возстановилъ и узаконилъ старый обычай перехода власти по праву

„естественному“ и по принципу фамильной наслѣдственности. Согласно изданному имъ „учрежденію объ императорской фамиліи“, порядокъ перехода престола по произвольному назначенію уничтожался и устанавливался порядокъ его перехода по прямой нисходящей линіи отъ отца къ старшему сыну, „дабы государство не было безъ наслѣдника, дабы наслѣдникъ былъ назначенъ всегда закономъ самимъ, дабы не было ни малѣйшаго сомнѣнія, кому наслѣдовать“. Этотъ новый законъ возвращалъ самодержавію его историческую традицію „наслѣдственности“, но не дополнялъ его, однако, вторымъ, сопутствовавшимъ нѣкогда началомъ—началомъ санкціи престолонаслѣдія и вступленія на престолъ преемника власти голосомъ всей земли. Такимъ образомъ, и петровскій, и павловскій порядокъ престолонаслѣдія явились въ русской жизни мертвымъ актомъ съ опасными въ немъ началами династическаго захвата, недовѣрія къ землѣ и къ народу и оторваннымъ отъ послѣднихъ механическимъ способомъ осуществленія.

Вступая на престолъ, всѣ самодержцы послѣ Петра I оказывались оторванными отъ соборной земли безъ юридической увѣренности въ ея преданности, безъ формальнаго завѣренія въ этой преданности и съ исключительной опорой въ строѣ бюрократическомъ и въ военной силѣ. Отсюда гораздо болѣе слабое и неполное въ юридическомъ отношеніи значеніе самодержавія въ XVIII и послѣдующихъ столѣтіяхъ противъ такого же въ предшествовавшіе московскіе періоды, отсюда же, отчасти, постоянныя попытки къ его ограниченію и ниспроверженію, попытки, относимыя къ категоріи преступленій противъ верховной власти, но не противъ народной воли, которая остается неорганизованною и невѣдомою, а потому и не могующею дать отпоръ этимъ попыткамъ, если бы даже хотѣла это сдѣлать и въ этомъ встрѣтилась надобность.

Начало избирательное толкуется проф. В. И. Сергѣевичемъ такъ: „Въ Москвѣ, кромѣ занятія престола по завѣщанію, встрѣчаемся еще и съ избирательнымъ началомъ. Избраніе имѣло мѣсто не только въ тѣхъ случаяхъ, когда государь не оставлялъ послѣ себя наслѣдника, но и тогда, когда наслѣдники были на лицо. Такъ Алексѣй Михайловичъ былъ назначенъ отцомъ и избранъ (Котошихинъ, стр. 4 и 104). По смерти Ѳеодора Алексѣевича остались два его брата, Иванъ и Петръ, изъ которыхъ Петръ и былъ избранъ на царство. Тѣмъ необходимѣе было избраніе по прекращеніи царскаго потомства; такъ были избраны: Борисъ

Годуновъ, Василій Шуйскій, Владиславъ польскій и Михаилъ Романовъ. Въ Московской Россіи избраніе государей происходило на земскихъ соборахъ, которые по своему составу совершенно похожи на обыкновенные соборы, но по власти, которую они имѣли, хотя и временно, они весьма отъ нихъ отличаются. Созываются они, естественно, не государемъ, а боярами, къ которымъ въ этомъ случаѣ присоединялись патріархъ и высшее духовенство. Но едва нѣкоторая часть призываемыхъ съѣзжалась, дальнѣйшія мѣры о пополненіи собора принимали уже съѣхавшіеся. Главная особенность избирательныхъ соборовъ состояла въ томъ, что они, какъ дѣйствовавшіе безъ государя, до времени его избранія пользовались полною властью: они принимали всякія мѣры, необходимыя для безопасности государства, и устанавливали иногда временное правительство".

Избирательные соборы, какъ то мы знаемъ изъ исторіи избраній Шуйскаго и Владислава, признавали за собою право предлагать и условія избираемому государю. По мнѣнію Котошихина, и самодержавіе вновь избраннаго Михаила было до нѣкоторой степени ограничено „письмомъ", что онъ будетъ милосердъ и справедливъ и будетъ „мыслити о всякихъ дѣлахъ зъ бояры и зъ думными людьми сопча", но что съ Алексѣя Михайловича такого письма взято не было потому, что „разумѣли его гораздо тихимъ, и потому наивысши пишется „самодержавцемъ" и государство свое правитъ по своей волѣ. И съ кѣмъ похочетъ учинити войну и покой, и что кому по дружбѣ отдати, или какую помощь чинити, или иныя всякія великія и малыя своего государства дѣла похочетъ по своей мысли учинити, зъ бояры и думными людьми спрашиваетца о томъ мало, въ его волѣ, что хочетъ, учинити можетъ; однако, кого изъ бояръ и изъ думныхъ, и изъ простыхъ людей любитъ и жалуетъ, спрашиваетца и совѣтуетца съ ними о всякихъ дѣлахъ. А отца его, блаженныя памяти царя Михаила Ѳеодоровича, хотя „самодержцемъ" писали, однако, безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего".

Разбирая это мѣсто изъ записокъ Котошихина, проф. С. Ѳ. Платоновъ *) вполнѣ основательно доказываетъ, на основаніи сопоставленія разныхъ показаній отечественныхъ и иностранныхъ современниковъ, что всѣ утвержденія, будто власть перваго Романова была ограничена, ничѣмъ не обоснованы и покоятся на темныхъ слухахъ и непониманіи тогдашняго механизма государ-

---

*) „Лекціи по русской исторіи", стр. 263.

ственнаго аппарата. Онъ говоритъ: „На нашъ взглядъ, слухи всѣ пошли отъ того факта, что при Михаилѣ Θеодоровичѣ все рѣшалось „общимъ совѣтомъ“, чтобы крѣпче было, — въ интересахъ власти и земли. Этотъ общій совѣтъ земли, выражавшійся въ формѣ постояннаго земскаго собора, не перешелъ въ право, но оставилъ по себѣ память, которую Котошихинъ и выразилъ словами, что Михаилъ Θеодоровичъ „безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего“. Это смутное воспоминаніе выразилось у Фоккеродта, смѣшавшаго думу и соборъ: собора онъ не зналъ, но слышалъ, что дѣйствовало что-то болѣе широкое, чѣмъ дума, и назвалъ его „сенатомъ или соборомъ“. Точно также провинціалъ — Псковичъ, зная о постоянной въ его время тенденціи боярства къ ограниченіямъ и видя, что боярство забрало прежнюю волю, „емлетъ мзду“ и остается безнаказаннымъ, естественно могъ заключить, что оно теперь въ силѣ и формально. Вотъ какъ можно объяснить слухъ объ ограниченіяхъ“.

Послѣ всѣхъ доводовъ проф. Платонова можно положительно утверждать, что самодержавіе, врученное въ 1613 году народомъ Михаилу, было самодержавіемъ чистымъ, безъ тѣни на немъ, какъ то уже сказано выше, какого-либо ограниченія, именно тѣмъ самымъ самодержавіемъ, которое непрестанно идеализировали въ своихъ историческихъ изысканіяхъ и публицистическихъ статьяхъ славянофилы и которое они считали непосредственнымъ продуктомъ русской исторіи и уклада русской политической жизни.

Каково же было то учрежденіе, которому принадлежала сила голоса „всей земли“, и которое имѣло власть и право стать надъ всею землею, создавать ей укладъ государственной жизни и быть регуляторомъ въ отношеніяхъ придержащей власти къ народу?

Учрежденіе это было „земскій соборъ“, имѣющій нынѣ въ нашей ученной литературѣ рядъ цѣнныхъ изслѣдованій, посвященныхъ его происхожденію, составу, значенію, компетенціи и пр. Проф. С. Θ. Платоновъ въ сжатомъ популярномъ очеркѣ „Изъ исторіи московскихъ земскихъ соборовъ“, напечатанномъ въ общедоступномъ ежемѣсячномъ „Журналѣ для всѣхъ“ *), даетъ обозрѣніе главнѣйшей литературы о земскихъ соборахъ и, на основаніи анализа мнѣній о нихъ профессоровъ Б. Н. Чичерина, В. И. Сергѣевича, М. Ф. Владимирскаго - Буданова и

*) „Журналъ для всѣхъ“, 1905 г., № 2; о томъ же см. въ его „Лекціяхъ“ и „Очеркахъ по исторіи смуты“.

другихъ, такъ опредѣляетъ составъ и значеніе земскихъ соборовъ: „Для того, чтобы отличить земскій соборъ отъ иного рода собраній или скопищъ, надобно помнить, что соборъ слагается изъ трехъ необходимыхъ составныхъ частей. Во-первыхъ, въ составъ „совѣта всея земли" входилъ *освященный соборъ* русской церкви съ митрополитомъ, позднѣе патріархомъ, во главѣ; освященный соборъ имѣлъ свое собственное устройство и включался въ соборъ земскій, какъ отдѣльная его часть, дѣйствовавшая по своимъ привычнымъ правиламъ и подававшая свой голосъ особо отъ прочихъ группъ соборныхъ участниковъ. Во-вторыхъ, въ составъ земскаго собора включалась *боярская дума*, составлявшая постоянный совѣтъ государя и сохранявшая въ составѣ собора свое обычное устройство, свои „старину и пошлину". Дѣйствовавшая обыкновенно нераздѣльно съ монархомъ, дума участвовала съ нимъ въ занятіяхъ собора въ качествѣ руководящаго органа, не смѣшиваясь съ массою собора, а какъ бы возвышаясь надъ нею. И, въ третьихъ, въ составъ земскаго собора входили *земскіе люди*, представлявшіе собою различныя группы населенія и различныя мѣстности государства. Присутствіе этихъ земскихъ представителей было необходимо для того, чтобы освященный соборъ и дума, составлявшіе вмѣстѣ высшій правительственный совѣтъ, могли превратиться въ „совѣтъ земли". Безъ земскихъ людей „соборъ" изъ духовенства и бояръ не представлялъ собою „всю землю" и такъ не назывался; равнымъ образомъ, если въ какомъ либо совѣщаніи отсутствовала дума или освященный соборъ, то совѣщаніе это не „земскій соборъ", а нѣчто другое, чему надо сыскать другое имя. Словомъ, наличность всѣхъ трехъ указанныхъ составныхъ частей есть необходимое условіе для земскаго собора: „отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ" (слова проф. Владимирскаго-Буданова)".

Остановившись на вопросѣ, откуда взяли свой генезисъ земскіе соборы, почтенный авторъ утверждаетъ, что „ими были не вѣча, а соединенныя собранія „властей" и бояръ съ участіемъ въ нихъ приглашенныхъ со стороны постороннихъ лицъ". Прототипъ такихъ собраній обрѣтается въ древне-русскомъ собраніи іерарховъ, въ освященномъ соборѣ, который издревле былъ благоустроеннымъ, канонически-опредѣленнымъ учрежденіемъ. „Не разъ соборы іерарховъ призывались самою жизнью къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и получали государственное значеніе,—говоритъ проф. С. Ѳ. Платоновъ.—Сходясь въ такихъ

случаяхъ съ „властями“ въ одинъ совѣтъ, свѣтскіе совѣтники государя, его дума, уступали „властямъ“ первое мѣсто и подпадали дѣйствію тѣхъ порядковъ, какими былъ давно крѣпокъ соборъ „властей“. Такъ сложился типъ совмѣстныхъ совѣщаній „властей“ и думы—подъ вліяніемъ освященнаго собора. Дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ совѣщаній было признаніе въ нихъ людей изъ общества, превратившее эти совѣщанія въ земскій соборъ. Таковъ былъ наиболѣе вѣроятный генезисъ земскихъ соборовъ. Соборы не возникали внезапно, подъ давленіемъ экстренныхъ событій или подъ вліяніемъ творческой политической мысли; они развились постепенно изъ давнишней правительственной практики, изъ стараго обычая усиливать государевъ совѣтъ совѣтниками изо „всѣхъ людей“.

Первый соборъ, о которомъ имѣются достовѣрныя свѣдѣнія, состоялся въ 1566 году, и, изучая составъ какъ этого собора, такъ и послѣдующихъ, вплоть до XVII вѣка, мы видимъ, что въ нихъ засѣдали не выборные отъ земли, а нарочно для того приглашенные правительствомъ люди, и только на рубежѣ XVI и XVII столѣтій мы усматриваемъ въ нихъ начала болѣе или менѣе правильнаго народнаго представительства, и первые опыты такого представительства дало Смутное время. Необходимо отмѣтить, что рядомъ съ земскимъ соборомъ, какъ болѣе или менѣе полной и совершенной формой народосовѣтія, въ Московскомъ государствѣ получили свое развитіе и иного рода типы совѣщаній власти съ землей въ формѣ своего рода нынѣшнихъ „комиссій свѣдущихъ людей“, привлеченныхъ правительствомъ по выбору и назначенію его для сужденія по вопросамъ спеціальнымъ. Эти спеціальныя комиссіи свѣдущихъ людей работаютъ обыкновенно подъ руководствомъ боярской думы и находятся въ непосредственномъ ея вѣдѣніи. Такимъ образомъ, въ Россіи XVI и XVII столѣтій мы видимъ три ярко очерченныя формы народосовѣтія—„освященный соборъ“ іерарховъ, комиссіи свѣдущихъ людей и спеціальстовъ и, наконецъ, земскій соборъ, который уже является болѣе или менѣе полнымъ выразителемъ голоса всей земли, съ правомъ нетолько обсужденія текущихъ будничныхъ вопросовъ жизни, но и обсужденія и рѣшенія такихъ кардинальныхъ вопросовъ русскаго историческаго бытія, какъ, напримѣръ, вопроса о формѣ правленія (ограниченной монархіи или самодержавія) и вопроса династическаго, примѣры чего мы видимъ и въ соборахъ Смутнаго времени и въ знаменитомъ и наиболѣе полномъ соборѣ 1613 года, рѣшившемъ врученіе

власти дому Романовыхъ, какъ *исключительно и всецѣло дому русскаго происхожденія, и притомъ власти неограниченной, самодержавной, разумѣя ее, однако, исторически-преемственно связанной съ началомъ народосовѣтія.*

И Михаилъ Ѳеодоровичъ, и Алексѣй Михайловичъ остались вѣрны тому договорному началу, на коемъ земля вручила имъ неограниченную власть, а потому и въ жизни страны тѣхъ историческихъ періодовъ и теоретически и практически наблюдается гармонія и единство политической жизни, гдѣ государственность и земля, гдѣ народная воля, ея руководство и выполненіе находятся въ неразрывной органической связи и не становятся другъ къ другу въ отношенія враждебныя и обостренныя, какъ то мы наблюдаемъ въ періодъ новѣйшей нашей исторіи. Петръ Великій, по соображеніямъ реформаторской дѣятельности, преступилъ, какъ выше сказано, краеугольныя основы власти, созданныя соборомъ 1613 года, изданіемъ закона о престолонаслѣдіи и уничтоженіемъ начала народосовѣтія. Оба элемента, непремѣнно сопутствующіе понятію и сущности русской предержащей власти, были имъ насильственно отсѣчены, а его преемниками внесенъ сюда еще элементъ, категорически отвергнутый соборомъ 1613 года и даже имъ запрещенный, а именно элементъ инородческій, благодаря которому русскій престолъ оказался впослѣдствіи во власти людей не русскаго, а иноземнаго происхожденія, вышедшихъ изъ династій ангальтъ-цербстской и голштинской. Эта эволюція въ существѣ и понятіи самодержавія, утвержденнаго народною волею въ 1613 году, имѣла бѣдственное значеніе и послѣдствія въ исторической жизни Россіи, отдѣливъ и устранивъ царя отъ народа и создавъ между ними искусственную среду бюрократіи, чуждую народу и часто недобросовѣстную въ отношеніи верховной власти, что особенно рельефно и рѣзко выразилось въ эпоху временщиковъ и фаворитовъ и въ тѣ годы русской смуты и общаго шатанія, когда въ этомъ единеніи чувствовалась особенная нужда для созданія въ Россіи спокойной и мощной жизни, на благо всѣхъ классовъ населенія и всѣхъ народовъ, въ ней обитающихъ.

Послѣдній земскій соборъ состоялся въ 1682 году, по смерти царя Ѳеодора Алексѣевича въ цѣляхъ утвержденія на прародительскомъ престолѣ его младшаго брата Петра Алексѣевича; съ тѣхъ поръ земскіе соборы на Руси не повторяются—о нихъ стараются въ послѣдніе періоды не вспоминать, и даже запрещается о нихъ говорить, такъ что даже самыя слова „земскій

соборъ“ начинають казаться подозрительными и опасными; но идея ихъ продолжала жить въ памяти народной, и именно среди тѣхъ представителей народа, которые по тѣмъ или инымъ соображеніямъ не удовлетворялись существующимъ строемъ и порядкомъ вещей и пытались къ возрожденію этого отошедшаго было въ даль исторіи государственнаго института найти для страны средство и способъ освобожденія отъ давящихъ ее золъ и бѣдствій.

Время царствованія Михаила Ѳеодоровича было временемъ напряженной государственной дѣятельности въ сферѣ упорядоченія общихъ условій русской жизни, пришедшей въ полное разстройство въ предшествовавшую смутную эпоху. Это было время добросовѣстной будничной работы со стороны администраціи и успокоенія народныхъ страстей: взбудораженныя соціальныя и политическія стихіи вошли въ свои границы, и мы не видимъ на протяженіи періода, съ 1613 по 1645 годъ, никакахъ особенно бурныхъ и острыхъ проявленій этихъ страстей. Имъ суждено было вспыхнуть въ послѣдующее царствованіе— Алексѣя Михайловича, и притомъ съ мѣстомъ ихъ развитія не въ центральныхъ великорусскихъ областяхъ, а на рубежныхъ окраинахъ—на берегахъ великой Волги и тихаго Дона, откуда, разгорѣвшись широкимъ огненнымъ пламенемъ, страсти эти грозили перекинуться въ Москву и испепелить все Московское царство.

Двѣ главнѣйшія задачи были положены въ основаніе внутренней политики Михаила Ѳеодоровича — борьба съ административными злоупотребленіями и поднятіе экономическаго благосостоянія страны. При выполненіи этой программы московскими правительственными людьми руководилъ, можетъ быть, сознательно, а, можетъ, и безсознательно, одинъ принципъ: все должно быть по старинѣ, такъ какъ было при прежнихъ царяхъ. Рукодясь этимъ, они ничего не хотѣли реформировать и вновь учреждать: возстановляя государство послѣ смуты, они шли къ старымъ образцамъ и дѣйствовали старыми средствами, но, слѣдуя такому методу, „московское правительство ни цѣлей своихъ не достигло вполнѣ, ни принципа своего не провело строго,—говоритъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ *). Возвращаясь къ старинѣ и возстановляя весь старый механизмъ управленія, московскіе люди не думали что либо мѣнять и вмѣстѣ съ тѣмъ

*) „Лекціи по русской исторіи“.

измѣнили многое. Такого рода перемѣны произошли, например, въ областномъ управленіи, гдѣ правительство болѣе или менѣе систематически вводило воеводъ, такъ что воеводская власть изъ власти временной становится постоянною и вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскою властью. Далѣе, держась по старому помѣстной системы, торопясь привести въ порядокъ помѣстныя дѣла, упорядочить службу, правительство все болѣе и болѣе прикрѣпляетъ крестьянъ, „чего при старыхъ великихъ государяхъ не было“. Съ другой стороны, давая первенствующее значеніе служилому классу, все болѣе и болѣе обезпечивая его положеніе, мало-помалу приходятъ къ сознанію неудобства и несостоятельности дворянскихъ ополченій, въ виду чего и заводится иноземный ратный строй, „рейтарскіе полки“. Примѣръ воинской реформы показываетъ, что хотя внутренняя политика Михаила была по идеѣ консервативною, по результатамъ же оказалась реформаціонной. Объясненіе этому усматривается въ томъ, что „смута“ внесла въ общественную жизнь и ея отношенія много такихъ перемѣнъ, которыя дѣлали невозможнымъ поворотъ къ старому, создавъ между прочимъ, и исключительное положеніе въ государственныхъ дѣлахъ: земскій соборъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ явился существеннымъ элементомъ государственнаго управленія, такъ что власть государя стояла на ряду съ властью и волею всей Русской земли: всѣ важныя государственныя дѣла рѣшались по царскому указу и соборному уложенію.

Послѣдующій періодъ—время царствованія Алексѣя Михайловича — нѣсколько отличествуетъ по значенію и результатамъ внутренней политики отъ періода предшествовавшаго: мы видимъ необыкновенную, по сравненію съ прошедшими временами, интензивность этой политики, когда дѣлаются попытки разрѣшить, и на самомъ дѣлѣ разрѣшается рядъ юридическихъ и экономическихъ вопросовъ, при чемъ это разрѣшеніе совершается главнымъ образомъ не столько на основаніи элемента народосовѣтія, сколько народныхъ челобитенъ, подаваемыхъ сословными и спеціальными группами населенія. Изъ этого явленія выясняется, что государство окрѣпло, и что сила власти переноситъ центръ своей тяжести съ „земли“ на бюрократію, которая съ этого времени начинаетъ брать верхъ надъ представителями и сынами земской Россіи. Кипучая законодательная дѣятельность правительства и въ области свѣтскихъ дѣлъ, и въ области церковныхъ, хотя и отличалась искреннимъ желаніемъ народной пользы, тѣмъ не менѣе не вносила въ жизнь страны полнаго успокоенія и по-

рядка, который снова понемногу начинаетъ разрушаться, что выражается рядомъ волненій и бунтовъ и мѣстнаго и общегосударственнаго значенія и характера. „Такого рода волненія,— говоритъ г. Платоновъ,—происходили два раза въ Москвѣ, затѣмъ въ Устюгѣ, Сольвычегодскѣ, Новгородѣ, Псковѣ, и въ этихъ волненіяхъ дѣйствовало вездѣ городское населеніе, „посадскіе людишки“ вездѣ являются на первомъ планѣ. Нѣсколько другимъ характеромъ отличались позднѣйшие безпорядки, въ которыхъ дѣйствовали другіе общественные элементы, хотя одни мотивы руководили тутъ и тамъ (всѣ волненія того времени исходили болѣе или менѣе изъ экономической неудовлетворенности). Мы говоримъ о бунтѣ Стеньки Разина. Бунтъ этотъ былъ чрезвычайно силенъ и серьезенъ и, кромѣ того, отличался значительно отъ предыдущихъ волненій,—тѣ имѣли характеръ мѣстный, между тѣмъ какъ бунтъ Разина имѣетъ уже характеръ общегосударственной смуты. Онъ явился результатомъ не только неудовлетворительности экономическаго положенія, какъ это было въ прежнихъ безпорядкахъ, но и результатомъ недовольства всѣмъ общественнымъ строемъ. Прежнія волненія не имѣли опредѣленныхъ программъ, они просто направлялись противъ лицъ и ихъ административныхъ злоупотребленій, между тѣмъ какъ разинцы, хотя и не имѣли ясно сознанной программы, но шли противъ „боярства“, не только какъ администраціи, но и какъ важнаго общественнаго слоя; государственному строю они противопоставляли казачій. Точно также и люди, участвовавшіе въ возстаніи, были не той среды: здѣсь уже не было, какъ раньше, на первомъ планѣ городское тяглое населеніе. Движеніе началось въ казачествѣ, затѣмъ передалось крестьянству и только отчасти городскимъ людямъ—посадскимъ и низшимъ служилымъ людямъ“.

Н. И. Костомаровъ въ своей монографіи „Бунтъ Стеньки Разина“ *) со свойственными ему блескомъ и сочностью пера опредѣляетъ слѣдующій генезисъ этого соціально-политическаго мятежнаго движенія. Онъ усматриваетъ здѣсь главнымъ образомъ вѣковую борьбу народоправленія съ единодержавіемъ, воли всего народа съ недвижимымъ учрежденіемъ, борьбу удѣльно-вѣчевого начала съ московскою формою государственнаго правленія. Онъ говоритъ: „Старое удѣльно-вѣчевое начало Руси облеклось теперь въ новый образъ: то было казачество. Въ лицѣ Ермака

*) „Историческія монографіи и изслѣдованія“, т. II, изд. 1883 г.

оно показало Грозному, чего можно ожидать отъ него. Между тѣмъ по смерти Грознаго явился въ Москвѣ новый борецъ единодержавія—Борисъ Годуновъ. Онъ нанесъ старому врагу новыя раны введеніемъ кабаковъ и крѣпостного права. Зато и старый врагъ отмстилъ этому борцу: онъ ниспровергъ его тронъ; ворвавшись въ Россію въ образѣ казачества, покрылъ ее развалинами и кровью, повелъ Русь до ограниченнаго избранія Владислава, до соединенія съ Польшею, до полугодичнаго правленія посредствомъ земскаго собора... Далѣе итти онъ не могъ: у него не хватало силъ, когда дѣло шло объ устройствѣ на завоеванномъ полѣ; единодержавіе опять взяло надъ нимъ верхъ избраніемъ Михаила Ѳеодоровича, но принуждено было купить свое торжество значительными уступками старому врагу, который показывалъ громко, что онъ еще не при послѣднемъ издыханіи, а долженъ признать себя побѣжденнымъ только отъ неумѣнья продолжать войну. Вражда между ними, однако, была на смерть и не могла окончиться какими нибудь взаимными уступками. Едва торжествующая теперь сторона укрѣпилась, какъ тотчасъ же начала уничтожать всѣ уступки, данныя во время тяжкой битвы; она вытѣснила вліяніе противника и усиленіемъ власти воеводъ, составленіемъ уложенія, и строжайшимъ укрѣпленіемъ крестьянъ, и образованіемъ регулярнаго войска. Старый врагъ, между тѣмъ, казалось, болѣе и болѣе молодѣлъ въ казацкой одеждѣ. Нѣсколько разъ соперники подавали другъ другу руку, сохраняя въ душѣ злобу, бросали одинъ другому ласковыя увѣренія, думая, какъ бы уничтожить одинъ другого съ корнемъ и заводомъ; наконецъ, улучивъ удобное время, побѣжденный столько разъ старикъ отважился на открытый бой. Сталъ у него борецъ Стенька Разинъ".

Бунтъ Разина оставилъ глубокій слѣдъ въ родной памяти и народномъ чувствѣ, что, между прочимъ, выразилось и въ рядѣ пѣсенъ, которыя народъ сложилъ въ честь Разина, и въ рядѣ наименованій, которыми тотъ же народъ окрестилъ многія живописныя мѣстности на Волгѣ, гдѣ народный разбойникъ-герой имѣлъ пребываніе, гдѣ онъ останавливался въ своихъ походахъ, гдѣ пировалъ и грабилъ. Въ программѣ его бунта, во всемъ его личномъ поведеніи, въ его наружности—все соединилось, чтобы дать богатую пищу народному творчеству и наложить печать разгульной поэзіи на всѣ его похожденія и дѣйствія. Никогда, ни до него, ни послѣ, до нашихъ дней включительно, никто изъ живыхъ историческихъ достовѣрныхъ людей въ такой сте-

пени не являлся героемъ народной поэтической думы, народнаго чувства, какъ этотъ казакъ-анархистъ, несшій за собою по пути своего разбойничьяго движенія слѣды крови и разрушенія. Подобно Болотникову, и онъ въ основаніи своей программы дѣйствій имѣлъ въ виду анархію, тотъ соціальный и экономическій кавардакъ, который долженъ разразиться по всей Россіи, послѣ чего все уже само собою образуется и создастся новый общественный строй. Но при этомъ Разинъ не посягалъ въ своей проповѣди разрушенія на политическій принципъ, положенный въ уголъ русской государственности; ни на самодержавіе, ни даже на личность Алексѣя Михайловича. Онъ не искалъ союза съ врагами Россіи, не измѣнялъ ей, а лишь объявилъ себя врагомъ боярства, какъ власти бюрократической, и дворянства, какъ представителей крупной земельной собственности и рабовладѣльцевъ. Его кличъ былъ кличемъ свободы, разгульной и необузданной, его призывъ былъ призывомъ о довѣріи къ царю, но съ ненавистью къ тѣмъ слоямъ, которые стояли между самодержавцемъ и народомъ. Психологія его программы какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала настроенію той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ, отвѣчала народнымъ политическимъ идеаламъ—союзу царя съ народомъ—и инстинктамъ собственности и воли, которыя были тогда ограничены, подавлены и порабощены. Отсюда его успѣхъ въ массѣ, отсюда—память о немъ въ народной поэзіи, передавшей даже свои мотивы и свои настроенія поэзіи книжной, искусственной.

Захвативъ въ плѣнъ стрѣльцовъ, онъ говорилъ имъ: „Вы бьетесь за измѣнниковъ бояръ, а я съ своими казаками сражаюсь за великаго государя“. Сидя съ иноземцами за столомъ, онъ поднимаетъ первую чару „за здравіе его царскаго величества, великаго государя“. Признавая для себя въ принципѣ возможнымъ принести повинную царю во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ, убійствахъ и грабежахъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ грозитъ, что когда явится въ Москву, то сожжетъ „всѣ дѣла на верху у государя“, т.-е. тѣ приказныя дѣла, которыя ведутся и правятся боярствомъ и приказными, какъ инстанціями бюрократическаго порядка, а слѣдовательно враждебными, по его толкованію, правамъ и интересамъ народа.

Вся программа Разина была какъ нельзя болѣе по плечу и вкусу, какъ казакамъ-голотьбѣ, такъ и низшимъ слоямъ земщины, которые пристаютъ къ казакамъ и вмѣстѣ поднимаются „за царя и противъ бояръ“. Изъ такого союза родилось море крови и

огня, которое заливаетъ Поволжье, Пріуралье, Донскія области и подходитъ своими волнами даже къ московскимъ границамъ, угрожая обратить всю имущую и правящую Россію въ груду мертвыхъ тѣлъ, а ея собственность и вотчины въ кучу развалинъ и пепла. Юрій Барятинскій—своимъ регулярнымъ войскомъ первый нанесъ Разину рѣшительный ударъ, послѣ чего слава чародѣя-разбойника погасла, престижъ его въ народѣ и среди казаковъ палъ, и онъ погибъ въ Москвѣ на плахѣ, выданный своими же сообщниками. Но память о немъ въ народѣ не исчезла и сожалѣніе о его гибели еще долго жило среди казаковъ, распѣвавшихъ въ своихъ пѣсняхъ:

Помутился славный тихій Донъ
Отъ Черкаска до Чернаго моря!
Помѣшался весь казачій кругъ!
Атамана болѣ нѣтъ у насъ,
Нѣтъ Степана Тимоѳеевича,
По прозванью Стеньки Разина!
Поймали добра-молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову!

Костомаровъ передаетъ любопытную легенду, которую ему лично пришлось слышать, и которая свидѣтельствуетъ, насколько память о Разинѣ была живуча въ народѣ даже въ его еще время. „За городомъ Царицынымъ,—повѣствуетъ онъ,—въ степной деревнѣ жилъ, а, можетъ быть, и теперь живетъ стодесятилѣтній старикъ, и глухой и слѣпой, и чуть движется, и трудно съ нимъ говорить: надобно на ухо кричать во все горло; но онъ сохранилъ память и воодушевляется, когда вспомнитъ старыя времена. Онъ собственными глазами видалъ Пугачева. „Тогда—говорилъ онъ—иные думали, что Пугачевъ-то и есть Стенька Разинъ; сто лѣтъ кончились, онъ и вышелъ изъ своей горы“. Впрочемъ, самъ старикъ не вѣритъ этому; зато вѣритъ вполнѣ, что Стенька живъ и придетъ снова. „Стенька (говоритъ онъ) это мука мірская! это кара Божія! Онъ придетъ! Ему нельзя не притти. Передъ суднымъ днемъ придетъ. Охъ! тяжкія настанутъ времена... Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!“

Эта легенда характерна: народъ допускаетъ возможность повторенія кроваваго разгула Стеньки Разина, того соціальнаго и экономическаго разгрома, который нѣкогда учинилъ на Руси

этотъ казакъ-анархистъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ полагаетъ, что не только время этого разгула придетъ, но непремѣнно явится и герой анархіи, безъ котораго послѣдняя какъ бы даже не мыслится. Широкое народное движеніе требуетъ и своего главнаго коновода, вожака, героя, вооруженнаго всѣми аттрибутами этого геройства.

Московское правительство подавило, хотя и не сразу, народное движеніе, созданное Стенькою Разинымъ, Донское казачество принесло московскому царю повинную и вмѣстѣ съ тѣмъ присягнуло ему на вѣрность. Текстъ присяги очень любопытенъ, какъ документъ, который на протяженіи почти 60 лѣтъ повторяетъ мотивы народной воли и мысли, прозвучавшіе такъ ярко на земскомъ соборѣ 1613 г., и на составные элементы которыхъ было указано выше. Главныя статьи присяги *) заключались въ томъ, „чтобы старшинамъ и казакамъ всѣ открывшіяся на Дону возмущенія и тайные заговоры противу государя и отечества въ то же время укрощать, главныхъ заговорщиковъ присылать въ Москву, а ихъ послѣдователей по войсковому праву казнить смертію, если же кто изъ нихъ въ нарушеніи этой присяги, измѣня государю и отечеству, начнетъ ссылаться съ непріятелями своего отечества, или съ поляками, нѣмцами или татарами, съ таковыми предателями, не щадя жизни своей, сражаться, самимъ къ таковымъ злоумышленникамъ не приставать и даже не помышаять о томъ, съ калмыками дальнѣйшихъ сношеній не имѣть, кромѣ увѣщаній служить государю съ казаками вмѣстѣ; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить, никого не грабить и не убивать и во всѣхъ дѣлахъ ложно не показывать. На здравіе государя и всей его царской фамиліи не посягать, и, кромѣ его величества государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и всея Россіи самодержца, другого государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другихъ земель царей и королей или принцевъ иноземныхъ и россійскихъ, на царство всероссійское никого не призывать и не желать, а ежели услышатъ или узнаютъ на государя и всю его царскую фамилію скопъ или заговоръ или другой какой умыселъ, возникшій у россіянъ или у иноземцевъ, и съ такими злоумышленниками, не щадя жизни своея, биться“.

Въ текстѣ этой присяги проведена мысль не только о неприкосновенности особы самодержца, но и всей его семьи, его

*) „Историческое описаніе земли войска Донскаго“, 1869 г., т. I.

фамилій; кромѣ того, подчеркнуто національное происхожденіе этой семьи—она обязательно должна быть природно-русская, и жителямъ страны строжайше воспрещается обращать свои взоры на представителей иноземныхъ родовъ и принцевъ иностраннаго происхожденія.

Раскаты Стенькинаго грома стихли не сразу, и его бывшіе сотоварищи и единомышленники дѣлали нѣкоторыя попытки продолжать смуту въ Русскомъ государствѣ, хотя уже не по той программѣ, которая была выдвинута и создана прародителемъ этого періода кровавой смуты. Послѣ пораженія Стеньки Разина и его сподвижника Ѳедора Шелудяка подъ Симбирскомъ ихъ полчища были разсѣяны и обращены въ бѣгство; въ числѣ бѣжавшихъ былъ донской казакъ, по прозванію Міусскій. Этотъ Міусскій, потерпѣвъ неудачу въ своихъ грабительскихъ и разбойничьихъ похожденіяхъ на берегахъ Донца, долженъ былъ отсюда скрыться и вскорѣ объявился въ Запорожской Сѣчи въ роли покровителя якобы изгнаннаго и обиженнаго сына государева, на каковую роль имъ былъ подысканъ молодой юноша, по имени Матвѣй. Вотъ съ этимъ-то Матвѣемъ онъ и представился кошевому атаману, убѣждая принять своего спутника, наименованнаго имъ царевичемъ Симеономъ Алексѣевичемъ, подъ покровительство Сѣчи Запорожской. Міусскій въ подробностяхъ разсказалъ вымышленную имъ исторію про Симеона Алексѣевича, при чемъ объявилъ за тайну кошевому атаману, что у царевича на правомъ плечѣ и рукѣ есть знакъ, изображающій царскій вѣнецъ, двуглаваго орла и мѣсяцъ со звѣздою.

Здѣсь впервые выступаетъ со всею яркостью народная легенда о непремѣнномъ нахожденіи на тѣлѣ у представителей царскаго дома символовъ власти: вѣнца, орла и звѣзды, безъ которыхъ народъ какъ бы даже и не признаетъ возможности царскаго бытія. Эмблемы власти играютъ въ представленіи народа необыкновенно большую роль: когда духовенство читаетъ царскія грамоты къ народу во время Разинскаго возмущенія, коноводы бунта спѣшатъ возвѣстить, что грамоты поддѣльныя—на настоящей грамотѣ должна быть большая красная царская печать; лже-Симеонъ доказываетъ свое царственное происхожденіе золотушными пятнами на тѣлѣ, толкуя ихъ, какъ природные символы власти. Въ позднѣйшемъ бунтѣ Пугачева эти природные символы играютъ тоже рѣшающую роль, какъ равно специально-царскими особенными золотыми грамотами въ періодъ революціонной агитаціи въ семидесятыхъ годахъ прошлаго сто-

лѣтія представители этой агитаціи дѣлаютъ попытки поднять народъ въ юго-западномъ краѣ и дѣйствительно поднимаютъ его противъ помѣщиковъ и административной власти. Такимъ образомъ, царская власть, эмблемы царской власти, царственность разныхъ грамотъ, становятся съ теченіемъ времени лучшимъ средствомъ возмущенія народа, при чемъ въ каждомъ спеціальномъ и отдѣльномъ случаѣ вожаки народнаго движенія, въ интересахъ своего авторитета и легчайшаго способа достиженія намѣченной цѣли, рѣзко раздѣляютъ царское отъ боярскаго, дворянскаго и чиновничьяго, противопоставляя оба эти начала одно другому. Царь—другъ народа, это власть демократическая, народная, идеальная; чиновники (малый или большой, все равно), сановники и люди капитала и денежной власти—враги народа, стремящіеся всегда отдѣлять царя отъ народа, стать между ними, закабаляя своимъ вліяніемъ и своею неправдою оба главнѣйшіе элемента государственнаго бытія Россіи—и царя и народъ. Призывая народъ на защиту царя и противъ представителей административнаго и бюрократическаго начала, призывая народъ и рабочихъ на защиту ихъ соціальныхъ и экономическихъ правъ, большинство руководителей революціонныхъ движеній до второй половины XIX вѣка, когда въ програмѣ дѣйствій, какъ это видно будетъ далѣе, совершился переломъ, главнымъ образомъ пользуются для успѣха своей проповѣди въ массѣ исконною вѣрою и любовію народными къ престижу самодержавной власти.

Авантюра лже-Симеона успѣха не имѣла, казачье войско за него не поднялось, и онъ былъ впослѣдствіи четвертованъ въ Москвѣ. Во всемъ этомъ эпизодѣ вообще мы видимъ очень слабыя начала организаціи проектированнаго возмущенія и исполненія его: тутъ звучатъ и мотивы, почерпнутые по свѣжимъ еще слѣдамъ изъ Смутнаго времени, и мотивы изъ програмъ Болотникова и Разина, при отсутствіи, однако, въ самомъ замыслѣ характерной личности героя-исполнителя, хотя и при наличности обычныхъ аксессуаровъ и при отсутствіи необходимыхъ широко поставленныхъ соціальныхъ и экономическихъ обоснованій для народнаго движенія. Инцендентъ съ лже-Симеономъ не былъ собственно послѣднимъ эпизодомъ въ серіи смутныхъ событій на Дону—волненія тутъ бывали не рѣдки, но въ нихъ мы уже не видимъ элементовъ програмнаго свойства для большого бунта. С. М. Соловьевъ передаетъ одинъ характерный эпизодъ, гдѣ усматривается, какъ даже при царевнѣ Софіи была сдѣлана попытка поднять Донъ, при чемъ средствомъ возмущенія было

пользованіе все тѣмъ же царскимъ словомъ. Когда Голицынъ принялся разслѣдовать на Дону тамошнія смуты, затѣянныя какимъ-то воромъ-чернецомъ Іосифомъ, то посланному разсказывали, что письмо (прокламація) вора писано отъ имени Іоанна Алексѣевича, гдѣ онъ приказываетъ казакамъ итти въ Москву, будто бояре его, государя, не слушаютъ и не воздаютъ ему достойной чести, и другія многія непристойныя слова, которыхъ нельзя и сказать, да на патріарха и на архіереевъ написаны также многія непристойныя слова; печать у письма красная, но не государская, должно, монастырская. Мѣстное начальство разубѣждало казаковъ въ подлинности прокламаціи, при чемъ главныя основы доводовъ были формальнаго характера: настоящихъ государевыхъ печатей на письмѣ нѣтъ, и прислано последнее не съ знатною особою, а съ какимъ-то невѣдомымъ чернецомъ.

Когда посланецъ Голицына послѣ разслѣдованія уѣзжалъ, то знатные казаки ему тайно говорили: „Доложи князю Василью Васильевичу Голицыну, что все воровство идетъ у насъ на Дону отъ воровъ раскольниковъ, которые у насъ живутъ по Хопру и Медвѣдицѣ, а именно: отъ старца Антонія и Пафнутія и отъ лица ссыльныхъ, которые сбѣжали на Донъ изъ украинскихъ городовъ". Содержаніе этого тайнаго доноса вводитъ въ тогдашнюю исторію русскихъ смутъ и возмущеній новый элементъ — раскольниковъ, силу консервативную, мрачную и озлобленную, которая впослѣдствіи, при Екатеринѣ II, создала правительству страшныя затрудненія и потрясла весь русскій государственный строй кровавой народной расправой Емельяна Пугачева, этого протеже раскольниковъ, консервативныхъ элементовъ былой московской старины и казацкой вольницы, которые, дружно и тѣсно сплотившись подъ самозваннымъ знаменемъ самодержавія, ринулись на правительство Екатерины и обратили чуть ли не полъ-Россіи въ груду пепла и мертвыхъ тѣлъ.

ГЛАВА II.

Петръ I.—Башкирскій бунтъ.—Астраханскій бунтъ.—Прокламація временнаго правительства г. Астрахани.—Возстаніе Кондратія Булавина.—Самодержавіе Петра I.—Законъ о престолонаслѣдіи.—Вступленіе на престолъ Екатерины I.—„Злоключительный интервалъ между государемъ и правительствомъ".—Бюрократія и войско—главные устои русскаго престола.—Петръ II.

Сгущая мрачныя краски для характеристики личности великаго преобразователя Россіи и всего дѣла его реформы, Н. И. Костомаровъ въ монографіи „Петръ Великій" *) говоритъ: „Петру помогло болѣе всего его самодержавіе, унаслѣдованное имъ отъ предковъ. Онъ создаетъ войско и флотъ, хотя для этого требуется безчисленное множество человѣческихъ жертвъ и плодовъ многолѣтняго народнаго труда,—все приносится народомъ для этой цѣли, хотя собственно народъ этого ясно не понимаетъ и потому не желаетъ; все приносится оттого, что такъ хочетъ царь. Налагаются неимовѣрные налоги, высылаются на войну и на тяжелыя работы сотни тысячъ молодого здороваго поколѣнія для того, чтобъ уже не возвратиться домой. Народъ разоряется, нищаетъ, зато Россія пріобрѣтаетъ моря, расширяетъ предѣлы государства, организуется войско, способное мѣряться съ сосѣдями. Русскіе издавна привыкли къ своимъ стариннымъ пріемамъ жизни, они ненавидѣли все иноземное; погруженные въ свое внѣшнее благочестіе, они оказывали отвращеніе къ наукамъ. Самодержавный царь заставляетъ ихъ одѣваться по-иноземному, учиться иноземнымъ знаніямъ, пренебрегать дѣдовскими обычаями, и, такъ сказать, плевать на то, что прежде имѣло для всѣхъ ореолъ святости. И русскіе пересиливаютъ себя, повинуются, потому что такъ хочетъ ихъ самодержавный царь".

Въ этой картинѣ, нарисованной далеко нелюбящей рукой, чрезвычайно, однако, мѣтко и вѣрно выдвинута художникомъ-историкомъ волевая сторона дѣятельности великаго реформатора: она явилась тѣмъ живымъ насосомъ, который энергично выкачивалъ изъ страны и народа ихъ силу, способность и мощь, въ интересахъ государственности, ея крѣпости и военной обо-

*) „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей", выпускъ шестой, изд. 1876 г.

роны; въ этихъ-то интересахъ вся страна была залита кровью и наполнена борьбою, при чемъ эта борьба шла не изъ нѣдръ народныхъ къ подножію престола, а въ обратномъ направленіи. Поэтому, если утвержденіе профессора С. Ѳ. Платонова *), что „реформы Петра по своему существу и результатамъ не были переворотомъ; Петръ не былъ „царемъ революціонеромъ“, какъ его иногда любятъ называть“,—и можетъ быть признано справедливымъ, то только съ оговоркою: настоящей революціи дѣйствительно не было въ смыслѣ кореннаго видоизмѣненія конструкціи старо-московскихъ государственныхъ учрежденій и ихъ содержанія или народной экономики, но способы осуществленія тѣхъ или иныхъ предначертаній были несомнѣнно революціоннаго характера и свойства; однако страна была такъ обезсилена волевымъ напряженіемъ дѣятельности верховной власти, что рѣшительно не имѣла силъ для какой либо сложной и серьезной активной оппозиціи начинаніямъ этой власти, хотя самимъ начинаніямъ въ большинствѣ случаевъ и въ большей своей части положительно не сочувствовала. Поэтому въ царствованіе Петра I, послѣ устраненія Софіи Алексѣевны отъ власти, не встрѣчается какого либо широкаго народнаго движенія съ характеромъ *общегосударственной* смуты, которое бы серьезно грозило политическимъ и соціально-экономическимъ основамъ государственнаго уклада, какъ это было, напримѣръ, въ смутную эпоху или въ дни возстанія Разина, хотя поводовъ и побудительныхъ причинъ для такого движенія было немало. Впрочемъ, въ интересахъ полноты картины русскихъ годовъ смуты необходимо отмѣтить „злой“ бунтъ башкиръ въ 1708 г., возстаніе казака Булавина и стрѣлецкія смуты.

Башкирскій бунтъ, разыгравшійся въ 1708 году и окончательно исчерпанный правительствомъ Петра только черезъ три года, относится къ категоріи тѣхъ издавна знакомыхъ Россіи возстаній азіатскихъ кочевниковъ, которые были крѣпко захвачены русскою государственностью и къ ней пріобщены. Эти хищники Азіи медленно отходили передъ напоромъ на нихъ московскихъ людей въ глубь родины Тамерлана, съ боемъ и борьбою уступая свои дѣвственныя пастбища подъ распашку великорусской сохи и бороны. Эти въ свое время два лучшихъ орудія отечественной военно-земледѣльческой колонизаціонной системы на востокѣ были неизмѣнными спутниками окровавлен-

*) „Лекціи по русской исторіи.“

наго меча, который прокладывалъ имъ дорогу и, такъ сказать, сдабривалъ человѣческой кровью ту почву, по которой впослѣдствіи пролегали великорусскія борозды съ тучными на нихъ посѣвами и обильною жатвою. Эта борьба кочевого азіатскаго начала съ культурно-земледѣльческимъ, доставшаяся московской Руси по наслѣдству отъ очень глубокаго времени, перешла и въ новѣйшій періодъ нашей исторіи, омрачила, между прочимъ, страницы царствованій Петра I и Екатерины II, проникла даже въ XIX вѣкъ, и на нашей памяти какъ бы напомнила о себѣ мгновенной, но яркой вспышкой Андижанскаго возстанія. Всѣ эти инородческіе бунты и движенія на востокѣ, то болѣе, то менѣе напряженные и длительные, имѣютъ свою особую, поучительную и сложную исторію, послѣднее слово которой еще далеко не сказано, и которой, быть можетъ, еще придется громко и грозно прозвучать, когда наступитъ моментъ новаго движенія народовъ опять съ востока на западъ, которое пророчески предсказываютъ нѣкоторые наши публицисты, какъ, напримѣръ, покойный Владимиръ Соловьевъ, и въ возможность которой въ видѣ „желтой опасности“ вѣрятъ такія выдающіеся политическіе дѣятели Западной Европы, какъ германскій императоръ Вильгельмъ II. Башкирскій бунтъ обошелся Россіи недешево: всего въ Казанскихъ и Уральскихъ уѣздахъ было пожжено и разорено селъ и деревень 303, людей погибло и отведено въ плѣнъ 12.705 человѣкъ.

Но не успѣло правительство Петра I справиться съ башкирами, какъ вниманіе его было приковано снова къ берегамъ тихаго Дона, гдѣ объявился въ миніатюрѣ второй Разинъ, во образѣ бахмутскаго атамана изъ трехъизбенскихъ казаковъ, Кондратій Булавинъ. Возстаніе послѣдняго нѣсколько запоздало во времени, а разыграйся оно одновременно съ Астраханскимъ бунтомъ 1705 года, и совпади оно съ разгаромъ башкирскаго бунта,—оно могло бы принять несомнѣнно очень широкіе размѣры, пожалуй, превзошло бы по интенсивности кровавый разгулъ Стеньки Разина и приблизилось бы по значенію и характеру къ кровавой бойнѣ Пугачева.

Астраханскій бунтъ вспыхнулъ на почвѣ оппозиціи новшествамъ и реформамъ Петра I, былъ подогрѣтъ и раздутъ раскольниками и остатками стрѣлецкихъ людей и окутанъ атмосферою сплетни и нелѣпыхъ вымысловъ. Въ основу этого момента русской смуты не было заложено глубокихъ соціальныхъ и экономическихъ импульсовъ, въ немъ не было мало-мальски

правильно организованнаго военнаго начала, онъ не выставилъ рѣзко и ясно опредѣленныхъ требованій и не выдѣлилъ изъ себя настоящаго героя и вожака, который бы сумѣлъ дать ему движеніе и направленіе. Поэтому, хотя въ Астраханскомъ бунтѣ 1705 г. до нѣкоторой степени и сконцентрировались отрицательныя вѣянія тогдашней русской дѣйствительности, но эта концентрація явилась очень слабою и недостаточною притягательною для прочихъ элементовъ возможной окраинной оппозиціи. Всего лучше соображенія къ проявленію недовольства выразились въ словахъ одной стрѣльчихи, такъ формулировавшей свои жалобы *): „Стрѣльцовъ всѣхъ разорили, разослали съ Москвы, а въ мірѣ стали тягости, пришли службы, велятъ носить нѣмецкое платье, а при прежнихъ царяхъ этого ничего не бывало; стрѣльцовъ разорили, платье перемѣнили, и тягости въ мірѣ стали потому, что на Москвѣ перемѣнный государь: какъ царица Наталья Кирилловна родила царевну, и въ то же время боярыня или боярышня родила сына, и того взяли къ царицѣ“. Когда астраханскіе бунтари убили воеводу Ржевскаго и на мѣсто его избрали трехъ своихъ ставленниковъ, въ числѣ которыхъ одинъ былъ раскольникомъ, то ими была издана грамота (прокламація) къ народу, гдѣ говорилось **): „Стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что къ церквамъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ русскомъ старомъ платьѣ не пущали, а которые въ церковь Божію ходили, и того платье обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и выбивали вонъ, и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ, и дѣтямъ чинили воеводы и начальные люди, и болваннымъ кумирскимъ богамъ они, воеводы, начальные люди, поклонялись и насъ кланяться заставливали. И мы за вѣру христіанскую стали и чинить того, что болванамъ кланяться, не хотѣли. И они, воеводы и начальные люди, по карауламъ хотѣли у караульныхъ служилыхъ людей ружья отобрать, а у иныхъ отобрали и хотѣли насъ побить до смерти; а мы у начальныхъ людей въ домахъ вынули кумирскихъ боговъ. Да въ прошломъ 1704 году на насъ брали банныхъ денегъ по рублю, да съ насъ же велѣно брать съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, да у насъ же хлѣбное жалованье безъ указу отняли. И мы о томъ долгое время терпѣли, и, по-

---

*) С. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшаго времени“, т. XV.
**) Тамъ же.

совѣтовавъ между собою, мы, чтобъ намъ вѣры христіанской не отбыть и болваннымъ кумирскимъ богамъ не покланяться, и напрасно смертію душою съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть и за то, что стала намъ быть тягость великая, и мы, того не могучи терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и воеводу Тимоѳея Ржевскаго и изъ начальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ. Да намъ же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и отъ иныхъ всякихъ чиновъ людей, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены нѣмцы по два и по три человѣка на дворы и тамошнимъ жителямъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ чинили утѣсненія и ругательство".

Эта обстоятельная прокламація, составленная „временнымъ правительствомъ" г. Астрахани, удачно формулируетъ мотивы тогдашняго народнаго недовольства и отлично характеризуетъ мракъ въ понятіяхъ тогдашнихъ русскихъ людей — поклонниковъ старины. Мотивомъ для активнаго проявленія этого недовольствія служили: высокій размѣръ податного обложенія, введеніе новыхъ налоговъ, произволъ и корысть административныхъ властей, посягательство на свободу держанія оружія, насилія надъ женами и дѣтьми, брадобритіе, указы Петра I о русскомъ платьѣ, куреніе табака и, наконецъ, доступъ иностранцевъ къ правительственнымъ должностямъ. Элементъ иноземный, проникшій въ русскую жизнь подъ усиленнымъ покровительствомъ и по санкціи царя, признается, какъ преступленіе противъ вѣры, а наличность въ домахъ у властей болванокъ для натягиванія на нихъ париковъ, принимается, какъ стремленіе распространить въ населеніи язычество. Если прибавить сюда еще тѣ бабьи домыслы о подложности царя, то становится понятнымъ, что, за исключеніемъ ропота противъ тяжести обложенія и кое-какихъ соображеній религіознаго свойства, въ побудительныхъ причинахъ къ астраханскому бунту ничего не было серьезнаго и угрожающаго правительству Петра I. И дѣйствительно, астраханская смута успѣха не имѣла, ее не умѣли организовать, а потому ни Донъ, ни кочевые инородцы къ ней не пристали, и правительственнымъ войскамъ не составило особаго труда погасить пожаръ въ самомъ началѣ его возникновенія, не дать ему перекинуться въ опасные центры или пасть въ какую нибудь горючую почву. Исторія астраханскаго бунта любопытна главнымъ образомъ, какъ подтвержденіе рѣчей, сказанныхъ на прощаніе посланцу кн. Голицына объ участіи

въ мѣстныхъ окраинныхъ смутахъ раскольниковъ. Кромѣ того, здѣсь въ дѣло смуты, кромѣ мотивовъ церковнаго свойства, вносится элементъ противодѣйствія цивилизаторской программѣ царя-реформатора со стороны представителей мрака и застоя, которые систематически сѣютъ на окраинахъ начала смуты и создаютъ силою напряженной фантазіи нелѣпыя легенды и сказанія, въ основу коихъ полагаются ненависть къ боярству, любовь къ самозванщинѣ и вѣковое стремленіе къ вольностямъ, въ противовѣсъ суровой государственности съ ея налогами, податями и жертвами на дѣло военной обороны страны. Поэтому старыя гнѣзда этой вольности и ея представителей въ лицѣ казачества—Донъ и Запорожская Сѣчь, надолго становятся, по причинѣ укоренившейся тутъ психологической атмосферы, удобными и благопріятными аренами для всякихъ народныхъ смутныхъ движеній, готовыхъ по всякому поводу разразиться именно на защиту своихъ былыхъ вольностей, тѣсно переплетенныхъ сѣтью національныхъ и религіозныхъ преданій. Булавинскій бунтъ, вспыхнувшій вскорѣ послѣ астраханскихъ и башкирскихъ событій, былъ моментомъ, знаменательнымъ именно въ психологическомъ отношеніи, гдѣ восточная окраина — Донъ, и западная—Запорожская Сѣчь, попытались сойтись въ стремленіи къ отпору надвинувшейся на нихъ петровской государственности.

Булавинъ, поднимая Донъ и Сѣчь противъ московскаго правительства вообще и противъ личности Петра въ частности, имѣлъ въ основѣ своего возстанія стремленіе къ расширенію области казачества, т.-е. прежде всего тенденцію аграрную и территоріальную. Послѣ того, какъ выступившій противъ него князь Долгорукій былъ убитъ, а Булавинъ былъ провозглашенъ войскомъ донскимъ атаманомъ всѣхъ областныхъ рѣкъ, онъ издалъ приказъ: въ церкви за царя не молиться, мотивируя и свое распоряженіе и свое возстаніе тѣмъ, что поднялъ его за всѣхъ маломочныхъ людей, за благочестіе, за преданія седьми соборовъ, за старую истинную вѣру, за то, что царь перевелъ истинную вѣру въ своемъ царствѣ, бреетъ бороды и тайные уды у мужчинъ и женщинъ. Поэтому онъ убѣждалъ всѣхъ русскихъ людей отложиться отъ царя и признать надъ собою власть турецкаго султана. Такая нѣсколько путанная и туманная программа, гдѣ было смѣшано въ одну кучу слишкомъ много разнородныхъ мотивовъ, и гдѣ реальные интересы населенія слишкомъ слабо были формулированы, не могла сдѣлаться очень ужъ популярною и захватывающею; кромѣ того, войско Запорожской

Сѣчи не особенно энергично отозвалось на призывъ второго Разина, а Астраханскій край и инородцы были еще слишкомъ подъ впечатлѣніемъ своего пораженія петровскими войсками; наконецъ, сама личность новаго героя-повстанца не содержала въ себѣ яркихъ чертъ характерности и волеваго размаха. Эти данныя не позволили Булавинскому бунту разгорѣться быстро и широко; съ другой же стороны, реформированное Петромъ, регулярное войско уже получило такую организацію, что отъ правительства не потребовалось экстраординарнаго напряженія силъ, чтобы справиться съ неорганизованными мятежными полчищами Кондратія Булавина. Его дружины скоро потерпѣли пораженіе, а самъ герой возстанія печально кончилъ жизнь самоубійствомъ, не оставивъ по себѣ какой либо прочной памяти въ народныхъ преданіяхъ и поэтическихъ сказаніяхъ. Самъ по себѣ этотъ мятежъ ни по качеству, ни по количеству входившихъ въ него силъ, ни по широтѣ и опредѣленности революціонной программы, ни по размѣру охваченной имъ территоріи не былъ въ сущности особенно сложнымъ и серьезнымъ соціальнымъ явленіемъ, и если Петръ Великій и былъ имъ сильно обезпокоенъ, такъ что собирался даже лично прибыть на мѣсто военныхъ дѣйствій, то это потому, что мятежъ, во-первыхъ, разыгрался въ то именно время, когда силы правительства и страны были направлены на борьбу со шведами за политическое и міровое значеніе Россіи, и, во-вторыхъ, потому, что бунтъ Булавина являлъ несомнѣнное доказательство прочности той оппозиціи реформамъ, которая преслѣдовала царя, донимая его безостановочно и во внутреннихъ государственныхъ дѣлахъ, и въ окраинныхъ вопросахъ, и даже въ домашнемъ дворцовомъ и придворномъ быту. Эта оппозиція тяготѣла мрачнымъ кошмаромъ надъ всѣми годами царствованія Петра, вызывая необходимость казней, проявленія жестокости и пролитія крови; стрѣлецкіе мятежи и крутое ихъ подавленіе не могли изгладиться изъ памяти Преобразователя, побуждая его быть постояно на стражѣ своихъ реформъ и въ ожиданіи всегдашней возможности мятежныхъ вспышекъ со стороны противниковъ реформъ въ той или иной области русской жизни.

Когда Петру минулъ 21 годъ, и онъ вступилъ въ совершеннолѣтіе, пройдя передъ тѣмъ суровую школу замысловъ противъ своей особы со стороны сестры-правительницы, онъ рѣшилъ категорически кончить съ этимъ періодомъ женскаго регенства. Какъ извѣстно, многіе друзья ея и военачальники

изъ стрѣльцовъ, ея сторонники, были казнены имъ, а онъ писалъ брату-соправителю: „Теперь, государь-братецъ, настаетъ время нашимъ обоимъ особамъ Богомъ врученное намъ царство править самимъ, понеже пришли есмы въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрицѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ... Срамно, государь, при нашемъ совершенномъ возрастѣ тому зазорному лицу государствомъ владѣть мимо насъ". Петръ смелъ Софію и ея главныхъ единомышленниковъ, но въ полную силу власти вошелъ не сразу, и его самодержавіе въ молодомъ періодѣ жизни было скорѣе фиктивное, ибо въ сущности дѣлами государства правили ближайшія къ нему лица — патріархъ и мать, царица Наталія. Несмотря на это, въ обществѣ, состоявшемъ преимущественно изъ сторонниковъ былой старины, таилось постоянно несочувствіе къ личности молодого государя, его склонностямъ, образу мыслей и дѣйствій, результатомъ чего былъ заговоръ на его жизнь со стороны Соковнина, Пушкина и Циклера. Въ этомъ заговорѣ не крылось какихъ либо глубокихъ соображеній о народоправіи или объ ограниченіи прерогативовъ верховной власти: это было скорѣе чисто партійное тяготѣніе къ личности и программѣ государственнаго управленія Софіи. Такими же мотивами было проникнуто стрѣлецкое возстаніе въ бытность Петра за границею, когда все тѣ же партизаны стариннаго уклада сдѣлали попытку партійной революціи, имѣя въ своей программѣ дѣйствій исключительно ненависть къ бытовой новизнѣ и ея верховному покровителю. Оба стрѣлецкихъ заговора и возстанія (1689 и 1698 годовъ) были подавлены Петромъ неимовѣрною жестокостью, и онъ отвѣтилъ на нихъ настоящимъ терроромъ, такъ что надъ всею Москвою стоялъ какъ бы теплый кровавый паръ, поднявшійся отъ убитыхъ и замученныхъ тѣлъ враговъ царя и его реформаторской дѣятельности. Осенніе дни 1698 года напомнили Россіи дни Грознаго царя, когда тоже революціонный терроръ шелъ сверху внизъ, не встрѣчая на этомъ низу ни противодѣйствія, ни отпора; любопытно, что Петръ, какъ бы въ оправданіе своей террористической программы, съ гнѣвомъ закричалъ на патріарха, явившагося къ нему съ иконой для „утоленія крови". „Къ чему эта икона? развѣ твое дѣло приходить сюда? Убирайся скорѣе и поставь икону на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Пресвятую Его Матерь. Я исполняю свои обязанности и дѣлаю богоугодное дѣло, когда

защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него умышлявшихъ!“ Эта отповѣдь патріарху очень характерна: защита интересовъ народныхъ, по толкованію Петра, есть дѣло богоугодное и есть обязанность самодержца, во имя которой онъ властенъ въ животѣ и крови своихъ ближайшихъ подчиненныхъ и сотрудниковъ. Понятія Петра Великаго о его верховныхъ правахъ и обязанностяхъ были чрезвычайно высоки, и, ставя самодержавную свою власть на абсолютную недосягаемую высоту, онъ всею своею жизнью и своими дѣлами вмѣстѣ съ тѣмъ показывалъ, что эти абсолютныя права неизмѣнно связаны и съ страшною нравственною отвѣтственностью и съ громаднымъ трудовымъ бременемъ обязанностей, которое онъ неустанно и несъ на плечахъ во все свое царствованіе.

Іоаннъ Грозный обосновывалъ неограниченность своей власти исключительно религіозными мотивами; власть, ему данная, по его толкованіямъ, отъ Бога и божественнаго происхожденія. Петръ Великій по тому же предмету выразилъ свои взгляды въ Воинскомъ Уставѣ, въ Духовномъ Регламентѣ (тоже въ сочиненіи Ѳеофана Прокоповича „Правда воли монаршей“), гдѣ, совпадая съ своимъ Грознымъ предкомъ во взглядѣ на божественность неограниченной царской власти, вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ нужнымъ дать и научное теоретическое толкованіе и обоснованіе происхожденію этой власти. „Духъ святой,—по толкованію Прокоповича,—научая подданныхъ совершеннаго царемъ своимъ повиновенія, показуетъ, что власть царя весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ своихъ свободна есть и ничьему истязанію о дѣлахъ своихъ не надлежитъ“, и „никто же не имѣетъ власти истязати царя о дѣлахъ его и вопрошати его, что твориши“. Поставивъ самодержавную власть на абсолютную высоту съ отвѣтомъ за дѣянія только передъ Богомъ и безъ права подчиненныхъ вопрошать ее, „что твориши“, Петръ рѣшительно разорвалъ съ преданіями московской исторической старины: элементъ народосовѣтія и отвѣтственности передъ коллективнымъ лицомъ всей земли, даже въ идеѣ или потенціи ихъ, рѣшительно упраздняется, и голосъ земли при немъ совершенно смолкаетъ, какъ коллективный собирательный голосъ всего народа или его отдѣльныхъ широкихъ классовыхъ группъ.

Но если Петръ поставилъ точку къ народосовѣтію, то рядомъ съ этимъ онъ далъ широкое движеніе подачѣ себѣ отдѣльныхъ записокъ съ разсужденіями о государственномъ строительствѣ и управленіи. Въ трудахъ П. Н. Милюкова „Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформы

Петра Великаго" и Н. П. Павлова-Сильванскаго „Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго" представленъ и подвергнутъ критическому разбору рядъ записокъ по сему предмету, обнимающихъ собою разнообразныя отрасли государственной жизни, съ указаніемъ необходимыхъ здѣсь реформъ, сообразованныхъ по большей части съ образцами государственныхъ учрежденій Западной Европы, при чемъ оба изслѣдователя отмѣчаютъ и тѣ нѣкоторыя начала, которыя дѣйствительно въ подходящихъ случаяхъ императоръ почерпалъ изъ указаній опыта европейской жизни для своего государственнаго строительства. Разсмотрѣніе всѣхъ извѣстныхъ „меморіаловъ", „предложеній" и „прожектовъ" приводитъ П. Н. Милюкова *) къ выводу о воздѣйствіи „доносителей" на ходъ правительственныхъ реформъ. „Фактъ воздѣйствія не чуждъ и предыдущему времени,—говоритъ почтенный изслѣдователь, — но только послѣ 1710 года совѣты, подаваемые правительству, перестаютъ мало-по-малу быть отрывочными и случайными, и мы присутствуемъ при коллективномъ обсужденіи „доносителями" однихъ и тѣхъ же назрѣвшихъ, поставленныхъ обстоятельствами времени вопросовъ, отвѣты на которые все болѣе и болѣе выясняютъ и подготовляютъ самыя существенныя мѣропріятія новой государственной организаціи". Такого рода форма участія представителей общества и народа въ развитіи государственной жизни страны замѣняетъ въ глазахъ Петра необходимость въ быломъ народосовѣтіи и даетъ ему дѣйствительную возможность болѣе или менѣе обстоятельно ознакомиться съ тѣми законодательными нормами, которыя выработалъ опытъ болѣе культурныхъ народовъ. Эти меморіалы и донесенія толкуютъ только о средствахъ и способахъ государственнаго управленія и конструкціи тѣхъ или иныхъ учрежденій, но никоимъ образомъ не проявляютъ склонности къ критикѣ основныхъ устоевъ Россійской имперіи, гдѣ незыблемо опредѣлена форма нашего государственнаго строя. Поэтому ни въ одной изъ опубликованныхъ до сихъ поръ записокъ нѣтъ ни разу рѣчи о какой либо необходимости ограничить эту форму и раздробить ее въ той или иной формѣ между представителями государственности и общественности. И развѣ только въ извѣстной книгѣ Посошкова „О скудости и богатствѣ", рядомъ съ апологіей самодержавія—„онъ, нашъ государь, подобенъ Богу", а потому онъ всесовершенный самодержецъ и, какъ таковой, „можетъ сотворити все, еже восхощетъ",—до-

*) П. Милюковъ. „Государственное хозяйство въ Россіи", стр. 384.

пускается и даже какъ бы рекомендуется начало народосовѣтія при составленіи новаго уложенія и освидѣтельствованіи его „самымъ вольнымъ голосомъ“. Впрочемъ, по сему предмету у Посошкова какъ будто не сложилось твердаго убѣжденія, и онъ, стремясь создать порядокъ въ Россіи, рекомендуетъ въ 1704 году царю въ запискѣ: „Доношеніе о исправленіи всѣхъ неисправъ“, нынѣ впервые опубликованной г. Павловымъ-Сильванскимъ въ статьѣ „Новыя извѣстія о Посошковѣ“ *),—созданіе диктаторской власти рядомъ съ царской. Этотъ избранный царемъ диктаторъ долженъ быть облеченъ неограниченными полномочіями и притомъ назначенъ изъ числа людей, власть имѣющихъ, „чтобъ ему никто изъ великихъ людей противенъ не былъ, но и духовнаго чина на его бъ волю склонялись“. Если при извѣстной натяжкѣ, въ обоихъ случаяхъ совѣтовъ Посошкова—и относительно „народосовѣтія“ и касательно „диктатуры“, можно, пожалуй, усматривать какіе-то намеки на стремленіе къ ограниченію монархической власти, то, разсматривая остальныя записки современниковъ Петра и знакомясь съ организаціей тогдашнихъ государственныхъ установленій, нигдѣ нельзя найти въ томъ же направленіи попытокъ и реальныхъ шаговъ. Царствованія Великаго Преобразователя никакія конституціонныя вѣянія не коснулись, и очередь ихъ наступила немедленно при приближеніи послѣднихъ часовъ его жизни, когда его могучій духъ еще боролся съ бреннымъ тѣломъ, и когда въ другомъ концѣ дворца, вокругъ осиротѣлаго императорскаго трона, начала сгущаться атмосфера происковъ, интригъ и личныхъ партійныхъ вожделѣній.

Какъ уже было говорено въ первой главѣ настоящихъ очерковъ, Петръ I измѣнилъ кореннымъ образомъ законъ о престолонаслѣдіи, поставивъ его въ исключительную зависимость отъ своей самодержавной воли, но выразить эту волю какимъ нибудь актомъ завѣщанія ему не удалось, и такимъ образомъ вопросъ о русскомъ престолѣ сталъ въ зависимости отъ явленій случайныхъ. Судьба обширной монархіи съ далеко еще неукрѣпленными и необезопасенными границами, гдѣ въ каждую данную минуту могли или вспыхнуть тѣ или иныя волненія, или куда свободно могли вторгнуться полчища непріятелей, была отдана во власть тѣхъ, кто ближе всего стоялъ къ престолу, и кто могъ распологать для завладѣнія этимъ престоломъ необходимыми матеріальными средствами и легчайшею возможностью. Благо государства и

*) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ“, т. IX (1904 г.), кн. 3.

народа было брошено въ руки произвола, и послѣдній не запоздалъ принести губительные плоды. Петръ оставилъ послѣ себя жену, съ которой нѣкогда состоялъ въ внѣбрачной гражданской связи, по крови иностранку, женщину темнаго происхожденія и съ репутаціей „супруги Цезаря", двухъ внѣбрачныхъ отъ нея дочерей, Анну и Елисавету, и малолѣтняго внука Петра Алексѣевича, сына несчастнаго, загубленнаго царевича Алексѣя Петровича.

При былыхъ московскихъ порядкахъ не могло возникнуть и вопроса, кому подлежитъ вступить на престолъ и хотя бы номинально числиться правителемъ страны: народный голосъ именемъ земскаго собора, собраннаго въ той или иной формѣ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, произнесъ бы свое слово, которое, какъ бы его не разсматривать, было бы юридической и верховной санкціей со стороны страны и народа. Несомнѣнно, этотъ голосъ былъ бы поданъ за малолѣтняго Петра Алексѣевича, а фактическая власть вручена регенству и опекѣ, составленной изъ представителей духовной и государственной власти, представителей царствующаго дома и дворцовой среды. Такія регентства бывали уже на Руси, и почерпнуть примѣръ изъ прошлаго не представило бы труда, но воля или, подъ угломъ зрѣнія юридическихъ понятій, произволъ Петра породилъ и развитіе этого произвола съ заключительнымъ здѣсь финаломъ въ актѣ захвата власти. И захватъ этотъ совершается при содѣйствіи нѣсколькихъ вліятельныхъ вельможъ, преслѣдующихъ въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ цѣли личнаго благополучія, а также гвардіи, склоненной къ тому, между прочимъ, щедрыми подарками и деньгами. Послѣдняя съ этого момента и въ теченіе цѣлаго столѣтія, т.-е. съ 1725 по 1826 годъ, становится главною вершительницею судебъ Русскаго царства, возводя на престолъ тѣхъ или иныхъ искателей его, низлагая былыхъ своихъ ставленниковъ и даже въ одномъ случаѣ, какъ это будетъ видно далѣе, устанавливая самую форму правленія.

Не успѣлъ Петръ Великій испустить послѣдняго дыханія, какъ на ступеньки осиротѣлаго престола поспѣшно вступила его жена, въ корнѣ разрушивъ этимъ шагомъ тѣ основанія, на коихъ земскій соборъ 1613 года вручилъ дому Романовыхъ россійскій скипетръ и державу. Петръ I отсѣкъ отъ довѣреннаго его предкамъ самодержавія элементъ народосовѣтія, а супруга его внесла сюда еще элементъ иноземщины, обезнаціоналивъ такимъ образомъ идею московской неограниченной власти.

Послѣднимъ актомъ было оказано волѣ народа полное пренебреженіе, и юридическую пропасть, созданную въ началѣ XVIII вѣка между престоломъ и народомъ, преемница Петра расширила еще болѣе. Съ момента вступленія Екатерины I на престолъ опорою самодержавія становится исключительно бюрократія, придворная знать и „любимцы, гвардія, гвардейцы, гвардіонцы“, при пассивномъ отношеніи къ нему народа, роль котораго сводится съ того времени къ исключительному и безмолвному повиновенію, что онъ неукоснительно и дѣлаетъ вплоть до Пугачевской смуты, когда откуда-то изъ очень глубокихъ нѣдръ народнаго духа какъ бы вырвался долго затаенный скорбный и грозный вопль, потрясшій всю Русскую землю кровавымъ терроромъ. Этотъ вопль пронесся по всей странѣ, заставилъ поблѣднѣть и задрожать верховную власть, потрясъ окровавленный уже къ тому времени престолъ и разрѣшился въ концѣ, безъ реальныхъ политическихъ результатовъ, горючими слезами, въ морѣ которыхъ затонуло снова народное горе и воля его. Но о пугачевщинѣ рѣчь впереди, а теперь надлежитъ посмотрѣть, что же внесли съ собою въ русскую государственную жизнь тѣ элементы, которые явились рѣшающими въ ходѣ внутреннихъ событій отечественной жизни, и провозвѣстниками какихъ началъ будущаго соціальнаго и политическаго строя имъ суждено было сдѣлаться.

При кончинѣ Петра, нѣкоторые представители старинной аристократіи съ кн. Д. М. Голицынымъ во главѣ подали свой голосъ за возведеніе на престолъ Петра Алексѣевича, а за малолѣтствомъ его поручить правленіе императрицѣ Екатеринѣ вмѣстѣ съ сенатомъ, и въ этомъ мнѣніи тогдашній французскій посолъ Кампредонъ не безъ основанія усматривалъ тенденцію къ ограниченію монархической власти въ пользу управленія коллегіальнаго или иначе конституціоннаго, образецъ которому почерпался изъ началъ тогдашняго шведскаго государственнаго управленія, знатокомъ и проводникомъ коихъ въ русскую жизнь явился главнымъ образомъ иностранецъ Фикъ. По порученію еще покойнаго императора, послѣдній немало поработалъ при выработкѣ архитектуры нашихъ государственныхъ учрежденій, ихъ конструкціи и дѣлового кругооборота. Фикъ служилъ въ каммеръ-коллегіи подъ начальствомъ кн. Голицына, пользовался его расположеніемъ и часто проводилъ у него долгіе вечера въ бесѣдахъ по вопросамъ религіи и политики, въ теченіе которыхъ несомнѣнно и успѣлъ внушить старому князю идеи швед-

ской политической свободы, которыя Голицынъ и пытался въ нѣкоторой степени дважды осуществить практически: при вступленіи на престолъ Екатерины I и при приглашеніи Анны Іоанновны на россійскій престолъ.

Но Голицынъ былъ по своему происхожденію и родовымъ связямъ представителемъ аристократическаго начала, опаснаго такимъ случайнымъ людямъ, какъ Меншиковъ и прочіе птенцы осиротѣлаго гнѣзда Петрова. Хотя въ существѣ его предложеній лежали далеко не московскія начала былого государственнаго уклада, а гораздо болѣе либеральныя, заимствованныя изъ послѣдняго слова европейскаго государственнаго права, однако его политическая программа могла въ конечномъ своемъ результатѣ повернуть вверхъ дномъ весь реформаторскій прогрессивный періодъ царствованія Петра. И вотъ воспитанники, фавориты послѣдняго, рѣзко ополчаются противъ программы Голицына и, оперевшись на гвардію, провозглашаютъ Екатерину императрицей и самодержицей со всѣми правами ея покойнаго мужа-императора. Опровергая доводы Голицына относительно совмѣстнаго правленія Екатерины и сената въ годы несовершеннолѣтія Петра Алексѣевича, хитрый Толстой отъ имени партіи Меншикова говорилъ ему*), что осуществленіе проекта Голицына „произведетъ междоусобную войну, которой вы (т.-е. Голицынъ, Долгорукій, Репнинъ и др.) хотите избѣжать, потому что въ Россіи нѣтъ закона, который бы опредѣлялъ время совершеннолѣтія государей: какъ только великій князь будетъ объявленъ императоромъ, то часть шляхетства и большая часть подлаго народа станутъ на его сторонѣ, не обращая никакого вниманія на регенство. При настоящихъ обстоятельствахъ Россійская имперія нуждается въ государѣ мужественномъ, твердомъ въ дѣлахъ государственныхъ, который бы умѣлъ поддержать значеніе и славу, пріобрѣтенныя продолжительными трудами императора, и который бы въ то же время отличался милосердіемъ для содѣланія народа счастливымъ и преданнымъ правительству; всѣ требуемыя качества соединены въ императрицѣ: она пріобрѣла искусство царствовать отъ своего супруга, который повѣрялъ ей самыя важныя тайны; она неоспоримо доказала свое героическое мужество, свое великодушіе и свою любовь къ народу, которому доставила безконечныя блага вообще и въ частности, никогда не сдѣлавши никому зла; притомъ права ея

*) С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ", кн. IV.

подтверждаются торжественною коронаціею, присягою, данною всѣми подданными по этому случаю, и манифестомъ императора, возвѣщавшимъ о коронаціи".

Слова Толстого, по свидѣтельству современниковъ *), находили сильное отзвучіе въ одномъ углу залы, гдѣ собрались гвардейскіе офицеры; никто изъ приверженцевъ великаго князя Петра не рѣшился спросить, зачѣмъ тутъ офицеры, а приверженцы Екатерины знали—зачѣмъ. Раздались барабаны—и присутствовавшіе узнали, что около дворца стоятъ оба гвардейскіе полка, т.-е. преображенцы и семеновцы. Репнинъ рѣшился спросить: „Кто осмѣлился привести ихъ сюда безъ моего вѣдома? Развѣ я не фельдмаршалъ?"—„Я велѣлъ имъ прійти сюда, по волѣ императрицы, которой всякій подданный долженъ повиноваться, не исключая и тебя", отвѣчалъ Бутурлинъ. Членамъ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ нашептывали: „Вѣдь вы подписали смертный приговоръ царевичу". Сильные споры продолжались до 4-хъ часовъ утра; наконецъ князь Репнинъ, боявшійся, какъ говорятъ, усиленія враждебной ему фамиліи Голицыныхъ, объявилъ, что онъ согласенъ съ Толстымъ: надобно возвести на престолъ Екатерину безъ всякаго ограниченія, пусть властвуетъ, какъ властвовалъ супругъ ея. Тутъ и канцлеръ Головкинъ, молчавшій до сего времени, объявилъ, что онъ того же мнѣнія; за нимъ всѣ присутствовавшіе—кто волею, кто неволею, объявили, что согласны. Генералъ-адмиралъ Апраксинъ, какъ старшій сенаторъ, велѣлъ позвать кабинетъ-секретаря Макарова, и спросилъ, нѣтъ ли какого завѣщанія или распоряженія государя насчетъ преемника. „Ничего нѣтъ",—отвѣчалъ Макаровъ. Тогда Апраксинъ объявилъ, что, въ силу коронаціи императрицы и присяги, данной ей всѣми чинами имперіи, сенатъ провозглашаетъ ее императрицею и самодержицею со всѣми правами, какими пользовался супругъ ея. Составили актъ, который и былъ подписанъ всѣми сенаторами и другими сановниками.

Покончивши это трудное дѣло, вельможи отправились въ комнату умирающаго. Когда Петръ испустилъ духъ, они снова возвратились на прежнее мѣсто. Черезъ нѣсколько времени явилась туда и Екатерина съ герцогомъ Голштинскимъ **); обли-

*) Переговоры съ офицерами гвардіи со стороны Екатерины и ея сторонниковъ уже были закончены въ этотъ день. Они дали ей клятву вѣрности, и, какъ бы въ награду за это, имъ было ассигновано не выданное за 16 мѣсяцевъ жалованье, а солдатамъ подъ ихъ командою по 30 р. на человѣка.

**) Женихъ Анны Петровны.

ваясь слезами, она обратилась къ сенаторамъ съ трогательною рѣчью, поручала имъ все свое семейство, особенно герцога Голштинскаго. въ надеждѣ, что они будутъ оказывать ему такую же любовь, какою удостаивалъ его покойный императоръ, и выполнятъ волю послѣдняго относительно брака герцога на царевнѣ. Когда она кончила свою рѣчь, генералъ-адмиралъ Апраксинъ бросается передъ нею на колѣни и объявляетъ ей рѣшеніе сената; зала оглашается кликами присутствующихъ; на улицѣ раздаются восклицанія гвардіи.

Манифестъ о вступленіи на престолъ Екатерины былъ изданъ отъ имени сената, синода и генералитета, которые согласно приказали объявить въ народѣ о воцареніи Екатерины І-й. „Манифестъ этотъ заключалъ въ себѣ нарушеніе основныхъ законовъ Петра Великаго, которыми не указанъ случай согласнаго приказа двухъ верховныхъ коллегій и совершенно произвольной группы высшихъ военныхъ служилыхъ людей,—замѣчаетъ профессоръ Д. А. Корсаковъ въ своемъ „историческомъ этюдѣ", посвященномъ воцаренію Анны Іоанновны *).—Сенатъ не облеченъ былъ правомъ избирать государя Россіи по кончинѣ безнаслѣдственнаго государя; тѣмъ менѣе могъ претендовать на это право синодъ, изолированный Петромъ Великимъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла „гражданскія"; генералитетъ не имѣлъ при Петрѣ никакого политическаго значенія и былъ просто официальнымъ терминомъ для обозначенія совокупности генераловъ. Между тѣмъ это нарушеніе имѣло громадныя послѣдствія; оно послужило прецедентомъ избранія государя произвольной группой высшихъ должностныхъ лицъ, по усмотрѣнію".

Профессоръ Д. А. Корсаковъ освѣтилъ вопросъ юридически правильно: съ момента восшествія на престолъ Екатерины І-й русское самодержавіе, освящаемое и санкціонируемое дотолѣ волею народною, перестаетъ быть проявленіемъ этой воли и становится явленіемъ бюрократическаго порядка, подтвержденнаго и укрѣпленнаго барабанною дробью гвардейскихъ полковъ. Какъ отнесся народъ къ избранію Екатерины, неизвѣстно; понятно, онъ принужденъ былъ присягнуть, и только нѣкоторые голоса раскольниковъ и простолюдиновъ такъ охарактеризовали событіе: „нестаточно дѣло женщинѣ быть на царствѣ, она же иноземка", и „если женщина царемъ, то пусть и крестъ цѣлуютъ жен-

*) „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны". Историческій этюдъ Д. А Корсакова. Казань. 1880.

щины“. Конечно, самодержавіе преемницы Петра явилось юридической фикціей, и фактически вся власть и верховная воля сосредоточилась, по выраженію графа Панина, высказанному въ его запискѣ Екатеринѣ II, въ „злоключительномъ интервалѣ между государемъ и правительствомъ“, которое и наполнилъ собою „полудержавный властелинъ“ Меншиковъ. Е. Щепкина въ 1-мъ выпускѣ своихъ „Чтеній по исторіи Россіи въ осьмнадцатомъ вѣкѣ“ *) опредѣляетъ ходъ дальнѣйшихъ смутныхъ правительственныхъ событій въ томъ смыслѣ, что Россіи стало надолго грозить правленіе фаворита надменнаго, несдержаннаго выскочки, алчнаго безъ предѣловъ. Такого положенія дѣлъ не могли вынести и люди его партіи, выслужившіеся вмѣстѣ съ нимъ, благодаря реформѣ; генералъ-прокуроръ Ягужинскій отказался служить на посылкахъ у фаворита. Происходили рѣзкія стычки и въ сенатѣ, и въ коллегіяхъ, и даже во дворцѣ. Всѣ чувствовали, что необходимо учрежденіе съ политическими задачами, искали выхода изъ невыносимаго положенія и нашли его въ рекомендованномъ Петру учрежденіи. Чтобы не подчиниться одному, главари генералитета (т.-е. командиры всего служилаго шляхетства) согласились на томъ, чтобы сплотиться въ одну высшую коллегію. Судя по изслѣдованнымъ документамъ, главной дѣйствующей пружиной служилъ хитрый, оборотливый и крайне энергичный графъ П. А. Толстой. Онъ сносился съ особенно выдѣлявшимися лицами, представителями главныхъ отраслей администраціи, ѣздилъ, уговаривалъ, смягчалъ протесты и своимъ уклончивымъ краснорѣчіемъ обошелъ князя Меншикова. Князь согласился сформировать учрежденіе. Что говорила представительница власти, пока неизвѣстно; во всякомъ случаѣ она утвердила его охотно.

Учрежденіемъ этимъ явился верховный тайный совѣтъ, который именемъ и властью самодержавія и сталъ править Россіей, на основахъ и по программѣ олигархической формы правленія. Семь олигарховъ захватили въ свои руки судьбу Россіи, стали плотною стѣною между престоломъ и народомъ, свели на нѣтъ значеніе петровскаго сената и въ такой юридической комбинаціи нашли выходъ своимъ индивидуальнымъ страстямъ и вожделѣніямъ. Г-жа Щепкина такъ освѣщаетъ и излагаетъ ходъ событій. „Именной указъ 8 февраля 1726 года объявилъ, что

*) Е. Щепкина. „Чтенія по исторіи Россіи въ осьмнадцатомъ вѣкѣ“. Выпускъ I. Государственный строй. Спб. 1905.

дѣйствительные тайные совѣтники всѣ собираются въ сенатъ, но за важностью другихъ своихъ заботъ они не могутъ заниматься исключительно сенатскими дѣлами, и вотъ ради общаго блага императрица выдѣлила ихъ въ свой особый совѣтъ. Предполагалось, что онъ будетъ всегда дѣйствовать въ присутствіи самой императрицы и явится ближайшимъ истолкователемъ ея воли. Любопытно, что въ текстѣ своей присяги иниціаторы нашли удобнымъ не именовать Екатерину I-ю самодержицей, и присягали не только ей, но и государству. Проживавшіе въ Петербургѣ иностранные послы пришли въ силу этого къ единодушному заключенію, что члены совѣта сразу провели существенное ограниченіе верховной власти. Вскорѣ члены совѣта представили императрицѣ „мнѣніе не въ указъ", гдѣ подробно излагали планъ своихъ дѣйствій; она приняла его. По словамъ именного указа, въ совѣтѣ „все дѣлается именемъ ея величества": всѣ рапорты и доношенія подаются на ея имя, но, тѣмъ не менѣе, совѣтъ принимаетъ на себя „генеральное управленіе и надзираніе надъ всѣми коллегіями" и т. д., въ силу этого онъ становился на положеніе *политическаго руководителя* страны, только какъ бы сливаясь съ личностью императрицы. „Надо отдать ему справедливость,—замѣчаетъ г-жа Щепкина,—совѣтъ работалъ много и съ нѣкоторой системой; онъ присматривался ко всѣмъ сторонамъ народной и общественной жизни. Правда, на первыхъ порахъ онъ такъ ревниво и хлопотливо старался завладѣть всѣми важнѣйшими дѣлами, чтобы ни одна нить администраціи не миновала его рукъ. Что касается сената, то его немедленно же находятъ нужнымъ лишить титула *правительствующій* и приказываютъ именоваться *высокимъ*".

Олигархическая форма государственнаго управленія была дѣйствительно чрезвычайно удобною и плотною завѣсою, которая скрывала отъ взоровъ народныхъ все происходившее на сценѣ домашнихъ дворцовыхъ дѣйствій. Эта историческая завѣса въ тѣ или иные моменты нашей государственной жизни XVIII вѣка падала не одинъ разъ, и это случалось, каждый разъ, если не на пользу и счастье зрителей изъ народа, то, во всякомъ случаѣ, въ интересахъ общественной нравственности. Любители скандальныхъ хроникъ найдутъ въ интересныхъ работахъ польскаго писателя К. Валишевскаго именно матеріалъ для такихъ хроникъ, почерпнутый изъ русской государственной жизни XVIII столѣтія. Работы эти суть: „Le roman d'une imperatrice. Catherine II de Russie, d'après ses mémoires, sa correspondance et les docu-

ments inédits des atchives de l'Etat", „Autour, d'un trône. Catherine II de Russie", „Pierre le Grand" и „L'héritage de Pierre le Grand. Règne des femmes. Gouvernement des fovoris 1725—1741". Всѣ эти труды талантливаго польскаго писателя въ яркихъ краскахъ и образахъ рисуютъ намъ придворную русскую жизнь XVIII столѣтія и съ удивительною умѣлостью воспроизводятъ длинную галлерею живыхъ портретовъ дѣйствующихъ лицъ царствованія Петра I, Петра II, Петра III, двухъ Екатеринъ, двухъ Аннъ и Елисаветы среди умѣло нарисованной распущенной бытовой обстановки того времени.

Екатерина вступила во владѣніе наслѣдіемъ своего державнаго супруга въ очень зрѣломъ возрастѣ, а прежняя жизнь преждевременно наложила на н.е печать дряхлости съ сопутствующими послѣдней болѣзнями и ослабленіемъ всего расшатаннаго организма. Недалекій ея конецъ былъ неизбѣженъ, а слѣдствіемъ сего снова ставился на очередь вопросъ о русскомъ престолонаслѣдіи. Въ виду того, что народъ отъ рѣшенія этого вопроса былъ устраненъ, вся сила тяжести его была положена во власть тѣхъ, кто здѣсь былъ наиболѣе заинтересованъ. Оставалось придумать такую юридическую комбинацію, которая могла бы удовлетворить наибольшей совокупности личныхъ придворныхъ и государственныхъ интересовъ. Отсюда — предосудительный планъ брачнаго союза 11-лѣтняго Петра Алексѣевича съ его теткою, Елисаветою Петровною; но при всей распущенности нравовъ тогдашняго двора такая формула не могла быть принята: препятствіемъ были выставлены формальныя статьи каноническаго права. Вслѣдъ за симъ Меншиковъ, въ цѣляхъ сохранить положеніе своему дому, выдвигаетъ на сцену новую комбинацію: онъ проектируетъ обрученіе малолѣтняго царевича съ своею взрослою дочерью, и Екатерина утверждаетъ этотъ проектъ. Обрученіе приводится въ исполненіе, и, кромѣ того, сочиняется духовное завѣщаніе отъ имени больной императрицы, которымъ радикально измѣняется избирательная идея русскаго престолонаслѣдія, установленная Петромъ, въ пользу семейно-наслѣдственной. Духовное завѣщаніе Екатерины было составлено изъ 15-ти пунктовъ, главнѣйшіе изъ которыхъ были слѣдующіе: 1) великій князь Петръ Алексѣевичъ имѣетъ быть сукцессоромъ; 2) а именно со всѣми правами и прерогативами, какъ мы онымъ владѣли; 3) до . . . . лѣтъ не имѣетъ за юностью въ правительство вступать; 4) во время малолѣтства имѣютъ администрацію нести наши обѣ цесаревны, герцогъ и прочіе члены

верховнаго совѣта, которой обще изъ 9 персонъ состоять имѣетъ; 5) и симъ имѣть полную власть правительствующаго самодержавнаго государя, токмо опредѣленія о сукцессіи ни въ чемъ не отмѣнять; 6) множествомъ голосовъ вершать всегда, и никто одинъ повелѣвать не имѣетъ и не можетъ; 7) великій князь имѣетъ въ совѣтѣ присутствовать, а по окончаніи администраціи ни отъ кого отвѣта не требовать; 8) ежели великій князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣетъ по немъ цесаревна Анна съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елисавета и десценденты, а потомъ великая княжна и ея десценденты наслѣдовать, однакоже мужеска пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ. Однакожъ никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ, и т. д.

Екатерина скончалась 6-го мая 1727 года, и на другой день въ Зимній дворецъ собрались вся царская фамилія, члены верховнаго тайнаго совѣта, синода, сената, генералитетъ, а на площади передъ дворцомъ были выстроены гвардейскіе полки. Весь декорумъ былъ Меншиковымъ соблюденъ, завѣщаніе прочитано, принято къ исполненію, и россійскіе скипетръ и держава номинально вручены 11-ти-лѣтнему внуку Петра съ сохраненіемъ фактической власти за Меншиковымъ и верховниками, которые и явились истинными правителями русскаго народа, внѣ его вѣдома, желанія и одобренія. Гвардія привѣтствовала новаго императора криками: „виватъ!“.

Въ сущности говоря, все совершилось къ наилучшему: права юнаго государя съ юридической стороны были безспорны, бюрократія получала необходимое удовлетвореніе, интересы царской фамиліи не были нарушены, а народъ.... все равно его никто не спрашивалъ, никто имъ не интересовался, и съ его мнѣніемъ принципіально было покончено еще при Петрѣ I. Протеста неоткуда было ожидать, и заинтересованныя стороны не находили нужнымъ принимать какихъ либо мѣръ предосторожности, ибо права новаго государя осуществлялись, во-первыхъ, по духовному завѣщанію, во-вторыхъ, по наслѣдству и, въ-третьихъ, по избранію.

Послѣдующія событія общеизвѣстны въ смыслѣ довольно скоро наступившей перетасовки фаворитовъ и временщиковъ — гибель Меншиковыхъ, наступленіе всевластія Долгорукихъ, вторичная помолвка Петра II съ представительницею послѣдняго рода, его оргіи, истощеніе и скорая смерть, все это событія, не останав-

ливающія вниманія изслѣдователя въ интересахъ настоящихъ очерковъ; жизнь страны и народа слагались изо дня въ день, хотя все, сверху до низа, было въ полномъ безпорядкѣ. Верховный тайный совѣтъ, окончательно отлившійся въ замкнутую аристократическую олигархію, не имѣлъ въ своей программѣ дѣйствій ясно сознанной и осуществляемой тенденціи; въ сущности среди членовъ этого совѣта рабочею силою былъ одинъ иностранецъ Остерманъ, который въ своемъ лицѣ и воплощалъ такимъ образомъ идею русской руководящей власти.

Смерть 14-ти-лѣтняго Петра II, послѣдовавшая въ ночь съ 18-го на 19-е января 1703 года, поставила снова на очередь вопросъ о русскомъ престолонаслѣдіи и самодержавіи, вопросъ, который и получилъ чрезвычайно любопытную постановку, развитіе и заключеніе.

ГЛАВА III.

Конституціонныя „Кондиціи", предложенныя Аннѣ Іоанновнѣ при вступленіи на престолъ.—Московскіе Конституціоналисты.—Уничтоженіе Конституціонной грамоты.—Самодержавіе Анны.—Елисавета Петровна.—Заговоры противъ нея.—Личность Петра Θедоровича и скопческая о немъ легенда.—Царствованіе Петра III и его убіеніе.

Престолъ Михаила Θеодоровича Романова не долженъ былъ оставаться вакантнымъ, и Россія могла явиться въ такомъ случаѣ ареною страшныхъ потрясеній, а потому съ вопросомъ о его замѣщеніи надо было торопиться. Мужская линія дома Романовыхъ изсякла, оставался довольно длинный списокъ женщинъ-претендентокъ, кандидатура каждой изъ которыхъ была болѣе чѣмъ проблематична и не подтверждена никакимъ серьезнымъ юридическимъ актомъ, если не считать за таковой духовнаго завѣщанія Екатерины I, состряпаннаго въ свое время Меншиковымъ въ интересахъ своего дома и дававшаго выходъ, и довольно удачный и законный, изъ трудныхъ и смутныхъ обстоятельствъ. Но Меншиковъ былъ не у власти и далеко въ изгнаніи, а аристократическая олигархія верховниковъ, свободная отъ давленія на нихъ былого „баловня фортуны" и гвардейскаго барабаннаго боя подъ окнами мѣста собранія и совѣщанія, не пожелала признать правильности этого документа, какъ документа беззаконнаго, вышедшаго изъ рукъ случайной иноземки, властною волею Петра извлеченной изъ низменныхъ

слоевъ чужестраннаго народа. Возражая противъ законности ея завѣщанія, князь Дм. Голицынъ, членъ верховнаго совѣта, отозвался въ рѣзкой формѣ о личности той, чья подпись возвела на престолъ Петра II; еще рѣзче и грязнѣе отозвался онъ о правахъ ея внѣбрачныхъ дочерей, которыя вслѣдъ за скончавшимся юнымъ государемъ стояли по волѣ матери въ первой очереди кандидатокъ на престолъ. Заклейменныя бранною кличкою, ни Анна, ни Елисавета Петровна не встрѣтили среди прочихъ верховниковъ нужнаго имъ адвоката, и ихъ кандидатуры были похоронены. Князья Долгорукіе сдѣлали попытку провести фальсифицированное и апокрифическое завѣщаніе Петра II въ пользу своей нареченной невѣсты, княжны Долгорукой но тотъ же Голицынъ, возвысивъ громко голосъ съ укоромъ Долгорукимъ, объявилъ его подложнымъ, и авторамъ завѣщанія осталось только сконфуженно опустить головы. Покончивъ съ представителями петровской линіи, Голицынъ указалъ на права трехъ дочерей брата Петра Великаго, Ивана Алексѣевича, и изъ числа сихъ послѣднихъ на вдовую герцогиню курляндскую Анну Іоанновну, какъ на женщину умную и способную, по его мнѣнію, занять вакантный россійскій престолъ. Указаніе Димитрія Михайловича Голицына дало выходъ изъ труднаго положенія, и вопросъ объ Аннѣ Іоанновнѣ былъ рѣшенъ благополучно, рѣшенъ, правда, чисто бюрократическимъ путемъ, внѣ всякихъ соображеній съ ходомъ былыхъ смутныхъ событій 1613 года и внѣ всякихъ соображеній о будущности имперіи. Но у Голицына было не только подготовлено конкретное и реальное рѣшеніе вопроса о престолонаслѣдіи, онъ подготовилъ и ту юридическую формулу, въ которую, по его мнѣнію, надлежало облечь приглашеніе герцогини курляндской на россійское царство. Что подъ вліяніемъ Фика имъ было предложено въ 1725 году, и что тогда казалось неосуществимымъ, стало нынѣ близкимъ и возможнымъ къ осуществленію. Исчерпавъ вопросъ о престолонаслѣдіи, князь Голицынъ высказалъ и свою затаенную излюбленную мысль: „надо бы намъ себѣ полегчить,—сказалъ онъ собранію,—такъ полегчить, чтобы волю прибавить. Надобно, написавъ, послать къ ея величеству пункты“. Слово было сказано, и завѣтный Рубиконъ перейденъ: сановникъ призналъ необходимость ограничить самодержавіе въ пользу верховнаго совѣта и провести притомъ это ограниченіе формальнымъ законодательнымъ актомъ отреченія новоизбранной государыни отъ своихъ неограниченныхъ правъ. Когда предложеніе Голицына было принято, пункты

составлены и посланы Аннѣ, то Фикъ, бывшій въ то время въ Петербургѣ, громко заявилъ: „Имперія Россійская нынѣ стала сестрица Швеціи и Польшѣ", и „что россіяне нынѣ умны, понеже не будутъ имѣть фаворитовъ такихъ, какъ были Меншиковъ и Долгорукій". Указывая на предстоящее родство русской формы государственнаго правленія со шведскою и польскою, Фикъ имѣлъ въ виду, что эта форма будетъ именно конституціонною и притомъ съ аристократическимъ характеромъ.

Здѣсь воспроизводится въ видѣ приложенія подлинный актъ „кондицій" (стр. 58 — 59), на которыхъ Анна Іоанновна должна была принять державу россійскую, за ея подписью и со слѣдами разрыва этой грамоты, о чемъ будетъ рѣчь впереди. Сейчасъ же полезно указать лишь самые пункты кондицій. Они сводятся къ слѣдующимъ и гласятъ: „Безъ онаго верховнаго тайнаго совѣта согласія (обѣщаемся):

„1) Ни съ кѣмъ войны не вчинять; 2) миру не заключать; 3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податьми не отягощать; 4) въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять; гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣдѣніемъ верховнаго тайнаго совѣта; 5) у шляхетства живота и имѣнія безъ суда не отымать; 6) вотчины и деревни не жаловать; 7) въ придворные чины какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить; 8) государственные доходы въ расходъ не употреблять, и всѣхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать, а буде сего по сему обѣщанію не исполню, то лишена буду короны".

П. Н. Милюковъ *), на основаніи трудовъ шведскаго историка Іерне, сопоставилъ „кондиціи" Анны Іоановны съ соотвѣтственными статьями шведскихъ государственныхъ актовъ: „Формы правленія" 1720 года и „Королевской присяги Фридриха I", относящейся къ тому же году, и пришелъ къ заключенію, „что верховный совѣтъ выбралъ изъ шведскихъ установленій только то, что непосредственно опредѣляло долю участія *государственнаго совѣта* въ верховной власти. Участіе риксдага, т.-е. государственныхъ сословій, совершенно оставлено въ сторонѣ".

Составивъ „кондиціи", Голицынъ внесъ на обсужденіе вер-

---

*) П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Спб. 1903 г.

ховнаго совѣта и проектъ новаго государственнаго устройства, проектъ, который долженъ былъ быть опубликованъ послѣ принятія и подписанія Анною предложенныхъ ей пунктовъ. Содержаніе проекта было слѣдующее.

1. Императрица лично и безконтрольно распоряжается только своими карманными деньгами (размѣры которыхъ опредѣляются въ 500 тысячъ рублей ежегодно). Она начальствуетъ только надъ отрядомъ гвардіи, назначеннымъ для ея личной охраны и карауловъ во дворцѣ.

2. Верховная власть принадлежитъ императрицѣ вмѣстѣ съ верховнымъ совѣтомъ, который состоитъ изъ 11 — 12 чиновъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ (императрица имѣетъ въ совѣтѣ только два, по другимъ свѣдѣніямъ, три голоса. Иностранцы, за исключеніемъ Остермана, въ члены совѣта не допускаются). Совѣтъ вѣдаетъ важнѣйшія дѣла по иностранной политикѣ: войну, миръ, договоры; онъ же назначаетъ на всѣ должности и начальствуетъ надъ всѣми войсками (къ числу которыхъ прибавляются два новыхъ гвардейскихъ полка). По другому, болѣе точному извѣстію, войсками начальствуютъ два фельдмаршала, отдающіе отчетъ совѣту. Для финансовъ избирается верховнымъ совѣтомъ государственный казначей, который долженъ отдавать совѣту самый точный отчетъ о мельчайшихъ государственныхъ расходахъ.

3. Сенатъ, изъ 30—36 членовъ, предварительно разсматриваетъ дѣла, вносимыя въ совѣтъ, а также представляетъ высшую судебную инстанцію.

4. Палата низшаго шляхетства, изъ 200 членовъ, охраняетъ права этого сословія, въ случаѣ нарушенія ихъ совѣтомъ. (Всякій знатный шляхтичъ, уличенный въ преступленіи, наказывается по законамъ, но наказаніе не распространяется на его семейство).

5. Палата городскихъ представителей, по два отъ каждаго города, вѣдаетъ торговыя дѣла и интересы простого народа.

Соглашаясь съ прочими изслѣдователями (Іерне, проф. Д. Корсаковымъ), анализировавшими „кондиціи“ и проектъ государственнаго управленія, составленные княземъ Голицынымъ, въ томъ, что оба акта носили на себѣ въ цѣломъ аристократическій отпечатокъ, П. Н. Милюковъ говоритъ: „Всего этого нельзя не признавать, и при всемъ томъ можно утверждать, что проектъ Голицына не только не имѣлъ своекорыстно-личнаго характера, но не имѣлъ даже своекорыстно-сословнаго. На

всемъ проектѣ лежитъ отпечатокъ теоретизирующей и идеализирующей политической мысли; этотъ отпечатокъ скрывалъ, и, можетъ быть, отъ самого автора, реальную узость того сословнаго принципа, на которомъ проектъ былъ построенъ. Среди ожесточенной борьбы реальныхъ интересовъ и политическихъ теорій, какую вызвали попытки верховниковъ, этотъ проектъ быстро заклейменъ былъ кличкой олигархическо-тираническаго. Но когда, задолго до событій, давшихъ возможность попытаться осуществить его, кн. Голицынъ обдумывалъ свою политическую теорію, навѣрное она представлялась ему весьма радикальной сравнительно съ окружавшею его дѣйствительностью. Эту-то разницу между условіями теоретической разработки и условіями практическаго осуществленія надо имѣть въ виду при историческомъ объясненіи цѣлей князя Голицына".

Когда князь Голицынъ выступилъ со своими предложеніями конституціонныхъ „кондицій", то собраніе встрѣтило это предложеніе отчасти съ недоумѣніемъ, отчасти и съ явнымъ несочувствіемъ, и автору „кондицій" стоило немало труда создать для своего предложенія благопріятное рѣшеніе. Такъ или иначе, но пункты были утверждены и посланы въ Митаву на подписаніе герцогинѣ курляндской. Пока „кондиціи" путешествовали изъ Москвы въ Курляндію, вотъ что происходило въ первопрестольной *).

По случаю предполагавшагося бракосочетанія Петра II, въ Москвѣ собралось въ январѣ 1730 года все, что было вліятельнаго и выдающагося въ Россіи. Здѣсь были члены сената и синода, генералитетъ съ третьимъ фельдмаршаломъ, княземъ Трубецкимъ, во главѣ, не введеннымъ въ верховный совѣтъ, а потому обиженнымъ и фрондирующимъ, многіе изъ представителей шляхетства гвардейскаго, армейскаго и даже отставного и почти вся столичная бюрократія въ лицѣ ея высшихъ руководителей. Изъ состава тогдашняго генералитета въ числѣ 170 человѣкъ налицо было 87, а шляхетство было представлено 2.000 человѣками, изъ коихъ болѣе 1.000 принимало самое живое и активное участіе въ обсужденіи вопроса первѣйшей государственной важности. Когда содержаніе кондицій стало общеизвѣстнымъ, то въ интеллигенціи рѣзко обозначилось два теченія по сему вопросу. Одна часть ея была принципіально

*) П. Милюковъ. Изъ исторіи русской интеллигенціи. Верховники и шляхетство, гл. IV.

несогласна съ верховниками, желая „старое, отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно“. Другая, притомъ болѣе многочисленная и болѣе вліятельная, готова была признать пользу реформы, но была обижена тѣмъ, что ея мнѣнія не спросили. „Передѣлывать составъ государства“ въ небольшомъ кружкѣ значило, какъ она полагала, брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность. „И хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожъ скрывать то передъ другими, а наипаче и правительствующимъ особамъ не сообщать—непріятно то и смрадно пахнетъ“, разсуждали, по свидѣтельству Ѳеофана Прокоповича, ближайшаго участника тогдашнихъ событій, московскіе конституціоналисты изъ генералитета и шляхетства. Защитники неограниченной монархіи видѣли въ „кондиціяхъ“ раздѣлъ власти между восемью лицами, вызванный „несытымъ лакомствомъ и властолюбіемъ верховниковъ“, въ результатѣ каковаго раздѣла они предсказывали междусобныя войны, возвращеніе Россіи въ тотъ „скаредный“ видъ, который она имѣла, „когда на многая княженія расторжена бѣдствовала“, всеобщую анархію, рѣзню и т. д. Съ другой стороны, люди, сочувствовавшіе Голицыну въ принципѣ и признавшіе необходимость конституціонной формы правленія, не находили въ проектѣ верховниковъ необходимыхъ гарантій законности. „Кто намъ поручится,—спрашивали они,—что со временемъ, вмѣсто одного государя, не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтѣ, и что они своими притѣсненіями не увеличатъ нашего рабства? У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ бы руководиться совѣтъ; если его члены станутъ сами издавать законы, то они во всякое время могутъ ихъ уничтожить“.

Отмѣтивъ это мнѣніе, г. Милюковъ замѣчаетъ, что оно „прямо указывало на самый существенный пробѣлъ въ проектѣ Голицына, отмѣченный и новѣйшимъ историкомъ (Іерне). Дѣло въ томъ, что не только въ „пунктахъ“, но и въ полномъ проектѣ Голицына вопросъ о конституціонныхъ гарантіяхъ и объ организаціи законодательной власти оставался совершенно обойденнымъ; между тѣмъ соотвѣтственныя постановленія существовали, конечно, въ шведскихъ источникахъ голицынскаго трактата“.

Возражая противъ права совѣта на законодательную власть въ будущемъ, конституціонная партія оспаривала его право на учредительскую власть въ настоящемъ. Она полагала, что новое

государственное устройство должно быть выработано особеннымъ учредительнымъ собраніемъ, болѣе широкимъ, чѣмъ совѣтъ, по соціальному составу. Законодательная власть, по мнѣнію тогдашнихъ московскихъ конституціоналистовъ, не должна быть монополіей какой-либо правящей корпораціи, а достояніемъ „общенароднаго“ правительства. Однако, говоря объ общенародныхъ интересахъ, никто изъ говорившихъ не имѣлъ въ виду дѣйствительнаго народа, интересовъ всей страны, а подразумѣвалъ или интересы шляхетства, или служилаго класса и помѣстнаго дворянства. „Заговоривъ объ общенародныхъ гарантіяхъ, это шляхетство кончило выработкой проекта дворянскихъ льготъ. Интересы же другихъ сословій занимали московское шляхетство едва ли въ большей степени, чѣмъ кн. Голицына“,— резюмируетъ тогдашне настроеніе умовъ П. Н. Милюковъ.

Любопытно отмѣтить, что, стоя передъ явленіемъ громадной исторической важности, никто изъ участниковъ тогдашнихъ событій не далъ себѣ труда вспомнить о старинной формѣ, выработанной Русскою землею, для рѣшенія вопросовъ коренного государственнаго значенія—о земскихъ соборахъ, гдѣ какъ ни какъ, а раздавался властный голосъ народа. Эта старинная юридическая формула была какъ бы забыта, ея никто не вспоминалъ, и ее старательно обходили молчаніемъ. Трудно было бы объяснить это явленіе короткостью исторической памяти или невѣжествомъ по части историческихъ фактовъ. Вѣдь не прошло еще и полныхъ 150 лѣтъ, какъ среди тѣхъ же кремлевскихъ стѣнъ Москвы русскій народъ, удовлетворяя своимъ рѣшеніемъ всѣ классовые интересы и устанавливая архитектуру государственнаго строительства Русской земли, сумѣлъ выйти съ честью изъ смутныхъ обстоятельствъ, облекшихъ родину. Ни верховники, ни шляхетство, ни прочіе представители тогдашней интеллигенціи, однако, объ этомъ важномъ моментѣ отечественной исторіи не вспомнили, и никто не высказался за необходимость въ дни наступившей новой исторической смуты созыва земскаго собора, предпочитая разобраться въ нуждахъ современности или путемъ теоретическихъ построеній, или при помощи примѣровъ изъ политической жизни сосѣдей, или, наконецъ, на основахъ вѣры въ фактическую силу сдѣланнаго уже бюрократіей и шляхетствомъ захвата власти, минуя санкцію народа по представительству отъ всей земли. Бюрократическо-шляхетскій режимъ, установленный Петромъ I, уже успѣлъ пустить глубокіе корни и наложить на общественную мысль мертвенный отпечатокъ

рутины, боязливости и ограниченности. Печать бюрократизма при такихъ условіяхъ жизни по необходимости легла и на идею того самодержавія, которое обсуждалось въ смутные дни 1730 г., и на порядокъ самаго его обсужденія; живое нѣкогда историческое установленіе превращалось поэтому въ нѣчто механическое, бездушное, далекое отъ народа и его истинныхъ нуждъ и идеаловъ. Самодержавіе и бюрократія становилась какъ бы синонимами, понятіями одного порядка, взаимно дополняющими и зависимыми другъ отъ друга.

По указаніямъ г. Милюкова, на основаніи свидѣтельства Ѳеофана Прокоповича, въ ночныхъ собраніяхъ шляхетства дѣло не ограничилось одними теоретическими разсужденіями. Московскіе кружки рѣшились дѣйствовать и въ этомъ случаѣ опять раздѣлились на два лагеря. Принципіальные противники проекта верховниковъ склонялись къ „дерзкому" рѣшенію: „на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто свое соберутся, напасть внезапно оружною рукою и, если не похотятъ отстать умысловъ своихъ, смерти всѣхъ предать". Сторонники ограниченія царской власти предпочитали „другое мнѣніе—кроткое": явиться въ верховный совѣтъ и убѣдить верховниковъ — „призвать ихъ въ свое дружество" и дѣйствовать сообща. Но первое мнѣніе казалось многимъ слишкомъ „лютымъ и удачи неизвѣстной", другое, напротивъ, слишкомъ „слабымъ и недѣйствительнымъ"; время проходило въ разговорахъ, и „все ихъ дѣйствіе день по дню знатно простывало". Верховный совѣтъ тоже не оставался въ бездѣйствіи. Верховники были „не безъ страха, когда не знали они, какъ дремливо было противниковъ дѣйствіе; но когда сіе узнали, показывали себя грозныхъ и яростныхъ. Нарочно отъ нихъ разсѣвали слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ: и что мятежныя ихъ сонмища верховному совѣту гораздо вѣдомы; и что непокойныя оныя головы судятся, яко непріятели отечествія, и скоро пошлется—и уже послано —ловить ихъ за арестъ; и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются; и что никому изъ нихъ утаиться и избѣжать бѣды нельзя, понеже немногіе пойманные покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится, кто каковой казни достойны будутъ". Такъ изображаетъ тогдашнюю картину дѣйствій Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Верховники, слѣдовательно, оказывали давленіе на консервативную партію страхомъ террора, что же касается отколов-

шихся отъ нихъ конституціоналистовъ изъ шляхетства, то ихъ старались привлечь на свою сторону убѣжденіями и обѣщаніями, что вопросъ о новомъ государственномъ устройствѣ будетъ переданъ на обсужденіе „всѣхъ чиновъ“, какъ только получено будетъ извѣстіе о согласіи новой императрицы на посланныя къ ней „кондиціи“. Пока же эти „кондиціи“ еще не прибыли, совѣтъ верховниковъ обсуждалъ изложенный выше конституціонный проектъ кн. Голицына, а шляхетскія группы составляли свои проекты, которые и скрѣпляла каждая группа порознь большимъ или меньшимъ числомъ подписей.

Получивъ столь выгодное, а еще болѣе неожиданное предложеніе, какъ занятіе русскаго престола, о чемъ ей, при наличности дочерей Петра, и сниться во снѣ не могло, бѣдная курляндская вдова, конечно, поспѣшила выразить свое согласіе на всѣ кондиціи, каковы бы онѣ ни были, и тѣмъ болѣе, что къ тому же времени приспѣло изъ Москвы и конфиденціальное сообщеніе отъ представителей консервативной партіи, что „страшенъ только сонъ, а милостивъ Богъ“, и что съ „кондиціями“ не трудно будетъ, при удобномъ случаѣ, покончить, ибо онѣ не „отъ всего народу“ привезены. 3-го февраля 1730 года высшимъ чинамъ было объявлено, что Анна Іоанновна приняла престолъ на предложенныхъ условіяхъ, которыя и были сообщены тутъ же собравшимся, какъ актъ, юридически оформленный ея подписью. Послѣ этого былъ подписанъ „благодарственный“ протоколъ собранія, хотя тутъ же кто-то не преминулъ замѣтить: „не вѣдаю, да и весьма чуждусь, отъ чего пришло на мысль государынѣ такъ писать“. Заискивая передъ конституціоналистами шляхетской партіи, верховники дѣлали видъ, что охотно принимаютъ ихъ проектъ „для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія“, на дѣлѣ же никоимъ образомъ не имѣли въ виду дѣлиться съ кѣмъ либо своею будущею властію. Неудовольствіе противъ верховниковъ росло, и ко времени прибытія въ Москву Анны Іоанновны это неудовольствіе перешло уже въ активную оппозицію. Сама императрица, минуя „пункты кондицій“, стала проявлять самодержавную волю, дѣлая внѣ своей ограниченной компетенціи назначенія по войскамъ и упорно отказываясь присутствовать на засѣданіяхъ верховнаго тайнаго совѣта; въ такой личной самостоятельности ее особенно поддержалъ отказъ Преображенскаго полка присягать въ формѣ, выработанной совѣтомъ и для послѣдняго удобной. Все складывалось къ тому, чтобы „затѣйка“ верховнаго совѣта потерпѣла фіаско, при чемъ

инціатива этого фіаско исходила не отъ самой Анны, а изъ рядовъ шляхетства; такимъ образомъ первые вполнѣ реальные шаги къ установленію въ Россіи конституціи, не считая за таковой шагъ переговоровъ съ Владиславомъ въ эпоху Смутнаго времени, при приглашеніи его на русское царство, не дали практическихъ результатовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не вызвали ни съ какой стороны кровавыхъ слѣдствій и кровавой борьбы. Верховники, задумавъ замѣнить самодержавіе аристократическою конституціонною формою правленія, не имѣли въ своемъ распоряженіи средствъ и способовъ, чтобы силою поддержать свои планы, шляхетство же. не выработавъ опредѣленнаго конкретнаго плана государственнаго переустройства, зато имѣло за собою военную организацію и единственную въ тогдашнемъ государствѣ силу, которую и противопоставило олигархическимъ тенденціямъ совѣта.

Сторонники консервативной партіи въ данномъ случаѣ поработали основательно, вслѣдствіе чего 800 человѣкъ шляхетства, явившись во дворецъ, просили императрицу сначала о разсмотрѣніи поданныхъ ими совѣту проектовъ и оставленныхъ послѣднимъ безъ разсмотрѣнія, а потомъ гвардія, выдѣлившись особо, била челомъ о принятіи Анною Іоанновною въ свои руки россійскихъ скипетра и державы безъ всякихъ кондицій и ограниченій. „Государыня. мы, вѣрные рабы вашего величества,—восклицали гвардейскіе офицеры,—вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и готовы пожертвовать жизнью на службѣ вашему величеству; но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите, и мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы". Вслѣдъ за симъ и шляхетство, съ своей стороны, подало челобитную, которую и прочелъ князь Антіохъ Кантемиръ. Здѣсь категорически было сказано, что мы, нижеподписавшіеся представители шляхетства *), „всепокорнѣйше просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ верховнаго совѣта и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданнѣйше ваше императорское величество просимъ, чтобъ соизволили сочинить вмѣсто верховнаго совѣта и высокаго сената одинъ правительствующій сенатъ, какъ при его величествѣ, бла-

*) „Воцареніе императрицы Анны Іоанновны" Историческій этюдъ Д. А. Корсакова. Казань. 1880.

Понеже по воле всемогущаго Бога и по общему
желанию всероссийского народа мы по пре-
ставлении всепресветлейшаго держа-
внейшаго великаго государя Петра втораго
императора и самодержца всероссийского
нашего любезнейшаго государя племянника
императорский всероссийский престол
восприняли, и следуя божественному
закону правительство свое таким
образом вести намерена и желаю,
дабы оное вначале к прославлению Бож-
ескаго имени и ко благополучию всего нашего
государства и всех верных наших подда-
нных служить могло. Того ради
чрез сие наикрепчайше обещаемся, что
наиглавнейшее мое попечение и старание
будет не токмо о содержании, но и о
крайнем и всевозможном распростра-
нении православныя нашея веры греческаго
исповедания. Такожде по прина-
тии короны российской, во супружество
во всю мою жизнь не вступать, и наслед-
ника ни при себе, ни по себе никого не о-
пределять. Еще обещаемся, что
понеже целость и благополучие всякаго
государства от благих советов состоит,
того ради мы ныне уже учрежденный
Верховный тайный совет в осми пер-
сонах

Факсимиле акта, разорваннаго императрицей
(Воспроизведено изъ „Исторіи император

всегда содержать, и без оного верховного
тайного совета согласия. 1. Ни с кем
войны не вчинать. 2. Миру не заклю
чать. 3. Верных наших подданных
никакими новыми податми не отяго
щать. 4. В знатные чины, как в ста
тские, так и в военные сухопутные
и морские выше полковничья ранга
не жаловать, ниже к знатным
делам никого не определять, и гвардии
и протчим войскам быть под веде=
нием верховного тайного совета.
5. У шляхетства живота и имения и чести
без суда не отымать. 6. Вотчины
и деревни не жаловать. 7. В придво=
рные чины как руских, так и ино=
земцов без совету верховного тайного
совету не производить. 8. Государстве=
нные доходы в росход не употреблять
и всех верных своих подданных в неотме=
нной своей милости содержать; а буде
чего по сему обещанию не исполню и не до=
держу, то лишена буду короны россий=
ской. Посему обещаю все без всяк
ого изъятия содержать.

Анна

…й Ивановной 20-го августа 1730 года.
…авной квартиры" В. В. Квадри).

женной памяти дядѣ вашего императорскаго величества Петрѣ Первомъ было, и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; такожде нынѣ въ члены и впредь на упалыя мѣста въ оный правительствующій сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно бъ было шляхетству выбирать баллотированьемъ, какъ то при дядѣ вашего величества, его императорскомъ величествѣ Петрѣ Первомъ, установлено было; и при томъ всеподданнѣйше просимъ, чтобъ по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить".

Заключительная сцена протекла такъ: „пополудни въ четвертомъ часу къ ея императорскому величеству призванъ статскій совѣтникъ г. Масловъ (одинъ изъ правителей дѣлъ верховнаго тайнаго совѣта), и приказано ему подписанные отъ ея императорскаго величества собственною рукою пункты и письмо принесть къ ея величеству отъ господъ министровъ (чиновъ верховнаго тайнаго совѣта) поднесены. И тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодрать".

Такимъ образомъ широкій и долго обдуманный планъ князя Голицына потерпѣлъ крушеніе, и вещественнымъ памятникомъ этого плана остался лишь разорванный Анною документъ, нынѣ хранящійся въ государственномъ архивѣ и воспроизводимый здѣсь въ уменьшенномъ форматѣ.

Скорбя о постигшей его неудачѣ, старикъ князь Д. М. Голицынъ говорилъ въ этотъ вечеръ въ кругу своихъ друзей:

— Пиръ былъ готовъ, но гости были недостойны его. Я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть, я пострадаю за отечество; я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня.

Изъ всего хода дѣла усматривается, что самодержавіе обязано собственно гвардіи сохраненіемъ своей неприкосновенности, вотъ почему Анна, по вступленіи на престолъ, ласкаетъ гвардію, учреждаетъ новые гвардейскіе полки, какъ бы памятуя, что долгъ платежемъ красенъ. Что касается шляхетства и дворянства вообще, то ихъ сословные и тѣмъ болѣе государственные интересы соблюдаются въ послѣдующіе годы далеко не всегда и не во всемъ. Государыня дѣйствительно уничтожила тайный верховный совѣтъ, возстановила прежнее значеніе сената, какъ того просили дворяне, она уничтожила ненавистный законъ Петра о единонаслѣдіи и учредила шляхетскій корпусъ, но про-

шеніе дворянства объ участіи въ избраніи администраціи осталось не выполненнымъ. Поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ С. Ѳ. Платоновъ *), вся политика Анны не только не дворянская, но даже не національная—боясь русской знати поднесшей ей пункты,—говоритъ почтенный ученый,—подвергая ею гоненію и даже униженію, опасаясь, съ другой стороны, политическихъ движеній среди шляхетства и помня, что въ Голштиніи есть родной внукъ Петра Великаго (будущій Петръ III), котораго Анна въ гнѣвѣ звала „чортушкой въ Голштиніи", и который могъ стать знаменемъ движенія противъ нея,— Анна не нашла лучшаго для себя выхода, какъ организовать свое правительство изъ нѣмцевъ. Это обстоятельство, вызванное неумѣньемъ найти себѣ опору въ своемъ народѣ, въ той или другой его части, привело къ печальнымъ результатамъ. Правленіе Анны—печальная эпоха въ русской жизни XVIII вѣка, время временщиковъ, чуждыхъ Россіи. Находясь подъ вліяніемъ своихъ любимцевъ, Анна не оставила по себѣ доброй памяти ни государственной дѣятельностью, ни личною жизнью. Первая сводилась къ удовлетворенію эгоистическихъ стремленій нѣсколькихъ лицъ, вторая отмѣчена странностями, рядомъ расточительныхъ празднествъ, грубыми нравами при дворѣ, блестящими, но жестокими затѣями въ родѣ ледяного дома. Съ первыхъ же минутъ самодержавной власти началось возвышеніе иностранцевъ и опалы на Русскую землю".

Мы не послѣдуемъ за интимную черту историческаго занавѣса, падающаго въ данный моментъ передъ читателями. Въ нѣкоторыхъ цитированныхъ выше спеціальныхъ трудахъ, особенно Валишевскаго, они найдутъ изложеніе событій этого печальнаго и постыднаго для русскаго самолюбія царствованія бывшей Курляндской герцогини, русской по крови, но иноземки по привычкамъ, симпатіямъ и боязни всякаго проявленія русскаго духа, русской идеи и русской силы. На зарѣ ея царствованія русская жизнь замутилась силою историческихъ событій, и такой же мутной оставалась она до конца ея правленія. Самодержавіе Анны, оставаясь бюрократическимъ и съ опорою исключительно въ чиновничествѣ и гвардіи, стало уже совершенно чуждо народу, ибо окончательно потеряло всякій національный характеръ, національное значеніе, которое было ему обязательно предписано, какъ непремѣнное условіе его утвержденія, со сто-

*) „Лекціи по русской исторіи" профессора С. Ѳ. Платонова. Спб. 1904.

роны земскаго собора 1613 года. Такимъ бюрократическимъ и ненаціональнымъ оно осталось на очень долгіе годы и для всѣхъ послѣдовавшихъ эпохъ; нѣкоторый просвѣтъ тутъ наблюдается съ восшествіемъ на престолъ Елисаветы Петровны, но затѣмъ этотъ разсвѣтъ окончателъно снова гаснетъ.

Сухая революція, учиненная гвардейскими батальонами въ пользу дочери Петра Великаго, гибель Іоанна Антоновича, появленіе въ Россіи „чортушки изъ Голштиніи", бракъ его съ Екатериною Алексѣевною и пр. и пр. извѣстныя изъ официальной исторіи Россіи событія—все это были явленія, хотя и очень крупной государственной важности, но не отразившіяся болѣе или менѣе ярко и сильно на положительномъ развитіи жизненныхъ народныхъ силъ страны. Жизнь этого народа, въ ея бытовыхъ и культурныхъ проявленіяхъ, продолжала слагаться и проявляться внѣ непосредственной связи съ представителями верховной власти, съ одной стороны, а съ другой, не выставляла съ своей стороны какой-либо сильной оппозиціи или пропротивоборства тому, что совершалось въ Петербургѣ и въ бюрократическихъ сферахъ. Со времени Булавинскаго бунта и въ теченіе длиннаго періода до царствованія Екатерины, мы не встрѣчаемся ни съ однимъ моментомъ широкаго народнаго движенія съ соціально-политической окраской на немъ. Мѣстами въ закрѣпощенномъ крестьянствѣ вспыхиваютъ то тамъ, то здѣсь спеціальные бунты, вызванные гнетомъ помѣщичьей власти и экономической нуждой, и въ цѣляхъ болѣе правильнаго, свободнаго и сытаго существованія. Эти бунты вспыхиваютъ стихійно, безъ опредѣленной программы и подавляются всякій разъ военною силою, въ интересахъ помѣщичьей власти. Закрѣпощеніе народа, расхищеніе народнаго и государственнаго богатства идутъ быстрыми шагами, но въ народѣ этомъ не хватаетъ какъ будто силъ для широко-организованной активной борьбы. Онъ протестуетъ мгновеніями, и эти мгновенныя вспышки такъ же быстро погашаются, какъ имъ суждено было вспыхнуть. Большого кроваваго пожара нигдѣ за тотъ историческій періодъ не наблюдается, и жизнь народная протекаетъ мутно и сѣро, въ кабалѣ и въ жертвахъ, то на пользу и силу государственной власти, то въ интересахъ военной обороны и расширенія границъ имперіи.

Царствованіе Елисаветы Петровны не было омрачено грозными раскатами широкихъ народныхъ возстаній. Дѣятельность гвардейскихъ батальоновъ въ пользу дочери Петра Великаго

удовлетворила національное самолюбіе русскаго народа, столь оскорбленнаго въ своемъ патріотическомъ чувствѣ и національномъ самосознаніи фаворитами изъ иностранцевъ въ предыдущую эпоху. Поэтому, хотя правительственный аппаратъ при Елисаветѣ работалъ на пользу народнаго блага достаточно вяло и безпорядочно, но онъ не вызывалъ противъ себя ни народныхъ страстей, ни поползновеній со стороны отдѣльныхъ лицъ или кружковъ къ введенію здѣсь ограничительнаго начала.

Конституціонныя вѣянія въ духѣ проекта кн. Голицына не проносились надъ престоломъ новой императрицы, и ея самодержавіе, хотя фактически и отдѣленное отъ народа плотнымъ бюрократическимъ средостѣніемъ, пребывало къ покоѣ и безопасности, хорошо охраняемое и защищаемое гвардіей, лейбъкампанцами и чиновными установленіями. Іоаннъ Антоновичъ, единственный возможный претендентъ на престолъ дома Романовыхъ по мужской линіи, былъ не опасенъ: стѣны Шлиссельбургской крѣпости были для него хорошимъ убѣжищемъ, и за ихъ толщею на несчастнаго и въ своей судьбѣ ничѣмъ неповиннаго юношу медленно, хотя и систематически вѣяло дыханіемъ сначала слабоумія, а потомъ смерти. Веселой и жизнерадостной государынѣ до бѣднаго шлиссельбургскаго узника было мало дѣла, а еще менѣе той придворной и военной партіи, которымъ онъ, какъ опредѣленный представитель иноземнаго начала, былъ совершенно чуждъ. Народъ, хотя еще недавно ему присягалъ, какъ своему законному самодержцу, но тоже имъ мало интересовался, и только нелѣпо задуманный въ Москвѣ заговоръ въ пользу Іоанна Антоновича нѣсколько напомнилъ русскимъ людямъ о подневольномъ затворникѣ.

Камеръ-лакей Турчаниновъ, прапорщикъ Преображенскаго полка Ивашкинъ и сержантъ Измайловскаго полка Сновидовъ рѣшили захватить и умертвить Елисавету и племянника ея, герцога голштинскаго, Петра Ѳедоровича, и возвести на престолъ свергнутаго Іоанна. Мотивами для такой новой революціи выставлялись соображенія о внѣбрачномъ рожденіи Елисаветы Петровны, а потому и о незаконности ея правъ на родительскій престолъ. Заговорщики были вскорѣ обнаружены, арестованы и послѣ обычнаго наказанія—сѣченія кнутомъ и вырѣзанія ноздрей—сосланы въ Сибирь. Заговорщики сообщниковъ не имѣли, не могли разсчитывать на чье либо широкое сочувствіе, и весь заговоръ ограничился комнатными дѣйствіями, безъ участія тутъ войска, бюрократіи и народа. Заговоръ Турчанинова

возникъ и былъ раскрытъ въ 1742 г., во время коронаціоннаго пребыванія государыни въ Москвѣ. Черезъ семь лѣтъ въ той же Москвѣ былъ обнаруженъ вторичный заговоръ противъ Елисаветы, съ цѣлью возведенія на престолъ уже Петра Ѳедоровича, при содѣйствіи отчасти войска, но главнымъ образомъ черезъ посредство фабричныхъ рабочихъ и городской черни. Этотъ эпизодъ, мимолетный, совершенно несерьезный и безъ печати на немъ государственнаго порядка. любопытенъ, какъ историческій моментъ, содержащій въ себѣ отчасти зародышъ тѣхъ мотивовъ, которые черезъ полтора десятка лѣтъ оформились въ легенду, сыгравшую рѣшающую роль въ періодъ Пугачевскаго бунта. Героемъ новаго заговора противъ Елисаветы явился нѣкто, праздношатающійся и проигравшійся въ карты подпоручикъ Ширванскаго пѣхотнаго полка Іосифъ Батуринъ, рѣшившійся при помощи заговора выйти изъ затруднительнаго денежнаго положенія. Тайный бракъ Елисаветы съ Разумовскимъ былъ тою благодарною канвою, на которой къ тому времени народная фантазія уже успѣла вышить цвѣтной узоръ хитросплетенной легенды, получившей въ Москвѣ болѣе или менѣе широкое распространеніе.

Обвиненія противъ Разумовскаго проникли въ народъ *), съ цѣлью выставить великаго князя Петра жертвою всесильнаго вельможи, который стремится погубить наслѣдника престола. Авторы слуховъ разглашали, что „Разумовскій составилъ команду изъ своихъ маллоросовъ, которые губили русскихъ, что онъ вывезъ изъ дворца старинныя вещи прежнихъ царей и отослалъ къ матери, которая, въ свою очередь, отослала ихъ въ подарокъ въ Польшу: великаго князя Петра шесть разъ приводилъ къ смерти; держитъ при себѣ волшебниковъ малороссіянъ (у нихъ въ Малой Россіи много волшебниковъ!), которые остудили наслѣдника съ императрицею. Начальники новой скопческой ереси тоже, съ своей точки зрѣнія, вооружились противъ Разумовскаго; сильныя выходки противъ него дѣлалъ въ своихъ писаніяхъ Кюменеровскаго полка прапорщикъ Иванъ Поповъ, толковавшій, что великій князь Петръ возлюбилъ послѣдователей стараго благочестія; при немъ не будетъ войны; у Петра будетъ сынъ также Петръ, воинъ сильный, который будетъ царствовать въ Мосовѣ, т. е. въ Москвѣ, и будетъ называться князь Розгимо-

*) С. М. Соловьевъ. „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, т. XXIII, гл. 3-я.

сохъ; жена у него будетъ Елена, рожденная въ селѣ близъ моря-океана, въ сѣверной сторонѣ, изъ простого народа. Потомства у этого Петра не будетъ, потому что Елена не будетъ съ нимъ жить по брачному обычаю и скоро умретъ, а Петръ другой жены себѣ не возьметъ, станетъ ходить по заповѣдямъ Господнимъ. Петръ будетъ и въ Іерусалимѣ, но умретъ въ Россіи. При Елисаветѣ малое число избранныхъ гонимо будетъ едва не вконецъ. Если бы первый царевичъ (Алексѣй Петровичъ) не былъ убитъ, то благочестіе господствовало бы до конца свѣта".

Такова темная легенда, ходившая въ народѣ, въ которой наблюдаются нѣкоторыя любопытныя черты. Прежде всего здѣсь замѣтенъ близкій интересъ народа къ домашней жизни царствующей семьи, нѣкоторое знакомство съ историческими фактами, память о несчастномъ Алексѣѣ и, наконецъ, участіе въ этомъ народномъ творчествѣ мистическихъ элементовъ народной жизни. Скопчество уже въ концѣ сороковыхъ годовъ связываетъ свои симпатіи съ личностью Петра III и какъ бы ставитъ его патрономъ своего вѣроученія. Откуда именно скопчество почерпнуло сочувствіе къ племяннику Елисаветы Петровны, трудно установить, но думается, что здѣсь рѣшающую роль сыграла хирургическая половая операція, которую пришлось Петру Өедоровичу вынести вскорѣ послѣ своей женитьбы на Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Слухъ объ этой операціи, конечно, ничего по существу своему не имѣющей общаго съ оскопленіемъ, которое было распространено въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, могъ легко проникнуть въ народъ, и отсюда фантастическое пріобщеніе наслѣдника Елисаветы къ сектѣ „бѣлыхъ голубей", т.-е. скопцовъ.

П. Мельниковъ-Печерскій *) въ своемъ повѣствованіи о видномъ представителѣ этой секты, Селивановѣ, свидѣтельствуетъ, что „бѣлые голуби" разсказываютъ и поютъ въ своихъ пѣсняхъ слѣдующее: „Отецъ-искупитель воплотился отъ Святаго Духа и родился отъ пренепорочныя дѣвы Елисаветы Петровны, по благовѣствованію Іоанна Богослова. Будучи предызбрана Богомъ ко святому житію, императрица Елисавета Петровна царствовала только два года. Отдавъ правленіе любимой фрейлинѣ, очень похожей на нее лицомъ, она будто бы „отложила царскія одежды, надѣла нищенское платье и пошла пѣшкомъ въ Кіевъ на богомолье". На пути, въ Орловской губерніи, познала она истинную вѣру людей божьихъ и осталась съ ними жить подъ именемъ

*) „Бѣлые Голуби", „Русскій Вѣстникъ", 1869 г.

Акулины Ивановны. Еще въ Петербургѣ будто бы родила она сына, Петра Ѳедоровича, и отправила его въ Голштинію на воспитаніе, гдѣ, достигнувъ отроческихъ лѣтъ, сдѣлался онъ „бѣлымъ голубемъ". Возвратясь вскорѣ послѣ того въ Петербургъ, былъ онъ объявленъ наслѣдникомъ престола и женился. Супруга Петра возненавидѣла его за то, что онъ былъ „убѣленъ", и когда принялъ онъ правленіе, склонила на свою сторону нѣкоторыхъ вельможъ, которые рѣшились убить его въ Ропшѣ. Но Петръ, свѣдавъ о томъ, перемѣнился платьемъ съ караульнымъ солдатомъ, также „бѣлымъ голубемъ", и скрылся. Трое сутокъ скрываясь отъ поисковъ, онъ не пилъ, не ѣлъ, потомъ будто бы сидѣлъ въ какомъ-то каменномъ столбѣ, укрывался отъ колонистовъ, жившихъ подъ Петербургомъ, и, наконецъ, успѣлъ скрыться въ Москвѣ. Солдата между тѣмъ убили и похоронили въ Невской лаврѣ. Въ Москвѣ Петръ началъ свою проповѣдь „чистоты", затѣмъ ушелъ въ Орловскую губернію къ Акулинѣ Ивановнѣ, принялъ имя Кондратія Ивановича Селиванова, а ушедшій съ нимъ вмѣстѣ графъ Чернышевъ (по другимъ, князь Дашковъ) назвался Александромъ Ивановичемъ Шиловымъ. Оба они исходили всю Россію и разныя иностранныя государства, „проповѣдуя чистоту", были наконецъ взяты въ Тулѣ, наказаны въ Сосновкѣ кнутомъ и сосланы: отецъ-искупитель Петръ Ѳедоровичъ на востокъ, въ землю Иркутскую, предтеча его Шиловъ на сѣверъ, въ Ригу".

Такая скопческая легенда въ ея окончательной редакціи появилась уже послѣ кроваваго Ропшинскаго событія и послѣ того, какъ Екатерина II вступила на престолъ, но и въ концѣ сороковыхъ годовъ имя Петра Ѳедоровича уже непосредственно начало связываться съ сектантствомъ, и его личностью въ простомъ народѣ начинаютъ интересоваться, какъ представителемъ царскаго дома, вокругъ котораго сгущается туманъ семейныхъ интригъ, козней и дворцовыхъ происковъ, грозящихъ его правамъ на вѣнецъ и престолъ. Главнымъ виновникомъ этихъ происковъ молва называетъ Разумовскаго, самаго близкаго человѣка по семейнымъ отношеніямъ къ государынѣ, съ которымъ она въ 1742 году связала свою жизнь тайными брачными узами, и народъ начинаетъ высказывать опасеніе, какъ бы ради этого избранника сердца и плоти не были принесены въ жертву и наслѣдникъ престола и даже самый престолъ. Смутное предчувствіе народа, опережая дѣйствительныя событія исторіи на цѣлыхъ 15 лѣтъ, воплощается въ легенду, куда предводящимъ

началомъ заползаетъ скопчество, истинное переплетается съ вымышленнымъ, и создается такимъ образомъ благопріятная обстановка для того или иного начинанія. Этою благопріятною обстановкою и пытается воспользоваться въ личныхъ и корыстныхъ интересахъ вышеназванный Батуринъ. У него нѣтъ связей для агитаціи въ придворныхъ и бюрократическихъ кругахъ, у него нѣтъ матеріальныхъ средствъ для воздѣйствія на войска, и вотъ онъ пытается опереться на фабрично-заводскую массу и на купечество, какъ представителей нужнаго ему капитала. Заручившись сообществомъ нѣсколькихъ лицъ, онъ черезъ пикеровъ псовой придворной охоты поставляетъ въ извѣстность великаго князя, что, въ цѣляхъ защиты его особы, онъ можетъ поднять находящійся въ Москвѣ преображенскій батальонъ и лейбъ-кампанцевъ, а также всѣхъ фабричныхъ рабочихъ. „Только бы его высочество далъ намъ знатную сумму денегъ,—утверждалъ Батуринъ, — то заарестуемъ весь дворецъ и Алексѣя Разумовскаго, гдѣ ни найдемъ съ его единомышленниками, всѣхъ въ мелкія части изрубимъ за то, что отъ Разумовскаго долго коронаціи нѣтъ его высочеству; а государыню до тѣхъ поръ изъ дворца не выпустимъ, пока великій князь коронованъ не будетъ".

Упоминая о большомъ числѣ сторонниковъ, Батуринъ подразумѣвалъ здѣсь фабричныхъ рабочихъ, которые уже тогда проявляли тенденцію къ оппозиціи какъ хозяевамъ, такъ и державшимъ сторону послѣднихъ административнымъ властямъ. Особенно сильно проявлялась тогда эта тенденція среди суконщиковъ, недовольныхъ хозяевами за невыплату имъ полностію задѣльныхъ денегъ, а потому всегда готовыхъ къ проявленію оппозиціи и своеволія, и тѣмъ болѣе, что тогдашній составъ фабричныхъ слагался изъ достаточно недисциплинированныхъ общественныхъ элементовъ—бѣглыхъ, бродягъ, нищихъ и даже преступниковъ, т.-е. тѣхъ самыхъ, кто въ свое время пополнялъ казацкую „голытьбу", всегда готовую на призывъ и къ волѣ, и къ грабежу, къ буйству и всякаго рода стихійнымъ движеніямъ, направленнымъ противъ началъ порядка, охранительной дисциплины и консервативной тишины. Указанія Батурина на эти элементы вводятъ впервые въ исторію русскихъ смутъ новое и вполнѣ опредѣленное начало — фабрично-заводскихъ рабочихъ, которые съ того времени начинаютъ все чаще и чаще обращать на себя вниманіе всякаго рода политическихъ агитаторовъ. Послѣдніе вполнѣ справедливо оцѣниваютъ эту народившуюся живую силу, какъ силу сокрушительную и гроз-

ную для тѣхъ, противъ кого она будетъ такъ или иначе направлена.

Батуринъ исходилъ въ своихъ дѣйствіяхъ, конечно, не изъ соображеній теоретическаго свойства, а руководимый стремленіемъ къ наживѣ. Заводя связи среди фабрикантовъ и рабочаго люда, онъ надѣялся почерпнуть отсюда нужныя ему матеріальныя средства и дѣйствительно завелъ по сему предмету необходимые ему переговоры съ купцами, прикрываясь, конечно, государственнымъ и политическимъ флагомъ; но его переговоры успѣха не имѣли: великій князь не пожелалъ или не дерзнулъ вступить съ нимъ даже въ переговоры, и вся эта московская денежная авантюра провалилась очень быстро. И герой замысла и его немногочисленные и случайные сообщники были арестованы, судимы и сосланы кто на вѣчное заключеніе въ Шлиссельбургъ, кто на каторгу, кто въ Сибирь на поселеніе. О Батуринскомъ заговорѣ вообще не стоило бы и говорить серьезно, если бы здѣсь не обращало на себя вниманіе нѣсколько моментовъ, съ развитіемъ и правильной формулировкой которыхъ намъ придется встрѣтиться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Мы впервые знакомимся здѣсь съ историческою новеллою о Петрѣ III, которая такъ ярко обрисовалась и выступила на авансцену въ исторіи Пугачевскаго бунта, и которая еще до того послужила какъ бы пророческимъ эпилогомъ къ вступленію Екатерины Алексѣевны на россійскій престолъ; встрѣчаемся съ указаніемъ на возможную роль въ русскихъ смутахъ со стороны фабрично-заводскихъ рабочихъ,—этихъ представителей казацкой голытьбы новаго времени, и, наконецъ, видимъ снова тенденцію народа приписывать разныя драматическія, по его мнѣнію, положенія самодержцевъ винѣ приближенныхъ, каковые въ народномъ воображеніи и являются вѣчно замышляющими въ той или другой формѣ, по той или иной причинѣ, противъ безопасности и свободы дѣйствій представителей царствующаго дома.

Выше было отмѣчено, что въ Елисаветинскую эпоху не наблюдается какого-либо широкаго народнаго движенія, оппозиціоннаго или революціоннаго характера, тѣмъ не менѣе спеціальные народные бунты съ опредѣленнымъ couleur local встрѣчаются все чаще и чаще, что объясняется, съ одной стороны, усиливающимся крѣпостнымъ правомъ и, съ другой, развивающеюся фабрично-заводскою промышленностью, притягивающею къ себѣ значительные народные кадры преимущественно изъ класса былой казацкой голытьбы, которая, съ развитіемъ и упо-

рядоченіемъ государственности, постепенно теряетъ свой прежній военный характеръ и пріобщается къ отраслямъ мирнаго народнаго труда. Извѣстный изслѣдователь крестьянскаго дѣла и крестьянскаго вопроса въ Россіи, В. И. Семевскій, говоритъ *), что правленіе преемниковъ Петра Великаго до вступленія на престолъ императрицы Екатерины II представляетъ глухую пору въ исторіи крестьянскаго вопроса и въ сферѣ законодательства: крѣпостное и поссесіонное права въ это время и распространяются и усиливаются, не подвергаясь никакимъ ограниченіямъ. Численность крѣпостныхъ увеличивалась посредствомъ приписки по ревизіямъ и посредствомъ пожалованія населенныхъ имѣній. По ревизіямъ, люди, не избиравшіе сами опредѣленнаго образа жизни, или навсегда отдавались на фабрики, или приписывались са помѣщиками; такъ, постепенно записываемы были въ крѣпостные или посессіонные (т. е. принадлежащіе къ фабрикамъ) всѣ вольноотпущенные, непомнящіе родства, бродяги, заштатные церковные служители, сироты, незаконнорожденные, пріемыши, плѣнные и пр. При Петрѣ I, по свидѣтельству изслѣдователя, изъ однѣхъ дворцовыхъ волостей было пожаловано въ помѣстья и вотчины болѣе 170.000 душъ (43.655 дворовъ), со смерти Петра до Екатерины II было пожаловано въ населенныхъ имѣніяхъ нѣсколько сотъ тысячъ душъ. Объ руку съ распространеніемъ крѣпостного права шло и утвержденіе его законодательными актами. Въ 1727 году, въ отмѣну закона Петра I, было запрещено дворовымъ поступать въ военную службу безъ согласія помѣщика. Елисавета Петровна не только подтвердила это постановленіе, но и приказала налагать суровое наказаніе на крѣпостныхъ, самовольно подавшихъ прошеніе о принятіи ихъ въ военную службу. Еще важнѣе было разрѣшеніе помѣщикамъ отправлять крѣпостныхъ въ Сибирь, въ интересахъ колонизаціи послѣдней, при чемъ помѣщикъ не только избавлялся отъ неугодившаго ему крѣпостного, но даже получалъ за него рекрутскую квитанцію и могъ разлучать дѣтей отъ родителей. Это развитіе крѣпостого права не могло, конечно, создавать юридически и нравственно нормальнаго и твердаго порядка во внутреннихъ дѣлахъ и давало болѣе или менѣе законный поводъ къ постоянному нарушенію этого порядка. Лишенные воли и стѣсненные экономическою кабалою и прав-

*) В. И. Семевскій. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка", т. I.

ственнымъ произволомъ, крестьяне непрестанно дѣлаютъ попытки вернуть себѣ утраченную волю и скинуть давящую ихъ кабалу; въ этихъ попыткахъ верховная власть постепенно пріучается усматривать потрясеніе основъ всего государственнаго строя, а потому ведетъ съ этими тщетными народными усиліями жестокую и безпощадную борьбу. Борьба за крѣпостное право со стороны государственности и борьба противъ него со стороны народа и его интеллигентныхъ представителей получаетъ въ тѣ или иные моменты нашей исторической жизни большую остроту и, требуя съ обѣихъ сторонъ большихъ жертвъ, становится въ концѣ концовъ основнымъ вопросомъ всей нашей внутренней жизни, около котораго съ теченіемъ времени группируются и всѣ остальные вопросы того же порядка, до формы государственнаго правленія включительно. Корыстный эгоизмъ заинтересованныхъ общественныхъ элементовъ приводитъ послѣдніе къ заключенію, исключительно въ цѣляхъ собственнаго благополучія, о необходимости созданія изъ крѣпостнаго права какого-то даже фундамента для самодержавія, которое, въ силу своей уже опредѣлившейся исторической оторванности отъ народа, проникается этимъ фальшивымъ и роковымъ убѣжденіемъ и только послѣ 19-го февраля 1861 года освобождается отъ тяготѣвшаго такъ долго надъ нимъ историческаго гипноза. Почти двухсотлѣтняя борьба на этой почвѣ принесла Россіи неисчислимый вредъ, затормозила ея правильное культурное развитіе, поглотила громадное количество жертвъ и окропила брызгами крови и потоками слезъ многія и многія страницы нашего историческаго бытія.

При Елисаветѣ Петровнѣ, кстати сказать, вознаградившей соучастниковъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея революціоннаго восшествія на престолъ пожалованіемъ имъ до 14.000 душъ крестьянъ на правахъ крѣпостного владѣнія, борьба за и противъ крѣпостного права не получаетъ еще развитія, если только не считать помѣстныхъ крестьянскихъ бунтовъ, и противъ этого жестокаго института еще не раздается громкаго протестующаго голоса изъ рядовъ интеллигенціи. Таковой слышится лишь въ послѣдующую, Екатерининскую, эпоху, и съ нимъ вмѣстѣ въ кругъ русской соціально-политической борьбы вводится новый элементъ въ образѣ передовыхъ представителей общества, — литературной интеллигенціи, которая какъ бы ставитъ весь русскій строй къ отвѣту, производитъ ему анализъ, признаетъ его несоотвѣтствующимъ интересамъ народа и мужественно бросаетъ ему открыто перчатку, сознательно рѣшаясь

на неравную борьбу, изъ которой, однако, въ концѣ концовъ выходитъ побѣдителемъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, историческая связь (въ ея юридическомъ значеніи) между самодержавіемъ и бюрократіей значительно ослабѣваетъ, но это ослабленіе совершается лишь во второй половинѣ XIX вѣка, за сто же лѣтъ передъ тѣмъ самодержавіе усиленно укрѣпляло это право, какъ свой мнимый фундаментъ, такъ что при Елисаветѣ Петровнѣ, между прочимъ, за весь періодъ ея царствованія было всего роздано дворянству и вельможамъ до 400.000 крѣпостныхъ.

По волѣ Елисаветы наслѣдникомъ ея престола былъ объявленъ Петръ Ѳедоровичъ, родной внукъ Петра I (и вмѣстѣ съ тѣмъ внукъ сестры Карла XII шведскаго), герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, мальчикъ, совершенно не подходящій для той высокой роли, которую ему приуготовилъ случай по капризной волѣ судьбы. Этотъ нѣмецкій принцъ явился въ общемъ ходѣ русской исторіи и спеціально въ развитіи самодержавія лицомъ трагическимъ, рано или поздно предназначеннымъ къ гибели, но онъ былъ нуженъ ходу событій, какъ временная, хотя и злая, необходимость, и... онъ совершилъ свое таинственное предначертаніе. Онъ покрылъ собою то звено въ самодержавной цѣпи, которое естественно выпадало со смертью Елисаветы Петровны, и исчезновеніе котораго грозило Россіи смутою въ духѣ начала XVII вѣка. Петръ III какъ бы воплотилъ въ своемъ имени всѣ элементы былой русской смуты, которая коснулась и народныхъ низовъ и самодержавнаго верха, и искупилъ эту смуту своимъ кровавымъ трагическимъ концомъ.

Собственно говоря, по законамъ наслѣдованія, установленнымъ Екатериною I, Петръ Ѳедоровичъ имѣлъ большія права на русскій престолъ, нежели сама Елисавета Петровна, и послѣдняя, вступая на царство, по волѣ гвардейскихъ солдатъ, въ первый моментъ своего царствованія не имѣла даже яснаго плана касательно династическаго будущаго. Вернувшись изъ ночного предпріятія во дворецъ, Елисавета показывается войскамъ съ Іоанномъ Антоновичемъ на рукахъ, котораго покрываетъ всенародно поцѣлуями и какъ бы даетъ тѣмъ понять, что онъ—ея единственный и прямой наслѣдникъ. Но уже черезъ три дня права Іоанна Антоновича въ офиціальномъ манифестѣ отвергаются, и его объявляютъ подлежащимъ отсылкѣ на родину, за границу, въ виду нахожденія представителя нисходящаго потомства отъ Петра Великаго по женской линіи. Хотя этотъ потомокъ по духу

ничего общаго, как, впрочемъ и Іоаннъ Брауншвейгскій, съ Россіей не имѣетъ, не исповѣдуетъ даже православной вѣры, тѣмъ не менѣе его привозятъ въ Петербургъ и готовятъ изъ него преемника правъ его державной тетки, но лишь съ правами преемства послѣ ея смерти. Въ сущности, если уже признать права Голштинскаго дома на русскій престолъ, то по основамъ былой московской самодержавной практики Елисавета должна была быть объявлена временной регентшей съ тѣми же правами регентства, коими пользовались въ свое время Софія Алексѣевна и позднѣе Анна Леопольдовна; но дочь Петра, по волѣ гвардіи, переступаетъ черезъ права и Брауншвейгскаго и Голштинскаго домовъ, принимаетъ самостоятельно и независимо бразды правленія, а племянника и въ нѣкоторомъ родѣ законнаго наслѣдника ставитъ на второе мѣсто.

Ея увлеченіе нѣмецкимъ племянникомъ, которое она проявляетъ въ первое время по его пріѣздѣ, быстро разсѣивается и уступаетъ мѣсто сознанію угрожающей престолу дома Романовыхъ опасности. Петръ, войдя въ совершеннолѣтіе, открыто заявляетъ, что онъ „не рожденъ для Россіи, что не пригоденъ русскимъ, и русскіе ему не пригодны“, и что ему суждено погибнуть въ новомъ отечествѣ. Съ теченіемъ времени ненависть къ новому отечеству въ немъ растетъ, и онъ со злобою говоритъ: „затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ, тогда какъ, если бы меня оставили на волѣ, то теперь бы сидѣлъ я на престолѣ цивилизованнаго народа“. Да, несчастный Петръ былъ правъ: онъ былъ, дѣйствительно „государственнымъ арестантомъ“, и дворецъ былъ его тюрьмою, гдѣ противъ воли на него возложена была суровая обязанность обезопасить русскій престолъ отъ возможной смуты и дать этому престолу наслѣдника и новаго самодержца, послѣ чего его личная роль царственнаго узника могла быть съ тѣмъ или инымъ концомъ считаться сыгранною. Этого требовалъ установившійся уже бюрократически-военный строй, и тутъ не къ кому было аппелировать; народъ, не призываемый никѣмъ къ разрѣшенію запутавшагося династическаго узла, молчалъ, въ тайникахъ своей души жалѣя ничѣмъ неповиннаго юношу, которому суровая судьба изготовляла горькую участь, и спѣша окружить его личность, еще при жизни тетки, мистическою тайною, пріуготовляя тѣмъ изъ его имени будущее знамя всенароднаго бунта и соціально-политической смуты.

Но если Петръ оказался, по свойствамъ своей природы и личности, неподготовленнымъ для драматической борьбы во имя чуждаго ему русскаго самодержавія, то иначе сложились обстоятельства для той, которая легко могла быть вмѣстѣ съ нимъ унесена бурнымъ и мутнымъ историческимъ потокомъ. Его жена, агальтъ-цербстская принцесса Софія-Августа-Фредерика, справилась со своимъ драматическимъ положеніемъ, выполнила свое материнское предназначеніе и вышла съ честью изъ смутныхъ обстоятельствъ, какъ женщина и какъ историческое лицо, подъ именемъ императрицы Екатерины Великой, овладѣвшая тяготѣвшими надъ нею злобами дня. Супруга Петра Θеодоровича дала гарантію русскому престолу и династіи, создала цѣлую блестящую эпоху въ русской исторіи, укрѣпила государственное дѣло Петра Великаго и вывела наше отечество на широкую дорогу европейской жизни. Но всѣ эти дѣянія ей удалось осуществить, лишь пройдя черезъ цѣлый рядъ разнообразныхъ моментовъ внутренней борьбы и смуты, которыми и наполнилось ея царствованіе, особенно въ первый его историческій періодъ, когда ея престолъ непрестанно колебался подъ воздѣйствіемъ и напоромъ самыхъ сложныхъ обстоятельствъ, корни которыхъ были заложены еще въ предшествовавшую Елисаветинскую эпоху.

Вопросъ о невѣстѣ Петру Θеодоровичу былъ вопросомъ большой государственной важности и крупнаго политическаго значенія. Елисавета разрѣшила его, согласно указаніямъ прусско-французской партіи и по рекомендаціи Фридриха прусскаго, указавшаго на ангальтъ-цербстскую принцессу, и свадьба скоро состоялась, хотя 17-лѣтній женихъ и 16-лѣтняя невѣста были сердцами совершенно чужды другъ другу. Для молодой новобрачной наступили въ сущности довольно тяжелые дни въ нравственномъ отношеніи и съ точки зрѣнія женской стыдливости: на нее всѣ кругомъ смотрѣли главнымъ образомъ съ точки зрѣнія династическихъ интересовъ, какъ на лицо, призванное дать русскому престолу во что бы то ни стало наслѣдника и спеціально для этой цѣли выписанное изъ Германіи. Человѣческое въ данномъ случаѣ отступало куда-то на задній планъ и заслонялось единою задачею, идея которой наиболѣе опредѣленно была высказана въ инструкціи, преподанной „знатной дамѣ“, приставленной къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. На эту „знатную даму“—Чоглокову, было возложено наблюденіе „брачной повѣренности между обоими императорскими высочествами“ и вмѣ-

нено ей въ обязанность внушать великой княгинѣ, что она „въ нынѣшнее достоинство императорскаго высочества не въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы имперіи пожеланный наслѣдникъ и отрасль всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла“. Инструкція была составлена послѣ того, какъ положенный Екатеринѣ девятимѣсячный срокъ для осуществленія возложенной на нее задачи не оправдался реальными результатами, хотя въ своихъ запискахъ по сему щекотливому вопросу Екатерина говоритъ *): „Если бы великій князь желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно: я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію своихъ обязанностей“.

Девять лѣтъ прошло въ общемъ томительномъ ожиданіи, и наконецъ, 20-го сентября 1744 г., Екатерина выполнила свой женскій долгъ передъ Россіей и дала ей наслѣдника престола. Какъ только новорожденнаго спеленали, императрица позвала своего духовника, который нарекъ ребенка именемъ Павла, и вслѣдъ за тѣмъ Елисавета приказала бабкѣ взять младенца и слѣдовать за нею. За императрицею ушли всѣ остальныя лица, бывшія при родахъ, и Екатерина осталась одна. Объ ней всѣ позабыли, ее бросили больную и въ совершенно неподходящей для здоровья обстановкѣ, которая грозила даже ея жизни.

Вниманіе всѣхъ придворныхъ было сосредоточено на младенцѣ, какъ представителѣ государственнаго начала, а человѣческое ушло за предѣлы общихъ интересовъ. Много лѣтъ спустя, когда трепещущая за судьбу своего трона и за свое потомство Екатерина II-я стояла у кровати Маріи Θеодоровны, въ ожиданіи ея родовъ, она не въ столь, конечно, грубой и жестокой формѣ, но тоже отмела отъ своихъ чувствъ и мыслей человѣческое и вся была охвачена лишь однимъ страстнымъ порывомъ увидѣть въ ожидаемомъ младенцѣ будущее воплощеніе своей настоящей власти. Это будущее и настощяее такъ тѣсно связаны между собою по существу общихъ государственныхъ интересовъ, что являются взаимно дополняющими, безъ всякой надобности тутъ въ посредствующихъ звеньяхъ. Есть бабушка и внукъ — и государство обезпечено властью; сынъ или племянникъ, а тѣмъ болѣе невѣстка являются даже какъ бы лишними, нарушающими гармонію суровой идеи власти. Съ рожденіемъ Павла, для Елисаветы прекращается какъ бы

*) В. А. Бильбасовъ. „Исторія Екатерины Второй“, т. I. Лондонъ. 1895.

надобность въ Петрѣ и Екатеринѣ, какъ равно съ рожденіемъ Александра Павловича для Екатерины ея сынъ и его супруга, какъ законные и непосредственные представители власти, теряютъ положительный интересъ. Но, помимо этихъ общихъ соображеній, для Елисаветы Петровны рожденіе Павла было тѣмъ политическимъ событіемъ, которое создало ей покой; она могла теперь откинуть страхъ за свой скиптръ и корону, и образъ несчастнаго узника въ Шлиссельбургской крѣпости переставалъ быть для нея угрожающей тѣнью. Мало того, колыбель новорожденнаго младенца даже становилась отнынѣ могучимъ въ ея рукахъ оружіемъ, которое въ каждый моментъ могло быть обращено даже противъ Голштинскаго племянника, такъ жестоко разрушившаго былыя надежды и иллюзіи своей державной тетки.

Елисавета къ концу дней своихъ сознавала, что Петръ Ѳедоровичъ не тотъ человѣкъ, которому можетъ быть вручена верховная власть, и что послѣдняя въ его рукахъ обратится современемъ въ горе, оскорбленіе и несчастіе для всей страны, но сдѣлать тутъ что нибудь рѣшительное она или не сумѣла, или не дерзнула. Она скончалась, и нѣмецкій принцъ, ненавидящій и презирающій Россію, становится вершителемъ ея судебъ, несмотря на полную и всѣми уже признанную умственную, нравственную и даже физическую неспособность для столь отвѣтственнаго положенія. Надъ страною снова нависаетъ туча смуты и первымъ предвѣстникомъ катастрофы является манифестъ о восшествіи новаго государя на престолъ: въ немъ не упоминается ни императрица Екатерина Алексѣевна, ни великій князь Павелъ Петровичъ. Кромѣ того, форма присяги вводитъ въ самодержавіе подновленный элементъ, какъ будто возвращающій Россію къ волевому замыслу Петра Великаго. Форма клятвеннаго обѣщанія была составлена такъ: „клянусь... его императорскому величеству... и по немъ по самодержавной его величества императорской власти и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ... вѣрнымъ подданнымъ быть“. Это обновляемое Петровское начало въ рукахъ именно преемника Елисаветы несомнѣнно могло быть источникомъ неизсякаемыхъ бѣдъ для страны и тѣмъ болѣе, что образъ дѣвицы Воронцовой въ первый же день кончины государыни открыто сталъ заслонять собою фигуру его законной супруги, съ которой онъ, на глазахъ у всѣхъ, усиленно старался быть грубымъ и дерзкимъ, явно тѣмъ показывая, что ничего общаго съ нею не имѣетъ, ни какъ мужъ, ни какъ правитель, ни какъ сторон-

никъ опредѣленной политической системы. И Екатеринѣ, и ея сыну грозитъ личная опасность, престолъ колеблется, на страну надвигается нѣчто страшное и невѣдомое. Все это можетъ быть предотвращено только революціоннымъ coup d'etât и весь вопросъ сводится лишь къ тому, когда, кѣмъ, во имя кого и при какихъ условіяхъ этотъ государственный переворотъ будетъ совершенъ. Личное поведеніе государя ускорило развязку всѣхъ этихъ вопросовъ.

Шестимѣсячное царствованіе Петра III можетъ быть разсматриваемо, какъ исключительное историческое недоразумѣніе, гдѣ всѣ общественные и политическіе элементы страны сразу были приведены въ броженіе, которое въ конечномъ результатѣ, по счастію, повело лишь къ катастрофѣ самого виновника этого броженія. Народныя массы до поры до времени оставались въ покоѣ, но толчокъ имъ уже былъ данъ и по инерціи воздѣйствія далъ результаты только черезъ нѣсколько лѣтъ.

Государственный механизмъ въ дни правленія совершенно неспособнаго государя не испытывалъ особенныхъ треній, и даже реформы, вводимыя въ внутреннюю жизнь страны, носили на себѣ печать цѣлесообразности. Опытныя руки, руководившія этимъ управленіемъ при его теткѣ, не ослабѣвали, и государственный корабль функціонировалъ въ своемъ поступательномъ движеніи достаточно правильно, но лично Петръ сразу показалъ свое умственное банкротство, ставъ въ оппозицію къ православной церкви и національному войску, нанося имъ систематическія оскорбленія и тѣмъ явно обнаруживая непониманіе тѣхъ главныхъ устоевъ, на которыхъ держался тогдашній государственный строй. Царь оскорбилъ націю, ненавидя ее, и она, не сдерживая своего враждебнаго чувства, предпочла имѣть на этомъ престолѣ чуждую ей по крови нѣмецкую принцессу, понявшую, однако, духъ пріютившаго ее народа, нежели нѣмецкаго принца, хотя отдаленно и связаннаго историческими узами родства съ этимъ народомъ, но лишеннаго всякой способности и желанія пріобщиться къ его основнымъ историческимъ вѣрованіямъ, традиціямъ и міровымъ задачамъ. Екатерина собственно явилась соперницею своему супругу еще при жизни его державной тетки, и Елизавета, взирая съ тоскою и отчаяніемъ на своего несчастнаго племянника, прекрасно сознавала, что его головѣ не по мѣркѣ шапка Мономаха; но законъ самодержавнаго наслѣдія сдѣлалъ свое дѣло, и Петръ Өеодоровичъ оказался на томъ престолѣ, который глубоко презиралъ и который готовъ

былъ охотно промѣнять на какой нибудь маленькій нѣмецкій тронъ. Рядомъ съ этимъ его супруга въ тотъ же періодъ вошла во вкусъ власти, теоретически охватила знаніе государственнаго управленія и оцѣнила то будущее, которое можетъ передъ ней раскрыться, если она сумѣетъ приспособиться къ тѣмъ основамъ и условіямъ, на коихъ это будущее зиждется. И она умѣло приспособляется, благодаря чему создаетъ себѣ благопріятную обстановку для неминуемой предстоящей борьбы съ мужемъ за престолъ и корону. Исподволь, но рѣшительно, бюрократія въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ представителей, гвардія подъ руководствомъ вліятельныхъ офицеровъ, столичное духовенство и придворная знать, дѣятели дипломатическаго корпуса,—короче, всѣ элементы, на коихъ покоилось благополучіе и крѣпость верховной власти, всѣ примыкаютъ къ ней, становятся на ея сторону, и... государственный переворотъ готовъ. Но въ пользу кого по закону исторической справедливости долженъ былъ быть совершенъ этотъ переворотъ? В. И. Бильбасовъ *) говоритъ, что воспитатель Павла Петровича, Н. И. Панинъ, всегда былъ противъ императора, нѣсколько разъ изливалъ передъ Екатериною взгляды по сему предмету, а въ іюнѣ 1762 года уже сталъ рѣшительно и опредѣленно обдумывать проектъ о низложеніи Петра III, съ предоставленіемъ престола другому лицу. По мнѣнію Панина, переворотъ долженъ быть совершенъ безъ пролитія крови, при чемъ, по устраненіи Петра отъ престола, таковой долженъ быть предоставленъ великому князю Павлу Петровичу, воспитаннику Панина, до совершеннолѣтія котораго Екатерина была бы регентшею, правительницею имперіи, какъ то было при Іоаннѣ Антоновичѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. „Трудно сказать,— замѣчаетъ В. И. Бильбасовъ,—личный ли интересъ или государственныя соображенія руководили въ данномъ случаѣ Панинымъ: Екатерина-регентша также легко могла вовсе удалить отъ дѣлъ воспитателя ея сына, какъ Екатерина-самодержица приблизить къ себѣ, облечь извѣстною властью и относиться къ нему съ довѣріемъ. Во всякомъ случаѣ, Екатерина съ вниманіемъ выслушивала доводы Панина въ пользу Павла Петровича, но никогда не давала ему слова, что удовольствуется регентшею“. Панинъ намѣчалъ конецъ іюля, какъ время, особенно подходящее для переворота, при чемъ имъ не были опущены безъ вниманія и детали переворота, детали, очень существенныя, могшія въ ходѣ

*) „Исторія Екатерины Второй“ т. II.

ственнымъ произволомъ, крестьяне непрестанно дѣлаютъ попытки вернуть себѣ утраченную волю и скинуть давящую ихъ кабалу; въ этихъ попыткахъ верховная власть постепенно пріучается усматривать потрясеніе основъ всего государственнаго строя, а потому ведетъ съ этими тщетными народными усиліями жестокую и безпощадную борьбу. Борьба за крѣпостное право со стороны государственности и борьба противъ него со стороны народа и его интеллигентныхъ представителей получаетъ въ тѣ или иные моменты нашей исторической жизни большую остроту и, требуя съ обѣихъ сторонъ большихъ жертвъ, становится въ концѣ концовъ основнымъ вопросомъ всей нашей внутренней жизни, около котораго съ теченіемъ времени группируются и всѣ остальные вопросы того же порядка, до формы государственнаго правленія включительно. Корыстный эгоизмъ заинтересованныхъ общественныхъ элементовъ приводитъ послѣдніе къ заключенію, исключительно въ цѣляхъ собственнаго благополучія, о необходимости созданія изъ крѣпостнаго права какого-то даже фундамента для самодержавія, которое, въ силу своей уже опредѣлившейся исторической оторванности отъ народа, проникается этимъ фальшивымъ и роковымъ убѣжденіемъ и только послѣ 19-го февраля 1861 года освобождается отъ тяготѣвшаго такъ долго надъ нимъ историческаго гипноза. Почти двухсотлѣтняя борьба на этой почвѣ принесла Россіи неисчислимый вредъ, затормозила ея правильное культурное развитіе, поглотила громадное количество жертвъ и окропила брызгами крови и потоками слезъ многія и многія страницы нашего историческаго бытія.

При Елисаветѣ Петровнѣ, кстати сказать, вознаградившей соучастниковъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ ея революціоннаго восшествія на престолъ пожалованіемъ имъ до 14.000 душъ крестьянъ на правахъ крѣпостного владѣнія, борьба за и противъ крѣпостного права не получаетъ еще развитія, если только не считать помѣстныхъ крестьянскихъ бунтовъ, и противъ этого жестокаго института еще не раздается громкаго протестующаго голоса изъ рядовъ интеллигенціи. Таковой слышится лишь въ послѣдующую, Екатерининскую, эпоху, и съ нимъ вмѣстѣ въ кругъ русской соціально-политической борьбы вводится новый элементъ въ образѣ передовыхъ представителей общества, — литературной интеллигенціи, которая какъ бы ставитъ весь русскій строй къ отвѣту, производитъ ему анализъ, признаетъ его несоотвѣтствующимъ интересамъ народа и мужественно бросаетъ ему открыто перчатку, сознательно рѣшаясь

на неравную борьбу, изъ которой, однако, въ концѣ концовъ выходитъ побѣдителемъ. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, историческая связь (въ ея юридическомъ значеніи) между самодержавіемъ и бюрократіей значительно ослабѣваетъ, но это ослабленіе совершается лишь во второй половинѣ XIX вѣка, за сто же лѣтъ передъ тѣмъ самодержавіе усиленно укрѣпляло это право, какъ свой мнимый фундаментъ, такъ что при Елисаветѣ Петровнѣ, между прочимъ, за весь періодъ ея царствованія было всего роздано дворянству и вельможамъ до 400.000 крѣпостныхъ.

По волѣ Елисаветы наслѣдникомъ ея престола былъ объявленъ Петръ Ѳедоровичъ, родной внукъ Петра I (и вмѣстѣ съ тѣмъ внукъ сестры Карла XII шведскаго), герцогъ Шлезвигъ-Голштинскій, мальчикъ, совершенно не подходящій для той высокой роли, которую ему приуготовилъ случай по капризной волѣ судьбы. Этотъ нѣмецкій принцъ явился въ общемъ ходѣ русской исторіи и спеціально въ развитіи самодержавія лицомъ трагическимъ, рано или поздно предназначеннымъ къ гибели, но онъ былъ нуженъ ходу событій, какъ временная, хотя и злая, необходимость, и... онъ совершилъ свое таинственное предначертаніе. Онъ покрылъ собою то звено въ самодержавной цѣпи, которое естественно выпадало со смертью Елисаветы Петровны, и исчезновеніе котораго грозило Россіи смутою въ духѣ начала XVII вѣка. Петръ III какъ бы воплотилъ въ своемъ имени всѣ элементы былой русской смуты, которая коснулась и народныхъ низовъ и самодержавнаго верха, и искупилъ эту смуту своимъ кровавымъ трагическимъ концомъ.

Собственно говоря, по законамъ наслѣдованія, установленнымъ Екатериною I, Петръ Ѳедоровичъ имѣлъ большія права на русскій престолъ, нежели сама Елисавета Петровна, и послѣдняя, вступая на царство, по волѣ гвардейскихъ солдатъ, въ первый моментъ своего царствованія не имѣла даже яснаго плана касательно династическаго будущаго. Вернувшись изъ ночного предпріятія во дворецъ, Елисавета показывается войскамъ съ Іоанномъ Антоновичемъ на рукахъ, котораго покрываетъ всенародно поцѣлуями и какъ бы даетъ тѣмъ понять, что онъ — ея единственный и прямой наслѣдникъ. Но уже черезъ три дня права Іоанна Антоновича въ офиціальномъ манифестѣ отвергаются, и его объявляютъ подлежащимъ отсылкѣ на родину, за границу, въ виду нахожденія представителя нисходящаго потомства отъ Петра Великаго по женской линіи. Хотя этотъ потомокъ по духу

ничего общаго, какъ, впрочемъ и Іоаннъ Брауншвейгскій, съ Россіей не имѣетъ, не исповѣдуетъ даже православной вѣры, тѣмъ не менѣе его привозятъ въ Петербургъ и готовятъ изъ него преемника правъ его державной тетки, но лишь съ правами преемства послѣ ея смерти. Въ сущности, если уже признать права Голштинскаго дома на русскій престолъ, то по основамъ былой московской самодержавной практики Елисавета должна была быть объявлена временной регентшей съ тѣми же правами регентства, коими пользовались въ свое время Софія Алексѣевна и позднѣе Анна Леопольдовна; но дочь Петра, по волѣ гвардіи, переступаетъ черезъ права и Брауншвейгскаго и Голштинскаго домовъ, принимаетъ самостоятельно и независимо бразды правленія, а племянника и въ нѣкоторомъ родѣ законнаго наслѣдника ставитъ на второе мѣсто.

Ея увлеченіе нѣмецкимъ племянникомъ, которое она проявляетъ въ первое время по его пріѣздѣ, быстро разсѣивается и уступаетъ мѣсто сознанію угрожающей престолу дома Романовыхъ опасности. Петръ, войдя въ совершеннолѣтіе, открыто заявляетъ, что онъ „не рожденъ для Россіи, что не пригоденъ русскимъ, и русскіе ему не пригодны“, и что ему суждено погибнуть въ новомъ отечествѣ. Съ теченіемъ времени ненависть къ новому отечеству въ немъ растетъ, и онъ со злобою говоритъ: „затащили меня въ эту проклятую Россію, гдѣ я долженъ считать себя государственнымъ арестантомъ, тогда какъ, если бы меня оставили на волѣ, то теперь бы сидѣлъ я на престолѣ цивилизованнаго народа“. Да, несчастный Петръ былъ правъ: онъ былъ, дѣйствительно „государственнымъ арестантомъ“, и дворецъ былъ его тюрьмою, гдѣ противъ воли на него возложена была суровая обязанность обезопасить русскій престолъ отъ возможной смуты и дать этому престолу наслѣдника и новаго самодержца, послѣ чего его личная роль царственнаго узника могла быть съ тѣмъ или инымъ концомъ считаться сыгранною. Этого требовалъ установившійся уже бюрократически-военный строй, и тутъ не къ кому было аппелировать; народъ, не призываемый никѣмъ къ разрѣшенію запутавшагося династическаго узла, молчалъ, въ тайникахъ своей души жалѣя ничѣмъ неповиннаго юношу, которому суровая судьба изготовляла горькую участь, и спѣша окружить его личность, еще при жизни тетки, мистическою тайною, пріуготовляя тѣмъ изъ его имени будущее знамя всенароднаго бунта и соціально-политической смуты.

Но если Петръ оказался, по свойствамъ своей природы и личности, неподготовленнымъ для драматической борьбы во имя чуждаго ему русскаго самодержавія, то иначе сложились обстоятельства для той, которая легко могла быть вмѣстѣ съ нимъ унесена бурнымъ и мутнымъ историческимъ потокомъ. Его жена, агальтъ-цербстская принцесса Софія-Августа-Фредерика, справилась со своимъ драматическимъ положеніемъ, выполнила свое материнское предназначеніе и вышла съ честью изъ смутныхъ обстоятельствъ, какъ женщина и какъ историческое лицо, подъ именемъ императрицы Екатерины Великой, овладѣвшая тяготѣвшими надъ нею злобами дня. Супруга Петра Θеодоровича дала гарантію русскому престолу и династіи, создала цѣлую блестящую эпоху въ русской исторіи, укрѣпила государственное дѣло Петра Великаго и вывела наше отечество на широкую дорогу европейской жизни. Но всѣ эти дѣянія ей удалось осуществить, лишь пройдя черезъ цѣлый рядъ разнообразныхъ моментовъ внутренней борьбы и смуты, которыми и наполнилось ея царствованіе, особенно въ первый его историческій періодъ, когда ея престолъ непрестанно колебался подъ воздѣйствіемъ и напоромъ самыхъ сложныхъ обстоятельствъ, корни которыхъ были заложены еще въ предшествовавшую Елисаветинскую эпоху.

Вопросъ о невѣстѣ Петру Θеодоровичу былъ вопросомъ большой государственной важности и крупнаго политическаго значенія. Елисавета разрѣшила его, согласно указаніямъ прусско-французской партіи и по рекомендаціи Фридриха прусскаго, указавшаго на ангальтъ-цербстскую принцессу, и свадьба скоро состоялась, хотя 17-лѣтній женихъ и 16-лѣтняя невѣста были сердцами совершенно чужды другъ другу. Для молодой новобрачной наступили въ сущности довольно тяжелые дни въ нравственномъ отношеніи и съ точки зрѣнія женской стыдливости: на нее всѣ кругомъ смотрѣли главнымъ образомъ съ точки зрѣнія династическихъ интересовъ, какъ на лицо, призванное дать русскому престолу во что бы то ни стало наслѣдника и спеціально для этой цѣли выписанное изъ Германіи. Человѣческое въ данномъ случаѣ отступало куда-то на задній планъ и заслонялось единою задачею, идея которой наиболѣе опредѣленно была высказана въ инструкціи, преподанной „знатной дамѣ", приставленной къ Екатеринѣ Алексѣевнѣ. На эту „знатную даму"—Чоглокову, было возложено наблюденіе „брачной повѣренности между обоими императорскими высочествами" и вмѣ-

нено ей въ обязанность внушать великой княгинѣ, что она „въ нынѣшнее достоинство императорскаго высочества не въ какомъ иномъ видѣ и надѣяніи возвышена, какъ токмо дабы имперіи пожеланный наслѣдникъ и отрасль всевысочайшаго императорскаго дома получена быть могла“. Инструкція была составлена послѣ того, какъ положенный Екатеринѣ девятимѣсячный срокъ для осуществленія возложенной на нее задачи не оправдался реальными результатами, хотя въ своихъ запискахъ по сему щекотливому вопросу Екатерина говоритъ *): „Если бы великій князь желалъ быть любимымъ, то относительно меня это вовсе было не трудно: я отъ природы была наклонна и привычна къ исполненію своихъ обязанностей“.

Девять лѣтъ прошло въ общемъ томительномъ ожиданіи, и наконецъ, 20-го сентября 1744 г., Екатерина выполнила свой женскій долгъ передъ Россіей и дала ей наслѣдника престола. Какъ только новорожденнаго спеленали, императрица позвала своего духовника, который нарекъ ребенка именемъ Павла, и вслѣдъ за тѣмъ Елисавета приказала бабкѣ взять младенца и слѣдовать за нею. За императрицею ушли всѣ остальныя лица, бывшія при родахъ, и Екатерина осталась одна. Объ ней всѣ позабыли, ее бросили больную и въ совершенно неподходящей для здоровья обстановкѣ, которая грозила даже ея жизни.

Вниманіе всѣхъ придворныхъ было сосредоточено на младенцѣ, какъ представителѣ государственнаго начала, а человѣческое ушло за предѣлы общихъ интересовъ. Много лѣтъ спустя, когда трепещущая за судьбу своего трона и за свое потомство Екатерина II-я стояла у кровати Маріи Θеодоровны, въ ожиданіи ея родовъ, она не въ столь, конечно, грубой и жестокой формѣ, но тоже отмела отъ своихъ чувствъ и мыслей человѣческое и вся была охвачена лишь однимъ страстнымъ порывомъ увидѣть въ ожидаемомъ младенцѣ будущее воплощеніе своей настоящей власти. Это будущее и настоящее такъ тѣсно связаны между собою по существу общихъ государственныхъ интересовъ, что являются взаимно дополняющими, безъ всякой надобности тутъ въ посредствующихъ звеньяхъ. Есть бабушка и внукъ — и государство обезпечено властью; сынъ или племянникъ, а тѣмъ болѣе невѣстка являются даже какъ бы лишними, нарушающими гармонію суровой идеи власти. Съ рожденіемъ Павла, для Елисаветы прекращается какъ бы

---

*) В. А. Бильбасовъ. „Исторія Екатерины Второй“, т. I. Лондонъ. 1895.

надобность въ Петрѣ и Екатеринѣ, какъ равно съ рожденіемъ Александра Павловича для Екатерины ея сынъ и его супруга, какъ законные и непосредственные представители власти, теряютъ положительный интересъ. Но, помимо этихъ общихъ соображеній, для Елисаветы Петровны рожденіе Павла было тѣмъ политическимъ событіемъ, которое создало ей покой; она могла теперь откинуть страхъ за свой скиптръ и корону, и образъ несчастнаго узника въ Шлиссельбургской крѣпости переставалъ быть для нея угрожающей тѣнью. Мало того, колыбель новорожденнаго младенца даже становилась отнынѣ могучимъ въ ея рукахъ оружіемъ, которое въ каждый моментъ могло быть обращено даже противъ Голштинскаго племянника, такъ жестоко разрушившаго былыя надежды и иллюзіи своей державной тетки.

Елисавета къ концу дней своихъ сознавала, что Петръ Ѳедоровичъ не тотъ человѣкъ, которому можетъ быть вручена верховная власть, и что послѣдняя въ его рукахъ обратится современемъ въ горе, оскорбленіе и несчастіе для всей страны, но сдѣлать тутъ что нибудь рѣшительное она или не сумѣла, или не дерзнула. Она скончалась, и нѣмецкій принцъ, ненавидящій и презирающій Россію, становится вершителемъ ея судебъ, несмотря на полную и всѣми уже признанную умственную, нравственную и даже физическую неспособность для столь отвѣтственнаго положенія. Надъ страною снова нависаетъ туча смуты и первымъ предвѣстникомъ катастрофы является манифестъ о восшествіи новаго государя на престолъ: въ немъ не упоминается ни императрица Екатерина Алексѣевна, ни великій князь Павелъ Петровичъ. Кромѣ того, форма присяги вводитъ въ самодержавіе подновленный элементъ, какъ будто возвращающій Россію къ волевому замыслу Петра Великаго. Форма клятвеннаго обѣщанія была составлена такъ: „клянусь... его императорскому величеству... и по немъ по самодержавной его величества императорской власти и по высочайшей его волѣ избираемымъ и опредѣляемымъ наслѣдникамъ... вѣрнымъ подданнымъ быть“. Это обновляемое Петровское начало въ рукахъ именно преемника Елисаветы несомнѣнно могло быть источникомъ неизсякаемыхъ бѣдъ для страны и тѣмъ болѣе, что образъ дѣвицы Воронцовой въ первый же день кончины государыни открыто сталъ заслонять собою фигуру его законной супруги, съ которой онъ, на глазахъ у всѣхъ, усиленно старался быть грубымъ и дерзкимъ, явно тѣмъ показывая, что ничего общаго съ нею не имѣетъ, ни какъ мужъ, ни какъ правитель, ни какъ сторон-

никъ опредѣленной политической системы. И Екатеринѣ, и ея сыну грозитъ личная опасность, престолъ колеблется, на страну надвигается нѣчто страшное и невѣдомое. Все это можетъ быть предотвращено только революціоннымъ coup d'etât и весь вопросъ сводится лишь къ тому, когда, кѣмъ, во имя кого и при какихъ условіяхъ этотъ государственный переворотъ будетъ совершенъ. Личное поведеніе государя ускорило развязку всѣхъ этихъ вопросовъ.

Шестимѣсячное царствованіе Петра Ш можетъ быть разсматриваемо, какъ исключительное историческое недоразумѣніе, гдѣ всѣ общественные и политическіе элементы страны сразу были приведены въ броженіе, которое въ конечномъ результатѣ, по счастію, повело лишь къ катастрофѣ самого виновника этого броженія. Народныя массы до поры до времени оставались въ покоѣ, но толчокъ имъ уже былъ данъ и по инерціи воздѣйствія далъ результаты только черезъ нѣсколько лѣтъ.

Государственный механизмъ въ дни правленія совершенно неспособнаго государя не испытывалъ особенныхъ треній, и даже реформы, вводимыя въ внутреннюю жизнь страны, носили на себѣ печать цѣлесообразности. Опытныя руки, руководившія этимъ управленіемъ при его теткѣ, не ослабѣвали, и государственный корабль функціонировалъ въ своемъ поступательномъ движеніи достаточно правильно, но лично Петръ сразу показалъ свое умственное банкротство, ставъ въ оппозицію къ православной церкви и національному войску, нанося имъ систематическія оскорбленія и тѣмъ явно обнаруживая непониманіе тѣхъ главныхъ устоевъ, на которыхъ держался тогдашній государственный строй. Царь оскорбилъ націю, ненавидя ее, и она, не сдерживая своего враждебнаго чувства, предпочла имѣть на этомъ престолѣ чуждую ей по крови нѣмецкую принцессу, понявшую, однако, духъ пріютившаго ее народа, нежели нѣмецкаго принца, хотя отдаленно и связаннаго историческими узами родства съ этимъ народомъ, но лишеннаго всякой способности и желанія пріобщиться къ его основнымъ историческимъ вѣрованіямъ, традиціямъ и міровымъ задачамъ. Екатерина собственно явилась соперницею своему супругу еще при жизни его державной тетки, и Елизавета, взирая съ тоскою и отчаяніемъ на своего несчастнаго племянника, прекрасно сознавала, что его головѣ не по мѣркѣ шапка Мономаха; но законъ самодержавнаго наслѣдія сдѣлалъ свое дѣло, и Петръ Ѳеодоровичъ оказался на томъ престолѣ, который глубоко презиралъ и который готовъ

былъ охотно промѣнять на какой нибудь маленькій нѣмецкій тронъ. Рядомъ съ этимъ его супруга въ тотъ же періодъ вошла во вкусъ власти, теоретически охватила знаніе государственнаго управленія и оцѣнила то будущее, которое можетъ передъ ней раскрыться, если она сумѣетъ приспособиться къ тѣмъ основамъ и условіямъ, на коихъ это будущее зиждется. И она умѣло приспособляется, благодаря чему создаетъ себѣ благопріятную обстановку для неминуемой предстоящей борьбы съ мужемъ за престолъ и корону. Исподволь, но рѣшительно, бюрократія въ лицѣ своихъ главнѣйшихъ представителей, гвардія подъ руководствомъ вліятельныхъ офицеровъ, столичное духовенство и придворная знать, дѣятели дипломатическаго корпуса,—короче, всѣ элементы, на коихъ покоилось благополучіе и крѣпость верховной власти, всѣ примыкаютъ къ ней, становятся на ея сторону, и... государственный переворотъ готовъ. Но въ пользу кого по закону исторической справедливости долженъ былъ быть совершенъ этотъ переворотъ? В. И. Бильбасовъ *) говоритъ, что воспитатель Павла Петровича, Н. И. Панинъ, всегда былъ противъ императора, нѣсколько разъ изливалъ передъ Екатериною взгляды по сему предмету, а въ іюнѣ 1762 года уже сталъ рѣшительно и опредѣленно обдумывать проектъ о низложеніи Петра III, съ предоставленіемъ престола другому лицу. По мнѣнію Панина, переворотъ долженъ быть совершенъ безъ пролитія крови, при чемъ, по устраненіи Петра отъ престола, таковой долженъ быть предоставленъ великому князю Павлу Петровичу, воспитаннику Панина, до совершеннолѣтія котораго Екатерина была бы регентшею, правительницею имперіи, какъ то было при Іоаннѣ Антоновичѣ и Аннѣ Леопольдовнѣ. „Трудно сказать,— замѣчаетъ В. И. Бильбасовъ,—личный ли интересъ или государственныя соображенія руководили въ данномъ случаѣ Панинымъ: Екатерина-регентша также легко могла вовсе удалить отъ дѣлъ воспитателя ея сына, какъ Екатерина-самодержица приблизить къ себѣ, облечь извѣстною властью и относиться къ нему съ довѣріемъ. Во всякомъ случаѣ, Екатерина съ вниманіемъ выслушивала доводы Панина въ пользу Павла Петровича, но никогда не давала ему слова, что удовольствуется регентшею“. Панинъ намѣчалъ конецъ іюля, какъ время, особенно подходящее для переворота, при чемъ имъ не были опущены безъ вниманія и детали переворота, детали, очень существенныя, могшія въ ходѣ

*) „Исторія Екатерины Второй“ т. II.

дѣла сыграть рѣшающую роль, а именно онъ намѣтилъ, гдѣ долженъ былъ находиться его воспитанникъ во время переворота. Было рѣшено, что Павелъ Петровичъ не поѣдетъ съ матерью въ Петергофъ, а останется со своимъ воспитателемъ въ Петербургѣ, чтобы въ случаѣ надобности сыграть ту роль, какую потребуютъ обстоятельства. „Кому ни принадлежала бы эта счастливая мысль,— говоритъ г. Бильбасовъ,— Екатеринѣ или Панину, она свидѣтельствуетъ о большой предусмотрительности: въ сутолокѣ бунта, къ тому же чисто-военнаго, наслѣдникъ престола подъ рукою, наготовѣ, могъ только содѣйствовать успѣху, между тѣмъ какъ, оставаясь въ Петергофѣ, близъ Ораніенбаума, гдѣ находился Императоръ, онъ легко могъ стать серьезнымъ орудіемъ въ рукахъ Петра“.

Величественъ и радостенъ былъ въѣздъ Екатерины въ Петербургъ въ то время, какъ Петръ III метался между Петергофомъ, Ораніенбаумомъ и Кронштадтомъ, въ сопровожденіи небольшой свиты и въ смутномъ сознаніи, что его дѣло проиграно безповоротно. Экскортируемая конногвардейцами, окруженная гвардіей, медленно двигалась будущая „сѣверная Семирамида“ по Невской перспективѣ, уже съ ранняго утра запруженной несмѣтною толпою народа. Около 9-ти часовъ утра 28-го іюня процессія остановилась у Казанскаго собора, куда въ сопровожденіи своей блестящей свиты и вошла Екатерина. Духовенство встрѣтило ее съ крестомъ, и послѣ краткой молитвы и провозглашенія многолѣтія государынѣ императрицѣ „самодержицѣ Екатеринѣ Второй“ и государю великому князю „наслѣднику цесаревичу Павлу Петровичу“ процессія двинулась къ Зимнему дворцу. Впереди шло духовенство въ полномъ облаченіи и съ крестомъ, за нимъ въ парной коляскѣ сидѣла героиня дня, а на подножкахъ коляски съ одной стороны стоялъ Григорій Орловъ, а съ другой генералъ-поручикъ Вильбоа; неподалеку отъ коляски ѣхали верхомъ графъ К. Разумовскій, князь Волконскій, графъ Брюсъ и другіе представители войска. Зимній дворецъ и дворцовая площадь были оцѣплены войсками и послѣ того, какъ государыня вступила во дворецъ, туда скоро прибылъ, въ сопровожденіи своего воспитателя, и Павелъ Петровичъ, котораго Екатерина немедленно и показала народу и солдатамъ. Толпа привѣтствовала наслѣдника престола крикомъ восторга и громовымъ „ура“. Всѣ торопились присягнуть на вѣрность новой всероссійской самодержицѣ, которая ласковымъ обращеніемъ и щедрыми обѣщаніями спѣшила закрѣпить за собою права, доставшіяся

ей относительно довольно легко. Всѣ были отъ нея въ восторгѣ, и послѣднiй гвардейскiй солдатъ, по словамъ г. Бильбасова, смотрѣлъ на нее, какъ на „дѣло своихъ рукъ“, считалъ себя творцомъ переворота и до извѣстной степени былъ правъ: Екатерина провозглашена самодержицей, возведена на престолъ не заговоромъ нѣсколькихъ лицъ, а по общему желанiю и по сильному содѣйствiю всѣхъ. Эта мысль о всеобщемъ участiи въ переворотѣ и была проведена въ изданномъ по этому предмету манифестѣ, гдѣ въ заключительной части говорилось: „Таковымъ, Богу благодаренiе, дѣйствiемъ престолъ Самодержавный Нашего любезнаго отечества приняли Мы на Себя безъ всякаго кровопролитiя, но Богъ единъ и любезное Наше отечество чрезъ избранныхъ своихъ Намъ помогали. Въ заключенiе же сего неисповѣдимаго промысла Божiя Мы всѣхъ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ обнадеживаемъ всемилостивѣйше, что просить Бога не оставили денно и ночно, да поможетъ Намъ поднять скиптръ въ соблюденiе нашего православнаго закона, въ укрѣпленiе и защищенiе любезнаго отечества, въ сохраненiе правосудiя, въ искорененiе зла и всякихъ неправдъ и утѣсненiй, и да укрѣпитъ Насъ на все благое. А какъ наше искреннее и нелицемѣрное желанiе есть прямымъ дѣломъ доказать, сколь Мы хотѣли быть достойны любви Нашего народа, для котораго признаваемъ Себя быть возведеннымъ на престолъ: то такимъ же образомъ здѣсь наиторжественнѣйше обѣщаемъ Нашимъ Императорскимъ словомъ узаконять такiя государственныя установленiя, по которымъ бы правительство Нашего любезнаго отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченiе свое имѣло такъ, чтобъ и въ и въ потомки каждое государственное мѣсто имѣло свои предѣлы и законы къ соблюденiю добраго во всемъ порядка, и тѣмъ уповаемъ предохранить цѣлость Имперiи и Нашей Самодержавной власти, бывшимъ несчастiемъ нѣсколько испроверженную, а прямыхъ вѣрноусердствующихъ своему отечеству вывести изъ унынiя и оскорбленiя. Но противу того не сомнѣваемся, что всѣ Наши вѣрноподданные клятву свою предъ Богомъ не преступятъ въ собственную свою пользу и благочестiе, почему и Мы пребудемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ непремѣнные Нашею высочайшею Императорскою милостiю“.

„Избранники“ отечества, помогшiе государынѣ вступить на русскiй престолъ, чтобы править на благо народа и чтобы вывести его „изъ унынiя и оскорбленiя“, вскорѣ были щедро вознаграждены за счетъ этого народа. Главнѣйшимъ представи-

телямъ бюрократіи и гвардіи, содѣйствовавшимъ перевороту, въ количествѣ 40 человѣкъ, было роздано 18.000 крѣпостныхъ душъ и деньгами, подарками и помѣстьями на 526.000 рублей, такъ что весь переворотъ былъ оцѣненъ въ переводѣ на валюту 1.066.000 рублей. Очевидно, тутъ народному унынію и оскорбленію мѣста не должно было быть!

ГЛАВА IV.

Вступленіе на престолъ Екатерины II.—Убіенье Петра III и Іоанна Антоновича. — Политика новой Императрицы. — Конституціонные элементы въ проектѣ Панина.—Наказъ и собраніе депутатовъ.—Народные бунты и волненія. — Крестьянскій вопросъ. — Заговоры противъ Екатерины II.—Лжепетры.—Тараканова.—Пугачевъ и пугачевщина.

По вступленіи Екатерины на престолъ и по изданіи ею манифестовъ по сему предмету, въ Россіи получилось курьезное явленіе: съ точки зрѣнія присяги и вѣрноподданническихъ чувствъ въ государствѣ одновременно значилось три русскихъ самодержца. Одинъ былъ заточенъ въ Шлиссельбургской крѣпости и являлся отпрыскомъ Брауншвейгской фамиліи, другой представитель Голштинскаго дома сидѣлъ подъ домашнимъ арестомъ въ Ропшинскомъ дворцѣ и подъ карауломъ Алексѣя Орлова и, наконецъ, третій, въ лицѣ бывшей представительницы Ангальтъ-Цербстскаго дома, издавалъ манифесты, обѣщая народу свою любовь и попеченія. Всѣ трое юридически имѣли почти одинаковыя права на волю народа, такъ какъ во всѣхъ трехъ случаяхъ именно эта воля совершенно отсутствовала, а захватъ власти было совершенъ на основаніи подлежащихъ спору документовъ и соображеній. Бюрократія и гвардія совершали отъ имени народа, подъ флагомъ и именемъ его „избранниковъ" извѣстныя и опредѣленныя дворцовыя дѣйствія, и народу, всей странѣ въ ея совокупности, оставалось лишь быть пассивнымъ зрителемъ совершающагося и каждый разъ принимать это совершившееся закрѣпленіемъ его вѣрноподданническою присягою.

На счастіе Екатерины эта тройственная комбинація самодержцевъ скоро разрѣшилась. Черезъ нѣсколько дней по объявленіи ея неограниченною правительницею изъ Ропшинскаго дворца прибыла неожиданная записка отъ Орлова, извѣщающая о трагическомъ концѣ Петра Ѳедоровича, и которой ликвидировали сложный и трудный вопросъ о судьбѣ бывшаго русскаго императора.

Когда Петръ Ѳедоровичъ былъ засаженъ въ Ропшу подъ караулъ вѣрнаго человѣка, Алексѣя Орлова, то съ перваго же дня этого ареста всѣ почувствовали, что такое положеніе неестественно, должно въ очень скоромъ времени какъ нибудь выясниться, и судьба „царственнаго арестанта“ опредѣлиться. Въ Петербургѣ по настоящему вопросу не приходили къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію; то, что казалось яснымъ до переворота, осложнялось теперь новыми соображеніями. В. А. Билабасовъ рисуетъ положеніе дѣла такъ *): послѣ переворота, когда уже Петръ арестованъ, лишенъ свободы, содержится подъ крѣпкимъ карауломъ, вопросъ о его будущей судьбѣ опять подвергается обсужденію. Теперь явились новыя соображенія, въ силу созданныхъ переворотомъ новыхъ обстоятельствъ. Шаблонъ, указаный Елисаветой Петровной, не выдерживаетъ строгой критики. Шлиссельбургская крѣпость, какъ крѣпость, не имѣетъ значенія; Шлиссельбургъ, какъ государственная тюрьма, представляетъ, конечно, извѣстныя удобства, но какъ складочное мѣсто самодержавцевъ, какъ депо бывшихъ императоровъ, Шлиссельбургъ никуда не годится и потому уже, что слишкомъ близокъ къ столицѣ. Самодержецъ на тронѣ, оскорбляющій религію, глумящейся надъ народностью, возбуждаетъ, конечно, общее негодованіе; но тотъже бывшій самодержецъ въ тюрьмѣ, въ заточеніи, лишенный свободы, становится „несчастнымъ“, внушаетъ сожалѣніе, вызываетъ сочувствіе. Всѣхъ удовлетворить нельзя; недовольные всегда были и будутъ; будутъ недовольные и переворотомъ. Въ случаѣ какого-либо броженія, какого-либо движенія, эти недовольные воспользуются близостью Шлиссельбурга и могутъ создать новому правительству большія затрудненія... Когда лица, окружавшія Екатерину окончательно убѣдились, что устраненіе Петра признается ею вполнѣ необходимымъ, они рѣшились измыслить къ тому средства безъ ея вѣдома и провести ихъ безъ ея согласія“.

Въ этомъ были заинтересованы всѣ личные сторонники новой самодержицы, тѣ „избранники народа“, которые „подвигли“ императрицу стать во главѣ движенія. Въ особенности Орловы, изъ которыхъ старшій успѣлъ къ тому времени узнать не только сладость придворнаго вліянія, но и прелесть женской любви, любви радостной, страстной и благодарной,—благодарной за освобожденіе отъ ненавистнаго мужа и за врученіе сѣвернаго скипетра и короны. Надъ зимнимъ дворцомъ рѣяли поэтическія бѣлыя

*) „Исторія Екатерины II“, т. II.

ночи, подъ прозрачнымъ покровомъ которыхъ два существа, полныя физическихъ силъ и жажды жизни, страстно вдыхали обояніе безпредѣльной власти и могучую, вѣчно-юную пѣснь торжествующей любви...

А тамъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ эдема любви, въ тиши Ропшинскаго дворца, подъ карауломъ гвардейскихъ офицеровъ, больной и раздражительный образъ бывшаго мужа и бывшаго властителя многомилліоннаго народа. Окна въ его комнатахъ плотно завѣшаны зелеными гардинами, чтобы ничего не было видно; выпускать его изъ комнаты не только въ садъ, но даже на терассу или въ другую комнату запрещено. Больной и подавленный всѣмъ происшедшимъ онъ злится, капризничаетъ; караульный офицеръ постоянно дѣлаетъ ему замѣчанія. Всѣ въ Ропшѣ озлоблены и нервны.... Что-же дѣлать съ нимъ и какъ долго продолжится неопредѣленность положенія? Вопросъ о Шлиссельбургѣ исчерпанъ; посылка за предѣлы Россіи, въ дорогую сердцу Петра Голштинію опасна. Бывшій самодержецъ за рубежемъ своей имперіи источникъ европейскихъ происковъ и козней; тутъ осложненія между-народнаго порядка и отношеній. Положеніе становится безвыходнымъ, трагическимъ.... Прискакавшій вечеромъ 6-го Іюля нарочный разрѣшилъ весь вопросъ въ полномъ его объемѣ. Онъ подалъ Екатеринѣ конвертъ, въ которомъ на сѣромъ, не чистомъ листѣ бумаги, неумѣлымъ пьянымъ почеркомъ братъ избранника серда, Алексѣй Орловъ, взывалъ къ государынѣ: „Матушка милосердная Государыня! какъ мнѣ изъяснить, описать, что случилось: не повѣришь вѣрному своему рабу; но какъ передъ Богомъ скажу истину. Матушка! Готовъ идти на смерть; но самъ не знаю, какъ эта бѣда случилась. Погибли мы, когда ты не помилуешь. Матушка—его нѣтъ на свѣтѣ.... Но никто сего не думалъ, и какъ намъ задумать поднять руки на Государя но, государыня, свершилась бѣда. Онъ заспорилъ за столомъ съ княземъ Ѳедоромъ *): не успѣли мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помнимъ, что дѣлали, но всѣ до единаго виноваты, достойны казни. Помилуй меня хотя для брата. Повинную тебѣ принесъ, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорѣе окончить. Свѣтъ не милъ: прогнѣвали тебя и погубили души на вѣки".

Нервное настроеніе въ Ропшѣ и неопредѣленность вопроса о царственномъ узникѣ въ Петербургѣ одинъ изъ „избранниковъ народа", въ согласіи съ окружающими, разрѣ-

*) Барятинскимъ.

шилъ кровавымъ ударомъ. Атлету Орлову ничего не стоило справиться съ своимъ хилымъ узникомъ, и дѣйствительно, тутъ нечего было „разыскивать“: осталось только спрятать роковой документъ, поблагодарить вѣстника и освѣтить кровавый инцидентъ въ благопристойномъ направленіи. Екатерина такъ и поступила. Письмо Орлова она спрятала въ шкатулку, гдѣ оно и пролежало спокойно всѣ 34 года ея царствованія, никакого уголовнаго слѣдствія произведено не было, а лишь произведено было анатомическое вскрытіе тѣла для констатированія отсутствія отравленія. Дѣйствительно, таковаго не оказалось. Возмездія никто не получилъ, и только Павелъ, по вступленіи на престолъ, поспѣшилъ въ инквизиціонной формѣ напомнить Орлову о приснопамятномъ событіи 6-го Іюля 1762 года.

По полученіи записки, оповѣстившей о событіи, случившемся въ сущности очень кстати, былъ опубликованъ манифестъ о скоропостижной кончинѣ государя вслѣдствіе „гемороидическаго припадка“. „Крестился русскій человѣкъ, читая этотъ манифестъ,— говоритъ г. Бильбасовъ *): — судьбы Божіи, дѣйствительно, неисповѣдимы! Бывшій императоръ испытывалъ въ послѣдніе дни столько горя, столько невзгодъ—ничего нѣтъ мудренаго, что натура слабая, болѣзненная, страдавшая уже „припадками гемороидическими“, не вынесла этихъ потрясеній; въ смерти никто не воленъ—заболѣлъ и умеръ...“.

Въ своемъ любопытномъ письмѣ на имя Понятовскаго Екатерина такъ представляетъ случай въ Ропшѣ.

„Со страху Петръ III заболѣлъ разстройствомъ желудка, длилось оно три дня, но на четвертыя сутки прошло. Въ этотъ день онъ сильно напился, такъ какъ ему предоставлялось все, чего онъ ни желалъ, за исключеніемъ свободы. Потребовалъ онъ, впрочемъ, только свою любовницу (Елисавету Воронцову), любимую собаку, слугу негра и скрипку. Во избѣжаніе соблазна и броженія среди его охраны я ему послала только негра, собаку и скрипку.

По тутъ у Петра начались гемороидальныя колики въ сопровожденіи съ мозговыми приливами; болѣлъ онъ два дня, чрезвычайно ослабѣлъ и, несмотря на усилія врачей, испустилъ духъ, потребовавъ лютеранскаго пастора. Я боялась, не отравили ли его офицеры, и приказала произвести анатомическое вскрытіе тѣла усопшаго; оно удостовѣрило отсутствіе всякихъ слѣдовъ отравы: желудокъ оказался вполнѣ здоровымъ, воспаленіе было

*) В. Бильбасовъ. „Исторія Екатерины Второй“, томъ II.

только въ кишкахъ, а смерть послѣдовала отъ апоплексическаго удара; сердце найдено было чрезвычайно маленькимъ и сморщеннымъ".

Несмотря на то, что печальный конецъ Петра III былъ достаточно правдоподобно освѣщенъ новымъ правительствомъ, смерть его произвела сильное впечатлѣніе на народное воображеніе, которое и не преминуло въ очень скоромъ времени создать и изъ этого факта и изъ трагической личности самого покойнаго императора популярную легенду, которая вскорѣ облетѣла всю Русскую землю и воплотилась въ историческомъ событіи кроваваго характера.

За выбытіемъ изъ жизненнаго строя Петра Өеодоровича, въ Шлиссельбургѣ все же еще оставался въ живыхъ первый по времени кандидатъ на всероссійскій престолъ, Іоаннъ Антоновичъ, составлявшій для Екатерины, какъ нѣкогда для Елисаветы, предметъ страха и опасеній, вслѣдствіе чего для охраны его личности отъ какихъ либо посягательствъ въ сторону его освобожденія принимались мѣры особенной строгости и бдительности. Со времени Петра Великаго народъ столько уже видѣлъ всякихъ перемѣнъ правительства, при чемъ каждая перемѣна непремѣнно возвышала содѣйствовавшихъ этой перемѣнѣ, создавала имъ почести и богатства, что мысль многихъ современниковъ, побуждаемая чувствомъ честолюбія, какъ-то невольно останавливалась на всегдашней возможности новой перемѣны. Фавориты Елисаветы и Екатерины были у всѣхъ на глазахъ, и судьба ихъ рождала зависть и стремленіе къ подражанію. Мотивы этой категоріи и легли въ основаніе политическаго заговора или, правильнѣе, умысла подпоручика Смоленскаго пѣхотнаго полка, Василія Яковлевича Мировича, рѣшившагося на отчаянный, безнадежный шагъ къ освобожденію Іоанна Антоновича какимъ нибудь „десператнымъ и безразсуднымъ coup". Какъ нѣкогда Батуринъ, такъ нынѣ малороссъ Мировичъ находился въ отчаянномъ матеріальномъ положеніи и притомъ, вдобавокъ, съ обидою въ сердцѣ на правительство за отказъ ему по дѣлу возвращенія въ его родъ конфискованныхъ нѣкогда украинскихъ имѣній. Его обращеніе по сему предмету къ гетману К. Разумовскому успѣха не имѣло, и послѣдній лишь философски ему замѣтилъ: „Мертваго изъ гроба не ворочаютъ. Ты—молодой человѣкъ: самъ себѣ прокладывай дорогу. Старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ, и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе". Этотъ „чубъ фортуны" Мировичъ намѣтилъ въ освобожденіи Шлиссельбургскаго царственнаго узника, и мысль о немъ стала неотступно его преслѣдовать, пока случай ему не по-

могъ подойти вплотную къ намѣченной цѣли. Попавъ на дежурство въ Шлиссельбургскую крѣпость, Мировичъ сдѣлалъ попытку взбунтовать дежурный караулъ, арестовать коменданта и вооруженною силою вырвать Іоанна Антоновича изъ рукъ двухъ безсмѣнно приставленныхъ къ нему офицеровъ—Власьева и Чекина, которые имѣли секретный приказъ не выдавать живымъ порученную имъ таинственную и „знатную ссобу". Услыхавъ шумъ и понявъ, въ чемъ дѣло, офицеры-тюремщики сдѣлали свое дѣло и исполнили секретный долгъ. Когда Мировичъ съ огнемъ въ одной рукѣ и съ ружьемъ въ другой, въ сопровожденіи кучки солдатъ ворвался въ казематъ Іоанна Антоновича, его глазамъ представилось страшное зрѣлище: на полу, въ лужи крови валялось мертвое тѣло царственнаго юноши...

— Ахъ, вы, безсовѣстные,—воскликнулъ Мировичъ:—за что вы невинную кровь такого человѣка пролили?

— Какой онъ человѣкъ,—мы не знали,—отвѣтили Власьевъ и Чекинъ:—только то знаемъ, что онъ арестантъ. А кто надъ нимъ что сдѣлалъ, тотъ поступилъ по присяжной должности.

Отдавъ по всѣмъ правиламъ воинскаго устава почести окровавленному тѣлу, Мировичъ поцѣловалъ холодѣвшую уже руку и, обратившись къ солдатамъ, сказалъ:

— Вотъ, братцы, нашъ государь Іоаннъ Антоновичъ! Теперь мы не столь счастливы, какъ безсчастны, и всѣхъ больше за то я претерплю. Вы не виноваты—вы не видѣли, что я хотѣлъ сдѣлать. Я уже за всѣхъ васъ отвѣтствовать и всѣ мученія на себѣ сносить долженъ.

Такимъ образомъ судьба убрала съ жизненной сцены второго юридическаго соперника Екатерины II по престолу, обезопасивъ ее, казалось бы, на многіе годы отъ какихъ либо осложненій правового политическаго свойства. Но вышло иначе: именно ей, укрѣпившейся на престолѣ, возвеличенной уже и прославленной Западомъ и Востокомъ, пришлось встрѣтить грозную опасность, которая, неожиданная и для нея и для ея сподвижниковъ, выступила изъ дремучихъ лѣсовъ юго-восточной Россіи, съ береговъ двухъ великихъ бунтарскихъ рѣкъ—Дона и Волги, и, точно кровавый призракъ, хищно и съ ненавистью протянула къ ней свои разбойничьи руки. Произошло нѣчто ужасное, роковое, гдѣ, точно въ фокусѣ, сосредоточилось все смутное, что собралось на Руси за послѣднія сто слишкомъ лѣтъ, и что разлилось по лицу земли горячими потоками слезъ и крови. Народная Россія бросила страшный вызовъ Россіи полицейско-бюрократической, въ которую

она именно за время Екатерины успѣла обратиться, призвала ее къ отвѣту за все сдѣланное противъ народа и престола, какъ историческаго наслѣдія дома Романовыхъ по договору 1613 года, и сдѣлала попытку заставить эту Россію омыться отъ своихъ грѣховъ въ потокахъ неповинной человѣческой крови.

„Руководство Божіе чудное и испытанное есть!"—вскричала невольно Екатерина при первой вѣсти объ умерщвленіи Ивана Антоновича. „Провидѣніе оказало мнѣ очевидно знакъ своей милости, придавъ такой конецъ этому предпріятію",—писала она Панину, но рядомъ съ этимъ ее охватилъ настоящій ужасъ и страхъ, когда ей пришлось ознакомиться съ текстомъ манифеста, проектированнаго Мировичемъ по случаю вступленія Іоанна III на престолъ и устраненія отъ него Екатерины II. Вотъ что здѣсь говорилось между прочимъ *): „Недолго владѣлъ престоломъ Петръ Третій, и тотъ отъ пронырства и отъ руки жены своей опоенъ смертнымъ ядомъ, по немъ же не інымъ чемъ, какъ силою обладала наслѣднымъ моімъ престоломъ самолюбная расточительница Екатерина, которая по день Нашего возшествія изъ отечества Нашего выслала на кораблѣ къ родному брату своему, къ римскому генералъ-фельдмаршалу князю Фридрику-Августу, всего на двадцать на пять мјлйновъ денегъ золота и серебра въ деле и не въ деле, и сверхъ того она чрезъ свои природные слабостј хотела взять себе въ мужья подданнаго своего Григорья Орлова съ тѣмъ, чтобъ уже изъ злонамереннаго и вреднаго отечества ея похода **) и не возвратитца за что конечно она предъ его страшнымъ судомъ неоправдаетца".

Обвиненія, здѣсь выставленныя противъ Екатерины, были для нея очень тревожнаго свойства. Ей приписывалась непосредственная вина въ смерти Петра Өедоровича, разграбленіе государственнаго имущества и вступленіе въ незаконный бракъ съ главнымъ соучастникомъ ея восшествія на престолъ. Нѣтъ надобности доказывать легендарность доводовъ въ этомъ документѣ: важны не факты, а то, что въ публикѣ по сему предмету циркулируютъ слухи, могущіе ей повредить въ общественномъ и народномъ мнѣніи и рисующіе ее, не какъ правительницу, дѣйствующую на пользу государства, а побуждаемую корыстными цѣлями, идущими въ разрѣзъ съ интересами страны и направленными противъ ея благополучія.

---

*) В. Бильбасовъ. Исторія Екатерины Второй, т. II.
**) Т.-е. изъ поѣздки въ Ригу и Остзейскій край.

Дѣло о шлиссельбургскомъ бунтѣ было передано въ верховный судъ въ составѣ сената, синода, особъ первыхъ трехъ классовъ и президентовъ всѣхъ коллегій; когда же Екатерина увидала, что среди членовъ верховнаго суда нѣтъ полнаго единогласія во взглядѣ на политическое значеніе преступленія Мировича, она оказала, съ своей стороны, сильное давленіе на ходъ мыслей членовъ суда и добилась единогласнаго ихъ рѣшенія въ смыслѣ приговора Мировича къ смертной казни и строгаго наказанія шлиссельбургскаго гарнизона. Народъ, отвыкшій за время Елисаветы отъ казни, ужаснулся и „единогласно ахнулъ“, увидѣвъ окровавленную голову поручика Смоленскаго полка въ рукахъ палача, но еще, пожалуй, онъ былъ болѣе смущенъ, что убійцамъ Іоанна Антоновича ихъ прегрѣшеніе не было поставлено въ вину, и въ официальномъ по сему предмету документѣ убійцей самодержавнаго государя былъ объявленъ все тотъ же Мировичъ. Но такой уголовно-политическій tour de force не вызвалъ къ себѣ сочувствія русскаго народа, и имя несчастнаго шлиссельбургскаго узника еще долго жило въ его памяти.

Г. Бильбасовъ сообщаетъ на основаніи данныхъ изъ государственнаго архива, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ убіенія Іоанна Антоновича, въ 1765 году, проявились сочувствія и не только къ послѣднему, но и къ Петру III; въ 1766 году разсматривалось шесть тайныхъ дѣлъ, въ которыхъ поминалось имя Ивана Антоновича; въ 1767 году десять дѣлъ объ оскорбленіи величества, и въ томъ числѣ два по поводу Ивана III. Всѣ эти „протесты“ шли главнымъ образомъ изъ провинціи, только однажды былъ открытъ заговоръ въ Москвѣ, и то въ пользу брата Іоанна Антоновича, какъ законнаго наслѣдника русскаго престола. Въ 1774 году таинственная княжна Тараканова привлекла къ себѣ симпатіи, между прочимъ, и потому, что въ ней видѣли будто сестру шлиссельбургскаго страдальца; въ 1788 году купецъ Курдиловъ выдавалъ себя за Ивана Антоновича. Быть можетъ, были подобные протесты и позже, — говоритъ г. Бильбасовъ, — быть можетъ, ихъ не было, — мы не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, никогда въ Россіи умерщвленіе Ивана Антоновича не оправдывалось русскими людьми, никогда русскіе люди не признавали подобнаго преступленія „естественнымъ“, не объясняли его „печальною необходимостью“, какъ то дѣлала Екатерина II и ея несамостоятельное бюрократическое правительство.

Кровь Ивана Антоновича, Мировича и Петра III, были тѣми трагическими страницами ея царствованія, которыя заключали

собою повѣсть о претендентахъ на русскій престолъ той эпохи. Таковыхъ въ наличности уже болѣе не было, и если Екатерина на время вздохнула полною грудью и съ благодарностью за попеченія о ней Провидѣнія, то этотъ вздохъ радости былъ не дологъ—его замѣнилъ крикъ ужаса передъ мрачною тѣнью Пугачева, явившагося на раскрашенномъ фонѣ ея правленія зловѣщимъ призракомъ, напоминающимъ Ропшинскіе и Шлиссельбургскіе дни.

По вступленіи на престолъ, Екатерина поставила основаніемъ своей внутренней политики доброе намѣреніе всѣхъ „подданныхъ учинити счастливыми", въ видахъ чего ей прежде всего необходимо было обновить правительственный механизмъ и приспособить его функціи къ урегулированію правильнаго хода всѣхъ сторонъ нашей жизни. На первомъ планѣ поэтому была положена задача объ узаконеніи правительственныхъ учрежденій, каковая и была намѣчена въ ея манифестѣ отъ 6-го іюня, гдѣ императрица своимъ императорскимъ словомъ торжественнѣйше обѣщала „узаконить такія государственныя установленія, по которымъ бы правительство любезнаго нашего отечества въ своей силѣ и принадлежащихъ границахъ теченіе свое имѣло". Забота по выработкѣ такихъ установленій была возложена на графа Н. И. Панина, который уже осенью того же года представилъ государынѣ обширный проектъ реформы верховнаго правительства, состоящій изъ двухъ частей: первая-объ императорскомъ совѣтѣ, вторая—о сенатѣ. Этотъ проектъ Н. И. Панина былъ самымъ тщательнымъ образомъ проштудированъ императрицею, былъ отданъ на обсужденіе нѣкоторыхъ приближенныхъ, одобренъ и по поводу его даже изготовленъ манифестъ, скрѣпленный подписью Екатерины; но въ послѣднюю минуту государыня взяла свое рѣшеніе назадъ, надорвала манифестъ, и онъ выпущенъ не былъ, а проектированному совѣту не суждено было видѣть осуществленія. Значеніе проекта Панина до сихъ поръ еще не имѣетъ въ нашей литературѣ согласной оцѣнки. Нѣкоторые ученые, основываясь главнымъ образомъ на запискахъ декабриста М. А. Фонвизина, видятъ въ немъ положительный шагъ къ ограниченію самодержавной власти *), другіе **) разсма-

*) Этого мнѣнія изъ числа новѣйшихъ историковъ вполнѣ опредѣленно держатся: В. И. Семевскій, „Историческое Обозрѣніе", т. IX, „Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи XVIII и первой половинѣ XIX вѣка"; А. И. Браудо: „Русскій біографическій словарь", монографія Панина: „графъ Никита Ивановичъ"; В. И. Бильбасовъ: „Исторія Екатерины II".

**) Н. Д. Чечулинъ: „Проектъ императорскаго совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II", „Журналъ министерства народнаго просвѣщенія", 1894 г., № 3; Е. Щепкина: „Чтенія по исторіи Россіи въ осьмнадцатомъ вѣкѣ".

триваютъ проектъ, какъ добросовѣстную попытку по урегулированію законодальной дѣятельности правительства и по установленію нѣкотораго контроля надъ верховной властью въ этой области государственной жизни. Нѣкоторые современники, какъ изъ числа русскихъ сановниковъ, такъ и иностранныхъ дипломатовъ, несомнѣнно, усматривали, однако, въ немъ ограничительныя тенденціи, первыя, такъ сказать, ступени къ установленію аристократическаго правленія. Такъ, фельдцейхмейстеръ Вильбоа въ своей запискѣ на проектъ Панина говоритъ *): „Не знаю, кто составитель этого обширнаго проекта, но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, такимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Вліятельные члены обязательнаго и государственнымъ закономъ установленнаго императорскаго совѣта, особенно если они обладаютъ достаточнымъ къ тому своеволіемъ, честолюбіемъ и смышленостью, весьма удобно могутъ вырости въ соправителей. По крайней мѣрѣ, если есть намѣреніе къ такому переустройству, то императорскій совѣтъ представляется первымъ къ тому шагомъ, а такое преобразованіе неминуемо привело бы къ разрушенію могущества и величія Россійской имперіи".

Мнѣніе Вильбоа рисуетъ, повидимому, довольно правильно дѣло: прямого ограниченія самодержавія въ проектѣ Панина нѣтъ, но зародышъ этого ограниченія въ немъ можетъ быть усмотрѣнъ, зародышъ, который, при благопріятныхъ условіяхъ, могъ развиться въ нѣчто похожее на конституціонную форму правленія съ аристократическимъ оттѣнкомъ. Въ данномъ случаѣ усматривается нѣкоторая аналогія въ порядкѣ мыслей Д. М. Голицына и Н. И. Панина: оба въ своихъ государственныхъ замыслахъ имѣли передъ собою примѣръ аристократическихъ шведскихъ установленій, оба изучили таковыя и практически, по долгу службы, и теоретически, оба сдѣлали попытки привить духъ этихъ учрежденій къ русской жизни, и оба потерпѣли въ этомъ отношеніи неудачу, слѣдомъ чего остались лишь разорванные документы въ нашихъ правительственныхъ архивахъ. Голицынъ дважды пытался осуществить свои замыслы: при Екатеринѣ I и Аннѣ Іоанновнѣ, тоже и Панинъ—разъ при представленіи своего проекта верховнаго совѣта, а другой разъ въ проектированной имъ запискѣ для Павла Петровича, которую онъ диктовалъ Д. И. Фонвизину, и которую ему, однако, не удалось закончить.

*) В. И. Бильбасовъ: „Исторія Екатерины II", т. II.

Какъ бы ни разсматривать проектъ Панина, подъ угломъ ли зрѣнія В. И. Бильбасова, или Н. Д. Чечулина, фактъ остается фактомъ: Екатерина не рѣшилась на шагъ, къ которому ее побуждалъ воспитатель ея сына, и онъ вторично потерпѣлъ пораженіе въ своемъ стремленіи отвести государынѣ второстепенное мѣсто въ политической жизни страны. Проектируя низложеніе Петра III, Панинъ считаетъ нужнымъ это сдѣлать во имя Павла; проектируя установленіе верховнаго совѣта, онъ ставитъ государыню подъ тѣнь и контроль этого учрежденія, и каждый разъ Екатерина внимательно слушаетъ своего совѣтчика и политическаго ментора, выбираетъ изъ его словъ и мыслей все ей нужное и... дѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что идетъ объ руку лишь съ ея личными интересами и ея планами, оставаясь при этомъ не на второмъ мѣстѣ, которое ей пытаются отвести, а выступая ярко и эффектно на первый планъ. Она не допускаетъ никакой искусственной тѣни на своемъ самодержавіи и стремится исключительно изъ собственныхъ рукъ дать подданнымъ счастіе, не въ той формѣ, какъ бы того они сами хотѣли, а какъ ей самой того хочется, и что соотвѣтствуетъ сложившимся у нея личнымъ понятіямъ и просвѣтительнымъ государственнымъ и философскимъ взглядамъ. Ея самодержавіе чрезвычайно колоритно: оно не исторически-народно, съ крѣпкими и глубокими корнями въ народной жизни, но популярно и національно, съ искусственными напластованіями на немъ вмѣстѣ съ тѣмъ и декоративныхъ сторонъ западно-европейской жизни. Просвѣтительный абсолютизмъ—вотъ ея знамя, которое она крѣпко держитъ въ рукѣ, порою склоняя его въ сторону одного лишь абсолютизма, а порою, и то съ большею осторожностью,—въ сторону просвѣщенія. Но какъ только это просвѣщеніе набрасываетъ тѣнь на ея абсолютизмъ, первое всегда и рѣшительно приносится въ жертву второму, при чемъ средства, пускаемыя въ данномъ случаѣ въ ходъ, далеко не всегда гуманитарнаго порядка и либеральнаго характера. Слова у нея часто расходятся съ дѣломъ, а иногда за этими словами исчезаетъ даже самое дѣло, почему послѣднее иногда и гибнетъ, оставляя по себѣ лишь красивый слѣдъ въ ея манифестахъ, въ ея письмахъ и даже въ представленіи загипнотизированныхъ и очарованныхъ современниковъ. Такова, между прочимъ, была судьба ея прославленнаго „Наказа“ и всего дѣла созыва депутатовъ въ Москву для сочиненія проекта новаго уложенія, гдѣ правительница выше всего поставила свое доктринерство и фило-

софію, свое личное „я“, подчинивъ имъ реальныя потребности страны, ея историческій опытъ, наслѣдіе старины и живую волю народа. Всѣ эти факторы жизни были ею пренебрежены, ко всему этому она отнеслась съ высоты своего эффектнаго абсолютизма, какъ къ чему-то ненужному, отсталому и ветхому, поставивъ превыше всего свое доктринерство, почерпнутое изъ „L'esprit des lois“ Монтескье и сочиненія Беккаріи „О преступленіяхъ и наказаніяхъ“, не взирая на то, что эти облюбованные ею мыслители даже у себя на родинѣ еще далеко не успѣли приспособить своихъ доктринъ къ мѣстной западно-европейской дѣйствительности. Но Екатеринѣ казалось, что стоитъ ей лишь чего-либо пожелать, и русскій народъ проникнется этими желаніями и воплотитъ въ своей бытовой жизни то, что благоугодно ея величеству; исторіи для нея не существовало, была лишь ея просвѣщенная воля и наличность народной tabula rasa.

Исторія „Наказа“ и ходъ работъ законодательной комиссіи не можетъ быть по существу вопроса составною частью общей темы настоящихъ очерковъ, посвященныхъ въ первыхъ главахъ днямъ исторической русской смуты и борьбы; поэтому авторъ отсылаетъ интересующихся этой стороной дѣятельности Екатерины къ сочиненію проф. В. Н. Латкина: „Законодательныя комиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи“, къ работамъ проф. И. И. Дитятина: „Статьи по исторіи русскаго права“, и къ статьѣ проф. В. И. Сергѣевича: „Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссіи?“, напечатанной въ „Вѣстникѣ Европы“, 1878 г., въ № 1. Профессоромъ же Сергѣевичемъ нынѣ опубликованъ въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго историческаго общества“, (т.т. XXXII, XXXVI, XLIII, LXVIII, XCIII, CVII и CXV) обзоръ занятій Большого Совѣта, гдѣ изо дня въ день передъ читателемъ обрисовывается ходъ работъ законодательной комиссіи, при чемъ почтенный изслѣдователь этихъ занятій даетъ въ предисловіе къ томамъ „Сборника“ много цѣнныхъ указаній, освѣщающихъ этотъ интересный вопросъ.

Какъ извѣстно, собранная Екатериною комиссія депутатовъ не дала практическихъ результатовъ, и главными причинами этой безрезультатности были: 1) отсутствіе подготовительныхъ работъ; 2) непрактичность и неопредѣленность внѣшней организаціи дѣла и 3) практическое неумѣнье руководителей. Проф. С. Ѳ. Платоновъ идетъ еще далѣе, полагая въ своихъ „Лекціяхъ“, что, если бы все дѣло съ внѣшней стороны и было

даже организовано лучше, то все же можно было предсказать, что изъ работы комиссіи ничего не выйдетъ. „Грандіозный проектъ новаго законодательства былъ недостижимою утопіей, прежде всего, по количеству необходимаго для него труда,— говоритъ онъ.—Кромѣ того, нельзя было примирить либеральные принципы французской философіи съ противорѣчивыми желаніями русскаго сословія. Депутаты стояли въ этомъ отношеніи среди многихъ исключающихъ другъ друга противоположностей, и можно ручаться, что они никогда не вышли бы изъ нихъ, какъ не могла выйти изъ нихъ и сама Екатерина". Хотя знаменитая комиссія и не дала русской жизни прямыхъ результатовъ, но для самой Екатерины въ наказахъ депутатамъ нашелся богатый матеріалъ, который до извѣстной степени легъ въ основаніе ея дальнѣйшихъ законодательныхъ работъ и хоть нѣсколько отрезвилъ ее отъ того философскаго доктринерства, которое въ началѣ ея царствованія было ею поставлено выше реальной жизни и живой воли народа. И эта жизнь, и этотъ народъ перестали быть тѣми невидимыми иксами, которые отыскивались ею прежде въ иностранныхъ сочиненіяхъ, и которые отнынѣ стали для нея реальнымъ матеріаломъ для созданія губернскихъ учрежденій и городового положенія. Ничего только изъ этихъ фактовъ она не сумѣла почерпнуть для рѣшенія лишь крестьянскаго вопроса, который именно при ней достигаетъ своей крайней сложности и остроты и направляется ею фактически въ неблагопріятномъ для интересовъ народа смыслѣ. Именно при Екатеринѣ крѣпостное право провозглашается фундаментомъ самодержавія и получаетъ свой печальный расцвѣтъ въ интересахъ бюрократіи, привилегированнаго дворянства и промышленнаго капитала, что и повело страну къ ряду жестокихъ помѣстныхъ крестьянскихъ бунтовъ и къ широкому народному возстанію подъ знаменемъ самозваннаго Петра III и во имя воли и свободы отъ помѣщичьяго гнета и бюрократическаго произвола.

Разбирая чрезвычайно обстоятельно отношенія и самой Екатерины и ея современниковъ къ крестьянскому вопросу, В. И. Семевскій *) приходитъ къ опредѣленному выводу, что въ ея царствованіе „было сдѣлано гораздо болѣе для усиленія и даже для распространенія крѣпостного права, чѣмъ для его ограни-

---

*) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, т. I.

ченія", хотя тутъ же изслѣдователь и отмѣчаетъ ея несомнѣнную заслугу: она первая съ высоты престола бросила въ общество идею, что крѣпостной такой же человѣкъ, какъ и его господинъ, что онъ также имѣетъ право на разумное существованіе. Эта двойственность въ отношеніи къ одному изъ самыхъ коренныхъ вопросовъ внутренней жизни, если не прямо и непосредственно, то косвенно создавала массу осложненій, рождала противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ можно бы было избѣгнуть, и обращала всю Россію въ такую неурегулированную стихію, въ глубинѣ и на поверхности которой всегда легко могли прошумѣть бури и разразиться катастрофы. Изъ числа такихъ бурь и катастрофъ прежде всего надлежитъ отмѣтить волненія помѣщичьихъ крестьянъ, принявшія настолько широкіе размѣры и серіозный характеръ, что потребовалась выработка цѣлой опредѣленной системы усмиренія крестьянъ, формулированная въ начертанныхъ для сего спеціальныхъ правилахъ. Тотъ же г. Семевскій въ своемъ главномъ капитальномъ трудѣ по крестьянскому вопросу *) дѣлаетъ обозрѣніе всѣхъ важнѣйшихъ крестьянскихъ волненій въ царствованіе Екатерины и отмѣчаетъ здѣсь три періода — до пугачевщины, во время ея и послѣ нея. Въ 1762 г., по его показаніямъ, въ Великороссіи насчитывается волненій въ 10-ти помѣщичьихъ вотчинахъ (всего же волновалось до 50.000 душъ), въ 1763 г. были волненія болѣе чѣмъ въ 8-ми вотчинахъ, въ 1765 г. — въ одной, въ 1766 — въ 6-ти, въ 1767—1768 гг. — въ 9-ти и въ 1769 г. въ 2-хъ имѣніяхъ, итого 40 волненій въ періодъ времени съ 1762 г. по 1772 г. включительно. Здѣсь изслѣдователемъ зарегистрированы лишь извѣстныя волненія, но онъ и самъ полагаетъ, что, вѣроятно, ихъ было больше, но о нихъ въ знакомыхъ ему правительственныхъ архивахъ не осталось слѣда. Основною причиною всѣхъ этихъ волненій былъ гнетъ помѣщичьей власти, который раздражалъ крѣпостныхъ тѣмъ болѣе, что передъ ними былъ примѣръ лучшей и болѣе вольной, вольготной жизни въ лицѣ крестьянъ дворцовыхъ и государственныхъ. Ссылаясь на судьбу послѣднихъ, помѣщичьи крестьяне непрестанно ходатайствуютъ объ избавленіи отъ власти притѣсняющаго ихъ помѣщика и о припискѣ ихъ къ дворцовымъ и государевымъ волостямъ. Поэтому всякій слухъ о близкомъ освобожденіи или даже объ огра-

*) В. И. Семевскій. «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II», т. I.

ниченіи помѣщичьей власти — а поводовъ къ таковымъ слухамъ было въ царствованіе Екатерины немало — встрѣчался крестьянами съ довѣріемъ и радостью и вызывалъ среди нихъ волненія и враждебныя дѣйствія противъ помѣщичьей усадьбы и противъ хозяйскаго добра.

Разсматривая каждое волненіе порознь, г. Семевскій приходитъ къ выводу, что характеръ всѣхъ ихъ не имѣетъ особенно серіознаго значенія. „Волненіе замѣчается обыкновенно въ какой-нибудь одной вотчинѣ, — говоритъ онъ, — хотя на помощь при стычкѣ съ правительственнымъ отрядомъ иногда и являются сосѣдніе помѣщичьи или дворцовые крестьяне. Правда, и правительственныя силы обыкновенно оказываются чрезвычайно ничтожными, и потому крестьянамъ не разъ удается отразить ихъ, а иногда даже взять въ плѣнъ часть отряда, но въ концѣ концовъ имъ приходится смириться. Борьба слишкомъ неравная уже потому, что крестьяне по большей части вооружены только какими-нибудь вилами и дубинами. Дѣло кончается обыкновенно безъ особеннаго кровопролитія, хотя иногда и бываетъ два-три убитыхъ среди крестьянъ и нѣсколько раненыхъ изъ числа солдатъ; впрочемъ, въ трехъ случахъ крестьяне дорого поплатились за попытку бороться съ помѣщичьей властію: въ имѣніи Пассекъ въ 1768 г. было ранено и убито около 30-ти человѣкъ (въ этомъ случаѣ столько же раненыхъ и изъ солдатъ, и даже капитанъ смертельно раненъ); въ 1762 г. въ имѣніи князей Долгоруковыхъ было убито около 20-ти крестьянъ и не менѣе того ранено; во время бойни, устроенной въ 1758 г. приказчиками Евд. Демидова, убито наповалъ 30 человѣкъ и 33 смертельно ранены. Всего болѣе упорствовали крестьяне въ тѣхъ случаяхъ, когда они подавали прошенія императрицѣ или въ сенатъ, такъ какъ тогда они хотѣли, во что бы то ни стало, дождаться рѣшенія на него и получить указъ, иной разъ за собственноручною подписью императрицы“. Желаніе увидѣть указъ, подписанный самою императрицею, встрѣчается и въ случаяхъ волненій крестьянъ и не крѣпостныхъ. Часто въ волненіяхъ этой категоріи наблюдается, что сочувствіе и поддержка приходскаго духовенства обрѣтаются на сторонѣ крестьянъ, а не помѣщиковъ.

Послѣ распущенія законодательной комиссіи, на которую крѣпостными возлагались болѣе или менѣе широкія надежды, и послѣ того, какъ депутаты возвратились домой, въ теченіе почти трехъ лѣтъ среди крестьянъ не встрѣчается волненій. Они терпѣливо

ждутъ желаннаго указа, если не о волѣ, то хоть объ облегченіи рабства. Но этотъ указъ не пришелъ, отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ не улучшились, и вотъ терпѣніе послѣднихъ лопается, а накопившееся у нихъ горькое чувство находитъ себѣ выходъ въ пугачевщинѣ, той соціально-революціонной эпопеѣ, гдѣ именно помѣщичье крестьянство играетъ выдающуюся роль. Послѣ усмиренія пугачевщины, когда революціонный пожаръ былъ потушенъ народною кровью, крѣпостные нѣсколько затихаютъ, и волненія среди нихъ наблюдаются рѣже. По приблизительному и вѣроятному подсчету г. Семевскаго, съ 1774 г. и по конецъ царствованія Екатерины волненія крестьянъ происходили въ 20-ти вотчинахъ, у 18-ти помѣщиковъ, при чемъ это незначительное сравнительно число объясняется памятью крестьянъ о суровой расправѣ съ ними правительства во время пугачевскаго бунта. И только въ царствованіе Павла Петровича мы наблюдаемъ снова и ростъ крестьянскихъ волненій и интензивный характеръ этихъ волненій.

Кромѣ волненій среди крѣпостныхъ крестьянъ, во все царствованіе Екатерины отмѣчается немало бунтовъ и среди прочихъ категорій крестьянъ—посессіонныхъ, дворцовыхъ, государевыхъ, монастырскихъ и другихъ. Причинами для волненій среди этихъ категорій являются главнымъ образомъ причины экономическія, а также злоупотребленія начальствующихъ лицъ и управителей. Изучая волненія среди крестьянъ, приписанныхъ къ духовнымъ вотчинамъ, г. Семевскій отмѣчаетъ, что въ этихъ волненіяхъ при Екатеринѣ принимало участіе болѣе 100.000 душъ, т.-е. болѣе десятой части всѣхъ принадлежащихъ духовенству крестьянъ. Волненія эти, однако, не выдѣляются особенною страстностью и носятъ на себѣ довольно мирный характеръ, гдѣ дѣло рѣдко доходитъ до убійствъ. Любопытно между прочимъ отмѣтить, что во время этихъ волненій по рукамъ ходилъ фальшивый манифестъ отъ имени императрицы, гдѣ было сказано: „которая земля пахотная была и луга за монастыремъ, то разверстать на себя“. Но если здѣсь дѣло обходилось относительно благополучно, то иная картина представляется при изученіи волненій среди заводскихъ крестьянъ и въ особенности таковыхъ на Уралѣ. Здѣсь крестьяне, будучи переданы во владѣніе частныхъ лицъ (Демидовыхъ, Шувалова и др.), благодаря въ особенности злоупотребленіямъ управителей, находились почти постоянно въ возбужденномъ состояніи и въ оппозиціи къ своимъ владѣльцамъ. Волненія были вызваны ихъ ужаснымъ поло-

женіемъ, которое всего рельефнѣе рисуется въ челобитной, поданной князю Вяземскому, командированному на Уралъ, въ цѣляхъ выясненія общихъ причинъ заводскихъ безпорядковъ. Такъ, крестьяне, приписанные къ Кыштымскому и Кислинскому заводамъ Никиты Демидова, жаловались *), что ихъ не только заставляли трудиться болѣе, чѣмъ было нужно для отработки податей, но еще мучили и надругались надъ ними. Приказчики Демидова до того били нѣкоторыхъ батогами и кнутомъ, что у нихъ не заростали раны по нѣскольку недѣль и даже по полугоду, а въ ранахъ заводились черви. Подвергавшіеся такимъ истязаніямъ становились нерѣдко негодными къ военной службѣ и домашнимъ работамъ. Истязали крестьянъ и мучили самыми ухищренными способами, и когда измученные вздумали жаловаться, то приказчики и нарядчики Демидовскихъ вотчинъ, надѣвъ приносившимъ жалобу колодки на шею, водили ихъ и наказывали ременными кнутами. Въ челобитной крестьянъ названо 12 человѣкъ, засѣченныхъ приказчиками до смерти; всего же на двухъ заводахъ Демидова въ теченіе 4-хъ лѣтъ было подвергнуто разнымъ истязаніемъ 328 человѣкъ. Особенно рѣзко проявились волненія среди крестьянъ Демидова въ 1765 г., когда среди нихъ появился казакъ Каменщиковъ, который объявилъ, что онъ посланъ отъ государыни для разсмотрѣнія крестьянскихъ жалобъ. „Еще ранѣе, сидя подъ арестомъ въ Троицкой крѣпости,—повѣствуетъ г. Семевскій,—Каменщиковъ разсказывалъ, что императоръ Петръ III живъ и часто разъѣзжаетъ по ночамъ, чтобы развѣдать объ обидахъ, причиняемыхъ народу; очевидно, подготовлялась почва для появленія самозванца. Каменщиковъ велѣлъ наказывать тѣхъ крестьянъ, которые во время волненій ходили на заводскія работы, заковалъ ихъ въ кандалы и посадилъ подъ караулъ; онъ также осматривалъ мѣста, гдѣ были похоронены крестьяне, убитые во время волненій. Отправившись съ крестьянскими челобитными въ Петербургъ, онъ былъ тамъ арестованъ; его наказали кнутомъ, вырѣзали ноздри и сослали въ вѣчную каторжную работу на Нерчинскіе заводы, а изъ крестьянъ Мощенскаго острога и Борневской слободы, присутствовавшихъ при составленіи челобитной, десятый былъ битъ кнутомъ, а остальные батогами“. Тѣмъ не менѣе крестьяне и вѣрить не хотѣли, будто Каменщиковъ не посланецъ самой императрицы, и будто онъ наказанъ и сосланъ. Черезъ два года

*) В. И. Семевскій. „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“, томъ II.

произошло волненіе среди крестьянъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ, приписанныхъ къ заводамъ Воронцова, Чернышева и Походяшина, однимъ изъ подводовъ къ которому было то, что эти крестьяне вручили своему депутату въ законодательной комиссіи прошенія объ отчисленіи ихъ отъ заводовъ и были убѣждены, что до полученія отвѣта на ихъ просьбу ходить на работу имъ не слѣдуетъ.

Положеніе заводскихъ рабочихъ и крестьянъ заводскихъ было воистину тяжелое, и офиціальныя свидѣтельства по разслѣдованію этого положенія показываютъ, что они дѣйствительно были отданы въ жертву заводчикамъ, а эти хищники „только и думаютъ что о своей выгодѣ и алчно пожираютъ все крестьянское имущество"; посредствомъ потребительныхъ лавокъ хозяева совершенно обирали крестьянъ и такъ ихъ закабаливали, что они принуждены были безсмѣнно быть у нихъ въ работѣ. Такое положеніе вещей и создавало то ужасное состояніе рабочаго и крестьянскаго уральскихъ вопросовъ, благодаря которому здѣсь непрестанно царила напряженная и наэлектризованная атмосфера, которая во всякую минуту и по всякому поводу готова была разразиться жестокою бурею. Необходимо отмѣтить, что Уралъ по сравненію съ другими частями имперіи, помимо своихъ прочихъ мѣстныхъ соціальныхъ особенностей, заслуживаетъ вниманія еще въ томъ отношеніи, что тутъ раньше всего наблюдается извѣстная организованность волненій и безпорядковъ. На Уралѣ впервые рождается стачка среди рабочихъ, стачка, вполнѣ правильно организованная, разсчитанная на психологію массы, въ цѣляхъ ея терроризированія и принудительныхъ оппозиціонныхъ дѣйствій. Конечно, стачечныя агитаціи того времени не могли ни по интензивности, ни по стройности организаціи быть сравнены съ таковыми же стачками новѣйшаго времени и въ особенности нашихъ дней, но, тѣмъ не менѣе, и тогда мы наблюдаемъ извѣстную, такъ сказать, дисциплину въ оппозиціи и противодѣйствіи начальствующимъ элементамъ; жизнь, очевидно, опредѣлила и выработала извѣстные пріемы борьбы, которые оказались наиболѣе цѣлесообразными и достигающими извѣстныхъ цѣлей. Взбудораженность настроенія уральскаго рабочаго класса была хорошею почвою для пугачевщины, которая и почерпала отсюда свои значительные кадры, комплектовала отсюда свои полчища и въ нѣкоторые моменты борьбы пользовалась Ураломъ, какъ своего рода базою, откуда вливались въ движеніе и живыя силы, и вспомогательныя орудія борьбы, въ видѣ пушекъ, а также до-

вольствіе и провіантъ. Уралъ особенно чутко прислушивался къ голосу Пугачева, съ восторгомъ принималъ его прокламаціи и преимущественно здѣшніе крестьяне и рабочіе надѣялись при его посредствѣ и помощи облегчить свое невыносимо тяжелое положеніе.

Въ составѣ народныхъ бунтовъ Екатерининской эпохи совершенно особенное мѣсто должно быть отведено московскому чумному бунту 1771 г., въ которомъ наблюдается обычное для большихъ городовъ буйство невѣжественной черни, не предупрежденное принятыми заранѣе разумными и радикальными мѣрами мѣстной администраціи, а потому разгорѣвшееся разгуломъ дикихъ страстей, съ человѣческими жертвами и съ пролитіемъ неповинной крови. Противочумныя мѣры, принятыя правительствомъ, дѣятельность врачей, мѣры санитарныя—вотъ тѣ обстоятельства, которыя, какъ и въ эпидеміяхъ новѣйшихъ временъ, оказали воздѣйствіе на настроеніе народа, и въ которыхъ народъ усматривалъ заговоръ противъ себя и своего благополучія, объясняя и освѣщая этотъ заговоръ легендами и пустыми домыслами. Та картина народнаго бунта, которая обрисовалась въ Москвѣ въ 1771 г., повторялась съ тѣми или иными видоизмѣненіями и черезъ 120 лѣтъ съ небольшимъ, когда на нашихъ уже глазахъ народъ тоже поднимался въ городахъ и селахъ противъ докторовъ и администраціи во время холерной эпидеміи; какъ въ томъ, такъ и въ послѣдующихъ по времени аналогичныхъ случаяхъ элемента политическаго нѣтъ въ наличности: царитъ лишь глубокое невѣжество, и на его фонѣ расцвѣтаютъ болячки соціальнаго и экономическаго свойства, съ растравленіемъ этихъ болячекъ административною неумѣлостью и недобросовѣстностью. Вмѣсто врачеванія болѣзни средствами органическими, ей даютъ назрѣть, расплыться по всему тѣлу, заразить здоровыя его части и затѣмъ начинаютъ принимать крайнія мѣры ампутаціи и репрессіи, вызывающія судорожныя боли и потрясенія всего организма.

Московскій бунтъ 1771 г. былъ политъ съ одной стороны кровію митрополита Амвросія и сенатора Еропкина, а также немалаго числа полицейскихъ и военныхъ чиновъ, а съ другой—кровію взбунтовавшихся жителей, коихъ убито было, напримѣръ, у Чудова монастыры 16-го сентября сто человѣкъ и 249 ранено, при чемъ войска стрѣляли, какъ изъ ружей, такъ и пушекъ. Конечно, въ общей суматохѣ, длившейся нѣсколько дней и въ значительной мѣрѣ обязанной нераспорядительности администра-

тивной власти, немало было случаевъ грабежей, разрушенія и хищенія лавокъ и вообще всѣхъ тѣхъ дѣйствій разгулявшихся городскихъ подонковъ населенія, которые въ Петербургѣ, напримѣръ, такъ характерно дали о себѣ знать въ дни извѣстныхъ событій 10-го и 11-го января 1905 года. Орловъ, посланный Екатериною для возстановленія спокойствія въ первопрестольной, при всей негосударственности своего ума, вѣрно, однако, формулировалъ, въ чемъ заключается опасная сторона не самыхъ событій, а обстановки, при которой они имѣютъ мѣсто. „Все несчастіе Москвы,—говорилъ онъ,—состоитъ въ паническомъ страхѣ, охватившемъ какъ высшіе, такъ и низшіе слои жителей, откуда проистекъ безпорядокъ и недостатокъ распорядительности“.

Чумный бунтъ 1771 года былъ явленіемъ изолированнымъ, не оказавшимъ прямого и видимаго воздѣйствія на развитіе и возникновеніе прочихъ русскихъ волненій эпохи Екатерины, и счастье тогдашняго правительства, что эти волненія, сосредоточившись. главнымъ образомъ, въ восточной половинѣ имперіи, въ силу случайности, не сумѣли или не смогли проникнуть въ буйное населеніе тогдашней первопрестольной, хотя непрестанно къ ней и тяготѣли. Пугачевщина льнула, такъ сказать, мечтала о Москвѣ и видѣла въ ней тотъ государственный центръ, который, въ силу историческихъ причинъ, неминуемо станетъ оплотомъ общенароднаго возстанія противъ правительства Екатерины. Въ Москвѣ впервые шла рѣчь о незаконности правъ Екатерины II и даже Елисаветы Петровны, тамъ циркулировала легенда о Петрѣ III и его близости къ скопцамъ, тамъ же впервые громко раздался говоръ о преимущественныхъ правахъ на русскій престолъ цесаревича Павла Петровича передъ правами его матери. Такого рода разговоры происходили главнымъ образомъ среди гвардейскихъ офицеровъ, которымъ въ данномъ случаѣ не давали спать лавры братьевъ Орловыхъ. Эти разговоры принимали подчасъ довольно острый характеръ, и въ результатѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ являлись мечты о заговорахъ и даже самые эти заговоры, въ цѣляхъ возведенія на престолъ Павла Петровича и постриженія въ монастырь Екатерины.

Въ 1767 году о необходимости сверженія съ престола императрицы толкуетъ въ Москвѣ офицеръ Озеровъ съ товарищами, говорившій: „Народнаго отягощенія отвратить инымъ ничѣмъ не можно и добраго дождаться ничего, какъ только тѣмъ, что возвести надобно на престолъ его высочество, да то моя бѣда, что

не могу до него дойти“. Озеровъ и товарищи его были судимы и сосланы въ Сибирь и Камчатку. Тамъ, на этой отдаленной восточной окраинѣ, находилось уже нѣсколько старыхъ политическихъ заговорщиковъ (напримѣръ, Батуринъ, Турчаниновъ и др.), которые въ 1771 году организуются въ тайное общество съ выходцемъ изъ Венгріи Беневскимъ во главѣ, взятымъ въ плѣнъ во время польскаго возстанія, и постановляютъ организовать заговоръ въ пользу Павла *). Этому энергичному заговорщику-авантюристу удается, при содѣйствіи мѣстныхъ жителей, бѣгство, которое въ сущности и было главною цѣлью сообщества; они подымаютъ въ Большерѣцкомъ острогѣ возстаніе, убиваютъ коменданта, овладѣваютъ казною, двумя пушками, военными припасами и приводятъ жителей къ присягѣ Павлу. Въ апрѣлѣ того же года заговорщики спускаются до Чекавинской гавани, здѣсь грабятъ казенный магазинъ, захватываютъ казенный галіотъ „Св. Петра“ и водружаютъ на немъ знамя императора Павла I. Заговорщики наименовали себя „собранною компаніею для имени его императорскаго величества Павла Петровича“ и составили объявленіе сенату, гдѣ оповѣщали, что Павелъ Петровичъ незаконно лишенъ престола, что польская разорительная война ведется единственно для пользы Понятовскаго, что отъ монастырей отняты деревни на воспитаніе незаконнорожденныхъ, что промыслы виномъ и солью являются привилегіею фаворитовъ и т. д. Конечно, изъ этой затѣи ничего не могло выйти, и она не реализовалась какими-нибудь серьезными фактами, которые бы причинили особенныя хлопоты и непріятности правительству.

Въ 1769 году былъ раскрытъ странный заговоръ офицера Опочинина, выдававшаго себя за сына Елисаветы и англійскаго короля и высказывавшаго намѣреніе схватить Екатерину, когда она поѣдетъ въ Царское Село, постричь ее въ монастырь, а приближенныхъ ея перебить и перестрѣлять. Въ дѣло оказался замѣшаннымъ и офицеръ Батюшковъ, говорившій: „Вотъ де, когда цесаревичъ выростетъ, то вѣрно спроситъ, куда батюшку-то его дѣвали, и такъ де Богъ Орловымъ за это заплотитъ“. Батюшковъ расхваливалъ Павла, утверждая, что „онъ уже въ лѣта приходитъ совершеннаго возраста, такъ лучше бы ему государствовать, нежели женщинѣ... государыня уже въ такихъ лѣтахъ,

---

*) „Исторія Екатерины Второй“. Сочиненіе А. Брикнера. Спб. 1885.

что пора и въ монастырь постричься, а цесаревичу де непремѣнно приспѣваетъ время къ принятію престола“ и пр.

Въ 1772 году производилось слѣдствіе по поводу слуховъ, распространявшихся въ гвардіи, гдѣ среди самыхъ нелѣпыхъ мнѣній, желаній и плановъ выдѣляется одна основная мысль о необходимости скорѣйшаго возведенія на престолъ наслѣдника. Какъ нѣкогда, во время фаворитизма Разумовскаго, вниманіе политикановъ обращалось на личность Петра Өедоровича, такъ нынѣ близость Гр. Орлова къ Екатеринѣ даетъ поводъ и основаніе увлекаться фантастическими симпатіями къ Павлу Петровичу: Разумовскій интригуетъ противъ Петра, а Орловъ противъ Павла, очевидно, надо извести ненавистныхъ фаворитовъ и тайныхъ супруговъ, виновницъ ихъ возвышенія заключить въ монастырь, спасти наслѣдника, возвести его на престолъ и тѣмъ самымъ освободить страну отъ династическаго беззаконія, а себѣ создать обезпеченное и вліятельное положеніе въ государствѣ!

Къ чести Екатерины надо отнести, что ко всѣмъ этимъ заговорамъ и толкамъ она относится довольно снисходительно и во всѣхъ случаяхъ замѣняетъ судомъ приговоренную смертную казнь ссылкою въ Сибирь, на каторгу, заключеніемъ въ крѣпости, сѣченіемъ плетьми и кнутомъ. Подводя итогъ всѣмъ этимъ явленіямъ мелкаго политическаго значенія, проф. Брикнеръ говоритъ: „Таковы были признаки неудовольствія и броженія въ средѣ военныхъ, признаки въ то же время нѣкотораго расположенія къ Павлу, ненависти къ Орлову и непріязни къ Екатеринѣ. Нельзя не замѣтить во всемъ этомъ вліяніи нѣсколько разъ повторявшихся и иногда удававшихся государственныхъ переворотовъ. Недовольные своимъ положеніемъ, роптавшіе на какія-нибудь правительственныя распоряженія считали бездѣлицею произвести перемѣну на престолѣ, и этимъ самымъ достигнуть для себя кое-какихъ выгодъ. Во всемъ этомъ обнаруживается сильный недостатокъ въ политическомъ образованіи массы народа. Распространяются самые нелѣпые слухи,—публика вѣритъ всему, рождаются самыя странныя мысли; составляются самые опасные политическіе заговоры, но почти всегда такого рода эпизоды ограничиваются одною болтовнею; приступить къ дѣлу оказывается невозможнымъ: въ каждомъ случаѣ находятся доносчики, которые сообщаютъ, куда слѣдуетъ, о грозящей правительству опасности. Виновные наказаны, и настоящихъ революціонныхъ дѣйствій не было. Однако соперничество Павла,

считавшагося многими кандидатомъ на престолъ, могло безпокоить императрицу. Толки о предстоявшемъ въ ближайшемъ будущемъ воцареніи великаго князя были вызваны подобными же обстоятельствами, при какихъ Екатерина вступила на престолъ".

Соперничество съ сыномъ, или, правильнѣе, права на престолъ сына и внука стали предметомъ заботъ государыни много позже, въ конечные годы ея царствованія, въ эпоху же семидесятыхъ годовъ этотъ вопросъ не былъ еще на очереди и не пріобрѣталъ остроту и жизненность; этими свойствами отмѣченъ другой вопросъ уже характера революціоннаго, когда знаменемъ грозящей ей революціи стало имя ея покойнаго супруга Петра III. Странное дѣло и роковое недоразумѣніе: человѣкъ, бывшій при жизни столь чуждымъ по всему складу своего образа мыслей, по своей природѣ и симпатіямъ къ русскому народу, сталъ по смерти тѣмъ политическимъ стягомъ, вокругъ котораго такъ охотно сплачивался этотъ народъ! Какъ нѣкогда таинственная смерть царевича Димитрія стала предметомъ легендъ и широкаго политическаго движенія, такъ черезъ двѣсти почти лѣтъ та же таинственная и внезапная кончина Петра III явилась роковымъ моментомъ въ русской жизни, когда она пришла въ бурное движеніе и подняла со дна всѣ ея политическіе, соціальные и экономическіе недуги. „Появленіе самозванцевъ въ Россіи въ XVII и XVIII столѣтіяхъ,—справедливо отмѣчаетъ проф. А. Брикнеръ*),—не столько можетъ считаться цѣлымъ рядомъ преступленій отдѣльныхъ лицъ, сколько признакомъ общаго болезненнаго состоянія массъ. Весьма часто самозванцы не были вовсе первоначальными виновниками мысли разыгрывать роль претендентовъ, а дѣйствовали по внушеніямъ другихъ лицъ. Такъ... корнетъ Батюшковъ убѣдилъ Опочинина въ томъ, что послѣдній былъ сыномъ Елисаветы Петровны и англійскаго короля; мысль выдавать себя за Петра III возникла не въ головѣ Пугачева, а была внушена ему другими лицами. Появленіе самозванцевъ между малороссійскими казаками было, такъ сказать, симптомомъ обще-патологическаго состоянія этого края. Не должно думать, чтобы приверженцы мнимыхъ царевичей, царей и императоровъ вѣрили въ подлинность претендентовъ. Толпа недовольныхъ нуждалась въ вожакахъ для мятежныхъ дѣйствій. Чѣмъ многочисленнѣе были угнетенные, тѣмъ

*) А. Брикнеръ исторія Екатерины II.

легче распространялось извѣстіе о правахъ того или другого искателя приключеній на престолъ. Появленіе самозванцевъ почти всегда находится въ самой тѣсной связи съ надеждою низшихъ классовъ народа поправить свое положеніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ не было вовсе личности самозванца, которую замѣнялъ лишь слухъ о существованіи той или другой особы, права которой могли внушить мысль о бунтѣ".

Самозванщина стала со времени общей русской смуты начала XVII столѣтія явленіемъ чрезвычайно популярнымъ въ Россіи, сюда шли всѣ обиженные общими условіями жизни, всѣ недовольные требованіями суровой государственности и ея режимомъ, кому этотъ режимъ, подобно прокрустову ложу, былъ не по тѣлу и росту, и кто искалъ въ „упоеніи борьбы" исхода своимъ кипучимъ силамъ и своему волевому размаху. Экономическія условія тогдашней русской дѣйствительности, а также условія соціальныя—вотъ два главнѣйшихъ фактора во всѣхъ движеніяхъ народа, дававшія имъ матеріалъ и силы; соображенія религіознаго характера придавали ему напряженность и нѣкоторую угрюмость, подобную тому религіозному настроенію, которымъ отмѣченъ тогдашній церковный расколъ; характеръ личности, становившейся во главѣ движенія, а главное знамя, подъ которымъ оно развертывалось, сообщали ему политическій оттѣнокъ и опредѣляли его отношенія къ государственности. Лжедимитріи были нѣкогда оплотомъ народной оппозиціи боярству и московскому государственному укладу послѣ грознаго царя, Лжепетры явились угрозою и отмщеніемъ полицейско-бюрократическому строю Екатерины и протестомъ противъ безцеремоннаго отношенія къ принципу верховной власти со стороны не народомъ признанныхъ самодержцевъ. Всѣ захваты власти, учиненные ради этой власти со времени Петра Великаго, всѣ тогдашнія дворцовыя революціи не могли не отразиться на чувствѣ и настроеніи народномъ въ оскорбительномъ для него направленіи. Та власть, которую этотъ народъ съ такими жертвами и при такой драматической обстановкѣ создалъ въ 1613 году, которой онъ придалъ священный характеръ и всенародное демократическое значеніе, стала на его глазахъ объектомъ низменныхъ страстей, обагрилась невинною и ненужною кровью, потеряла свой національный смыслъ и обратилась въ оружіе, направленное противъ его интересовъ, какъ духовныхъ, такъ и матеріальныхъ. И вотъ онъ, этотъ таинственный народъ, который столько лѣтъ молчалъ, подавленный и оскор-

бленный, собирается наконецъ съ силами, встаетъ во весь ростъ и испускаетъ страшный вопль, въ которомъ слышны всѣ тоны и переливы тогдашняго наболѣвшаго сердца. Пугачевщина и непосредственно съ ней связанная самозванщина XVIII вѣка—явленіе сложное, соціально-патологическое, когда всѣ язвы жизни вскрылись наружу, и къ отвѣту за эти нагноившіяся язвы были призваны всѣ тѣ, кто въ эти язвы такъ или иначе вкладывалъ свои жестокіе персты. Верховная власть, придворная знать, бюрократія и духовенство, какъ реальныя явленія извѣстнаго историческаго періода и какъ юридическіе элементы власти,—всѣ были втянуты въ водоворотъ народной бури, которая, съ своей стороны, составилась изъ всѣхъ тѣхъ смутныхъ началъ, о которыхъ уже такъ много говорилось въ настоящихъ очеркахъ. Крѣпостное крестьянство и фабрично-заводскій людъ, какъ элементы экономическіе, легли въ основу бури, казачество придало ей характеръ волевого разгула, расколъ и сектантство, питавшіе ее сочувствіемъ и, быть можетъ, даже матеріально, наложили на нее печать угрюмости и упорной страстности, а знамя именно опредѣленнаго самозванства санкціонировало ее, какъ подвигъ за правду и верховную истину.

Нами было уже указано на какое-то странное тяготѣніе нѣкоторыхъ элементовъ населенія къ личности Петра Өеодоровича—онъ становится какъ бы патрономъ скопчества, народъ имъ интересуется, а послѣ его смерти въ Ропшѣ его имя обращается въ выгодное и популярное знамя для широкаго бунта, въ которомъ масса охотно принимаетъ участіе. Уже въ 1765 году солдатъ Гаврила Кремневъ въ Воронежской губерніи объявляетъ себя Петромъ III, и къ нему пристаютъ нѣкоторые представители низшаго духовенства и дворянства; они составляютъ заговоръ—привести къ присягѣ однодворцевъ, ѣхать въ Воронежъ и оттуда послать извѣщеніе въ обѣ столицы о появленіи императора. Затѣмъ въ Нерчинскѣ армянинъ Асланбековъ тоже объявляетъ себя Петромъ Өедоровичемъ, что дѣлаетъ и бѣглый солдатъ Евдокимовъ, проживавшій у раскольниковъ, а также солдатъ Чернышевъ въ Изюмской провинціи. Всѣ они были своевремено арестованы, наказаны плетьми и сосланы въ Сибирь. Слуху о томъ, что Петръ Өеодоровичъ живъ и скоро объявится, народъ внималъ охотно, но правительству удавалось ловить виновниковъ этихъ слуховъ и такимъ образомъ пресѣкать начало заговоровъ и извѣстнаго движенія при самомъ ихъ возникновеніи. Борьба съ этими слухами и ихъ авторами имѣла мѣсто до пу-

гачевщины, во время ея и даже послѣ ея усмиренія. Такъ, нѣкто Ханинъ *) даже въ 1780 году въ низовьяхъ Волги старался распространить слухъ, что Пугачевъ живъ, что это именно онъ самъ и есть Пугачевъ, въ которомъ народъ видѣлъ Петра III. Ханину удалось собрать вокругъ себя приверженцевъ изъ крестьянъ, сельскихъ священниковъ, рабочихъ и пр., но и это движеніе было скоро подавлено.

Лжепетры появлялись не только въ самой Россіи, но и за границею. Такъ, въ 1767 году въ Черногоріи распространился слухъ, что Петръ III живъ и скоро появится на Балканскомъ полуостровѣ, въ цѣляхъ освобожденія славянъ отъ турецкаго ига и для образованія единаго славянскаго государства. Тогда же тамъ появился Степанъ Малый, тоже называвшій себя именемъ покойнаго русскаго императора, какъ равно въ 1773 году его же имя принялъ нѣкто Зеновичъ. Иностранные Лжепетры не были страшны правительству Екатерины, такъ какъ они не встрѣчали поддержки иностранныхъ дворовъ, и изъ ихъ появленія не создавалось для Россіи какого-нибудь политическаго конфликта. Эта опасность, и то только въ слабой степени и отдаленно, набѣжала въ эпизодѣ съ таинственною княжною Таракановою, выдавшею себя за дочь Елисаветы Петровны, объявившею свои права на престолъ Екатерины и искавшею поддержки у иностранныхъ правительствъ. Кто такая была эта ловкая и умная авантюристка, до сихъ поръ еще не опредѣлено въ нашей исторической литературѣ, и ея родственные корни остались пока не выяснены. Во всякомъ случаѣ, она удачно нашла моментъ для своей агитаціи, и сочувствіе польской эмиграціи обѣщало ей нѣкоторый успѣхъ на Западѣ, гдѣ въ то время проявлялся немалый интересъ къ внутреннимъ дѣламъ нашего отечества. Ее окружали почетомъ, въ нее влюблялись, она кружила головы, и принцъ Лимбургскій писалъ ей письма съ наименованіемъ ея „Princesse Elisabeth de toutes les Russies", а сама себя она величала именемъ „Елисаветы II". Самую Тараканову правильнѣе всего разсматривать, съ одной стороны, какъ женщину больную, что называется, психопатку, и, съ другой, какъ довольно неудачное орудіе противъ Екатерины со стороны враждебныхъ ей европейскихъ политическихъ круговъ, гдѣ главную роль играли поляки съ Радзивилломъ во главѣ. Польша въ свое время очень умѣло поддер-

*) Д. Мордовцевъ. „Самозванцы и понизовая вольница".

жала и провела на русскій престолъ названнаго Димитрія, но новая попытка не была столь успѣшною: тотъ самый Алексѣй Орловъ, который оповѣстилъ Екатерину о смерти Петра III, сумѣлъ и въ данномъ случаѣ оказать государынѣ услугу, залучивъ самозванку въ Ливорно на свой корабль, арестовавъ ее здѣсь и затѣмъ доставивъ въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ несчастная авантюристка скоро и погибла. Если въ началѣ своей авантюры Тараканова еще могла разсчитывать на какой нибудь успѣхъ или, по крайней мѣрѣ, вниманіе къ себѣ западныхъ державъ, то во второй половинѣ своихъ похожденій надеждамъ на счастье не на чемъ было основаться. Екатерина сломила Пугачева и счастливо кончила борьбу съ турками, слѣдовательно и во внутреннихъ и во внѣшнихъ дѣлахъ за нею былъ успѣхъ и укрѣпленіе ея государственнаго и политическаго значенія. Въ подобные моменты западно-европейскіе дѣятели, враждебные Россіи, обыкновенно слагаютъ свое оружіе, выжидая болѣе благопріятнаго для нихъ смутнаго времени и даже такъ или иначе его подготовляя. Такъ было и съ Таракановой: голоса защиты въ ея пользу не раздалось, и только извѣстная фантастическая картина Флавицкаго окружила ея личность ореоломъ эффектнаго мученичества и трагическаго конца.

Появленіе на западномъ горизонтѣ Таракановой, конечно, не могло не безпокоить Екатерину, и тѣмъ болѣе, что это появленіе совпало съ днями ея неудачной вначалѣ борьбы противъ Пугачева, когда, казалось, Россіи вновь надолго суждено стать ареною внутренней смуты и предметомъ враждебныхъ дѣйствій со стороны европейскихъ державъ. Но счастливая звѣзда императрицы и тутъ не погасла: она удачно вышла изъ испытаній исторической судьбы и заключила собою навсегда эпоху самозванщины. Народные бунты въ послѣдующія эпохи уже обходятся безъ этого знамени, и кругъ династическихъ интересовъ не даетъ въ данномъ случаѣ для сего подходящаго матеріала.

Если Екатерина легко справлялась со всѣми политическими заговорами и народными волненіями до 1771 г., то съ этого времени народное броженіе принимаетъ столь острый характеръ и широкіе размѣры, что и для нея самой и для всего созданнаго ею государственнаго строя ставится вопросъ: быть или не быть? Этотъ роковой вопросъ поставила пугачевщина, то народное движеніе, которое по своей революціонной интензивности не имѣло примѣра въ русскомъ прошломъ, ибо даже кровавый разгулъ Разина не могъ итти съ нею въ сравненіе, не говоря

уже про тѣ специальные крестьянскіе и заводскіе бунты, которыми была наполнена эпоха XVIII вѣка. Пугачевщина, хотя и получила свое названіе отъ Пугачева, но не имъ была создана— ея генезисъ и ея составные предвходящіе элементы уже опредѣлены выше. Пугачевъ былъ случайнымъ явленіемъ, выдвинутымъ казачествомъ; около него по случайности сгруппировалось все броженіе, а потому оно и окрещено его именемъ. Самъ по себѣ Пугачевъ не былъ пригоденъ для той выдающейся роли, которую судила ему судьба—онъ не былъ героемъ à la Стенька Разинъ, компрометировалъ своею личностью народное возстаніе и погибъ никѣмъ не оплаканный, выданный своими же соучастниками, безъ памяти о себѣ, даже какъ о славномъ разбойникѣ. На него не легла печать разбойничьяго романтизма, въ немъ не было безграничной удали, широкаго волевого размаха, и онъ творилъ свое роковое дѣло злобно, мрачно, хотя послѣдовательно и согласно опредѣленной программѣ, которую продиктовала и дала ему коллективная мысль народная въ ея историческомъ развитіи. Пугачевъ былъ возмездіемъ бюрократической Россіи за всѣ ея тяжкіе грѣхи противъ народа, за ея преступленія противъ демократическаго принципа самодержавія, за обагреніе самодержавнаго престола неповинною кровію, за средостѣніе, установленное между народомъ и верховною властью... Царицынскій стодесятилѣтній старикъ вѣщалъ Костомарову, передавая преданія о Разинскомъ бунтѣ: „Стенька это мука мірская! это кара Божія!... Охъ! тяжкія настанутъ времена"... Стеньку замѣнилъ Пугачъ, и съ нимъ вмѣстѣ спустилась на Россію дѣйствительно кара Божія, и наступили на землѣ тяжкія времена.

Начальнымъ движеніемъ всей фактической пугачевщины должно считать непорядки въ яицкомъ войскѣ, гдѣ то тлѣло въ скрытомъ состояніи, то вспыхивало временами бѣглыми маленькими огнями вѣчное издавнее неудовольствіе казачества противъ регламентаціи желѣзнаго закона государственности. Въ 1772 г. Яицкій городокъ поголовно возсталъ, и потребовались дѣйствія регулярныхъ осадныхъ войскъ, чтобы сломить упорство возставшихъ и подчинить ихъ требованіямъ правительственной власти. Эту задачу выполнилъ Фрейманъ, и вскорѣ Яицкій городокъ опустѣлъ *): часть населенія разсыпалась по степи и хуторамъ,

*) Пугачевъ и его сообщники. Эпизодъ изъ исторіи царствованія Екатерины II. Н. Дубровина. Спб. 1884.

другая была арестована и отправлена въ Оренбургъ въ слѣдственную комиссію. Число арестованныхъ было очень велико, такъ что для нихъ не нашлось мѣста въ тюрьмахъ, и ихъ пришлось разсадить по лавкамъ гостиннаго и мѣнового двора. Оставшіеся въ городѣ трепетали за свою судьбу и ежедневно ожидали, что по оговору товарищей будутъ арестованы. На всѣхъ лежала печать унынія и отчаянія, какъ вдругъ по всему Яику распространился слухъ, что въ томъ самомъ московскомъ легіонѣ, отъ службы въ которомъ казаки такъ упорно отказывались и во имя чего подняли знамя возстанія, появился Петръ III, обѣщающій защиту всѣмъ угнетеннымъ и обиженнымъ. Казаки встрепенулись, и надежда на былую казацкую волю, какъ электричество, пробѣжала по хуторамъ, степямъ и станицамъ. Первымъ такимъ объявившимся Петромъ III былъ казакъ Богомоловъ, но его полупьяная, довольно безсодержательная и безпрограммная авантюра особеннаго распространенія не имѣла, и съ нею нетрудно было справиться мѣстными силами.

И вотъ въ то время, какъ власти тушили небольшой мѣстный пожаръ, по станицамъ, подъ именемъ раскольника и выходца изъ Польши, пробирался казакъ Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, бѣжавшій изъ войска, покинувшій жену и дѣтей, и торопился на Иргизъ — тогдашній притонъ бѣглыхъ, который, по словамъ Екатерины, „давно укрывательствомъ служитъ ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники, тамъ скиты и монастыри заведшіе за добродѣтель почитаютъ давать пристанище“. Шатаясь нѣкоторое время въ области Иргиза, Дона, въ районѣ Поволжскихъ степей, хуторовъ и станицъ, бѣглый казакъ ищетъ сначала себѣ простого предводительства и атаманства надъ казацкими шайками и частями казацкихъ войскъ, въ надеждѣ увести ихъ для разбоя на Кубань или Терекъ. Слухъ о Богомоловѣ, объ объявленіи въ яицкомъ войскѣ Петра III уже прошелъ по этимъ мѣстамъ, и вотъ насыщенный этими слухами Пугачевъ съ перваго разу точно экспромтомъ, по какому-то вдохновенію, пріурочиваетъ легенду къ своей собственной личности. Бесѣдуя съ раскольникомъ-казакомъ Пановымъ, Пугачевъ, выдавшій себя предъ тѣмъ за богатаго купца, сразу объявляетъ себя государемъ *).

— Я вѣдь не купецъ — я государь Петръ Θедоровичъ; я-то

*) Н. Дубровинъ. „Пугачевъ и его сообщники“.

и былъ въ Царицынѣ, да Богъ меня и добрые люди сохранили, а вмѣсто меня засѣкли караульнаго солдата.

Пановъ былъ ошеломленъ:

— Какъ тебя Богъ сохранилъ,—спросилъ онъ,—и гдѣ ты такъ долго странствовалъ?

— Пришла гвардія и взяла меня подъ караулъ, да капитанъ Мосоловъ отпустилъ. Я ходилъ въ Польшѣ, въ Царьградѣ, былъ въ Египтѣ, а оттуда пришелъ къ вамъ на Яикъ.

Въ качествѣ бѣглаго, Пугачевъ былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму, но вскорѣ бѣжалъ оттуда и объявился близъ Яицкаго городка, гдѣ настроеніе мѣстнаго люда было вполнѣ подготовлено къ встрѣчѣ всякаго самозванца, но только обязательно подъ именемъ Петра III; здѣсь начинается уже его активная проповѣдь, причемъ пріемы убѣжденія пускаются въ ходъ самые примитивные, тѣ самые, съ которыми мы имѣли случай ознакомиться въ 1-й главѣ настоящихъ очерковъ, при изложеніи дѣятельности Лжесимеона. Вотъ сценка, нарисованная г. Дубровинымъ, гдѣ выступаютъ на сцену легендарные знаки царской власти на тѣлѣ самозванныхъ самодержцевъ изъ казаковъ и народа.

— Такъ вотъ, други мои,—говорилъ Пугачевъ своимъ собесѣдникамъ,—видывали ли вы когда нибудь знаки на простыхъ людяхъ?

— Нѣтъ, надежа-государь, не видывали,—отвѣчали казаки.

— А вотъ примѣчайте, друзья мои, какъ царей узнаютъ,—говорилъ Пугачевъ. отодвигая волосы на лѣвомъ вискѣ.

Казаки замѣтили на указанномъ мѣстѣ какъ бы пятно отъ золотухи, но, какой именно знакъ, разглядѣть не могли.

— Что это тамъ, батюшка,—спрашивалъ казакъ Шигаевъ, раздвигая волосы Пугачева,—орелъ что ли?

— Нѣтъ, други мои,—отвѣчалъ Пугачевъ,—это царскій гербъ.

— Всѣ цари съ такимъ знакомъ родятся, или это Божіимъ изволеніемъ дѣлается?

— Не ваше это дѣло, мои други, простымъ людямъ этого вѣдать не подобаетъ.

Послѣ этихъ словъ казаки всѣ какъ бы оробѣли и не посмѣли болѣе никакихъ вопросовъ ему дѣлать

— Теперь вѣримъ,—говорили они,—и признаемъ въ васъ великаго государя Петра Ѳедоровича!

— Ну, когда признаете меня за государя, такъ обѣщайтесь за все Яицкое войско мнѣ не измѣнять и никому въ руки живого не отдавать. Напротивъ того, и я дамъ клятву любить васъ и жаловать. Сберегите меня, дѣтушки. Если Господь допуститъ меня въ свое мѣсто (т.-е. на царство), такъ я васъ не забуду и буду жаловать, какъ первые монархи. Я самъ вижу, что вы, бѣдные, обижены и разорены, потерпите до времени.

Вотъ онъ, наивный способъ убѣжденія: золотушные слѣды на тѣлѣ, имѣющіе государственное значеніе! Вѣра народная такимъ образомъ завоевана. Очевидно, потребность въ этой вѣрѣ страшно велика и, если она не совсѣмъ тверда, то ее стремятся непремѣнно утвердить. Дѣйствіе самовнушенія всесильно, и отсюда общественный гипнозъ, навязчивость мысли, которая охватываетъ и сковываетъ массу въ интересахъ опредѣленной идеи.

Первые группируются вокругъ новаго самозваннаго Петра III казаки, къ которымъ онъ и издаетъ манифестъ послѣ того, какъ имъ найденъ былъ письменный человѣкъ *), Почиталинъ, способный составить и написать государственный актъ. Вотъ текстъ перваго манифеста, спеціально приноровленнаго къ психологіи пока одного лишь казачества и обнимающаго ихъ вѣчныя pia desideria **).

„Самодержавнаго амператора нашего, великаго государя

„Петра Өедаровича всероссійскаго

„і прочая, і прочая, і прочая.

„Во имяномъ моемъ указе изображено Яицкому войску: какъ вы, други мои, прежнимъ царямъ служили до капли своей до крови дѣды и атцы вашы, такъ и вы послужите за свое отечество мне, великому государю амператору Петру Өедаровичу. Когда вы устоите за свое отечество, и нисточитъ ваша слава казачья отъ ныне и до веку и у детей вашыхъ, будете мною, великимъ государемъ, жалованы казаки, колмыки и татары. И которые мне, государю, амператорскому величеству Петру Өедаровичу, винныя были, и я, государь Петръ Өедаро-

*) Пугачевъ былъ совершенно безграмотенъ. Онъ кое-какъ впослѣдствіи еще могъ нацарапать свое имя. Далѣе воспроизводится одна его подпись.

**) Какъ этотъ, такъ и послѣдующіе манифесты Пугачева заимствованы изъ сочиненія Н. Дубровина: „Пугачевъ и его сообщники“.

вичъ, во всехъ винахъ прощаю и жаловаю я васъ: рекою съ веръшинъ и до усья и землею, и травами и денежнымъ жалованьемъ, и свиньцомъ и порохомъ и хлебнымъ провіанътомъ, я, великій государь амператоръ, жалую васъ Петръ Өедаровичъ. 1773 году сентября 17 числа.

Эта прокламація приноровлена спеціально къ потребностямъ казачества—въ ней еще не собрано все то, что необходимо было для большого возстанія, что задѣвало бы весь простой народъ за живое и что отражало бы въ себѣ его чаянія и надежды. Послѣдующіе манифесты именно охватываютъ эти чаянія и втягиваютъ въ свое содержаніе всѣ прочіе элементы именно нужные дѣлу широкой революціи. Мотивы экономическіе, соціальные, религіозные, фискальные—все то, чѣмъ болѣлъ простой народъ, постепенно вливаются въ послѣдующія прокламаціи Пугачева, удовлетворяя чувствамъ разнообразныхъ слоевъ населенія—крестьянъ помѣщичьихъ, горожанъ, раскольниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же раздувается ненависть къ помѣщичьей власти, къ власти административной, съ указаніемъ ея дефектныхъ сторонъ дѣятельности, а также къ существующей фискальной системѣ. Средства агитаціи были правильно разчитаны на психологію массы, и злодѣйскіе листки Пугачева вездѣ, какъ искры, падали на подготовленную горючую почву, произведя вездѣ разрушительные взрывы. Вотъ два текста его манифеста.

„Божьею милостію мы, Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій

„и проч. проч. проч.

„Жалуемъ симъ именнымъ указомъ, съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ, всѣмъ негодящимся прежде въ крестьянствѣ и подданствѣ помѣщиковъ, быть вѣрноподданными рабами собственно нашей короны и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою,

вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и прочихъ денежныхъ податей, во владѣніе землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами безъ покупки и безъ оброку и освобождать всѣхъ прежде чинимыхъ—отъ злодѣевъ дворянъ, градскихъ мздоимцевъ и судей—крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніе въ жизни воли спасеніе душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ предписанныхъ злодѣевъ дворянъ странствія и немалыя бѣдствія.

„А какъ нынѣ имя наше властію Всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ именнымъ указомъ: кои дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, оныхъ противниковъ нашей власти, возмутителей имперіи и разорителей крестьянъ, ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ своими крестьянами, по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякій можетъ почувствовать тишину, спокойную жизнь, какъ до вѣка продолжаться будутъ“.

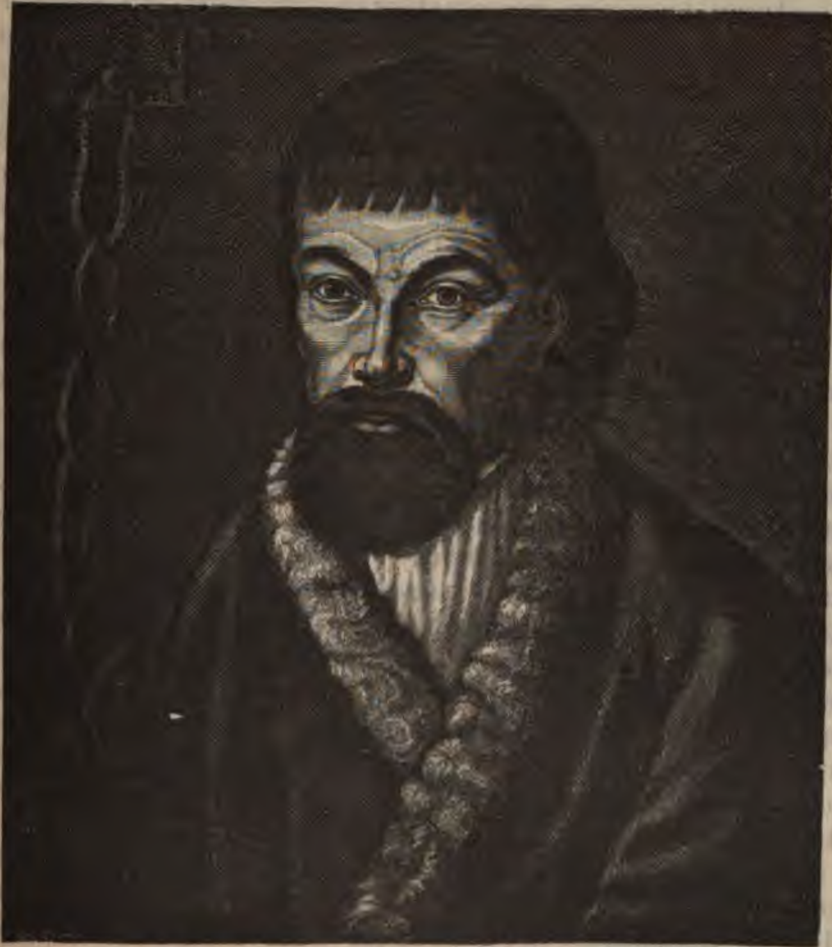
Слѣдующій манифестъ, воспроизводя ту же тенденцію, даетъ и историческую справку, какъ вербовался народъ въ полчища самозваннаго Петра III.

„Божію милостію мы, Петръ III, императоръ и самодержецъ всероссійскій

„и проч., проч., проч.

„Объявляется Березовской станицы г. атаману и всѣмъ живущимъ въ оной донского войска казакамъ и во всенародное извѣстіе.

„Довольно уже наполнена была Россія о нашемъ отъ злодѣевъ (главныхъ сенаторовъ и дворянъ) укрытіи вѣроятнымъ слухомъ, но и иностранныя государства небезызвѣстны. Не отъ чего иного бы воспослѣдовало, какъ во время царствованія нашего разсмотрѣно, что отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ, древняго святыхъ отецъ преданія законъ христіанской совсѣмъ нарушенъ и поруганъ, а вмѣсто того отъ ихъ зловреднаго умысла съ нѣмецкихъ обычаевъ введенъ въ Россію другой законъ и самое мерзкое брадобритіе и разныя христіанской вѣры какъ въ крестѣ, такъ и прочемъ неистовства, и подвергнули, кромѣ нашей монаршей власти, всю Россію себѣ въ подданство, съ наложеніемъ великихъ отягощеніевъ и доводя ее до самой край-



Подлинное изображенïе бунтовщика и обманщика Емельки Пугачева.

Betrachtet dießes Bild u. lernet wohl bedencken,
wie mancher Mensch auf Erd sich läßt vom Teufel lencken.
daß er selbst Teufel wird die menschliche Geschlechte
u. thut was wieder Gott u. wieder daß e Rechte.
Schaut aber nur aufs End der groß u. klein Rebelle
so wird sich jederzeit euch solches End darstelle
wo Schauder Furcht u. Qual durch alle Adern dringen.

Wahre Abbildung des Rebellen und Betrugers Iemelka Pugatscew.

Drum laßt Euch Pugatschow jezt zur Entschließung bringen.
an Gott u. seine Word zu werden kein Rebelle.
Den bleibt die Straf nicht aus, bey Menschen auf d Stelle
so muß der Schöpffer selbst weil strenger sich erzeige
damit das Geschöpffe lernt sich vor seinem Richter beugen
u. dießes wohl bedenckt daß der so andern schadet
am meist sich selbste schadt mit jeder böse That.

Пугачевщина съ ея разрушительнымъ успѣхомъ вызвала въ столицѣ ужасъ и переполохъ: все пришло въ смущеніе, особенно когда увидали первыя неудачи военныхъ дѣйствій правительственныхъ войскъ, которыя дикія орды Пугачева разбивали на голову и даже иногда привлекали на свою сторону. Вялые и многоглаголивые манифесты правительства не могли оказать воздѣйствія на народную массу — ей они ничего не говорили! Екатерина двинула противъ Пугачева всѣ лучшія тогдашнія военныя силы, напрягла всѣ средства государства на борьбу, сама собиралась прибыть на мѣсто дѣйствій и съ особеннымъ ликованіемъ и торжествомъ встрѣчала каждое извѣстіе о частичныхъ неудачахъ самозванца. Въ первое время казалось, что сопутствовавшее ей доселѣ счастіе какъ будто начинаетъ отъ нея отворачиваться, и весь созданный ею и ея предшественниками общественный и государственный строй долженъ безвозвратно рухнуть въ страшную невѣдомую и темную пропасть. Но такъ было лишь въ первую половину борьбы съ Пугачевымъ: счастіе снова вернулось къ своей избранницѣ, и ея просвѣщенный абсолютизмъ въ конечномъ результатѣ восторжествовалъ надъ политическою анархіею. Удачи Пугачева пошли на убыль, волевое напряженіе народной массы ослабѣло, а главное—истощились матеріальные рессурсы для борьбы. Казачество порѣдѣло въ своихъ силахъ, многіе даровитые въ его составѣ погибли, а личное поведеніе Пугачева, а еще болѣе его индивидуальность начали вызывать разочарованіе: герой оказался не по толпѣ, и послѣдняя отъ него понемногу отхлынула—покинули его раскольники, въ значительной мѣрѣ содѣйствовавшіе его появленію и его популярности, покинули казаки-коноводы, разсѣялась, какъ летучій песокъ, народная толпа. Пугачевъ лично никому не могъ импонировать и, запутавшись въ пьянствѣ и любовныхъ похожденіяхъ, безъ борьбы и безъ яркаго финала, былъ выданъ своими же еще вчерашними соучастниками правительству. У него не хватило денежныхъ средствъ на подъятое его именемъ дѣло, и „пугачевцамъ“ ничего не осталось другого, какъ итти съ повинною къ начальству, потомучто, какъ справедливо это отмѣтилъ Д. Л. Мордовцевъ *), — „ѣсть было нечего: начался голодъ!“ Экономическія условія главнымъ образомъ выдвинули и создали Пугачева, и они же его похоронили. Пугачевъ и его

*) Д. Л. Мордовцевъ. Политическія движенія русскаго народа. Историческая монографія.

ближайшіе сообщники были жестоко казнены, и объ нихъ, какъ людяхъ и герояхъ эпохи, въ народѣ не сохранилось даже доброй памяти; но пугачевщина не осталась забытою и явилась навсегда назидательнымъ, хотя жестокимъ, историческимъ урокомъ. Она показала, на что способна разбушевавшаяся народная стихія, какія именно причины создаютъ эти страшныя бури, и какими общими мѣрами надлежитъ ихъ предупреждать и съ ними бороться. Пугачевщина оказалась сильна не столько людьми, какъ идеею, вскормившею и ее питавшею: тутъ пули, ядра, репрессіи и многоглаголивые манифесты на чуждомъ народу языкѣ не предупредили жестокаго хода событій и не подавили ихъ. Голодъ народный помогъ правительству Екатерины, показавъ при томъ, въ заключительномъ эпилогѣ, что театральными созывами комиссій, доктринерскими „наказами“ безъ искренняго желанія пойти навстрѣчу нуждамъ народнымъ и безъ истиннаго знанія этихъ нуждъ черезъ посредство самого народа, правильнаго и мирнаго прогресса не достичь. Екатерина отчасти сознала это, вступивъ по окончаніи кровавой гражданской войны на путь реформъ, но чего нибудь существеннаго тутъ ничего не сумѣла сдѣлать, какъ не сдѣлали этого и ея ближайшіе преемники—родной сынъ и оба родныхъ внука: Александръ и Николай Павловичи.

Лишь черезъ сто почти лѣтъ та воля, которой требовали когда-то „пугачевцы“, была дарована потомкамъ этихъ „пугачевцевъ“, а обезпеченный хлѣбъ и сытое житье остались задачами для послѣдующаго времени, надъ разрѣшеніемъ которыхъ это время непрестанно и трудится при наличности той или иной обстановки, того или иного настроенія, какъ ищущихъ этого хлѣба, такъ и тѣхъ, отъ кого обиліе и удешевленіе этого хлѣба зависитъ. И по мѣрѣ того, какъ забота и память послѣднихъ объ этомъ хлѣбѣ слабѣетъ, снова изъ какихъ-то глубокихъ нѣдръ народныхъ слышится зловѣщій гулъ, невольно заставляющій къ нему прислушаться съ мыслью притомъ о былыхъ историческихъ временахъ, когда въ такомъ же гулѣ ясно различались мольба и требованіе: хлѣба, земли и воли!

ГЛАВА V.

Послѣдніе дни Екатерины II. — Царствованіе Павла I. — Его убіеніе. — Вступленіе на престолъ Александра I. — Его юношескія свободолюбивыя мечтанія. — Первая неудача конституціоналистовъ. — Конституціонныя вѣянія. — Негласный комитетъ общественнаго спасенія. — Работа Новосильцева. — Конституціонный проектъ Сперанскаго.

Екатерина II передала сыну обширную державу, гдѣ хотя въ разныхъ захолустныхъ весяхъ еще и дымились костры отъ кровью затушеннаго пугачевскаго пожара, но гдѣ сю, тѣмъ не менѣе, установлены были твердо слѣдующіе устои государственной власти: вполнѣ уже отшлифовавшееся бюрократическое самодержавіе съ опорою въ войскѣ, въ бюрократіи и въ привилегированномъ дворянскомъ сословіи; хотя и распущенная и недисциплинированная, но прославленная и побѣдоносная армія, привилегированное дворянское сословіе съ рабовладѣльческими безконтрольными правами и съ обязанностями полицейскаго воздѣйствія по отношенію милліоновъ рабовъ; униженное духовенство, безгласное, чиновное и вполнѣ зависимое отъ гражданскаго начальства, и, наконецъ, вполнѣ уже закрѣпощенное и въ крови крещенное крестьянство, безъ всякихъ гражданскихъ правъ, но съ непосильными и тягостными обязанностями рабьяго труда. Вотъ тѣ главныя опоры, на которыхъ покоилась Екатерининская Россія, и которыя умная и даровитая бывшая Ангальтъ-Цербтская принцесса умѣла держать въ извѣстномъ порядкѣ и равновѣсіи. Отъ времени до времени съ далекихъ западныхъ границъ до нея долетали отзвуки тамошнихъ политическихъ бурь и непогодъ, она начинала чувствовать, что какъ будто ступенькамъ ея трона грозитъ опасность, что ей самой въ лицо уже начинаетъ дышать знойная атмосфера невѣдомой дотолѣ соціальной и политической свободы, но, милостивъ Богъ! она дряхлѣющей рукой все же умѣло управляла силою захваченными ею россійскимъ скипетромъ и державою и, вступая въ компромиссъ съ своею совѣстью и былыми идеалами, болѣе или менѣе спокойно доживала на престолѣ Романовыхъ свой длинный старческій вѣкъ.

Порою ея опущенный взоръ разсѣянно скользилъ по ступенькамъ этого трона и останавливался на тѣхъ потемнѣвшихъ пятнахъ крови, которыя напоминали о судьбахъ несчастныхъ узниковъ Ропши и Шлиссельбургской крѣпости, но не видѣнія

былого обрисовывались въ тѣ моменты передъ практическимъ тевтонскимъ умомъ „россійской Семирамиды", ея вниманіе останавливало на себѣ будущее, то будущее, передъ которымъ она несла обязанности, какъ представительница русской верховной власти, какъ мать и какъ бабушка. Если она при сильномъ, гибкомъ характерѣ и большомъ умѣ съ трудомъ справлялась съ своей задачей, какъ правительницы, то для нея было ясно, что ея наслѣднику такая задача будетъ не подъ силу. Его уже обнаруживавшееся все чаще и чаще безуміе, его прямолинейность и полное администраторское банкротство были для нея внѣ сомнѣнія. Она съ гнѣвомъ ему твердила: „Vous êtes une bête féroce, или ты не понимаешь, что пушки не могутъ воевать съ идеями? Если ты такъ будешь царствовать, то недолго продлится твое царствованіе". Но не пророчество интересовало въ данномъ случаѣ говорившую, — она съ дальновидностью умной правительницы подписывала суровый и рѣшительный приговоръ системѣ и политикѣ пушекъ, послѣдователемъ которой былъ ея сынъ, и тѣмъ самымъ подписывала приговоръ и ему, какъ своему наслѣднику и преемнику верховныхъ правъ.

Павелъ Петровичъ по смерти своей матери сталъ вершителемъ судебъ многомилліоннаго народа, которымъ во всей его совокупности именно и рѣшилъ управлять системою пушекъ и по голштинской программѣ капральской выправки. Екатеринѣ хотѣлось имѣть преемникомъ человѣка, который могъ бы продолжить общій политическій и государственный курсъ, съ такими усиліями ею установленный, и такимъ именно подходящимъ преемникомъ она считала старшаго своего внука Александра, воспитаннаго подъ ея высшимъ наблюденіемъ республиканцемъ Лагарпомъ. Отсюда ея мечтаніе объ устраненіи отъ престола Павла Петровича и о передачѣ его старшему сыну Александру Павловичу. Но Екатерина хорошо знала и по опыту исторіи и по опыту личному, что разрѣшеніе такого вопроса и въ такомъ именно направленіи — вещь не легкая, отвѣтственная и чреватая послѣдствіями, которыя легко могли бы обернуться и на голову ея любимца-внука. И вотъ въ ея дѣйствіяхъ наблюдаются крайняя нерѣшительность, колебанія и медлительность, которыя въ концѣ концовъ разрѣшаются, такъ сказать, естественнымъ порядкомъ: она скоропостижно умираетъ и изъ Гатчинскаго дворца вихремъ прилетаетъ въ столицу ея опальный сынъ, быстрою нервною походкою вбѣгаетъ по ступенямъ престола матери, торопясь скорѣе, пока еще не народилась какая-либо опасная ему

оппозиція въ войскѣ и бюрократіи, вооружиться всѣми аттрибутами самодержавной власти.

Павелъ сталъ императоромъ на горе себѣ и на горе Россіи, и наша отечественная исторія обогатилась нѣсколькими страницами, являющимися какъ бы естественнымъ продолженіемъ главы, которая оборвалась на трагической кровавой кончинѣ Петра III. Царствованія Павла I и Екатерины II не связаны между собою единствомъ внутренняго содержанія, и новый императоръ внесъ и въ существо своей власти и въ начала, на коихъ она базировалась, новые элементы, которые и перешли отъ него въ наслѣдіе послѣдующимъ русскимъ самодержцамъ.

Павелъ, памятуя ту опасность, которая ему лично грозила со стороны матери, часто задумывавшейся объ его устраненіи отъ престола и по сему предмету предпринимавшей даже нѣкоторыя, правда очень нерѣшительныя, дѣйствія, окончательно измѣнилъ петровскій законъ о престолонаслѣдіи, подчинивъ его не усмотрѣнію монарха, а наслѣдственнымъ интересамъ династіи, которая при немъ уже была вполнѣ упрочена представителями мужского пола. Очевидно, длинному періоду женскаго правленія былъ положенъ конецъ, и, кромѣ того, имѣлась наличность опредѣленнаго царствующаго дома, который въ смѣнѣ поколѣній сохранялъ за собою право преемства власти. Эту преемственность власти Павелъ и узаконилъ при коронаціи фамильнымъ актомъ о престолонаслѣдіи по прямой линіи въ мужскомъ колѣнѣ, составленнымъ имъ вмѣстѣ съ супругою въ 1788 году. Этимъ актомъ потенціальный вопросъ о претендентахъ на русскій престолъ былъ выброшенъ изъ недавняго еще историческаго обихода, и престолъ московскаго рода Романовыхъ внѣ всякой формальной санкціи народа былъ укрѣпленъ за семействомъ Павла Петровича, сына былого голштинскаго принца и ангальтъ-цербской принцессы. Былой московскій принципъ русскаго самодержавія потерялъ уже навсегда своихъ естественныхъ историческихъ спутниковъ, приданныхъ ему по договору съ народомъ перваго вѣнценоснаго представителя дома Романовыхъ: свою національность и свою народность. Самодержавіе Павла теряетъ всякую ограниченную связь съ русскою жизнью и русскимъ народомъ и обращается въ ту типичную военно-бюрократическую монархическую власть, противъ которой идетъ интенсивная борьба со стороны передовыхъ слоевъ русскаго общества въ теченіе XIX вѣка, и которая можетъ быть въ общихъ чертахъ наименована „борьбою за конституцію“.

Павелъ I, благодаря индивидуальнымъ особенностямъ своего несчастнаго характера, даже не сумѣлъ поддержать тѣхъ началъ, которыя были положены въ основу верховной власти его предшественниками и имъ самимъ съ идейной стороны укрѣплены. Онъ оскорблялъ своимъ личнымъ поведеніемъ, своими дикими распоряженіями и беззаконіемъ войско, ближайшимъ образомъ окружавшее его престолъ, онъ оттолкнулъ отъ себя бюрократію и духовенство и такимъ образомъ остался совершенно одинокимъ, безъ поддержки въ народѣ, въ войскѣ и чиновныхъ установленіяхъ. Его власть какъ бы повисла въ воздухѣ и, конечно, рано или поздно должна была рухнуть въ пропасть, которую онъ на пагубу себѣ вырылъ собственными же руками. Финалъ былъ печаленъ: кровавая ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года была отмщеніемъ вѣнценосцу со стороны послѣднихъ двухъ категорій русскаго общества, которыя взяли на себя роль вершителей судебъ всего русскаго народа, при пассивномъ отношеніи этого народа къ совершившемуся. Въ Михайловскомъ замкѣ произошла отвратительная и жестокая сцена, гдѣ группа представителей военнаго сословія совершила дворцовый переворотъ, поливъ его кровью беззащитнаго человѣка и изливъ на несчастную голову послѣдняго всю ту злобу и ненависть, которыя въ теченіе четырехъ лѣтъ скопились противъ него среди интеллигентныхъ главнымъ образомъ круговъ русскаго общества. Самъ по себѣ этотъ дворцовый переворотъ былъ санкціонированъ тѣмъ, во имя кого онъ производился, но пролитая кровь явилась результатомъ разгулявшихся инстинктовъ и несдержанной полупьяной страсти заговорщиковъ. Эта кровь не прошла, однако, даромъ въ исторіи—она наложила нѣкоторую тѣнь на царствованіе Александра I и внесла въ его дѣятельность, какъ правителя и человѣка, элементъ подавленности, недовѣрія къ окружающимъ и страха личной отвѣтственности монарха передъ народомъ и исторіей.

Обрисовывая царствованіе Павла, Карамзинъ дѣлаетъ ему въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“ слѣдующую мѣткую характеристику: „Павелъ,—говоритъ онъ,—восшелъ на престолъ въ то благопріятное для самодержавія время, когда ужасы французской революціи излѣчили Европу отъ мечтаній гражданской вольности и равенства, но что сдѣлали якобинцы въ отношеніи къ республикамъ, то Павелъ сдѣлалъ въ отношеніи къ самодержавію: заставилъ ненавидѣть злоупотребленія онаго. По жалкому заблужденію ума и вслѣдствіе многихъ личныхъ претерпѣнныхъ имъ неудовольствій, онъ хотѣлъ быть Іоанномъ IV, но россіяне

народныя, государственность окрѣпла и массовыя объединенныя движенія народа стали почти на сто лѣтъ слишкомъ не мыслимы, пока уже въ наши дни мы не видимъ снова ихъ возникновенія и развитія въ новомъ только ихъ освѣщеніи и при наличности новой соціальной и исторической обстановки.

Хотя въ царствованіе Павла и не повторилось кровавой эпопеи пугачевщины, но спеціально крестьянскими возмущеніями оно было чрезвычайно богато; возмущенія эти вспыхивали въ разныхъ мѣстахъ имперіи, независимо другъ отъ друга, хотя исходная точка ихъ отправленія и побудительная къ нимъ причина были почти во всѣхъ случаяхъ одинаковы. Несмотря на всю свою неорганизованность, эти крестьянскіе бунты обняли собою цѣлыхъ 30 тогдашнихъ губерній, вспыхивали въ разныхъ мѣстностяхъ чрезвычайно быстро и проносились въ захваченныхъ ими районахъ бурными и стремительными вихрями. Особенно остро разразилось волненіе крестьянъ въ Сѣвскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, гдѣ въ движеніи, руководимомъ Емельяномъ Чернодыровымъ, приняло участіе до 13.000 человѣкъ. Нельзя не отмѣтить, что, хотя всѣ эти возмущенія подавлялись вооруженною силою и регулярными войсками, при чемъ во многихъ случаяхъ, какъ это обычно встрѣчается въ подобныхъ обстоятельствахъ, съ обѣихъ сторонъ было немало пострадавшихъ съ пролитіемъ крови, тѣмъ не менѣе, наученная опытомъ прошлаго администрація на сей разъ избѣгала, по мѣрѣ возможности, слишкомъ крупныхъ кровавыхъ мѣръ, предпочитая безполезному убійству мѣры увѣщанія, переговоровъ и убѣжденій. Пугачевщина подсказала правительству Екатерины необходимость широкихъ соціально-экономическихъ реформъ общегосударственнаго порядка, но урокъ именно въ этомъ отношеніи пропалъ даромъ и не научилъ ничему серьезному ни правительственныхъ дѣятелей, ни представителей крупнаго хозяйства, капиталистовъ-помѣщиковъ, противъ которыхъ и возставало утѣсненное и обездоленное крѣпостнымъ правомъ крестьянство. Именно, въ концѣ царствованія Екатерины и вообще къ началу XIX в., наблюдается интенсивное развитіе крѣпостничества съ крайними проявленіями рабовладѣльческихъ инстинктовъ и разгуломъ тиранической власти. Е. П. Трефильевъ въ своемъ ученомъ трудѣ: „Очерки изъ исторіи крѣпостного права въ Россіи. Царствованіе императора Павла I“, — даетъ рядъ потрясающихъ картинъ помѣщичьяго самоуправства за тотъ періодъ и обрисовываетъ бурныя вспышки народнаго гнѣва и протеста противъ этого самоуправства, выражавшихся въ крестьянскихъ бун-

тахъ и челобитныхъ, подаваемыхъ верховной власти, гдѣ обрисовывалось въ мрачныхъ краскахъ экономическое угнетенное состояніе порабощеннаго сословія. Какъ выясняется изъ работы г. Трефильева, главный толчокъ крестьянскимъ волненіямъ былъ данъ перемѣною царствованія, при чемъ крестьяне въ особѣ новаго государя мнили себѣ найти заступника ихъ интересовъ, который обязательно долженъ облегчить тяжкій гнетъ крѣпостного права. И дѣйствительно, по первому началу стало казаться, что Павелъ Петровичъ какъ будто оправдываетъ ихъ ожиданія: мы видимъ требованіе приводить крѣпостныхъ къ присягѣ наравнѣ съ прочими вѣрноподданными сословіями, а также указъ отъ 12-го декабря 1798 г. Эти явленія новаго государственнаго порядка послужили источникомъ для легендъ о волѣ и обезпеченномъ матеріальномъ житьѣ, котораго такъ страстно и съ такими жертвами добивались въ эпоху пугачевщины и они сами и ихъ отцы. Эти легенды, эти чаянія и напряженное ожиданіе улучшенія быта были, конечно, только и только поводами; причины же лежали много глубже — во всемъ тяжеломъ экономическомъ строѣ жизни, гдѣ крестьяне изнемогали отъ тяжести оброковъ и повинностей и въ ненавистныхъ соціальныхъ условіяхъ жизни, гдѣ безгранично царили произволъ и безправіе. Но Павелъ ни малѣйшимъ образомъ не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, какъ не оправдали ихъ и его оба сына—Александръ и Николай Павловичи, которые, хотя до извѣстной степени и были руководимы въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ добрыми побужденіями, но не были въ состояніи или, правильнѣе, не находили въ себѣ рѣшимости выйти изъ того полицейско-бюрократическаго круга, въ который замкнулась и ихъ личность и ихъ верховная власть. Но прежде, чѣмъ продолжить наше повѣствованіе, считаемъ необходимымъ остановиться на кровавомъ событіи въ ночь съ 11-го на 12 марта, въ стѣнахъ Михайловскаго замка.

Заговоръ противъ Павла не можетъ быть разсматриваемъ въ качествѣ сознательнаго акта, имѣющаго конечною цѣлью опредѣленную форму правленія. Правда, среди заговорщиковъ находился такой завзятый конституціоналистъ, какъ Н. П. Панинъ и существуетъ предположеніе, будто именно имъ совмѣстно съ гр. Паленомъ и братьями Зубовыми были ведены переговоры съ наслѣдникомъ престола относительно введенія въ Россіи конституціи, но эти переговоры не были облечены въ какую нибудь опредѣленную договорную форму и существованіе самихъ переговоровъ не подтверждено какимъ-либо историческомъ докумен-

томъ. Скорѣе всего можетъ быть признано, что у главныхъ руководителей заговора было извѣстное политическое настроеніе, были опредѣленныя pia desideria, осуществленіе которыхъ связывалось именно съ устраненіемъ Павла Петровича отъ престола. Наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ, подъ давленіемъ представленій окружающихъ - приближенныхъ, сумѣвшихъ убѣдить его въ ненормальности умственныхъ способностей отца, въ соображеніяхъ собственной безопасности и безопасности матери, братьевъ и своей семьи, въ интересахъ блага родины, далъ свое согласіе на дворцовое coup d'etat, но въ той формѣ, что отъ его несчастнаго отца будетъ взято простое отреченіе отъ престола и что власть перейдетъ въ его руки мирнымъ путемъ и по любовному соглашенію. Кроваваго исхода заговору онъ не предвидѣлъ, какъ не предвидѣли его и большинство заговорщиковъ. Убіеніе Павла, какъ и убіеніе Петра III, произошли въ значительной степени въ зависимости отъ пьянаго состоянія тѣхъ, кому жребій выпалъ разрѣшить трудный вопросъ о престоловладѣніи. Въ обоихъ случаяхъ кровавыя событія протекли при грязной отвратительной обстановкѣ. Исторія не сохранила подробнаго описанія послѣдней минуты Ропшинскаго узника, за то кровавая ночь въ Михайловскомъ замкѣ съ 11 на 12 марта описана въ мемуарахъ современниковъ достаточно подробно. Вотъ что передаетъ объ этихъ минутахъ приближенный Павла, Н. А. Саблуковъ въ своихъ „запискахъ о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя" *).

„Вечеромъ, 11 марта заговорщики раздѣлились на небольшие кружки — повѣствуетъ онъ. Ужинали у полковника Хитрово, у двухъ генераловъ Ушаковыхъ, и Депрерадовича (Семеновскаго полка) и у нѣкоторыхъ другихъ. Поздно вечеромъ всѣ соединились вмѣстѣ за однимъ общимъ ужиномъ, на которомъ присутствовали: генералъ Бенигсенъ и графъ Паленъ. Было выпито много вина и многіе выпили болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Въ концѣ ужина, какъ говорятъ, Паленъ будто-бы сказалъ: „Rappelez vous, messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les oeufs".

„Говорятъ, что за этимъ ужиномъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка полковникъ Бибиковъ, прекрасный офицеръ, находившійся въ родствѣ со всею знатью, будто-бы, высказалъ во всеуслышаніе мнѣніе, что нѣтъ смысла стараться избавиться отъ

*) Записки Н. А. Саблукова о временахъ императора Павла I и о кончинѣ этого государя. „Историческій Вѣстникъ" 1906 г.

одного Павла; что Россіи не легче будетъ съ остальными членами его семьи и что лучше всего было-бы отдѣлаться отъ нихъ всѣхъ сразу. Какъ не возмутительно подобное предположеніе, достойно вниманія то, что оно было вторично высказано въ 1825 году, во время послѣдняго заговора, сопровождавшаго вступленіе на престолъ императора Николая I.

„Около полуночи большинство полковъ, принимавшихъ участіе въ заговорѣ, двинулись ко дворцу. Впереди шли семеновцы, которые и заняли внутренніе коридоры и проходы замка.

„Заговорщики встали съ ужина немного позже полуночи. Согласно выработанному плану, сигналъ ко вторженію во внутренніе апартаменты дворца и въ самый кабинетъ императора долженъ былъ подать Аргамаковъ, адъютантъ гренадерскаго баталіона преображенскаго полка, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы докладывать императору о пожарахъ, происходящихъ въ городѣ. Аргамаковъ вбѣжалъ въ переднюю государева кабинета, гдѣ недавно еще стоялъ караулъ отъ моего эскадрона, и закричалъ: „пожаръ!"

„Въ это время заговорщики, числомъ до 180, человѣкъ бросились въ дверь. Тогда Маринъ, командовавшій внутреннимъ пѣхотнымъ карауломъ, удалилъ вѣрныхъ гренадеръ преображенскаго лейбъ-баталіона, разставивъ ихъ часовыми, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде служили въ лейбъ-гренадерскомъ полку, помѣстилъ въ передней государева кабинета, сохранивъ такимъ образомъ этотъ важный постъ въ рукахъ заговорщиковъ.

„Два камеръ-гусара, стоявшіе у дверей, храбро защищали свой постъ, но одинъ изъ нихъ былъ заколотъ, а другой раненъ. Найдя первую дверь, ведшую въ спальню незапертою, заговорщики сначала подумали, что императоръ скрылся по внутренней лѣстницѣ (и это легко-бы удалось), какъ это сдѣлалъ Кутайсовъ. Но когда они подошли ко второй двери, то нашли ее запертою изнутри, что доказывало, что императоръ, несомнѣнно, находился въ спальнѣ.

„Взломавъ дверь, заговорщики бросились въ комнату, но императора въ ней не оказалось. Начались поиски, но безуспѣшно, несмотря на то, что дверь, ведшая въ опочивальню императрицы, также была заперта изнутри. Поиски продолжались нѣсколько минутъ, когда вошелъ генералъ Бенигсенъ, высокаго роста, флегматичный человѣкъ; онъ подошелъ къ камину, прислонился къ нему, и въ это время увидѣлъ императора, спрятавшагося за экраномъ. Указавъ на него пальцемъ Бенигсенъ ска-

залъ по-французки:—„le voilà“, послѣ чего Павла тотчасъ вытащили изъ его прикрытія.

„Князь Платонъ Зубовъ, дѣйствовавшій въ качествѣ оратора и главнаго руководителя заговора, обратился къ императору съ рѣчью. Отличавшійся обыкновенно большою нервностью, Павелъ на этотъ разъ, однако, не казался особенно взволнованнымъ и, сохраняя полное достоинство, спросилъ, что имъ всѣмъ нужно?

„Платонъ Зубовъ отвѣчалъ, что деспотизмъ его сдѣлался настолько тяжелымъ для націи, что они пришли требовать его отреченія отъ престола.

„Императоръ, преисполненный искренняго желанія доставить своему народу счастье, сохранить ненарушимо законы и постановленія имперіи и водворить повсюду правосудіе, вступилъ съ Зубовымъ въ споръ, который длился около получаса, и который въ концѣ концовъ принялъ бурный характеръ. Въ это время тѣ изъ заговорщиковъ, которые слишкомъ много выпили шампанскаго, стали выражать нетерпѣніе, тогда какъ императоръ, въ свою очередь, говорилъ все громче и началъ сильно жестикулировать. Въ это время шталмейстеръ, графъ Николай Зубовъ, человѣкъ громаднаго роста и необыкновенной силы, будучи совершенно пьянъ, ударилъ Павла по рукѣ и сказалъ: „что ты такъ кричишь!“

„При этомъ оскорбленіи императоръ съ негодованіемъ оттолкнулъ лѣвую руку Зубова, на что послѣдній, сжимая въ кулакѣ массивную золотую табакерку, со всего размаха нанесъ правою рукою ударъ въ лѣвый високъ императора, вслѣдствіе чего тотъ безъ чувствъ повалился на полъ. Въ ту-же минуту французъ-камердинеръ Зубова вскочилъ съ ногами на животъ императора, а Скарятинъ, офицеръ измайловскаго полка, снявъ висѣвшій надъ кроватью собственный шарфъ императора, задушилъ его имъ. Такимъ образомъ его прикончили.

„На основаніи другой версіи, Зубовъ, будучи сильно пьянъ, будто-бы запустилъ пальцы въ табакерку, которую Павелъ держалъ въ рукахъ. Тогда императоръ первый ударилъ Зубова и, такимъ образомъ, самъ началъ ссору. Зубовъ, будто бы, выхватилъ табакерку изъ рукъ императора и сильнымъ ударомъ сшибъ его съ ногъ. Но это едва-ли правдоподобно, если принять во вниманіе, что Павелъ выскочилъ прямо изъ кровати и хотѣлъ скрыться. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно то, что табакерка играла въ этомъ событіи извѣстную роль.

„Итакъ, произнесенныя Паленомъ за ужиномъ слова „qu'il

faut commencer par casser les oeufs“ не были забыты и, увы, приведены въ исполненіе.

„Называли имена нѣкоторыхъ лицъ, которыя выказали при этомъ случаѣ много жестокости, даже звѣрства, желая выместить полученныя отъ императора оскорбленія на безжизненномъ его тѣлѣ, такъ что докторамъ и гримёрамъ было не легко привести тѣло въ такой видъ, чтобы можно было выставить его для поклоненія, согласно существующимъ обычаямъ. Я видѣлъ покойнаго императора, лежащаго въ гробу. На лицѣ его, несмотря на старательную гримировку, видны были черныя и синія пятна. Его треугольная шляпа была такъ надвинута на голову, чтобы, по возможности, скрыть лѣвый глазъ и високъ, который былъ зашибленъ“.

Существуютъ и иные варіанты въ показаніяхъ о происходившемъ въ ту страшную ночь въ стѣнахъ Михайловскаго замка. Всѣ они болѣе или менѣе однородны и приводить ихъ здѣсь не стоитъ. Отмѣтимъ лишь, что самъ несчастный Павелъ отрѣзалъ себѣ путь спасенія и отступленія. Какъ свидѣтельствуетъ княгиня Д. Х. Ливенъ *) „по несчастному затемненію ума, императоръ Павелъ, заподозрѣвая всѣхъ, съ недовѣріемъ относился даже и къ императрицѣ, преданнѣйшей ему и почтенной женщинѣ, которую даже вопіющія гласныя измѣны мужа не отвратили въ ея страстной привязанности къ государю.

„Онъ заперся на ключъ и преградилъ сообщеніе между апартаментами императрицы и своими. Поэтому, когда въ $12^1/_2$ часовъ ночи заговорщики постучались къ Павлу въ опочивальню, онъ самъ-же лишилъ себя единственнаго шанса къ бѣгству. Извѣстно, что не найдя Павла въ постели, заговорщики сочли свое дѣло почти проиграннымъ, но тутъ одинъ изъ нихъ открылъ Павла, притаившагося за ширмами... Черезъ десять минутъ императора уже не стало. Успѣй Павелъ спастись бѣгствомъ, и покажись онъ войскамъ, солдаты бы его охранили и спасли“.

Какъ-же отнеслись главные члены царствующаго дома къ трагической кончинѣ своего главы, т. е. его супруга Марія Ѳедоровна и наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ?

Безусловно императрица ни малѣйшимъ образомъ не была освѣдомлена о существованіи заговора противъ своего супруга. Когда ночное кровавое событіе совершилось и на княгиню Ли-

*) Кончина императора Павла. Изъ записокъ княгини Д. Х. Ливенъ. „Историческій Вѣстникъ“ 1906 г. т. CIV.

венъ возложена была обязанность сообщить императрицѣ въ осторожной, конечно, формѣ о кончинѣ Павла Петровича и та явилась передъ нею ночною печальною вѣстницею, то послѣдовала слѣдующая сцена: *)“... Императрица соскочила съ постели, упала на колѣни и предалась молитвѣ, но довольно машинально и по усвоенной ею привычкѣ вѣрить и уважать слова моей свекрови, такъ какъ г-жа Ливенъ неотразимо вліяла на императрицу и на всѣхъ авторитетностью, которая всегда выказываетъ величіе характера. Черезъ нѣсколько мгновеній, однакоже, императрица начала сознавать постигшую ее потерю, а когда поняла все, лишилась чувствъ. Тутъ сбѣжалась ближняя свита, позвали доктора, который держался наготовѣ, и ей тотчасъ-же пустили кровь. Великій князь Александръ, извѣщенный о состояніи родительницы, захотѣлъ къ ней войти, но свекровь этому воспротивилась, опасаясь первой послѣ рокового событія встрѣчи при свидѣтеляхъ, позднѣе же сама императрица стала упорно отказывать сыну въ свиданіи.

„Когда къ императрицѣ окончательно вернулось сознаніе, роковая истина предстала предъ ея разсудкомъ въ сопровожденіи ужасающихъ подозрѣній.

„Она съ крикомъ требовала, чтобы ее допустили къ усопшему. Ее убѣждали, что это невозможно. Она на это воскликнула:

— Такъ пусть-же и меня убьютъ, но видѣть его я хочу!

„Она бросилась къ апартаментамъ, но роковыя задвижки преградили туда доступъ. Тогда императрица направилась кружнымъ путемъ черезъ залы. Стража вездѣ была многочисленная. Какой-то офицеръ подошелъ объяснить ей, что получилъ формальное приказаніе никого не пропускать въ опочивальню къ усопшему. Царица, не обращая на его слова вниманія, пошла дальше, но тутъ офицеръ принужденъ былъ ее остановить за руку. Императрица, впавъ въ отчаяніе, бросилась на колѣни; она заклинала всю стражу допустить ее къ усопшему. Она не хотѣла подняться съ колѣнъ прежде, чѣмъ не удовлетворятъ ея просьбы. Но это представлялось прямо невозможнымъ. Обезображенное тѣло государя покоилось въ сосѣдней комнатѣ. Никто не зналъ, что дѣлать. Императрица продолжала стоять на колѣняхъ, близкая къ обмороку. Какой-то гренадеръ подо-

---

*) Тамъ-же.

шелъ къ ней со стаканомъ воды. Она его оттолкнула въ испугѣ и горделиво поднялась на ноги.

Старые гренадеры вскричали:

— Да ты, матушка, насъ не бойся, мы всѣ тебя любимъ!

„Императрица, побѣжденная наконецъ усовѣщеваніями моей свекрови, согласилась вернуться въ свои покои, взявъ, однако, формальное обѣщаніе, что ее допустятъ къ усопшему".

Таково показаніе очевидицы... Существуетъ, однако, еще одно указаніе, гласящее, что когда у императрицы прошелъ первый приступъ отчаянія, какъ жены, пораженной ужасной участью мужа и когда ей стало извѣстно, что окружающіе называютъ уже имя новаго государя, она, побуждаемая свойственной ею гордостью и честолюбіемъ воскликнула:

— Ich will regiren!

Въ этомъ возгласѣ властолюбивой женщины прозвучала цѣлая драматическая гамма: русскій престолъ Романовыхъ сталъ вожделѣніемъ новой германской отрасли! Величавый призракъ сѣверной Семирамиды очевидно всталъ во весь ростъ передъ очами былой принцессы Софіи-Доротеи; но счастье было и не близко, и не возможно: ни о какомъ новомъ дворцовомъ переворотѣ не могло быть рѣчи и законъ о престолонаслѣдіи, утвержденный Павломъ, совершилъ свое назначеніе. Россійскіе скипетръ и корона находились уже въ рукахъ Александра Павловича и между сыномъ и матерью не могло возникнуть никакого наслѣдственнаго конфликта.

Что касается самого наслѣдника престола, то онъ былъ дѣйствительно посвященъ въ существованіе заговора, причемъ дѣло было ему представлено такъ, что ради блага родины, ради счастья подданныхъ, спокойствія имперіи у его отца потребуется лишь отреченіе отъ престола, но никакого насилія надъ личностью самого императора произведено не будетъ. Кровавая расправа, учиненная надъ отцомъ, потрясла его, онъ былъ въ отчаяніи, но... событія были сильнѣе чувствъ и онъ долженъ былъ овладѣть собою, чтобы начать новую главу русской исторіи. Хотя главные виновники трагической смерти Павла, Паленъ и Зубовъ, и не были подвергнуты наказанію уголовнаго характера (да это было-бы по многимъ причинамъ и не возможно), но они подверглись опалѣ и вскорѣ были высланы изъ столицы съ удаленіемъ въ пожизненное изгнаніе въ свои помѣстья.

Царствованіе Александра I, начиная чуть ли не съ слѣдую-

щаго утра послѣ кровавой ночи въ Михайловскомъ замкѣ, вводитъ насъ въ реальный потокъ конституціонныхъ теченій, который, претерпѣвъ рядъ эволюцій на протяженіи ста лѣтъ съ небольшимъ, заключился нынѣшнимъ законодательнымъ актомъ отъ 17-го октября 1905 года, объ осуществленіи коего мечтало, болѣло и хлопотало такое громадное количество разныхъ представителей русской интеллигенціи, поливая подчасъ свои дѣйствія въ кругу даннаго вопроса кровью и слезами страданій.

Самъ Александръ I, будучи простымъ великимъ княземъ и свидѣтелемъ той трагедіи, которая разыгрывалась на его глазахъ между бабушкою и отцомъ, въ душѣ и въ своихъ юныхъ мечтаніяхъ не только не становился на точку зрѣнія, противную отцу въ вопросѣ о государственномъ управленіи, но шелъ гораздо далѣе своей знаменитой бабки, откровенно исповѣдуя конституціонный образъ мыслей и конституціонный катихизисъ. По своимъ общественнымъ взглядамъ и гражданскимъ симпатіямъ его, пожалуй, въ тотъ періодъ времени можно даже считать единомышленникомъ извѣстнаго Радищева, перваго русскаго гражданина, громко заявившаго въ печати о необходимости обновленія нашего государственнаго и общественнаго строя, о негодности современныхъ ему соціальныхъ основъ жизни и настоятельности ихъ реформированія, во имя справедливости и правды. Ученикъ Руссо и Мабли, Радищевъ имѣлъ гражданское мужество выступить открыто на защиту своего общественнаго credo и мукой и страданіями заплатилъ за свою любовь къ отчизнѣ и народу. Ученица и другъ Вольтера, Екатерина II, не могла вынести критики своего подданнаго и жестоко отмстила въ лицѣ Радищева тому кругу идей, который она сама лично еще не такъ давно высказывала частію въ своемъ „Наказѣ“, частію въ своихъ придворныхъ бесѣдахъ, а того больше въ своихъ письмахъ къ заграничнымъ друзьямъ. Она была сторонницей красивой мысли и слова, насколько имъ надлежало оставаться именно словами и мыслями, но становилась ихъ гонительницей, какъ только этимъ мыслямъ и словамъ суждено было сталкиваться съ фактами современности, становиться ихъ руководителями и двигателями. Въ лицѣ Радищева *) русская литература впервые становится въ оппозицію офиціальной бюрократической Россіи.

*) О Радищевѣ см. очеркъ В. Мякотина „На зарѣ русской общественности“ въ его книгѣ: „Изъ исторіи русскаго общества“, а также предисловія Н. П. Павлова-Сильванскаго и П. Е. Щеголева въ книжкѣ „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву А. Н. Радищева“, являющейся первымъ полнымъ и обработаннымъ воспроизведеніемъ знаменитаго сочиненія, бывшаго такъ долго подъ запретомъ нашей цензуры.

вступаетъ впервые въ кругъ ожесточенной и упорной борьбы за конституцію, вноситъ въ эту борьбу облагораживающій элементъ идейности и, развиваясь въ этомъ направленіи, беретъ руководительство всей этой борьбой въ свои руки, давая ей въ разные моменты нашей общественности тотъ или иной темпъ, то или иное направленіе и даже выраженіе реальности. Радищевъ былъ предтечею тѣхъ многочисленныхъ узниковъ Петропавловской и Шлиссельбургской крѣпостей, сибирскихъ рудниковъ и тюремъ, со многими изъ которыхъ читателю придется встрѣтиться не одинъ разъ на протяженіи нашихъ историческихъ очерковъ, посвященныхъ отечественной исторіи въ томъ ея фазисѣ, который обнимаетъ собою конституціонныя и революціонныя теченія въ XIX и XX столѣтіяхъ.

Радищевъ былъ глашатаемъ необходимости соціально-экономической эволюціи; вопросовъ политическихъ въ прямомъ смыслѣ этого слова онъ не касался, но тотъ общій порядокъ идей, котораго онъ явился послѣдователемъ, былъ сродни и ученику Лагарпа, этого типичнаго республиканца при Екатерининскомъ дворѣ. Но какъ Екатерина, такъ и Александръ предпочитали мечтанія дѣйствительности и не были склонны реализовать своего политическаго романтизма конкретными фактами, который у нихъ обоихъ всегда особенно расцвѣталъ подъ воздѣйствіемъ разныхъ обстоятельствъ личной жизни. Такъ, будучи вообще настроенъ своимъ учителемъ на либеральный ладъ, Александръ Павловичъ, тѣмъ не менѣе, тяготѣлъ своими личными симпатіями и склонностями скорѣе къ режиму и тенденціямъ Гатчинскаго дворца, нежели дворца своей бабушки. Но вотъ наступаетъ безумное царствованіе его отца, онъ на себѣ лично испытываетъ всю опасность установившагося режима, и въ результатѣ мы имѣемъ его корреспонденцію съ наставникомъ, гдѣ между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующія многообѣщающія строки:.. „Если когда либо придетъ и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ-либо безумцевъ,—писалъ Александръ Лагарпу.—Это заставило меня передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена, и нація избрала бы своихъ представителей... Когда придетъ мой чередъ, тогда нужно будетъ стараться, само собою разумѣется, постепенно, образовать народ-

ное представительство, которое, должнымъ образомъ руководимое, составило бы свободную конституцію, послѣ чего моя власть совершенно прекратилась бы". Въ другомъ еще болѣе раннемъ письмѣ великій князь писалъ своему другу, князю Чарторыйскому:.. „Неужели вы думаете, что я раздѣляю взгляды и убѣжденія правительства государыни? Неужели вы думаете, что я одобряю ея внѣшнюю политику и не осуждаю ея принциповъ? Нѣтъ, вы жестоко ошибаетесь въ такомъ случаѣ. Я глубоко сожалѣю о Польшѣ и преклоняюсь передъ ея борьбой за независимость. Костюшко— великій человѣкъ по своей добродѣтели и справедливости дѣла, которое онъ защищалъ, — дѣла, полнаго гуманности и высшей правды. Я ненавижу деспотизмъ и преклоняюсь передъ свободой, которая есть достояніе всѣхъ людей безъ различія. Я съ живѣйшимъ участіемъ слѣдилъ за ходомъ французской революціи, и хотя осуждаю ея крайности, но отъ души желаю успѣха республикѣ".

Таковы были мечтанія великаго князя, его политико-романтическія изліянія передъ друзьями и знакомыми. Но вотъ пробилъ часъ его царствованія; въ Михайловскомъ замкѣ еще лежало неприбранное окровавленное тѣло его отца; Марія Ѳедоровна тщетно въ истерическомъ порывѣ пыталась поставить свою кандидатуру на роль второй сѣверной Семирамиды и, не найдя въ своемъ тщеславномъ замыслѣ ни въ комъ поддержки, оказалась въ сторонѣ отъ хода текущихъ событій и безъ всякаго вліянія на царственнаго сына; общество предалось радости передъ закатомъ померкшаго солнца и было объято нервнымъ ожиданіемъ новыхъ лучей восходящаго свѣтила; народъ еще не сумѣлъ въ своей массѣ реагировать на событія дня, а опытные царедворцы уже спѣшили предложить молодому царю къ уплатѣ конституціонный чекъ за подаренный такъ неожиданно и быстро престолъ и корону, которые чуть не ускользнули отъ него по капризу больного и подозрительнаго отца. Хотя, какъ уже говорено было выше, дворцовый переворотъ въ пользу Александра Павловича и былъ совершенъ внѣ вопроса о государственной формѣ правленія, и среди заговорщиковъ по сему предмету не было соглашенія, тѣмъ не менѣе главные руководители заговора, Панинъ и Паленъ, сдѣлали попытку склонить новаго правителя къ подписанію конституціоннаго „акта" *), каковая попытка, однако, не удалась и была Александромъ отклонена, благодаря предупрежденіямъ и воздѣйствію

*) „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I, ст. „Обозрѣніе проявленій политической жизни въ Россіи М. А. Фонвизина".

на него Талызина. По словамъ Фонвизина, „Талызинъ предупредилъ его, что въ рѣшительную минуту отъ него потребуютъ принятія и утвержденія конституціоннаго акта, и убѣждалъ его ни подъ какимъ видомъ не давать на то согласія, обѣщая ему, что гвардія, на которую Талызинъ имѣлъ большое вліяніе, сохранитъ вѣрность Александру и поддержитъ его. Александръ послѣдовалъ внушеніямъ Талызина и устоялъ противъ настоятельныхъ требованій Палена и Панина. Они тотчасъ догадались, что это было дѣло Талызина, и Паленъ въ отмщеніе ему нашелъ способъ отравить его. Это происходило на третій или четвертый день послѣ трагической кончины Павла. Талызинъ внезапно занемогъ со всѣми признаками отравленія и тотчасъ послалъ за Александромъ. Талызинъ успѣлъ открыть ему свое подозрѣніе и на рукахъ императора испустилъ духъ. Это и было главною причиною удаленія отъ двора Палена и Панина, которымъ воспрещенъ въѣздъ въ столицы и велѣно жить въ деревнѣ. Большая часть заговорщиковъ не знала о намѣреніи ограничить самодержавіе. Но восторженная любовь къ отечеству и свободѣ побуждала ихъ рѣшиться на преступленіе, но по опасенію за себя, страху, наведенному на всѣхъ тиранствомъ Павла, а нѣкоторые, лично имъ оскорбленные, — по чувству мести (напримѣръ, князь Яшвиль). А что и сами вожди заговора мало заботились объ упраздненіи въ Россіи самодержавія и о ея благѣ, свидѣтельствуетъ характеристическая продѣлка Платона Зубова. Вскорѣ послѣ катастрофы далъ онъ банкетъ заговорщикамъ, перешедшій въ оргію. Послѣ обѣда самъ Зубовъ явился въ круглой шляпѣ, во фракѣ, жилетѣ и проч., велѣлъ поставить столъ съ картами, заложилъ банкъ и проиметалъ нѣсколько. Это была манифестація, что злодѣяніе совершено только для того, чтобы носить фраки, жилеты, круглыя шляпы и безнаказанно играть въ банкъ (все это было строго запрещено при Павлѣ), словомъ, чтобы возвратиться къ своевольному и безнравственному образу жизни временъ Екатерины, которому предавалось тогда все высшее сословіе“.

Итакъ, первые дни XIX вѣка оказались для конституціонализма неудачными, и тотъ, кто еще нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ исповѣдывался своимъ друзьямъ чуть ли не въ республиканскихъ убѣжденіяхъ, съ полученіемъ власти въ руки, не спѣшитъ ее ограничить, а довольствуется лишь ослабленіемъ того общественнаго режима, который былъ созданъ его отцомъ, съ обѣщаніемъ „царствовать по духу и сердцу великой бабки своей“. Но извѣстныя освободительныя идеи уже достаточно насыщали собою тогдашній

воздухъ, и если Паленъ и Панинъ, какъ представители высшей бюрократіи, лелѣяли мысль, что верховная власть подѣлится съ этой бюрократіей своими прерогативами и не столько въ интересахъ народныхъ, сколько аристократически-сословныхъ, то рядомъ съ ними начинаютъ уже раздаваться голоса изъ общества, ставящіе вопросъ и шире, и глубже. Вскорѣ по вступленіи на престолъ Александра, во дворцѣ была найдена прокламація, составленная В. Каразинымъ, гдѣ выражалось пожеланіе, чтобы новый государь далъ странѣ непреложные законы, составилъ коренное учрежденіе, избралъ бы ему блюстителей и оградилъ ихъ личною безопасностью, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, и удѣлилъ бы имъ „избытокъ своей власти на охраненіе святыхъ законовъ отечества". Такимъ образомъ, одинъ представитель русской общественности, А. Н. Радищевъ, предъявляетъ требованіе соціально-экономической реформы, а другой, В. Н. Каразинъ, беретъ вопросъ еще шире и указываетъ на необходимость политической реформы на основѣ раздѣленія власти между монархомъ и народомъ. Вотъ двѣ задачи, которыя передовые представители свободной мысли ставятъ къ осуществленію русской власти и русскому обществу, не предрѣшая, однако, вопроса о способахъ осуществленія этихъ задачъ, но подразумѣвая, что самое осуществленіе совершится мирнымъ путемъ, и что починъ въ данномъ случаѣ возьметъ на себя само же верховное правительство.

Хотя домогательства Панина и Палена фактическаго успѣха не имѣли и не получили ни малѣйшаго осуществленія, но самая идея дарованія Россіи конституціи въ той или иной ея формѣ сильно занимала государя и его ближайшихъ молодыхъ сотрудниковъ: Новосильцева, Кочубея, гр. Строганова, Ад. Чарторыйскаго, къ коимъ въ идейномъ отношеніи принципіально примыкали гр. Воронцовъ и Н. С. Мордвиновъ, явившіеся поклонниками англійскаго конституціоннаго образа правленія.

Съ первыхъ же дней царствованія Александра Павловича около него собрался кругъ друзей молодости, который самъ молодой императоръ именовалъ негласнымъ „Комитетомъ общественнаго спасенія". По существу дѣла члены этого комитета намѣчали собственно выработать конституціонный проектъ и самъ августѣйшій предсѣдатель опредѣлялъ задачу, стоявшую передъ комитетомъ, какъ „обузданіе деспотизма нашего правительства". Наиболѣе дѣятельнымъ членомъ въ комитетѣ былъ Строгановъ, который въ отсутствіи предсѣдателя слѣдующимъ

образомъ формулировалъ задачи, имъ предстоявшія: „Намъ необходимо—говорилъ онъ—составить планъ реформъ и уяснить себѣ цѣль ихъ, чтобы труды наши не зависѣли ни отъ чьего произвола, точно установить, чего мы желаемъ добиться отъ императора,—необходимо опредѣлить его характеръ, чтобы сообразно этому составить нашъ планъ атаки, если смѣю такъ выразиться“. Далѣе планъ рисовался такъ, чтобы „мягкая свобода и неприкосновенность собственности, какъ плоды улучшеннаго управленія, устроеннаго на истинныхъ принципахъ народнаго блага, своимъ спасительнымъ вліяніемъ подготовили умы къ полученію безъ опасеній и съ радостью закона, который бы опезпечилъ отъ произвольныхъ перемѣнъ основы всеобщаго счастья“. Въ видахъ сего намѣчалось прежде всего „преобразованіе порочной администраціи“, во второй очереди стояло введеніе закона, который долженъ устранить возможность нарушенія установленныхъ правилъ и подготовить всю задуманную реформу въ полномъ ея объемѣ, т. е. конституцію. Смыслъ и значеніе конституціи, по опредѣленію Строганова, „есть законное признаніе правъ народа и формы, въ которой онъ можетъ ими пользоваться. Для обезпеченія дѣйствительности этого права должна существовать гарантія, что посторонняя власть не воспрепятствуетъ пользованію этими правами. Если этой гарантіи не существуетъ, основная цѣль, состоящая въ томъ, чтобы воспрепятствовать правительству принять какую-либо мѣру, противную истиннымъ интересамъ народа, не можетъ быть достигнута, и конституціи не существуетъ“.

Члены комитета старательно изучили всѣ отрасли управленія и „имѣли передъ глазами картину дѣйствительнаго состоянія имперіи во всѣхъ ея частяхъ“, но изъ ихъ занятій въ результатѣ существеннаго ничего не вышло. Причина лежала главнымъ образомъ въ характерѣ самого Александра, въ его вѣчной уклончивости и нежеланіи на что-нибудь окончательно рѣшиться, а потому дѣло двигалось „вяло и трусливо“. Нельзя сказать, однако, чтобы работа комитета была совершенно безплодна. Единичныя мѣры были все-же коллегіально обсуждены и проведены. По странному и роковому совпаденію обстоятельствъ—возвращеніе Аракчеева въ Петербургъ было и послѣднимъ часомъ занятій комитета.

Положеніе конституціональнаго вопроса въ дни, относящіеся къ началу царствованія Александра I, рисуется въ общихъ и главныхъ чертахъ слѣдующимъ образомъ. Сотрудники государя по большей части являются идеологами вопроса, почерпающими

свои главнѣйшія теоретическія положенія изъ иностранныхъ литературныхъ источниковъ, относящихся къ XVIII вѣку, но проявляющими чрезвычайно слабое знаніе русской жизни во всей ея совокупности со стороны государственно - бюрократическаго, соціальнаго и экономическаго строя. Они занимаются разработкой вопроса о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, на основаніи нормъ государственнаго права западно-европейскихъ державъ, но слабо заботятся объ органической и реальной связи этихъ учрежденій съ бытовой Россіей. Наибольшее знаніе дѣла и широту взгляда проявилъ въ данномъ случаѣ, какъ видно будетъ далѣе, Сперанскій, но и тотъ, въ сущности, не сумѣлъ или почему либо не былъ въ состояніи оформить свое государственное построеніе Россіи по плану единства архитектуры съ правильно заложеннымъ фундаментомъ и конечнымъ вѣнцомъ проектируемаго зданія. Что касается самого вдохновителя и верховнаго руководителя конституціонныхъ теченій того времени, державнаго ученика Лагарпа, то въ его дѣйствіяхъ по сему предмету наблюдается явная неискренность и стремленіе соединить несоединимое: просвѣщенный абсолютизмъ бабки, романтическіе порывы юности и крайнюю нерѣшительность въ дѣйствіяхъ съ отрицательной тенденціей и къ этому абсолютизму и къ этимъ порывамъ. Онъ ничего не отрицаетъ, на все какъ будто принципіально соглашается, санкціонируетъ всѣ предложенія, и въ результатѣ ничего не реализуетъ въ видѣ какихъ-нибудь опредѣленныхъ конкретныхъ фактовъ государственнаго порядка. Съ теченіемъ времени онъ даже не скрываетъ своей скуки отъ конституціонной игры, старается освободиться отъ надоѣвшихъ партнеровъ и, оборвавъ неоконченную роль политическаго новатора, скидываетъ взятое на прокатъ мишурное одѣяніе, отдавъ предпочтеніе передъ всѣмъ и вся голштинскому гатчинскому мундиру своего покойнаго родителя. Онъ оставляетъ за собою декорумъ власти въ ея свѣтлыхъ проявленіяхъ, а все темное и мрачное слагаетъ на своихъ сотрудниковъ, въ сущности являясь не столько орудіемъ въ ихъ рукахъ, сколько дѣйствительнымъ вдохновителемъ ихъ дѣйствій. Если мрачная фигура Аракчеева наводитъ на насъ ужасъ сама по себѣ, то, присматриваясь къ ней ближе и изучая ее детальнѣе, мы должны признать несомнѣннымъ тотъ фактъ, что она была ни болѣе, ни менѣе, какъ закономѣрною тѣнью того, кого она отражала, и кто при искусственно поставленномъ освѣщеніи всего фона картины сумѣлъ стать передъ зрителями въ выгодную позицію, оставивъ для своей тѣни широкое мѣсто на авансценѣ.

Въ сущности гатчинскія традиціи наложили на Александра гораздо болѣе неизгладимый слѣдъ и имѣли на него болѣе сильное вліяніе, нежели обстановка Зимняго дворца бабки и прекраснодушныя бесѣды съ Лагарпомъ и Чарторыйскимъ. Послѣдніе элементы были наносными, существо же осталось вѣрно отцовской наслѣдственности, но только съ тою разницею, что гдѣ отецъ въ припадкѣ безумія не умѣлъ, не могъ и не старался себя сдерживать, тамъ его сынъ становился въ сторонѣ, прикрывался исполнительною властью своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, которые и несли на себѣ всю ненависть и злобу современниковъ, оставляя на его долю общую любовь и поклоненіе.

Конституціонныя теченія при восшествіи на престолъ Александра I практически выразились въ желаніи обнародовать „всемилостивѣйшую грамоту россійскому народу", составленіе которой поручено было Трощинскому и Воронцову *). Въ проектѣ грамоты самымъ существеннымъ было то мѣсто, гдѣ говорилось о вольностяхъ каждаго россійскаго гражданина: „да пользуется (онъ) невозбранно свободою мысли, вѣры или исповѣданія, богослуженія, слова и рѣчи, письма и дѣянія, поколику они законамъ государственнымъ не противны и никому неоскорбительны"; тутъ-же обѣщалось, что гражданскіе законы не будутъ впредь перемѣняться иначе, какъ докладами, подносимыми отъ сената, по общему совѣщанію съ коллегіями. Однако „грамота" въ томъ видѣ, какъ она была проектирована съ ея вольностями, издана не была; получила осуществленіе иная редакція, гдѣ были впрочемъ отмѣнены существенныя стѣсненія прошлаго царствованія. Но такая программа новаго режима была далека отъ намѣченныхъ „вольностей", которыя явились предметомъ упорной борьбы на протяженіи послѣдующихъ ста лѣтъ и получаютъ болѣе или менѣе удачное разрѣшеніе лишь въ наши дни манифестомъ отъ 17-го октября. Равнымъ образомъ неосуществленными остались замыслы и проекты по реформѣ сената съ отвѣтственностью передъ нимъ министровъ и съ внесеніемъ въ его составъ выборныхъ депутатовъ отъ дворянства.

По словамъ В. И. Семевскаго въ его статьѣ „Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка" **), сенату былъ данъ 5-го іюня 1881 года именной указъ, чтобы онъ составилъ доклады о своихъ правахъ и обя-

*) Н. К. Шильдеръ. „Императоръ Александръ I", т. I.
**) „Историческое Обозрѣніе", томъ IX.

занностяхъ. „Это возбудило въ сенатѣ бурныя пренія, при чемъ особенно выдѣлились мнѣнія Державина, гр. Завадовскаго и гр. Воронцова, — говоритъ изслѣдователь. — Гр. Завадовскій между прочимъ желалъ, чтобы сенату было предоставлено право ходатайствовать объ установленіи новыхъ налоговъ и податей. Кн. Чарторыйскій замѣчаетъ въ своихъ мемуарахъ, что сенатъ составлялъ idée fixe братьевъ Воронцовыхъ, „въ чемъ они видѣли средство, основу и источникъ всѣхъ безопасныхъ улучшеній". Записка Воронцова не понравилась государю, и онъ съ грустью замѣтилъ, что это ни на шагъ не подвигаетъ его къ столь желанной имъ цѣли—обузданію деспотизма нашего правленія. Упомянемъ о запискѣ неизвѣстнаго лица, присланной А. Р. Воронцову по прочтеніи его „Примѣчаній о правахъ и преимуществахъ сената". Неизвѣстный авторъ записки желалъ, чтобы сенатъ сталъ не только хранилищемъ законовъ, но и, такъ сказать, посредствующею властію между государемъ и народомъ. Кромѣ того, авторъ считалъ необходимымъ установленіе коренныхъ законовъ, которые совѣтуетъ заимствовать, примѣнивъ къ нашимъ условіямъ, изъ англійской великой хартіи и habeas corpus акта, „коими личная безопасность каждаго столь ограждена была бы". Существовалъ еще проектъ Зубова, о которомъ есть извѣстіе, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе".

Новосильцеву было поручено составленіе доклада о правахъ сената, который и былъ прочитанъ въ неофиціальномъ комитетѣ подъ предсѣдательствомъ Александра Павловича. Основною мыслью доклада, по свидѣтельству г. Семевскаго, было то, что не слѣдуетъ предоставлять власти законодательной учрежденію, которое, по самому своему составу, не можетъ пользоваться довѣріемъ народа, и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховною властью, не даетъ возможности обществу участвовать въ составленіи законовъ, выходящихъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, давъ сенату значительныя права, императоръ связалъ бы себѣ руки и не могъ бы выполнить всего задуманнаго имъ на общую пользу, потому что въ невѣжествѣ этихъ людей встрѣтилъ бы себѣ помѣху, которая имѣла бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властію и правительственными учрежденіями. По мнѣнію Новосильцева, слѣдовало предоставить сенату лишь судебную власть, но въ широкомъ размѣрѣ, съ полною независимостью отъ опеки генералъ-прокурора. Когда нѣсколько позднѣе государь выразилъ желаніе предоставить сенату „охранительную власть", то члены неофи-

ціальнаго комитета замѣтили ему, что такая охранительная власть будетъ призрачною, что истинная охрана заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи. Но когда Новосильцевымъ былъ составленъ проектъ указа о правахъ сената, то государю не понравилась статья, предоставляющая сенату право повѣрять дѣйствія министровъ и, если бы они ввели въ заблужденіе государя, представлять ему о томъ даже и по утвержденіи доклада министра высочайшею подписью. Чарторыйскій и Строгановъ полагали, что права сената будутъ мнимы безъ отвѣтственности министровъ; къ этому мнѣнію присоединился и Кочубей. Наконецъ, и государь изъявилъ на это согласіе. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ отвѣтственности министровъ предъ сенатомъ вновь возникъ въ неофиціальномъ комитетѣ при обсужденіи проекта объ учрежденіи министерства, такъ какъ государь нашелъ, что „такихъ правъ никогда не было предоставлено сенату".

Вопросъ о расширеніи правъ сената и объ отвѣтственности министровъ, сколько къ нему ни возвращались, въ концѣ концовъ не привелъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ, и дебютъ конституціоналистовъ успѣха не имѣлъ: государь не принялъ по вопросу никакого рѣшенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не сдалъ его окончательно въ архивъ. Въ 1803 г. Сперанскому поручается составленіе плана устройства судебныхъ и правительственныхъ учрежденій, и вотъ на сцену снова выступаетъ конституціонная идея, облеченная довольно осязательно реальной плотью. Планъ этотъ изложенъ былъ въ черновой редакціи составителемъ въ слѣдующей идейной послѣдовательности *). „1) Всѣ состоянія государства, бывъ свободны, участвуютъ въ извѣстной мѣрѣ во власти законодательной. 2) Власть исполнительная вся принадлежитъ одному лицу, участвующему и утверждающему всякое законодательное дѣйствіе. 3) Есть общее мнѣніе, оберегающее законъ въ исполненіи его. 4) Есть независимое сословіе народа, коему исполнители отвѣтствуютъ. 5) Существуетъ система законовъ гражданскихъ и уголовныхъ, принятая народомъ. 6) Судъ не лицами государя отправляется, но избранными отъ народа и имъ утвержденными исполнителями, кои сами суду подвержены не могутъ. 7) Всѣ дѣянія управленія публичныя, исключая нѣкоторое число случаевъ опредѣленныхъ. 8) Существуетъ свобода тисненія въ извѣстныхъ, съ точностію опредѣленныхъ, границахъ. 9) Существуетъ въ народѣ довольная степень просвѣщенія и обиліе во всѣхъ способахъ исполненія законовъ".

*) В. И. Семевскій, „Историческое Обозрѣніе", т. IX.

Такъ слагался въ головѣ Сперанскаго планъ государственнаго устройства Россіи, но онъ не рѣшился выступить открыто въ роли заправскаго конституціоналиста, и даже въ его черновой запискѣ, которую впервые изложилъ г. Семевскій, мы видимъ колебанія и нерѣшительность, какъ въ самомъ порядкѣ идей, такъ и въ номенклатурѣ того, о чемъ онъ говоритъ и что подразумѣваетъ. Предлагая сохранить настоящую „самодержавную конституцію государства", авторъ записки считалъ необходимымъ ввести разныя установленія, которыя бы, постепенно развиваясь, приготовляли „истинное монархическое управленіе" и приспособляли бы къ нему духъ порядка: таковыми учрежденіями долженствовали быть сенатъ законодательный и сенатъ исполнительный. Первый составляется изъ сенаторовъ по назначенію государя, второй дѣлится до времени на двѣ части—судную и управленія. Судная часть состоитъ изъ двухъ департаментовъ— гражданскаго и уголовнаго, и временно остается на тѣхъ правахъ, на которыхъ уже существовала; часть управленія и сенатъ управляющій состоятъ изъ министровъ.

Въ законодательномъ сенатѣ министры присутствуютъ только съ совѣщательнымъ голосомъ, при чемъ, по мнѣнію Сперанскаго, власть самодержавная остается недѣлимою, и ни сенатъ законотельный, ни сенатъ исполнительный не могутъ сдѣлать никакого движенія безъ воли государя, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ надежду, что реформа въ такомъ видѣ послужитъ переходною ступенью къ болѣе серьезнымъ измѣненіямъ въ государственномъ строѣ. „Сей образъ правленія,—говоритъ онъ, — со временемъ можетъ удобно превратиться въ совершенную монархическую систему, пріучая народъ взирать на законодательную власть въ нѣкоторомъ наружномъ отдѣленіи: онъ воспитаетъ духъ его къ другому порядку вещей. Когда приспѣетъ время, то-есть когда разлитіемъ просвѣщенія и сопряженіемъ многихъ обстоятельствъ, отъ времени зависящихъ, созрѣетъ возможность лучшаго управленія, тогда безъ всякой почти перемѣны и въ тѣ же, такъ сказать, рамы вмѣстится другое устройство, не на видимомъ порядкѣ, но на внутреннемъ и вещественномъ основаніи. Тогда надобно только будетъ сенатъ законодательный составить по другой лучшей системѣ, переименовать сенатъ судный высшимъ судомъ и, основавъ его подобно прочимъ частямъ управленія на единствѣ, ввести съ ними въ параллельное положеніе; тогда все превратится въ истинную монархическую систему".

Подготовительнымъ шагомъ къ болѣе совершенному государ-

ственному устройству Сперанскій считалъ гласность дѣяній сената: это, по его мнѣнію, есть „черта не обряда, но монархической конституціи, которую нынѣ же принять можно. Пользы отъ сего установленія неисчислимы. Оно знакомитъ народъ съ правительствомъ, родитъ общее мнѣніе, просвѣтитъ низшихъ исполнителей, пріуготовитъ людей къ дѣламъ, поставитъ министровъ подъ судомъ общаго разума... Можно быть удостовѣреннымъ, что Россія скоро пожелаетъ знать, что дѣлаетъ для него правительство".

По предположенію г. Семевскаго, записка Сперанскаго могла и не быть представлена государю, но во всякомъ случаѣ она была извѣстна Кочубею и можетъ быть разсматриваема, какъ болѣе или менѣе рельефное выраженіе взглядовъ, циркулировавшихъ среди высшей тогдашней передовой бюрократіи, окружавшей Александра Павловича въ началѣ его царствованія.

Общія положенія, которыя были набросаны Сперанскимъ въ его черновой запискѣ, легли въ основаніе и проекта той общей конституціи, который имъ былъ разработанъ по личному порученію Александра I. И покойный Н. К. Шильдеръ и В. И. Семевскій даютъ довольно вѣрное понятіе объ этой конституціи, но впервые она въ подробностяхъ изложена въ трудѣ нѣмецкаго ученаго Th. Schieman'a „Geschichte Russlands unter Kaiser Nikolaus I". Сперанскій предполагалъ осуществить свой планъ въ годичный срокъ, въ извѣстной постепенности и съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ началу 1811 г. Россія воспріяла „новое бытіе" и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразилась. Согласно изложенію В. Е. Якушкина *), политическая часть проекта Сперанскаго представлялась слѣдующимъ образомъ:

Три силы движутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная. Начало и источникъ сихъ силъ—въ народѣ: ибо онѣ не что другое суть, какъ нравственная и физическая сила людей въ отношеніи ихъ къ общежитію. Силы государственныя могутъ быть разсматриваемы въ состояніи ихъ соединенія и въ состояніи ихъ личнаго раздѣленія. Въ состояніи соединенія онѣ производятъ державную власть и политическія права ея. Отъ державной власти возникаетъ законъ и его исполненіе. Въ состояніи раздѣльномъ силы государственныя рождаютъ права подданныхъ. Если права державной власти

---

*) В. Е. Якушкинъ: „Государственная власть и проектъ государственной реформы въ Россіи".

не ограничены, если силы государственныя соединены въ державной власти въ такой степени, что никакихъ правъ не оставляли бы онѣ подданнымъ, то государство было бы въ рабствѣ, и правленіе было бы деспотическое. Но за подданными могутъ оставаться извѣстныя права и политическія, и гражданскія. Хотя права гражданскія могутъ существовать и безъ правъ политическихъ, но бытіе ихъ въ семъ положеніи не можетъ быть твердо. Отъ троякаго свойства силъ государственныхъ возникаетъ троякій порядокъ ихъ дѣйствія и, слѣдовательно. три главныя установленія: законодательное, судное и исполнительное. Всѣ сіи установленія соединяются въ державной власти, яко въ первомъ и верховномъ ихъ началѣ. Но какимъ образомъ власть верховная должна дѣйствовать на сіи установленія? По разнообразію ихъ, пространству и многосложности ихъ предметовъ нельзя предполагать, чтобы лицо державное. само собою и непосредственно на нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностью ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія. Посему надлежитъ быть особенному мѣсту, гдѣ бы и начальныя ихъ правила, и дѣйствія были единообразно соображаемы.

Царства земныя имѣютъ свои эпохи величія и упадка и въ каждой эпохѣ образъ правленія долженъ быть соразмѣренъ той степени гражданскаго образованія, на коей стоитъ государство. Каждый разъ, когда образъ правленія отстаетъ или предваряетъ сію степень, онъ ниспровергается съ большимъ или меньшимъ потрясеніемъ. Симъ вообще изъясняются политическія превращенія, кои въ древнія времена и во дни наши измѣняли порядокъ правленій. Симъ изъясняются также и тѣ неудачи, коими нерѣдко были сопровождаемы самыя благотворныя усилія политическихъ перемѣнъ, когда образованіе гражданское не пріуготовило еще къ нимъ разумъ. Итакъ, время есть первое начало и источникъ всѣхъ политическихъ обновленій. Никакое правительство, съ духомъ времени не сообразное, противъ всемощнаго его дѣйствія устоять не можетъ. Много примѣровъ государственныхъ превращеній показываетъ намъ исторія Европы. Во всѣхъ сихъ превращеніяхъ время и состояніе гражданскаго образованія были главнымъ дѣйствующимъ началомъ. Тщетно власть державная силилась удержать его напряженіе. Сопротивленіе ея воспалило только страсти, произвело волненіе, но не остановило перелома. Сколько бѣдствій, сколько крови можно было бы избѣжать, если бы правители державъ. точнѣе наблюдая движеніе общественнаго духа, сообразовались ему въ началахъ полити-

ческихъ системъ и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа.

Въ исторіи нашего отечества мы наблюдаемъ явленія, близкія къ исторіи западно-европейской; и у насъ давно уже стали складываться и укрѣпляться извѣстныя стремленія къ политической свободѣ, но попытки, дѣлавшіяся въ этомъ направленіи, не сообразовались съ условіями времени и потому не имѣли успѣха. Но теперь очевидны признаки, доказывающіе, что время приспѣло для перемѣны въ политическомъ строѣ. Вкратцѣ признаки эти таковы: перемѣны въ предмстахъ народнаго уваженія, ослабленіе власти, невозможность частныхъ исправленій и всеобщее неудовольствіе. Таковы суть главные признаки, по коимъ можно опредѣлить мѣсто, которое Россія нынѣ занимаетъ на лѣстницѣ гражданскаго образованія. По симъ признакамъ можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что настоящая система правленія не свойственна болѣе состоянію общественнаго духа, и что настало время перемѣнить ее и основать новый вещей порядокъ.

Общій предметъ преобразованія состоитъ въ томъ, чтобы правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ. Нельзя основать правленіе на законѣ, если одна державная власть будетъ и составлять законъ, и исполнять его. Отсюда необходимость установленій, дѣйствующихъ въ составленіи закона и его исполненіи. Представляются два способа для осуществленія этихъ установленій. Первый состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, внѣшними формами закона, оставить въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія. Второй состоитъ въ томъ, чтобы не внѣшними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силой установленій и учредить державную власть на законѣ не словами, но самимъ дѣломъ. Сравнивая сіи двѣ системы, несомнѣнно, видимъ, что первая изъ нихъ имѣетъ только видъ закона, а другая — самое существо его; первая подъ предлогомъ единства державной власти вводитъ совершенное самовластіе, а другая ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить его и умѣрить. Первая издалека готовитъ сама себѣ прекращеніе, а другая при благопріятныхъ обстоятельствахъ можетъ утвердиться, долгое время безъ важныхъ перемѣнъ постепенно слѣдовать за гражданскимъ усовершеніемъ.

Въ разумѣ законовъ, державную власть опредѣляющихъ,

должно изобразить, какое дѣйствіе власть сія должна имѣть въ порядкѣ законодательномъ, въ судномъ и исполнительномъ.

Порядокъ законодательный слагается изъ трехъ началъ: изъ предложенія закона, уваженія его и утвержденія.

Въ различныхъ странахъ по разному опредѣляется, кому принадлежитъ право предложенія закона: въ однѣхъ право это принадлежитъ и власти державной, и сословію народныхъ представителей, въ другихъ оно принадлежитъ только державной власти. Этотъ послѣдній порядокъ признается болѣе подходящимъ для Россіи. Есть однако же исключеніе, которое необходимо допустить въ семъ правилѣ: 1) когда какою-нибудь мѣрой правительства явное дѣлано будетъ нарушеніе коренному государственному закону, какъ-то личной или политической свободѣ; 2) когда правительство въ указанное время не представитъ установленныхъ отчетовъ, и 3) представленія о государственныхъ нуждахъ.

Уваженіе закона во всѣхъ системахъ принадлежитъ законодательному сословію, и правительство участвуетъ въ немъ единственно черезъ своихъ министровъ.

Утвержденіе закона должно принадлежать державной власти.

Никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не будетъ онъ составленъ въ законодательномъ сословіи. Но учрежденія и уставы остаются во власти и на отвѣтственности правительства, которое можетъ перенести эту отвѣтственность на законодательное сословіе, внеся эти учрежденія и уставы на его усмотрѣніе.

Гражданская свобода имѣетъ два главныхъ вида: свобода личности и свобода вещественная. Существо первой состоитъ въ двухъ слѣдующихъ положеніяхъ: безъ суда никто не можетъ быть наказанъ и никто не обязанъ исполнять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другихъ.

Политическія права принадлежатъ только тѣмъ, кто имѣетъ собственность, — другими словами, признается имущественный цензъ, но безъ всякаго дальнѣйшаго опредѣленія.

На основѣ этого положенія и устанавливается избирательная система.

Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селеніи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой собственности составляется собраніе подъ названіемъ волостной

Думы. Казенныя селенія отъ каждаго патисотнаго участка высылаютъ въ Думу одного старшину. Въ волостной Думѣ всѣ голоса равны, и никто не можетъ имѣть больше одного голоса. Волостная Дума избираетъ волостное правленіе, которое въ те-

Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій.

ченіе трехъ лѣтъ и ведетъ всѣ волостныя дѣла: она разсматриваетъ денежный отчетъ волостного правленія; она представляетъ окружной Думѣ о волостныхъ нуждахъ, составляетъ списокъ 20-ти человѣкъ отличныхъ гражданъ, избираетъ депутатовъ въ окружную Думу.

Изъ депутатовъ волостныхъ Думъ составляется окружная Дума, которая также собирается разъ въ три года, выбираетъ членовъ окружнаго совѣта, разсматриваетъ его денежный отчетъ, дѣлаетъ представленія въ губернскую Думу о нуждахъ округа, составляетъ изъ волостныхъ списковъ списокъ 20-ти отличнѣйшихъ обывателей округа, выбираетъ депутатовъ въ губернскую Думу и, кромѣ того, членовъ окружнаго суда. Точно такъ же губернская Дума, составляющаяся изъ депутатовъ окружныхъ Думъ, выбираетъ губернскій совѣтъ, членовъ губернскаго суда, дѣлаетъ представленія о губернскихъ нуждахъ, составляетъ списокъ 20-ти отличнѣйшихъ обывателей и выбираетъ депутатовъ въ государственную Думу.

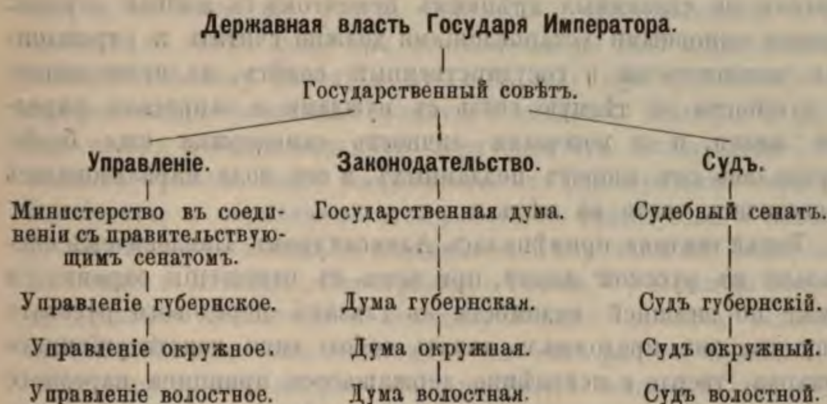
Изъ депутатовъ, выбранныхъ отъ губернскихъ Думъ, составляется законодательное сословіе подъ именемъ государственной Думы. Она есть мѣсто, равное сенату и министерствамъ. Государственная Дума собирается по коренному закону, безъ всякаго созыва, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Срокъ ея дѣйствія зависитъ отъ количества дѣлъ, ей подлежащихъ. Дѣйствіе ея пресѣкается двоякимъ образомъ: отсрочкой до будущаго года и совершеннымъ всѣхъ членовъ ея увольненіемъ (т. е. распущеніемъ); и то, и другое дѣлается актомъ державной власти, проведеннымъ чрезъ государственный совѣтъ.

Съ особенной энергіей говорится въ проектѣ Сперанскаго о необходимости дѣйствительной отвѣтственности министровъ и о невозможности обезпечить дѣйствительность такой отвѣтственности безъ народнаго представительства.

При государѣ находится государственный совѣтъ,—высшее учрежденіе въ порядкѣ законодательномъ, въ порядкѣ судномъ и въ порядкѣ исполнительномъ. Относительно законовъ совѣтъ вовсе не есть вторая, верхняя палата: это есть особое учрежденіе при государствѣ и онъ разсматриваетъ законопроекты предварительно, до внесенія ихъ въ государственную Думу.

Кромѣ того, при государѣ образуется особый кабинетъ, — ближайшее къ нему учрежденіе въ помощь для доклада министровъ.

Схематически государственная организація Сперанскаго представляется въ такомъ видѣ:



„Если вкратцѣ свести основы политической реформы, проектированной Сперанскимъ, говоритъ г. Якушкинъ, то мы будемъ имѣть: политическія права принадлежатъ всѣмъ владѣющимъ имуществомъ, безъ всякаго опредѣленія, какое это имущество, и каковъ размѣръ ценза. Голоса всѣхъ равны. Государственная Дума образуется путемъ многостепеннаго избранія: сначала волостная Дума, потомъ окружная и губернская и затѣмъ уже государственная.

„Государственной Думѣ не принадлежитъ право законодательной иниціативы; утвержденіе закона, принятаго, „уваженнаго" Думой, принадлежитъ державной власти, но всякій законъ долженъ быть предварительно, до своего утвержденія, принятъ Думой, т. е послѣдней принадлежитъ не совѣщательный только голосъ, а дѣйствительное участіе въ законодательной власти, съ извѣстнымъ контролемъ надъ дѣйствіями администраціи и полный контроль за сохраненіемъ коренныхъ законовъ".

Извѣстно, что планамъ чиновнаго реформатора-конституціоналиста не суждено было осуществиться, и въ 1812 году онъ былъ отправленъ въ почетную ссылку. Второй разъ въ теченіе 10 лѣтъ своего царствованія Александръ I какъ будто подходилъ къ реальному осуществленію своихъ либеральныхъ, открыто высказываемыхъ взглядовъ на государственное управленіе, и оба раза представляемые ему проекты въ ихъ органической идейной полнотѣ сводились къ нулю. Вмѣсто нихъ на сцену выступаютъ компромиссы бюрократическаго свойства, которые никоимъ образомъ не задѣваютъ неограниченности его власти, не даютъ народу проектированныхъ свободъ, но лишь создаютъ на государственномъ тѣлѣ Россіи чиновныя установленія, орга-

нически не связанныя крѣпкимъ цементомъ съ жизнью страны. Такими чиновными установленіями должно считать и учрежденныя министерства и государственный совѣтъ, не приведенные въ сущности въ тѣсную связь съ нуждами и запросами народной жизни, и за которыми личность самодержца еще болѣе скрывалась отъ взоровъ подданныхъ, а его воля парализовалась и сводилась часто на нѣтъ.

Такая тактика примѣнялась Александромъ Павловичемъ спеціально къ русской жизни, при чемъ въ отношеніи окраинъ, а также по внѣшней видимости въ глазахъ передового русскаго общества онъ продолжалъ являть собою типъ конституціоннаго монарха, твердо и неизмѣнно держащагося принципа народнаго представительства и законности во всѣхъ формахъ жизни и отношеніяхъ подданныхъ къ власти. Такъ, послѣ завоеванія и присоединенія Финляндіи къ Россіи, Александръ I въ своемъ манифестѣ говорилъ: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе великаго княжества Финляндіи, признали мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества въ особенности и всѣ поданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи". Въ томъ же духѣ говорилъ государь и при открытіи финляндскаго сейма и при закрытіи его, и тѣ же элементы опредѣленнаго порядка мыслей видимъ мы и въ его словахъ на польскомъ сеймѣ 1818 г., причемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ то мѣсто въ его рѣчи, гдѣ онъ даетъ обѣщаніе распространить спасительное вліяніе законосвободныхъ учрежденій на всѣ страны, которыя Провидѣніе ввѣрило его попеченію. Такими странами оказались, однако, лишь окраинныя—Польша и Финляндія, уже въ своемъ историческомъ развитіи, внѣ зависимости и вліянія тѣхъ или иныхъ вѣяній русской общественности, выработавшія для себя формы государственности, которыя Александръ I лишь санкціонировалъ и укрѣпилъ, но въ разработкѣ и усовершенствованіи коихъ не принималъ участія ни косвенно, ни непосредственно. Россія же, которая наслѣдственно именно была ввѣрена его попеченію, осталась безъ законосвободныхъ учрежденій, хотя къ созданію таковыхъ какъ будто стремился государь, и надъ чѣмъ работали его приближенные, по его личной инціативѣ и порученію.

Если изъ трудовъ по сему предмету Сперанскаго ничего не

вышло, то такая же участь постигла и Новосильцева, и тоже дважды: въ 1801 году при составленіи ко дню коронаціи грамоты россійскому народу и въ 1819 году при составленіи „государственной уставной грамоты Россійской Имперіи“, на что онъ имѣлъ непосредственное порученіе отъ Александра I. Послѣдняя грамота была разрабатываема французскимъ юристомъ Deschamps, а переложеніе этой работы съ французскаго языка на русскій и окончательная ея редакція были поручены кн. Вяземскому. Въ статьѣ г. Штейна „Иностранцы о Россіи“ *) довольно подробно представлено изложеніе и конституціоннаго проекта Новосильцева-Deschamps, заимствованнаго имъ изъ работы Шимана, почерпнувшаго свой впервые обнародуемый матеріалъ изъ нѣдръ петербургскихъ архивовъ. Какъ можно усмотрѣть изъ сопоставленія конституціоннаго проекта Сперанскаго и Новосильцева, послѣдній носитъ болѣе аристократическій характеръ и является своего рода нѣкоторымъ общественнымъ регрессомъ, стоящимъ въ прямой связи съ настроеніями самого виновника этихъ конституціонныхъ проектовъ—при своемъ воцареніи и послѣ сладостей Вѣнскаго конгресса, а также въ связи съ явной близостью къ неизмѣнному выполнителю его предначертаній въ кругу вопросовъ управленія—Аракчееву.

Кромѣ Сперанскаго и Новосильцева, конституціонныя вѣянія въ эпоху Александра I изъ числа офиціальныхъ лицъ связаны и съ именемъ Мордвинова, который являлся въ ту эпоху виднымъ и вліятельнымъ представителемъ аристократическаго начала, мечтавшимъ, чтобы сенатъ сдѣлался „тѣломъ политическимъ“, и чтобы права политическія были основаны на знатномъ сословіи, „дабы тѣмъ самымъ и права эти воспріяли такое же уваженіе“.

Названными лицами, — Новосильцевымъ, Сперанскимъ и Мордвиновымъ—болѣе или менѣе исчерпывается то вліятельное и активное въ бюрократическомъ и придворномъ кругахъ, что отражало на себѣ конституціонныя вѣянія александровскаго царствованія, и съ чѣмъ такъ или иначе приходилось считаться правительству преемника Павла I. Эти придворно-бюрократическіе круги въ сущности входили въ составъ самого правительства, были именно тѣмъ, что называется само правительство, а потому, естественно, отсюда не могла исходить оппозиція, стремящаяся тѣмъ или инымъ путемъ, но непремѣнно съ характеромъ насильственнаго дѣйствованія, упразднить старый государ-

*) „Историческій Вѣстникъ“ 1905 г., кн. 12.

ственный строй съ замѣной его новымъ, находящимся въ противорѣчіи съ ихъ интересами, ихъ благополучіемъ и соціальнымъ положеніемъ. Элементовъ борьбы даже той категоріи и характера, которую мы видѣли при воцареніи, напримѣръ, Анны Іоанновны, здѣсь не было никакихъ, а потому и эти теченія должны быть отнесены къ области платоническихъ и прекраснодушныхъ мечтаній, пользовавшихся также исключительно платонической симпатіей самого самодержца. Они замыкались и вращались исключительно въ бюрократической средѣ и за ея предѣлы проникали въ общественную среду въ очень слабой степени, не оказывали на нее должнаго воспитательнаго воздѣйствія и не пріуготовляли ее къ воспріятію какихъ-либо новыхъ усовершенствованныхъ формъ политической и соціальной жизни.

Просвѣщенный абсолютизмъ сыгралъ до конца свою роль въ екатерининскую эпоху, и общество, уже вышедшее изъ пеленокъ, начинаетъ все чаще и чаще подымать свой самостоятельный голосъ, правда, въ началѣ нѣсколько робкій и неувѣренный, по разнымъ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Зарождаются кружки, въ средѣ которыхъ начинаютъ преобладать либеральныя тенденціи, университетская наука отзывается при удобномъ случаѣ на злободневныя темы, литература уже явно въ лицѣ видныхъ своихъ представителей подчеркиваетъ несовершенство нашего гражданскаго строя и освѣщаетъ эти недостатки, согласно альтруистическимъ завѣтамъ Радищева и Каразина *). На первое время эта литература, какъ публицистическая, такъ и изящная, беретъ мишенью для своихъ нападокъ почти исключительно крестьянскій вопросъ и ставитъ уничтоженіе крѣпостного права въ уголъ всѣхъ вопросовъ, полагая, что въ странѣ, которая живетъ на основахъ рабства, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо болѣе широкихъ и болѣе насущныхъ реформахъ, полагая, что и при наличности существующаго политическаго строя возможна и быстро осуществима соціально-экономическая реформа по раскрѣпощенію многомилліоннаго крестьянства. Правда, были лица, и иначе думавшія и настаивавшія на томъ, что дарованіе свободы крестьянамъ и установленіе конституціонной формы правленія должны итти параллельно, рука объ руку. Такого рода убѣжденіе царило среди многихъ декабристовъ, которые, впи-

*) Картина общественнаго оживленія того періода хорошо изложена въ работѣ А. Н. Пыпина: „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I“, и другихъ его трудахъ изъ того же времени, а также въ работахъ В. И. Семевскаго по крестьянскому вопросу и въ жизнеописаніи Александра I, составленномъ Н. К. Шильдеромъ.

тавъ въ себя наиболѣе передовыя вѣянія тогдашней современности, русской и въ особенности западно-европейской, явились на аренѣ русской жизни піонерами активной борьбы съ консервативнымъ и бюрократическимъ правительствомъ,—борьбы, которая до извѣстной степени была разсчитана на поддержку народа, войска и разныхъ элементовъ интеллигентнаго общества. Царствованіе Александра I, особенно во второй его половинѣ, являетъ намъ впервые въ Россіи зрѣлище явной и скрытой мобилизаціи общественныхъ силъ, которыя рано или поздно, сплотившись, неминуемо должны были оказать на правительство давленіе въ пользу реформъ. Вопросъ могъ быть сведенъ лишь къ моменту начала дѣйствій, въ зависимости отъ качественной наличности этихъ силъ и ихъ организованности, а также отъ настроенія, силы или слабости правящихъ сферъ, равно какъ и въ соотвѣтствіи съ общими условіями тогдашней исторической жизни.

Кружки военной молодежи, объединившись въ тайныя общества, явили собою ту политическую организацію, которая, будучи извѣстна подъ общимъ наименованіемъ „декабристовъ", впервые оказала правительству активную оппозицію и съ оружіемъ въ рукахъ сдѣлала попытку въ 1825 году осуществить тѣ вольности, которыя въ свое время проектировалъ Сперанскій и Новосильцевъ, о коихъ писали Радищевъ и Каразинъ, и которыя стали уже къ тому времени идейнымъ достояніемъ всего передового русскаго общества. Но декабристы не разсчитали своихъ силъ, хотя моментъ для активныхъ дѣйствій съ формальной стороны и избранъ былъ довольно удачно, не имѣли для своихъ начинаній достаточной опоры въ обществѣ и народѣ и пали жертвою своего благороднаго, но безумнаго, плана. Колоссъ во образѣ бюрократическо-монархическаго строя еще не успѣлъ подгнить въ своемъ основаніи, не успѣлъ расшататься въ своихъ составныхъ частяхъ и сумѣлъ легко и быстро одолѣть тѣ слабо организованныя общественныя силы, въ которыхъ декабристы, эти политическіе романтики, мнили найти пособности къ активной и побѣдоносной борьбѣ. Декабристы собственною кровью запечатлѣли свой отважный подвигъ, а колоссъ со всею военно-бюрократическою мощью наступилъ на раздавленное общество, которое подъ его неумолимою, грозною пятою оказалось распростертымъ въ теченіе свыше цѣлыхъ трехъ четвертей вѣка. Правда, за этотъ долгій періодъ обществу удалось вырвать у правительства крупную побѣду—раскрѣпощеніе крестьянъ, и притомъ съ сравнительно небольшими жертвами, которыя пришлось

правести, но для того благопріятствовала историческая обстановка. Севастопольскій погромъ пошатнулъ весь бюрократическо-политическій строй, обнаружилъ его внутреннюю слабость и полную неспособность къ государственному и политическому творчеству, безъ наличности каковой способности немыслимо руководство и управленіе народомъ и страною въ цѣляхъ ихъ спокойнаго и довольнаго бытія—съ одной стороны, и собственной цѣлостности и безопасности — съ другой. Правительство Александра II осуществило реформу, необходимость которой еще первый провозгласилъ Радищевъ, прекрасно понимая, что если оно само не проведетъ этой реформы сверху, по собственному почину, то его заставятъ это сдѣлать снизу, силою, и въ такомъ случаѣ, пожалуй, кромѣ отмѣны крѣпостного права, къ нему предъявятъ и своего рода политическій искъ конституціоннаго порядка, который, хочешь — не хочешь, а придется удовлетворить. Поэтому реформа 1861 года была очень мудрымъ государственнымъ шагомъ тактическаго порядка, которымъ, во-первыхъ, вносилось перемиріе въ борьбу съ обществомъ за его политическія права. Военно-полицейскій и бюрократическій строй выхлопоталъ отсрочку своей ликвидаціи на цѣлыхъ полстолѣтія...

Конституціонныя вѣянія въ эпоху Александра I были реализованы правительствомъ въ видѣ организаціи серіи бюрократическихъ учрежденій, а обществомъ — въ видѣ мобилизаціи интеллигентныхъ боевыхъ силъ, которыя, однако, слишкомъ быстро и необдуманно развернулись, вслѣдствіе чего потерпѣли 14-го декабря 1825 года на Сенатской площади пораженіе и испытали страшный разгромъ.

Въ заключеніе настоящей главы отмѣтимъ, что Александромъ Павловичемъ были, однако, дарованы конституціи Польшѣ и Финляндіи, какъ уже то отмѣчено выше, но такъ какъ эти историческія страницы не имѣютъ прямого отношенія къ темѣ настоящихъ очерковъ, то мы и опускаемъ ихъ безъ изложенія и разсмотрѣнія.

ГЛАВА VI.

Усталость Александра I.—Настроеніе общества.—Возникновеніе тайныхъ обществъ и масонскихъ ложъ.—Союзъ спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества.—Союзъ благоденствія.—Сѣверное и южное тайныя общества.—Проектъ конституціи Никиты Муравьева.

Конституціонныя вѣянія первой четверти XIX вѣка не реализовались никакимъ положительнымъ фактомъ государственнаго порядка. Всѣ проекты по сему предмету, всѣ заданія, преподанныя Александромъ I своимъ приближеннымъ, встрѣчались имъ загадочно милостиво, удостаивались личнаго разсмотрѣнія въ тиши дворцоваго кабинета, а затѣмъ сдавались въ архивъ. Еще до 1818 г. императоръ какъ будто активно ими интересовался, но затѣмъ, въ связи съ значительнымъ переломомъ въ характерѣ, или, правильнѣе, въ связи съ новымъ направленіемъ всего склада мыслей, его духовныхъ интересовъ, онъ видимо все отдаляется отъ того, что нѣкогда лично пламенно исповѣдывалъ, и явно сжигалъ то, чему въ дни молодости поклонялся. Усталость жизнью, подавленность характера, притупленіе волевыхъ элементовъ и мистическо-религіозный экстазъ выступаютъ въ его словахъ и дѣйствіяхъ съ особенною силою. Александръ Павловичъ понималъ, что страна и народъ имѣютъ основаніе ожидать съ его стороны необходимыхъ реформъ во всѣхъ частяхъ внутренняго управленія, онъ сознавалъ, что на немъ лежитъ какая-то громадная историческая отвѣтственность передъ будущимъ, но въ немъ не было наличности воли для опредѣленныхъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Онъ какъ бы съ тоскою говоритъ Лубяновскому: „славы для Россіи довольно: больше не нужно; ошибется, кто больше пожелаетъ. Но, когда подумаю, какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десятипудовая гиря. Отъ этого устаю“.

Да, онъ усталъ, и ему, участнику и вершителю событій міровой исторической важности, свидѣтелю разгрома всей Европы и Россіи и возстановителю общаго мира и европейскаго равновѣсія, хотѣлось на покой, на отдыхъ. Но этотъ покой имъ именно разсматривался въ прямомъ и тѣсномъ смыслѣ слова: въ смыслѣ удаленія отъ власти, отъ отвѣтственности, отъ шума дворцовой и политической жизни. Иной какой нибудь формы

для выхода изъ тѣснившаго его душевнаго состоянія онъ не находилъ и какъ будто не видѣлъ, что до извѣстной и при томъ сильной степени въ проектахъ и Сперанскаго и Новосильцева онъ могъ обрѣсти тотъ покой, къ которому стремилась его усталая душа. Раздѣленіе власти съ народомъ, привлеченіе выборныхъ отъ этого народа къ участію въ законодательствѣ и управленіи страною, о чемъ онъ нѣкогда такъ часто и прекрасно говорилъ, — къ этимъ положеніямъ онъ уже болѣе не возвращается, замѣнивъ ихъ совершенно новою постановкою дѣла, гдѣ какъ будто былъ найденъ компромиссъ между велѣніями суровой и насущной дѣйствительности и требованіями усталаго сердца. Онъ слагаетъ всю тяготящую его власть на плечи рабски преданнаго ему временщика изъ бывшихъ гатчинскихъ сподвижниковъ своего отца, на мрачнаго и всѣми ненавидимаго Аракчеева, ставитъ его какъ бы рядомъ съ собою и надъ народомъ и тѣмъ самымъ типично видоизмѣняетъ свое полное и отвѣтственное самодержавіе бюрократическою формумулою командованія народомъ, внѣ всякаго соображенія съ потребностями, желаніями и идеалами этого несчастнаго и забитаго народа. За спиною Аракчеева личность самодержца скрылась, онъ совершенно отдѣлился отъ народа, а законъ уступилъ мѣсто административному произволу временщика и присныхъ ему, которые и начали мудрить надъ народною жизнью по своему усмотрѣнію и своимъ понятіямъ. Не Аракчеевъ, какъ таковой и самъ по себѣ, былъ безобразенъ, а безобразно было то положеніе дѣла государственнаго строительства, при которомъ стало мыслимо появленіе этого Аракчеева, и до котораго былое русское самодержавіе снизошло. Оно перестало быть выразителемъ народной воли и обратилось въ бездушную автократію, покоящуюся на временщикахъ, на силѣ канцелярій, на административномъ принужденіи и воинскихъ воздѣйствіяхъ. Александръ Павловичъ какъ будто подѣлился властью въ дѣлѣ внутренняго управленія съ своимъ подданнымъ изъ числа представителей военной бюрократіи, оставивъ за собою декорумъ этой власти, дѣла внѣшней политики и ту „игру въ солдатики“, которая преемственно отъ голштинскихъ предковъ, черезъ Петра III и Павла I, досталась ему въ наслѣдіе природныхъ наклонностей и влеченій.

Но, если ему, участнику міровыхъ событій, гдѣ его личность выступала все время такъ ярко и активно, становилась подъ конецъ жизни въ тягость задача управленія народомъ, то по-

слѣдній, напротивъ того, только что начиналъ пробуждаться отъ государственной спячки, имѣя уже передъ собою готовые примѣры и образцы усовершенствованныхъ европейскихъ формъ существованія, съ которыми въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ успѣлъ ознакомиться, ихъ изучить и оцѣнить. Отечественная война и, какъ историческій результатъ ея,—тріумфальный походъ въ Европу внесли въ русскую дѣйствительность нѣчто совершенно новое, оригинальное, о чемъ прежде можно было узнать лишь по слуху или изъ книги. Великія европейскія войны начала XVIII столѣтія имѣли громадное воспитательное значеніе для интеллигентныхъ представителей русскаго народа: они въ большомъ своемъ числѣ получили возможность на реальныхъ, конкретныхъ примѣрахъ чужой усовершенствованной жизни продумать домашнюю сѣрую и неприглядную дѣйствительность и прійти къ выводу о ея полнѣйшей непригодности въ политическомъ, соціальномъ и экономическомъ отношеніяхъ. То, о чемъ нѣкогда писалъ Радищевъ, что провозглашалъ Каразинъ, что было предметомъ мечтаній Александра I, надъ чѣмъ работали Сперанскій, Новосильцевъ и др., все это стало въ самое короткое время умственнымъ достояніемъ передовыхъ слоевъ русскаго общества. Просвѣтительныя и освободительныя идеи, толчекъ къ развитію которыхъ въ Россіи былъ данъ въ сущности самою Екатериною, начали проникать все въ большую массу, и изъ кабинетовъ ученыхъ и государственныхъ дѣятелей онѣ потекли широкимъ потокомъ въ средніе классы — военные, помѣщичьи, обывательскіе. Дома начало казаться все сквернымъ; что еще вчера находило, если не оправданіе, то извиненіе, нынче это самое клеймилось и поносилось. Мотивовъ для такого настроенія было много: и самый политическій строй явно билъ въ глаза своей несостоятельностью, и политика правительства вскармливала это настроеніе, и знакомство съ западноевропейскою жизнью по необходимости наводило мысль на критическій и отрицательный тонъ.

Въ послѣдней части своей дивной эпопеи — „Война и миръ“, великій писатель земли Русской набросалъ геніальной кистью рельефную картину, изображающую ту умственную и психологическую атмосферу, въ которой назрѣвало настроеніе тогдашняго общества. Въ кабинетѣ Николая Ростова собрались старые знакомые — Пьеръ Безуховъ, Денисовъ, самъ Ростовъ и Пьеръ, шагая по комнатѣ, продолжалъ начатый еще въ столовой разговоръ.

— Вотъ что. Положеніе въ Петербургѣ вотъ какое: государь ни во что не входитъ. Онъ весь преданъ этому мистицизму... Онъ ищетъ только спокойствія, и спокойствіе ему могутъ дать только тѣ люди sans foi et loi, которые рубятъ и душатъ все съ плеча: Магницкій, Аракчеевъ et tuti quanti... Ты согласенъ, что ежели бы ты самъ не занимался хозяйствомъ, а хотѣлъ бы только спокойствія, то чѣмъ жесточе бы былъ твой бурмистръ, тѣмъ скорѣе ты бы достигъ цѣли?—обратился онъ къ Николаю.

— Ну, да къ чему ты это говоришь!—сказалъ Николай.

— Ну, и все гибнетъ. Въ судахъ воровство, въ арміяхъ одно только: шагистика, поселенія,—мучатъ народъ; просвѣщеніе душатъ. Что молодо, честно, то губятъ! Всѣ видятъ, что это не можетъ такъ итти. Все слишкомъ натянуто и непремѣнно лопнетъ, —говорилъ Пьеръ.—Я одно говорилъ имъ въ Петербургѣ.

— Кому?—спросилъ Денисовъ.

— Ну, вы знаете, кому—сказалъ Пьеръ, значительно взглядывая исподлобья: — князю Ѳедору и имъ всѣмъ. Соревновать просвѣщенію и благотворительности, все это хорошо, разумѣется, цѣль прекрасная и все; но въ настоящихъ обстоятельствахъ надо другое... Это мало, я имъ говорю: теперь нужно другое. Когда вы стоите и ждете, что вотъ-вотъ лопнетъ эта натянутая струна; когда всѣ ждутъ неминуемаго переворота, надо какъ можно тѣснѣе и больше народа, взяться рука съ рукой, чтобы противостоять общей катастрофѣ. Все молодое, сильное притягивается туда и развращается. Одного соблазняютъ женщины, другого почести, третьяго тщеславіе, деньги, и они переходятъ въ тотъ лагерь. Независимыхъ, свободныхъ людей, какъ вы и я совсѣмъ не остается. Я говорю: расширьте кругъ общества: mot d'ordre пусть будетъ не одна добродѣтель, но независимость и дѣятельность.

Николай, оставивъ племянника, сердито передвинулъ кресло, сѣлъ на него и, слушая Пьера, невольно покашливалъ и все больше и больше хмурился.

— Да съ какою же цѣлью дѣятельность? — воскликнулъ онъ.—И въ какія отношенія станете вы къ правительству?

— Вотъ въ какія! Въ отношенія помощниковъ. Общество можетъ быть не тайное, ежели правительство его допуститъ. Оно не только не враждебное правительству, но это общество настоящихъ консерваторовъ. Общество джентльменовъ въ пол-

номъ значенiи этого слова. Мы только для того, чтобы Пугачевъ не пришелъ зарѣзать и моихъ и твоихъ дѣтей, и чтобы Аракчеевъ не послалъ меня въ военное поселенiе,—мы только для этого беремся рука съ рукой, съ одною цѣлью общаго блага и общей безопасности.

— Да, но тайное общество, слѣдовательно враждебное и вредное, которое можетъ породить только зло.

— Отчего? развѣ тугендбундъ, который спасъ Европу... произвелъ что нибудь вредное? Тугендбундъ—это союзъ добродѣтели; это любовь, взаимная помощь; это то, что на крестѣ проповѣдывалъ Христосъ...

. . . .

— Ну, б'гатъ это колбасникамъ хог'ошо—тугендбундъ, а я этого не понимаю, да и не выговог'ю,—послышался громкiй, рѣшительный голосъ Денисова.—Все скверг'но и мег'зко, я согласенъ: только тугендбундъ я не понимаю; а не нг'авится—такъ бунтъ; вотъ это такъ. Je suis vot'e homme!

Такова небольшая картинка изъ обывательской жизни, нарисованная намъ великимъ художникомъ, гдѣ въ сжатомъ видѣ изложено все то психологически-идейное, что создавало атмосферу общественнаго недовольства. Его герои предлагаютъ: одинъ — организацiю мирныхъ сообществъ для содѣйствiя правительству, отъ котораго требуется довѣрiе, въ интересахъ реформированiя государственной дѣйствительности, другой требуетъ радикальной мѣры: бунта, дабы опрокинуть это негодное правительство. Но ни тотъ, ни другой не указываютъ, а что же должно наступить затѣмъ, каковы должны быть тѣ новыя формы жизни, взамѣнъ старыхъ, обветшалыхъ и стѣснительныхъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо отъ вымысла художника обратиться къ показанiямъ лѣтописцевъ той эпохи, а также современниковъ-участниковъ того интереснаго и знаменательнаго времени.

Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: „Общественное движенiе въ Россiи при Александрѣ I", покойный А. Н. Пыпинъ, основываясь на многочисленныхъ источникахъ, русскихъ и иностранныхъ, даетъ очень основательный анализъ развитiя въ русскомъ обществѣ либеральныхъ идей и вмѣстѣ съ тѣмъ обрисовываетъ и возникновенiе у насъ тайныхъ обществъ. „Конецъ XVIII и начало XIX вѣковъ были классическимъ временемъ тайныхъ обществъ, и дѣй-

ствительныхъ, и воображаемыхъ—говоритъ онъ *)—Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которую, между прочимъ, складывались прогрессивныя стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей—ни парламентской жизни, ни свободы печатнаго слова. Это былъ общественный союзъ, соединеніе единомышленныхъ людей съ общественными цѣлями—въ такое время, когда государство еще сохраняло средневѣковую исключительность и нетерпимость и не давало исхода начинающемуся политическому и соціальному сознанію. Тайныя общества становились ненужны тамъ, гдѣ общественныя потребности находили себѣ выраженіе, гдѣ свобода собраній и свобода печати дѣлали таинственность ненужною Всего больше тайныхъ обществъ было именно тамъ, гдѣ пробуждавшееся общественное мнѣніе не имѣло этого исхода и, напротивъ, встрѣчалось съ политическимъ гнетомъ, какъ было во Франціи, Германіи, Италіи. Въ прошломъ столѣтіи эта форма общественности проникла и къ намъ въ видѣ масонскихъ ложъ, этихъ полу-тайныхъ обществъ, которыя могли быть допущены даже у насъ, потому что съ одной стороны, были правительству извѣстны, съ другой—ставили себѣ цѣли чисто нравственныя и въ принципѣ заявили свое удаленіе отъ всякой цѣли политической. Но масонскія ложи были уже отчасти приготовленіемъ къ тайному обществу и чрезвычайно размножились во второй половинѣ царствованія Александра, когда стало обнаруживаться особенное броженіе умовъ, когда вообще распространялись у насъ всякія общества и союзы—литературные, филантропическіе, библейскіе, масонскіе, наконецъ, политическіе Масонская ложа была самой извѣстной формой тѣснаго общественнаго кружка, и къ ней примкнули тайныя общества точно такъ же, какъ съ другой стороны примыкало библейское общество. Самый Священный Союзъ, какъ раньше союзъ императора Александра съ королемъ прусскимъ, былъ навѣянъ духомъ мистическаго или тайнаго братства".

Масонскія ложи, тѣсные общественные кружки, съ большимъ или меньшимъ на нихъ налетомъ таинственности, но во всякомъ случаѣ внѣ всякой политической опредѣленной программы и безъ всякаго на нихъ характера заговора, возникали и встрѣчались въ Россіи еще въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху Павла,

---

*) „Историческіе очерки". „Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I". А. Н. Пыпина.

и въ началѣ царствованія Александра. Болѣе опредѣленную тенденцію такіе кружки получаютъ у насъ по возвращеніи русской арміи изъ-за границы, и главными членами ихъ является военная и по преимуществу гвардейская молодежь, которая начинаетъ группироваться уже подъ болѣе или менѣе опредѣленными общественными и политическими знаменами.

Одинъ изъ декабристовъ, И. Д. Якушкинъ, въ своихъ „Запискахъ“ *) о томъ времени такъ рисуетъ намъ возникновеніе тайнаго общества съ опредѣленно положенною въ основу этого общества общественною тенденціею и политическою задачею. „По возвращеніи императора въ 15-мъ году, онъ просилъ у министровъ на мѣсяцъ отдыха; потомъ передалъ почти все управленіе государствомъ Аракчееву. Душа его была въ Европѣ; въ Россіи же болѣе всего онъ заботился объ увеличеніи числа войскъ. Царь былъ всякій день у развода; во всѣхъ полкахъ начались ученія, и шагистика вошла въ полную свою силу.

„Служба въ гвардіи стала мнѣ несносна. Въ 16-мъ году говорили о возможности войны съ турками, и я подалъ просьбу о переводѣ меня въ 37-й егерскій полкъ, которымъ командовалъ полковникъ Фонвизинъ, знакомый мнѣ еще въ 13-мъ году и извѣстный въ арміи за отличнаго офицера. Въ это время Сергѣй Трубецкой, Матвѣй и Сергѣй Муравьевы и я—мы жили въ казармахъ и очень часто бывали вмѣстѣ съ тремя братьями Муравьевыми: Александромъ, Михаиломъ и Николаемъ. Никита Муравьевъ также часто видался съ нами. Въ бесѣдахъ нашихъ обыкновенно разговоръ былъ о положеніи Россіи. Тутъ разбирались главныя язвы нашего отечества: закоснѣлость народа, крѣпостное состояніе, жестокое обращеніе съ солдатами, которыхъ служба въ теченіе 25 лѣтъ была каторга, повсемѣстное лихоимство, грабительство и наконецъ явное неуваженіе къ человѣку вообще. То, что называлось высшимъ образованнымъ обществомъ, большею частію состояло тогда изъ старовѣрцевъ, для которыхъ коснуться котораго нибудь изъ вопросовъ, насъ занимавшихъ, показалось бы ужаснымъ преступленіемъ. О помѣщикахъ, живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, и говорить уже нечего.

„Одинъ разъ Трубецкой и я—мы были у Муравьевыхъ, Матвѣя и Сергѣя; къ нимъ пріѣхали Александръ и Никита Муравьевы съ предложеніемъ составить тайное общество, цѣль

*) Записки И. Д. Якушкина. М. 1905.

котораго, по словамъ Александра, должна была состоять въ противодѣйствіи нѣмцамъ, находящимся въ русской службѣ. Я зналъ, что Александръ и его братья были враги всякой нѣмчизнѣ, и сказалъ ему, что никакъ не согласенъ вступить въ заговоръ противъ нѣмцевъ, но что, если бы составилось тайное общество, членамъ котораго поставлялось бы въ обязанность всѣми силами трудиться для блага Россіи, то я охотно вступилъ бы въ такое общество. Матвѣй и Сергѣй Муравьевы на предложеніе Александра отвѣчали почти то же, что и я. Послѣ нѣкоторыхъ преній Александръ признался, что предложеніе составить общество противъ нѣмцевъ было только пробное предложеніе, что самъ онъ, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цѣль котораго была въ обширномъ смыслѣ благо Россіи. Такимъ образомъ положено основаніе тайному обществу, которое существовало, можетъ быть, не совсѣмъ безплодно для Россіи".

Таково возникновеніе перваго тайнаго общества, окрещеннаго наименованіемъ „Союзъ спасенія, или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества", уставъ котораго былъ написанъ полковникомъ Пестелемъ, адъютантомъ командующаго 2-й арміей. Какъ усматривается изъ словъ Якушкина, главными соображеніями для составленія этого общества послужили соображенія преимущественно соціальнаго и государственнаго порядка, насильственный политическій переворотъ не входитъ въ его программу, и на немъ еще не лежитъ таинственная печать заговора. Эти элементы влились въ общество въ дальнѣйшемъ, хотя и очень скоромъ времени. Какъ показываетъ „Донесеніе слѣдственной комиссіи" *), молодое общество въ отношеніи своихъ членовъ дѣлилось на три степени: братьевъ, мужей и бояръ, изъ этой третьей, высшей степени избирались ежемѣсячно старѣйшины: предсѣдатель, блюститель и секретарь. Принятіе новаго члена обставлялось торжественными обрядами, по образу практики масонскихъ ложъ; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранить все въ тайнѣ, что ему откроютъ, если оно будетъ и несогласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи въ общество, онъ давалъ вторую клятву. Сверхъ того, каждая ступень и даже старѣйшины имѣли свою особенную спеціальную присягу. Клятвенныя обѣщанія заключались въ стремленіи къ

---

*) Международная библіотека. „Тайное общество и 14-е декабря 1825 г. въ Россіи". Лейпцигъ.

осуществленію цѣлей „общества“ и въ оказаніи полной покорности „Верховному собору бояръ“. Боярами наименовались члены коренные, то-есть основатели общества, но возводили и принимали прямо въ это званіе и новыхъ членовъ.

Цѣлью общества съ самаго начала было измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи, при чемъ центръ тяжести полагали въ подвизаніи на пользу отечества, способствованіи всему полезному, пресѣченіи злоупотребленій, оглашеніи предосудительныхъ поступковъ, недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, и въ привлеченіи наибольшаго числа надежныхъ членовъ.

Основатели общества предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, а также генералъ-майору Орлову, который совмѣстно съ графами Мамоновымъ и Николаемъ Тургеневымъ замышлялъ основать новое общество подъ наименованіемъ „Русскихъ рыцарей“. На совѣщаніяхъ между Орловымъ и Александромъ Муравьевымъ по вопросу о соединеніи обоихъ обществъ, какъ гласитъ слѣдственный актъ, не могло состояться соглашенія. „Генералъ-майоръ Орловъ сначала хотѣлъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія и полагалъ испросить на то высочайшее одобреніе; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный императоръ (то-есть Александръ I) намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ, и приписывая сіе вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, имѣлъ мысль посредствомъ своего сообщества противодѣйствовать онымъ; планъ его не исполнился, и общество, имъ предполагаемое, не состоялось“. Но и въ „Союзѣ спасенія“ сразу же почти пошли несогласія: одни видѣли въ его основаніи неопредѣленность цѣли, другіе требовали измѣненія его устава. Послѣдніе (Мих. Муравьевъ, Колошинъ, Бурцовъ, Якушкинъ, Фонвизинъ и др.) не иначе соглашались въ немъ оставаться, какъ чтобы союзъ ограничился „медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія“, чтобы клятвы, слѣпое повиновеніе, насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала и яда были отмѣнены, и чтобы въ основаніе устава были положены начала, заимствованныя изъ Freiwillige Blätter, по коимъ управлялся нѣмецкій Tugendbund. По свидѣтельству слѣдственнаго акта, тогда же, во время преній сторонъ, была впервые прямо высказана мысль и о цареубійствѣ, мысль, которая встрѣтила возраженіе однихъ и поддержку и одобреніе другихъ. Въ результатѣ несогласій состоялся выходъ нѣкоторыхъ членовъ изъ

общества и реформированіе послѣдняго на новыхъ началахъ и съ наименованіемъ его „Союзъ благоденствія“. Уставъ „Союза“ былъ составленъ А. и М. Муравьевыми, кн. Трубецкимъ и Колошинымъ, при чемъ цѣли, имъ преслѣдуемыя, главнымъ образомъ намѣчались въ томъ, чтобы „способствовать правительству къ проведенію въ исполненіи всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ въ пользу государства, ибо правительство безъ добровольнаго содѣйствія гражданъ не можетъ довольно успѣшно проводить въ дѣйствіе мѣры, имъ принимаемыя“. Пестель, находившійся въ ту пору въ С.-Петербургѣ, такъ же согласился на реформу „Союза“, хотя на многихъ членовъ общества произвело впечатлѣніе, будто онъ затаилъ въ себѣ недовольство по случаю преобразованія устава и придачи ему болѣе мирнаго характера.

Мы видимъ, что взволнованные умы, останавливаясь на вопросѣ о судьбѣ родной земли, разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ двухъ направленіяхъ. Одни видятъ панацею въ мирно-просвѣтительныхъ организаціяхъ прогрессивнаго характера, другіе—признаютъ необходимость радикальнаго государственнаго переворота, при чемъ санкціонируютъ даже идею цареубійства. Старый самодержецъ долженъ быть, по ихъ утвержденію, устраненъ отъ кормила правленія, но такъ какъ никакой иной формы его устраненія въ интересахъ благополучнаго рѣшенія вопроса о реформѣ придумано быть не можетъ, то избираютъ актъ убійства, какъ наиболѣе простой и приводящій непосредственно къ желаемому результату; послѣ убійства прежняго царя они не исключаютъ совершенно возможности существованія новаго монарха, но послѣдній правитъ уже на началахъ ограниченной конституціонной монархіи, каковую монархію признаютъ, какъ наиболѣе справедливую и совершенную форму правленія, и послѣдователи мирнаго обновленія Россіи. Пьеръ Безуховъ и Василій Денисовъ, какъ типы того времени въ изображеніи геніальнаго писателя, съ одной стороны, Н. Тургеневъ и П. Пестель, съ другой, какъ реальные, облеченные плотью и кровью, дѣятели Александровской эпохи,—вотъ тѣ главныя живыя вѣхи, по коимъ развивалась тогдашняя передовая жизнь русскаго общества. Мирно-прогрессивныя идеи и образцы почерпались въ значительной мѣрѣ изъ опыта нѣмецкой жизни (Tugendbund), революціонно-радикальныя конструировались по французскому образцу, а также принимали скорѣе окраску національную, являлись оригинальнымъ актомъ личнаго творчества ихъ носителей и приноравливались къ практической программѣ, въ цѣляхъ ея быстраго и

рѣшительнаго осуществленія. Въ періодъ, который можно заключить въ хронологическія рамки 1815—1820 г.г., какъ будто имѣетъ перевѣсъ первое изъ названныхъ направленій, въ періодъ съ 1820 по 1825 г.—второе; такому перемѣщенію идейнаго содержанія обществъ содѣйствовало, главнымъ образомъ, установленіе реакціоннаго характера внутренней политики, когда окончательно выяснилось, что конституціоннымъ вѣяніямъ не суждено отлиться въ какія нибудь опредѣленныя реальныя формы государственной жизни. И вотъ, по мѣрѣ того, какъ правительство беретъ курсъ вспять, передовая интеллигенція обратно пропорціонально этому попятному движенію съ неудержимой энергіей начинаетъ развивать уже чисто революціонныя идеи съ примѣсью въ нихъ даже нѣкоторой доли соціалистическаго элемента.

Несмотря на то, что „Союзъ благоденствія" довольно широко раскинулъ свою организацію, имѣя большое количество членовъ почти во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ и во многихъ армейскихъ (напримѣръ, во 2-й арміи), дѣятельность его не была активною, а скорѣе смахивала на тѣ столь знакомые намъ и такъ крѣпко привившіеся въ Россіи либеральные кружки, гдѣ идетъ всегда столько времени на толчею воды, на споры о предметахъ теоретическаго характера, на благіе порывы безъ всякихъ реальныхъ послѣдствій. Нѣкоторые наиболѣе страстные члены уже начинали разочаровываться въ „Союзѣ" и, знакомясь ближе съ тогдашнею неприглядною дѣйствительностью, особенно въ крестьянскомъ быту, приходили къ заключенію о необходимости какой нибудь активной политики или вообще практическихъ дѣйствій. Изъ категоріи послѣднихъ дѣятелей Якушкинъ придумываетъ способы проявленія такой политики, и вотъ на первыхъ порахъ ему начинаетъ казаться наиболѣе цѣлесообразнымъ подать государю соотвѣтствующій адресъ. „Ночью, когда Фонвизинъ спалъ, я написалъ адресъ къ императору, который должны были подписать всѣ члены „Союза благоденствія", — повѣствуетъ онъ *). — Въ этомъ адресѣ излагались всѣ бѣдствія Россіи, для прекращенія которыхъ мы предлагали императору созвать земскую думу по примѣру своихъ предковъ. Поутру я прочиталъ свое сочиненіе Фонвизину, и онъ, бывъ подъ однимъ настроеніемъ духа со мной, согласился подписать адресъ. Въ тотъ же день мы съ нимъ отправились въ Дорогобужъ къ Граббе. Къ счастію, Граббе былъ

*) Записки И. Д. Якушкина.

благоразумнѣе насъ обоихъ; не отказываясь вмѣстѣ съ другими подписать адресъ, онъ намъ ясно доказалъ, что этими поступками за одинъ разъ уничтожалось тайное общество, и что это все вело насъ прямо въ крѣпость. Бумага, мной написанная, была уничтожена. Послѣ чего долго мы разсуждали о горестномъ положеніи Россіи и средствахъ, которыя бы могли спасти ее. „Союзъ благоденствія", казалось намъ, дремалъ. По собственному своему образованію онъ слишкомъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Рѣшено было къ 1 января 1821 г. пригласить въ Москву депутатовъ изъ Петербурга и Тульчина для того, чтобы они на общихъ совѣщаніяхъ разсмотрѣли дѣло тайнаго общества и пріискали средства для большей его дѣятельности".

Въ январѣ 1821 г. въ Москвѣ дѣйствительно состоялся съѣздъ членовъ „Союза благоденствія", на который прибыли делегаты изъ южной арміи и изъ Петербурга, и тутъ-то и рѣшено было закрыть и ликвидировать самый „Союзъ", послѣ чего въ жизни тайныхъ обществъ наступаетъ новый періодъ жизни, и они на идейныхъ развалинахъ своего прародителя начинаютъ отливаться въ совершенно опредѣленныя политическія группы съ ярко очерченными программами конституціоннаго свойства, а также выдѣляютъ изъ своего состава вожаковъ и руководителей, какъ въ отношеніи теоретическаго обоснованія предмета, такъ и самого практическаго осуществленія программъ. Когда въ 1821 г. въ Москвѣ были поставлены очередные вопросы, то Мих. Орловъ выступилъ съ предложеніемъ основать собственную типографію или литографію для печатанія прокламацій къ народу и статей, направленныхъ противъ правительства, а также открыть фабрику фальшивыхъ ассигнацій, но ни то, ни другое предложеніе принято не было. Расколъ въ составѣ „Союза" былъ явный, далеко не всѣ оказались приверженцами конституціонной формы правленія, и въ февралѣ того же года состоялась ликвидація самого общества, и вслѣдъ за симъ, въ 1822 г., въ Петербургѣ начинаетъ функціонировать „Сѣверное тайное общество" съ Никитою Муравьевымъ, кн. Е. Оболенскимъ и Н. Тургеневымъ во главѣ, а въ Тульчинѣ Подольской губерніи „Южное тайное общество", во главѣ котораго стали П. Пестель и Л. Юшневскій. Оба новыхъ общества существовали совершенно самостоятельно, имѣли между собой относительно мало сношеній и связей, пожалуй, даже конкурировали другъ съ другомъ и, во всякомъ случаѣ, относились другъ къ другу съ нѣ-

которымъ недовѣріемъ. Грань между „Сѣвернымъ“ и „Южнымъ“ обществами не была юридически строго проведена, и они оба какъ бы считались лишь составными частями новаго обновленнаго „Союза благоденствія“. Но такое единство и въ отношеніи плана дѣйствій, и въ отношеніи программъ было фиктивнымъ, и каждый отдѣлъ жилъ, развивался и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, внѣ зависимости отъ общаго подчиненія какому либо единому административному или законодательному центру. Однако, въ отношеніи цѣли своего существованія задачи у нихъ были общія — ниспроверженіе существующаго государственнаго порядка вещей для установленія въ Россіи болѣе усовершенствованной и либеральной формы правленія, при чемъ „Сѣверное общество“ брало себѣ за идеалъ конституціонную монархію, а „Южное“ склонялось въ пользу республиканскаго строя.

Фактическая ликвидація „Союза благоденствія“ и образованіе новыхъ обществъ, какъ показываетъ слѣдственная комиссія, снаряженная надъ декабристами, состоялись при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Послѣ того, какъ „Союзъ благоденствія“ былъ объявленъ закрытымъ, его уставъ и бумаги сожжены, южные делегаты — полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, привезли Тульчинской управѣ извѣстіе о сдѣланномъ въ Москвѣ постановленіи съѣзда делегатовъ. Но Пестель и Юшневскій, узнавшіе заранѣе о происшедшемъ предварително рѣшили: во-первыхъ, не признавать „Союза“ разрушеннымъ и, во-вторыхъ, воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы „удалить всѣхъ слабосердныхъ, представивъ имъ опасности и трудности предпріятія“. Вслѣдствіе этого, когда Бурцовъ и Комаровъ, сдѣлавъ Тульчинской думѣ докладъ, удалились, то Юшневскій произнесъ рѣчь въ смыслѣ воздѣйствія на „слабосердныхъ“, но эта рѣчь никого не убѣдила, а, напротивъ, лишь подстрекнула самолюбіе присутствовавшихъ. Такъ, полковникъ Адамовъ объявилъ, что, если даже всѣ оставятъ „Союзъ“, то онъ не перестанетъ „полагать оный существующимъ въ немъ одномъ“. Остальные также провозгласили, что ихъ депутаты въ Москвѣ вышли изъ предѣловъ данной имъ власти, что „Союзъ“ не разрушенъ, что онъ будетъ всегда дѣйствовать лишь съ перемѣной нѣкоторыхъ прежнихъ правилъ. Въ основаніе этого возобновленнаго общества былъ положенъ еще прежде составленный Пестелемъ уставъ, и въ число членовъ общества были зачислены, какъ бывшіе на засѣданіи Тульчинской думы, такъ и прибавлены сюда многіе дру-

гіе, изъ числа приставшихъ впослѣдствіи. Всѣмъ было дано наименованіе „бояръ Союза“, и изъ нихъ выбраны три директора или предсѣдателя — Пестель, Юшневскій и заочно Никита Муравьевъ, о которомъ полагали, что онъ, не бывъ въ Москвѣ, также не согласится на ликвидацію „Союза благоденствія“. Всѣ члены „Южнаго общества“ (или иначе „округа“) дѣлились на братьевъ, мужей и бояръ. Братья не имѣли правъ принимать другихъ; ложи, пользуясь симъ правомъ, должны были отъ принятаго ими скрывать имена прочихъ членовъ; бояре присоединялись къ директоріи для рѣшенія наиважнѣйшихъ вопросовъ. Пріемъ члена не сопровождался никакой церемоніей, а обусловливался лишь даннымъ честнымъ словомъ. Такъ составилось „Южное общество“; исторія возникновенія „Сѣвернаго общества“ слѣдующая.

Представитель Петербургской „думы“ на московскомъ съѣздѣ, Н. И. Тургеневъ, по возвращеніи домой, дѣлалъ попытку составить изъ бывшихъ членовъ „Союза благоденствія“ новое тайное общество, вербовалъ въ него членовъ, но старанія его имѣли мало успѣха, чему, главнымъ образомъ, было причиною выступленіе гвардіи въ походъ. Только въ 1822 г. Петербургское, или „Сѣверное“, общество фактически осуществилось, и основателями его явились Никита Муравьевъ, князь Е. Оболенскій и Н. Тургеневъ. Общество было раздѣлено на „убѣжденныхъ“ и на „соединенныхъ“, или „согласныхъ“. Союзъ „убѣжденныхъ“, или „верхній кругъ“, составился изъ основателей; принимали въ него и другихъ изъ „союза соединенныхъ“, но не иначе, какъ по согласію всѣхъ находящихся въ Петербургѣ „убѣжденныхъ“. Это согласіе нужно было и для принятія какой либо рѣшительной мѣры; кромѣ того, „верхній кругъ“ имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ думы, или совѣта, управлявшаго обществомъ, дозволялъ принятіе новопоступающихъ, требовалъ отчетовъ отъ думы. Находящійся въ немъ членъ могъ принять не болѣе двухъ и согласіе на то испрашивалъ черезъ члена, коимъ былъ самъ принятъ; послѣдній также не былъ въ числѣ „убѣжденныхъ“. Это согласіе черезъ такую же цѣпь доходило отъ думы до принимающаго новыхъ членовъ. Послѣднихъ сначала испытывали, готовили, потомъ открывали имъ мало-по-малу цѣль тайнаго общества, но о средствахъ для достиженія этой цѣли и о времени начала дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣнія одинъ лишь „верхній кругъ“. Многимъ, которыхъ предназначали на роль слѣпыхъ исполни-

телей, говорили только, что ихъ дѣло рубиться; новопоступившіе и вообще всѣ непричастные къ „убѣжденнымъ" знали одного принявшаго ихъ члена. Однако, всѣ эти правила исполнялись не очень строго.

„Начальникомъ", или предсѣдателемъ, общества въ первое время былъ поставленъ одинъ лишь Н. Муравьевъ, но затѣмъ ему въ помощь и на равныхъ съ нимъ правахъ были еще избраны князь Сергѣй Трубецкой и князь Евгеній Оболенскій. Черезъ годъ князь Трубецкой уѣхалъ въ южную армію, чтобы, съ одной стороны, сообразно съ рѣшеніями своей партіи имѣть вліяніе на мѣстное войско, а, съ другой — чтобы наблюдать за Пестелемъ, которому главные дѣятели „Сѣвернаго общества" не довѣряли, видя въ немъ „хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте". На мѣсто выбывшаго князя Трубецкаго былъ избранъ членомъ директоріи, или думы, К. Ф. Рылѣевъ, получившій съ того времени первенствующее значеніе въ обществѣ. Рылѣевъ настоялъ, чтобы впредь директоры, или правители. были не безсмѣнными, а избирались только на одинъ годъ. Такова была организація новыхъ тайныхъ обществъ и ихъ главные руководители. Каковы же были ихъ политическія программы, и какія идеи были положены въ основу этихъ программъ? *)

И по старшинству времени составленія, и по обстоятельности разработки, по широтѣ взгляда и практичности осуществленія первое мѣсто среди программъ тайныхъ партій, по всей справедливости, принадлежитъ проекту Никиты Муравьева.

Въ началѣ своего проекта конституціи Муравьевъ устанавливаетъ слѣдующія положенія: „1) русскій народъ свободный и независимый не есть и не можетъ быть принадлежностью никакого лица и никакого семейства; 2) источникъ верховной власти есть народъ, которому принадлежитъ исключительное право дѣлать основныя постановленія для самого себя; 3) гражданство есть право опредѣленнымъ въ семъ уставѣ порядкомъ участвовать въ общественномъ управленіи: посредственно, т. е. выборомъ чиновниковъ или избирателей, непосредствено, т. е. быть самому избираемымъ въ какое либо общественное званіе по законодательной, исполнительной или судебной власти".

---

*) Слѣдственная комиссія обнаружила слѣдующіе конституціонные проекты: Никиты Муравьева, П. Пестеля „Русская Правда", списокъ съ конституціи Муравьева, найденный въ бумагахъ князя С. Трубецкого, „Государственный завѣтъ", сокращенный проектъ Пестеля, найденный въ бумагахъ С. Муравьева-Апостола, а также Ковалева. Въ государственномъ архивѣ имѣются еще проекты Батенкова и неизвѣстнаго.

Гражданиномъ признается всякій, имѣющій 21 годъ жизни, обладающій имущественнымъ цензомъ, несущій опредѣленныя повинности, не опороченный закономъ и находящійся въ здравомъ умѣ. Передъ закономъ всѣ равны, и каждый несетъ общественныя повинности, повинуется закону и является на защиту родины по требованію закона.

Печать свободна и отвѣтственна въ опредѣленныхъ случаяхъ лишь передъ судомъ; личность неприкосновенна, и никто не можетъ быть взятъ подъ стражу безъ того, чтобы ему въ 24 часа не были предъявлены причины его задержанія. Виновный наказуется только по суду, причемъ правосудіе отправляется лишь судомъ присяжныхъ. Граждане *) пользуются свободой обществъ и союзовъ; за ними признается право жалобъ и петицій, обращаемыхъ или къ народнымъ депутатамъ, или къ мѣстнымъ собраніямъ, или къ монарху. Вѣроисповѣданія свободны.

Въ административномъ отношеніи авторъ конституціи дѣлилъ Россію на 14 державъ и 2 области, а именно: державы—Ботническая, Балтійская, Заволжская, Западная, Днѣпровская, Бужская, Черноморская, Окинская, Украинская, Низовская, Камская, Кавказская, Обійская и Ленская; области—Славянская и Донская. Столица и резиденція федеративнаго правительства предполагалась въ Нижнемъ Новгородѣ, а Петербургъ и Москва становились столицами Ботнической и Окинской державъ. Державы и области дѣлились на уѣзды или повѣты, уѣзды и повѣты—на волости. Въ судебномъ отношеніи Россію предположено было раздѣлить на судебные округа.

Во главѣ каждой волости стоялъ выборный волостной старѣйшина, котораго избирали ежегодно всѣми гражданами данной волости на основахъ цензоваго выборнаго начала. Во главѣ уѣзда стоялъ избранный тысяцкій, при чемъ въ выборахъ послѣдняго участвовали лишь граждане, владѣвшіе недвижимымъ имуществомъ въ 500 рублей и движимымъ въ 10.000 рублей. Право на выборъ въ тысяцкіе обусловливалось или обладаніемъ недвижимымъ имуществомъ въ 30.000 рублей или движимымъ въ 60.000 рублей. Тысяцкій ведетъ два цензовыхъ списка: въ одномъ перечислены всѣ граждане, владѣюшіе цензомъ, дающимъ имъ право избирать тысяцкаго, въ другомъ—граждане,

*) Въ силу равенства передъ закономъ и по соображеніямъ, почерпнутымъ изъ христіанской морали, авторъ конституціи совершенно упраздняетъ крѣпостное право; всѣ люди равны между собою и братья передъ Богомъ ибо рождены по волѣ Его для блага, и всѣ передъ нимъ слабы.

имѣющіе право быть избранными въ тысяцкіе. Граждане первой категоріи могутъ быть, кромѣ того, и присяжными, а граждане по второму списку, помимо владѣнія перечисленными правами, могутъ быть еще избираемы въ члены верховной думы, въ правители державъ, въ члены державныхъ думъ и въ члены державныхъ судовъ.

Никита Михайловичъ Муравьевъ.

Очертивъ послѣдовательность и сроки избранія, Муравьевъ опредѣляетъ и систему управленія всею страною. Это управленіе сосредоточивается: сначала въ волости, потомъ уѣздѣ, наконецъ державѣ, которая управляется собраніемъ, составленнымъ изъ двухъ палатъ—палаты выборныхъ и державной думы и начальника державы, избираемаго центральными представитель-

ными собраніями, которому принадлежитъ власть исполнительная и командованіе на извѣстныхъ условіяхъ земскимъ войскомъ.

Отстраняя отъ себя упрекъ въ стремленіи расчлененія Россіи на самостоятельныя области, Муравьевъ въ своемъ разборѣ обвинительнаго противъ него акта утверждаетъ, что слѣдственная комиссія „не замѣтила, что независимость областей не согласуется съ монархическимъ правленіемъ, утвержденнымъ конституціею, и упускаетъ изъ виду не безъ цѣли, что областныя собранія не облечены державною волею. Эти областныя собранія среди совокупныхъ губерній, вѣдая только распоряженіями и расправами мѣстными, содѣйствовали бы единству управленія державнаго. Эта конституція не только не стѣсняла исполнительной власти (императорской), но доставляла ей свободу дѣйствій, необходимую для общей пользы: поручала ей соблюденіе державныхъ выгодъ, признавала ея необходимое участіе въ законодательной власти и надзоръ за общимъ ходомъ судопроизводства“. Изъ этихъ словъ усматривается, что Муравьевъ строилъ свою федерацію по особой системѣ, не имѣющей для себя примѣра въ системѣ государственнаго права другихъ народовъ, и являлся такимъ образомъ своего рода новаторомъ, болѣе всего склонившимся къ тому государственному строю, который впослѣдствіи установился въ Австріи и частью уже тогда дѣйствовалъ въ Сѣверной Америкѣ. Авторъ сохранилъ для Россіи императорскую власть, которая являлась въ его проектѣ наслѣдственною, но лишь по мужской линіи и компетенція этой власти исчерпывалась правами: останавливанія дѣйствія законодательной власти и принужденія ко вторичному разсмотрѣнію закона; начальствованія надъ сухопутными и морскими силами; веденія переговоровъ съ иностранными державами, заключенія мира, но не иначе, какъ съ согласія верховной думы; назначенія министровъ, посланниковъ, консуловъ и чиновниковъ. При вступленіи на престолъ императоръ приноситъ присягу въ вѣрности конституціи и на свое содержаніе получаетъ такъ называемый цивильный листъ, опредѣляющій его содержаніе. Лично онъ не несетъ никакой отвѣтственности, которая всецѣло падаетъ на министровъ.

Вся власть законодательная сосредоточена въ рукахъ „народнаго вѣча“, которое состоитъ изъ верхней думы и палаты народныхъ представителей. Палата представителей избирается гражданами державъ на три года въ числѣ 450 человѣкъ мужескаго пола; это число не есть постоянное, но подлежащее видо-

измѣненію, согласно народной переписи, которая совершается черезъ каждыя 10 лѣтъ. Члены другой палаты, верховной думы, избираются правительственными сословіями державъ, т.-е. въ общемъ засѣданіи обѣихъ палатъ. Число членовъ верховной думы—42 человѣка, по два человѣка отъ каждой державы и отъ Московской и Донской областей по одному. Обѣ палаты самостоятельны, и только предложенія, принятыя въ обѣихъ палатахъ, идутъ на утвержденіе императора, за которымъ сохранено право утверждать или не утверждать эти предложенія. Народное вѣче выполняетъ слѣдующія функціи: 1) издаетъ для Россіи уложенія гражданское, уголовное, торговое и военное, учреждаетъ установленія по благочинію, правила по судопроизводству и внутреннему управленію присутственныхъ мѣстъ; 2) объявляетъ военныя положенія; 3) обнародываетъ законъ объ амнистіи; 4) распускаетъ правительственныя собранія державъ и назначаетъ новые выборы; 5) объявляетъ войны: 6) вѣдаетъ устройство, содержаніе, управленіе, расположеніе, движеніе войскъ сухопутныхъ и морскихъ, систему укрѣпленія предѣловъ, береговъ, пристаней, наборъ, пополненіе войскъ и внутреннюю стражу; 7) устанавливаетъ налоги, займы, повѣрку расходовъ, пенсіи, жалованья, всѣ сборы и издержки и пр.; 8) вѣдаетъ и утверждаетъ мѣры правительства о промышленности, о богатствѣ народномъ, объ учрежденіи почтъ, содержаніе и устройство путей сообщенія сухопутныхъ и водяныхъ, учрежденіе банковъ; 9) покровительствуетъ наукамъ и искусствамъ полезнымъ; 10) постановляетъ правила о порядкѣ службы и о награжденіи чиновниковъ, объ отчетахъ по всѣмъ частямъ управленія; 11) устанавливаетъ въ соотвѣтственныхъ случаяхъ регентство; 12) избираетъ правителей державъ изъ второго списка избирателей всякой державы.

Таковы главныя основы проектированной Муравьевымъ конституціи, при чемъ имъ отмѣчено, что вѣче при всей широтѣ своихъ полномочій не можетъ производить перемѣнъ въ конституціи, не имѣетъ права измѣнять основные конституціонные законы, не можетъ нарушать свободу слова, устнаго и письменнаго, не можетъ воспрещать какого либо вѣроисповѣданія. Эти уполномочія признавались за всенароднымъ державнымъ соборомъ, т.-е. учредительнымъ собраніемъ, которое созывалось народнымъ вѣчемъ.

ГЛАВА VII.

„Русская правда" П. И. Пестеля.—Его исповѣдь о происхожденіи этого труда.—Составъ „Русской правды" и ея содержаніе.—Его болѣе ранніе труды по конституціонному вопросу.—Конституціонный проектъ кн. С. П. Трубецкого.—Политическій катехизисъ и воззваніе С. И. Муравьева-Апостола.—„Общество соединенныхъ славянъ".—Катехизисъ „соединенныхъ славянъ" и ихъ „Клятвенное обѣщаніе".

Программа Пестеля, взятая въ основаніе политическаго credo „Южнаго общества" въ главнѣйшихъ своихъ положеніяхъ рѣзко разнилась отъ програмы Н. Муравьева. Его проектъ былъ изложенъ въ составленной имъ „Русской правдѣ" или заповѣдной государственной грамотѣ великаго народа россійскаго, служащей завѣтомъ для усовершенствованія государственнаго устройства и содержащей вѣрный наказъ какъ для народа, такъ и для временнаго верховнаго правленія". По опредѣленію самого автора, „Русская правда" есть верховная Всероссійская грамота, опредѣляющая всѣ перемѣны, въ государствѣ послѣдовать имѣющія, всѣ предметы и статьи, уничтоженію и ниспроверженію надлежащіе, и, наконецъ, коренныя правила и начальныя основы, долженствующія служить неизмѣннымъ руководствомъ при сооруженіи новаго государственнаго порядка и составленію новаго государственнаго уложенія. Она содержитъ опредѣленіе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ положительныхъ законовъ и постановленій будущаго порядка вещей, исчисленіе главныхъ предполагаемыхъ переводныхъ мѣропріятій и вмѣстѣ съ тѣмъ поясненій коренныхъ соображеній, начальныхъ причинъ и основныхъ доводовъ, утверждающихъ предполагаемое для Россіи государственное устройство. Итакъ, „Русская правда" есть наказъ или наставленіе временному Верховному правленію для его дѣйствій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объявленіе народу, отъ чего онъ освобожденъ будетъ и чего вновь ожидать можетъ. Она содержитъ обязанности, на временное Верховное правленіе возлагаемыя и служитъ для Россіи ручательствомъ, что временное Верховное правленіе единственно ко благу отечества дѣйствовать будетъ".

Въ своихъ показаніяхъ слѣдственной комиссіи, на вопросы, откуда и съ какого времени онъ заимствовалъ первыя вольнодумныя и либеральныя мысли, Пестель такъ обрисовалъ развитіе своихъ убѣжденій и складъ мыслей: „Я никакого лица не могу назвать, кому бы я могъ именно приписать внушеніе мнѣ

первыхъ вольнодумныхъ и либеральныхъ мыслей, и точнаго времени мнѣ опредѣлить нельзя, когда онѣ начали во мнѣ возникать: ибо сіе не вдругъ сдѣлалось, а мало-по-малу и съ начала самымъ для самого себя непримѣтнымъ образомъ. Но слѣдующимъ образомъ честь имѣю Комитету о томъ доложить, съ самою чистосердечнѣйшею и полнѣйшею откровенностью, когда я получилъ довольно основательныя понятія о политическихъ наукахъ, тогда я пристрастился къ нимъ. Я имѣлъ пламенное рвеніе и добра желалъ отъ всей души. Я видѣлъ, что благоденствіе и злополучіе царствъ и народовъ зависитъ по большей части отъ правительства, и сія увѣренность придала мнѣ еще болѣе склонности къ тѣмъ наукамъ, которыя о сихъ предметахъ разсуждаютъ и путь къ онымъ показываютъ. Но я съ начала занимался какъ сими науками, такъ и вообще чтеніемъ политическихъ книгъ со всею кротостью и безъ всякаго вольнодумства, съ однимъ желаніемъ быть когда-нибудь въ свое время и въ своемъ мѣстѣ полезнымъ слугою Государю и Отечеству. Продолжая такимъ образомъ заниматься, началъ я потомъ уже разсуждать о томъ: соблюдены-ли въ устройствѣ Россійскаго правленія правила политическихъ наукъ, не касаясь однако же Верховной власти, но размышляя о министерствахъ, мѣстныхъ правительствахъ, частныхъ начальствахъ, и тому подобныхъ предметахъ. Я при семъ находилъ тогда много несообразностей по моимъ понятіямъ съ правилами политическихъ наукъ и началъ разные предметы обдумывать: какими постановленіями они могли бы быть замѣнены, пополнены или усовершенствованы. Обратилъ также мысли и вниманіе на положеніе народа, причемъ рабство крестьянъ всегда сильно на меня дѣйствовало, а равно и большія преимущества аристократіи, которую я считалъ такъ сказать стѣною, между монархомъ и народомъ стоящею и отъ монарха ради собственныхъ выгодъ скрывающею истинное положеніе народа. Къ сему стали въ мысляхъ моихъ въ протеченіи времени присоединяться разные другіе предметы и толки, какъ-то: преимущества разныхъ присоединенныхъ областей, слышанное о военныхъ поселеніяхъ, упадокъ торговли, промышленности и общаго богатства, несправедливость и подкупливость судовъ и другихъ начальствъ, тягость военной службы для солдатъ и многія другія тому подобныя статьи, долженствовавшія по моимъ понятіямъ, составлять предметъ частныхъ неудовольствій и черезъ коихъ всѣхъ совокупленіе воедино представлялась моему уму и воображенію цѣлая картина народнаго неблагоден-

ствія. Тогда началъ во мнѣ возникать внутренній ропотъ противу правительства.—Возвращеніе Бурбонскаго дома на французскій престолъ и соображенія мои впослѣдствіи о семъ происшествіи, могу я назвать эпохою въ моихъ политическихъ мнѣніяхъ, понятіяхъ и образѣ мыслей: ибо началъ разсуждать, что большая часть коренныхъ постановленій, введенныхъ революціею, были при реставраціи монархіи сохранены и за благія вещи признаны, между тѣмъ какъ всѣ возставали противъ революціи, и я самъ всегда противъ нея возставалъ. Отъ сего сужденія народилась мысль, что революція, видно, не такъ дурна, какъ говорятъ, и что можетъ даже быть полезна, въ каковой мысли я укрѣплялся тѣмъ другимъ еще сужденіемъ, что тѣ государства, въ коихъ не было революціи, продолжали быть лишенными подобныхъ преимуществъ и учрежденій. Тогда начали сіи причины присовокупляться къ выше уже приведеннымъ; и начали во мнѣ рождаться, почти совокупно, какъ конституціонныя, такъ и революціонныя мысли. Конституціонныя были совершенно монархическія, а революціонныя были очень слабы и темны. Мало-по-малу стали первыя опредѣленнѣе и яснѣе, а вторыя сильнѣе. Чтеніе политическихъ книгъ подкрѣпляло и развивало во мнѣ всѣ сіи мнѣнія, мысли и понятія. Ужасныя происшествія, бывшія во Франціи во время революціи, заставляли меня искать средство къ избѣжанію подобныхъ и сіе произвело во мнѣ мысль о Временномъ правленіи и его необходимости и всегдашніе мои толки о всевозможномъ предупрежденіи всякаго междоусобія. Отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей былъ я приведенъ въ республиканской, главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Детю-де-траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на меня. Онъ доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей санъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ. Всѣ газеты и политическія сочиненія такъ сильно прославляли возрастаніе благоденствія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, приписывая сіе государственному ихъ устройству, что сіе мнѣ казалось яснымъ доказательствомъ въ превосходствѣ республиканскаго правленія. Новиковъ (членъ „Союза Благоденствія") говорилъ мнѣ о своей республиканской конституціи для Россіи, но я еще спорилъ тогда въ пользу монархической, а потомъ сталъ его сужденія себѣ припоминать и съ нимъ соглашаться. Я вспоминалъ блаженныя времена Греціи, когда она состояла изъ республикъ, и жалостное ея положеніе потомъ. Я сравнивалъ величественную славу Рима во дни республики съ плачевнымъ ея удѣломъ подъ

правленіемъ императоровъ. Исторія Великаго Новгорода меня также утверждала въ республиканскомъ образѣ мыслей. Я находилъ, что во Франціи и Англіи, конституціи суть однѣ только покрывала, никакъ не воспрещающія министерству въ Англіи и королю во Франціи дѣлать все, что они пожелаютъ, и въ семъ отношеніи я предпочиталъ самодержавіе таковой конституціи, ибо въ самодержавномъ правительствѣ, разсуждалъ я, неограниченность власти открыто всѣмъ видна, между тѣмъ какъ въ конституціонныхъ монархическихъ тоже существуетъ неограниченность, хотя и медлительнѣе дѣйствуетъ, но за то и не можетъ такъ скоро худое исправить. Что же касается до обѣихъ палатъ, то онѣ существуютъ для одного только покрывала. Мнѣ казалось, что главное стремленіе нынѣшняго вѣка состоитъ въ борьбѣ между массами народными и аристократіями всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на правахъ наслѣдственныхъ основанными. Я судилъ, что сіи аристократіи сдѣлаются, наконецъ, сильнѣе самого монарха, какъ то въ Англіи, и что они суть главная препона государственному благоденствію и притомъ могутъ быть устранены однимъ республиканскимъ образованіемъ государства. Происшествія въ Неаполѣ, Гишпаніи и Португаліи имѣли тогда большое на меня вліяніе. Я въ нихъ находилъ по моимъ понятіямъ неоспоримыя доказательства въ непрочности монархическихъ конституцій и полныя достаточныя причины въ недовѣрчивости къ истинному согласію монарховъ на конституціи, ими принимаемыя. Сіи послѣднія соображенія укрѣпили меня весьма сильно въ республиканскомъ и революціонномъ образѣ мыслей. Изъ сего изволитъ Комитетъ усмотрѣть, что я въ семъ образѣ мыслей укрѣпленъ былъ какъ чтеніемъ книгъ, такъ и толками о разныхъ событіяхъ, а также и раздѣленіемъ со мною сего образа мыслей многими сочленами общества. Все сіе произвело, что я сдѣлался въ душѣ республиканцемъ, и ни въ чемъ не видѣлъ большаго благоденствія и высшаго блаженства для Россіи, какъ въ республиканскомъ правленіи. Когда съ прочими членами, раздѣляющими мой образъ мыслей, разсуждалъ я о семъ предметѣ, то представляя себѣ живую картину всего счастія, коимъ бы Россія по нашимъ понятіямъ тогда пользовалась, впадали мы въ такое восхищеніе и—сказать можно—восторгъ, что я и прочие готовы были не только согласиться, но и предложить все то, что содѣйствовать бы могло къ полному введенію и совершенному укрѣпленію и утвержденію сего порядка вещей: обращая притомъ же большое вниманіе на устраненіе и предупрежденіе всякаго безначалія, безпорядка и междуусобія,

коихъ я всегда показывалъ себя самымъ ревностнѣйшимъ врагомъ“.

Пестель работалъ надъ „Русскою Правдою“ десять лѣтъ и, согласно его программѣ, она должна была быть раздѣлена на 10 главъ, изъ коихъ имъ были вполнѣ окончены первая, вторая и большая часть третьей главы, четвертая и пятая были написаны начерно, а послѣднія пять представляли собою отрывки, такъ сказать, конспективный матеріалъ для работы. По содержанію главы „Русской Правды“ распредѣляются такъ:

Первая глава толкуетъ о границѣ государства и о раздѣленіи земельнаго пространства онаго на области, областей на округи или губерніи, округовъ на уѣзды, уѣздовъ на волости и опредѣляла значеніе и составъ волостей.

Вторая глава разсуждаетъ о жителяхъ Россіи, раздѣляя ихъ на коренной народъ русскій и на племена, подвластныя и присоединенныя, и указывая средства, коими можно слить всѣ сіи различные оттѣнки въ одинъ общій составъ такимъ образомъ, чтобы всѣ жители Россіи черезъ нѣкоторое время составляли истинно только одинъ народъ.

Въ третьей главѣ идетъ разсужденіе о всѣхъ различныхъ сословіяхъ, въ государствѣ обрѣтающихся, указывая на права, преимущества и недостатки каждаго изъ оныхъ и представляя мѣры и дѣйствія, которыя бы надлежало въ каждомъ изъ оныхъ предпринять, дабы слить всѣ сословія въ одно общее сословіе гражданское.

Въ четвертой главѣ идетъ рѣчь о политическомъ или общественномъ состояніи народа, о правахъ гражданства, о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ и объ образѣ, коимъ устраивался представительный порядокъ въ избирательныхъ собраніяхъ.

Въ пятой главѣ разсуждается о гражданскомъ или частномъ состояніи народа, т. е. о главнѣйшихъ правилахъ и постановленіяхъ, такъ называемаго гражданскаго частнаго права въ отношеніи лицъ, имуществъ и взаимныхъ между гражданъ сношеній.

Шестая глава долженствовала трактовать о Верховной Власти.

Глава седьмая долженствовала разсуждать объ образованіи правительственныхъ мѣстъ и начальствъ въ волостяхъ, уѣздахъ, округахъ и областяхъ, а равно и представить общее учрежденіе министровъ, доказывая, что ихъ должно быть десять, не болѣе и не менѣе.

Глава восьмая долженствовала разсуждать о частяхъ прав-

ленія, устраивающихъ государственную безопасность, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, т. е. объ юстиціи, полиціи, внѣшнихъ сношеніяхъ, военныхъ силахъ и морскихъ силахъ; говорить при томъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава девятая долженствовала разсуждать о частныхъ правленіяхъ, завѣдывающихъ общественнымъ благосостояніемъ, т. е. о финансахъ, народномъ начальствѣ или внутреннихъ дѣлахъ, просвѣщеніи и учебной системѣ, духовныхъ дѣлахъ и общемъ дѣлосводѣ, говоря подобнымъ же образомъ особенно о каждой изъ главныхъ отраслей каждой изъ сихъ частей правленія.

Глава десятая, наконецъ, долженствовала содержать родъ наказа для составленія общаго государственнаго свода законовъ или уложенія и представить главнѣйшія правила или, такъ сказать, (sommaire) сего полнаго и общаго государственнаго уложенія.

Любопытно указаніе Пестеля относительно шестой главы. Онъ говорилъ, что она должна была быть написана вдвойнѣ: „одно въ монархическомъ, а другое въ республиканскомъ смыслѣ; любую можно было избрать и въ общее сочиненіе включить“. По поводу этого показанія, П. Е. Щеголевъ говоритъ: „Намъ извѣстна эволюція политической мысли Пестеля. Въ послѣдніе годы своей дѣятельности онъ былъ пламеннымъ республиканцемъ. Поэтому лишь съ большей долей скептицизма можно отнестись къ утвержденію Пестеля о томъ, что въ „Русской Правдѣ“ онъ не остановился на опредѣленной сторонѣ правленія. Правда, „Русская Правда“ въ томъ видѣ, въ какомъ она была передъ Слѣдственной Комиссіей, какъ будто подтверждаетъ указаніе Пестеля. Дѣйствительно, первая, вторая, третья главы отдѣлены, четвертая и пятая набросаны вчернѣ, а остальныя—только въ наброскахъ. Но больше соотвѣтствовало-бы дѣйствительности предположеніе, что была уничтожена самая рѣшительная глава, разсуждавшая о необходимости республиканскаго правленія для Россіи. Недаромъ Пестель, когда онъ былъ арестованъ, сказалъ Волконскому: „одно только необходимо сдѣлать, это уничтожить „Русскую Правду“, одна она можетъ насъ погубить“. Но „Правда“ не была уничтожена: лишь часть ея была уничтожена или самимъ Пестелемъ или его друзьями“. Послѣ того, какъ Пестель былъ арестованъ его трудъ былъ зарытъ въ землю его друзьями, но впослѣдствіи офицеръ Заикинъ, тоже привлеченный къ отвѣту по дѣлу дека-

бристовъ и отправленный въ кандалахъ изъ Петербурга на югъ, указалъ мѣсто, гдѣ была зарыта „Русская Правда". По доставленіи ея въ Петербургъ, она была принята въ качествѣ уничтожающей улики противъ Пестеля. „Правдѣ" было приписано необыкновенное вліяніе на убѣжденія, говоритъ г. Щеголевъ, и врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что не только членамъ Верховнаго Уголовнаго Суда, но даже и членамъ Слѣдственной Комиссіи она не была хорошенько извѣстна. Императоръ Николай Павловичъ опасался вѣроятно и за членовъ Комиссіи. Послѣ слѣдствія „Русская Правда" была запечатана и вмѣстѣ со всѣмъ производствомъ по дѣлу декабристовъ сдана на храненіе въ Государственный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Только въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ „Русская Правда" была распечатана для занятій академика Н. Ѳ. Дубровина и въ настоящее время доступна только для изслѣдователей, занимающихся въ Государственномъ Архивѣ". П. Е. Щеголевъ получилъ возможность ознакомиться съ спискомъ съ „Русской Правды", сдѣланнымъ Н. Дубровинымъ, и нынѣ издать его отдѣльной общедоступной книжкой, снабженной предисловіемъ, благодаря чему широкая публика можетъ легко изучить этотъ любопытный конституціонный проектъ, такъ долго остававшійся запретнымъ плодомъ, на которомъ лежалъ густой слой таинственности и опасности.

Нашими учеными юристами и историками пока еще не изслѣдованъ составъ труда Пестеля, не опредѣленъ его духъ и историческій генезисъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ такая работа представила-бы чрезвычайно интересную задачу и раскрыла-бы передъ нами любопытную картину, гдѣ мы усмотрѣли бы автора, съ одной стороны, находящагося подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ крайнихъ передовыхъ идей запада и, съ другой, являющагося вѣрнымъ сыномъ своей эпохи, сближающей его въ стремленіи все регламентировать чуть-ли не съ Аракчеевымъ и крайними представителями бюрократической Россіи.

Въ своей „Русской Правдѣ" Пестель выступаетъ поборникомъ сильнаго, единаго и тѣсно сплоченнаго государства, развивающагося на началахъ послѣдовательно проведенной централизаціи. Федеративный принципъ, положенный въ основаніе Муравьевскаго конституціоннаго проекта, рисуется ему примѣнительно къ Россіи гибельнымъ и онъ говоритъ по сему предмету:

„Что же въ особенности касается до Россіи, то, дабы въ

полной мѣрѣ удостовѣриться, до какой степени федеративное образованіе государства было бы для нея пагубно, стоитъ только вспомнить, изъ какихъ разнородныхъ частей сіе огромное государство составлено. Области его не только различными учрежденіями исправляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсѣмъ различные языки (sic) говорятъ, совсѣмъ различныя вѣры исповѣдуютъ, жители оныхъ различныя происхожденія имѣютъ, къ различнымъ державамъ нѣкогда принадлежали; и потому, ежели сію разнородность еще болѣе усилить чрезъ федеративное образованіе государства, то легко предвидѣть можно, что сіи разнородныя области скоро отъ коренной Россіи тогда отложатся, и она скоро потеряетъ тогда не только свое могущество, величіе и силу, но даже, можетъ быть, и бытіе свое между большими и главными государствами. Она тогда снова испытаетъ всѣ бѣдствія и весь неизъяснимый вредъ, нанесенный древней Россіи удѣльною системою, которая также не что иное была, какъ родъ федеративнаго устройства государства. И потому, если какое-нибудь другое государство можетъ еще сомнѣваться во вредѣ федеративнаго устройства, то Россія уже никакъ сомнѣнія раздѣлять не можетъ: она горькими опытами и долголѣтними дѣйствіями жестоко заплатила за свою ошибку въ прежнемъ ея государственномъ образованіи. А посему, соединяя всѣ сіи обстоятельства въ общее соображеніе, постановляется кореннымъ закономъ Россійскаго государства, что всякая мысль о федеративномъ для него устройствѣ отвергается совершенно, яко пагубнѣйшій вредъ и величайшее зло. Избѣгать надлежитъ всего того, что посредственно или непосредственно, прямо или косвенно, открыто или потаенно къ таковому устройству государства вести бы могло.

„Вслѣдствіе всего здѣсь сказаннаго объявляется Россійское государство въ предѣлахъ выше обозначенныхъ единымъ и нераздѣлимымъ, отвергающимъ притомъ совершенно всякое федеративное образованіе, устройство и существованіе государства".

Противъ федеративнаго государства вообще онъ выставляетъ и теоретическія соображенія, изъ которыхъ между прочимъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія, какъ очень характерныя для обрисовки духовнаго образа Пестеля. Онъ говоритъ, что 1) „каждая область, составляя въ федеративномъ государствѣ, такъ сказать, маленькое отдѣльное государство, слабо къ цѣлому привязано будетъ и даже во время войны можетъ дѣйствовать безъ

усердія къ общему составу государства, особенно, если лукавый непріятель будетъ умѣть прельстить ее обѣщаніями о какихъ-нибудь особенныхъ для нея выгодахъ и преимуществахъ. Частное благо области, хотя и временное, однако же все таки сильнѣе дѣйствовать будетъ на воображеніе ея правительства и народа, нежели общее благо всего государства, не приносящее, можетъ быть, въ то время очевидной пользы самой области. 2) Слово государство, при таковомъ образованіи, будетъ слово пустое, ибо никто нигдѣ не будетъ видѣть государства, но всякій вездѣ только свою частную область, и потому любовь къ отечеству будетъ ограничиваться любовью къ одной своей области".

Всѣ племена, населяющія Россію, должны быть слиты въ одинъ народъ, ради ея единства, и должны именоваться „русскими" съ единою нераздѣльною верховной властію, единымъ образомъ правленія и общими законами для всѣхъ частей государства. Задача верховнаго правительства должна заключаться въ стремленіи къ совершенному обрусенію всѣхъ племенъ, обитающихъ въ Россіи, и не только такихъ, которыя различествуютъ между собою „малыми оттѣнками" (напримѣръ, россіяне, малороссіяне, украинцы, бѣлоруссы), но совершенно иного этнографическаго происхожденія, какъ, напримѣръ, финляндцы. Исключеніе имъ дѣлалось только въ отношеніи поляковъ, для которыхъ онъ требовалъ полной независимости и возстановленія Польши въ ея старинныхъ и историческихъ границахъ.

Любопытно отмѣтить, какъ смотрѣлъ Пестель на еврейскій вопросъ. Онъ признаетъ за фактъ обособленность евреевъ и ихъ враждебное отношеніе къ христіанамъ. Для упорядоченія еврейскаго вопроса онъ полагалъ необходимымъ прежде всего собрать „ученѣйшихъ рабиновъ и умнѣйшихъ евреевъ, выслушать ихъ представленіе". Но болѣе всего ему было по душѣ полное освобожденіе Россіи отъ еврейства. Онъ полагалъ, что „нужно назначить сборный пунктъ для еврейскаго народа и дать нѣсколько войска имъ въ подкрѣпленіе. Ежели всѣ русскіе и польскіе евреи соберутся на одно мѣсто, то ихъ будетъ свыше двухъ милліоновъ. Таковому числу людей, ищущихъ отечества, не трудно будетъ преодолѣть всѣ препоны, какія турки могутъ имъ противопоставить и, пройдя всю европейскую Турцію, перейти въ азіатскую и тамъ, занявъ достаточныя мѣста и земли, устроить особенное еврейское государство. Но такъ какъ сіе исполинское предпріятіе требуетъ особенныхъ обстоятельствъ и истинно-ге-

ніальной предпріимчивости, то и не можетъ быть оно поставлено въ непремѣнную обязанность временному верховному правленію".

Главныя задачи вѣка и своего времени онъ усматривалъ „въ борьбѣ между массами народными и аристократіей всякаго рода, какъ на богатствѣ, такъ и на просхожденіи основанными", онъ

Павелъ Ивановичъ Пестель.

обращалъ особенное вниманіе на положеніе народа, считая „священнѣйшею и непремѣннѣйшею обязанностью" временнаго верховнаго правленія „уничтоженіе рабства и крѣпостного состоянія", которое является дѣломъ постыднымъ, противнымъ человѣчеству, противнымъ законамъ естественнымъ, противнымъ святой вѣрѣ христіанской". „Поэтому не можетъ въ Россіи долѣе

существовать позволеніе одному человѣку имѣть и называть другого своимъ крѣпостнымъ рабомъ. Рабство должно быть рѣшительно уничтожено, и дворянство должно непремѣнно навѣки отречься отъ гнуснаго преимущества обладать другими людьми... но ежели бы, паче всякаго чаянія, нашелся извергъ, который бы словомъ или дѣломъ вздумалъ сему дѣйствію (то-есть освобожденію) противиться или оное осуждать, то временное верховное правленіе обязывается всякаго такого злодѣя безъ изъятія немедленно взять подъ стражу и подвергнуть его строжайшему наказанію, и какъ врага отечества, и измѣнника противу первоначальнаго коренного права гражданскаго".

Проектируя освобожденіе крестьянъ, онъ признавалъ, что эта реформа „требуетъ зрѣлаго обдуманія и весьма большую производитъ въ государствѣ перемѣну", въ видахъ чего онъ предполагалъ „потребовать проектъ отъ грамотныхъ дворянскаго собранія и по онымъ мѣропріятія распорядить", соблюдая притомъ слѣдующія правила: 1) „освобожденіе крестьянъ отъ рабства не должно лишать дворянъ дохода, ими отъ помѣстій своихъ получаемаго", и 2) „должно крестьянамъ доставить лучшее положеніе противъ теперешняго, а не мнимую свободу имъ даровать". Намѣчая освободить крестьянъ съ надѣлами земли, Пестель предполагалъ, что у помѣщиковъ, имѣющихъ менѣе 5.000 десятинъ, должно отобрать всю землю въ пользу ихъ крестьянъ, а помѣщикамъ дать взамѣнъ тѣ же 5.000 десятинъ изъ казенныхъ земель въ другой мѣстности или возмѣстить имъ стоимость земли деньгами. У помѣщиковъ владѣющихъ отъ 5.000 до 10.000 десятинъ, должна быть отобрана на тѣхъ же условіяхъ половина ихъ помѣстій; у владѣльцевъ же имѣній свыше 10.000 десятинъ онъ считалъ возможнымъ отобрать половину земли безвозмездно. Опасаясь, что раскрѣпощеніе крестьянъ вызоветъ волненія и безпорядки, Пестель указывалъ, что верховное правленіе должно употребить безпощадную строгость противъ всякихъ нарушителей спокойствія въ государствѣ. Въ своемъ соціальномъ радикализмѣ онъ требовалъ не только лишенія дворянства правъ рабовладѣльчества, но и всякихъ прочихъ соціальныхъ привилегій: эти привилегіи отнимались имъ и отъ всѣхъ прочихъ сословій, которыя онъ вообще предполагалъ уничтожить. „Учрежденіе сословій непремѣнно должно быть уничтожено", и „всѣ люди въ государствѣ должны составлять только одно сословіе, могущее назваться гражданскимъ, всѣ граждане въ государствѣ должны имѣть одни и тѣ же права и быть передъ закономъ равны".

Краеугольными камнями всего реформированнаго строя Пестель считалъ свободу личности, вѣроисповѣданія, книгопечатанія (съ отвѣтственностью за преступленія передъ судомъ), свободу промышленности. Что же касается до свободы частныхъ обществъ, то таковыя онъ полагалъ необходимымъ запрещать, „какъ открытыя, такъ и тайныя, потому что первыя безполезны, а вторыя вредны".

Мѣстное управленіе организовывалось Пестелемъ такъ, что мелкою земскою единицею являлась волость (1.000 душъ), къ которой приписывались всѣ граждане, составлявшіе земское собраніе и избиравшіе представителей въ помѣстныя собранія — волостныя, уѣздныя и окружныя. Земля въ волости дѣлилась на участки, которые и раздавались гражданамъ. Оставшійся отъ раздѣла фондъ отдавался опять таки участками въ аренду на одинъ годъ. Уѣздныя собранія избирали представителей въ собранія окружныя-губернскія, а послѣднія въ собранія областныя, изъ которыхъ уже выбирались депутаты въ народное вѣче, являвшееся верховной законодательной властью въ государствѣ. Въ выборахъ принимали участіе всѣ совершеннолѣтніе граждане мужского пола. Мѣстные выборы производились по системѣ прямой подачи голосовъ, общегосударственные—по двухстепенной. Во главѣ каждой области стоялъ областной посадникъ (генералъ-губернаторъ), которому подчинены были управы — правосудія, благочинія, духовныхъ дѣлъ, просвѣщенія, хозяйства и казначейства. На обязанности посадника лежало: блюсти область, содержать связь между областными управами и между его областью и прочими частями государства, наблюдать, „дабы справедливыя и законныя требованія одной управы непремѣнно исполняемы были другою". Судъ предполагался присяжный и публичный, а смертная казнь совершенно отмѣнялась. Россія дѣлилась на три округа—Столичный, Донской и Кавказскій, и на десять губерній, губерніи на уѣзды, уѣзды на волости. Народное управленіе сосредоточивалось въ Нижнемъ Новгородѣ, который переименовывается въ Владиміръ. „Сіе имя дается столицѣ въ память высокаго мужа, введшаго въ Россію христіанскій законъ—говоритъ Пестель:—да средоточіе Россіи свидѣтельствуетъ даже именемъ своимъ о вѣчной благодарности Россіянъ за благочестивое и благодѣтельное его дѣяніе. Нынѣшній же городъ Владиміръ можетъ быть названъ Клязминымъ, стоя на рѣкѣ Клязмѣ. Столицею государства Россійскаго выбранъ Нижній Новгородъ потому: 1) что сей городъ въ срединѣ Россіи расположенъ; 2) что,

стоя на Волгѣ и Окѣ, онъ всѣхъ прочихъ удобнѣе для внутренней торговли и для провоза всякихъ припасовъ, въ столь большомъ количествѣ для столицы необходимыхъ; 3) что Макарьевская ярмарка соединяетъ Европу съ Азіею въ сухопутныхъ торговыхъ отношеніяхъ; 4) что освобожденіе Россіи отъ ига иноплеменнаго черезъ Минина и Пожарскаго изъ сего города произошло и 5) что всѣ воспоминанія о древности Нижегородской дышутъ свободою и прямою любовью къ отечеству, а не къ тиранамъ его".

Еще ранѣе „Русской Правды" Пестелемъ была составлена „Записка о государственномъ правленіи", гдѣ съ особенною тщательностью былъ разработанъ вопросъ о введеніи у насъ суда присяжныхъ. Онъ считаетъ необходимымъ *): 1) разсмотрѣніе существа дѣла и рѣшеніе о виновности или невинности подсудимаго предоставить присяжнымъ; 2) производство дѣла должно быть не словеснымъ, а письменнымъ, и рѣчей въ судѣ произносить не должно; судопроизводство должно быть публичное. Судьи должны быть несмѣняемы и могутъ быть лишены мѣста только по судебному приговору. Присяжные должны назначаться какъ для гражданскихъ, такъ и для уголовныхъ дѣлъ изъ среды гражданъ, не по выбору ихъ или по назначенію отъ правительства, а поочереди, предоставивъ тяжущимся или подсудимымъ право отводить нѣкоторыхъ изъ нихъ по уважительнымъ причинамъ. Число присяжныхъ зависитъ отъ важности дѣла, но ихъ должно быть не менѣе 10. Для каждаго дѣла назначаютъ особыхъ присяжныхъ; они рѣшаютъ единогласно и не должны расходиться, пока не постановятъ приговора. Полезно было бы прибавить, по примѣру римлянъ, третій родъ рѣшеній, выражающій сомнѣніе. Такое дѣло могло бы быть возобновлено, если бы явились новыя обстоятельства дѣла.

Земскія, уѣздныя и губернскія начальства, устраивающія благочиніе въ исполнительномъ порядкѣ, состоятъ изъ чиновниковъ, выбираемыхъ самими обывателями. Эти чиновники, между прочимъ, надзираютъ за книготорговцами, типографіями, театральными представленіями и обращеніемъ книгъ, журналовъ, мелкихъ сочиненій и листковъ.

Кромѣ поименованныхъ трудовъ, Пестелемъ были еще напи-

---

*) Всѣ данныя относительно послѣднихъ трехъ работъ Пестеля заимствованы изъ ст. В. И. Семевскаго „Вопросы о преобразованіи государственнаго строя Россіи XVIII и первой четверти XIX вѣка", напечатаной въ журналѣ „Былое" за 1906 г.

исполнительную власти въ предѣлахъ законности. Никакой засаны: 1) „Краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго правленія. Сочиненіе русскаго гусара 1820 г.“ и 2) „Государственный Завѣтъ“, сообщенный имъ въ свое время „Обществу соединенныхъ славянъ“. Въ первой работѣ онъ съ особенною силою возстаетъ противъ смертной казни, мотивируя необходимость отмѣны казни тѣмъ, что „имѣетъ каждый частный человѣкъ право убить того, который стремится лишить его жизни, если не имѣетъ другихъ средствъ для своего спасенія. Но гражданское общество и правительство, располагая всегда другими средствами для спасенія государства или гражданъ отъ покушеній частныхъ людей, не имѣетъ права какого-бы то ни было преступника наказывать смертью, ибо въ семъ отношеніи все то есть *безсовѣстно* и *зловластно*, что преступаетъ границы необходимости“.

Многое изъ того, что Пестелю не удалось изложить въ обработанномъ видѣ въ „Русской Правдѣ“ нашло себѣ краткое конспективное выраженіе въ его „Государственномъ Завѣтѣ“, гдѣ имъ представлены соображенія относительно верховной власти, какъ законодательной, такъ и верховно-исполнительной, относительно „народнаго вѣче“, которое, по его мнѣнію, не подлежитъ роспуску, ибо представляетъ собою „волю въ государствѣ, народную душу“.

Подать проектировано платить съ земли. Каждая волость ведетъ два списка, волостной и скарбовый, всякій гражданинъ вносится въ первый изъ сихъ списковъ только въ одной волости, что означаетъ его политическое состояніе, но онъ можетъ быть записанъ въ скарбовомъ спискѣ многихъ волостей, по своему имуществу. Законодательная часть поручается народному вѣчу, состоящему изъ депутатовъ, выбранныхъ на одинъ годъ *); исполнительная же принадлежитъ „державной думѣ“ изъ пяти депутатовъ, также выбранныхъ изъ среды народа на одинъ годъ. Первымъ дается право объявлять войну и заключать миръ, а послѣднимъ—вести войну и переговоры о мирѣ. Кромѣ этихъ двухъ властей, Пестель проектировалъ еще „блюстительное сословіе“, именуемое „верховнымъ соборомъ“ и состоящее изъ 50 членовъ **), избираемыхъ народомъ на всю жизнь и называемыхъ „боярами“; они должны удерживать законодательную и

---

*) По другому варіанту, выборы депутатовъ дѣлались на 5 лѣтъ.
**) По другому варіанту, изъ 120.

конъ, изданный народнымъ вѣчемъ, не можетъ быть приведенъ въ исполненіе державною думою безъ утвержденія верховнымъ соборомъ. Каждый изъ гражданъ долженъ быть увѣдомленъ о предполагаемомъ законѣ и можетъ дѣлать на него замѣчанія. Губерніи находятся на военномъ положеніи; войска повинуются верховной думѣ, и только по выступленіи ихъ за предѣлы отечества главнокомандующій принимаетъ надъ ними начальство.

Сопоставляя обѣ политическія партійныя программы — Муравьева и Пестеля, мы видимъ въ нихъ значительную разницу и многія особенности. Въ то время, какъ Муравьевъ являлся скорѣе всего представителемъ англійскаго конституціонализма, Пестель почерпалъ свои руководящія идеи изъ конституціи французской директоріи. На одномъ лишь оба автора программъ сходились безусловно, это именно на необходимости вооруженнаго возстанія, уничтоженія самодержавія, созыва учредительнаго собранія и учрежденія временнаго правительства. Точно также и въ бумагахъ князя С. Трубецкого найдена была записка съ проектомъ конституціи; въ которой нельзя не усмотрѣть отзвука и отраженія взглядовъ и идей Н. Муравьева. Изслѣдователи дѣла декабристовъ даже полагаютъ, что, проектъ кн. Трубецкого являлся переработкой и нѣкоторымъ исправленіемъ проекта Муравьева *).

Къ проекту конституціи кн. С. П. Трубецкаго имѣется слѣдующая дополнительная надпись: „Предположеніе для начертанія устава положительнаго образованія, когда Е. И. В. благоугодно будетъ съ помощью Всевышняго учредить Славяно-Русскую Имперію“. Самому проекту предшествуетъ „вступленіе“, гдѣ мы читаемъ: „Опытъ всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ доказалъ, что власть самодержавная равно гибельна для правителей и для обществъ; что она не согласна ни съ правилами святой вѣры нашей, ни съ началомъ здраваго разума. Нельзя допустить основаніемъ правительства—*произволъ* одного человѣка—невозможно согласиться, чтобы всѣ права находились на одной сторонѣ, а всѣ обязанности на другой. Слѣпое повиновеніе можетъ быть основано только на страхѣ и не достойно ни разумнаго повелителя—ни разумныхъ исполнителей. Ставя себя выше законовъ, государи забыли, что они въ такомъ случаѣ внѣ законовъ,—внѣ человѣчества! Что невозможно имъ ссылаться на

*) М. В. Довнаръ-Запольскій „Мемуары декабристовъ“.

законы, когда дѣло идетъ о другихъ, и не признавать ихъ бытіе, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ. Одно изъ двухъ: или они справедливы,—тогда къ чему же не хотятъ и сами подчиняться онымъ, или они не справедливы—тогда зачѣмъ хотятъ они под-

Кн. С. П. Трубецкой.

чинять имъ другихъ. Всѣ народы Европейскіе достигаютъ законовъ и свободъ. Болѣе всѣхъ ихъ народъ Русскій заслуживаетъ и то и другое. Но какой образъ правленія ему приличенъ? Народы малочисленные бываютъ обыкновенно добычею сосѣдей и не пользуются независимостью. Народы многочисленные пользуются внѣшнею независимостью—но обыкновенно страдаютъ отъ

внутренняго утѣсненія и бываютъ въ рукахъ деспота орудіемъ притѣсненія и гибели сосѣднихъ народовъ. Обширность земли, многочисленное войско препятствуютъ однако быть свободными,— тѣ, которые не имѣютъ сихъ неудобствъ,—страждутъ отъ своего безсилія.—*Федеральное* или *союзное правленіе* одно разрѣшило сію задачу, удовлетворило всѣмъ условіямъ и согласило *величіе народа* и *свободу гражданъ*.

„Подъ надзоромъ Государя одно Законодательное Собраніе находится въ столицѣ и дѣлаетъ всѣ распоряженія общія, для всего государства;—частныя распоряженія, касающіяся до областей,—предоставлены областнымъ законодательнымъ собраніямъ, образованнымъ на подобіе *столичнаго* и такимъ образомъ доставляется благосостояніе *цѣлаго* и частей".

На поляхъ проекта сдѣланы, какъ свидѣтельствуетъ М. В. Довнаръ-Запольскій, отрывочныя замѣчанія, — результатъ обсужденія проекта въ средѣ членовъ Общества.

По содержанію проектъ дѣлится на 13 главъ: „о народѣ русскомъ и правленіи", „о гражданахъ", „о состояніи, личныхъ правахъ и обязанностяхъ Русскаго", „о Россіи въ законодательномъ и исполнительномъ отношеніи", „о внутреннемъ устройствѣ, волостномъ и уѣздномъ правленіи", „о внутреннихъ властяхъ или о правительствахъ Державы", „о законодательной власти Державы" (эта глава дѣлится на три раздѣла)", „о власти Державнаго Законодательнаго Собранія", „о исполнительной власти державъ", „о народномъ Вѣчѣ", „о палатѣ представителей и о числѣ представителей и выборныхъ", „о Верховной Думѣ", „о Императорѣ".

Любопытно отмѣтить, какіе прерогативы отведены въ проектѣ Императору. Онъ назначаетъ судей верховныхъ мѣстъ и прочихъ чиновниковъ. Пополняетъ праздныя мѣста, когда Дума распущена, до окончанія 1-го съѣзда ея и назначаетъ: 1) главу казначейскаго приказа (мин. финанс.), 2) главу сухопутныхъ силъ, 3)—морскихъ, 4)—внѣшнихъ сношеній.

Кромѣ проекта конституціи въ бумагахъ Трубецкого найденъ и проектъ манифеста, гдѣ положена программа предметовъ, кои предполагалось объявить въ сенатскомъ манифестѣ объ учрежденіи временнаго правительства. Предметы эти: 1) уничтоженіе прежняго правительства, 2) учрежденіе новаго, временнаго, до установленія постояннаго выборными отъ народа, 3) свобода печати, 4) свобода богослуженія, 5) уничтоженіе владѣнія крѣпостными людьми, равенство всѣхъ гражданъ передъ законами,

и потому отмѣна военныхъ судовъ и судныхъ комиссій, 7) объявленіе права каждому избирать родъ занятій и занимать всякія должности, 8) сложеніе подушныхъ и недоимокъ, 9) уничтоженіе монополіи, 10) уничтоженіе рекрутской повинности и военныхъ поселеній, 11) сокращеніе срока службы для нижнихъ чиновъ и уравненіе воинской повинности для всѣхъ сословій, 12) увольненіе въ отставку всѣхъ нижнихъ чиновъ, прослужившихъ 15 лѣтъ, 13) учрежденіе волостныхъ, уѣздныхъ, губернскихъ и областныхъ управленій и назначеніе въ нихъ членовъ по выбору, взамѣнъ всѣхъ нынѣшнихъ чиновниковъ, 14) гласность суда и 15) введеніе суда присяжныхъ въ суды уголовные и гражданскіе.

Временное правительство должно было немедленно провести въ исполненіе: 1) уравненіе правъ всѣхъ состояній, 2) образованіе волостныхъ, уѣздныхъ и проч. управленій, 3) образованіе внутренней народной стражи, 4) образованіе судной части съ присяжными, 5) уравненіе рекрутской повинности, 6) распущеніе постоянной арміи, 7) учрежденіе порядка выборовъ въ палату народныхъ представителей, кои долженствуютъ установить на будущее время образъ правленія и государственные уставы.

Кромѣ указанныхъ проектовъ конституцій среди членовъ сѣвернаго и южнаго обществъ обращались также составленные нѣкоторыми изъ декабристовъ „катехизисы" и „воззванія", имѣвшія своимъ назначеніемъ цѣли пропаганды и воздѣйствія на народныя массы. Къ числу такихъ катехизисовъ надлежитъ отмѣтить „Православный катехизисъ", составленный членомъ южнаго общества, С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, а также „Катехизисъ славянина", составленный Борисовымъ 2-мъ, о которомъ будетъ сказано далѣе. Вотъ текстъ „Катехизиса" Муравьева-Апостола.

Православный Катихизисъ *).

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Вопросъ. Для чего Богъ создалъ человѣка?

Отвѣтъ. Для того, чтобы онъ въ Него вѣровалъ, былъ свободенъ и щастливъ.

Вопросъ. Что значитъ вѣровать въ Бога?

*) Взято изъ книги „Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства", подъ ред. А. К. Бороздина.

Отвѣтъ. Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сошедши на землю для спасенія насъ, оставилъ намъ святое свое Евангеліе. Вѣровать въ Бога значитъ слѣдовать во всемъ истинному смыслу начертанныхъ въ немъ заповѣдей.

Вопросъ. Что значитъ быть свободнымъ и щастливымъ?

Отвѣтъ. Безъ свободы нѣтъ щастія. Святый Апостолъ Павелъ говоритъ: цѣною крови куплены есте, не будете рабы человѣкамъ.

Вопросъ. Для чего же русскій народъ и русское воинство нещастно?

Отвѣтъ. Отъ того, что цари похитили у нихъ свободу.

Вопросъ. Стало быть, цари поступаютъ вопреки воли Божіей?

Отвѣтъ. Да, конечно, Богъ намъ рекъ: Болій въ васъ да будетъ вамъ слуга, а цари тиранятъ только народъ.

Вопросъ. Должны ли повиноваться властямъ, когда они поступаютъ вопреки воли Божіей?

Отвѣтъ. Нѣтъ. Христосъ сказалъ: не можете Богу работать и Мамонѣ; отъ того-то Русскій народъ и русское воинство страдаютъ, что покоряются царямъ.

Вопросъ. Что-жъ святой законъ нашъ повелѣваетъ дѣлать Русскому народу и воинству?

Отвѣтъ. Раскаяться въ долгомъ раболепствіи и, ополчась противъ тиранства и нещастія, поклясться: да будетъ всѣмъ единъ Царь на небеси и на земли — Іисусъ Христосъ.

Вопросъ. Что можетъ удержать отъ исполненія святаго сего подвига?

Отвѣтъ. Ни что! Тѣ, кои воспротивятся святому подвигу сему, суть предатели, богоотступники, продавшіе души свои нечестію, и горе имъ, лицемѣрамъ, яко страшное наказаніе Божіе постигнетъ ихъ на семъ свѣтѣ и на томъ.

Вопросъ. Какимъ же образомъ ополчиться всѣмъ чистымъ сердцемъ?

Отвѣтъ. Взять оружіе и слѣдовать за глаголющимъ во имя Господне, помня слова Спасителя нашего: Блажени алчущіе и жаждущіе правды, яко тѣ насытятся, и низложивъ неправду и нечестіе тиранства, возстановить правленіе, сходное съ закономъ Божіимъ.

Вопросъ. Какое правленіе сходно съ закономъ Божіимъ?

Отвѣтъ. Такое, гдѣ нѣтъ царей. Богъ создалъ всѣхъ насъ равными и, сошедши на землю, избралъ Апостоловъ изъ простого народа, а не изъ знатныхъ и царей.

Вопросъ. Стало быть, Богъ не любитъ царей?

Отвѣтъ. Нѣтъ! Они прокляты суть отъ Него, яко притѣснители народа, а Богъ есть человѣколюбецъ. Да прочтетъ каждый желающій знать судъ Божій о царяхъ, книги Царствъ главу 8-ю: собрашася мужи израилевы и придоша къ Самуилу и рекоша ему: нынѣ постави надъ нами царя, да судитъ ны; и бысть лукавъ глаголъ сей предъ очима Самуиловыма, и помолися Самуилъ ко Господу, и рече Господь Самуилу: послушай нынѣ

С. И. Муравьевъ-Апостолъ.

гласа людей, якоже глаголятъ тебѣ, яко ни тебѣ уничтожиша, но Мене уничтожиша, яже не царствовати Ми надъ ними, но возвѣстиши имъ правду Цареву. И рече Самуилъ вся словеса Господня къ людямъ, просящимъ отъ него царя, и глагола имъ: сіе будетъ правда царева: сыны ваша возьметъ и дщери ваша

возьметъ и земля ваша одесятствуетъ, и вы будете ему раби и возопіете въ день онъ отъ лица Царя вашего, егоже избрасте себѣ, и не услышитъ васъ Господь въ день онъ, яко вы сами избрасте себѣ Царя... и такъ избраніе Царей противно волѣ Божіей, яко единъ нашъ Царь долженъ быть Іисусъ Христосъ.

Вопросъ. Стало, и присяга царямъ богопротивна?

Отвѣтъ. Да, богопротивна. Цари предписываютъ принужденныя присяги народу для губленія его, не призывая въ суе имени Господня; Господь же нашъ и Спаситель Іисусъ Христосъ изрекъ: азъ же глаголю вамъ, не клянитеся всяко, и такъ всякая присяга человѣку противна Богу, яко принадлежащей (sic) Ему единому.

Вопросъ. Отъ чего упоминаютъ о царяхъ въ церквахъ?

Отвѣтъ. Отъ нечестиваго приказанія ихъ самихъ, для обмана народа, и ежечаснымъ повтореніемъ царскихъименъ оскверняютъ они службу Божію вопреки Спасителева велѣнія: молящіе не меньше глаголятъ, якоже язычники.

Вопросъ. Что же наконецъ подобаетъ дѣлать христолюбивому Россійскому воинству?

Отвѣтъ. Для освобожденія страждущихъ семействъ своихъ и родины своей и для исполненія святого закона христіанскаго, помолясь теплою надеждою Богу, поборающему по правдѣ и видимо покровительствующему уповающимъ твердо на него, ополчиться всѣмъ вмѣстѣ противъ тиранства и возстановить вѣру и свободу въ Россіи.

А кто отстанетъ, тотъ, яко Іуда предатель, будетъ анафема проклятъ. Аминь.

Муравьевымъ-же было составлено и воззваніе, относящееся къ смутному времени, послѣдовавшему послѣ смерти Александра I. Вотъ его текстъ:

ВОЗЗВАНІЕ.

Богъ умилосердился надъ Россіею, пославъ смерть тирану нашему. Христосъ рекъ: не будьте рабами человѣковъ, яко искуплены кровью моею. Міръ не внялъ святому повелѣнію сему и палъ въ бездну бѣдствій. Но страданья наши тронули Всевышняго. Днесь Онъ посылаетъ намъ свободу и спасенье. Братья! раскаемся въ долгомъ раболѣпствіи и поклянемся: да будетъ намъ единъ царь на небеси и на земли Іисусъ Христосъ

Всѣ бѣдствія Русскаго народа проистекали отъ самовластнаго правленія. Оно рушилось. Смертію тирана Богъ ознаменовываетъ волю свою, дабы мы сбросили съ себя узы рабства, противныя закону Христіанскому. Отъ нынѣ Россія свободна. Но какъ истинные сыны церкви, не покусимся ни на какія злодѣянія, и безъ распрей междоусобныхъ, установимъ правленіе народное, основанное на законѣ Божіемъ, гласящемъ: да первый изъ васъ послужитъ вамъ.

Россійское воинство грядетъ возстановить правленіе народное, основанное на святомъ законѣ. Никакихъ злодѣйствъ учинено не будетъ.—И такъ, да благочестивый народъ нашъ пребудетъ въ мирѣ и спокойствіи, и умоляетъ Всевышняго о скорѣйшемъ свершеніи святого дѣла нашего. Служители а тарей, донынѣ оставленные въ нищетѣ и презрѣніи злочестивымъ тираномъ нашимъ, молятъ Бога о насъ, возстановляющихъ во всемъ блескѣ храмы Господни.

Програмы, положенныя въ основу „Сѣвернаго“ и „Южнаго“ обществъ, не исчерпывали собою всей суммы революціоннаго настроенія, охватившаго тогдашнее передовое общество и являвшагося угрозой существовавшему въ концѣ царствованія Александра 1 государственному строю. О бокъ съ ними и согласно съ ними осуществились, дѣйствовали и соприкасались съ ними еще двѣ политическія группы, о которыхъ также слѣдуетъ упомянуть. Эти общества—„Соединенныхъ славянъ“, или „Славянскій союзъ“, и „Польское тайное общество“.

„Славянскій союзъ“ *) былъ основанъ въ 1825 г. офицеромъ Борисовымъ 2-мъ, его братомъ, Борисовымъ 1-мъ, и шляхтичемъ Люблинскимъ. Цѣлью общества было соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь „славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осьмиугольной печати ихъ: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей“. Всѣ эти славянскія земли должны быть освобождены отъ самовластія, отъ національнаго антагонизма и соединены между собою федеративнымъ строемъ. Предполагалось съ точностью опредѣлить границы каждаго государства, ввести у всѣхъ народовъ демократическое представительное правленіе, составить конгрессъ для управленія дѣлами союза и для измѣненій, въ случаѣ на-

*) Международная библіотека. Донесеніе слѣдственной коммиссіи.

добности, общихъ коренныхъ законовъ, предоставляя каждому государству заняться внутреннимъ устройствомъ и быть независимымъ въ составленіи частныхъ своихъ узаконеній. Главное отличіе „Славянскаго союза“ отъ другихъ тайныхъ обществъ заключалось въ томъ, что здѣсь было обращено особенное вниманіе на развитіе экономической программы, въ интересахъ каковой предполагалось построить торговые порты у береговъ морей, омывавшихъ славянскія земли — Балтійскаго, Бѣлаго, Чернаго и Адріатическаго. Въ центрѣ союзныхъ странъ долженъ былъ быть построенъ городъ, славянская столица, гдѣ собирались бы депутаты отъ славянскихъ областей, и гдѣ находилось бы главное управленіе союза.

Борисовымъ 2-мъ былъ составленъ также „Катихизисъ славянина“, переведенный на польскій языкъ Люблинскимъ, гдѣ рядомъ съ разсужденіями объ общественныхъ благахъ прибавлялись и формулы клятвъ, даваемыхъ на шпагахъ новопоступающими членами, напримѣръ: „если измѣню, то буду наказанъ и угрызеніемъ совѣсти, и симъ оружіемъ, надъ коимъ произношу присягу; да впадетъ оно остріемъ въ сердце мое, да истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сцѣпленіемъ неслыханныхъ бѣдъ“, или: „пройду тысячи смертей, препятствій, пройду и посвящу послѣдній вздохъ свободѣ и братскому союзу благородныхъ славянъ. Если же нарушу сію клятву, то.... пусть сіе оружіе обратится остріемъ въ сердце мое и наполнитъ оное адскимъ мученіемъ, пусть минута жизни моей, вредная для моихъ друзей, будетъ послѣднею“.

Вотъ нѣкоторыя правила „Катихизиса“ *) „Не желай имѣть раба, когда самъ быть рабомъ не хочешь“. „Будешь стараться разрушать всѣ предразсудки, а наиболѣе до разности состояній касающіеся...“. „Ты еси славянинъ и на землѣ твоей при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь 4 флота: Черный, Бѣлый, Далматскій и Ледовитый, а въ рединѣ оныхъ воздвигнешь городъ и въ немъ башню просвѣщенія, и своимъ могуществомъ на тронѣ посидишь. Оттуда будешь получать для себя правосудіе и ему повиноваться обязанъ... Въ портахъ твоихъ, славянинъ, будетъ цвѣсти торговля и морская сила, а въ городѣ, посреди земли твоей, справедливость для тебя обитать станетъ. Желаешь имѣть сіе? Соединись съ твоими братьями, отъ которыхъ невѣжество тво-

---

*) „Былое“ 1906 г. ст. В. И. Семевскаго „Вопросъ о преобразованіи государственнаго строя Россіи XVIII и первой четверти XIX вѣка“.

ихъ предковъ отдалило тебя. Желаешь все это имѣть? Будешь жертвовать десятою частію твоихъ доходовъ годовыхъ и будешь обитать въ сердцахъ друзей твоихъ".

Союзъ этотъ не былъ многочисленнымъ, на немъ лежалъ отпечатокъ традицій масонскихъ ложъ, и у него не было выработано строго опредѣленной и точно формулированной политической программы, но за то онъ носилъ на себѣ „отпечатокъ воинственности. Страшныя клятвы произносились на оружіи. Мысль, что свобода покупается не слезами, не золотомъ, но кровью, была вскормлена въ ихъ серцахъ, и слова знаменитаго республиканца, сказавшаго: „обнаживши мечъ противъ своего государя, должно отбросить ножны сколь возможно далѣе", долженствовали служить руководствомъ ихъ будущаго поведенія". Подъ вліяніемъ главныхъ руководителей „Южнаго общества", преимущественно Бестужева, союзъ примкнулъ къ этому обществу и принялъ его политическія основы, которыя и были ему вручены въ видѣ „государственнаго завѣта", являвшагося сокращеніемъ „Русской Правды" Пестеля. Нѣкоторымъ препятствіемъ къ соединенію или слитію союза съ обществомъ на первое время какъ будто являлся вопросъ объ убіеніи государя и истребленіи царской фамиліи: славяне находили это „противнымъ Богу и религіи". На это С. Муравьевъ возражалъ ссылками изъ библіи, а Бестужевъ приводилъ тутъ соображенія историческія: „Надобно,—говорилъ онъ,—самый прахъ ихъ (членовъ императорской фамиліи) развѣять по землѣ. Послѣдствій такихъ, какъ во Франціи, бояться не должно; тамъ началъ революцію народъ, а не войско; у нихъ не было хорошей конституціи, одна смѣняла другую, всѣ были наполнены недостатками, и между верховными правителями ихъ, консулами, былъ человѣкъ отважный съ обширнымъ геніемъ: у насъ противъ всего подобнаго взяты мѣры".

Что касается польскихъ тайныхъ обществъ—„Союза друзей" и „Патріотическаго союза", то непосредственнаго отношенія собственно къ русскимъ вопросамъ о формѣ у насъ государственнаго правленія, о русской революціи, о нашихъ политическихъ программахъ они не имѣли. Ихъ возникновеніе и существованіе обусловливалось политическими отношеніями, исторически установившимися между Россіей и Польшей при Екатеринѣ II и ея преемникахъ, тѣмъ государственнымъ строемъ, который былъ санкціонированъ Александромъ I и общими теченіями политической мысли, съ одной стороны, вытекавшими изъ потери Польшею своей государственной самостоятельности, а съ

другой—изъ того общаго соціально-политическаго броженія, которое создано было великою французскою революціею.

„Союзъ друзей“ *), основанный въ 1817 г., когда надъ нимъ было произведено слѣдствіе, несмотря на нѣкоторыя скользкія положенія, встрѣтившіяся въ арестованныхъ документахъ, былъ реабилитированъ и признанъ не подавшимъ „повода къ какимъ либо взысканіямъ поставленнымъ, законами страны за политическія преступленія“. „Патріотическій союзъ“, или „Общество національнаго масонства“ было основано въ 1819 г., въ 1823 г. подвергнулось нѣкоторому административному разгрому, но вскорѣ затѣмъ снова окрѣпло, особенно, когда во главѣ сталъ извѣстный польскій патріотъ, графъ Станиславъ Солтыкъ. Оставляя въ сторонѣ масонскую оболочку общества, отмѣтимъ лишь, что отдаленною цѣлью его было возвращеніе отторгнутыхъ отъ прежней Польши областей подъ единою общею конституціею. „Должно быть готовымъ на каждый призывъ“,— говорили его члены, и въ ожиданіи таковаго надлежитъ „запастись конями и оружіемъ“. Союзъ состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ заграничными революціонными обществами, а также былъ въ непрестанномъ обмѣнѣ извѣстій съ тѣми нѣмецкими обществами (напримѣръ, „Polonia“), цѣлью которыхъ было возстановленіе Польши „въ границахъ высокихъ горъ, двухъ великихъ морей и двухъ рѣкъ“.

Члены „Южнаго общества“, служа въ войсковыхъ частяхъ, расположенныхъ у польскихъ границъ, конечно, имѣли возможность и случаи перезнакомиться и съ польскими представителями литовскаго корпуса, которые, замѣтивъ признаки политическаго броженія среди русскихъ офицеровъ, поспѣшили съ ними сблизиться и разузнать, что затѣвается въ Россіи. Несомнѣнно, всякое революціонное движеніе здѣсь, всякій мятежъ и волненіе, угрожавшіе спокойствію нашего государства, шли на руку полякамъ и приближали ихъ „тайныя общества“ къ намѣченной политикѣ возстановленія былого Польскаго королевства. Съ другой стороны, и русскіе политическіе заговорщики разсчитывали встрѣтить въ полякахъ нужную имъ поддержку и главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что послѣдніе могли арестовать цесаревича Константина Павловича, воспрепятствовать ему возвратиться въ Россію для противодѣйствія надвигавшейся революціи и отрѣзать войска, состоявшія подъ командованіемъ

*) М. И. Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. VI.

его, отъ прочей русской арміи, долженствовавшей стать на сторону революціонеровъ. Вступивъ въ переговоры съ представителями Польши, дѣятели „Южнаго общества“ должны были, конечно, выставить для полученія обѣщанія со стороны своихъ политическихъ сообщниковъ активной поддержки какія нибудь вполнѣ опредѣленныя положенія, соотвѣтствующія патріотическимъ интересамъ послѣднихъ. И вотъ Муравьевъ во время переговоровъ съ поляками опредѣленно говорилъ: „Чувства взаимной ненависти обоихъ народовъ, родившіяся во время варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда пользы всѣхъ народовъ однѣ и тѣ же, и потому русское общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способствовать къ уничтоженію вражды между обѣими націями“. Въ томъ же смыслѣ высказался и Бестужевъ, утверждая, что „Россія, наскучивъ правленіемъ самовластнымъ, рѣшилась учредить конституціонное“; что „стремящееся къ тому сообщество, уже многочисленное и сильное, съ каждымъ днемъ увеличиваетъ силы свои, и съ его только помощью поляки могутъ имѣть надежду возстановить свое отечество“; что „для этого патріотическое общество должно вступить въ сношенія съ обществомъ русскимъ чрезъ членовъ, уполномоченныхъ на заключеніе окончательныхъ условій, и если поляки соединятся съ русскими, то, безъ сомнѣнія, получатъ отъ нихъ достаточную помощь для возвращенія принадлежащихъ нынѣ другимъ державамъ своихъ областей, и будутъ народомъ независимымъ“.

Депутаты „Патріотическаго союза“, конечно, охотно выслушивали рѣчи русскихъ, поддакивали имъ, но очевидно, не особенно-то довѣряли силѣ революціонеровъ, мало полагались на успѣшность ихъ дѣйствій и сомнѣвались въ возможности для Россіи такъ скоро и легко раздѣлаться съ очень труднымъ и сложнымъ политическимъ вопросомъ, каковъ вопросъ о перемѣнѣ формы правленія. Поэтому во всѣхъ ихъ рѣчахъ наблюдается удивительная уклончивость, а въ дѣйствіяхъ нерѣшительность и даже отсутствіе какихъ либо прямыхъ шаговъ къ заключенію формальнаго договора съ „Южнымъ обществомъ“, какъ на томъ настаивали пылкіе русскіе революціонеры. Польшѣ слишкомъ дорого далось то настоящее, которымъ она, какъ-никакъ, а пользовалась съ 1818 г., чтобы съ легкимъ сердцемъ рѣшиться на политическую авантюру, не обезпеченную въ глазахъ поляковъ ни солидными силами, ни достаточными матеріальными

средствами, ни той психологической атмосферой, которыя дѣлают задачи всякаго революціоннаго движенія болѣе или менѣе осуществимыми.

И дѣйствительно, на что разсчитывали и на что опирались при жизни Александра I тѣ, кто становились во главѣ заговора, и кто, вскорѣ спустя, такъ геройски и такъ безразсудно сложили свои головы? Подъ ними не было твердой почвы, за ними не было ни широкихъ народныхъ массъ, ни многочисленныхъ общественныхъ элементовъ, ни благопріятнаго момента. Послѣдній свалился имъ на голову совершенно неожиданно и, должно признаться, засталъ ихъ, несмотря на многія подготовительныя дѣйствія, совершенно „не готовыми къ трудной борьбѣ", не организованными и даже недостаточно между собою столковавшимися. Правительство Александра I, освѣдомленное черезъ своихъ шпіоновъ о всѣхъ нитяхъ заговора, точно щадило заговорщиковъ на гибель имъ самимъ, дало возможность безъ всякой надобности созрѣть заговору и само въ конечномъ результатѣ искусственно, рядомъ совершенно несообразныхъ дѣйствій, подготовило ту кровавую трагедію, которая разыгралась 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади, и гдѣ престолъ и благополучіе династіи были легкомысленно отданы во власть опасной случайности самими же представителями царствующаго дома.

ГЛАВА VIII.

Заботы Александра I о преемникѣ.—Его послѣдняя воля.—Смерть Александра Павловича и поведеніе Николая и Константина Павловичей.—Двоецарствіе.—Вступленіе на престолъ Николая I.—Его ознакомленіе съ заговоромъ въ арміяхъ. Доносъ Я. Ростовцева.—Настроеніе заговорщиковъ.—Ихъ недовѣріе къ Пестелю.—Мнѣнія о немъ Поджіо и Кн. Трубецкого.—Арестъ Пестеля.

Событія внутренней жизни Россіи за первую половину второго десятилѣтія XIX вѣка не давали никакого благопріятнаго повода для начала вооруженнаго возстанія. Какъ ни плоха, какъ ни отрицательна была создавшаяся къ тому времени, опредѣлившаяся и укрѣпившаяся дѣйствительность, но она покрывалась какъ-никакъ именемъ того, въ комъ народъ видѣлъ освободителя Россіи отъ нашествія иноплеменниковъ, и за котораго горячо и любовно возносилъ свои моленія по церквамъ. Декабристы бездѣйствовали, и будущее, революціонно-активное будущее, заволакивалось густымъ туманомъ полной неопредѣленности и неизвѣст-

ности. Но вотъ судьба совершенно неожиданно вызываетъ ихъ на авансцену русской жизни, и они призываются, какъ вполнѣ и сознательно организованныя силы, сказать свое открытое слово и осуществить такъ долго обдумываемое дѣло. Самъ царствующій домъ, въ лицѣ своихъ главныхъ членовъ, какъ бы постарался, чтобы въ исторію Россіи была внесена новая страница смуты, и чтобы эта смута непремѣнно была запечатлѣна кровью съ сохраніемъ вмѣстѣ съ тѣмъ русской государственной дѣйствительности таковою, какою ее создалъ новѣйшій петербургскій періодъ русской исторіи. Печальныя событія развернулись слѣдующимъ образомъ.

Александръ Павловичъ былъ бездѣтенъ, и вопросъ о замѣстительствѣ престола послѣ него не могъ не останавливать его мысли. Впервые свое мнѣніе по сему предмету онъ довольно опредѣленно высказалъ еще въ 1817 г., при чемъ въ достаточно оригинальной постановкѣ вопроса. На обѣдѣ въ Кіевѣ, во время его путешествія по Россіи, когда общій разговоръ коснулся обязанности людей вообще, а монарховъ въ частности, онъ замѣтилъ: „Когда кто нибудь имѣетъ честь находиться во главѣ такого народа, какъ нашъ, онъ долженъ въ моментъ опасности становиться лицомъ къ лицу съ нею. Онъ долженъ оставаться на своемъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока его физическія силы будутъ ему позволять это, или, чтобы сказать однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока онъ въ состояніи садиться на лошадь“; далѣе онъ продолжалъ: „Что касается до меня, то въ настоящее время я чувствую себя здоровымъ, но черезъ десять или пятнадцать лѣтъ, когда мнѣ будетъ пятьдесятъ лѣтъ, тогда“... Тутъ присутствующіе царедворцы поспѣшили, конечно, его перебить разными подходящими увѣреніями, но для нѣкоторыхъ стало несомнѣннымъ, что государь какъ будто задумывается надъ вопросомъ объ отреченіи отъ престола.

Тутъ заслуживаетъ вниманія то понятіе о своей власти, которое русскій самодержецъ такъ откровенно высказалъ, и невольно напрашивается сравненіе, какъ думали по тому же предмету московскіе самодержцы. У послѣднихъ власть была Богомъ дарованная, съ грозною отвѣтственностью передъ Богомъ, власть народная, съ опорою въ народѣ и въ церкви, какъ собраніи вѣрующихъ. Московскій самодержецъ грозилъ народу покинуть его въ видѣ кары за ослушаніе и неповиновеніе, но не въ зависимости отъ своихъ физическихъ силъ, а тѣмъ паче отъ способности сидѣть въ сѣдлѣ. Совсѣмъ иначе смотритъ отпрыскъ

германскаго рода: онъ какъ будто только военачальникъ вооруженныхъ силъ своего народа, и вопросъ о его удаленіи отъ власти есть его личное дѣло, въ коемъ народъ не имѣетъ права голоса. Мы видимъ, что идея русскаго самодержавія совершенно затуманилась, перестала быть понятною его представителямъ и обратилась въ ихъ глазахъ въ чисто семейное дѣло. И дѣйствительно, Александръ I обращаетъ вопросъ о престолѣ дома Романовыхъ въ какой-то частный вопросъ, совершенно игнорируя, подобно своимъ предшественникамъ XVIII столѣтія, русскую исторію и тѣ ея страницы, на которыхъ обрисовывается кровавая борьба народа изъ-за этого престола.

Черезъ два года послѣ кіевскаго разговора, за обѣдомъ со своимъ братомъ Николаемъ Павловичемъ и его супругою въ Красномъ Селѣ онъ началъ выражать брату свое удовольствіе по поводу его военной службы въ качествѣ бригаднаго командира, при чемъ замѣтилъ, что онъ въ особенности этому радуется, такъ какъ именно великому князю предстоитъ въ будущемъ явиться его замѣстителемъ. По словамъ государя *), онъ чувствуетъ, „что силы его слабѣютъ, что въ нашемъ вѣкѣ государямъ, кромѣ другихъ качествъ, нужна физическая сила и здоровье для перенесенія большихъ постоянныхъ трудовъ, что скоро лишится потребныхъ силъ, чтобы по совѣсти исполнять свой долгъ, какъ онъ разумѣетъ, и что поэтому онъ рѣшился, ибо сіе почитаетъ долгомъ, отречься отъ правленія съ той минуты, когда почувствуетъ сему время. Что онъ неоднократно говорилъ о томъ брату Константину Павловичу, который былъ съ нимъ однихъ почти лѣтъ, въ тѣхъ же семейныхъ обстоятельствахъ, при томъ имѣя природное отвращеніе къ сему мѣсту, рѣшительно не хочетъ ему наслѣдовать на престолѣ, тѣмъ болѣе, что они оба видятъ въ насъ знакъ благодати Божіей, дарованнаго намъ сына; что поэтому мы должны знать напередъ, что мы призываемся на сіе достоинство“.

Для Николая Павловича и его супруги такое откровеніе было донельзя неожиданнымъ, ибо до тѣхъ поръ по сему предмету имъ не давалось никакого намека, и въ дѣйствіяхъ государя въ отношеніи брата не наблюдалось ничего такого, чтобы обнаруживало его намѣренія. Николай держался на положеніи простого бригаднаго командира 1-й гвардейской дивизіи и въ отда-

---

*) „Императоръ Николай Первый. Его жизнь и царствованіе“—Н. К. Шильдера.

леніи отъ всякихъ государственныхъ дѣлъ. Александръ Павловичъ очевидно полагалъ, что для званія императора Россійской имперіи достаточно быть хорошимъ фронтовикомъ!.. И въ дальнѣйшемъ, даже послѣ этой бесѣды, государь не предпринимаетъ ничего, что бы приблизило его брата къ дѣлу народоуправленія; только военная его компетенція нѣсколько расширяется, и на него возлагается еще обязанность генералъ-инспектора по инженерной части. И только.

Сообщеніе Александра сильно смутило Николая Павловича; онъ плакалъ, представлялъ возраженія, приводилъ доводы о своей неподготовленности и пр., но дѣло отъ того въ своей постановкѣ вопроса не измѣнялось и не подвигалось ни въ какую сторону.

Что касается Константина Павловича, то дѣйствительно онъ уже давнымъ давно заявилъ своему старшему брату, что никоимъ образомъ не желаетъ ему наслѣдовать. По настоящему вопросу онъ еще въ 1801 г. заявилъ Саблукову послѣ трагическаго событія въ Инженерномъ замкѣ: „Послѣ того, что случилось, братъ мой можетъ царствовать, если хочетъ, но, если бы престолъ достался мнѣ когда-нибудь, то я, конечно, никогда его не приму“. На ту же тему онъ въ очень опредѣленныхъ словахъ говорилъ и своему любимому младшему брату, Михаилу Павловичу, уже послѣ своего вступленія въ бракъ съ графинею Іоанною Грудзинскою, наименованною послѣ замужества княгиней Ловичъ. Константинъ Павловичъ, являвшій собою живой портретъ отца, безъ ярко выраженнаго безумія послѣдняго, но со всѣми переливами въ характерѣ своего родителя, конечно, былъ менѣе всего подходящимъ преемникомъ Александру. Россія уже пережила кровавую дворцовую драму въ 1801 г., и нѣтъ никакого сомнѣнія, въ случаѣ вступленія Константина на престолъ, таковая драма такъ или иначе, но повторилась бы рано или поздно. Какъ бы сознавая это въ душѣ, онъ и выразилъ по сему предмету свою рѣшительную волю.

Со дня его брака съ княгинею Ловичъ и въ формальный актъ престолонаслѣдія вносился элементъ отрицательный въ смыслѣ правъ цесаревича на престолъ. Хотя въ „учрежденіи объ императорской фамиліи“, изданномъ Павломъ Петровичемъ, ничего не говорилось о неравныхъ по рожденію бракахъ членовъ царствующаго дома, но свадьба Константина Павловича несомнѣнно вносила въ дѣло отрицательный элементъ, который ставилъ препоны къ осуществленію его правъ на престолъ. Въ

манифестѣ по случаю развода Константина съ первою женою, Анною Өеодоровною, было сказано: „...Если какое лицо изъ императорской фамиліи вступитъ въ брачный союзъ съ лицомъ, не имѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то-есть не принадлежащимъ ни къ какому царствующему или владѣтельному дому, въ такомъ случаѣ лицо императорской фамиліи не можетъ сообщить другому правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и рождаемыя отъ такого союза дѣти не имѣютъ правъ на наслѣдованіе престола“. Отсюда можно заключить, каково было бы положеніе Константина-императора, не имѣющаго права признать своихъ дѣтей, если бы таковыя у него родились, законными наслѣдниками престола. Какая ужасная и несомнѣнно кровавая каша тутъ могла завариться! и въ виду сего, конечно, наилучшимъ исходомъ было бы формальное отреченіе Константина Павловича отъ своего наслѣдственнаго права при жизни еще старшаго брата. Но увы, такого акта сдѣлано не было, и весь вопросъ пошелъ по таковому пути, котораго сознательно-разумно начертать было не возможно. Этотъ путь былъ изобрѣтенъ самимъ Александромъ Павловичемъ и могъ привести къ гибели преемника его верховныхъ правъ, могъ создать страшное народное потрясеніе и обогатить Россію новой дворцовой революціей въ духѣ XVIII вѣка и трагедіи въ Инженерномъ замкѣ въ 1801 г.

Дѣйствія Александра I по сему предмету являются настолько загадочными, неясными, что даже его офиціальный біографъ, покойный Н. К. Шильдеръ, не находитъ въ данномъ случаѣ для него какихъ либо оправданій. Эти его дѣйствія окрылили „декабристовъ“, создали 14-е декабря 1825 г. и послужили тою роковою гранью, за которою начались реакціонные годы Николаевской эпохи въ жизни Россіи.

Въ теченіе 1822 г. Константинъ Павловичъ по соглашенію съ старшимъ братомъ и подъ его редакціей составилъ письмо, гдѣ онъ признавался, что, „не чувствуя въ себѣ ни тѣхъ дарованій, ни тѣхъ силъ, ни того духа, чтобы быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, къ которому по рожденію своему можетъ имѣть право“, проситъ его величество передать сіе право тому, кому оно принадлежитъ послѣ него. Отвѣтъ Александра былъ также частнаго характера, писанный въ крайне неопредѣленныхъ выраженіяхъ, гдѣ говорилось, что и онъ и мать ихъ обоихъ, Марія Өеодоровна, преисполнены „признательности къ почтеннымъ побужденіямъ“, имъ руководившимъ.

„Намъ обоимъ остается,—сказано въ заключеніе,—уважая причины, вами изъясненныя, дать полную свободу вамъ слѣдовать непоколебимому рѣшенію вашему, прося всемогущаго Бога, дабы Онъ благословилъ послѣдствія столь чистѣйшихъ намѣреній“.

Эта фамильная переписка несомнѣнно не имѣла никакого юридическаго оттѣнка и не являлась для сторонъ какимъ либо обязательнымъ актомъ. О послѣднемъ императоръ позаботился лишь въ слѣдующемъ 1823 г.

Александръ Павловичъ черезъ посредство министра духовныхъ дѣлъ, кн. А. Н. Голицына, поручилъ архіепископу московскому Филарету составить манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича, съ тѣмъ, однако, чтобы актъ этотъ оставался въ глубокой тайнѣ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время привести его въ исполненіе. Мѣстомъ храненія этого акта долженъ былъ быть Успенскій соборъ въ Москвѣ. Однако Филаретъ, выполнившій при содѣйствіи кн. Голицына возложенное на него порученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ, чтобы были сдѣланы списки съ этого документа первостепенной государственной важности, и чтобы списки эти хранились также въ Петербургѣ, въ государственномъ совѣтѣ, въ сенатѣ и въ синодѣ, о чемъ должна была быть сдѣлана соотвѣтствующая отмѣтка въ текстѣ самаго документа. Когда Филаретъ уже былъ въ Москвѣ, ему было поручено гр. Аракчеевымъ тайно ото всѣхъ положить высочайшее завѣщаніе государя въ ковчегъ государственныхъ актовъ въ Успенскомъ соборѣ, что имъ и было исполнено въ надлежащей точности и съ предписанной ему таинственностью. Нѣсколько позже таинственные пакеты съ собственноручною надписью Александра Павловича—„хранить... до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть прежде всякаго другого дѣйствія въ чрезвычайномъ собраніи“ были переданы въ государственный совѣтъ и сенатъ.

Вся обстановка и всѣ способы дѣйствій, коими государь окружилъ свою волю въ вопросѣ о новомъ престолонаслѣдіи, заслуживаютъ вниманія. Объ этой волѣ и актѣ завѣщанія онъ сообщаетъ изъ числа государственныхъ людей лишь троимъ: кн. Голицыну, гр. Аракчееву и архіепископу Филарету; изъ числа домашнихъ онъ никому о семъ не сообщаетъ, не исключая и главныхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ—великихъ князей Николая и Константина Павловичей. Тайна лишь част-

нымъ образомъ довѣряется имъ принцу Вильгельму прусскому, принцу Оранскому и супругамъ Карамзинымъ. Вотъ весь тотъ тѣсный и разномастный кружокъ людей, который былъ освѣдомленъ о дѣлѣ величайшей государственной и исторической важности. Императоръ не счелъ нужнымъ посовѣтоваться и поговорить о семъ даже съ Филаретомъ: ему лишь повелѣно было черезъ министра духовныхъ дѣлъ выполнить опредѣленное порученіе—составить извѣстный актъ и документъ, его обнимающій, и положить въ опредѣленное мѣсто. Больше по сему предмету ни съ кѣмъ государь не сносился, полагая, что Россія должна съ признательностью и полнымъ послушаніемъ принять всякое проявленіе его воли, даже за порогомъ смерти, въ какой бы формѣ эта воля не проявилась. Трудно подыскать другой случай въ нашей исторіи, гдѣ бы автократія отнеслась съ такимъ высокомѣріемъ и ко всему народу, и къ его служилымъ сословіямъ. Россіей распорядились, какъ вотчиной, и, нарушая столь недавно еще установленный законъ о престолонаслѣдіи, не сочли даже долгомъ придать этому нарушенію соотвѣтствующую приличную обстановку. Не менѣе страннымъ рисуется и отношеніе Александра къ братьямъ и въ особенности къ тому, кого онъ назначалъ своимъ преемникомъ верховныхъ правъ. Опредѣливъ его будущую отвѣтственную роль въ жизни русскаго народа, онъ не подготовляетъ его къ этой роли, держитъ въ черномъ военномъ тѣлѣ, скрываетъ отъ него свое завѣщаніе и тѣмъ самымъ какъ бы сразу предопредѣляетъ его на ту опасность, которая неминуемо должна его постигнуть. Это неоткровенное поведеніе особенно становится загадочнымъ, если принять во вниманіе, что государю были болѣе или менѣе подробно извѣстны настроенія въ арміи и въ обществѣ, гдѣ шла именно работа, направленная противъ того престола, на которомъ онъ волею судьбы возсѣдалъ, и на который онъ такъ необычайно возводилъ послѣ себя своего брата. Можно подумать, что въ его душѣ не было истиннаго братскаго чувства къ своему преемнику, и онъ, исполнивъ формально свой долгъ, завѣдомо омылъ руки: après moi le déluge!

А что гроза надвигается и неминуемо рано или поздно должна разразиться бурею, онъ зналъ изъ нѣсколькихъ источниковъ, и, тѣмъ не менѣе, по свойству своего характера не принималъ въ этомъ отношеніи никакихъ рѣшительныхъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія. Еще въ 1821 г. генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ подноситъ ему докладъ о тайныхъ обществахъ въ Россіи,

съ указаніемъ многихъ дѣйствующихъ въ нихъ лицъ и съ отмѣткой о бездѣятельности по сему предмету столичной администраціи, но Александръ Павловичъ оставляетъ эту записку втупе, и она безъ всякаго движенія остается у него на письменномъ столѣ въ кабинетѣ Зимняго дворца. Въ 1824 г. поступаетъ офиціальный доносъ капитана Майбороды, съ указаніемъ именъ заговорщиковъ и ихъ плановъ. Вслѣдъ за нимъ симптомы броженія становятся для государя все яснѣе, и, наконецъ, въ августѣ 1825 г. начальникъ военныхъ поселеній на югѣ, графъ Виттъ, дѣлаетъ о заговорахъ въ войскѣ уже подробное офиціальное донесеніе. Государь ограничивается до времени лишь распоряженіемъ, чтобы графъ черезъ своихъ агентовъ производилъ разслѣдованія и держалъ его въ курсѣ открываемыхъ обстоятельствъ дѣла. Независимо сего, поступаетъ и донесеніе унтеръ-офицера изъ вольноопредѣляющихся Шервуда, который черезъ посредство Аракчеева получаетъ возможность сдѣлать обо всемъ ему извѣстномъ лично докладъ государю. Въ результатѣ опять отсутствіе предупредительныхъ мѣръ и новое распоряженіе съ специальной командировкой Шервуда для продолженія тайнаго разслѣдованія. Все только разслѣдованіе и тайное наблюденіе! Здѣсь нельзя не видѣть какъ бы начала той политики, которая, много лѣтъ спустя, стала программою по политическимъ дѣламъ и департамента полиціи, когда вмѣсто пресѣченія сразу разныхъ политическихъ заговоровъ и начинаній имъ даютъ возможность созрѣть съ вовлеченіемъ сюда новыхъ лицъ. Тамъ, гдѣ все могло бы ограничиться мѣрами, принятыми по отношенію всего лишь нѣсколькихъ лицъ, совершенно искусственно, какъ бы съ предвзятою цѣлью и намѣреніемъ даютъ случай къ гибели многихъ, которые при болѣе откровенной и вмѣстѣ съ тѣмъ активно-рѣшительной административной политикѣ могли бы быть спасены и устранены отъ опасныхъ для нихъ замысловъ и дѣйствій.

Единственною мѣрою, принятою Александромъ I не въ цѣляхъ спасенія множества увлеченной молодежи, не въ цѣляхъ возможнаго обезопасенія государства отъ потрясеній, а въ цѣляхъ личной безопасности, была отмѣна маневровъ, назначенныхъ въ томъ году у Бѣлой Церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проѣздомъ черезъ Кіевъ въ Таганрогъ, онъ не искалъ случая избѣгнуть кн. Сергѣя Волконскаго (одного изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ южнаго общества), а назначилъ ему по дѣламъ службы свиданіе, при чемъ ласково и милостиво бесѣдовалъ съ нимъ о его семейныхъ и частныхъ дѣлахъ. Прощаясь съ нимъ, Александръ,

какъ бы предавая забвенію найденныя имъ въ бригадѣ князя упущенія, сказалъ ему *):

— Я забуду все, но совѣтую вамъ заниматься болѣе всего своею дивизіей, нежели политикою, а, паче всего, оставить проекты конституціи.

Александръ Павловичъ уже давно чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, но путешествіе на югъ было предпринято прежде всего въ интересахъ больной императрицы; кромѣ того, на югѣ же государь желалъ посмотрѣть тамошнія военныя поселенія, а также Крымъ и Кавказъ. Но этотъ цѣлебный югъ оказался для него могилою. Сначала онъ заболѣлъ желудкомъ, потомъ болѣзнь приняла необычайное теченіе, противъ котораго средства лейбъ-медика Вилліе оказались недостаточными, и тѣмъ болѣе, что больной до послѣдняго почти дня не хотѣлъ ими пользоваться, и 19 ноября 1825 г. его не стало. Быстрый ходъ болѣзни, неясность ея картины и кажущееся быстрое наступленіе его послѣдняго часа не могли не произвести впечатлѣнія на умы современниковъ, особенно въ связи съ обильно циркулировавшими слухами о его намѣреніи отказаться отъ престола и въ связи съ тѣмъ религіозно-мистическимъ настроеніемъ, которое владѣло имъ въ послѣдніе годы жизни. На этомъ фонѣ, какъ извѣстно, создалась даже легенда о таинственномъ старцѣ Кузьмичѣ, въ лицѣ котораго народная фантазія стремилась разгадать покинувшаго шумный свѣтъ и дворъ блестящаго побѣдителя Наполеона. Эта легенда, какъ никакъ, но очень поэтичная и обвѣянная дымкою теплаго народнаго чувства, пріобрѣла одно время широкое распространіе, особенно когда стало извѣстно, что высокопоставленныя лица интересуются выясненіемъ личности таинственнаго старца. Какъ это можетъ ни показаться страннымъ, но не можемъ не отмѣтить въ видѣ личнаго воспоминанія, что даже покойный офиціальный біографъ Александра I, Николай Карловичъ Шильдеръ, не былъ твердъ въ своемъ воззрѣніи и на личность Кузьмича и на фактъ смерти русскаго императора. Нѣжная и романтическая германская природа генерала Шильдера какъ бы связалась съ этою народною легендою и порою не могла отъ нея отрѣшиться. Среди близкихъ его друзей это обстоятельство порождало не мало разговоровъ, шутокъ и остротъ по адресу исторіографа Александра I, и тѣмъ не менѣе ста-

*) „Исторія царствованія императора Александра I и Россія въ его время“—М. И. Богдановича.

рецъ Кузьмичъ былъ для покойнаго тою темою, о которой онъ говорилъ какъ будто съ какимъ-то смущеніемъ и таинственной задумчивостью.

Извѣстіе о кончинѣ Александра Павловича прибыло въ Петербургъ 27 ноября, и сразу же вся путаница съ духовнымъ завѣщаніемъ почившаго императора дала свои плоды. Это же

Кн. С. Г. Волконскій.

извѣстіе вызвало къ активной дѣятельности и декабристовъ, для которыхъ неожиданная кончина Александра явилась начальнымъ моментомъ для обнаруженія своихъ силъ и для приведенія въ исполненіе политическихъ замысловъ. Явленія двухъ порядковъ развиваются въ зависимости одно отъ другого: вопросъ о престолонаслѣдіи получаетъ фактически то осуществленіе, которое ему намѣтилъ Александръ I, а въ связи съ этимъ осуществленіемъ

принимаютъ извѣстный оборотъ и планы декабристовъ. Дѣйствія членовъ царствующаго дома, которыя по всей справедливости могутъ быть разсматриваемы, съ одной стороны, какъ результатъ опредѣленной наслѣдственности, съ ея прямолинейностью и упрямою настойчивостью, а съ другой—какъ результатъ той системы государственности, гдѣ участіе народа въ событіяхъ было устранено, и гдѣ вопросы самаго коренного бытія русской жизни стали вопросами домашняго дворцоваго обихода,—эти дѣйствія создали кровавое событіе 14 декабря, гдѣ маленькая кучка политическихъ романтиковъ, пылкихъ и благородныхъ мечтателей, впервые громко и отважно заявила раздавившему ее правительству, что военно-бюрократическій строй русской государственности, соціальный строй русской жизни преступны и должны быть замѣнены иными, болѣе совершенными формами жизни. Ихъ голосъ былъ задушенъ, но слово ихъ не умерло. Оно дало первый активный толчокъ общественнымъ и политическимъ движеніямъ, которыя, развертываясь до нашихъ дней включительно, переживая всевозможныя перепитіи и эволюціи, поставили, наконецъ, и все русское общество и само правительство передъ разрѣшеніемъ вопросовъ о русской государственности и объ очищеніи ея отъ тѣхъ бюрократическихъ петель, узловъ и путъ, въ коихъ въ свое время задыхались лучшіе люди конца царствованія Александра I, и отъ коихъ стало невозможно жить намъ, современникамъ конца XIX и начала XX столѣтій.

Извѣстіе о кончинѣ Александра I пришло въ Петербургъ 27 ноября въ то время, когда царская фамилія стояла въ Зимнемъ дворцѣ на молебнѣ, назначенномъ о здравіи государя императора по случаю его серьезной болѣзни. Молебенъ былъ прерванъ, всѣ находились въ оцѣпененіи, вдовствующая царица-мать лишилась чувствъ... Николай Павловичъ, взволнованный и рыдающій, успокаиваетъ мать и жену и тутъ же въ опустѣлой церкви, гдѣ оставался всего лишь поэтъ Жуковскій, даетъ распоряженіе священнику о приведеніи его, великаго князя, къ присягѣ старшему брату, Константину Павловичу. „Совершивъ присягу и подписавъ присяжный листъ,—повѣствуетъ Н. К. Шильдеръ,—великій князь вышелъ изъ церкви и направился къ внутреннему дворцовому караулу, бывшему въ тотъ день отъ роты его величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, и объявилъ людямъ о кончинѣ государя, и что теперь всѣ обязаны присягнуть законному императору, Константину Павловичу. То же самое великій князь лично возвѣстилъ двумъ другимъ внут-

реннимъ карауламъ: кавалергардскому и конногвардейскому. Затѣмъ Николай Павловичъ поручилъ дежурному генералу Потапову принять присягу отъ главнаго дворцоваго караула, а адъютанту своему, полковнику Адлербергу, отправиться съ тою же цѣлью въ инженерное вѣдомство. Сверхъ сего, начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ Нейгардтъ, былъ посланъ въ Невскую лавру, гдѣ собрался къ молебну весь гвардейскій генералитетъ, чтобы предложить генералу Воинову распорядиться приведеніемъ къ присягѣ всѣхъ гвардейскихъ полковъ.

„Всѣми этими распоряженіями, какъ сказано въ первомъ манифестѣ императора Николая, „желали мы утвердить уваженіе наше къ первому коренному отечественному закону о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія престола... отклонить самую тѣнь сомнѣнія въ чистотѣ намѣреній нашихъ и... предохранить отечество наше отъ малѣйшей, даже и мгновенной, неизвѣстности о законномъ его государѣ".

„По исполненіи всего этого великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, онъ поспѣшилъ къ императрицѣ-матери и сообщилъ ей, что исполнилъ священный долгъ, присягнувъ императору Константину, что повлекло за собою присягу карауловъ и лицъ, находившихся во дворцѣ, какъ то графа Милорадовича, генералъ-адъютантовъ князя Трубецкого и Голенищева-Кутузова, дежурнаго генерала Потапова и многихъ другихъ.

— „Nicolas qu'avez vous fait?—воскликнула императрица въ испугѣ:—ne savez vous donc pas qu'il y a un autre acte qui vous nomme héritier présomptif?

— „S'il y en a un,—отвѣтилъ великій князь,—il ne m'est pas connu, personne ne le connait; mais nous savons tous que notre maitre, notre souverain légitime, est mon frére Constantin, et nous avons rempli notre devoir: arrive ce qui pourra!"

Эти мотивы, выставленные Николаемъ Павловичемъ, какъ формальное основаніе его дѣйствій, чрезвычайно характерны для обрисовки его личности. Онъ торопится съ присягой, полагаясь только на личныя соображенія, и никакой чужой голосъ, даже матери, для него не указъ. Въ этой торопливости дѣйствій до извѣстной степени сказывалась наслѣдственная черта Голштинскаго рода (Петра III, Павла I), упрямство отцовское все налицо, и, наконецъ, военная субординація и бюрократическая формалистика—главные стимулы его дѣйствія. Тамъ, „будь, что будетъ" съ Россіей, даже съ нимъ лично, но „коренной законъ

о непоколебимости въ порядкѣ наслѣдія престола“, изданный его отцомъ, выполненъ.

Но вѣдь были же люди, которыхъ покойный государь посвятилъ въ свое законно оформленное рѣшеніе? Да, они были, но налицо оказался лишь князь Голицинъ, который и поспѣшилъ во дворецъ, чтобы представить Николаю Павловичу требованіе повиноваться загробной волѣ родителя. Между ними произошла сцена, при чемъ министръ „въ изступленіи, внѣ себя отъ горя, но и отъ вѣсти во дворцѣ, что всѣ присягнули Константину Павловичу“, началъ выговаривать, „зачѣмъ великій князь брату присягнулъ и другихъ симъ завлекъ“, и требовалъ, чтобы онъ повиновался волѣ покойнаго государя“. Но великій князь остался непреклоненъ, и они разстались недовольные другъ другомъ: Николай Павловичъ—его вмѣшательствомъ, онъ—неуступчивостью великаго князя.

Узелъ былъ, очевидно, крѣпко завязанъ, и чиновный Петербургъ на засѣданіи въ государственномъ совѣтѣ только и дѣлаетъ въ дальнѣйшемъ, что крѣпче и крѣпче сжимаетъ его стянутыя петли. Голицынъ сообщаетъ членамъ совѣта, что по предмету престолонаслѣдія имѣется уже готовый манифестъ, переписанный даже его собственной рукою, подлинникъ котораго хранится въ Успенскомъ соборѣ, что прежде вопроса о присягѣ необходимо ознакомиться съ пакетомъ, на которомъ имѣется собственная покойнаго государя надпись. Но ему возражаютъ: „покойники воли имѣть не могутъ“, и общая воля о престолонаслѣдіи Павла ставится выше воли его сына. Поднимаются споры и идутъ казуистическія толкованія, во время которыхъ является Милорадовичъ и объявляетъ: „я имѣю честь донести государственному совѣту, что его императорское высочество, великій князь Николай Павловичъ, изволилъ учинить присягу на подданство старшему брату своему, императору Константину Павловичу, что онъ, военный генералъ-губернаторъ, и войско его величеству уже присягнули, и что онъ совѣтуетъ господамъ членамъ государственнаго совѣта прежде всего также присягнуть, а потомъ уже дѣлать, что угодно“. Это „что угодно“ чрезвычайно характерно. Члены совѣта знакомятся, однако, съ таинственнымъ пакетомъ и затѣмъ останавливаются на мысли лично посѣтить великаго князя. Состоялось свиданіе во дворцѣ, причемъ великій князь заявилъ собравшимся: „господа, я васъ прошу, я васъ убѣждаю, для спокойствія государства, немедленно, по примѣру моему и войска, принять присягу навѣрное

подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложенія не приму и ничего другого и слушать не стану".

Рѣшеніе великаго князя признается „великодушнымъ подвигомъ", послѣ чего всѣ принимаютъ присягу императору Константину Павловичу. Онъ объявляется императоромъ всенародно, появляются его портреты въ продажѣ, какъ портреты благополучно здравствующаго самодержца, его именемъ подписываются акты, съ его именемъ заказываются медали и монеты... Въ Варшаву посылается гонецъ съ копіей журнала постановленія государственнаго совѣта, письмо отъ имени Николая Павловича обоимъ братьямъ, пребывавшимъ тамъ, Константину и Михаилу, и, сверхъ того, туда же командируются разные военные и гражданскіе нарочные съ спеціальными порученіями, а главное съ вѣстью, что Петербургъ присягнулъ новому законному императору Константину I и ожидаетъ его прибытія и его державной воли.

Болѣе гладко прошло дѣло въ Москвѣ. Когда сюда дошла роковая вѣсть о кончинѣ Александра I, то Филаретъ счелъ долгомъ поставить прежде всего въ извѣстность генералъ-губернатора Голицына о хранящемся въ Успенскомъ соборѣ государственномъ актѣ. Рѣшено было до прибытія указаній изъ Петербурга таинственнаго документа не распечатывать. Вечеромъ 29 прибыло письмо изъ Петербурга отъ Милорадовича съ сообщеніемъ о принятой столицей присягѣ въ пользу Константина Павловича и съ распоряженіемъ, чтобы „не была открываема бумага, какая есть въ Успенскомъ соборѣ". Тогда между сановниками, свѣтскимъ и духовнымъ, было рѣшено послѣдовать примѣру Петербурга, ибо „нельзя быть одному императору въ Петербургѣ, другому въ Москвѣ", и послѣ того, какъ сенатомъ былъ оформленъ актъ присяги, послѣдняя и была принесена 30 ноября также Константину Павловичу. Но что же дѣлалось въ это время въ Варшавѣ, и какъ отнесся „новый императоръ" къ принесенной ему присягѣ въ двухъ столицахъ?

Когда въ Варшаву прибыло извѣстіе о кончинѣ Александра I, Константинъ Павловичъ, изливъ передъ братомъ и супругою чувство скорби, поспѣшилъ пригласить приближенныхъ. Изъ нихъ первымъ явился Новосильцевъ, и между ними произошла сцена, такъ описанная у Н. К. Шильдера: „Цесаревичъ тотчасъ объявилъ ему объ утратѣ, постигшей Россію". „Какія же теперь приказанія вашего величества?"—спросилъ Новосильцевъ.—

„Прошу не давать мнѣ этого не принадлежащаго титула".— возразилъ цесаревичъ и разсказалъ, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ отрекся отъ престола въ пользу брата. Несмотря на данное ему предостереженіе, Новосильцевъ въ продолженіи разговора снова повторилъ тотъ же титулъ. „Въ послѣдній разъ прошу васъ перестать и помнить,—закричалъ цесаревичъ уже съ гнѣвомъ:—что теперь одинъ законный государь и императоръ нашъ—Николай Павловичъ".

Такія же сцены повторились и съ другими приближенными, и Константинъ при всѣхъ случаяхъ категорически заявлялъ, что императоръ—не онъ, а его братъ. Напримѣръ, съ Князьковымъ дѣло дошло даже до обнаруженія обычной ему вспыльчивости.

— Да замолчите ли вы?—кричалъ на него цесаревичъ.— Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова, кто вамъ далъ право предрѣшать дѣло, до васъ не касающееся? Вы знаете, чему вы подвергаетесь? Знаете ли, что за это Сибирь и въ кандалы сажаютъ? Извольте итти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу.

Итакъ, въ Варшавѣ считали достойнымъ строгой кары то, что на законномъ основаніи утверждалось въ Петербургѣ и Москвѣ. Подъ угломъ зрѣнія Константина Павловича—и лица царскаго дома, и сенатъ, и государственный совѣтъ заслужили Сибирь и кандалы!

Вслѣдъ за бесѣдою съ приближенными Константинъ Павловичъ немедленно командируетъ въ Москву брата Михаила съ письмомъ къ матушкѣ и брату Николаю Павловичу, гдѣ сообщаетъ имъ о принятомъ имъ неизмѣнномъ рѣшеніи слѣдовать волѣ почившаго императора. Пріѣздъ изъ Петербурга курьера съ присягою повергаетъ его въ отчаяніе и гнѣвъ, и между Варшавою и Петербургомъ завязывается своего рода полемика, носящая на себѣ скорѣе характеръ фамильной исторіи, причемъ цесаревичъ упорно не признаетъ никакой для себя необходимости лично пріѣхать въ столицу, издать манифестъ о своемъ отреченіи и тѣмъ развязать гордіевъ узелъ.

Оцѣнивая поведеніе Константина Павловича въ эти смутные дни, даже осторожный Н. К. Шильдеръ приходитъ къ слѣдующему далеко немилостивому рѣшенію. Онъ говоритъ: „Если всѣ дѣйствія цесаревича по полученіи увѣдомленія о кончинѣ императора Александра были вполнѣ правильны и соотвѣтствовали обстоятельствамъ, то нельзя того же сказать относительно его

послѣдующихъ распоряженій, когда изъ присланныхъ въ Варшаву донесеній оказалось, что вся Россія ему присягнула. Для спокойствія имперіи слѣдовало, конечно, позабыть личное неудовольствіе, можетъ быть, до нѣкоторой степени вполнѣ справедливое, и въ виду государственныхъ интересовъ, касавшихся уже общаго блага, пожертвовать чувствомъ самолюбія. Цесаревичу послѣ присяги 27 ноября не оставалось другого исхода, какъ принять престолъ или же немедленно ѣхать въ Петербургъ, чтобы личнымъ присутствіемъ устранить возможныя недоразумѣнія и обезпечить спокойное воцареніе брата Николая Павловича, какъ предназначеннаго наслѣдника престола. Наконецъ, оставался еще одинъ исходъ: если цесаревичъ, не признавая возможности объявить свою волю Россіи путемъ манифеста, рѣшился бы прислать въ Петербургъ бумагу, въ родѣ сочиненнаго имъ впослѣдствіи торжественнаго объявленія своимъ любезнѣйшимъ соотчичамъ, въ такомъ случаѣ воцареніе новаго императора совершилось бы, какъ должно полагать, безъ тѣхъ потрясеній, которыхъ справедливо опасались современники этихъ событій.

„Между тѣмъ, вмѣсто выбора одного изъ указанныхъ здѣсь способовъ дѣйствій, цесаревичъ ограничился однимъ письменнымъ заявленіемъ своему брату, что онъ не только не намѣренъ прибыть въ Петербургъ, но еще далѣе удалится, если не будетъ приведена въ исполненіе воля покойнаго императора Александра. Къ этому заявленію Константинъ Павловичъ присовокупилъ еще нѣчто въ родѣ письменнаго выговора предсѣдателю государственнаго совѣта, князю Лопухину. Для довершенія всѣхъ затрудненій оба эти документы были редактированы въ такихъ выраженіяхъ, что устраняли всякую возможность къ ихъ обнародованію.

„Итакъ, въ сущности рѣшеніе, на которомъ остановился цесаревичъ, сводилось къ слѣдующему: я сдѣлалъ свое дѣло, вы поступили опрометчиво и неправильно, распутывайте же теперь дѣло, какъ знаете, моя хата съ края“.

Въ Варшавѣ не хотѣли какъ либо помочь разрубить узелъ, и сдѣлать это должны были въ Петербургѣ. Николай Павловичъ вынужденъ былъ наконецъ подъ давленіемъ обстоятельствъ и поведенія брата взять принесенную присягу обратно и объявить себя императоромъ всероссійскимъ, согласно волѣ покойнаго Александра I. Къ 12 декабря обстоятельства выяснились, рѣшеніе его опредѣлилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему тогда же впервые стало извѣстно о заговорѣ какъ въ сѣверной, такъ и

южной арміи. Эта вѣсть для него была истиннымъ громомъ, и вся опасность его настоящаго положенія предстала передъ нимъ воочію. Рѣшивъ покончить съ дѣломъ междуцарствія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ заносилъ ногу надъ развезршеюся передъ нимъ пропастью.

Насколько было тревожно состояніе духа молодого государя, явствуетъ изъ его писемъ къ Дибичу и кн. П. М. Волконскому. Первому онъ писалъ: „Рѣшительный курьеръ воротился; послѣзавтра по утру—я или государь, или безъ дыханія. Я жертвую собою для брата; счастливъ, если, какъ подданный, исполню волю его. Но что будетъ въ Россіи? Что будетъ въ арміи? Генералъ Толь здѣсь, и я его пошлю въ Могилевъ съ симъ извѣстіемъ къ графу Сакену и лицу довѣренному для такого же назначенія въ Тульчинъ и къ Ермолову. Словомъ, надѣюсь быть достойнымъ своего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждою, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный нынѣ предъ мною выполнятъ". Въ письмѣ къ кн. Трубецкому онъ говорилъ: „Воля Божія и приговоръ братній надо мною совершаются! 14 числа я буду государь или мертвъ. Что во мнѣ происходитъ, описать нельзя; вы вѣрно надо мной сжалитесь: да, мы всѣ несчастны, но нѣтъ несчастнѣе меня! Да будетъ воля Божья..."

Какимъ же путемъ и что именно стало извѣстно Николаю Павловичу относительно заговора въ арміяхъ, о которомъ онъ, несмотря на свое званіе командующаго крупною войсковою частью, ничего не зналъ до послѣдняго почти часа, когда заговорщики уже приступили къ активной реализаціи своихъ плановъ? Новый государь, отъ котораго до тѣхъ поръ почившій императоръ тщательно скрывалъ все ему уже въ подробностяхъ извѣстное относительно революціоннаго настроенія умовъ въ арміи изъ донесеній Майбороды и Шервуда, впервые ознакомился лишь вечеромъ 12 декабря съ положеніемъ вещей по донесенію, присланному въ Петербургъ изъ Таганрога отъ Дибача, а также изъ личнаго сообщенія, сдѣланнаго ему подпоручикомъ Яковомъ Ростовцевымъ.

Какъ извѣстно, Александромъ Павловичемъ были при содѣйствіи Аракчеева даны распоряженія и Майбородѣ и Шервуду о производствѣ разслѣдованій заговора въ южной арміи. Когда количество данныхъ, добытыхъ Шервудомъ, возросло, онъ доставилъ таковыя Аракчееву; но это совпало съ трагическимъ моментомъ въ его личной жизни. Его любовница, Минкина, была

зарѣзана къ Грузинѣ дворовыми людьми, и всесильный временщикъ оказался во власти полнаго отчаянія. Онъ, на комъ такъ долго лежало почти всецѣло бремя русской внутренней политики, который казался всегда такимъ оплотомъ реакціонной государственности въ послѣдніе годы царствованія его „благодѣтеля", забылъ передъ лицомъ личнаго горя объ опасности, грозившей и его благодѣтелю и тому строю, который онъ былъ призванъ охранять. Ужасная смерть отвратительнаго, но обожаемаго имъ созданія выбила временщика изъ колеи, и онъ, махнувъ рукою на свои обязанности по государственному управленію, цѣликомъ ушелъ въ разслѣдованіе кровавой катастрофы въ Грузинѣ. Такимъ образомъ главнымъ центромъ поступленія всѣхъ секретныхъ о заговорахъ донесеній сдѣлался штабъ генералъ-адъютанта барона Дибича въ Таганрогѣ, откуда таковыя и были препровождены въ Петербургъ на имя его императорскаго величества. безъ указанія только — какого величества. Опять таки, благодаря политикѣ таинственности, и въ данный серьезный моментъ чуть не разыгралась новая бѣда, ибо Николай Павловичъ, получивъ пакетъ все въ томъ же настроеніи сомнѣній въ своихъ правахъ, не сразу рѣшился его распечатать. Но когда онъ на сей шагъ рѣшился и ознакомился съ содержаніемъ донесеній, то ужасъ охватилъ его всецѣло. Онъ понялъ всю серьезность положенія вещей и что дѣло зашло слишкомъ далеко, чтобы его было можно сразу, тутъ же на мѣстѣ, разрѣшить однимъ почеркомъ пера. Но то, что онъ узналъ, касалось вопросовъ и фактовъ общеполитическаго характера, не относящихся до него лично, какъ Николая Павловича, непосредственно. Отношеніе заговорщиковъ къ нему лично и ихъ ближайшихъ плановъ въ соотвѣтствіи съ ходомъ событій, созданныхъ междуцарствіемъ, стало ему извѣстно изъ письма Ростовцева къ нему и изъ личной бесѣды съ послѣднимъ.

Юный Ростовцевъ рѣшился на доносъ вполнѣ безкорыстно и вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ сознательно, исходя изъ соображеній государственнаго порядка и изъ желанія пользы и блага своей родинѣ, при чемъ о своихъ намѣреніяхъ не счелъ даже нужнымъ скрыть отъ главныхъ героевъ предстоящаго 14 декабря. Вотъ что Ростовцевъ писалъ Николаю Павловичу:

„Ваше императорское высочество!

„Всемилостивѣйшій государь!

Три дня тщетно искалъ я случая встрѣтить васъ наединѣ, наконецъ принялъ дерзость писать къ вамъ. Въ продолженіе че-

тырехъ лѣтъ съ сердечнымъ удовольствіемъ замѣчалъ иногда ваше доброе ко мнѣ расположеніе, думая, что люди, васъ окружающіе, въ минуту рѣшительную не имѣютъ довольно смѣлости быть откровенными съ вами; горя желаніемъ быть по мѣрѣ силъ моихъ полезнымъ спокойствію и славѣ Россіи, наконецъ въ увѣренности, что къ человѣку, отвергшему корону, какъ къ человѣку истинно благородному, можно имѣть полную довѣренность, я рѣшился на сей отважный поступокъ. Не почитайте меня ни презрѣннымъ льстецомъ, ни коварнымъ доносчикомъ; не думайте, чтобы я былъ чьимъ-либо орудіемъ или дѣйствовалъ изъ подлыхъ видовъ моей личности; нѣтъ, съ чистою совѣстью я пришелъ говорить вамъ правду.

„Безкорыстнымъ поступкомъ своимъ, безпримѣрнымъ въ лѣтописяхъ, вы сдѣлались предметомъ благоговѣнія, и исторія, хотя бы вы никогда не царствовали, поставитъ васъ выше многихъ знаменитыхъ честолюбцевъ. Но вы только зачали славное дѣло: чтобы быть истинно великимъ, вамъ нужно довершить оное.

„Въ народѣ и войскѣ распространился уже слухъ, что Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола. Слѣдуя рѣдко влеченію вашего добраго сердца, излишне довѣряя льстецамъ и наушникамъ, вы весьма многихъ противъ себя раздражали.

„Для вашей собственной славы погодите царствовать.

„Противъ васъ должно таиться возмущеніе; оно вспыхнетъ при новой присягѣ, и, можетъ быть, это зарево освѣтитъ конечную гибель Россіи.

„Пользуясь междоусобіями, Грузія, Бессарабія, Финляндія, Польша, можетъ быть, и Литва отъ насъ отдѣлятся, Европа вычеркнетъ Россію изъ списка державъ своихъ и сдѣлаетъ ее державою азіатскою, и незаслуженныя проклятія вмѣсто должныхъ благословеній будутъ вашимъ удѣломъ.

„Ваше величество! Можетъ быть, предположенія мои ошибочны, можетъ быть, я увлекся и личною привязанностью къ вамъ и любовію къ спокойствію Россіи, но дерзаю умолять васъ именемъ славы отечества, именемъ вашей собственной славы преклонить Константина Павловича принять корону. Не пересылайтесь съ нимъ курьерами, ибо сіе длитъ пагубное для васъ междуцарствіе, и можетъ выискаться дерзкій мятежникъ, который воспользуется броженіемъ умовъ и общимъ недоумѣніемъ. Нѣтъ, поѣзжайте сами въ Варшаву, или пусть онъ пріѣдетъ въ Петербургъ; излейте ему, какъ брату, мысли и чувства свои. Ежели онъ согласится быть императоромъ—слава Богу! Ежели

нѣтъ, то пусть всенародно на площади провозгласитъ васъ своимъ государемъ.

„Всемилостивѣйшій государь! Ежели вы находите поступокъ мой дерзкимъ, казните меня. Я буду счастливъ, погибая за васъ и за Россію, и умру, благословляя Всевышняго. Если вы находите поступокъ мой похвальнымъ, молю васъ, не награждайте меня ничѣмъ: пусть останусь я безкорыстенъ и благороденъ въ глазахъ вашихъ и моихъ собственныхъ. Объ одномъ только дерзаю просить васъ: прикажите арестовать меня. Ежели ваше воцареніе, что да дастъ Всемогущій, будетъ мирно и благополучно, то казните меня, какъ человѣка недостойнаго, желавшаго изъ личныхъ видовъ нарушить ваше спокойствіе; ежели же, къ несчастію Россіи, ужасныя предположенія мои сбудутся, то наградите меня вашею довѣренностью и позвольте мнѣ умереть возлѣ васъ.

„Вашего императорскаго высочества, всемилостивѣйшаго государя, вѣрноподданный Іаковъ Ростовцевъ“.

Вотъ голосъ, правдивый, благородный и безкорыстный, который впервые смѣло раздался около молодого государя во всѣ дни мучительнаго междуцарствія. Любопытно, что этотъ юноша-подпоручикъ широко ставитъ вопросъ о благоденствіи Россіи, разсматривая его подъ угломъ зрѣнія международныхъ отношеній и ея государственнаго строительства. Его пугаетъ возможность коренныхъ потрясеній отечества въ его цѣломъ, какъ государства, составного изъ разныхъ областей и народовъ, и онъ боится, чтобы моментомъ смуты не воспользовались наши европейскіе недруги, для которыхъ величіе и крѣпость Россіи несподручны. Письмо Ростовцева—замѣчательный документъ, который долженъ быть признанъ за голосъ высокаго патріота, коему благоденствіе и слава Россіи дороже всего на свѣтѣ. Кромѣ того, молодой подпоручикъ первый позволяетъ себѣ обратить вниманіе новаго властелина на его непопулярность въ войскахъ, проистекающую изъ свойствъ его личной природы. Это также былъ первый голосъ правды, не говоря уже про то, что Ростовцевъ также первый вполнѣ правильно опредѣлилъ путь исправленія ошибокъ, которыя обоими братьями покойнаго императора были допущены, и тѣмъ самымъ какъ бы бросалъ свое обвиненіе въ лицо виновникамъ этихъ ошибокъ.

Личная бесѣда Николая Павловича съ Ростовцевымъ была въ сущности бесѣдою двухъ рыцарскихъ натуръ. Подпоручикъ

не назвалъ никого изъ заговорщиковъ, а завтрашній императоръ не потребовалъ также отъ него ни одного имени, не попытался узнать и плана дѣйствій своихъ недруговъ. Ни письмо, ни разговоръ не измѣнили ничего: вся историческая наличность осталась таковою, какъ ее сложили обстоятельства, и до поры до времени столицу охватилъ зловѣщій штиль. Полицейская администрація по русскому обыкновенію, тогда уже упрочившемуся и какъ бы въ назиданіе грядущимъ аналогичнымъ временамъ, покрыла этотъ штиль казеннымъ докладомъ: въ городѣ все обстоитъ благополучно!

Графъ Милорадовичъ съ удивительною баззаботливостью и легкомысліемъ ничего не зналъ, что творится въ городѣ, что тамъ готовится, и какъ должны чуть ли не черезъ нѣсколько часовъ обнаружиться враждебныя правительству революціонныя силы. А вмѣстѣ съ тѣмъ, что оставалось невѣдомымъ для высшей полиціи, до нѣкоторой степени уже было извѣстно въ городѣ, и стоустая молва по какому-то психологическому наитію пророчила: быть худу!

Современники оставили намъ свѣдѣнія, что на рынкахъ и въ мелочныхъ лавкахъ, куда стекаются изъ низшихъ слоевъ народонаселенія разныя городскія сплетни и нелѣпые толки, было много зловѣщихъ слуховъ; въ народѣ говорили 13 декабря, что на слѣдующій день назначена присяга, и что нѣкоторые полки не хотятъ присягать новому императору Николаю I. Да, дѣйствительно, симпатія войскъ и народа лежали не на его сторонѣ, и всѣ согласны были гораздо громче и воодушевленнѣе кричать: „ура! да здравствуетъ Константинъ!“ Двѣ причины легли въ основаніе такого психологическаго настроенія. Первая, и главнѣйшая, конечно, состояла въ исконной преданности и поэтической народной любви къ представителю царствующаго дома, который въ данномъ случаѣ какъ будто обходился семейными интригами, вслѣдствіе чего на свѣтъ выступала жестокая государственная неправда; и вторая сводилась именно къ отмѣченной Ростовцевымъ непопулярности Николая Павловича въ войскахъ. Его холодная педантичность, строгость въ требованіи отъ подчиненныхъ исполненія долга службы, замкнутость и отчужденность отъ окружающихъ—вотъ тѣ черты, которыя отталкивали отъ него офицерство. Онъ не всегда умѣлъ ладить съ ввѣренными ему частями войскъ, и требовалось вмѣшательство третьихъ лицъ для приведенія инцидентовъ къ благополучному концу. Нельзя сказать, чтобы Константинъ Павло-

вичъ былъ особенно любимъ гвардіей, но выгода его положенія въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ была та, что онъ былъ въ отдаленіи, что о его взбалмошности, горячности и невоздержности какъ будто успѣли забыть, и онѣ затуманились дальностью разстоянія. Оба брата въ сущности въ глазахъ массы какъ бы нѣсколько воплощали въ себѣ портретъ отца, и въ этомъ была невыгода положенія ихъ обоихъ, какъ претендентовъ на престолъ.

Смерть Александра I застала членовъ Южнаго и Сѣвернаго обществъ врасплохъ. Хотя въ теченіе цѣлыхъ двухъ слишкомъ послѣднихъ лѣтъ между ними происходили переговоры относительно необходимости въ цѣляхъ осуществленія ихъ политическихъ плановъ активныхъ дѣйствій, но именно активныхъ-то дѣйствій они рѣшительно никакихъ не принимали. Шли бесѣды между офицерами, до нѣкоторой степени шла пропаганда и между солдатами, по рукамъ ходили рукописныя записки и нецензурныя стихотворенія, но цѣлаго практическаго плана не было ни обдумано, ни намѣчено.

Первоначально, до декабря 1820 г., весь центръ революціонной тяжести лежалъ въ Южномъ обществѣ, гдѣ сосредоточились наиболѣе пылкіе, радикальные и энергичные дѣятели политическаго заговора. Тутъ душою заговора, идеологомъ политической программы, былъ Пестель, но и въ немъ мы не видимъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ единства настроенія и цѣлости замысла. Насколько это настроеніе было повышено въ 1823—1824 г.г., настолько оно понизилось въ часъ роковыхъ событій. Съ одной стороны, онъ дѣйствуетъ какъ будто подъ активнымъ напоромъ другихъ, болѣе его пылкихъ, съ другой—онъ употребляетъ уже усилія къ охлажденію порывовъ своихъ друзей-единомышленниковъ.

Его поѣздка въ 1824 г. для объясненій съ представителемъ Сѣвернаго общества кончилась неудачно. По пріѣздѣ въ Петербургъ, при свиданіи съ княземъ Трубецкимъ, онъ жаловался, что „въ столицѣ вовсе ничего нѣтъ, никто ничего не хочетъ дѣлать, Муравьевъ не отвѣчалъ ни по письменнымъ, ни по словеснымъ порученіямъ; выхвалялъ свое общество (т.-е. южанъ), какъ оно хорошо устроено, какъ хорошо идетъ, говорилъ, что и здѣсь должно устроить въ такомъ же порядкѣ, что для сего надобно непремѣнныхъ управляющихъ членовъ и совершенное безпрекословное отъ прочихъ къ нимъ повиновеніе, и что надобно слить оба общества вмѣстѣ, и чтобы управленіе ихъ было одно и то же,

т.-е. одни управляющіе члены"... Но всѣ убѣжденія о сліяніи обществъ, всѣ попытки навязать Сѣверному обществу свою республиканскую программу Пестелю не удались. Его петербургскіе знакомые, во-первыхъ, были съ нимъ несогласны по существу и держались умѣренной конституціонной программы Никиты Муравьева, а, во-вторыхъ, высказывали рѣшительное недовѣріе и къ нему лично, усматривая и въ его планахъ, и въ той деспотической настойчивости, съ которою онъ эти планы проводилъ, стремленіе къ диктаторству, къ властолюбію, къ выдвиганію на первый планъ личнаго я. Имъ особенно казалась подозрительною проповѣдь Пестеля объ учрежденіи верховнаго правленія съ почти неограниченною властью, въ которомъ онъ отводилъ опредѣленное мѣсто себѣ лично, наравнѣ съ прочими главарями обоихъ тайныхъ обществъ. Видя, что убѣжденія не дѣйствуютъ, онъ пытается внести среди членовъ расколъ и дѣлаетъ попытку привлечь на свою сторону князя Трубецкого, предложивъ ему войти третьимъ членомъ въ южную директорію, въ качествѣ руководителя Сѣвернаго общества, при томъ онъ говорилъ, что такъ какъ Юшневскій *) мало занимается дѣлами, то князь Трубецкой вмѣстѣ съ нимъ, Пестелемъ, вдвоемъ и будутъ вершителями судебъ обоихъ соединенныхъ организацій. Но князь Трубецкой не согласился, и они разстались недовольные другъ другомъ. На прощаніе Пестель счелъ нужнымъ даже сказать: „стыдно будетъ тому, кто не довѣряетъ другому и подозрѣваетъ въ другомъ личные какіе виды, а впослѣдствіи докажетъ, что таковыхъ видовъ нѣтъ".

Поскольку догадки членовъ Сѣвернаго общества касательно диктаторскихъ наклонностей Пестеля были основательны, трудно утвержать въ полномъ объемѣ подозрѣній, но, во всякомъ случаѣ, вотъ показаніе „Донесенія слѣдственной комиссіи" **), которое для характеристики агитатора очень рельефно... „Онъ часто дѣйствовалъ такъ, чтобы его мысли и намѣренія были предложены не имъ и даже казались не его внушеніемъ. Подполковникъ Поджіо встрѣтился съ нимъ въ первый разъ осенью 1824 г. Пестель, зналъ, что онъ — членъ общества, зналъ, что онъ изъ такихъ, коихъ, по словамъ его, не было нужды пришпоривать, но сперва говорилъ осторожно, только искалъ плѣнить его умомъ, велерѣчіемъ, лестью; много разсуждалъ о раз-

*) Одинъ изъ директоровъ Южнаго общества.

**) „Тайное общество и 14 декабря 1825 г. въ Россіи".

личныхъ формахъ правленія, начавъ отъ Немврода, и особенно осуждалъ наслѣдственный въ монархіяхъ порядокъ, но когда Поджіо въ восторгѣ, который въ другомъ случаѣ можно было назвать дѣтскимъ, вскричалъ: „должно признаться, что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ государственной наукѣ; они были ученики, а наука въ младенчествѣ“, то онъ сталъ мало-по-малу намекать о томъ, что для торжества ихъ идей нужны усилія, жертвы,—отвѣтъ уже воспламененнаго до бѣшенства и нынѣ горько раскаявшагося Поджіо былъ готовъ: „принесемъ въ жертву всѣхъ“; тогда Пестель, сжавъ руку, сказалъ: „давай считать ихъ по пальцамъ; для удара я готовлю двѣнадцать удальцовъ: Барятинскій уже набралъ нѣкоторыхъ“. Дошедши до царственныхъ особъ женскаго пола, онъ на минуту остановился: „знаешь ли, Поджіо, что это ужасно!“ и, однакожъ, заключилъ свой страшный счетъ числомъ 13, прибавивъ: „если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ, у всѣхъ великихъ княгинь есть дѣти: довольно объявить ихъ лишенными правъ на царство; а кто захочетъ престола, облитаго кровью?“ Но Пестель самъ, какъ показываетъ его сообщникъ-обвинитель, хотѣлъ для себя, по крайней мѣрѣ, власти царской. „Кто же,—спрашивалъ онъ у Поджіо,—будетъ главою временнаго правительства?“ —„Кому быть, кромѣ того, кто начинаетъ и, безъ сомнѣнія, совершитъ великое дѣло революціи, кромѣ васъ?“—„Неловко мнѣ; нося имя нерусское“.—„Что нужды! Вы уймете самое злорѣчіе, удались, какъ Вашингтонъ, въ среду простыхъ гражданъ: вѣдь временное правительство недолго будетъ дѣйствовать, годъ, много два“.—„О, нѣтъ!—возразилъ Пестель,—не менѣе десяти лѣтъ, они необходимы для однѣхъ предварительныхъ мѣръ; между тѣмъ, чтобы не роптали, можно занять умы внѣшнею войною, возстановленіемъ древнихъ распубликъ въ Греціи. А, окончивъ воинскій подвигъ, я заключусь въ Кіевской лаврѣ, буду схимникомъ и тогда примусь за вѣру“. Погодя онъ обѣщалъ всѣмъ соучастникамъ своихъ плановъ главныя мѣста въ будущихъ министерствахъ и во всемъ государственномъ управленіи.

А вотъ, какъ обрисовываетъ впечатлѣнія отъ Пестеля, въ своемъ, правда нѣсколько пристрастномъ показаніи при слѣдствіи кн. С. Трубецкой *): „скажу..., что онъ меня привелъ въ ужасъ, къ счастью, я увидѣлъ, что ему необходимо содѣйствіе

---

*) М. В. Довнаръ-Запольскій. „Мемуары декабристовъ“ (Записки, письма, показанія, проекты конституцій, извлеченные изъ слѣдственнаго дѣла, съ вводной статьей).

петербургскаго общества, и слѣдовательно, что онъ не можетъ привести намѣренія своего въ дѣйствіе по одному собственному произволу и собственными средствами. Я заключилъ тогда изъ сего, что онъ не такою большою силою располагаетъ, какъ желаетъ заставить думать о себѣ, но между тѣмъ заключилъ также, что онъ человѣкъ вредный, и что не должно допускать его усилиться, но стараться всевозможно его ослабить,—тѣмъ болѣе полагали мы необходимымъ имѣть здѣсь общество, что боялись, если такого не будетъ, то Пестель найдетъ средство завести здѣсь отдѣленіе, которое будетъ совершенно отъ него зависѣть и котораго дѣйствія будутъ отъ насъ тогда сокрыты.

„До свиданія еще нашего съ нимъ, Никита Муравьевъ представлялъ уже мнѣ его, какъ человѣка опаснаго и себялюбиваго, но я не могъ въ томъ увѣриться, не изслѣдовавъ сего самъ лично; для сего, признаюся, должно мнѣ было съ нимъ притвориться, какъ тогда, такъ и послѣ, и иногда показывать, что я вхожу въ нѣкоторые его виды. Письменныхъ сношеній я, сколь возможно, съ нимъ избѣгалъ, но словесно поручалъ исполненіе сего два раза Полтавскаго полка подпоручику Бестужеву, который по его зову къ нему ходилъ. Въ послѣдній разъ онъ велѣлъ мнѣ сказать, что онъ увѣренъ во мнѣ, что я не откажусь дѣйствовать, что онъ очень радъ, что я ѣду въ Петербургъ, что я, конечно, приготовлю къ дѣйствію, которое можетъ быть онъ начнетъ въ будущемъ году, что его вызываютъ къ сему изъ Москвы и Петербурга (я этому не вѣрю, ибо сколько знаю, онъ не имѣетъ таковой переписки ни съ кѣмъ изъ членовъ общества здѣсь или въ Москвѣ).

„Я говорилъ вообще о предложеніяхъ его въ бытность его здѣсь, и о предложеніи его ввести республиканское правленіе. Мнѣ нужно было узнать, какимъ средствомъ онъ его хотѣлъ достигнуть, и я успѣлъ узнать тогда же, что онъ обрекалъ смерти всю высочайшую фамилію и для того именно нужно ему было содѣйствіе здѣшнихъ членовъ. Онъ надѣялся, что государь императоръ не въ продолжительномъ времени будетъ дѣлать смотръ арміи, въ тоже время поднялся на поляковъ въ Варшавѣ и хотѣлось ему уговорить тоже исполнить и здѣсь. Самъ онъ садился въ Директорію. Я ему представлялъ ужасъ, каковой подобныя удобства понести должны, что убійцы гнусны народу, что людямъ, никакого имени не имѣщимъ и не извѣстнымъ, не возможно сѣсть въ Верховное Правленіе, что русскій народъ не можетъ управляемъ быть иначе, какъ государемъ наслѣд-

ственнымъ, представлялъ ему различныя неудобства его конституціи, которую онъ вообще разсказывалъ, и симъ средствомъ сначала не навлекъ я на себя отъ него подозрѣніе, но ужъ тогда онъ увидѣлъ, что я его подозрѣваю въ личныхъ видахъ, когда я ему сталъ доказывать, что онъ вмѣсто законнаго самодержавнаго правленія наставляетъ самовольный деспотизмъ директоровъ, которымъ отдаетъ всю высочайшую власть въ руки на неопредѣленное время. Я имѣлъ все право ужаснуться сего человѣка, и если скажутъ, что я долженъ былъ тотчасъ о такомъ человѣкѣ дать знать правительству, то я отвѣчаю, что могъ ли я вздумать, что ктобъ либо сему повѣрилъ; изобличить его я не могъ, онъ говорилъ со мною глазъ на глазъ. Мнѣ казалось достаточно та увѣренность, что онъ безъ содѣйствія здѣшняго общества ничего предпринять не можетъ, а здѣсь я увѣренъ былъ, что всегда могу все остановить—увѣренность, которая меня теперь погубила. Однакожъ я намѣренъ былъ ослабить Пестеля, ужать его силы, и тогда еслибъ я увидѣлъ, что онъ въ силахъ исполнить и самъ намѣреніе свое, тогда бъ я уже долженъ былъ прибѣгнуть къ единственному средству обличенія его предъ высшею властію, которая бы одна была въ состояніи остановить его".

Таковы неблагопріятныя для его личности показанія двухъ его сотоварищей по политическому заговору.

По словамъ декабриста Д. И. Завалишина *), арестъ Пестеля произошелъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. „Пестель допустилъ арестовать себя самымъ постыднымъ образомъ,—говоритъ онъ, - и бездѣйствіе его въ рѣшительную минуту тѣмъ неизвинительнѣе, что онъ былъ увѣдомленъ сыномъ Витгенштейна, что Чернышевъ пріѣхалъ именно затѣмъ, чтобъ начать аресты по доносамъ Майбороды, Башмака и графа Витта, имѣя уже и еще прежде того предостереженіе въ арестованіи Вадковскаго по доносу Шервуда. Необходимо было немедленно арестовать Чернышева и даже самаго главнокомандующаго, такъ какъ и сами сыновья признавали неизбѣжность этой мѣры. Повидимому, сначала на это и рѣшились, такъ какъ всѣ распоряженія находились уже въ рукахъ общества, и въ главную квартиру были приведены на очередь самые надежные полки. Но Пестель все колебался приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ—и попалъ въ ловушку, такъ плохо даже поставленную, что, кажется, самый

---

*) „Записки декабриста Д. И. Завалишина". 1-е русское изданіе. СПБ. 1906 г.

малосмысленный ребенокъ сейчасъ бы догадался, что ему тутъ насторожили западню. Его не рѣшились арестовать въ главной квартирѣ, а старались выманить изъ нея. И вотъ онъ принялъ отъ Витгенштейна порученіе ѣхать къ корпусному командиру Сабанееву съ важными бумагами, относящимися будто-бы до пограничныхъ дѣлъ съ Турціею, а что выборъ палъ именно на него, то это объяснили ему такъ, что онъ можетъ и самъ быть полезенъ совѣтами. такъ какъ его прежде посылали въ Молдавію и онъ изучилъ тамошнія дѣла. Между тѣмъ, та самая важная бумага, которую онъ везъ, и заключала въ себѣ объ арестованіи его, а корпусная квартира Сабанеева была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ не было членовъ общества и преданныхъ Пестелю людей, потому что Сабанеевъ любилъ окружать себя единственно такъ называемыми „хамами", т.-е. или выслужившимися изъ простыхъ людей или низкопоклонниками; разумѣется Пестель немедленно по врученіи бумаги и былъ арестованъ".

Когда Пестель вернулся на югъ послѣ своей неудачной дипломатической поѣздки въ Петербургъ, то, конечно, какъ умный тактикъ и расчетливый агитаторъ, онъ не открылъ своей неудачи членамъ Южнаго общества, а, напротивъ, увѣрялъ ихъ, что „все привелъ въ желанный имъ порядокъ; что общества Южное и Сѣверное соединились; что сначала ему противились во многомъ, а однажды онъ, въ нетерпѣніи ударивъ по столу, сказалъ: „такъ будетъ же республика"; что наконецъ всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами". Но это все были разговоры, далекіе еще до какихъ либо дѣйствій, относительно которыхъ среди членовъ не было полной солидарности. Біографъ Пестеля, Н. П. Павловъ-Сильванскій *), въ слѣдующихъ суммированныхъ данныхъ такъ излагаетъ и эти дѣйствія и ту роль, которую здѣсь игралъ глава Южнаго общества. „Наиболѣе дѣятельными и вліятельными членами Южнаго общества,—говоритъ онъ,—были, помимо Пестеля, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, подполковникъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, и Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, подпоручикъ Полтавскаго пѣхотнаго полка. Сергѣй Муравьевъ присоединился къ Южному обществу въ 1822 г., а черезъ него въ 1823 г. принятъ былъ Бестужевъ. Они не сразу подчинились мнѣніямъ Пестеля, а сначала, въ особенности

*) „Русскій біографическій словарь", также журналъ „Былое" за 1906 г., ст. „Пестель передъ Верховнымъ судомъ".

Муравьевъ, горячо спорили противъ его программы установленія республики путемъ революціи; но вскорѣ, въ ноябрѣ 1823 г., на съѣздѣ у Давыдова въ Каменкѣ объявили, что перемѣнили свое мнѣніе и вполнѣ принимаютъ программу Пестеля. „Русская Правда", въ краткомъ изложеніи, составила ихъ политическій завѣтъ, который они дѣятельно распространяли среди другихъ членовъ. Въ 1823 г. С. Муравьевъ и М. Бестужевъ объявлены были руководителями Васильковской или лѣвой управы. Оба они отличались крайней пылкостью характера, фанатической преданностью преступнымъ идеямъ. Послушные Пестелю каменскіе и тульчинскіе члены были слишкомъ пассивны; Муравьевъ же и Бестужевъ слишкомъ рвались впередъ и, признавая авторитетъ Пестеля, въ то же время противъ его воли увлекали его за собою". Они же открыли „Общество соединенныхъ славянъ", присоединили его къ Васильковской управѣ, а также вошли въ сношенія съ поляками. Васильковская управа въ 1824 г. была наибольшая по числу своихъ членовъ, наиболѣе дѣятельная и наиболѣе независимая отъ директора. Въ цѣляхъ ослабить нѣкоторую автономность этой управы и ослабить значеніе С. Муравьева, Пестель рѣшилъ раздѣлить съ нимъ высшую власть надъ обществомъ во всемъ его цѣломъ и въ ноябрѣ 1825 г. назвалъ его третьимъ членомъ директоріи.

„Разработавъ планъ революціонныхъ дѣйствій и вкоренивъ его въ умы членовъ Южнаго общества, Пестель не спѣшилъ приступить къ его осуществленію, сознавая слабость силъ общества, — говоритъ его біографъ. — Онъ соглашался на начатіе дѣйствій, только уступая настояніямъ пылкаго и опрометчиваго Сергѣя Муравьева-Апостола. Васильковская управа, руководимая Муравьевымъ, едва не начала мятежа еще въ 1823 г., когда войска 9-й дивизіи 3-го корпуса, въ которой служили офицерами сочлены управы, стояли въ Бобруйскѣ. Въ 1824 г. Муравьевъ со своими ближайшими единомышленниками составилъ планъ открыть мятежъ во время ожидавшагося высочайшаго смотра войска 3-го корпуса въ 1826 г. у Бѣлой Церкви. Пестель съ всегда послушными ему Юшневскимъ, Давыдовымъ и кн. Волконскимъ сильно спорили противъ этого плана на кіевскихъ контрактахъ 1825 г. и „совершенно его опровергнули".

Пылкіе васильковскіе члены общества едва не начали мятежа, безъ соглашенія съ Пестелемъ, въ августѣ 1825 г., во время сбора войскъ для маневровъ при мѣстечкѣ Лещинѣ, по совершенно случайному поводу отнятія команды надъ полкомъ у

одного изъ сочленовъ ихъ, Повало-Швейковскаго. По настоянію Швейковскаго, они согласились тутъ же, въ Лещинѣ, отложить начало дѣйствій до мая 1826 г., рѣшившись во что бы то ни стало привести въ исполненіе прежній свой планъ возмущенія у Бѣлой Церкви, во время ожидавшагося высочайшаго смотра. Бестужевъ-Рюминъ пріѣхалъ къ Пестелю во второй половинѣ 1825 г. и сообщилъ объ этомъ рѣшеніи Васильковской управѣ. Пестель на этотъ разъ не высказался рѣшительно противъ. Сознаніе слабости силъ общества заставляло Пестеля охлаждать рвеніе Муравьева и Бестужева; но онъ не могъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ со всей энергіей, изъ боязни внести расколъ въ „Южное общество“. „Муравьевъ нетерпѣливъ искать,—говорилъ Пестель.—однако-жъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него“.

Опасность открытія заговора, усиливаемая неосторожностью членовъ Васильковской управы, побудила Пестеля относиться болѣе сочувственно къ плану скорѣйшаго начатія мятежа. Его дѣятельность сильно ослабѣла въ 1825 г. „Чѣмъ ближе становилась развязка, — утверждаетъ г. Сильванскій, — тѣмъ трезвѣе смотрѣлъ онъ на дѣло. Сознаніе слабости общества парализовало его энергію. Наиболѣе страшилъ его недостатокъ единства въ дѣйствіяхъ Сѣвернаго и Южнаго обществъ. Неудача его попытки сплотить оба общества оставила въ его душѣ глубокій слѣдъ. Онъ охладѣлъ даже къ своему излюбленному труду „Русской Правдѣ“ и въ теченіе 1825 г. не написалъ ничего; если бы онъ вѣрилъ въ успѣхъ дѣла, онъ не замедлилъ бы закончить хотя бы вчернѣ „Русскую Правду“, которая, по его мысли, являлась залогомъ успѣха. Въ серединѣ ноября правительство уже имѣло вѣрныя свѣдѣнія о заговорѣ“. Въ послѣднихъ числахъ ноября Пестель счелъ необходимымъ скрыть свои бумаги, а 13 декабря, наканунѣ того дня, какъ Сенатская площадь въ Петербургѣ оглашалась криками во здравіе Константина и съ привѣтами конституціи, онъ былъ уже арестованъ.

Арестъ Пестеля былъ ударомъ для „Южнаго общества“, которое вслѣдъ за симъ ходомъ всѣхъ обстоятельствъ прекратило свое существованіе, проявивъ наканунѣ своей смерти конвульсивный порывъ къ жизни въ видѣ военнаго мятежа у Бѣлой Церкви, явившагося откликомъ столичныхъ событій 14 декабря.

ГЛАВА IX.

Настроеніе въ Сѣверномъ обществѣ.—Якубовичъ, Каховскій, Рылѣевъ.—Роль Рылѣева въ обществѣ и его поэтическія произведенія, какъ орудіе политической агитаціи.—Кн. Трубецкой.—Канунъ возмущенія.—14 Декабря на Сенатской площади.—Разстрѣлъ декабристовъ и аресты въ Петербургѣ и Москвѣ.—Арестъ Пестеля.—Разгромъ Южнаго общества и бунтъ Черниговскаго полка.

Главными центрами пребыванія и сосредоточенія революціонныхъ и оппозиціонныхъ правительству силъ—были югъ, Москва и Петербургъ. Наибольшая интенсивность революціонной мысли сосредоточивалась въ „Южномъ обществѣ", но и здѣсь какого нибудь вполнѣ опредѣленнаго плана до смерти Александра I не было установлено, были больше разговоры и „страшныя слова" объ убійствахъ; въ результатѣ члены общества рѣшили „отложить" активныя дѣйствія до 1826 г. Въ Москвѣ, гдѣ находились налицо нѣкоторые члены былого „Союза благоденствія", настроеніе было еще болѣе вялое, бездѣятельное—ожидались сигналы или съ юга, или изъ Петербурга. Намъ уже извѣстно, что побывавъ здѣсь, Пестель остался недоволенъ членами „Сѣвернаго общества", и дѣйствительно, съ точки зрѣнія активной политики, это общество, до 1825 г., кромѣ выработки извѣстной конституціонно-монархической программы Никиты Муравьева, кромѣ нѣкоторой слабой пропаганды среди представителей столичной интеллигенціи, пріобщенія ихъ, и то въ очень нетвердой и мало реальной формѣ, къ задачамъ общества, ничѣмъ жизненнымъ себя не проявило. Были разговоры, много словъ, и то очень умѣреннаго оттѣнка и ничего болѣе... Иначе обрисовывается общество со вступленіемъ его въ „думу", въ дирекцію редактора „Полярной Звѣзды", Кондратія Федоровича Рылѣева. который вноситъ въ общество и въ его задачи большую энергію, рѣшительность и активность Съ отъѣздомъ кн. Трубецкого въ концѣ 1824 г. на югъ, онъ занимаетъ его мѣсто въ таинственной директоріи и силою своего ума, своей образованности, талантливости и страстности натуры дѣлается душою всего дѣла, становится руководителемъ общества, его вдохновителемъ, какъ бы воплощая въ своей личности и все дѣло съ его идейной стороны, и всю таинственную думу и сосредоточивая также въ своихъ рукахъ всѣ до поры до времени разрозненныя и отрывочныя нити заговора. Онъ для Петербурга то же, что для Тульчина Пестель и въ нѣкоторыхъ отноше-

ніяхъ даже съ одинаковою репутаціей: не всѣ ему довѣряютъ, не всѣ вѣрятъ въ истинность сообщаемыхъ имъ фактовъ, которые онъ дѣйствительно порою односторонне и фантастически освѣщаетъ, въ интересахъ революціонной тактики, въ цѣляхъ политической организаціи революціонныхъ силъ и ихъ распредѣленія для дѣла сокрушенія стараго строя и установленіи новаго. Въ смыслѣ метода достиженія намѣченныхъ цѣлей онъ становится, что называется, много лѣвѣе своихъ старшихъ товарищей, и съ этой стороны его политика сильно сближается съ политикою Пестеля. Мирнаго исхода революціонному настроенію онъ не предвидитъ и дѣлается сторонникомъ кроваваго переворота съ убіеніемъ главы государства и чуть ли не всего царствующаго дома. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія его бесѣды съ Каховскимъ, Якубовичемъ, А. Бестужевымъ, Батенковымъ и др., о которыхъ мы узнаемъ, какъ изъ самаго слѣдственнаго дѣла, такъ и изъ дошедшихъ до насъ нѣкоторыхъ „записокъ декабристовъ". Изъ донесеній „слѣдственной комиссіи" явствуетъ *), что именно... „въ обществѣ петербургскомъ явилась бо́льшая противъ прежняго и безпокойная дѣятельность со времени вступленія Рылѣева въ думу, на мѣсто кн. Сергѣя Трубецкого. Онъ и принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 г., причисленный къ верховному кругу Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный жизнью, единомысліемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что съ перваго же засѣданія его въ кругу убѣжденныхъ онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ общества, что съ тѣхъ поръ до 27 ноября онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средствъ удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами, что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу. Имъ и Рылѣевымъ, прямо и черезъ другихъ, приняты многіе новые члены; въ томъ числѣ вступили въ общество, въ разныя времена, нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ безпорядковъ 14 минувшаго декабря: Николай, Михаилъ, Петръ Бестужевъ, Сутгофъ, Пановъ, Кожевниковъ, кн. Одоевскій, кн. Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ, служившій въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ. Черезъ него Рылѣевъ дѣйствовалъ на кругъ молодыхъ

*) „Тайное общество и 14 декабря 1825 г. въ Россіи". Лейпцигъ.

офицеровъ сего экипажа, кои не были членами ни Сѣвернаго ни Южнаго тайнаго общества, и не составляли особеннаго, а только любили собираться, чтобы въ нескромныхъ разговорахъ осуждать правительство, хвалить конституцію Американскихъ штатовъ, мечтать о введеніи новаго республиканскаго порядка въ Россіи. На сихъ, впрочемъ, весьма немногочисленныхъ собраніяхъ вмѣстѣ съ Арбузовымъ присутствовалъ Завалишинъ,

Александръ Ивановичъ Якубовичъ.

тоже молодой флотскій офицеръ, недавно возвратившійся изъ отдаленнаго морского путешествія... онъ находилъ... что государь и августѣйшій домъ его будутъ всегда препятствовать въ успѣхѣ замышленныхъ имъ перемѣнъ, и сначала полагалъ вывезти ихъ за границу; потомъ онъ и особливо Арбузовъ стали говорить, что лучше всѣхъ истребить".

Значительную нервность придалъ настроенію „Сѣвернаго общества" и прибывшій въ столицу изъ Грузіи боевой капитанъ Якубовичъ, сошедшійся съ петербургскими заговорщиками черезъ А. Бестужева. Человѣкъ шумный, хвастливый и болтливый, бьющій на внѣшній эффектъ, но на дѣлѣ оказавшійся далеко не на высотѣ своего революціоннаго призванія, Якубовичъ, согласно „донесенію слѣдственной комиссіи", сначала было не соглашался вступить офиціально въ число членовъ общества, говоря: „не хочу принадлежать ни къ какому обществу, чтобы не плясать по чужой дудкѣ; сдѣлаю свое, вы воспользуйтесь этимъ, какъ хотите; я же или постараюсь увлечь за собою войска, или, при неудачѣ, застрѣлюсь; мнѣ жизнь наскучила". Подъ словами „сдѣлаю свое" онъ разумѣлъ убіеніе Александра I. Такая рѣшимость, произносимая съ бравурнымъ видомъ, повидимому, подѣйствовала и на Рылѣева и на другихъ сообщниковъ устрашающе: это вносило нѣкоторую излишнюю и несогласованную съ прочими дѣйствіями торопливость, случайность во всѣ планы заговорщиковъ и лишала ихъ руководства событіями. Къ словамъ Якубовича въ первое время отнеслись настолько серьезно, что его даже упрашивали нѣсколько отложить выполненіе своего единичнаго замысла, сначала до Петергофскаго праздника, потомъ до начала 1826 г. и, наконецъ, до мая того же года, если и не совсѣмъ, на неопредѣленное время. По поводу сношеній съ Якубовичемъ слѣдственный актъ говоритъ: „Пріѣздъ сего послѣдняго, его разговоры, объявленный имъ умыселъ сильно дѣйствовали на тогдашняго начальника Сѣверной думы, Рылѣева; имъ, какъ утверждаетъ Александръ Бестужевъ, воспламенена тлѣвшая искра; хотя и до того Рылѣевъ полагалъ, что общество приступитъ къ началу при кончинѣ императора Александра, или прежде, если будетъ въ состояніи; но тогда уже по извѣстіямъ съ юга сталъ намекать о возможности начать въ маѣ 1826 г., даже и скорѣе: „вотъ увидишь, когда возвратится государь (изъ Таганрога), мы что нибудь предпримемъ". Сіи слова сказаны имъ въ отвѣтъ на вопросъ Пущина: что они дѣлаютъ? привезеннымъ изъ Москвы въ сентябрѣ новымъ членомъ, барономъ Штейнгелемъ... Ему, какъ одному изъ менѣе ослѣпленныхъ, Рылѣевъ говорилъ: „во 2-й арміи хотятъ демократіи; но это вздоръ, невозможное дѣло; мы желаемъ монархіи „ограниченной". Но онъ же, и почти въ то же время, воскликнулъ при Батенковѣ, что въ монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ, что въ Америкѣ

только знаютъ хорошее правленіе, а Европа вся, и самая Англія въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія; когда же... представился вопросъ, какъ быть, если императоръ не согласится на условіе, и можно ли, помня примѣръ Испаніи, полагаться на вынужденное согласіе, то онъ (Рылѣевъ) сказалъ: „южные отвергаютъ монархію; ихъ мнѣніе принято и здѣсь; я берусь извести государя при случаѣ". Александръ Бестужевъ показываетъ также, что Рылѣевъ и Оболенскій, вѣроятно вслѣдствіе южныхъ инстанцій, упоминали и о погубленіи всей императорской фамиліи. Показатель присталъ къ сему мнѣнію, но утверждаетъ, что притворно, и настаивалъ вмѣстѣ съ Якубовичемъ, что на это нужно не менѣе 10 убійцъ въ надеждѣ, что нельзя будетъ найти такого числа отчаянныхъ изверговъ, и тѣмъ устранится ударъ отъ главы священной. Я былъ крикунъ, а не злодѣй,—пишетъ онъ,—хотя предлагалъ себя для совершенія ненавистнаго дѣла, ибо зналъ, что меня Рылѣевъ не употребитъ; ему было извѣстно, что дѣйствовать на солдатъ должно людямъ чистымъ. Почти тоже объявляетъ и Торсонъ, но Рылѣевъ не во всемъ сознается; увѣряетъ, что онъ и не зналъ вѣрно о намѣреніи „Южнаго общества" погубить государя императора Александра и все августѣйшее семейство его; что хотя предпочиталъ всѣмъ другимъ образъ правленія Сѣверо-Американской республики, однакожъ желалъ въ Россіи, раздѣливъ ее на области, подобныя Американскимъ штатамъ, оставить на время формы монархіи; что, впрочемъ, считалъ свое общество въ правѣ только разрушить существующій порядокъ, а не вводить новый, безъ согласія депутатовъ (противъ сей мысли очень возставалъ Пестель), наконецъ, что когда спросили: что дѣлать, если государь не согласится на ихъ условія? то онъ, Рылѣевъ, сказалъ: „не вывезти ли за границу?"; что къ сему мнѣнію пристали: Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевъ, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ думы велѣно приготовлять кронштадтскій флотъ черезъ надежныхъ офицеровъ. Исполняя сіе порученіе, Рылѣевъ говорилъ съ Торсономъ, и на слова его, что это средство опасно, что лучше императорскую фамилію оставить даже во дворцѣ, лишь подъ присмотромъ, отвѣчалъ: „нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя, а развѣ въ Шлиссельбургѣ; и на случай возмущенія мы имѣемъ примѣръ то, что сдѣлано въ бунтъ Мировича".

Изъ этихъ показаній, нѣсколько, правда, сбивчивыхъ, противорѣчивыхъ и не совсѣмъ откровенныхъ (очевидно, люди не

сговорились и стремились главнѣйше къ выгораживанію самихъ себя, безъ достаточной осторожности по отношенію другихъ), явствуетъ, что настроеніе „Сѣвернаго общества“, съ вступленіемъ сюда Рылѣева, становится болѣе радикальнымъ, рѣшительнымъ, хотя все же реальной программы дѣйствій и здѣсь нельзя установить. Все вертится около общихъ мѣстъ, и Рылѣевъ до поры до времени какъ бы нащупываетъ почву, зондируетъ людей дѣла, приглядывается къ нимъ, и не совсѣмъ съ ними откровененъ. Онъ держитъ ихъ всѣхъ подъ нѣкоторымъ обаяніемъ своей личности, а главное туманитъ имъ голову фактическимъ существованіемъ вполнѣ конкретной думы, отъ которой будто получаются какія-то указанія, рѣшенія и согласія на то или другое предложеніе и предположеніе, хотя на самомъ дѣлѣ такой реальной думы въ наличности не было, и все сосредоточивалось именно въ его лицѣ.

Приглядываясь къ людямъ, которые его окружали, Рылѣевъ, повидимому, придавалъ наибольшее значеніе Каховскому, на котораго и возлагалъ главнѣйшее упованіе въ смыслѣ рѣшительнаго дѣйствія по отношенію представителя царствующаго дома. Его отношенія къ Каховскому и личность послѣдняго впервые освѣщены въ нашей литературѣ П. Е. Щеголевымъ въ его историко-психологическомъ очеркѣ, посвященномъ этому декабристу и основанномъ на новомъ архивномъ матеріалѣ *). „Мысль о цареубійствѣ, объ истребленіи фамиліи страннымъ образомъ связывала Рылѣева и Каховского,—говоритъ г. Щеголевъ.— Членъ тайнаго общества былъ нуженъ Каховскому, потому что при его содѣйствіи онъ легче могъ реализировать сокровенную мечту: русскій Зандъ былъ необходимъ Рылѣеву, потому что въ распоряженіи общества оказывался человѣкъ, который сдѣлаетъ въ концѣ концовъ то, что такъ идетъ навстрѣчу цѣлямъ общества, и о чемъ среднему члену страшно подумать. Къ мысли объ устраненіи фамиліи чаще всего направлялось ихъ соединенное вниманіе. Вокругъ ихъ разговоровъ о цареубійствѣ создавалась душная атмосфера. Ихъ нервы находились въ напряженномъ состояніи, и отношенія были порывисты: то улучшались, то ухудшались. Они сближались и расходились: то Каховской начиналъ подозрѣвать Рылѣева въ нечистотѣ намѣреній и заявлялъ о своемъ выходѣ изъ общества, то Рылѣевъ, вдругъ уставая отъ его неистовства, начиналъ бояться, что несвоевременнымъ покушеніемъ онъ испортитъ дѣло общества, и удалялъ

*) Журналъ „Былое“, № 1 январь 1906 г.

Каховского изъ числа членовъ. А потомъ они опять сходились и разсуждали все о томъ же. До Каховского доходили льстившіе его, быть можетъ, слухи о томъ, что Рылѣевъ указываетъ на него, какъ на Занда, но онъ горѣлъ отъ негодованія, когда чувствовалъ, что на него смотрятъ, какъ на орудіе Рылѣева. Его нѣсколько обижало отношеніе къ нему Рылѣева. Послѣдній не

Петръ Григорьевичъ Каховской.

прочь былъ разгласить о немъ, какъ объ обреченномъ, но не спѣшилъ сблизить его съ другими членами общества и посвятить въ тайны организаціи. Кажется, Рылѣевъ немного мистифицировалъ молодыхъ членовъ „думой": въ сущности вся „дума" была въ немъ самомъ, а онъ выдавалъ ее за необыкновенное авторитетное учрежденіе, въ которомъ будто бы находились самые важные люди государства. Такая же игра была и съ дик-

таторомъ Трубецкимъ. Трубецкой только показывался, мало или совсѣмъ почти не разговаривалъ съ недавними членами, и для нихъ онъ дѣйствительно былъ диктаторомъ, держащимъ въ своихъ рукахъ судьбы общества и въ нужный моментъ диктующимъ дѣйствія. Каховской очень тонко подмѣчалъ подкладку дѣйствій Рылѣева: „Рылѣевъ все и отъ всѣхъ скрывалъ, всѣмъ распоряжался, все бралъ на себя и, сколько я знаю, то по его отросли совѣщаній никакихъ не было... И члены собирались лишь спорить, но онъ дѣлалъ все посвоему; имъ выбранъ въ диктаторы князь Трубецкой; насъ всѣхъ и въ частныхъ разговорахъ заставлялъ молчать, объявлялъ свои мнѣнія волею диктатора, а диктаторъ, я не знаю, едва ли не былъ игрушкой тщеславія Рылѣева. Трубецкого,—говоритъ Каховскій въ другомъ своемъ отвѣтѣ,—я даже никогда не слыхалъ говорящимъ. Онъ, кн. Оболенскій, кн. Одоевскій, Николай Бестужевъ, Пущинъ, всегда запирались. Сіе мнѣ разъ даже замѣтилъ Сутгофъ, сказавъ: „Насъ, братъ, баранами считаютъ". И правда его. О чемъ они толковали, это имъ извѣстно; намъ не сдѣлали никакихъ распоряженій"...

И такъ, мы видимъ, что среди членовъ „Сѣвернаго общества" не было ни какого либо опредѣленнаго плана дѣйствій вплоть до декабрьскихъ кровавыхъ дней, ни между собой согласія и другъ къ другу довѣрія. Всеограничивалось спорами, ссорами, порывами и пререканіями, и это создавало въ ихъ средѣ въ высшей степени анормальную, нервную атмосферу. Г. Щеголевъ констатируетъ, нарисовавши предварительно нѣсколько не лишенныхъ интереса страницъ изъ ихъ отношеній между собою и изъ ихъ разговоровъ, что эти разговоры хорошо передаютъ нервную, напряженную атмосферу, окружавшую всѣ такіе разговоры, и какъ бы хранятъ слѣды тончайшихъ переживаній... „Нельзя не остановить вниманія на единогласно подтверждаемомъ фактѣ непрерывныхъ ссоръ, схожденій и расхожденій: и на дому у Рылѣева, и въ залахъ трактира „Лондонъ" и гостиницы „Неаполь" идутъ нескончаемые, возбужденные разговоры все о томъ же. Приведемъ еще одинъ разсказъ Каховского,—говоритъ онъ,—иллюстрирующій сомнѣнія, обуревавшія декабристовъ. „Рылѣевъ прежде разговора моего съ Бестужевымъ былъ со мной искрененъ и въ одно время сказалъ мнѣ, что дума на нѣкоторое время должна будетъ удержать правленіе за собой, въ чемъ я съ нимъ не согласился и, напротивъ, представлялъ ему, что общество все должно сдѣлать для блага отечества, но ничего не

брать на себя, и по успѣхѣ въ предпріятіи; стараться избрать людей, извѣстныхъ въ государствѣ, которые бы составляли временное правленіе, пока изберутся депутаты, и имъ представить конституцію, которую они въ правѣ принять или что въ ней перемѣнить, или совершенно отвергнуть. Рылѣевъ съ этого смѣялся, говоря:

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ.

— „Ты хочешь отъ аристократовъ чего добраго? Что, Мордвинова что ли сдѣлать правителемъ? Пожалуйста, не мѣшайся, ты ничего болѣе, какъ рядовой въ обществѣ, да и отъ меня немного зависитъ; какъ опредѣлитъ дума, такъ и будетъ.—Много сему подобнаго, что дало мнѣ подозрѣвать Рылѣева, и я того не скрывалъ отъ него“...

Несмотря на всѣ несогласія среди заговорщиковъ и непорядки въ самомъ дѣлѣ заговора, уже къ осени какъ будто опредѣля-

ются дѣйствующія лица будущаго 14 декабря. Въ центрѣ стоитъ Рылѣевъ, около него бр. Бестужевы, кн. Оболенскій, кн. Трубецкой, бар. Штейнгель, Батенковъ, предстоящія роли которыхъ, однако, далеко не выяснены. Что же касается Каховскаго и Якубовича, то именно они разсматриваются орудіями цареубійства, если только таковому суждено случиться произойти. Кромѣ того, помимо таинственной и фантастической „думы", какъ будто обрисовываются и силуэты тѣхъ государственныхъ людей, которыхъ надѣются видѣть въ положеніи вершителей судьбы отечества, съ отвѣтственностью временнаго правительства. Такими государственными людьми являлись Мордвиновъ и Сперанскій, какъ уже патентованные конституціоналисты, въ свое время разработывавшіе вопросъ о русской конституціи, а также Ермоловъ, какъ лицо, пользовавшееся громадною популярностью въ войскѣ, генералъ съ блестящей боевой репутаціей, герой двѣнадцатаго года и человѣкъ большого природнаго ума, при томъ извѣстный нѣкоторымъ вольнодумствомъ по адресу нѣмецко-бюрократическаго правительства, столь прочно укрѣпленнаго въ Россіи германскими представителями царствующаго дома былыхъ Романовыхъ. Были ли, однако, сдѣланы по адресу этихъ лицъ какіе либо шаги, говорилъ ли кто съ ними на эту тему,—на эти вопросы исторія пока не даетъ опредѣленнаго отвѣта; извѣстно только, что на засѣданіи въ Зимнемъ дворцѣ, когда Николай Павловичъ объявилъ сановникамъ волю Александра I и назвалъ себя русскимъ самодержцемъ, Мордвиновъ съ особенною поспѣшностью и съ аффектированною почтительностью поторопился отвѣсить низкій поклонъ, какъ бы подчеркивая этимъ свою непричастность къ какимъ либо противоправительственнымъ видамъ и дѣйствіямъ...

Итакъ, разработаннаго плана заговора не было налицо, а былъ лишь въ центрѣ всего туманно-задуманнаго дѣла страстный агитаторъ, поэтъ и романтикъ, который способенъ былъ до извѣстной степени въ нужный моментъ вдохновить толпу, зажечь ея сердца, но никоимъ образомъ не обладавшій способностями настоящаго организатора и хорошаго революціоннаго стратега.

Рылѣевъ много сдѣлалъ, дабы придать жизненность „Сѣверному обществу", внести въ него ту активность, которой ему такъ долго недоставало; онъ устраивалъ у себя бесѣды, „русскіе завтраки", вербовалъ членовъ, агитировалъ даже перомъ и стихами. Въ этихъ видахъ имъ была написана „народная

пѣсенка“, получившая въ тѣ дни довольно широкое распространеніе въ столицѣ:

Ай и скучно же мнѣ.... *)

Ай и скучно же мнѣ
Во своей сторонѣ!
Все въ неволѣ
Въ тяжкой долѣ....
Видно вѣкъ такъ вѣковать.

Долго—ль русскій народъ
Будетъ рухлядь господъ,
И людями,
Какъ скотами,
Долго—ль будутъ торговать?

Баринъ съ земскимъ судомъ,
Да съ приходскимъ попомъ,
Насъ морочатъ,
Да волочатъ
По дорогамъ, да судамъ.

А подъ . . . . орломъ
Ядомъ поятъ съ виномъ;
Лишь народу
Для заводу
Велятъ вчетверо платить.

А наборами . . . .
Усушилъ, какъ сухарь;
То дороги,
То налоги
Разорили насъ въ конецъ.

Ай, какъ худо въ Руси,
Что и Богъ упаси!
Аракчеевъ
Всѣхъ затѣевъ
И всѣхъ бѣдъ тому виной.

Онъ . . . . подстрекнетъ,
. . . . указъ подмахнетъ
Ему шутка
А намъ жутко,
Тошно такъ, что, ой, ой, ой!

Вмѣстѣ съ А. Бестужевымъ имъ-же была сложена другая пѣсня „Ахъ, гдѣ тѣ острова“, также пользовавшаяся широкою популярностью:

Ахъ, гдѣ тѣ острова.
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
Братцы!
Гдѣ читаютъ Pucelle
И летятъ подъ постель
Святцы...

*) „Собраніе стихотвореній декабристовъ“ т. 1.

Гдѣ Бестужевъ—драгунъ
Не даетъ карачунъ
Смыслу;
Гдѣ нынѣ князь—чудодѣй
Не бросаетъ людей
Въ Вислу;
Гдѣ съ зари до зари
Не играютъ . . . .
Въ фанты.
Гдѣ Булгаринъ Ѳадей
Не боится когтей
Танты...
Гдѣ Магницкій молчитъ,
А Мордвиновъ кричитъ
Вольно;
Гдѣ не думаетъ Гречъ,
Что его будутъ сѣчь
Больно
Гдѣ Сперанскій поповъ
Обдаетъ, какъ клоповъ,
Варомъ...
Гдѣ Измайловъ—чудакъ
Ходитъ въ каждый кабакъ
Даромъ...
Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи цари
Правятъ
Ты скажи поскорѣй
Какъ въ Россіи царей
. . . .
Какъ капралы Петра
Провожали съ двора
Тихо;
Какъ жена предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо;
Какъ . . . .
Воцарился по ней...
Горе!
Но Господь, русскій Богъ,
Бѣднымъ людямъ помогъ
Вскорѣ.
Какъ въ ненастные дни
Собирались они
Часто;
Гнули,—Богъ ихъ прости!—
Отъ пятидесяти
На сто;
И выигрывали
И отписывали
Мѣломъ.
Такъ въ ненастные дни
Занимались они
Дѣломъ!

Поэзія для Рылѣева была могучимъ средствомъ пропаганды вольно-любивыхъ идей, которыми онъ электризовалъ читателей, а также своихъ единомышленниковъ и соучастниковъ по политическому заговору.

Не считая его достаточно извѣстнаго „Войнаровскаго“, а также отрывковъ изъ „Наливайка“, и мы можемъ достаточно полно уяснить себѣ настроеніе и политическое воодушевленіе изъ стихотворенія „Гражданинъ“, относящагося къ концу 1825 г., когда бурныя событія въ Петербургѣ уже опредѣленно обрисовались. Онъ говоритъ въ этомъ стихотвореніи:

Я-ль буду въ роковое время
Позорить гражданина сонъ
И подражать тебѣ, изнѣженное племя
Переродившихся славянъ?
Нѣтъ, не способенъ я въ объятьяхъ сладострастья,
Въ постыдной праздности влачить свой вѣкъ младой
И изнывать кипящею душой
Подъ тяжкимъ игомъ самовластья!
Пусть юноши, не разгадавъ судьбы,
Постигнуть не хотятъ предназначенье вѣка
И не готовятся для будущей борьбы
За угнетенную свободу человѣка.
Пусть съ хладнокровіемъ бросаютъ хладный взоръ
На бѣдствія страдающей отчизны
И не читаютъ въ нихъ грядущій свой позоръ
И справедливыя потомковъ укоризны.
Они раскаются, когда народъ, возставъ,
Застанетъ ихъ въ объятьяхъ праздной нѣги,
И въ бурномъ мятежѣ ища свободныхъ правъ
Въ нихъ не найдетъ ни Брута, ни Ріэги.

Кромѣ Рылѣева, не чужды были поэзіи съ нѣкоторой долей гражданскаго оттѣнка и другіе декабристы, какъ напримѣръ: кн. А. Одоевскій, А. Бестужевъ (Марлинскій), Г. Батенковъ, В. Кюхельбекеръ и др., но ихъ поэтическія произведенія не отличались ни особенною литературною колоритностью, ни политическою экспрессіей, а потому не будемъ приводить образцовъ этихъ произведеній.

Рылѣевъ увлекалъ своимъ горячимъ словомъ окружающихъ и наканунѣ самаго 14 декабря явился настоящимъ средоточіемъ всего революціоннаго дѣла, рѣшалъ и опредѣлялъ его, какъ это видно будетъ далѣе. Но его несчастіе заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что около него въ сущности былъ недостатокъ настоящимъ образомъ преданныхъ дѣлу людей, сознательно и обдуманно выполняющихъ возложенную на нихъ задачу; во-вторыхъ, онъ былъ статскій, а весь заговоръ былъ военный, почему ему и понадобился фактическій замѣститель, котораго онъ, наименовавши диктаторомъ, и поставилъ во главѣ движенія, какъ военнаго и придворнаго человѣка, пользовавшагося широкою извѣстностью въ войскѣ; но онъ не изучилъ характера того, кого онъ провозгласилъ „диктаторомъ“, и это въ значительной

степени погубило и весь планъ возстанія и все его выполненіе. Это было третье несчастіе Рылѣева и его главнѣйшая ошибка. Князь Трубецкой не оказался на высотѣ припятой на себя по волѣ Рылѣева должности и даже въ самый нужный, критическій моментъ сталъ въ сторонѣ отъ тѣхъ, кого обязапъ былъ, согласно уговору и слову, вести противъ сильнаго врага для борьбы съ нимъ на смерть.

Извѣстіе о смерти Александра Павловича застало членовъ „Сѣвернаго союза“ совершенно врасплохъ, а наступившее междуцарствіе вызвало ихъ по необходимости къ попыткамъ осуществленія въ той или иной формѣ, при тѣхъ или иныхъ обстоятельствахъ, своей намѣченной программы и съ точки зрѣнія ея идейнаго воплощенія (установленія въ Россіи конституціи) и съ точки зрѣнія метода этого осуществленія (вооруженнаго возстанія). Передъ нами развертываются событія, состоящія въ непосредственной связи другъ съ другомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ протекающія въ первое время независимо одни отъ другихъ, чтобы затѣмъ въ конечномъ результатѣ смѣшаться и создать тотъ политическій моментъ, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ „14 декабря 1825 года“. Мы видѣли дѣйствія двухъ представителей царствующаго дома, дѣйствія, которыя даже молодымъ Ростовцевымъ не могли быть признаны правильными и цѣлесообразными. Въ результатѣ воля покойнаго государя должна была быть осуществлена, и упорство Николая Павловича было сломлено: онъ рѣшилъ принять наслѣдіе покойнаго брата и почти одновременно съ этимъ рѣшеніемъ узналъ, какая опасность грозитъ и ему самому, и его семьѣ, и всему государству отъ осуществленія сего рѣшенія. Заговоръ вполнѣ созрѣлъ, а періодъ междуцарствія придалъ этому заговору тотъ характеръ, котораго никакъ нельзя было ожидать еще мѣсяцъ тому назадъ: заговорщики стали на сторону законнаго русскаго самодержавія, на защиту попранныхъ правъ старшаго наслѣдника престола, Константина Павловича, и поднимались противъ государя во имя того самаго стимула, ради котораго и онъ всего нѣсколько дней тому присягалъ своему брату. Видимая, внѣшняя правда въ глазахъ народа, въ глазахъ войска была на ихъ сторонѣ. Онъ — узурпаторъ державныхъ правъ, опи—поборники этихъ правъ. Счастье далось „декабристамъ“ само собою, случай помогъ имъ обнаружить и заявить, какъ себя, такъ и свою программу безъ всякихъ особыхъ съ ихъ стороны стараній и напряженія силъ. Что казалось труднымъ, загадочнымъ и неопредѣленнымъ еще

въ ноябрѣ, стало реальнымъ и достижимымъ въ декабрѣ. И Николай, и Константинъ Павловичи оба въ одинаковой степени объ этомъ постарались, а загробная воля покойнаго императора какъ бы это освятила. Вспоминая тѣ дни, князь Е. Оболенскій, членъ „Сѣвернаго общества", въ своихъ запискахъ повѣствуетъ *),

Кн. Е. Оболенскій.

что, когда былъ провозглашенъ императоромъ Константинъ Павловичъ, вся гвардія и всѣ верховныя власти принесли ему присягу. „Наканунѣ присяги всѣ наличные члены общества собра-

*) „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка. Томъ I. Декабристы: М. А. Фонвизинъ, князь Е. П. Оболенскій и баронъ В. И. Штейнгель. Статьи и матеріалы". Спб. 1905 г.

лись у Рылѣева. Всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться восшествію на престолъ, ни предпринять что либо рѣшительное въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того положено было, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго императора, дѣйствія общества на время прекратить. Грустно мы разошлись по своимъ домамъ, чувствуя, что надолго, а, можетъ быть, навсегда отдалилось осуществленіе мечты нашей жизни! На другой же день вѣсть пришла о возможномъ отреченіи отъ престола новаго императора. Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ завѣщаніе покойнаго и вѣроятное вступленіе на престолъ великаго князя Николая Павловича. Тутъ все пришло въ движеніе, и вновь надежда на успѣхъ блеснула во всѣхъ сердцахъ"...

Баронъ Розенъ довольно обстоятельно разсказываетъ въ своихъ „Запискахъ" *), что именно происходило въ тѣ дни среди членовъ общества. „6 декабря я былъ назначенъ во внутренній караулъ въ Зимній дворецъ, — говоритъ онъ. — Какъ обыкновенно по праздникамъ, въ залахъ стоялъ длинный рядъ собравшихся придворныхъ и военныхъ чиновъ, чтобы привѣтствовать царскую фамилію на пути въ церковь. Было общее молчаніе, и лишь отдѣльныя группы сходились и робко перешептывались между собою. 10 декабря вечеромъ я получилъ записку отъ моего товарища по службѣ, капитана Н. П. Рѣпина. Онъ просилъ меня немедленно прійти къ нему. Было поздно. Я засталъ его одного, онъ ходилъ взадъ и впередъ съ часами въ рукахъ. Въ короткихъ словахъ онъ сообщилъ мнѣ, что давно предполагаемое возстаніе вскорѣ должно осуществиться, такъ какъ предоставляется удобный случай для дѣйствія, и оно необходимо для предотвращенія внутренняго раздора или даже междоусобія. Разговоры и разсужденія не приведутъ къ цѣли: необходима матеріальная сила, по крайней мѣрѣ, нѣсколько баталіоновъ и пушекъ. Онъ желалъ, чтобы я содѣйствовалъ возстанію нашего 1 баталіона **), въ чемъ я ему рѣшительно отказалъ, такъ какъ я командовалъ въ немъ только одною ротою: можно было разсчитывать на готовность молодыхъ офицеровъ, а не на ротныхъ командировъ. Но, тѣмъ не менѣе, попытка казалась возможной и могла удасться тѣмъ легче, что, какъ утверждали, будто полковникъ А. Ф. Мюллеръ приметъ участіе съ своимъ

---

*) „Записки декабриста. Матеріалъ для исторіи возмущенія 14 декабря 1825 г."

**) Финляндскаго полка.

2 баталіономъ. Въ тотъ же вечеръ я отправился съ Рѣпинымъ къ Кондратію Рылѣеву; онъ жилъ въ домѣ „Американской компаніи“, у Синяго моста. Мы застали его одного за книгой; у него болѣло горло, и потому онъ закутанъ былъ большимъ платкомъ. Въ его глазахъ и чертахъ лица выражалось одушевленіе къ великому дѣлу; его рѣчь была ясна и убѣдительна: онъ доказывалъ, что предстоящая новая присяга приведетъ солдатъ въ сомнѣніе, и этимъ легко будетъ воспользоваться для осуществленія цѣли измѣнить систему. Вскорѣ послѣ этого пришелъ Бестужевъ и Щепинъ-Ростовскій. Обмѣнявшись различными предположеніями, мы разошлись, намѣреваясь опять сойтись при первомъ случаѣ.

„11 декабря я нашелъ у Рѣпина, къ величайшему моему неудовольствію, шестнадцать молодыхъ офицеровъ нашего полка, которые толковали о настоящемъ событіи и отчасти были посвящены въ тайное предпріятіе. Мнѣ удалось отозвать хозяина въ другой конецъ, гдѣ я ему представилъ о неумѣстности столь рановременнаго посвященія молодежи. Онъ возразилъ, что на надежность присутствующихъ, въ моментъ дѣйствія, можно разсчитывать.

„12 декабря я былъ въ собраніи у князя Е. П. Оболенскаго, гдѣ присутствовали члены заговора, находившіеся въ Петербургѣ. Толковали о средствахъ привести въ исполненіе задуманное предпріятіе. Главное начальство надъ вооруженною силою поручали князю Трубецкому, если изъ Москвы не прибудетъ своевременно болѣе опытный начальникъ. Опредѣлили собрать возставшія войска на Сенатской площади, привести туда какъ можно болѣе солдатъ и, подъ предлогомъ защиты правъ Константина, отказаться отъ повиновенія и принесенія присяги великому князю Николаю. Въ случаѣ удачи, предполагалось провозгласить престолъ упраздненнымъ и предоставить пяти членамъ временное правленіе. Въ число этихъ членовъ назначены были, между прочимъ, Н. С. Мордвиновъ и Сперанскій. При содѣйствіи государственнаго совѣта и сената, лица эти должны были управлять страною, пока депутаты, избранные отъ всего государства, не установятъ новой конституціи. Еще не знали хорошенько, сколькими баталіонами или ротами, или какими полками будутъ располагать. Во всякомъ случаѣ, рѣшили воспользоваться смущеніемъ, которое произведетъ между солдатами новая присяга. Какъ скоро соберется достаточное количество войскъ предполагалось занять Зимній дворецъ и нѣкоторыя важныя

мѣста: правленіе банка и почтамтъ, чтобы предотвратить всякій безпорядокъ и самовольство. Въ случаѣ недостаточности войска и неудачи предпріятія, предполагалось отступить въ новгородскія военныя поселенія, гдѣ можно было держаться. Но ни одна мѣра не была опредѣлена съ точностію; на всѣ доводы и замѣчанія возражали: „для подобнаго предпріятія нельзя же дѣлать пробъ, какъ для парада". Всѣ участвовавшіе въ собраніи были готовы дѣйствовать. Когда я услышалъ, что съ увѣренностью разсчитываютъ на нѣкоторые баталіоны нашего полка, не зная достаточно настроенія его духа, я счелъ своею обязанностью, чтобы представить неосновательность этихъ надеждъ, обратить вниманіе на трудность и даже невозможность подобной попытки возстанія безъ всякой предварительной подготовки. „Мы имѣемъ мало видовъ на успѣхъ, но необходимо начать, необходимо сдѣлать что нибудь: начало и примѣръ принесутъ плодъ",—отвѣчали мнѣ. Я, какъ теперь, слышу, какъ усиленно напирали на то, что „необходимо начать". Говорившій былъ восторженный Кондратій Рылѣевъ, одинъ изъ представителей заговора.

„13 декабря меня посѣтили нѣсколько офицеровъ нашего полка. На ихъ вопросъ, какъ слѣдуетъ имъ себя держать, если они будутъ въ день возстанія назначены куда либо въ караулъ, я отвѣчалъ коротко и опредѣленно, что для общей безопасности они должны оставаться на своемъ посту. Какъ ни была тверда моя рѣшимость не разлучаться съ моими друзьями, но все-таки я не считалъ необходимымъ вовлекать другихъ въ сомнительную мою судьбу"...

Князь С. П. Трубецкой, избранный диктаторомъ и начальникомъ надъ возставшими войсками слѣдующимъ образомъ описываетъ приготовленія къ возстанію и свое къ нему отношеніе. Онъ говоритъ: *)

„Вотъ какой былъ планъ мой. Я полагалъ, что если полки откажутся отъ присяги, то собрать ихъ гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ и ожидать, какія будутъ приняты мѣры отъ правительства; я надѣялся, что если ихъ будетъ достаточное количество, то силою не вздумаютъ ихъ принуждать къ повиновенію; и для того, чтобъ убѣдиться въ собственной силѣ, должно было тотъ полкъ, въ которомъ откажутся люди присягать, стараться вывести къ другому ближнему полку, что побудитъ и тотъ полкъ выйти, если онъ также отказывался дать присягу, или также отказаться отъ

*) „Записки князя С. П. Трубецкого" Спб. 1907.

оной. По разсказамъ *Рылѣева* и *Оболенскаго*, отъ коихъ однихъ я сначала имѣлъ всѣ свѣдѣнія, я полагалъ, что не присягнутъ полки: Измайловскій, Финляндскій, Егерскій, Лейбъ-Гренадерскій, Московскій и Морской Экипажъ. Таковую силу полагалъ достаточною. Думалъ, что если въ первый день не вступятъ съ ними въ переговоры, то увидѣвъ, что они не расходятся и проночевали первую ночь на бивакахъ, непремѣнно на другой день вступятъ съ ними въ переговоры, или объявятъ, что послали въ Варшаву къ государю цесаревичу. Между тѣмъ, нельзя будетъ симъ полкамъ отказать въ продовольствіи; и тогда если дѣйствительно послано будетъ въ Варшаву, ожидать рѣшенія отъ обстоятельствъ и если его высочество цесаревичъ изволитъ пріѣхать, тогда покориться обстоятельствамъ. Если государь цесаревичъ не пріѣдетъ, или, что я полагалъ, вѣроятнѣе, вступятъ съ полками въ переговоры, то сказать солдатамъ, что есть завѣщаніе блаженной памяти государя императора и по которому завѣщано имъ убавить срокъ службы, что надобно вытребовать исполненіе сего завѣщанія, но просто на одно обѣщаніе положиться нельзя, а надобно сдѣлать крѣпко и для того убѣдить ихъ не расходиться и что если не разойдутся, то будетъ все сдѣлано. Тогда требовать всего того, что написано въ извѣстной запискѣ, состоящей при дѣлѣ *). Впрочемъ, записка сія не полагалась опредѣлительно принятою, изъ оной возможнымъ полагалось многое уступить, исключая однакожъ собранія депутатовъ изъ губерній по сословіямъ, и чтобъ все сіе было объявлено манифестомъ отъ Сената. Для полковъ же вытребовать удобное для стоянки мѣсто до окончанія всего. Я не сомнѣвался, что въ сіе время многіе бы и другіе полки къ симъ не присоединились, и даже многія лица во всѣхъ мѣстахъ не поддержали требованій. Сіе основаніе было на томъ мнѣніи, что, вѣроятно, есть много людей, желающихъ конституціонной монархіи, но которые не являютъ своего мнѣнія, не видя возможности до оной достигнуть, но когда увидятъ возможность и при томъ, что возставшія войска ни какого буйства не дѣлаютъ, то обратятся на ихъ сторону. Я не опасался, что другіе полки можно было заставить дѣйствовать противъ сихъ, но опасался одной артиллеріи, почему и полагалъ необходимымъ зайти за нею и взять ее съ собой. Обстоятельства должны были рѣшить, гдѣ удобнѣе будетъ расположить полки, но я предпочиталъ расположить ихъ за городомъ; ибо тогда въ городѣ сохранится тишина, да и самые полки можно будетъ лучше удержать отъ разброда. Полковъ же армей-

скихъ, какъ я сказывалъ, мы не боялись, ибо не вѣрили, чтобъ можно было подвигнуть полки на полки. Другое предположенiе было, чтобъ собрать всѣ полки на Сенатской площади, и какъ скоро вступятъ съ ними въ переговоры, то требовать въ Сенатѣ завѣщанiя, по которому убавленъ срокъ службы солдатамъ (какъ выше сказано), а между тѣмъ требовать разсылки извѣстнаго манифеста, и тогда уже обстоятельства должны опредѣлить, гдѣ полкамъ быть на сборномъ мѣстѣ, чтобъ не расходиться до окончанiя. Впрочемъ, было мнѣнiе нѣкоторыхъ, что еслибъ все сiе такъ не удалось, то итти къ военнымъ поселенiямъ, присоединить ихъ и ожидать окончанiя. Увѣренность вообще была, что окончанiе будетъ по желанiю.

„Когда я самъ сталъ собирать свѣдѣнiя отъ офицеровъ (коихъ я прежде показалъ) о состоянiи умовъ въ полкахъ и освѣдомился о числѣ членовъ самаго Общества, то я увидѣлъ, что расположенiе умовъ не подаетъ надежды въ успѣхѣ исполненiя, и что Общество состоитъ изъ самыхъ незначущихъ лицъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я видѣлъ, что много есть людей, которые начинаютъ весьма горячиться. Одинъ разъ *Рылѣевъ* сказалъ мнѣ, что требуютъ начать съ предположеннаго времени, между тѣмъ я зналъ, что были нѣкоторые, хотѣвшiе возмутить полки еще въ день присяги, данной государю цесаревичу. Я пришелъ въ большое замѣшательство. Слышалъ я, что нѣкоторые говорили, что и съ одной горстью солдатъ можно все сдѣлать, говорили о грабежѣ и убiйствахъ; говорили, что можно и во дворецъ забраться. Но на сiе бывшiй тогда *Батенковъ* возразилъ, что дворецъ долженъ быть священное мѣсто, что если солдатъ до него прикоснется, то уже ни чортъ его ни отъ чего не удержитъ. Я увѣренъ, что сiе его возраженiе отъ многаго впослѣдствiи бѣдствiя удержало. Я жаловался *Рылѣеву*, что такой бунтующiй духъ между членами, онъ увѣрялъ меня, что оный успокоится. Я не рожденъ убiйцею; я желалъ отойти, видя себя между людьми, готовыми на убiйства; но между тѣмъ полагалъ, что я уже, или по крайней мѣрѣ имя мое, служило къ возбужденiю ихъ на такiя дѣла; и надѣялся еще, что оставаясь съ ними въ сношенiи и какъ бы въ видѣ начальника, я успѣю отвратить зло, и если необходимо должно быть чему нибудь, то убѣдить ихъ не дѣлать безпорядковъ и сохранить хоть нѣкоторый видъ законности. Но внезапно узнали мы, что курьеръ прiѣхалъ изъ Варшавы (ранѣе нежели я ожидалъ его по своимъ разсчетамъ), я увидѣлъ, что горячность многихъ опять возгорѣлась; нѣкоторые говорили, что отступать

уже нельзя, ибо все можетъ быть уже открыто, слѣдовательно все равно умирать. Я еще все думалъ сколько нибудь помочь, уговаривая, чтобъ офицеры начинали просто вопросами, почему хотятъ ихъ приводить къ присягѣ, и только тогда если увидятъ, что поддерживаютъ ихъ солдаты, выводили ихъ; и увидя, что на это подаются бывшіе тутъ ротные командиры, кромѣ *Арбузова*, который съ увѣренностію говорилъ, что онъ выведетъ, нѣкоторая надежда въ сердцѣ моемъ вселилась, что не будетъ ничего отъ другихъ полковъ, кромѣ развѣ изъ Морскаго экипажа. (Я надѣялся, что въ Московскомъ полку не начнется, потому что бывшій тутъ онаго полка *Бестужевъ* говорилъ, что за нимъ рота не послѣдуетъ, ибо онъ только два мѣсяца ею командуетъ). Я вышелъ однакожъ отъ *Рылѣева* въ отчаяніи; я ясно видѣлъ, что принятіемъ на себя вида начальства (хотя всѣ распоряженія и были дѣлаемы *Рылѣевымъ*, но отъ моего имени), и согласіемъ, даннымъ быть съ бунтующими полками, я дѣлаюсь виновникомъ всего того, что послѣдовать можетъ; что разсужденіями моими съ сими офицерами о средствахъ, какимъ образомъ все устроить, я подалъ имъ увѣренность, что я отъ нихъ не отстану и тѣмъ можетъ быть еще болѣе ихъ подвигнулъ, если они были готовы, или возбудилъ ихъ, если они къ тому не готовились. Укорялъ себя въ томъ, что не представилъ имъ всего безумства такого намѣренія; терзаемъ совѣстію, мучимъ страхомъ грозящихъ бѣдствій, я видѣлъ, что во всякомъ случаѣ и я погибъ неизбѣжно; но рѣшился по крайней мѣрѣ не имѣть еще того на совѣсти, чтобъ быть въ рядахъ бунтовщиковъ“.

Такова была атмосфера, среди которой заговоръ отливался въ окончательную форму, принимая видъ рѣшительнаго вооруженнаго в о е н н а г о возстанія. На статскихъ, на интеллигенцію, на народъ, повидимому, не возлагали никакихъ надеждъ; вся сила была положена въ нѣкоторой фальсификаціи воинскаго долга, гдѣ солдаты намѣренно вводились въ заблужденіе касательно настоящихъ и истинныхъ цѣлей заговорщиковъ. Ихъ звали, чтобы защитить законныя права самодержавнаго престола, имѣя, однако, въ виду нанести этому престолу рѣшительный ударъ.

Любопытно отмѣтить, что, если одни возлагали свои надежды на возможность установленія временнаго правительства, съ устраненіемъ царской семьи отъ всякой власти, то для другихъ это еще было большимъ вопросомъ. Слышались голоса, что послѣ убіенія Николая Павловича слѣдуетъ возвести на престолъ Константина, ограничивъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, его права конституціон-

нымъ режимомъ; другіе высказывались за кандидатуру малолѣтняго Александра Николаевича, третьи, наконецъ, полагали возможнымъ провозглашеніе правительницею вдовы Александра Павловича, Елисаветы Алексѣевны.

Канунъ возстанія былъ проведенъ заговорщиками у Рылѣева, собраніе было шумное, бурливое, восторженное. М. Бестужевъ описываетъ его слѣдующими яркими красками *): „Многолюдное собраніе было въ какомъ-то лихорадочно высоконастроенномъ состояніи. Тутъ слышались отчаянныя фразы, неудобо-исполнимыя предложенія и распоряженія, слова безъ дѣлъ, за которыя многіе дорого поплатились, не будучи виноваты ни въ чемъ, ни передъ кѣмъ. Чаще другихъ слышались хвастливые возгласы Якубовича и Щепина-Ростовскаго. Первый былъ храбрый офицеръ, но хвастунъ и самъ трубилъ о своихъ подвигахъ на Кавказѣ. Но не даромъ сказано: кто про свои дѣла твердитъ всѣмъ безъ умолку, въ томъ очень мало толку, и это онъ доказалъ 14 декабря на Сенатской площади. Храбрость солдата и храбрость заговорщика—не одно и то же. Въ первомъ случаѣ—даже при неудачѣ—его ожидаютъ почетъ и награды, тогда какъ въ послѣднемъ, при удачѣ, ему предстоитъ туманная будущность, а при проигрышѣ дѣла—вѣрный позоръ и безславная смерть. Щепина-Ростовскаго, хотя онъ не былъ членомъ общества, я нарочно привелъ на это совѣщаніе, чтобъ посмотрѣть, не попятится ли онъ. Будучи наэлектризованъ мною, быть можетъ, черезъ мѣру и чувствуя непреодолимую силу, влекущую его въ водоворотъ, билъ руками и ногами и старался какъ бы заглушить разсудокъ всплескомъ воды и брызгами. Зато какъ прекрасенъ былъ въ этотъ вечеръ Рылѣевъ! Онъ былъ нехорошъ собой, говорилъ просто, но не гладко, но когда онъ попадалъ на свою любимую тему—на любовь къ родинѣ—физіономія его оживлялась: черные, какъ смоль, глаза озарялись неземнымъ свѣтомъ, рѣчь текла плавно, какъ огненная лава, и тогда бывало не устанешь любоваться имъ. Такъ и въ этотъ роковой вечеръ, рѣшавшій туманный вопросъ: „to be or not to be“, его ликъ, какъ луна, блѣдный, но озаренный какимъ-то сверхъ-естественнымъ свѣтомъ, то появлялся, то исчезалъ въ бурныхъ волнахъ этого моря, кипящаго различными страстями и побужденіями. Я любовался имъ, сидя въ сторонѣ подлѣ Сутгофа, съ которымъ мы бесѣдовали,

*) Die Ermordung Pauls und die Thronbesteigung Nikolaus I. Neue Materialen veröffentlicht und aingeleitet von Theodor Schieman. Berlin. 1902.

повторяя другъ другу свои завѣтныя мысли. Къ намъ подошелъ Рылѣевъ и, взявъ обѣими своими руками руку каждаго изъ насъ,

М. Бестужевъ.

сказалъ: „Миръ вамъ, люди дѣла, а не слова! Вы не бѣснуетесь, какъ Щепинъ или Якубовичъ, но увѣренъ, что сдѣлаете

громкаго прошлаго сковывала его мозгъ и силы. А тутъ еще боль сердечной раны, свѣжей и ноющей отъ воспоминаній о кровавомъ происшествіи въ Грузинѣ, гдѣ жертвою дворовой черни явилось дорогое ему существо... Аракчеевъ въ исходѣ 1825 года не тотъ, что Аракчеевъ 1812 года и послѣдующихъ годовъ; событія его надломили, и день 14 декабря былъ роковымъ днемъ его жизни: волна декабрьскаго возмущенія смела его съ активной арены русской государственной жизни.

Молодой государь былъ предоставленъ самому себѣ, хотя на самомъ дѣлѣ былъ убѣжденъ, что „всѣ мѣры приняты", какъ онъ о томъ и объявилъ Ростовцеву на прощаніе. Однако же на самомъ дѣлѣ ни гражданскими, ни военными властями ни одна рѣшительная мѣра принята не была. Ни манифестъ о восшествіи на престолъ новаго императора не былъ отпечатанъ въ должномъ количествѣ, ни сдѣлано распоряженія о своевременномъ прочтеніи его въ церквахъ народу, ни обыватели столицы ни о чемъ не предупреждены. Не было должныхъ распоряженій и по войскамъ, въ отношеніи усиленія карауловъ, укрѣпленія имп дворца и правительственныхъ учрежденій, а главное крѣпости, не дано никакого приказа о приведеніи на всякій случай опредѣленныхъ воинскихъ частей въ должный порядокъ. Когда наступилъ моментъ необходимости отпора мятежникамъ, кавалерія явилась на Сенатскую площадь неподкованною по времени года, съ неотточеннымъ оружіемъ, артиллеріи прибыла безъ зарядныхъ ящиковъ и безъ ядеръ; присутственныя мѣста оказались безъ защиты и даже самый Зимній дворецъ съ очень слабымъ карауломъ и съ недостаточными распоряженіями по части караульной службы и смѣны карауловъ. Печать небрежности и халатности царила на всемъ, и только нераспорядительность заговорщиковъ и неорганизованность революціонныхъ силъ помѣшала использовать цѣлесообразно слабость противниковъ. Все было имъ открыто, даже личность государя въ день 14 декабря была чуть ли не въ ихъ распоряженіи для захвата или убіенія, но они не совладали съ дававшимся въ ихъ руки счастьемъ, не сумѣли воспользоваться и выгодою своего положенія. Обѣ враждебныя стороны въ утро „рокового дня" стояли другъ передъ другомъ, въ сущности совсѣмъ не готовыми къ борьбѣ, но готовыми только къ смерти. Если на шумныхъ собраніяхъ у Рылѣева раздавались восторженные голоса о своей готовности къ гибели ради счастья Россіи, то и Николай Павловичъ рано утромъ 14 декабря твердо заявилъ

присутствовавшему при его туалетѣ генералъ-адъютанту Бенкендорфу: „Сегодня вечеромъ, можетъ быть, насъ обоихъ не будетъ болѣе на свѣтѣ, но, по крайней мѣрѣ, мы умремъ, исполнивъ нашъ долгъ“. Декабристы и особенно Рылѣевъ уповали въ успѣхѣ своего предпріятія на вдохновенное дерзновеніе, Николай Павловичъ всю свою вѣру полагалъ въ силѣ законности и выполненіи долга. Подданные повинуются своему государю, войско вѣрно присягѣ и послушно своему начальству,— такова его вѣра, съ которой онъ шелъ навстрѣчу грозившей ему опасности. Пригласивъ къ себѣ наканунѣ генерала Воинова, онъ далъ ему распоряженіе, чтобы вмѣстѣ съ гражданскими чинами на слѣдующій день явились во дворецъ всѣ генералы и полковые командиры гвардейскаго корпуса. Государь намѣренъ былъ лично объяснить имъ весь ходъ дѣла по вопросу о престолонаслѣдіи, съ тѣмъ, чтобы они въ свою очередь ясно растолковали все своимъ подчиненнымъ, „дабы не было предлога къ безпорядкамъ“.

Наступило сѣрое „роковое“ утро 14 декабря, и, какъ и можно было ожидать, событія дворцовой и революціонной категоріи развернулись въ естественной постепенности. Новый государь съ 7 часовъ утра уже былъ на ногахъ и принималъ доклады о принесенной присягѣ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ и въ отдѣльныхъ войсковыхъ частяхъ, а декабристы тѣмъ временемъ агитировали въ ротахъ и баталіонахъ, строили ихъ въ боевой порядокъ и выводили на Сенатскую площадь на защиту естественныхъ и законныхъ правъ Константина. Сюда же начали съѣзжаться, съ одной стороны, чины, имѣющіе пріѣздъ ко дворцу, къ назначенному здѣсь въ 11 часовъ молебну, а съ другой—сюда же текли и волны народа, возбужденнаго любопытствомъ ожидаемаго зрѣлища. Первое тревожное извѣстіе о непорядкахъ въ войскѣ было привезено Николаю Сухозанетомъ, сообщившимъ о движеніи въ конно-артиллеріи; вслѣдъ за симъ прибылъ Нейдгардтъ съ тревожнымъ докладомъ о настоящемъ уже возмущеніи всего Московскаго полка, о нанесеніи ранъ Фредериксу и Шеншину въ казармахъ полка и о движеніи московцевъ къ сенату и дворцу.

Сигналъ къ возстанію былъ поданъ, войско находилось въ броженіи, кровь уже пролита... Вотъ какъ описываетъ самъ Николай Павловичъ *) первые моменты начала борьбы съ рево-

---

*) Н. К. Шильдеръ. „Николай I, его жизнь и царствованіе“.

симъ прибѣжалъ ко мнѣ флигель-адъютантъ Голицынъ, генеральнаго штаба, съ извѣстіемъ, что графъ Милорадовичъ смертельно раненъ. Народъ прибывалъ со всѣхъ сторонъ; я вызвалъ стрѣлковъ на фланги баталіона и дошелъ такимъ образомъ до угла Вознесенской; не видя еще Конной гвардіи, я остановился и послалъ за нею одного бывшаго при мнѣ коннымъ стараго рейткнехта изъ Конной гвардіи, Ландырева, съ тѣмъ, чтобы полкъ скорѣе шелъ. Тогда же слышали мы: „ура, Константинъ!"—на площади противъ сената, и видна была стрѣлковая цѣпь, которая никого не пропускала.

„Въ сіе время замѣтилъ я влѣво отъ себя офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, у котораго чернымъ обвязана голова, огромные черные глаза и усы, а вся наружность имѣла что-то особенно отвратительное; подозвавъ къ себѣ, узналъ, что онъ—Якубовичъ; но не зналъ, съ какою цѣлью онъ тутъ былъ, спросилъ его, что онъ желаетъ. На сіе онъ мнѣ дерзко сказалъ: „Я былъ съ ними, но услышавъ, что они за Константина, бросилъ и явился къ вамъ". Я взялъ его за руку и сказалъ: „Спасибо, вы вашъ долгъ знаете".

„Отъ него узнали мы, что Московскій полкъ весь участвуетъ въ бунтѣ, и что съ ними слѣдовалъ онъ по Гороховой, гдѣ отъ нихъ отсталъ. Но послѣ уже узнано было, что настоящее его намѣреніе было подъ сей личной узнавать, что среди насъ дѣлалось, и дѣйствовать по удобности.

„Въ это время генералъ-адъютантъ Орловъ привелъ всю Конную гвардію, обогнувъ Исаакіевскій соборъ и выѣхавъ на площадь между онымъ и зданіемъ военнаго министерства, что тогда было домомъ князя Лобанова: полкъ шелъ въ колоннѣ и строился спиной къ сему дому".

Вотъ они, главнѣйшіе моменты начала дѣйствій: Николай I самъ единолично поправляетъ ошибки своихъ подчиненныхъ, овладѣваетъ ходомъ событій и съ большею умѣлостью стягиваетъ вокругъ себя нужныя ему силы. Онъ готовъ къ отпору, когда еще даже не собрались всѣ его враги, его „amis du quatorze", какъ онъ ихъ впослѣдствіи именовалъ. Но что же дѣлали они, гдѣ были ихъ вожаки, ихъ дѣйствующіе ряды?

Мы видѣли, что Якубовичъ не сумѣлъ или не рѣшился выполнить то, о чемъ онъ такъ громко въ теченіе цѣлаго полугода кричалъ: его рука не поднялась на молодого государя, и онъ ограничился лишь довольно пассивною ролью лазутчика. Князь Трубецкой тоже не былъ въ рядахъ возставшихъ—онъ

оставался въ сторонѣ: его диктаторство оказалось миѳомъ. Онъ не явился, какъ было условлено наканунѣ, на Сенатскую площадь и не принялъ начальства надъ ожидавшими его войсками. Слабость характера и нерѣшительность сыграли тутъ рѣшающую роль; мало того, когда еще вчерашніе друзья и единомышленники смѣло выставили свои груди подъ выстрѣлы правительственныхъ войскъ, Трубецкой торопился принять въ главномъ штабѣ присягу императору Николаю I. Въ слѣдственной комиссіи онъ призналъ себя, однако, главнымъ и единственнымъ виновникомъ всѣхъ происшествій 14 декабря и несчастной участи своихъ сотоварищей, „коихъ вовлекъ въ преступленіе и примѣромъ и словами, потому что, если бы онъ рѣшительно участвовать отказался, то никто бы не начиналъ". Эти слова находятъ подтвержденіе и въ удостовѣреніи А. Бестужева, заявившаго также, что поведеніе Трубецкого имѣло рѣшающее вліяніе на офицеровъ и солдатъ, собравшихся на площади, „ибо съ маленькими эполетами и безъ имени никто принять команду не рѣшался". Трубецкой еще присовокуплялъ къ своему показанію, что „если бы онъ разъ вошелъ въ толпу мятежниковъ, то могъ бы сдѣлаться истиннымъ исчадіемъ ада, какимъ нибудь Робеспьеромъ или Маратомъ, почему въ раскаяніи благодаритъ Бога, что на площадь не явился".

Итакъ, офиціальный вождь возстанія, „диктаторъ", къ имени котораго Рылѣевъ энергично приковывалъ революціонныя силы, и именемъ котораго онъ еще наканунѣ смѣло распоряжался, измѣнилъ дѣлу въ самомъ его началѣ: вооруженное сопротивленіе осталось безъ руководителя и главы. Получилось наличіе неправильно организованныхъ военныхъ силъ и нестройная, случайная толпа, дѣйствующая въ разбродъ, безъ толку и плана, а главное—безъ авторитетнаго руководительства. Братья Бестужевы привели дѣйствительно во-время на площадь большую часть нижнихъ чиновъ Московскаго полка; Якубовичъ не исполнилъ даннаго слова и не далъ себѣ даже труда привлечь сюда артиллерію и измайловцевъ, отговариваясь тѣмъ, что предпріятіе безумно, и что онъ лучше другихъ „знаетъ русскаго солдата". Черезъ часъ, по прибытіи на мѣсто московцевъ, къ нимъ присоединился весь баталіонъ гвардейскаго экипажа, приведенный М. Бестужевымъ и Кюхельбекеромъ, но въ забывчивости и второпяхъ они забыли захватить съ собою приготовленныя въ арсеналѣ пушки.

Вскорѣ къ нимъ прибыла новая помощь въ лицѣ трехъ ротъ

лейбъ-гренадеровъ, подъ предводительствомъ поручика Сутгофа, адъютанта Н. Панова и подпоручика Кожевникова. Эти роты, не предводительствуемыя никѣмъ изъ опытныхъ лицъ, бѣглымъ шагомъ перебѣжали Неву (въ этотъ часъ они свободно могли захватить крѣпость, и тогда, конечно, дальнѣйшій ходъ событій былъ бы иной, но объ этомъ не догадались!) и двинулись во внутренній дворъ Зимняго дворца, гдѣ надѣялись найти товарищей. Вмѣсто того, они встрѣтили гвардейскій саперный баталіонъ, преданный Николаю. Увидавъ, что они не туда попали, они вмѣсто того, чтобы овладѣть Зимнимъ дворцомъ (моментъ тоже въ высшей степени опасный для правительства и семьи государя!), съ криками: „это не изъ нашихъ!“ ушли со двора и поспѣшили присоединиться къ Московскому полку. По дорогѣ, у адмиралтейскаго бульвара они встрѣтились съ самимъ государемъ, который спросилъ ихъ: „куда? если за меня, то поворачивайте направо, а если нѣтъ, то ступайте налѣво!“ Какой-то голосъ крикнулъ „налѣво“, и вся масса отхлынула отъ царя и въ безпорядкѣ поспѣшила на Исаакіевскую площадь. Весь кадръ революціонныхъ силъ собрался и составилъ всего 2.000 слишкомъ человѣкъ. Правда, къ нимъ еще явились депутаты отъ морского корпуса съ предложеніемъ своихъ услугъ и помощи, но участіе въ предстоявшей бойнѣ молодежи было благоразумно отклонено, и такимъ образомъ все наличіе революціонныхъ силъ опредѣлилось при сказанномъ выше числѣ изъ трехъ разрозненныхъ войсковыхъ частей, не объединенныхъ притомъ общимъ начальствованіемъ и безъ участія достаточнаго количества старшихъ и авторитетныхъ офицеровъ.

„Въ рядахъ мятежниковъ находилось уже болѣе 2.000 человѣкъ,—передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ баронъ Розенъ *).— При сосредоточеніи команды или управленія и съ помощью массы собравшагося народа, готоваго къ содѣйствію, благопріятный исходъ возстанія былъ возможенъ, тѣмъ болѣе, что противная партія колебалась, и многіе полки, собравшіеся около императора, готовились присоединиться къ мятежникамъ. Но возставшіе положительно не имѣли дѣйствительнаго предводителя, и солдаты должны были стоять безъ дѣйствія, при десятиградусномъ, рѣзкомъ восточномъ вѣтрѣ, въ теченіе цѣлыхъ часовъ, въ однихъ мундирахъ. Избраннаго диктатора, князя Трубецкаго, нельзя было найти. Назначенный ему помощникъ также не былъ

*) „Записки декабриста“. Матеріалы для исторіи возмущенія 14 декабря 1825 г. и участниковъ его.

на опредѣленномъ мѣстѣ, хотя и былъ на площади. Предводительство предложили полковнику Булатову, но онъ отказался. Потомъ предложили командованіе Бестужеву I, но и онъ отказался, потому что былъ флотскимъ капитаномъ и не зналъ пѣхотной службы. Наконецъ обратились къ князю Е. П. Оболенскому, который не былъ тактикомъ, но солдаты его знали и любили. Господствовала совершенная анархія; такъ какъ диктатора не было, то и не существовало никакихъ распоряженій — всѣ командовали и кричали въ безпорядкѣ"...

Душа заговора, вдохновитель заговорщиковъ, Рылѣевъ, конечно, по своему положенію статскаго среди военныхъ, былъ обреченъ въ сущности на бездѣйствіе. Онъ, однако, явился на площадь и, по показанію Н. Бестужева, приведшаго гвардейскій экипажъ, привѣтствовалъ его „первымъ цѣлованіемъ свободы", при чемъ все въ томъ же восторженномъ тонѣ заявилъ: „предсказаніе наше сбывается: послѣднія наши минуты близки, но это минуты нашей свободы: мы дышали ею, и я охотно отдаю за нихъ жизнь свою!" Но отдать своей жизни ему не пришлось въ рядахъ борцовъ: на его долю выпала необходимость сначала разыскивать поставленнаго имъ диктатора, а потомъ разъѣзжать по казармамъ и карауламъ, чтобы собрать на площадь больше силъ, но и эти старанія его, по большей части, оставались тщетными, и только три гренадерскія роты подъ его воздѣйствіемъ поспѣшили на выручку товарищей. Этими дѣйствіями ограничилась вся его роль въ тотъ роковой и столь ожидаемый имъ день.

Главными дѣйствующими и руководящими лицами на Сенатской площади были братья Бестужевы, Щепинъ-Ростовскій, Пущинъ, Каховскій, Кюхельбекеръ, князь Оболенскій, Булатовъ. Нанести смертельнаго удара Николаю Павловичу, хотя къ тому, какъ мы видѣли, представлялась нѣсколько разъ легкая возможность, имъ не удалось. Главный моментъ ихъ активнаго дѣйствія вынесъ на себѣ легкомысленный, какъ администраторъ, но лично храбрый, графъ Милорадовичъ, смертельно раненый выстрѣломъ изъ пистолета Каховскимъ. Это была, пожалуй, ихъ единственная побѣда, единственный кровавый трофей... Перейти въ наступленіе по безтолковости всей организаціи они не были въ состояніи; пока они строились въ разныя карре и удачно отбивали кавалерійскія атаки, Николай успѣлъ сосредоточить противъ нихъ достаточно силъ, отрѣзать имъ пути отступленія въ центры города и дождаться, наконецъ, привоза артиллеріи.

Къ боевому огню онъ не сразу рѣшился обратиться, и часы томительнаго ожиданія, самые опасные въ его положеніи часы, протекали на площади среди общаго хаоса и безпорядка. Обороняющіеся безпорядочно стрѣляли въ неудачно по случаю гололедицы наступающую кавалерію, народъ швырялъ въ послѣднюю дровами и камнями, швырялъ съ площади, изъ-за заборовъ, съ сенатской крыши, понося вмѣстѣ съ тѣмъ правительственныя войска бранью и руганью. Николай Павловичъ сдѣлалъ попытку и мирнаго уговора мятежныхъ войскъ чрезъ посредство митрополита Сирафима.

Дьяконъ Прохоръ Ивановъ, сопровождавшій Серафима описываетъ моментъ встрѣчи митрополита съ мятежнымъ войскомъ слѣдующимъ образомъ *):

„Солдаты увидѣвъ своего архипастыря, съ крестомъ въ рукахъ къ нимъ грядущаго, начали креститься, а иные стали и прикладываться. Первосвятитель у первой шеренги остановился и, поднявъ крестъ, говорилъ имъ велегласно:

— Воины! успокойтесь... вы противъ Бога, церкви и отечества поступили: Константинъ Павловичъ письменно и словесно, три-краты, отрекся отъ россійской короны, и онъ ранѣе насъ присягнулъ на вѣрность брату своему Николаю Павловичу, который добровольно и законно восходитъ на престолъ... Синодъ, сенатъ и народъ присягнули; вы только одни дерзнули возстать противу сего. Вотъ вамъ Богъ свидѣтель, что есть это истина, и что я, какъ первосвятитель церкви, умаливаю васъ оной, успокойтесь, присягните...

Между тѣмъ изъ среды мятежниковъ составилась изъ нѣсколькихъ офицеровъ депутація, и, приблизившись къ митрополиту съ обнаженными шпагами, нѣкоторые, будучи въ нетрезвости, дерзновенно отвѣтствовали:

— Несправедливо! Гдѣ Константинъ?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Въ Варшавѣ.

Мятежники кричали:

— Нѣтъ, онъ не въ Варшавѣ, а на послѣдней станціи въ оковахъ... Подайте его сюда!.. Ура, Константинъ!.. Какой ты митрополитъ, когда на двухъ недѣляхъ и двумъ императорамъ присягнулъ... Ты — измѣнникъ, ты — дезертиръ Николаевскій, калугеръ, не вѣримъ вамъ, подите прочь!.. Это дѣло не ваше:

*) „Историческій Вѣстникъ", 1905 г. № 1.

мы знаемъ, что дѣлаемъ. Скажи своему государю, чтобы онъ послалъ къ намъ Михаила Павловича: мы съ нимъ хотимъ говорить; а ты калугеръ, знай свою церковь!..

„Невинные воины, по данному отъ сихъ офицеровъ сигналу, отвѣтствовали только одно: „ура, Константинъ!“ При этомъ владыко сколько ни усиливался убѣждать и увѣрять, однако, все это мятежниками пренебрежено; когда уже надъ головами первосвятителей начали фехтовать шпагами, крича: „ура Константинъ!..“ и со всѣхъ сторонъ окружила толпа съ ружьями, тогда преосвященные съ діаконами принуждены поспѣшно удалиться въ разломанный заборъ, къ Исаакіевскому собору, въ сопровожденіи черни. Близъ Синяго моста оба митрополита сѣли на двухъ простыхъ извозчиковъ, позади стали діаконы въ стихаряхъ, и и такимъ образомъ возвратились въ Зимній дворецъ. Тутъ митрополитъ Евгеній пришелъ въ церковь, а митрополитъ Серафимъ въ комнаты государя императора. Идя по апартаментамъ вдовствующей государыни, гдѣ собравшаяся знать, будучи въ страхѣ, спрашивала первосвятителя:

— Чѣмъ насъ утѣшите? Что тамъ дѣлается?

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Обругали и прочь отослали.

„Наконецъ наступили сумерки. Декабрьскій день коротокъ, и около трехъ часовъ было уже темно, — продолжаетъ въ своихъ „Запискахъ“ баронъ Розенъ,—нѣтъ сомнѣнія, въ сумерки народъ трудно было отгонять отъ мятежниковъ, и онъ воротился бы къ намъ; но ему не дали одуматься. Говорятъ, что графъ Толль, при наступленіи сумерокъ, приблизился къ императору и сказалъ ему: „ваше величество, прикажите очистить площадь пушками или откажитесь отъ престола“. Первый выстрѣлъ былъ холостой, а второй и третій съ ядрами, изъ которыхъ одно засѣло въ зданіи сената, а другое полетѣло черезъ Неву, по направленію къ академіи. На эти выстрѣлы мятежники отвѣчали громкимъ „ура“; затѣмъ пушки зарядили картечью; полковникъ Нестеровскій прицѣлился прямо въ карре; канониръ перекрестился, затѣмъ скомандовалъ самъ императоръ, и капитанъ М. Бакунинъ взялъ фитиль изъ рукъ солдата. Черезъ мгновеніе послѣ этого въ карре посыпалась картечь; мятежники бросились въ Галерную улицу и черезъ Неву въ академію; пушки повезли къ Галерной улицѣ и къ берегу Невы и отсюда стали стрѣлять картечью, вслѣдствіе чего безцѣльно увеличили число убитыхъ, виновныхъ и невинныхъ солдатъ и случайно присутствовавшихъ зрителей.

Три солдата Московскаго полка, подъ предводительствомъ М. Бестужева 3, бросились къ берегу Невы и ихъ преслѣдовали картечью. На Невѣ Бестужевъ хотѣлъ собрать бѣгущихъ солдатъ, но тогда съ Исаакіевскаго моста бросили ядра, которыя пробили ледъ, такъ что многіе солдаты утонули. Не будь этого обстоятельства, Бестужевъ могъ бы завладѣть Петропавловскою крѣпостью. Гвардейскій экипажъ лейбъ-гренадеры и часть Московскаго полка бросились въ Галерную улицу, гдѣ ихъ преслѣдовали пушками и въ тѣсной улицѣ многихъ убили.

„Странно, удивительно, что изъ моихъ товарищей по несчастію, компрометированныхъ офицеровъ, никто не былъ убитъ и раненъ; у многихъ шинели и шубы были пробиты пулями, въ баталіонѣ гвардейскаго экипажа пали цѣлые ряды солдатъ, а офицеры остались невредимы. Всѣ бросились бѣжать по означеннымъ двумъ направленіямъ; лишь одинъ офицеръ остался на площади, подошелъ къ генералу Мартынову и черезъ него передалъ великому князю Михаилу свою шпагу; это былъ М. К. Кюхельбекеръ, лейтенантъ гвардейскаго экипажа".

Тайный Совѣтникъ М. М. Поповъ (чиновникъ III отдѣленія), очевидецъ тогдашнихъ событій такъ описываетъ положеніе пораженныхъ и раненныхъ декабристовъ *).

„Когда открыли огонь по мятежнымъ войскамъ, выстрѣлы попадали и въ скопившуюся около нихъ толпу. Началась паника и произошла неизбѣжная давка. Во всѣхъ домахъ ворота и двери были заперты и не отпирались на вопли бѣглецовъ. Разсказывали, что Нева, набережная и улицы были покрыты трупами. По прекращеніи артиллерійскаго огня императоръ Николай повелѣлъ оберъ-полиціймейстеру, генералу Шульгину, чтобы трупы были убраны къ утру. Къ сожалѣнію, исполнители распорядились самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Въ ночь на Невѣ отъ Исаакіевскаго моста до Академіи Художествъ и далѣе къ сторонѣ Васильевскаго острова сдѣлано было множество прорубей, въ которыя опустили не только трупы, но, какъ утверждали, и многихъ раненыхъ, лишенныхъ возможности спастись отъ ожидавшей ихъ участи. Тѣ же изъ раненыхъ, которые успѣли бѣжать, скрывали свои увѣчья, боясь открыться докторамъ и умирали безъ медицинскаго пособія. Но этимъ дѣло не обошлось: полиція и помогавшіе ей рабочіе пустились еще грабить; съ мертвыхъ и раненыхъ, которыхъ опускали въ про-

---

*) „Императоръ Николай первый. Его жизнь и царствованіе". Н. К. Шильдера.

руби, снимали платье и обирали у нихъ вещи; даже спасавшихся ловили и грабили. Когда въ теченіи зимы на Невѣ начали добывать ледъ, то многія льдины вытаскивали съ примерзшими къ нимъ рукой, ногой или цѣлымъ трупомъ. Тогда запретили рубку льда у берега Васильевскаго острова и назначили для этого другія мѣста по Невѣ. Со вскрытіемъ рѣки трупы несчастныхъ жертвъ декабрьскаго мятежа унесены были въ море.“

Сенатская площадь опустѣла, нижніе чины, по большей части, разсѣянные и безъ предводительства офицеровъ, столпились на Васильевскомъ острову, а руководители заговора разбрелись, кто по своимъ квартирамъ, кто пытался гдѣ нибудь укрыться, кто мечталъ и даже дѣлалъ шаги къ побѣгу. Солдаты сдались, принесли повинную, принесли присягу... Начались розыски главарей военнаго возстанія, нѣкоторые явились и лично передали себя въ руки правительства. Мятежъ былъ подавленъ: декабрьская борьба за конституцію кончилась пораженіемъ конституціоналистовъ, и самодержавіе сына Павла Петровича восторжествовало. Встрѣтившись на допросѣ съ княземъ Трубецкимъ, генералъ-лейтенантъ Левашевъ сказалъ ему: „Ah, mon prince! Vous avez fait bien du mal á la Russie, vous l'avez reculée de cinquant ans“. Такого же мнѣнія были и многіе другіе современники; такъ графъ Сологубъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ писалъ: „По мнѣнію людей, просвѣщенныхъ и искренно преданныхъ своей родинѣ... это возстаніе затормозило на десятки лѣтъ развитіе Россіи, не смотря на полные благородства и самоотверженія характеры заговорщиковъ“.

Оставалось еще ждать, какъ откликнутся событія междуцарствія и измѣненіе въ порядкѣ престолонаслѣдія въ Москвѣ; тамъ было немало членовъ „Сѣвернаго общества“, состоявшихъ въ постоянныхъ и прямыхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ и съ „Южнымъ обществомъ“. Какъ сообщаетъ И. Д. Якушкинъ *). московскіе заговорщики собиралисъ часто на совѣщанія въ тѣ дни, „были очень одушевлены и какъ будто ожидали чего-то торжественнаго и рѣшительнаго. Нарышкинъ, недавно пріѣхавшій съ юга, увѣрялъ, что тамъ все готово къ возстанію и что южные члены имѣютъ за себя огромное число штыковъ. Митьковъ съ своей стороны также увѣрялъ, что Петербургскіе члены могутъ въ случаѣ нужды расчитывать на большую часть гвар-

*) Записки И Д. Якушкина. М. 1905.

дейскихъ полковъ". Когда пришло извѣстіе, что въ Петербургѣ постановили „не присягать и не допускать гвардейскіе полки до присяги", то и москвичи пришли къ рѣшенію поддержать своихъ петербургскихъ единомышленниковъ и поднять вооруженное возстаніе и въ первопрестольной. „Я предложилъ Фонвизину ѣхать... домой, надѣть свой генеральскій мудиръ, потомъ отправиться въ Хамовническія казармы и поднять войска, въ нихъ квартирующія, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Митькову я предложилъ ѣхать вмѣстѣ со мной къ полковнику Гурко, начальнику штаба 5 корпуса... Я съ нимъ былъ довольно хорошо знакомъ еще въ Семеновскомъ полку и зналъ, что онъ принадлежитъ къ „Союзу благоденствія". Можно было надѣяться уговорить Гурко дѣйствовать вмѣстѣ съ нами. Тогда при отрядѣ войскъ, выведенныхъ Фонвизинымъ, въ эту же ночь мы арестовали бы корпуснаго командира, графа Толстого, и градоначальника московскаго, князя Голицына, а потомъ и другія лица, которыя могли бы противодѣйствовать возстанію. Алексѣй Шереметьевъ, какъ адъютантъ Толстого, долженъ былъ ѣхать къ полкамъ, квартирующимъ въ окрестностяхъ Москвы, и приказать имъ именемъ корпуснаго командира итти въ Москву. На походѣ Шереметьевъ, полковникъ Нарышкинъ и нѣсколько офицеровъ, служащихъ въ старомъ Семеновскомъ полку, должны были приготовить войска къ возстанію, и можно было надѣяться, что, пришедши въ Москву, они присоединились бы къ войскамъ, уже возставшимъ. На другой день мы непремѣнно должны были получить извѣстіе о томъ, что совершилось въ Петербургѣ. Если бы предпріятіе петербургскихъ членовъ удалось, то мы нашимъ содѣйствіемъ въ Москвѣ дополнили бы ихъ успѣхъ; въ случаѣ же неудачи въ Петербургѣ мы нашей попыткой въ Москвѣ заключили бы наше поприще, исполнивъ свои обязанности до конца и къ тайному обществу и къ своимъ товарищамъ".

Этотъ планъ несомнѣнно былъ также фантастиченъ, но заговорщикамъ не пришлось даже дѣлать малѣйшей попытки къ его осуществленію. Пришло извѣстіе изъ Петербурга о результатахъ дня 14 декабря, и въ первый моментъ на сцену выступила идея попробовать убить новаго царя и освободить арестованныхъ. Съ этими курьезными предложеніями выступилъ Мухановъ; для этой цѣли онъ, по свидѣтельству Якушкина, „находилъ удобнымъ сдѣлать въ эфесѣ шпаги очень маленькій пистолетъ и на выходѣ, нагнувъ шпагу, выстрѣлить въ императора.

Предложеніе самаго предпріятія и способъ привести его въ исполненіе были такъ безумны, что присутствующіе слушали Муханова молча и безъ малѣйшаго возраженія. Въ вечеръ этотъ Митькова собрались въ послѣдній разъ на совѣщаніе нѣкоторые изъ членовъ тайнаго общества, существовавшаго почти 10 лѣтъ". Вскорѣ московскіе члены этого общества были поочередно арестованы, отвезены въ Петербургъ и пріобщены къ слѣдствію, назначенному надъ всѣми „декабристами" вкупѣ. Первымъ былъ арестованъ генералъ-маіоръ М. Орловъ, потомъ Митьковъ и многіе другіе; однимъ изъ послѣднихъ былъ взятъ И. Якушкинъ.

Событія въ „Южномъ обществѣ" начали протекать и выясняться еще до 14 декабря. Независимо отъ происшествій въ столицѣ, на основанія имѣвшихся указаній Майбороды, наканунѣ Петербургскаго мятежа, былъ арестованъ Пестель. Кромѣ Пестеля были арестованы также генералъ-интендантъ 2-й арміи Юшневскій и другіе члены, какъ Южнаго общества такъ и соединенныхъ славянъ, находившіеся въ составѣ этой арміи. Арестъ всѣхъ видныхъ политическихъ заговорщиковъ юга считался большею удачею въ дѣятельности Дибича и Чернышева. Единственное, въ чемъ они не достигли успѣха, это была невозможность захватить „Русскую Правду", которую къ тому времени Пестель успѣлъ зарыть. Нахожденіе ея относится уже къ позднейшему періоду. Командующій 2-й арміей, гр. Витгенштейнъ, поручилъ слѣдствіе надъ нимъ генералъ-адъютантамъ Чернышеву и Киселеву, но на всѣ вопросы Пестель отвѣчалъ полнымъ незнаніемъ, и только, когда онъ былъ доставленъ въ Петербургъ и здѣсь узналъ объ арестѣ единомышленниковъ и о событіи 14 декабря, онъ сталъ слишкомъ даже откровеннымъ и вовсемъ признался.

Осиротѣвшее безъ Пестеля „Южное общество" въ теченіе почти двѣнадцати дней не проявляло никакихъ признаковъ жизни и находилось какъ бы подъ гнетомъ ареста своего главы. Но вотъ 25 декабря прибыли извѣстія о Петербургскомъ бунтѣ на Сенатской площади, о его результатахъ и арестахъ единомышленниковъ. Это извѣстіе, а также полученіе приказа изъ штаба арміи объ арестованіи Сергѣя Муравьева-Апостола были толчкомъ, который вызвалъ и Муравьева и оставшихся на свободѣ членовъ общества къ дѣятельности. Рѣшено было поднять военное возстаніе, взбунтовать здѣшніе полки во имя „свободы". Дѣйствительно, часть войскъ (Черниговскій полкъ)

удалось взбунтовать, во главѣ стали Муравьевъ и Бестужевъ, но большая часть полковъ осталась внѣ агитаціи и двинулась противъ мятежниковъ. Произошла схватка у Бѣлой Церкви, и съ первыми же ударами артиллерійской картечи возстаніе было подавлено, главныя дѣйствующія лица схвачены, закованы и также доставлены въ Петербургъ, гдѣ и состоялось слѣдствіе и разборъ одновременно двухъ дѣлъ, какъ однороднаго цѣлаго—о „Сѣверномъ" и „Южномъ" обществахъ. Такимъ образомъ въ Петропавловскую крѣпость правительству удалось въ самое короткое время собрать всѣхъ заговорщиковъ и было приступлено къ строжайшему надъ ними слѣдствію и безпощадному, жестокому суду.

ГЛАВА X.

Слѣдствіе надъ декабристами.—Роль Николая Павловича въ слѣдствіи — Показанія декабристовъ и письма ихъ къ Николаю Павловичу. — Петропавловская крѣпость.—Послѣдніе дни Пестеля и Рылѣева.—Судъ.—Приговоръ и казнь.—Дѣятельность декабристовъ въ ссылкѣ.—Ихъ помилованіе.

Всѣхъ привлеченныхъ къ обвиненію въ политическомъ преступленіи было 121 человѣкъ, изъ коихъ 61 принадлежали къ Сѣверному обществу, 37 — къ Южному и 23 — къ Обществу соединенныхъ славянъ. Предварительное дознаніе было поручено произвести особому Комитету подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, генерала Татищева и въ составѣ еще четырехъ членовъ, къ коимъ въ послѣдствіи добавлено было еще двое. Предсѣдателю комитета было повелѣно: 1) открыть немедленно засѣданіе и принять дальнѣйшія мѣры въ изысканію соучастниковъ его гибельнаго общества, внимательно, со всею осторожностію, разсмотрѣть и опредѣлить предметъ намѣреній и дѣйствій каждаго изъ нихъ ко вреду государственнаго благосостоянія, ибо, руководствуясь примѣромъ августѣйшихъ предковъ нашихъ, для сердца нашего пріятнѣе десять виновныхъ освободить, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію; 2) производство всего сего дѣла и съ кѣмъ нужно будетъ переписку весть по секрету отъ вашего имени; 3) по приведеніи всего въ надлежащую ясность, постановить заключеніе и представить намъ, какъ о поступленіи съ виновными, такъ и о средствѣ истребить возникшее злоупотребленіе; 4) правителемъ дѣлъ сего Комитета повелѣваемъ быть состоящему при васъ по особымъ порученіямъ военному совѣтнику Боровкову, и помощникомъ флигель-адъютанту полковнику

Адлербергу и находящемуся при васъ 9-го класса Карасевскому.

По назначенiи Комитета, былъ выпущенъ 19-го декабря манифестъ, гдѣ дано правительственное освѣщенiе событiямъ на Сенатской площади: „Печальное происшествiе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованiя манифеста о восшествiи нашемъ на престолъ, извѣстно уже подробностями изъ перваго публичнаго о немъ объявленiя—сказано здѣсь *). Тогда, какъ всѣ государственныя сословiя, всѣ чины военные и гражданскiе, народъ и войско единодушно приносили намъ присягу вѣрности и въ храмахъ Божiихъ призывали на царствованiе наше благословенiе небесное, горсть непокорныхъ дерзнула противостать общей присягѣ, закону, власти, военному порядку и убѣжденiямъ. Надлежало употребить силу, чтобъ разсѣять и образумить сiе скопище. Въ семъ кратко и состоитъ все происшестiе, маловажное въ самомъ себѣ, но весьма важное по его началу и послѣдствiямъ.

„Сколь ни прискорбны сiи послѣдствiя, но Провидѣнiе показало въ нихъ новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, коими, карая зло, изъ самаго зла оно производитъ добро.

„По первому обозрѣнiю обстоятельствъ, слѣдствiемъ уже обнаруженныхъ, два рода людей составляли сiе скопище: одни—заблудшiе, умыслу не причастные, другiе—злоумышленные ихъ руководители.

„Чего желали заблудшiе? Быть вѣрными данной имъ присягѣ. Всѣми средствами обольщенiя они были увѣрены, что защищаютъ престолъ, и въ семъ увѣренiи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденiямъ.

„Чего желали злоумышленники? Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя цесаревича и великаго князя Константина Павловича были токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновенiемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшiеся и отчасти токмо извѣстные правительству: ниспровергнуть престолъ и отечественные законы, превратить порядокъ государственный, ввести безначалiе.

„Какiя средства? Убiйство. Первою жертвою злоумышленниковъ былъ военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ; тотъ,

*) „Императоръ Николай Первый. Его жизнь и царствованiе". Н. К. Шильдера, т. I.

кого судьба войны на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы. Другія жертвы принесены были въ то же время: убитъ командиръ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка Стюрлеръ; тяжко ранены генералъ-маіоръ Шеншинъ, генералъ-маіоръ Фридриксъ и другіе, кровію своею запечатлѣвшіе честь и вѣрность своему долгу.

„Ни дѣломъ ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченные.

„Удостовѣрясь въ семъ самымъ строгимъ изысканіемъ, я считаю первымъ дѣйствіемъ правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

„Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспріимутъ каждый по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе.

„Сей судъ и сіе наказаніе, по принятымъ мѣрамъ обнимая зло, давно уже гнѣздившееся, во всемъ его пространствѣ, во всѣхъ его видахъ, истребятъ, какъ я уповаю, и самый его корень, очистятъ Русь святую отъ сей заразы, извнѣ къ намъ нанесенной, смоютъ постыдное и для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины, проведутъ навсегда рѣзкую и неизгладимую черту раздѣленія между любовію къ отечеству и страстію, между желаніями лучшаго и бѣшенствомъ превращеній; покажутъ наконецъ всему свѣту, что россійскій народъ, всегда вѣрный своему государю и законамъ, въ коренномъ его составѣ также неприступенъ тайному злу безначалія, какъ недосягаемъ усиліямъ враговъ явныхъ; покажутъ и дадутъ примѣръ, какъ истреблять сіе зло, и доказательство, что оно не вездѣ неисцѣльно.

„Всѣхъ сихъ благотворныхъ послѣдствій мы имѣемъ право ожидать и надѣяться отъ единодушной приверженности къ намъ и престолу нашему всѣхъ состояній. Въ семъ самомъ горестномъ происшествіи мы съ удовольствіемъ и признательностью ждали отъ обывателей столицы любовь и усердіе, отъ войскъ готовность и стремленіе, по первому знаку государя своего, карать непокорныхъ, отъ начальниковъ ихъ преданность непоколебимую, на высокомъ чувствѣ чести и любви къ намъ утвержденную“. Заключительныя слова манифеста посвящались памяти графа Милорадовича.

Въ этомъ манифестѣ Николай Павловичъ прямо и ясно выставилъ свое намѣреніе по отношенію заговорщиковъ: не ща-

дить ихъ. Это свое намѣреніе онъ выражалъ и въ письмѣ къ брату Константину, говоря: „Pas de miséricorde pour ceux-là“. Необходимо, однако, отмѣтить, что въ придворныхъ кругахъ находились такіе, которые полагали, что къ заключеннымъ должны быть примѣнены снисходительность и великодушіе. Такъ Карамзинъ говорилъ: „заблужденія и преступленія этихъ молодыхъ людей суть заблужденія и преступленія нашего вѣка“. Къ такому же мнѣнію склонялись и принцъ Евгеній Виртенбергскій, а также вдовствующая императрица Марія Феодоровна.

Комитетъ немедленно приступилъ къ своей работѣ, но главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой работѣ явился ни кто иной, какъ самъ молодой государь, который проявилъ въ дознаніи, произведенномъ надъ декабристами громадную энергію, ловкость и умѣлость заправскаго слѣдователя. Въ настоящее время, когда все дѣло о декабристахъ достаточно выяснено и по сему предмету собраны всѣ главнѣйшіе документы, можно сказать, что въ сущности весь судъ и слѣдствіе надъ несчастными политическими романтиками сосредоточены были въ кабинетѣ самого Николая Павловича, который лично собиралъ и документы, изобрѣталъ методы выпытыванія, освѣщалъ и ходъ событій и роль каждаго изъ подсудимыхъ, а также предопредѣлялъ силою своей единичной воли судьбу всѣхъ обвиняемыхъ. П. Е. Щеголевъ, въ статьѣ „Петръ Григорьевичъ Каховскій *)“ останавливается довольно подробно на роли Николая I въ слѣдственномъ дѣлѣ декабристовъ и приходитъ къ слѣдующему, если очень ужъ рѣзкому по формѣ изложенія, то довольно справедливому по вложенной сюда мысли выводу. Онъ говоритъ: „Первые дни, первые мѣсяцы своего царствованія императоръ всероссійскій Николай Первый всю энергію, всѣ способности своего духа употребилъ на розыски по дѣлу декабристовъ. Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ—сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающій, вѣчно ищущій кого-бы предать суду и наказанію. Но въ первые мѣсяцы царствованія эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и зловѣщей яркостью. Въ это время въ Россіи не было уже правителя: былъ лишь царь—сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанія, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты—вотъ священная задача слѣдователя; и эту задачу въ концѣ 1825 и 1826 годахъ исполнялъ русскій императоръ съ необык-

---

*) „Былое“ 1906 г. № 2.

новеннымъ рвеніемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ. Дѣйствительно, Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матеріалъ, который легъ въ основу слѣдствія, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанія, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ, отправлялъ съ собственноручными записками допрошеннаго въ крѣпости и въ этихъ запискахъ тщательно намѣчалъ тотъ способъ заключенія, который примѣнительно къ данному лицу могъ привести къ обнаруженіямъ, полезнымъ для слѣдственной коммиссіи. За ничтожнѣйшими исключеніями, всѣ декабристы перебывали въ кабинетѣ дворца, передъ ясными очами своего царя и слѣдователя. Первыя сообщенія по дѣлу каждый изъ нихъ дѣлалъ ему или генералу, сидѣвшему передъ кабинетомъ, снимавшему допросы и тотчасъ же докладывавшему ихъ государю. Иногда государь слушалъ эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета...

„Одного за другимъ свозили въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи замѣшанныхъ въ дѣлѣ и доставляли въ Зимній дворецъ. Напряженно волнуясь, ждалъ ихъ въ своемъ кабинетѣ царь и подбиралъ маски, каждый разъ новыя для новаго лица. Для однихъ онъ былъ грознымъ монархомъ, котораго оскорбилъ его же вѣрноподданный, для другихъ — такимъ же гражданиномъ отечества, какъ и арестованный, стоявшій передъ нимъ; для третьихъ — старымъ солдатомъ, страдающимъ за честь мундира; для четвертыхъ—монархомъ, готовымъ произнести конституціонные завѣты; для пятыхъ—русскимъ, плачущимъ надъ бѣдствіями отчизны и страшно жаждущимъ исправленія всѣхъ золъ. А онъ на самомъ дѣлѣ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ: онъ просто боялся за свое существованіе и неутомимо искалъ всѣхъ нитей заговора съ тѣмъ, чтобы всѣ эти нити съ корнемъ вырвать и успокоиться.

„Одинъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу, простодушный и искренній Гангебловъ въ нѣсколько наивныхъ выраженіяхъ передаетъ впечатлѣніе, которое произвелъ на него царь-слѣдователь. Отмѣтивъ, что членъ слѣдственной коммиссіи военный министръ Чернышовъ не прочь былъ вслухъ прочесть то, чего не было въ бумагѣ, Гангебловъ пишетъ: „Болѣе и чаще всего мнѣ приходили на память вопросы, которые мнѣ были задаваемы самимъ государемъ. Тутъ не могло встрѣтиться ничего подобнаго тому, что

при неудачѣ могло бы случиться съ Чернышовымъ. Государь прямо не уличалъ меня въ преступленіи; всѣ его дознанія предлагаемы имъ были въ формѣ вопросовъ, а вопросъ не есть улика. Нельзя не изумиться неутомимости и терпѣнію Николая Павловича. Онъ не пренебрегалъ ничѣмъ: не разбирая чиновъ, снисходилъ до личнаго, можно сказать, бесѣдованія съ арестованными, старался уловить истину въ самомъ выраженіи глазъ, въ самой интонаціи словъ отвѣтчика. Успѣшности этихъ попытокъ много, конечно, помогала и самая наружность государя, его величавая осанка, античныя черты лица, особливо его взглядъ: когда Николай Павловичъ находился въ спокойномъ, милостивомъ расположеніи духа, его глаза выражали обаятельную доброту и ласковость; но когда онъ былъ въ гнѣвѣ, тѣ же глаза метали молніи".

Внѣшними средствами, находившимися въ его распоряженіи, Николай Павловичъ пользовался сообразно съ обстоятельствами. Онъ зналъ, кого нужно приласкать, чтобы заставить говорить, и кого напугать такъ, чтобы они говорили, почти не останавливаясь".

Группируя многочисленный матеріалъ, подтверждающій его основныя мысли относительно роли Николая Павловича въ слѣдствіи надъ декабристами и почерпываемый имъ, какъ изъ подлинныхъ дѣлъ о декабристахъ, такъ и изъ разныхъ другихъ относящихся сюда документовъ, г. Щеголевъ говоритъ:

„Декабристовъ, искреннихъ и увлекающихся людей, энтузіастовъ, можно было поймать на благородство. Нужно было запрятать глубоко свою ненависть къ нимъ, разыграть роль человѣка, заботящагося только о томъ, чтобы родина избавилась, наконецъ, отъ золъ и бѣдствій. И Николай Павловичъ прекрасно разыгрывалъ эту роль. Онъ прикидывался почти ихъ единомышленникомъ. Въ разговорахъ съ ними онъ, очевидно, раздѣлялъ всѣ ихъ мнѣнія о неустройствѣ родины и средствахъ исправленія всѣхъ золъ. Онъ съумѣлъ вселить въ нихъ увѣренность, что онъ-то и есть тотъ правитель, который воплотитъ ихъ мечтанія и облагодѣтельствуетъ Россію. Вскрывалось роковое недоразумѣніе: они шли съ оружіемъ въ рукахъ на друга своего дѣла. Вооруженное возстаніе оказывалось ненужнымъ и гибельнымъ. Нужно—это было такъ очевидно—предупредить вспышки въ другихъ мѣстахъ Россіи, лишить возможности дѣйствовать тѣхъ, кто еще оставался на свободѣ. Только такая психологія, созданная подъ впечатлѣніемъ тонкой, артистической игры царяслѣдователя, объясняетъ буквально взрывъ признаній, раскаяній,

оговоровъ, оглашавшихъ царскій кабинетъ въ Зимнемъ дворцѣ. „Опытъ показалъ—писалъ въ первомъ своемъ показаніи 14 же декабря Рылѣевъ,—что мы мечтали, полагаясь на такихъ людей, какъ князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затѣяли чего-нибудь подобнаго на югѣ, я *долгомъ совѣсти и честнаго гражданина* почитаю объявить, что около Кіева въ полкахъ существуетъ общество. Трубецкой можетъ пояснить и назвать главныхъ. Надо взять мѣры, дабы тамъ не вспыхнуло возмущенія". И почти всѣ они на первыхъ же допросахъ спѣшили предупредить возможное возмущеніе и возможныя дѣйствія со стороны остающихся на свободѣ. Они выдавали поголовно всѣхъ соучастниковъ, казалось, забывъ объ участи, ихъ ожидающей. Правда, Николай Павловичъ усыплялъ ихъ безпокойство, представляя грядущее наказаніе незначительнымъ. Каховскій и Пестель, напр., совершенно не ждали смертной казни. Чрезвычайно характерныя подробности передаетъ Д. И. Завалишинъ объ убѣжденіяхъ, исходившихъ отъ комитета и священника и повторявшихъ, быть можетъ, рѣчи самого Николая. „Неужели же думаете вы,—говорили обвиняемымъ,—что для государя важно наказать нѣсколько человѣкъ? Вотъ онъ не только простилъ Суворова, но и произвелъ его въ офицеры за его откровенность, потому что онъ объяснилъ ему, почему его образъ мыслей былъ республиканскій. На той высотѣ, на которой стоитъ Государь, нельзя ему не видѣть того, что признаетъ и всякій умный и образованный человѣкъ, что если отдѣльныя лица и могутъ быть виноваты, то были же общія законныя причины неудовольствія, если они могли увлечь такую массу людей вопреки ихъ личнымъ интересамъ. Поэтому ясно, для Государя важнѣе знать эти общія причины, нежели виновность того или другого лица. Вы знаете, что у высокопоставленныхъ людей въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ политическія соображенія стоятъ выше всего. Вы знаете, что послѣ этихъ соображеній даже прямые участники въ смерти Петра III и Павла не только не подверглись отвѣтственности, но и были возведены на высшія государственныя званія. Мы увѣрены, что по раскрытіи всего дѣла будетъ объявлена всеобщая амнистія. Говорятъ уже, что Государь даже выразился, что удивитъ Россію и Европу". Такъ притуплялось острое чувство отвѣтственности передъ другими членами, чувство боязни передъ карами.

„Всѣ письма декабристовъ изъ крѣпости, всѣ показанія переполнены восхваленіями милосердія государя, милосердія, не

грядущаго, а настоящаго. Онъ умѣло возбуждалъ столь свойственное благороднымъ людямъ чувство благодарности.

„Тѣмъ, кто смертельно тосковалъ о судьбѣ жены, дѣтей, онъ обѣщалъ свои царственныя заботы и, дѣйствительно, заботился. Заканчивая свое признаніе, 16 декабря Рылѣевъ писалъ царю: „Свою судьбу вручаю тебѣ государь: я отецъ семейства". Такъ послѣ этихъ словъ Николай Павловичъ даже 2.000 рублей прислалъ женѣ Рылѣева, и Рылѣевъ сталъ его. „Молись Богу за императорскій домъ—писалъ Рылѣевъ женѣ 28 декабря,—я могъ заблуждаться, могу и впередъ, но быть неблагодарнымъ не могу. Милости, оказанныя намъ Государемъ и Императрицей, глубоко врѣзались въ сердце мое. Что бы со мной ни было, буду жить и умру для нихъ". Императоръ Николай пригрѣлъ дѣтей и повѣсилъ отца.

„Тѣмъ, кто страдалъ объ отцѣ или матери, онъ разрѣшалъ писать или давать свиданія. И эти разрѣшенія писемъ и свиданій онъ удивительно умѣлъ обставлять: заключеннымъ они казались результатомъ глубочайшаго милосердія, а не обычнымъ и должнымъ выраженіемъ человѣческаго отношенія. И опять размягчалось благодарное сердце, и развязывался языкъ. Князь Оболенскій на первыхъ допросахъ открылъ многое и многихъ, но не все и не всѣхъ. Многіе остались скрыты въ сердцѣ его. „Могъ ли я тою самою рукой—писалъ кн. Оболенскій царю—которая была имъ залогомъ вѣрности, предать ихъ суду, тобою назначенному... Я не въ силахъ былъ исполнить сей жестокой обязанности". Но... царь разрѣшилъ передать кн. Оболенскому письмо его престарѣлаго отца, нѣжно имъ любимаго. Тутъ благодарное сердце не выдержало. „Вѣра, примиривъ меня съ совѣстіею моею, вмѣстѣ съ тѣмъ представила высшія отношенія мои; *милосердіе же твое, о Государь, меня побѣдило.* Въ то время, когда я лишился всѣхъ надеждъ, когда темница сдѣлалась мой міръ, а голыя стѣны оной—товарищами моей жизни, маніемъ благотворной руки твоей, письмо отца моего, какъ ангелъ-утѣшитель, принесло спокойствіе и отраду душѣ моей. Благодѣяніе твое, монархъ милосердный, воззрѣніе твое на мольбу семидесятилѣтняго старца—останется незабвеннымъ въ душѣ моей. И потому, видя въ тебѣ не строгаго судью, но отца милосерднаго, я, съ полнымъ упованіемъ на благость твою, повергаю тебѣ жребій чадъ твоихъ, которые не поступками, но желаніями сердца могли заслуживать твой гнѣвъ". Но какъ актеръ, играющій короля, въ дѣйствительности не имѣетъ въ своей душѣ ни-

чего королевскаго, такъ и Николай Павловичъ, игравшій роль благороднаго гражданина, былъ совершенно чуждъ истинному благородству. И милосердіе оказалось только на словахъ. Взявъ отъ своихъ жертвъ все, что было можно и нужно взять, онъ подвергъ ихъ жесточайшимъ наказаніямъ. Онъ, такъ много выигравшій отъ чувства благодарности, живущаго въ благородномъ сердцѣ, отстранилъ отъ самого себя малѣйшія обязательства признательности и благодарности".

Біографъ Николая I, покойный Н. К. Шильдеръ, понятно не произноситъ столь суроваго приговора надъ личностью побѣдителя декабристовъ, но тѣмъ не менѣе, приведя рядъ моментовъ изъ хода слѣдствія, приходитъ относительно послѣдняго тоже къ печальному заключенію. Онъ говоритъ: „Не подлежитъ сомнѣнію, что разслѣдованіе о злоумышленныхъ обществахъ могло быть ведено даже и въ XIX столѣтіи согласно стариннымъ русскимъ преданьямъ, усвоеннымъ при веденіи прежнихъ, печальной памяти, политическихъ процессовъ; въ лицахъ же, которые охотно приступили бы къ выполненію подобной-же задачи, конечно, не было недостатка. Мы уже упомянули о томъ, насколько возрадовались среди петербургскаго общества, когда стало извѣстнымъ, что государь не поручилъ веденія этого дѣла графу Аракчееву и Клейнмихелю. Но затѣмъ, хотя въ слѣдственной коммиссіи и не было ни одной злой души, однако всѣ несовершенства нашей тогдашней судебной практики выказались въ полной мѣрѣ, какъ во время предварительнаго слѣдствія, такъ и въ засѣданіяхъ учрежденнаго впослѣдствіи верховнаго уголовнаго суда.

„Сказаннаго довольно: покроемъ завѣсою эти печальныя страницы нашего прошлаго".

М. А. фонъ-Визинъ даетъ слѣдующее описаніе хода работъ слѣдственной коммиссіи и положенія заключенныхъ *). „Слѣдственная коммиссія приступила къ розысканіямъ. Множество лицъ было захвачено въ Петербургѣ по подозрѣнію въ участіи въ тайныхъ обществахъ; другихъ свозили въ крѣпость Петропавловскую со всѣхъ концовъ Россіи. Сначала нѣкоторыхъ допрашивалъ во дворцѣ самъ императоръ; къ нему приводили обвиняемыхъ съ связанными руками назадъ веревками, какъ въ полицейскую управу, а не въ царскіе чертоги. Государь Россіи, забывая свое достоинство, позволялъ себѣ ругаться надъ людьми

*) „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка". Томъ I.

беззащитными, которые были въ полной его власти, и угрожалъ имъ жестокими наказаніями. Тайная слѣдственная коммиссія, составленная изъ угодливыхъ царедворцевъ, дѣйствовала въ томъ же инквизиціонномъ духѣ.

„Обвиняемые содержались въ строгомъ заключеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной коммиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признаніе.

„Ночью внезапно открывалась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по корридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія. Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены коммиссіи дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; царскимъ именемъ обѣщали подсудимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто-то сдѣланныя товарищами, и часто отказывали (даже) въ очныхъ ставкахъ. Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ, по невѣдѣнію ли происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить безвинныхъ, того приводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крѣпостному поручено было наблюдать, въ состояніи ли узникъ вынести еще сильнѣйшія тѣлесныя страданія.

„Послѣ того, могли ли признанія обвиняемыхъ, вынужденныя такими насильственными средствами, почитаться добровольными? Часто они были не истинны и показанія нѣкоторыхъ обвиняемыхъ, упавшихъ духомъ, содержали въ себѣ вещи несбыточныя и до того нелѣпыя, что человѣкъ въ здравомъ умѣ и съ полнымъ сознаніемъ никакъ не могъ бы наговорить такого вздора и во вредъ самому себѣ и (другимъ) товарищамъ. Всѣ такія порожденія разстроенной фантазіи у нѣкоторыхъ изъ узниковъ представлены, какъ истинныя намѣренія и дѣйствія въ донесеніи тайной слѣдственной коммисіи. Редакторъ этого акта воспользовался ими довольно ловко и успѣлъ придать внѣ внутренней связи (вѣроятности) этому сплетенію искаженной истины съ

небылицами и ложью, не только для обвиненія подсудимыхъ, но и для того, чтобы всячески очернить нравственный характеръ тайнаго союза и самую чистоту его намѣреній.

„Изъ членовъ тайной слѣдственной коммиссіи всѣхъ пристрастнѣе и недобросовѣстнѣе поступалъ бывшій послѣ военнымъ министромъ князь Чернышевъ: допрашивая подсудимыхъ, онъ приходилъ въ яростное изступленіе, осыпалъ ихъ самыми пошлыми ругательствами,—словомъ, дѣйствовалъ, какъ извѣстный англійскій судья Жефрисъ въ политическомъ процессѣ при Карлѣ II (и Яковѣ III), котораго такъ драматически представилъ Вальтеръ-Скотъ въ одномъ изъ своихъ романовъ. Пристойнѣе всѣхъ велъ себя князь Алек. Ник. Голицынъ и генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, у которыхъ (часто) вырывалось сердечное участіе къ узникамъ.

„Въ послѣднія недѣли засѣданій слѣдственной коммиссіи набралось такъ много подозрѣваемыхъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ лицъ, что само правительство приказало коммиссіи ограничиться въ своихъ розыскахъ только тѣми, которыхъ они признавали болѣе виновными, а прочихъ освободить отъ слѣдствія. Въ продолженіи шести мѣсяцевъ арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ по подозрѣнію было около двухъ тысячъ человѣкъ.

„Докладъ тайной слѣдственной коммиссіи былъ единственнымъ обвинительнымъ актомъ, по которому судились всѣ, замѣшанные въ дѣлѣ тайныхъ обществъ. Въ этомъ докладѣ дѣйствія многихъ членовъ представлены намѣренно превратно, часто насмѣшливымъ тономъ, какъ ребяческія шалости. Главное обвиненіе противъ большаго числа членовъ союза (состояло) въ приписываніи цареубійственныхъ замысловъ противъ особы Императора Александра I, не смотря на то, что онъ нѣсколько лѣтъ позже спокойно умеръ отъ болѣзни въ Таганрогѣ.

„Выраженію минутной досады или негодованія, вызванному какимъ-нибудь непохвальнымъ дѣйствіемъ верховной власти, приписывали значеніе обдуманнаго намѣренія и считали наравнѣ съ преступленіемъ, какъ бы уже сдѣланнымъ. За нѣсколько лѣтъ назадъ вырвавшееся, въ горячемъ разговорѣ, нескромное слово, мысль завтра отвергнутую (и позабытую сказавшимъ ее), называли цареубійственнымъ замысломъ. Тогда и по нашимъ законамъ, всякое преступное намѣреніе, если замышлявшій его одумался и добровольно отказался привести его въ исполненіе, не подвергается осужденію, а здѣсь необдуманнымъ разговорамъ,

въ короткихъ дружескихъ бесѣдахъ, иногда за бокалами шампанскаго, не имѣвшихъ никакихъ послѣдствій, придана важность государственнаго преступленія.

„Въ донесеніи слѣдственной коммиссіи не выставлено ни одно обстоятельство, ни одно дѣйствіе подсудимыхъ, которое бы могло возбудить симпатичное участіе къ нимъ соотечественниковъ. Сколько было показаній многихъ изъ нихъ, въ которыхъ представлено въ истинномъ видѣ тогдашнее состояніе Россіи, страдавшей подъ вѣковымъ гнетомъ самовластія! Сколько вѣрныхъ изображеній хаотическаго безпорядка и въ законодательствѣ и въ администраціи! Сколько уроковъ самому правительству для уврачеванія тяжкихъ язвъ, съѣдающихъ Россію! Уничтоженіемъ крѣпостного рабства цѣлой трети ея народонаселенія, винныхъ откуповъ, посредствомъ которыхъ главный государственный доходъ основанъ на развращеніи и разореніи народа по несчастной страсти его къ крѣпкимъ напиткамъ, поощренный съ вѣдома (и согласія) правительства винными откупами, до невѣроятности размножающими средства удовлетворить эту страсть, всѣ эти горькія истины и многія другія откровенно и добросовѣстно высказаны подсудимыми и, однако, обо всемъ этомъ умолчено въ донесеніи слѣдственной коммиссіи Государю. Во всемъ этомъ политическомъ процессѣ правительство дѣйствовало съ неслыханнымъ пристрастіемъ и какъ истецъ или тяжущаяся сторона, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ раздраженный, неумолимый судья. Какого же правосудія можно было ожидать, когда умышленно нарушались и тѣ немногіе судебные обряды и формы, которые служатъ для подсудимаго огражденіемъ отъ произвола и пристрастія предубѣжденныхъ судей“.

Направляемые въ своихъ показаніяхъ самимъ Николаемъ Павловичемъ декабристы съ удивительною и непонятною легкостью относились къ своимъ словамъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ повѣдали слѣдователямъ всю исторію и ходъ развитія политическаго заговора, приведшаго къ 14 декабря, и безжалостно топили другъ друга. Въ особенности наглядно это сказалось въ ихъ показаніяхъ относительно Пестеля, къ которому его еще недавніе товарищи по дѣятельности отнеслись съ крайнимъ озлобленіемъ и явнымъ недоброжелательствомъ. Вообще слѣдственное дѣло показало достаточно неопровержимо, что между заговорщиками не было необходимой во всякомъ заговорѣ солидарности, которая бы связывала ихъ тѣсными узами, какъ то, напр., наблюдается во всѣхъ политическихъ процессахъ второй поло-

вины XIX столѣтія. Здѣсь соучастники разныхъ покушеній и заговоровъ горою стоятъ другъ за друга, за исключеніемъ случаевъ явнаго и намѣреннаго предательства; въ дѣлѣ же декабристовъ мы видимъ нѣчто обратное — люди доносятъ другъ на друга, топятъ и себя и своихъ друзей и дѣйствуютъ вообще въ состояніи малой вмѣняемости. Они точно не сознаютъ опасности положенія, серьезности переживаемаго ими историческаго момента, причемъ нѣкоторые особенно хлопочутъ, чтобы полнѣе изложить передъ судящимъ ихъ правительствомъ свое политическое profession de foi, въ надеждѣ, что этотъ ихъ политическій катехизисъ будетъ благосклонно встрѣченъ и послужитъ матеріаломъ для практическихъ правительственныхъ начинаній и государственныхъ преобразованій. Послѣднимъ соображеніемъ только и можно объяснить то множество писемъ, которое изъ Петропавловской тюрьмы было получено отъ узниковъ Николаемъ Павловичемъ, въ коихъ такъ подробно изложено современное положеніе Россіи и ея нужды. За исключеніемъ этой идейной, такъ сказать, стороны дѣла, въ остальной части своего поведенія, въ качествѣ политическихъ заговорщиковъ, декабристы послѣ 14 декабря тускнѣютъ въ своемъ ореолѣ. Между ихъ рѣчами въ лицо и въ письмахъ Николаю Павловичу и тѣми разговорами, которые они вели накунѣ выступленія на Сенатской площади, лежитъ значительная разница. Правда, какъ увидимъ далѣе, нѣкоторые изъ нихъ съумѣли мужественно умереть, но періодъ съ момента ареста и до произнесенія надъ ними осужденія далеко не является лучшею страницею ихъ жизни. И какъ бы ни смотрѣть въ настоящемъ случаѣ на роль самого Николая Павловича въ слѣдственномъ процессѣ, также ли строго, какъ это дѣлаетъ г. Щеголевъ, или болѣе снисходительно, принимая во вниманіе всю отвѣтственность передъ родиной и исторіей, которая выпала на долю только-что вступившаго на престолъ монарха и притомъ совершенно неподготовленнаго къ доставшемуся ему высокому удѣлу, съ какой бы точки зрѣнія ни подходить къ данному вопросу, — приходится по необходимости признать, что бывшій еще такъ недавно бригадный генералъ оказался во многихъ отношеніяхъ величиною болѣе крупною, нежели его политическіе противники: они поникли передъ нимъ и стушевались, причемъ нѣкоторые готовы были даже отступиться отъ своего политическаго, и тѣмъ болѣе революціоннаго, катехизиса, а другіе, какъ напримѣръ, самъ диктаторъ, кн. С. П. Трубецкой, жалко ползали передъ нимъ на колѣняхъ, взывая о дарованіи жизни...

Описывая пребываніе арестованныхъ въ крѣпости, декабристъ Д. И. Завалишинъ повѣствуетъ *): „Кажется, было въ разсчетѣ слѣдственнаго комитета не давать намъ долго оставаться на одних мѣстахъ, вѣроятно изъ опасенія, что мы сблизимся или между собою или со сторожами. Поэтому, собственно въ крѣпости насъ часто переводили съ одного мѣста на другое. Такъ и меня перевели изъ Трубецкого бастіона въ Кронверкскую куртину; оттуда къ главнымъ воротамъ и, наконецъ, когда больше ознакомились съ моимъ значеніемъ, — въ Алексѣевскій равелинъ, составлявшій крѣпость въ крѣпости, или, по простонародному выраженію, каменный мѣшокъ, который поэтому и заслуживаетъ, чтобы описать его подробнѣе.

„Зданіе, находящееся въ Алексѣевскомъ равелинѣ, и составляло собственно государственную тюрьму; всѣ другія помѣщенія въ крѣпости были, такъ сказать, случайныя и временныя. Алексѣевскій равелинъ имѣлъ своего отдѣльнаго коменданта и свою постоянную инвалидную роту, которая пользовалась большими льготами, но не имѣла зато права выхода изъ крѣпости, исключая одного фельдфебеля, который посылался съ необходимыми бумагами въ городскую думу, такъ какъ содержаніе зданія было отнесено на счетъ думы по одной изъ тѣхъ странныхъ аномалій, какихъ въ то время оставалось еще множество отъ старины. Комендантъ во время нашего заключенія былъ высокій, бодрый старикъ на видъ, Лиліенанкеръ, какъ называли его инвалиды; говорили, что ему было уже около 90 лѣтъ. Небольшой мостикъ соединялъ равелинъ съ крѣпостью; со стороны равелина на немъ стояли два инвалида, а со стороны крѣпости два гвардейскихъ часовыхъ изъ смѣнявшихся ежедневно гвардейскаго караула въ крѣпости. Заключенные въ равелинѣ извѣстны были уже не подъ своими именами, а подъ номерами комнаты, въ которой содержались. Когда требовали кого въ слѣдственный Комитетъ, то посылался плацъ-адъютантъ крѣпости съ бумагою о присылкѣ № такого-то. Посланный останавливался на мостикѣ и передавалъ бумагу начальнику инвалидной команды, выходившему ему навстрѣчу. Это было всегда позднимъ вечеромъ или ночью. Арестанту надѣвали на голову черный капоръ и такъ вели въ слѣдственный комитетъ, и снимали уже въ самой комнатѣ засѣданія комитета. Можетъ быть это было разсчитано для произведенія эффекта. Но такъ какъ

*) „Записки декабриста“ Д. И. Завалишина.

воровство въ Россіи вкрадется вездѣ, то и капоры были сшиты изъ такого рѣдкаго миткаля, что сквозь него можно было видѣть все, какъ черезъ сѣтку.

„Тюремное зданіе равелина, по треугольной формѣ этого рода укрѣпленій, было также треугольное. Внутренній дворикъ, имѣвшій въ каждой сторонѣ треугольника по двадцати съ небольшимъ шаговъ, былъ обращенъ въ садикъ и, кромѣ дорожекъ вдоль стѣнъ, имѣлъ по срединѣ одну только дорожку противъ дверей. На правой рукѣ этой дорожки была видна еще въ мое время въ видѣ небольшой грядки могила Княжны Таракановой.

„Комнаты въ тюремномъ зданіи были обыкновенныя, окна большія и четвероугольныя, не такъ, какъ нарисовано на извѣстной картинѣ Флавицкаго „Смерть Княжны Таракановой", гдѣ окна представлены на верху овальныя. Зданіе само одноэтажное... Окна имѣли, разумѣется, снаружи желѣзныя рѣшетки и были закрашены известкою. Замки у дверей были обыкновенные, и, потому, не было слышно никогда того шума, который происходилъ въ крѣпости отъ отодвиганья и задвиганья запоровъ, и какъ притомъ въ корридорахъ были настланы толстые маты, то не было даже слышно и шаговъ часовыхъ. Въ дверяхъ было маленькое отверстіе со стекломъ, черезъ которое можно было наблюдать все, что дѣлаетъ арестантъ въ комнатѣ. Отверстіе это закрывалось снаружи клеенкой, которая поднималась, когда надобно было часовому или коменданту заглянуть въ комнату. Всѣ печи топились и закрывались изъ корридора.

„Порядокъ въ равелинѣ былъ слѣдующій: время для вставанія не опредѣлялось. Каждый вставалъ, когда хотѣлъ, но за этимъ наблюдали. Лишь только арестантъ встанетъ, не пройдетъ и десяти минутъ, какъ является комендантъ съ большимъ числомъ сторожей. Пока одинъ подаетъ умываться, другіе убираютъ комнату и приносятъ чай, если кому онъ полагается. Горячую воду, впрочемъ, приносятъ въ чайникѣ, а самовара не подаютъ. Въ это время комендантъ спрашиваетъ о здоровьѣ и ведетъ иногда и посторонній разговоръ, но только или объ очень отвлеченныхъ предметахъ или объ очень давней старинѣ. О настоящемъ же времени, даже о погодѣ, ничего не скажетъ. Разъ палили изъ пушекъ, и я спросилъ о причинѣ пальбы. „Вы ошиблись, это былъ вѣрно громъ", отвѣчалъ онъ мнѣ, хотя инвалидъ и сказалъ мнѣ послѣ, что дѣйствительно была пальба по случаю коронаціи. Обѣдъ, вечерній чай и ужинъ подавали,

когда спросимъ; только послѣдній не позже 9 часовъ. Ночью горѣлъ всегда ночникъ. Книги давали духовнаго содержанія; только впослѣдствіи, по ходатайству Левашева, мнѣ давали книги изъ моей библіотеки. По предписанію доктора выходили гулять въ садикъ въ сопровожденіи инвалида. Въ садикѣ было одно хилое деревцо и нѣсколько кусточковъ. Разумѣется, кромѣ стѣнъ и неба, ничего не было видно, и, только отойдя во внѣшній уголъ и ставши на рундукъ, прикрывающій стокъ воды, мы могли видѣть архангела съ трубою на шпицѣ Петропавловской крѣпости, какъ бы символъ того, что только въ общее воскресеніе мертвыхъ можетъ надѣяться возвратиться къ жизни тотъ, кто разъ попалъ въ эту живую могилу.

„Мебель составляли кровать, столъ и стулъ. Компаньонами заключеннаго были маленькіе красные муравьи, черные тараканы, сверчки, мокрицы и мыши, и наблюденія надъ всѣми этими животными составляли одно изъ обычныхъ развлеченій узниковъ. Впрочемъ, скоро нашлось и другое развлеченіе: это разговоръ съ сосѣдями сквозь стѣну. Разумѣется, голоса черезъ толстую каменную стѣну не могло быть слышно; но если ударяли въ стѣну чѣмъ-нибудь, хотя-бы гвоздемъ, карандашемъ и т. п., то звуки легко передавались, и это подавало мысль составить условную азбуку, въ родѣ употребляемыхъ въ сигналахъ, телеграфахъ и пр.; трудно было только сначала понять основаніе азбуки или систему, но разъ, сосѣдъ догадался, въ чемъ дѣло, то разумѣніе остального развивалось уже очень быстро. Чтобъ избѣжать большаго числа ударовъ, производились различныя сочетанія. Иное, напримѣръ, значили два раздѣльные удара, иное—сплошные. Одинъ ударъ означалъ букву А, два сплошные звукъ I и пр. Впрочемъ, системы были разнообразныя, болѣе или менѣе удобныя, но такъ какъ было много свободнаго времени, то они достигали своей цѣли, служа средствомъ сообщенія не только съ сосѣдями, но черезъ нихъ съ самыми отдаленными коридорами и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляли занятіе и развлеченіе.

„Нельзя сказать, чтобъ не было и другихъ средствъ сообщенія, особенно у тѣхъ, которые могли щедро платить чрезъ родныхъ. Говорятъ-же, что въ Россіи деньги все портятъ, но отчасти могутъ и исправить много. Выше сказано было, что фельдфебель инвалидной роты носилъ бумаги въ городскую думу. Онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы предложить арестантамъ и роднымъ ихъ служить посредникомъ для сноше-

нія за извѣстную плату. Между тѣмъ относительно инвалидовъ, служившихъ сторожами при арестантахъ, онъ выказывалъ себя чрезвычайно строгимъ. Онъ не только не позволялъ имъ входить безъ себя въ комнаты арестантовъ, но не позволялъ имъ даже ни минуты оставаться, причемъ, коль скоро они напр. подали обѣдъ или чай, даже кричалъ на нихъ, если ему покажется, что кто-нибудь засмотрится на арестанта, такъ что иногда, когда это имъ удавалось, они изъ-за спины его знаками показывали, что и хотѣли бы остаться и что-нибудь сказать, но что страшно его бояться. И вотъ разъ вечеромъ онъ вошелъ ко мнѣ, какъ какъ будто бы для того, чтобы поправить постель къ ночи, и я видѣлъ, что онъ, что-то положилъ подъ тюфякъ въ томъ углу кровати, который не былъ видѣнъ часовому. Я нашелъ подъ тюфякомъ письмо отъ сестры одного изъ моихъ товарищей, кн. Волконской, которая писала мнѣ, что я могу вполнѣ положиться на фельдфебеля, что онъ служитъ и другимъ моимъ товарищамъ и чтобы я увѣдомилъ о доставленіи ея письма. Съ тѣхъ поръ я велъ переписку со многими въ городѣ и, благодаря этому обстоятельству, успѣлъ предостеречь многихъ, особенно въ томъ, чтобы они уже не попадались въ ловушку, на обычную уловку комитета выдумывать показанія отъ лицъ, которые во все ихъ не дѣлали“.

Въ другомъ мѣстѣ тѣхъ-же своихъ „Записокъ“ Завалишинъ болѣе мрачными красками рисуетъ обстановку, въ которую попали декабристы. „Были-ли пытки въ комитетѣ?“—спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „Если разумѣть это въ прямомъ смыслѣ, то я по совѣсти не могу этого утверждать. Говорили о какомъ-то рубцѣ на лбу Пестеля и предполагали, что ему сдавливали голову. Я однако-же этого не замѣтилъ, встрѣтившись однажды съ нимъ, когда я шелъ изъ комитета, а его вели въ комитетъ. Но общее положеніе содержавшихся въ крѣпости стоило пытки, особенно для тѣхъ, кто и безъ того былъ нездоровъ или страдалъ отъ ранъ, какъ напр. Василій Норовъ. Надо сказать, что за годъ передъ тѣмъ, во время извѣстнаго наводненія въ Петербургѣ 7-го ноября 1824 г. крѣпость была залита водою, которою пропитались валъ и стѣны крѣпости, такъ что въ 1825 г. была страшная сырость. Въ добавокъ къ тому въ каждой амбразурѣ построены были клѣтки изъ сыраго лѣса и въ этихъ-то клѣткахъ содержали обвиняемыхъ. Эти клѣтки были такъ тѣсны, что едва доставало мѣста для кровати, столика и чугунной печи. Когда печь топилась, то клѣтка наполнялась непроницаемымъ

туманомъ, такъ что, сидя на кровати, нельзя было видѣть двери на разстояніи двухъ аршинъ. Но лишь только закрывали печь, то дѣлался отъ нихъ удушливый смрадъ, а паръ, охлаждаясь, буквально лилъ потоками со стѣнъ, такъ что въ день выносили по двадцати и болѣе тазовъ воды. Флюсы, ревматизмы, страшная головная боль и пр. были неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого положенія, и въ этомъ смыслѣ пытка была непрерывная. Кормили скверно, потому что было страшное воровство“.

Въ такой обстановкѣ и при такихъ условіяхъ пребывали люди, по большейчасти вышедшіе изъ состоятельныхъ и привиллегированныхъ слоевъ Россіи, принесшіе себя въ жертву политическимъ идеямъ, во главу которой было положено счастье родной земли. Объ этомъ счастьѣ они продолжали мечтать и въ заключеніи и, основываясь на желаніи Государя, чтобы ему безъ стѣсненій было письменно изложено ихъ политическое исповѣданіе (что ему было нужно въ интересахъ ихъ обвиненія), многіе изъ нихъ широко воспользовались этимъ царскимъ желаніемъ. Николаемъ Павловичемъ былъ полученъ рядъ писемъ отъ декабристовъ, гдѣ они съ полной откровенностью изложили передъ нимъ свои политическія desideria, съ указаніемъ, чего ждетъ отъ него передовое русское общество.

Наиболѣе пламенны были письма Каховскаго, гдѣ этотъ послѣдній, довѣряя своему верховному судьѣ, съ полной откровенностью касался въ нихъ не только вопросовъ государственнаго порядка, но и затрагивалъ личность своего державнаго адресата. Вотъ, напримѣръ, два чрезвычайно характерныхъ письма *).

Всемилостивѣйшій Государь!

Судьба моя рѣшена и я безропотно покоряюсь, какой бы не былъ произнесенъ надо мною приговоръ. Жить и умереть для меня почти одно и то же. Мы всѣ на землѣ не вѣчны; на Престолѣ и въ цѣпяхъ смерть равно беретъ свои жертвы. Человѣкъ съ возвышенной душой живетъ не роскошью, а мыслями— ихъ отнять никто не въ силахъ! и я, приговоренный къ каторгѣ, лишусь не многаго: если тягостна, то одна разлука съ милыми моему сердцу.

Государь! не о себѣ хочу говорить я, но о моемъ отечествѣ,

---

*) „Изъ писемъ и показаній декабристовъ. Критика современнаго состоянія Россіи и планы будущаго устройства“. Подъ редакціей А. К. Бороздина.

Государь, злодѣи тѣ, злодѣи Вамъ и намъ, которые унижаютъ въ глазахъ Вашихъ человѣчество или обвиняютъ народъ предъ однимъ лицомъ. Выдавливающіе изъ другихъ сносятъ ихъ и на себѣ давленіе, оно легко имъ: они оперлись на грудь народную. Какъ Вы думаете, Государь, если бы Васъ не стало, изъ окружающихъ теперь Васъ много ли бы нашлось людей, которые истинно о Васъ пожалѣли. Привыкшіе искать лишь выгодъ своихъ скоро забываютъ и благодѣтелей и благодѣянія. Взгляните на перевороты правленій и Вы согласитесь со мной. Кто не преданъ всей душой пользѣ отечества, тотъ никого и ничего не можетъ любить кромѣ своей выгоды.

Цари самовластные много благотворятъ въ частности, и покойный Императоръ много раздавалъ денегъ, орденовъ, чиновъ; но составляетъ ли это пользу общую? Отнимается у ста людей послѣдній кусокъ хлѣба, чтобы бросить его въ гортань ненасытнаго. Нѣтъ, Государь! не въ частности надо благотворить, но благотворить всему народу, и правленіе будетъ счастливо, покойно и безмятежно. Взгляните на состояніе народное, что есть у насъ! Безопасность лицъ и собственности ничѣмъ не ограждена, совершенное отсутствіе закона и справедливости въ судопроизводствѣ, тяжкіе налоги, взимаемые не съ пріобрѣтеній, но разрушающіе капиталы, убытки торговли, сжатое просвѣщеніе, задушенная свобода—вотъ наше богатство, наше достояніе. Государь! станьте частнымъ лицомъ въ Государствѣ нашемъ и спросите самого себя: что бы Вы произвели на нашемъ мѣстѣ, когда бы подобный Вамъ человѣкъ могъ располагать Вами по своему произволу, какъ вещью?

Императоръ Александръ много нанесъ намъ бѣдствія, и онъ собственно причина возстанія 14 декабря. Не имъ ли раздутъ въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы и не имъ ли она была послѣ такъ жестоко удавлена, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ? Онъ помогъ Фердинанду задавить законныя права народа Испаніи и не предвидѣлъ зла, тѣмъ причиненнаго всѣмъ тронамъ. Съ тѣхъ поръ Европа въ одинъ голосъ воскликнула: нѣтъ договора съ царями! Государь! отдаюсь на Васъ, обманывалъ ли когда народъ царей и не всегда ли онъ былъ ими обманываемымъ? Въ войну съ Наполеономъ, что цари не обѣщали и кто же изъ нихъ что исполнилъ?

Простите, Ваше Величество, я буду совершенно откровенно говорить: искренность моя есть мое къ Вамъ усердіе. Вы были Великимъ Княземъ, мы не могли судить о Васъ иначе, какъ по

наружности: видимыя Ваши занятія были фрунтъ, солдаты, и мы страшились имѣть на Престолѣ полковника. Повѣрьте, не солдаты составляютъ силу и опору троновъ, и тѣ обманываются, которые думаютъ, что можно оградить себя штыками. Нѣтъ, добрый Государь! ради Бога, ради блага человѣчества, собственнаго Вашего блага, оградите себя и отечество закономъ. Вамъ предстоитъ славное поприще! Дайте права, уравновѣсьте ихъ и не нарушайте; водворите правосудіе, откройте торговлю, не изсушайте безполезно источники богатства народнаго, покровительствуйте истинное просвѣщеніе, и Вы сдѣлаетесь другомъ и благотворителемъ народнаго добра. Кто можетъ подумать, чтобы народъ нашъ не былъ одаренъ всѣми способностями, принадлежащими и прочимъ націямъ! Государство, нѣсколько столѣтій просвѣщенное христіанской религіею, имѣющее сношенія съ иноземными народами равно какъ съ своими братьями, никакъ не можетъ быть въ невѣжественномъ состояніи. Ошибаются и тѣ, которыя полагаютъ, что алтарь—опора трона Вашего. 14 декабря доказало противное. Нѣтъ, самая христіанская религія научаетъ насъ правамъ людей; ей не чуждо право естественное, оно сокрыто въ ней. Государь, Вы одни можете не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ перемѣнить систему правленія, спасти троны и равно принести пользу царямъ и народамъ. Очень понимаю, что крутой переворотъ къ самому добру можетъ произвести вредъ. Государь, не сжимайте просвѣщеніе, спѣшите водворить правосудіе въ судопроизводствѣ—оно успокоиваетъ гражданъ. Пусть народъ будетъ ребенкомъ на помочахъ въ рукахъ Вашихъ. Добрый Государь! Вы—русскій, Вы любите отечество,—что же есть славнѣе для Васъ, какъ не развернуть способности народа Вашего! Страна та будетъ счастлива, гдѣ просвѣщеніе сдѣлается слѣдствіемъ свободы законной. Покойный Императоръ, быстро двинувъ умы къ правамъ людей и вдругъ перемѣнивъ свои правила, осадилъ ихъ и тѣмъ произвелъ у насъ всѣ заговоры и скопища.

Милосердный Государь! займитесь внутреннимъ устройствомъ Государства; отсутствіе закона—ужасный вредъ для насъ, вредъ физическій и моральный. Служба замѣнилась прислугою, общая польза забыта, своекорыстіе грызетъ сердца, и любовь къ отечеству уже для иныхъ стала смѣшнымъ чувствомъ.

Я о многомъ писалъ къ генералъ-адъютанту Левашеву, прося его, если онъ найдетъ стоющимъ, довести оное до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Можетъ быть, мои мнѣнія не

правы и незрѣлы, я не имѣю большихъ познаній, все богатство мое лишь любовь къ родинѣ.

Простите, Великодушный Государь! что я преступникъ и смѣю еще просить Вашей милости. Увлеченный чувствами я дѣлалъ открытіе о тайномъ обществѣ, не соображаясь съ разсудкомъ, но по движенію сердца, къ Вамъ благодарнаго, и можетъ то сказалъ, чего бы не открыли другіе члены онаго. Я преступникъ предъ Вами, преступникъ предъ обществомъ, предъ людьми несчастными, мной въ него принятыми. Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели другихъ — мука нестерпимая. Я, растерзанный, у ногъ Вашихъ умоляю, Государь! Спасите несчастныхъ! Свобода обольстительна; я, распаленный ею, увлекъ офицеровъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, поручиковъ Сутгова, Панова, подпоручика Кожевникова, прапорщика Жеребцова и генеральнаго штаба прапорщика Палицына. Коллежскій секретарь Глѣбовъ зналъ о существованіи тайнаго общества, но не принадлежалъ къ оному. Всѣ сіи люди имѣютъ семейства, отцовъ, матерей, и я сталъ ихъ убійцею. Не зная меня, они были бы счастливы. Государь, Вы сами отецъ, Вы человѣкъ! Посудите страданія несчастныхъ, невинныхъ семействъ. Обманутый Рылѣевымъ, я и ихъ обманывалъ. Я злодѣй ужасный, всему причиною; пусть на мнѣ кончаются ихъ мученія, а они, исполненные благодарностію, могутъ быть полезны Вамъ, отечеству и заслужить свое благоразуміе. Спасите ихъ, Великодушный Государь! Я умру, благословляя милосердіе Вашего Императорскаго Величества.

Можетъ быть, выраженія мои не приличны, Государь, и дерзокъ поступокъ, что осмѣлился писать къ Вашему Величеству. Простите мнѣ то: я не рожденъ у двора и послѣдовалъ движенію сердца.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный *Петръ Каховскій.*

1826 г. марта 19 дня.

Всемилостивѣйшій Государь!

Россія не въ столицѣ, народъ ея не заключается у двора, и я полагаю, что для Государя, тѣмъ болѣе самодержавнаго, не безполезно знать общее о немъ мнѣніе. Внутреннее управленіе Государства не можетъ быть чуждо гражданамъ онаго:

изъ его правленія происходитъ мнѣніе и о правителѣ. Я рѣшаюсь высказать предъ Вашимъ Величествомъ молву общую о покойномъ Государѣ Императорѣ.

Съ 1810 г. по 1822 годъ доходы казны возросли въ четыре раза болѣе, посему можно представить, сколь сильно налоги увеличились; но долгъ государственный не только не уменьшился, но еще чрезмѣрно умножился. Курсъ денегъ нашихъ упалъ, и рубль превратился въ двадцать пять копеекъ. Были необходимые и непредвидимые расходы. ихъ невозможно ничему иному приписать, какъ обстоятельствамъ времени, но двѣнадцать уже лѣтъ существуетъ миръ и въ продолженіи сего времени налоги и долгъ не уменьшились, а увеличились. Къ чему отнести сіе, кому оное извѣстно и какое изъ сего сдѣлать заключеніе?

Каждый добрый гражданинъ желаетъ, чтобы правительство бѣло сильно и богато, но и правительство должно стараться раскрыть всевозможныя средства народу для пріобрѣтенія, а сего и нѣтъ у насъ: умножаютъ налоги и сжимаютъ способы промышленности. Откуда же взять возможность уплачивать увеличенныя повинности? Если я получаю съ моего капитала десять процентовъ, для меня не тяжело заплатить изъ нихъ въ казну и четыре процента, но если капиталъ мой мертвый, то налогъ и полупроцентный для меня убійственъ; онъ разрушаетъ мое достояніе. Частные люди не могутъ управлять балансомъ Государства: мы лишь видимъ, что онъ у насъ потерянъ—страдаетъ и раззоряется.

Въ двадцатипятилѣтнее царствованіе покойнаго Императора было время и смутное, но большая часть онаго было время мирное. Кончилась война съ Наполеономъ, мы всѣ надѣялись, что Императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ, съ нетерпѣніемъ ждали закона постановительнаго и преобразованія судопроизводства нашего; ждали, — и что-жъ? Черезъ двѣнадцать лѣтъ лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ! Въ продолженіе двадцатилѣтняго царствованія, Его Императорское Величество ни разу не удостоилъ своимъ присутствіемъ Сенатъ Можетъ быть, занимаясь въ своемъ кабинетѣ дѣлами, Императоръ находилъ излишнимъ предсѣдательствовать въ верховномъ правительствующемъ мѣстѣ Государства, но неужели, будучи верховнымъ правителемъ и судьею, полезнѣе было бывать каждый день у развода, чѣмъ когда-нибудь посѣтить главное правительствующее мѣсто и судилище народное?

Ни одно чувство столь сильно не дѣйствуетъ на народъ, какъ зрѣніе—и сего достаточно, чтобы Государю обратить болѣе вниманія на часть гражданскую. Кто причиною, что войска наши доведены до возможнаго видимаго совершенства? Ничто иное, какъ особенное къ нимъ вниманіе Государей. Но устройство армій менѣе составляетъ для нихъ благоденствія Государства, чѣмъ устройство части гражданской. Мы много потеряли отъ преимуществъ, данныхъ классу военныхъ людей предъ чиновниками гражданскими: все лучшее, образованнѣйшее дворянство, по манію царя, стремится въ военную службу, а бѣдная юстиція остается на произволъ людей, алчущихъ лишь своей прибыли и ни мало не пекущихся о пользѣ общей. Обратить все вниманіе на устройство армій и не заниматься устройствомъ государства я нахожу столь же гибельнымъ для Государя и отечества, какъ для человѣка частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося о образованіи внутреннихъ своихъ качествъ.

Покойный Императоръ, объѣзжая области государства, вникнулъ ли гдѣ въ состояніе народное? Нѣтъ, онъ смотрѣлъ лишь войска. Мѣстное начальство старалось представить Его Величеству все въ лучшемъ видѣ, чѣмъ есть оно на самомъ дѣлѣ; въ нѣкоторыхъ городахъ цѣлыя улицы заносились заборами, чтобы скрыть лачуги бѣдныхъ жителей отъ взора Императора. Были частные лица за ничто, за притворное привѣтствіе награждаемы, а несчастный народъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ Его Величество, раззорялся тяжкими земскими повинностями. И общее негодованіе громко говорило по всей Россіи: Императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на арміи, безполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго. У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли, — что составятъ для насъ штыки внутри Государства? Они не прокормятъ насъ, мы чрезъ нихъ голодаемъ. Что винить министровъ? Они что значутъ? У насъ правленіе самодержавное. Государственный Совѣтъ—игрушка! Мы знаемъ мнѣнія, съ которыми соглашаются и которыя отвергаются. Государь не подчинилъ себя ему, а посредствомъ учрежденія онаго сжалъ лишь власть сената. Поѣздки на конгрессы какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества. Мы не можемъ страшиться внѣшнихъ враговъ, но у

насъ внутренніе враги терзаютъ Государство: отсутствіе закона, справедливости, убытокъ торговли, тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность.

Вотъ мнѣнія и общія жалобы; и сіе говорятъ истинно добрые граждане, а не заговорщики. Покойному Императору какой-злой геній оклеветалъ его добрый народъ; онъ разлюбилъ насъ и въ людяхъ благонамѣренныхъ видѣлъ карбонаріевъ; раздражился самъ и насъ вооружилъ противъ себя. Его Величество не хотѣлъ достойно цѣнить нашу къ нему привязанность, онъ много имѣлъ случаевъ испытать ее, но ни во что вмѣнилъ наше усердіе и развязалъ узелъ, соединявшій его съ народомъ. Точно, въ послѣдніе годы своего царствованія, уже онъ не пользовался столь много любовью, прежде къ нему бывшей. Народъ не измѣнился, но Его Величество, впослѣдствіи перемѣнивъ свои правила, убилъ наши надежды и самую гордость народную. Для Русскаго больно не имѣть націи и все заключить въ одномъ Государѣ. Кто если сличитъ образъ правленія первыхъ лѣтъ его царствованія съ послѣдними годами, тотъ въ одномъ и томъ же Императорѣ найдетъ совершенно различныхъ двухъ людей.

Пропуская очень многое и очень важное, я не могу не остановиться на несчастномъ случаѣ, постигшемъ л.-гв. Семеновскій полкъ, не входя въ разборъ, что было причиною его возстанія; но Высочайшимъ приказомъ офицеры полка были оправданы и лишь за слабое смотрѣніе за нижними чинами не оставлены въ Гвардіи. Но по переводѣ ихъ въ армію тайно отняты у нихъ права, данныя дворянскою грамотою, и никто изъ нихъ не выпускается въ отставку. И тѣ, которые, основываясь на дворянской грамотѣ, просили себѣ отставку, отставлены отъ службы по неспособности и по слабости ума. Таковое скрытое преслѣдованіе не есть ли явное мщеніе? Онымъ раздражаются ни одни пострадавшіе, каждый имѣетъ связи, родство и дружбу; да и посторонніе люди не могутъ быть равнодушны; что сегодня постигло одного, завтра другой того же долженъ опасаться.

Правительство не въ силахъ ничего скрыть отъ общаго вниманія; изреченія Государей, произносимыя въ кабинетахъ въ кругу самыхъ близкихъ людей, въ непродолжительномъ времени дѣлаются извѣстны во всемъ пространствѣ государствъ. И общій удѣлъ властителей, что судятъ ихъ строже и менѣе имъ прощаютъ, чѣмъ людямъ частнымъ.

Государь! я не врагъ Вашъ; я не распространяюсь о чувствахъ моихъ къ особѣ Вашего Величества, но я страстно люблю мое отечество; счастіе онаго тѣсно связано съ судьбой Вашей, и я не могу не желать Вамъ пользы, когда каждая минута Вашей жизни служитъ для моей родины или благомъ или бѣдствіемъ. Дай Богъ, чтобы Ваше Величество были счастливы въ выборѣ людей, Васъ окружающихъ,—они Вамъ необходимо нужны. Вы видѣли слезы и о покойномъ Императорѣ, сердца русскія не злобны. Конечно, многіе плакали по принятому правилу плакать о смерти Государя въ присутствіи Его Наслѣдника, или страшась потерять со смертью Его свои выгоды; но я не сомнѣваюсь, что были люди и истинно огорченные. Не гнѣвайтесь, добрый Государь, во мнѣ нѣтъ злого умысла, намѣренія мои чисты и считаю, что иногда полезно Монархамъ отъ подданныхъ своихъ слышать истину. Доложу Вашему Величеству, что вѣсть о смерти Императора Александра поразила людей либеральныхъ и благонамѣренныхъ. Можно сказать, при семъ извѣстіи общія слова были: „Вотъ въ какомъ мы положеніи, что и Императора Александра жалѣть должны“! Такъ, Государь, мы равно страшились всѣхъ Его Наслѣдниковъ,—причина сему Вамъ должна быть извѣстна; я только доложу Вамъ, что и самые люди къ Вашему Величеству преданные не оправдываютъ въ Васъ страсти къ фрунту. Сіе занятіе Государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропщутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по Государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропотъ. Ваше Величество! если бы Вы знали, сколь много Вы повредили себѣ въ общемъ мнѣніи симъ занятіемъ. Обиженное честолюбіе успокоить трудно—и какія вѣсти, какіе слухи носились по Государству!

Отъ Васъ зависитъ теперь судьба пятидесяти милліоновъ людей, и я усердно желаю, Государь, чтобы Вы предпочитали пріятное полезному (sic!). Льстецы придворные рѣдко скажутъ правду; имъ страшенъ гнѣвъ, и милость царская дороже пользы общей. У насъ они большею частью иностранцы въ Государствѣ; проживая весь вѣкъ свой въ столицѣ, въ роскоши, когда имъ было обратить вниманіе на положеніе народное и зачѣмъ? Они вѣрно получаютъ свои оброки и берутъ награжденія. Они говорятъ, что покойный Императоръ весьма много занимался дѣлами. Я съ ними согласенъ, что Его Величество занимался

которое, пока не остановится біеніе моего сердца, будетъ мнѣ дороже всѣхъ благъ міра и самого неба. Хочу говорить о собственной Вашей пользѣ, и о пользѣ человѣчества.

Намѣренія тайнаго общества открыты; мы были заговорщики противъ Васъ, преступная цѣль была наша: истребить всю нынѣ Царствующую фамилію и хотя съ ужаснымъ потокомъ крови основать правленіе народное. Успѣть въ первомъ мы легко могли; людей съ самоотверженіемъ было достаточно. Я первый за первое благо считалъ не только жизнью, честью жертвовать пользѣ моего отечества. Умереть на плахѣ, быть растерзану и умереть въ самую минуту наслажденія—не все-ли равно? Но что можетъ быть слаже, какъ умереть, принеся пользу? Человѣкъ исполненный чистотою, жертвуетъ собою не съ тѣмъ, чтобы заслужить славу, строчку въ исторіи, но творить добро для добра безъ возмездія. Такъ думалъ я, такъ и поступалъ. Увлеченный пламенной любовью къ404 родинѣ, страстью къ свободѣ, я не видалъ преступленія для блага общаго. Силы заговорщиковъ мнѣ мало были извѣстны, и сознаюсь, я, безразсудно предавшись порыву чувствъ, былъ готовъ на все, но, слава Богу, не сдѣлался цареубійцей. Слава Богу, что Ваше Величество не повѣрили Якубовичу, не подъѣхали къ каре мятежному; можетъ быть, въ изступленіи я бы первый готовъ былъ по Васъ выстрѣлить. Ни въ чемъ не запираюсь, душа моя предъ Вами открыта! въ трехмѣсячное заключеніе я не ожесточился. Нѣтъ, Государь, напротивъ милосердіе къ Вашимъ врагамъ смягчило меня. Свободно размысливъ, я еще благословляю судьбу за ея промыслъ. Мы могли и были сильны истребить Васъ, но теперь я ясно вижу, что мы не были сильны основать порядокъ правленія и причинили бы лишь бѣдствіе отечеству. Я не могъ бы радоваться Вашей безпорочной гибели, меня влекла не жажда крови и не мщеніе. И пишу къ Вашему Величеству не изъ боязни наказанія: я могъ быть врагомъ Вашимъ, но подлецомъ быть не могу и ни изъ чего не стану говорить иначе, какъ чувствую.

Государь! что было причиной заговора нашего? Спросите самого себя, что какъ не бѣдствіе отечества? Добрый Государь! я видѣлъ слезы состраданія на глазахъ Вашихъ. Вы человѣкъ, Вы понимаете меня! Можно ли допустить человѣку, намъ всѣмъ подобному, вертѣть по своему произволу участью пятидесяти милліоновъ людей? Гдѣ, укажите мнѣ страну, откройте исторію,—гдѣ когда были счастливы народы подъ властью самодержавной, безъ закона, безъ правъ, безъ собственности. Ахъ,

Государь, злодѣи тѣ, злодѣи Вамъ и намъ, которые унижаютъ въ глазахъ Вашихъ человѣчество или обвиняютъ народъ предъ однимъ лицомъ. Выдавливающіе изъ другихъ сносятъ ихъ и на себѣ давленіе, оно легко имъ: они оперлись на грудь народную. Какъ Вы думаете, Государь, если бы Васъ не стало, изъ окружающихъ теперь Васъ много ли бы нашлось людей, которые истинно о Васъ пожалѣли. Привыкшіе искать лишь выгодъ своихъ скоро забываютъ и благодѣтелей и благодѣянія. Взгляните на перевороты правленій и Вы согласитесь со мной. Кто не преданъ всей душой пользѣ отечества, тотъ никого и ничего не можетъ любить кромѣ своей выгоды.

Цари самовластные много благотворятъ въ частности, и покойный Императоръ много раздавалъ денегъ, орденовъ, чиновъ; но составляетъ ли это пользу общую? Отнимается у ста людей послѣдній кусокъ хлѣба, чтобы бросить его въ гортань ненасытнаго. Нѣтъ, Государь! не въ частности надо благотворить, но благотворить всему народу, и правленіе будетъ счастливо, покойно и безмятежно. Взгляните на состояніе народное, что есть у насъ! Безопасность лицъ и собственности ничѣмъ не ограждена, совершенное отсутствіе закона и справедливости въ судопроизводствѣ, тяжкіе налоги, взимаемые не съ пріобрѣтеній, но разрушающіе капиталы, убытки торговли, сжатое просвѣщеніе, задушенная свобода—вотъ наше богатство, наше достояніе. Государь! станьте частнымъ лицомъ въ Государствѣ нашемъ и спросите самого себя: что бы Вы произвели на нашемъ мѣстѣ, когда бы подобный Вамъ человѣкъ могъ располагать Вами по своему произволу, какъ вещью?

Императоръ Александръ много нанесъ намъ бѣдствія, и онъ собственно причина востанія 14 декабря. Не имъ ли раздутъ въ сердцахъ нашихъ свѣточъ свободы и не имъ ли она была послѣ такъ жестоко удавлена, не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ? Онъ помогъ Фердинанду задавить законныя права народа Испаніи и не предвидѣлъ зла, тѣмъ причиненнаго всѣмъ тронамъ. Съ тѣхъ поръ Европа въ одинъ голосъ воскликнула: нѣтъ договора съ царями! Государь! отдаюсь на Васъ, обманывалъ ли когда народъ царей и не всегда ли онъ былъ ими обманываемымъ? Въ войну съ Наполеономъ, что цари не обѣщали и кто же изъ нихъ что исполнилъ?

Простите, Ваше Величество, я буду совершенно откровенно говорить: искренность моя есть мое къ Вамъ усердіе. Вы были Великимъ Княземъ, мы не могли судить о Васъ иначе, какъ по

наружности: видимыя Ваши занятія были фрунтъ, солдаты, и мы страшились имѣть на Престолѣ полковника. Повѣрьте, не солдаты составляютъ силу и опору троновъ, и тѣ обманываются, которые думаютъ, что можно оградить себя штыками. Нѣтъ, добрый Государь! ради Бога, ради блага человѣчества, собственнаго Вашего блага, оградите себя и отечество закономъ. Вамъ предстоитъ славное поприще! Дайте права, уравновѣсьте ихъ и не нарушайте; водворите правосудіе, откройте торговлю, не изсушайте безполезно источники богатства народнаго, покровительствуйте истинное просвѣщеніе, и Вы сдѣлаетесь другомъ и благотворителемъ народнаго добра. Кто можетъ подумать, чтобы народъ нашъ не былъ одаренъ всѣми способностями, принадлежащими и прочимъ націямъ! Государство, нѣсколько столѣтій просвѣщенное христіанской религіею, имѣющее сношенія съ иноземными народами равно какъ съ своими братьями, никакъ не можетъ быть въ невѣжественномъ состояніи. Ошибаются и тѣ, которыя полагаютъ, что алтарь—опора трона Вашего. 14 декабря доказало противное. Нѣтъ, самая христіанская религія научаетъ насъ правамъ людей; ей не чуждо право естественное, оно сокрыто въ ней. Государь, Вы одни можете не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ перемѣнить систему правленія, спасти троны и равно принести пользу царямъ и народамъ. Очень понимаю, что крутой переворотъ къ самому добру можетъ произвести вредъ. Государь, не сжимайте просвѣщеніе, спѣшите водворить правосудіе въ судопроизводствѣ—оно успокоиваетъ гражданъ. Пусть народъ будетъ ребенкомъ на помочахъ въ рукахъ Вашихъ. Добрый Государь! Вы—русскій, Вы любите отечество,—что же есть славнѣе для Васъ, какъ не развернуть способности народа Вашего! Страна та будетъ счастлива, гдѣ просвѣщеніе сдѣлается слѣдствіемъ свободы законной. Покойный Императоръ, быстро двинувъ умы къ правамъ людей и вдругъ перемѣнивъ свои правила, осадилъ ихъ и тѣмъ произвелъ у насъ всѣ заговоры и скопища.

Милосердный Государь! займитесь внутреннимъ устройствомъ Государства; отсутствіе закона—ужасный вредъ для насъ, вредъ физическій и моральный. Служба замѣнилась прислугою, общая польза забыта, своекорыстіе грызетъ сердца, и любовь къ отечеству уже для иныхъ стала смѣшнымъ чувствомъ.

Я о многомъ писалъ къ генералъ-адъютанту Левашеву, прося его, если онъ найдетъ стоющимъ, довести оное до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Можетъ быть, мои мнѣнія не

правы и незрѣлы, я не имѣю большихъ познаній, все богатство мое лишь любовь къ родинѣ.

Простите, Великодушный Государь! что я преступникъ и смѣю еще просить Вашей милости. Увлеченный чувствами я дѣлалъ открытіе о тайномъ обществѣ, не соображаясь съ разсудкомъ, но по движенію сердца, къ Вамъ благодарнаго, и можетъ то сказалъ, чего бы не открыли другіе члены онаго. Я преступникъ предъ Вами, преступникъ предъ обществомъ, предъ людьми несчастными, мной въ него принятыми. Легко погибнуть самому, но быть причиной гибели другихъ — мука нестерпимая. Я, растерзанный, у ногъ Вашихъ умоляю, Государь! Спасите несчастныхъ! Свобода обольстительна; я, распаленный ею, увлекъ офицеровъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, поручиковъ Сутгова, Панова, подпоручика Кожевникова, прапорщика Жеребцова и генеральнаго штаба прапорщика Палицына. Коллежскій секретарь Глѣбовъ зналъ о существованіи тайнаго общества, но не принадлежалъ къ оному. Всѣ сіи люди имѣютъ семейства, отцовъ, матерей, и я сталъ ихъ убійцею. Не зная меня, они были бы счастливы. Государь, Вы сами отецъ, Вы человѣкъ! Посудите страданія несчастныхъ, невинныхъ семействъ. Обманутый Рылѣевымъ, я и ихъ обманывалъ. Я злодѣй ужасный, всему причиною; пусть на мнѣ кончаются ихъ мученія, а они, исполненные благодарностію, могутъ быть полезны Вамъ, отечеству и заслужить свое благоразуміе. Спасите ихъ, Великодушный Государь! Я умру, благословляя милосердіе Вашего Императорскаго Величества.

Можетъ быть, выраженія мои не приличны, Государь, и дерзокъ поступокъ, что осмѣлился писать къ Вашему Величеству. Простите мнѣ то: я не рожденъ у двора и послѣдовалъ движенію сердца.

Вашего Императорскаго Величества

вѣрноподданный *Петръ Каховскій*.

1826 г. марта 19 дня.

Всемилостивѣйшій Государь!

Россія не въ столицѣ, народъ ея не заключается у двора, и я полагаю, что для Государя, тѣмъ болѣе самодержавнаго, не безполезно знать общее о немъ мнѣніе. Внутреннее управленіе Государства не можетъ быть чуждо гражданамъ онаго:

изъ его правленія происходитъ мнѣніе и о правителѣ. Я рѣшаюсь высказать предъ Вашимъ Величествомъ молву общую о покойномъ Государѣ Императорѣ.

Съ 1810 г. по 1822 годъ доходы казны возросли въ четыре раза болѣе, посему можно представить, сколь сильно налоги увеличились; но долгъ государственный не только не уменьшился, но еще чрезмѣрно умножился. Курсъ денегъ нашихъ упалъ, и рубль превратился въ двадцать пять копеекъ. Были необходимые и непредвидимые расходы. ихъ невозможно ничему иному приписать, какъ обстоятельствамъ времени, но двѣнадцать уже лѣтъ существуетъ миръ и въ продолженіи сего времени налоги и долгъ не уменьшились, а увеличились. Къ чему отнести сіе, кому оное извѣстно и какое изъ сего сдѣлать заключеніе?

Каждый добрый гражданинъ желаетъ, чтобы правительство бѣло сильно и богато, но и правительство должно стараться раскрыть всевозможныя средства народу для пріобрѣтенія, а сего и нѣтъ у насъ: умножаютъ налоги и сжимаютъ способы промышленности. Откуда же взять возможность уплачивать увеличенныя повинности? Если я получаю съ моего капитала десять процентовъ, для меня не тяжело заплатить изъ нихъ въ казну и четыре процента, но если капиталъ мой мертвый, то налогъ и полупроцентный для меня убійственъ; онъ разрушаетъ мое достояніе. Частные люди не могутъ управлять балансомъ Государства: мы лишь видимъ, что онъ у насъ потерянъ—страдаетъ и раззоряется.

Въ двадцатипятилѣтнее царствованіе покойнаго Императора было время и смутное, но большая часть онаго было время мирное. Кончилась война съ Наполеономъ, мы всѣ надѣялись, что Императоръ займется внутреннимъ управленіемъ въ государствѣ, съ нетерпѣніемъ ждали закона постановительнаго и преобразованія судопроизводства нашего; ждали, — и что-жъ? Черезъ двѣнадцать лѣтъ лишь перемѣнилась форма мундировъ гражданскихъ! Въ продолженіе двадцатилѣтняго царствованія, Его Императорское Величество ни разу не удостоилъ своимъ присутствіемъ Сенатъ Можетъ быть, занимаясь въ своемъ кабинетѣ дѣлами, Императоръ находилъ излишнимъ предсѣдательствовать въ верховномъ правительствующемъ мѣстѣ Государства, но неужели, будучи верховнымъ правителемъ и судьею, полезнѣе было бывать каждый день у развода, чѣмъ когда-нибудь посѣтить главное правительствующее мѣсто и судилище народное?

Ни одно чувство столь сильно не дѣйствуетъ на народъ, какъ зрѣніе—и сего достаточно, чтобы Государю обратить болѣе вниманія на часть гражданскую. Кто причиною, что войска наши доведены до возможнаго видимаго совершенства? Ничто иное, какъ особенное къ нимъ вниманіе Государей. Но устройство армій менѣе составляетъ для нихъ благоденствія Государства, чѣмъ устройство части гражданской. Мы много потеряли отъ преимуществъ, данныхъ классу военныхъ людей предъ чиновниками гражданскими: все лучшее, образованнѣйшее дворянство, по манію царя, стремится въ военную службу, а бѣдная юстиція остается на произволъ людей, алчущихъ лишь своей прибыли и ни мало не пекущихся о пользѣ общей. Обратить все вниманіе на устройство армій и не заниматься устройствомъ государства я нахожу столь же гибельнымъ для Государя и отечества, какъ для человѣка частнаго, обратившаго все его вниманіе на одежду и наружность свою и не старающагося о образованіи внутреннихъ своихъ качествъ.

Покойный Императоръ, объѣзжая области государства, вникнулъ ли гдѣ въ состояніе народное? Нѣтъ, онъ смотрѣлъ лишь войска. Мѣстное начальство старалось представить Его Величеству все въ лучшемъ видѣ, чѣмъ есть оно на самомъ дѣлѣ; въ нѣкоторыхъ городахъ цѣлыя улицы заносились заборами, чтобы скрыть лачуги бѣдныхъ жителей отъ взора Императора. Были частные лица за ничто, за притворное привѣтствіе награждаемы, а несчастный народъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проѣзжалъ Его Величество, раззорялся тяжкими земскими повинностями. И общее негодованіе громко говорило по всей Россіи: Императоръ занимается лишь солдатами, играетъ ими, какъ игрушкой, не печется о благосостояніи нашемъ, тратитъ сотни милліоновъ на арміи, безполезнымъ содержаніемъ въ мирное время милліона войскъ изсушаетъ источники богатства народнаго. У насъ нѣтъ закона, нѣтъ денегъ, нѣтъ торговли, — что составятъ для насъ штыки внутри Государства? Они не прокормятъ насъ, мы чрезъ нихъ голодаемъ. Что винить министровъ? Они что значутъ? У насъ правленіе самодержавное. Государственный Совѣтъ—игрушка! Мы знаемъ мнѣнія, съ которыми соглашаются и которыя отвергаются. Государь не подчинилъ себя ему, а посредствомъ учрежденія онаго сжалъ лишь власть сената. Поѣздки на конгрессы какую принесли намъ прибыль? Развѣ только то, что деньги наши вывозятъ изъ отечества. Мы не можемъ страшиться внѣшнихъ враговъ, но у

насъ внутренніе враги терзаютъ Государство: отсутствіе закона, справедливости, убытокъ торговли, тяжкіе налоги и повсемѣстная бѣдность.

Вотъ мнѣнія и общія жалобы; и сіе говорятъ истинно добрые граждане, а не заговорщики. Покойному Императору какой-злой геній оклеветалъ его добрый народъ; онъ разлюбилъ насъ и въ людяхъ благонамѣренныхъ видѣлъ карбонаріевъ; раздражился самъ и насъ вооружилъ противъ себя. Его Величество не хотѣлъ достойно цѣнить нашу къ нему привязанность, онъ много имѣлъ случаевъ испытать ее, но ни во что вмѣнилъ наше усердіе и развязалъ узелъ, соединявшій его съ народомъ. Точно, въ послѣдніе годы своего царствованія, уже онъ не пользовался столь много любовью, прежде къ нему бывшей. Народъ не измѣнился, но Его Величество, впослѣдствіи перемѣнивъ свои правила, убилъ наши надежды и самую гордость народную. Для Русскаго больно не имѣть націи и все заключить въ одномъ Государѣ. Кто если сличитъ образъ правленія первыхъ лѣтъ его царствованія съ послѣдними годами, тотъ въ одномъ и томъ же Императорѣ найдетъ совершенно различныхъ двухъ людей.

Пропуская очень многое и очень важное, я не могу не остановиться на несчастномъ случаѣ, постигшемъ л.-гв. Семеновскій полкъ, не входя въ разборъ, что было причиною его возстанія; но Высочайшимъ приказомъ офицеры полка были оправданы и лишь за слабое смотрѣніе за нижними чинами не оставлены въ Гвардіи. Но по переводѣ ихъ въ армію тайно отняты у нихъ права, данныя дворянскою грамотою, и никто изъ нихъ не выпускается въ отставку. И тѣ, которые, основываясь на дворянской грамотѣ, просили себѣ отставку, отставлены отъ службы по неспособности и по слабости ума. Таковое скрытое преслѣдованіе не есть ли явное мщеніе? Онымъ раздражаются ни одни пострадавшіе, каждый имѣетъ связи, родство и дружбу; да и посторонніе люди не могутъ быть равнодушны; что сегодня постигло одного, завтра другой того же долженъ опасаться.

Правительство не въ силахъ ничего скрыть отъ общаго вниманія; изреченія Государей, произносимыя въ кабинетахъ въ кругу самыхъ близкихъ людей, въ непродолжительномъ времени дѣлаются извѣстны во всемъ пространствѣ государствъ. И общій удѣлъ властителей, что судятъ ихъ строже и менѣе имъ прощаютъ, чѣмъ людямъ частнымъ.

Государь! я не врагъ Вашъ; я пе распространяюсь о чувствахъ моихъ къ особѣ Вашего Величества, но я страстно люблю мое отечество: счастіе онаго тѣсно связано съ судьбой Вашей, и я не могу не желать Вамъ пользы, когда каждая минута Вашей жизни служитъ для моей родины или благомъ или бѣдствіемъ. Дай Богъ, чтобы Ваше Величество были счастливы въ выборѣ людей, Васъ окружающихъ,—они Вамъ необходимо нужны. Вы видѣли слезы и о покойномъ Императорѣ, сердца русскія не злобны. Конечно, многіе плакали по принятому правилу плакать о смерти Государя въ присутствіи Его Наслѣдника, или страшась потерять со смертью Его свои выгоды; но я не сомнѣваюсь, что были люди и истинно огорченные. Не гнѣвайтесь, добрый Государь, во мнѣ нѣтъ злого умысла, намѣренія мои чисты и считаю, что иногда полезно Монархамъ отъ подданныхъ своихъ слышать истину. Доложу Вашему Величеству, что вѣсть о смерти Императора Александра поразила людей либеральныхъ и благонамѣренныхъ. Можно сказать, при семъ извѣстіи общія слова были: „Вотъ въ какомъ мы положеніи, что и Императора Александра жалѣть должны"! Такъ, Государь, мы равно страшились всѣхъ Его Наслѣдниковъ,—причина сему Вамъ должна быть извѣстна; я только доложу Вамъ, что и самые люди къ Вашему Величеству преданные не оправдываютъ въ Васъ страсти къ фрунту. Сіе занятіе Государей нашихъ въ глазахъ всего народа уже сдѣлалось ненавистно. Самыя войска чрезмѣрно тяготятся имъ и ужасно ропщутъ. При ученіи солдатъ иногда вырываются такія изреченія, которыя, распространяясь по Государству, вооружаютъ сердца и умножаютъ ропотъ. Ваше Величество! если бы Вы знали, сколь много Вы повредили себѣ въ общемъ мнѣніи симъ занятіемъ. Обиженное честолюбіе успокоить трудно—и какія вѣсти, какіе слухи носились по Государству!

Отъ Васъ зависитъ теперь судьба пятидесяти милліоновъ людей, и я усердно желаю, Государь, чтобы Вы предпочитали пріятное полезному (sic!). Льстецы придворные рѣдко скажутъ правду; имъ страшенъ гнѣвъ, и милость царская дороже пользы общей. У насъ они большею частью иностранцы въ Государствѣ; проживая весь вѣкъ свой въ столицѣ, въ роскоши, когда имъ было обратить вниманіе на положеніе народное и зачѣмъ? Они вѣрно получаютъ свои оброки и берутъ награжденія. Они говорятъ, что покойный Императоръ весьма много занимался дѣлами. Я съ ними согласенъ, что Его Величество занимался

управленіемъ Государства; но смѣло говорю, что не занимался устройствомъ оного: мнѣ неизвѣстны предположенія, я сужу о вещахъ, какъ есть они: въ двадцатипятилѣтнее царствованіе многое можно бы было привести въ исполненіе, но въ продолженіе сего времени финансы, торговля, судопроизводство—самыя крѣпкія опоры Государства разстроены. Дай Богъ, чтобы Вы, Милосердый Государь! основали благоденствіе народное, владствовали не страхомъ, а любовью, и тогда вѣрно отечество будетъ счастливо и покойно. Народъ устрашить невозможно, а привязать къ себѣ легко: Вспомните, Государь, Ярослава Великаго: онъ любилъ народъ Новгородской, и друзья его охотно простили ему ошибки и радостно для блага его ему жертвовали и кровію своей, и достояніемъ. Еще сердца гражданъ не остыли, и лишь бы Правительство не считало ихъ тварями ничтожными, видѣло бы въ нихъ людей, не отдѣляло выгодъ своихъ отъ пользы общей, было съ ними искренно, и они всегда готовы въ добромъ Государѣ чтить отца своего и благодѣтеля.

Чувствую самъ, что письмо мое смѣло. Богъ свидѣтель, что во мнѣ нѣтъ дерзкой мысли оскорбить Ваше Величество, и одно желаніе пользы обладаетъ мной. Я въ волѣ Вашей; Вы сильны, Государь, можете приказать сдѣлать со мной все, что Вамъ угодно. Говоря Вамъ истину, исполняю святую обязанность ревностнаго гражданина и не страшусь за нее ни казни, ни позора, ни мучительнѣйшаго заключенія.

Всемилостивѣйшій Государь.
Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный *Петръ Каховскій.*

Апрѣля 4 дня
1826 году.

Нѣсколько инымъ характеромъ и тономъ отличается письмо Александра Бестужева. Онъ писалъ *):

Ваше Императорское Величество!

Увѣренный, что Вы, Государь, любите истину, я беру дерзновеніе изложить предъ Вами историческій ходъ свободомыслія въ Россіи, и вообще многихъ понятій, составляющихъ нравственную и политическую часть предпріятія 14 декабря. Я буду говорить съ полною откровенностію, не скрывая худого, не

*) „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“.

смягчая даже выраженій, ибо долгъ вѣрноподданнаго есть говорить Монарху правду безъ прикраски. Приступаю.

Начало царствованія Императора Александра было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостоянія Россіи. Дворянство отдохнуло; купечество не жаловалось на кредитъ, войска служили безъ труда, ученые учились, чему хотѣли; всѣ говорили, что думали, и всѣ по многому хорошему ждали еще лучшаго. Къ несчастію обстоятельства до того не допустили, и надежды состарѣлись безъ исполненія. Неудачная война 1807 г. и другія многостоящія разстроили финансы; но того еще не замѣчали въ приготовленіяхъ къ войнѣ отечественной. Наконецъ Наполеонъ вторгся въ Россію, и тогда-то народъ русскій впервые ощутилъ свою силу; тогда-то пробудилось во всѣхъ сердцахъ чувство независимости, сперва политической, а впослѣдствіи и народной. Вотъ начало свободомыслія въ Россіи. Правительство само произнесло слова: „свобода, освобожденіе". Само разсѣвало сочиненія о злоупотребленіи неограниченной власти Наполеона, и крикъ Русскаго Монарха огласилъ берега Рейна и Сены. Еще война длилась, когда ратники, возвратясь въ домы, первые разнесли ропотъ въ классѣ народа. „Мы проливали кровь, говорили они, а насъ опять заставляютъ потѣть на барщинѣ. Мы избавили родину отъ тирана, а насъ опять тиранятъ господа". Войска отъ генераловъ до солдатъ, пришедши назадъ, только и толковали, какъ хорошо въ чужихъ земляхъ. Сравненіе со своимъ естественно произвело вопросъ, почему же не такъ у насъ? Сначала, покуда говорили о томъ безпрепятственно, это расходилось на вѣтеръ, ибо умъ, какъ порохъ, опасенъ только сжатый. Лучъ надежды, что Государь Императоръ дастъ конституцію, какъ онъ то упомянулъ при открытіи сейма въ Варшавѣ, и попытка нѣкоторыхъ генераловъ освободить рабовъ своихъ еще ласкали многихъ. Но съ 1817 г. все перемѣнилось. Люди, видѣвшіе худое, или желавшіе лучшаго, отъ множества шпіоновъ принуждены стали разговаривать скрытно, и вотъ начало тайныхъ обществъ. Притѣсненіе начальствомъ заслуженныхъ офицеровъ разгорячало умы. Тогда-то стали говорить военные: „Для того ли мы освободили Европу, чтобы наложить ея цѣпи на себя? Для того ли дали конституцію Франціи, чтобы не смѣть говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы насъ унижали дома?" Уничтоженіе нормальныхъ школъ и гоненіе на просвѣщеніе заставило думать въ безнадежности, о важнѣйшихъ мѣрахъ. А какъ ро-

потъ народа, отъ истощенія и злоупотребленія земскихъ и гражданскихъ властей происшедшій, грозилъ кровавою революціею, то общества вознамѣрились отвратить меньшимъ зломъ большее и начать свои дѣйствія при первомъ удобномъ случаѣ. Теперь я опишу положеніе, въ какомъ видѣли мы Россію.

Войска Наполеона, какъ саранча, оставили за собой надолго сѣмена разрушенія. Многія губерніи обнищали, правительство медлительными мѣрами или скуднымъ пособіемъ дало имъ вовсе погибнуть. Дожди и засухи голодили другіе края. Устройство непрочныхъ дорогъ занимали руки трети Россіи, а хлѣбъ гнилъ на корню. Злоупотребленія исправниковъ стали замѣтнѣе обѣднѣвшимъ крестьянамъ *), а угнетенія дворянъ чувствительнѣе, потому что они стали понимать права людей **). Запрещенье винокуренія отняло во многихъ губерніяхъ всѣ средства къ сбыту сѣмянъ, а размноженіе питейныхъ домовъ испортило нравственность и разорило крестьянскій бытъ. Поселенія поралнзировали не только умы и всѣ промыслы тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроились, и навели ужасъ на остальныя. Частые переходы полковъ безмѣрно тяготили напутныхъ жителей; рѣдкость денегъ привела крестьянъ въ неоплатныя недоимки — однимъ словомъ всѣ они вздыхали о прежнихъ годахъ, всѣ роптали на настоящее, всѣ жаждали лучшаго до того, что пустой слухъ, будто даются мѣста на Аму-Дарьѣ, влекъ тысячи жителей Украины, куда? не знали сами. Цѣлыя селенія снимались и бродили на угадъ, и многочисленныя возмущенія барщинъ ознаменовали 3 послѣдніе года царствованія Александра.

Мѣщане, классъ почтенный и значительный во всѣхъ другихъ государствахъ, у насъ ничтоженъ, бѣденъ, обремененъ повинностями, лишенъ средствъ къ пропитанію. Въ другихъ націяхъ они населяютъ города, у насъ же, какъ города суще-

*) О притѣсненіяхъ земскихъ чиновниковъ можно написать книгу. Малѣйшій распорядокъ свыше даетъ имъ поводъ къ тысячѣ насилій и взятокъ. То сберутъ крестьянъ въ сѣнокосъ или жатву и мѣсяцъ ничего не дѣлаютъ. То далутъ сдѣлать и потомъ ломаютъ, говоря, что это не по формѣ. Назначаютъ на работу ближнихъ въ даль и наоборотъ, чтобы взять за увольненіе нѣсколько рублей съ брата. Да и кромѣ того сбираютъ прибавочные налоги, безъ всякаго вида, такъ что съ души сходитъ втрое противу указныхъ податей, и проч.

**) Поведеніе русскихъ дворянъ въ этомъ отношеніи ужасно. Негры на плантаціяхъ счастливѣе многихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Продавать въ розницу семьи, похитить невинность, развратить женъ крестьянскихъ—считается ни во что и дѣлается явно. Не говорю уже о барщинѣ и оброкахъ, но есть изверги, которые раздаютъ борзыхъ щенковъ для выкормленія грудью крестьянокъ!! Къ счастію человѣчества такіе примѣры не часты, но къ стыду онаго они существуютъ.

ствуютъ только на картѣ *), и вольность ремеселъ стѣсняютъ въ нихъ цѣхи, то кочуютъ какъ цыгане, занимаясь щепетильною перепродажею. Упадокъ торговли отразился на нихъ сильнѣе по ихъ бѣдности; ибо они зависятъ отъ купцовъ, какъ мелкіе торгаши, или какъ работники на фабрикахъ.

Купечество, стѣсненное въ гильдіяхъ и затрудненное въ путяхъ доставки, потерпѣло важный уронъ съ 1812 г. Многія колоссальныя фортуны погибли, другія разстроились. Дѣла съ казною разорили множество купцовъ и подрядчиковъ, а съ ними ихъ кліентовъ и ихъ вѣрителей, затяжкою въ уплатѣ, учетами и неправыми прижимками въ пріемѣ. Лихоимство проникло всюду. Развратъ мнѣнія далъ силу потачки вексельному уставу **). Злостные банкруты умножились и довѣріе упало. Шаткость тарифа привела въ нищету многихъ фабрикантовъ и испугала другихъ, и вывела правительство наше изъ вѣры, равно у своихъ, какъ и чужеземныхъ негоціантовъ. Слѣдствіемъ сего былъ еще большой упадокъ нашего курса (т. е. внѣшняго кредита), отъ государственныхъ долговъ происшедшій, и всеобщая жалоба, что нѣтъ наличныхъ. Запретительная система, обогащая контрбандистовъ, не поднимала цѣны на наши издѣлія, и, слѣдуя модѣ, всѣ платили въ тридорога за такъ называемые конфискованные товары. Наконецъ, указъ, чтобы мѣщане и мелкіе торговцы или записывались въ полиціи, или платили бы налогъ, нанесъ бы рѣшительный ударъ торговлѣ, и удержаніе исполненія не удержало ихъ отъ ропота. Впрочемъ и безъ того упадокъ торговли былъ столь великъ, что на главныхъ ярмонкахъ и въ портахъ мѣна и отпускъ за границу уменьшились третью. Купцы еще справедливо жаловались на иностранцевъ, особенно англичанъ, которые вопреки уставу ***) имѣютъ по селамъ своихъ агентовъ и скупая въ первыя руки сырыя произведенія для вывоза заграницу, лишаютъ тѣмъ мелкихъ торговцевъ промысла, а государство—обращенія капиталовъ.

Дворянство было тоже недовольно за худой сбытъ своихъ произведеній, дороговизну предметовъ роскоши и долготою судо-

---

*) Отчего города наши пустѣютъ, рѣшить не трудно. Нижнія инстанціи не имѣютъ рѣшительнаго голоса, а тяжущіеся ѣдутъ въ столицу. По сей же причинѣ лучшее дворянство уклоняется отъ неуваженныхъ должностей и за крестами спѣшитъ ничего не дѣлать въ какой-нибудь министерской канцеляріи. На кого же тамъ работать ремесленнику? да и кому? Ибо дворянство наше держитъ доморощенныхъ.

**) Устраняя прежнее право на личность банкрота (contrainte par corps).

***) Имъ позволено только заниматься оптовою куплею, не вступаясь въ мелкія сдѣлки.

производства. Оно раздѣляется на 3 разряда. На просвѣщенныхъ, изъ которыхъ большая часть составляетъ знать; на грамотныхъ, которые или мучатъ другихъ, какъ судьи, или сами таскаются по тяжбамъ, и наконецъ, на невѣждъ, которые живутъ по деревнямъ, служатъ церковными старостами, или уже въ отставкѣ, послуживъ Богъ знаетъ какъ въ полевыхъ. Изъ нихъ-то мелкопомѣстные составляютъ язву Россіи; всегда виноватые и всегда ропщущіе и желая жить не по достатку, а по претензіямъ своимъ, мучатъ бѣдныхъ крестьянъ своихъ нещадно. Прочіе разоряются на охоту, на капели (?), на столичную жизнь или отъ тяжбъ. Наибольшая часть лучшаго дворянства, служа въ военной службѣ или въ столицахъ, требующихъ роскоши, довѣряютъ хозяйство наемникамъ, которые обираютъ крестьянъ, обманываютъ господъ, и такимъ образомъ $^{9}/_{10}$ имѣній въ Россіи разстроено и въ закладѣ. Духовенство сельское въ жалкомъ состояніи. Не имѣя никакого оклада, оно вовсе предано милости крестьянъ и оттого, принужденное угождать имъ, впадало само въ пороки, для удаленія коихъ учреждено. Между тѣмъ, какъ сельское нищенствовало въ неуваженіи, указъ объ одеждахъ женъ священническихъ, привелъ въ волненіе и неудовольствіе богатое городское духовенство.

Солдаты роптали на истому ученьями, чисткою, караулами; офицеры на скудость жалованья и непомѣрную строгость. Матросы на черную работу, удвоенную по злоупотребленію *), морскіе офицеры на бездѣйствіе. Люди съ дарованіями жаловались, что имъ заграждаютъ дорогу по службѣ, требуя лишь безмолвной покорности; ученые на то, что имъ не даютъ учить, молодежь на препятствія въ ученьи. Словомъ, во всѣхъ углахъ видѣлись недовольныя лица; на улицахъ пожимали плечами, вездѣ шептались — всѣ говорили, къ чему это приведетъ? всѣ элементы были въ броженіи. Одно лишь правительство беззаботно дремало надъ волканомъ, однѣ судебныя мѣста блаженствовали, ибо только для нихъ Россія была обѣтованною землей. Лихоимство ихъ взошло до неслыханной степени безстыдства. Писаря заводили лошадей, повытчики покупали деревни, и только возвышеніе цѣны взятокъ отличало вышнія мѣста, такъ что въ столицѣ

*) Напр., въ Петербургскомъ и Кронштадтскомъ адмиралтействахъ положено, въ 1-мъ—90 лошадей для тасканія бревенъ, во 2-мъ не знаю числа. Но дѣло въ томъ, что ни одна лошадь не работаетъ, а возитъ по гостямъ разныхъ чиновниковъ. Вмѣсто же ихъ запрягаютъ несчастныхъ матросовъ. Братъ мой Николай и К. Л. Торсонъ могутъ дать подробнѣйшее свѣдѣніе о многомъ множествѣ злоупотребленій по флоту.

подъ глазами блюстителей производился явный торгъ правосудіемъ. Хорошо еще платить бы за дѣло, а то брали, водили и ничего не дѣлали. Вашему Императорскому Величеству вѣроятно извѣстны теперь сіи злоупотребленія, но ихъ скрыли отъ покойнаго Императора. Прибыльныя мѣста продавались по таксѣ и были обложены оброкомъ. Централъность судебныхъ мѣстъ, привлекая каждую бездѣлицу къ верху, способствовала аппеляціямъ, справкамъ, пересудамъ, и десятки лѣтъ проходили прежде рѣшенія, т. е. разоренія обѣихъ сторонъ. Однимъ словомъ въ казнѣ, въ судахъ, въ комисаріатахъ, у губернаторовъ, у генералъ-губернаторовъ, вездѣ гдѣ замѣшался интересъ, кто могъ, тотъ грабилъ, кто не смѣлъ, токъ кралъ. Вездѣ честные люди страдали, а ябедники и плуты радовались.

Вамъ, Государь, уже свѣдомо, какъ, воспламененные такимъ положеніемъ Россіи и видя всѣ элементы готовые къ перемѣнѣ, рѣшились мы произвести переворотъ. Теперь осмѣлюсь изложить предъ Вашимъ Величествомъ, что мы, дѣлая сіе, думали основываться вообще на правахъ народныхъ, и въ особенности на затерянныхъ Русскихъ. Но кромѣ того Батенковъ и я говорили, что мы имѣемъ въ это время (т. е. около 14 декабря) на то политическое право, какъ въ чистое междуцарствіе. Ибо Ваше Величество отреклись отъ короны, а мы знали, что отреченіе Государя Цесаревича уже здѣсь *). Притомъ же Вы, Государь, ожидая признанія отъ Совѣта и Сената, нѣкоторымъ образомъ признавали верховность народа, ибо правительство (безъ Самодержца) есть не иное, какъ верхняя онаго часть. Слѣдственно мы, дѣйствуя въ лицѣ народа, шли не противу Вашего Величества, но только для препятствованія Сенату и Совѣту признавать иное, а не наше назначеніе. Отрицая же прово народа во время междуцарствія избирать себѣ правителя или правительство, приводилось бы въ сомнѣніе самое возведеніе Царствующей Династіи на престолъ Россіи. Далѣе, Правительница Анна, опершись на желаніе народа, изорвала свое обязательство. Великая Екатерина повела гвардію и толпу, ее провозгласившую, противу Петра III. Онѣ обѣ на челѣ народа шли противу Правительства,—неужели же право бываетъ только на сторонѣ удачи? Политика, устраняя лица, смотритъ только на факты. Мы уже отъ одной присяги были уволены, а другой не принимали. Вашему Величеству легко будетъ усмотрѣть шаткость сего

*) Ошибка наша состояла въ томъ, что мы не знали о назначеніи Вашего Величества Наслѣдникомъ престола.

предположенія, но въ то время я былъ увѣренъ въ правотѣ онаго и дѣйствовалъ въ томъ убѣжденіи.

Вотъ мечты наши о будущемъ. Мы думали учредить Сенатъ изъ старѣйшихъ и умнѣйшихъ головъ Русскихъ, въ который надѣялись привлечь всѣхъ важныхъ людей нынѣшняго правленія, ибо полагали, что власть и честолюбіе всегда имѣли бы свою приманку. Палату же представителей составить по выбору народа изо всѣхъ состояній. Какъ неоспоримо, что общаго мнѣнія установить или дать ему силу нельзя иначе, какъ связавъ оное съ интересомъ каждаго, то на семъ правилѣ основывали мы безкорыстіе судей. Каждая инстанція имѣла бы у насъ свой безпереносный кругъ дѣйствія; при томъ тяжущіеся могли бы избирать по произволу изъ извѣстнаго числа судей любаго, такъ что честь и выгода заставила бы ихъ другъ передъ другомъ быть правдивѣе, а публичность судопроизводства, ограниченіе срока онаго и свобода книгопечатанія обличала бы нерадивыхъ или криводушныхъ. Для просвѣщенія нижнихъ классовъ народа хотѣли повсемѣстно завести ланкастерскіи школы. А чтобы поправить его нравственность, — то возвысить бѣлое духовенство, давъ оному способы къ жизни. Увольненіе почти отъ всѣхъ земскихъ повинностей, свобода винокуренія и улучшеніе казенными средствами дорогъ между бѣдными и богатыми хлѣбомъ мѣстами, поощреніе земледѣлія и вообще покровительство промышленности привело бы въ довольство крестьянъ. Обезпеченіе и постоянство правъ привлекло бы въ Россію множество производительныхъ иноземцевъ. Фабрики бы умножились съ возрастаніемъ запроса на искусственныя произведенія, а соревнованіе поощрило бы ихъ усершенствованіе, которое возвышается наровнѣ съ благосостояніемъ народа, ибо нужды на предметы довольства жизни и роскоши безпрестанны. Капиталы, застоявшіеся въ Англіи, завѣренные въ несомнѣнности прибытка на многіе годы впередъ, полились бы въ Россію, ибо въ семъ новомъ переработанномъ мірѣ они выгоднѣе могли быть употреблены, чѣмъ въ Остъ-Индіи или Америкѣ. Устраненіе или по крайней мѣрѣ ограниченіе запретительной системы и устройство путей сообщенія не тамъ, гдѣ легче, какъ было прежде, а тамъ, гдѣ необходимѣе *), равно какъ заведеніе казеннаго купеческаго

*) Зачѣмъ напр. существуетъ Сѣверный каналъ, по которому въ годъ плыветъ по двѣ лодки? Зачѣмъ преднамѣренъ Кубинскій? Чѣмъ намъ торговать съ полюсомъ? Для чего начатъ Сестринскій? Ибо удобовозимые гужомъ предметы роскоши, изъ Петербурга въ Москву посылаемые, не есть главная необходимость жизни.

флота, дабы не платить чужеземцамъ дорогого фрахта за свои произведенія и обратить транзитную торговлю въ русскія руки, дало бы цвѣсти торговлѣ, сей, такъ сказать, мышцѣ силы государственной. Финансы же поправить уменьшеніемъ въ треть арміи и вообще всѣхъ платныхъ и ненужныхъ чиновниковъ. Что же касается до внѣшней политики, то дѣйствовать открыто, жить со всѣми въ мирѣ, не мѣшаясь въ чужія дѣла и не позволяя вступаться въ свои, не слушать толковъ, не бояться угрозъ, ибо Россія самобытна и можетъ обойтись на случай разрыва безъ пособія посторонняго. Въ ней заключается цѣлый міръ; да и торговыя выгоды другихъ націй никогда не допустили бы ее въ чемъ-либо нуждаться. Я умалчиваю о прочемъ, уже извѣстномъ Вашему Величеству или изъ конституціи Никиты Муравьева, которая однако же была не что иное, какъ опытъ, или изъ показаній прочихъ членовъ.

Что же касается собственно, до меня, то бывъ на словахъ ультра-либераломъ, дабы выиграть довѣріе товарищей, я внутренно склонялся къ Монархіи, аристократіею умѣренной. Желая блага отечеству, признаюсь, не былъ я чуждъ честолюбія. И вотъ почему соглашался я на мнѣніе Батенкова, что хорошо бы было возвести на престолъ Александра Николаевича *). Льстя мнѣ, Батенковъ говорилъ, что какъ историческій дворянинъ и человѣкъ, участвовавшій въ переворотѣ, я могу надѣяться попасть въ правительную аристократію, которая при малолѣтнемъ Царѣ произведетъ постепенное освобожденіе Россіи. Но какъ мы оба видѣли препятствіе въ особѣ Вашего Величества — истребить же Васъ, Государь, по чести никогда не входило мнѣ въ голову, то въ рѣшительныя минуты обратился я мыслію къ Государю Цесаревичу, считая это легчайшимъ средствомъ къ примиренію всѣхъ партій и дѣломъ, болѣе ласкавшимъ мое самолюбіе, ибо я считалъ себя не хуже Орловыхъ, временъ Екатерины. Въ пренія думы почти не вступался, ибо зналъ, что дѣло сильнѣе пустыхъ споровъ, и признаюсь Вашему Величеству, что если бы присоединился къ намъ Измайловскій полкъ, я бы принялъ команду и рѣшился на попытку атаки, которой въ головѣ моей вертѣлся уже и планъ. Впрочемъ если-бъ не роковое 14 число, я бы присталъ къ совѣту Батенкова (человѣка изо всѣхъ насъ съ здравѣйшею головою), чтобы идти впередъ и, ставъ на важныя мѣста въ правленіи, по немногу производить

*) Я не помню, упоминалъ ли о семъ въ показаніяхъ Комитету, ибо считая себя виновнымъ безъ числа, не прибѣгалъ къ частнымъ извиненіямъ.

перемѣну или властію, заимствованною отъ Престола, или своими мнѣніями, въ другихъ вперенными. Мы уже и хотѣли это сдѣлать въ отношеніи къ Государю Цесаревичу, разговаривая о семъ предметѣ у Его Королевскаго Высочества, герцога Виртембергскаго.

Да будетъ еще, Ваше Императорское Величество, доказательствомъ уваженія, которое имѣю къ великодушію Вашему, признаніе въ томъ понятіи, что мы имѣли о личномъ характерѣ Вашемъ прежде. Намъ извѣстны были дарованія, коими наградила Васъ природа; мы знали, что Вы, Государь, занимаетесь дѣлами правленія и много читаете. Видно было и по Измайловскому полку, что солдатство, въ которомъ Васъ укоряли, было только дань политикѣ. При томъ же занятія дивизіи, Вамъ ввѣренной, на маневрахъ настоящимъ солдатскимъ дѣломъ доказывали противное. Но анекдоты, носившіеся о суровости Вашего Величества, устрашали многихъ, а въ томъ числѣ и насъ. Признаюсь, я не разъ говорилъ, что Императоръ Николай съ его умомъ и суровостью будетъ деспотомъ, тѣмъ опаснѣйшимъ, что его проницательность грозитъ гоненіемъ всѣмъ умнымъ и благонамѣреннымъ людямъ; что Онъ, будучи самъ просвѣщенъ, нанесетъ мѣткіе удары просвѣщенію; что участь наша рѣшена съ минуты Его восшествія, а потому намъ все равно гибнуть сегодня, или завтра.

Но опытъ открылъ мнѣ мое заблужденіе, раскаяніе омыло душу, и мнѣ отрадно теперь вѣрить благости путей Провидѣнія . . . Я не сомнѣваюсь по нѣкоторымъ признакамъ, проникнувшимъ въ темницу мою, что Ваше Императорское Величество посланы Имъ залѣчить бѣды Россіи, успокоить, направить на благо броженіе умовъ и возвеличить отечество. Я увѣренъ, что Небо даровало въ Васъ другаго Петра Великаго . . . болѣе чѣмъ Петра, ибо въ нашъ вѣкъ и съ Вашими способностями, Государь, быть имъ—мало. Эта мысль порой смягчаетъ мои страданія за себя и за братьевъ; и мольбы о счастіи отечества, неразлучномъ съ прямою славою Вашего Величества, летятъ къ престолу Всевышняго.

Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшій слуга

Александръ Бестужевъ.

Безъ даты.

Письмо Батенкова было сухое и носило на себѣ скорѣе характеръ изложенія практической программы осуществленія нужныхъ Россіи реформъ. Характеромъ политико-экономическимъ съ изложеніемъ важнѣйшихъ историко-юридическихъ моментовъ изъ жизни нашего отечества отмѣчено письмо бар. В. Штейнгеля отъ 11 января 1826 г., гдѣ въ заключеніе онъ говорилъ:

„Всемилостивѣйшій Государь! Сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества или вѣдавшихъ про оное, сколь бы многихъ по сему преслѣдованію ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувствованія. Россія такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ уже газеты, а въ газетахъ пишутъ, что говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль: почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности? родится въ головѣ каждаго? Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія: ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные и образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ Гвардіи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей? Кто изъ молодыхъ людей, нѣсколько образованныхъ, не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышащими свободою, кто не сетировалъ басни Дениса Давыдова: Голова и ноги? Можетъ быть, въ числѣ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе окружать Особу Вашу, есть таковые. О, Государь! Чтобъ истребить корень свободомыслія, нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе. Но если сіе невозможно, то остается одно—препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными, явными пріемами къ будущему благоденствію Государя.

Въ семъ отношеніи дозвольте обратить Высочайшее вниманіе Вашего Величества на два коренные устава Россіи, кои производятъ не примѣтный, но дѣйствительный вредъ: Табель о рангахъ и Городовое Положеніе. По первой быстро умножается классъ личнаго, безпомѣстнаго дворянства, подобнаго Польской шляхтѣ, которое, всякій трудъ и ремесло считая низкимъ, живетъ, различными изворотами и вообще составляетъ родъ людей, который при переворотахъ можетъ надѣяться что-нибудь выиграть, а потерять ничего не можетъ. Недавно въ Москвѣ одинъ такой чиновникъ посаженъ былъ во временную тюрьму по взысканію

за повышеніе чина! По Городовому Положенію собственно гражданами нашихъ городовъ почитаются однѣ купцы и мѣщане, съ такою притомъ особенностью въ отношеніи къ первымъ, какой едва ли есть что-либо подобное въ другихъ государствахъ; а именно тою, что права, облагораживающія особу гражданина, даны не лицу, а капиталу. Отъ этого происходитъ двоякое слѣдствіе: богатый, честный купецъ невинно разорился; потеря богатства есть само по себѣ несчастіе великое, но законъ вмѣсто утѣшенія угнетаетъ его паче отнятіемъ самыхъ правъ, отличавшихъ его отъ низкаго класса. Съ другой стороны, будь гражданинъ Сократъ добродѣтелью, и онъ подверженъ всѣмъ тягостямъ низкаго званія, если не богатъ; будь напротивъ заявленный въ безчестныхъ правилахъ, и объявя капиталъ, онъ получаетъ права, равняющія его дворянину самымъ пріѣздомъ ко двору. По истинѣ гибельный соблазнъ для гражданской добродѣтели; а безъ нея никакое государство не можетъ быть истинно благополучнымъ.

Государь! Вы воспріяли скипетръ Россіи въ самыхъ затруднительнѣйшихъ обстоятельствахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ сколько предстоитъ Вамъ предметовъ на пути къ истинной неувядаемой славѣ, къ немерцающему безсмертію! Воскресите для Россіи въ Особѣ Своей благодушнаго Генриха IV, котораго желаніе видѣть въ воскресный день курицу въ супѣ каждаго крестьянина, пребудетъ прочнѣйшимъ памятникомъ въ сердцахъ позднѣйшаго королевства. Великій Генрихъ принялъ Францію въ бѣдственнѣйшемъ положеніи, но пожелалъ видѣть ее счастливую, избралъ честнаго Сюлли—и въ десять лѣтъ все измѣнило видъ свой. Вамъ подобно предстоитъ даровать духовенству нравственное образованіе, подкрѣпить упавшимъ и 24-лѣтнимъ займомъ въ конецъ разоряемое дворянство, воскресить коммерцію и промышленность незыблемыми уставами, водворить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства, преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ просвѣщеннымъ государствамъ, дать другое постепенное для всѣхъ состояній просвѣщеніе юношеству, улучшить состояніе землевладѣльцевъ, уничтожить уничижительную для націи продажу людей—о легкомъ къ тому средствѣ я имѣлъ счастіе представлять покойному Государю, — восресить флотъ, поощрить къ мореплаванію честныхъ людей, къ чему призываютъ Гаити и Америка; но мнѣ ли исчислить всѣ тѣ отрасли Государственнаго блага, которыя отъ Васъ должны произрасти, процвѣсть и дать плодъ!

Августѣйшій Монархъ! въ послѣднемъ порывѣ любви къ отечеству — дерзнулъ я, не желая уподобиться евангельскому рабу, сокрывшему талантъ свой въ землю, представить Вашему Величеству все то, что мнѣ, по бытности моей при дѣлахъ и по обращенію въ среднемъ состояніи, извѣстно относительно настоящаго положенія Россіи, которую я имѣлъ случай видѣть отъ Камчатки до Польши, отъ Петербурга до Астрахани. Я исполнилъ сіе, сколько то растерзанное горестью сердце и необходимость писать прямо на-бѣло мнѣ позволили. Имѣвъ счастіе прочитать благость во взорахъ Вашихъ, я скорблю объ одномъ, что Вы, Государь, не сердцевидецъ. О, если бы Вы изволили видѣть, какими чувствами, исполнена душа моя — можетъ быть, удостоили бы меня Вашимъ состраданіемъ!.. Но да совершится воля Неисповѣдимаго въ путяхъ своихъ Провидѣнія! Съ благоговѣніемъ повергаюсь къ освященнымъ стопамъ Вашимъ.

Всемилостивѣйшій Государь!
Вашего Императорскаго Величества,
вѣрноподданный
баронъ *Владиміръ Ивановъ* сынъ *Штейнгейль.*

Отставной подполковникъ, заключенный въ Петропавловской крѣпости".

Генваря 11 дня,
1826 г.

Описавъ недостатки „гражданскаго состоянія Россіи" и отмѣтивъ главнѣйшія, по его мнѣнію, необходимыя здѣсь реформы, Якубовъ въ заключеніи писалъ:

„Описуя гражданское состояніе Россіи, не упреки я дѣлаю властямъ, но указую источникъ настоящихъ золъ и тѣхъ, которыя грозятъ въ дали будущаго. Государь! Ветхое зданіе государственнаго управленія требуетъ важныхъ измѣненій. Имперія, съ небольшимъ сто лѣтъ вышедшая изъ мрака грубаго невѣжества, всякіе четверть вѣка совершенно измѣняется въ образованности идей, и нравственныхъ потребностяхъ. — Облегчите и обезпечьте состояніе хлѣбопашца. Сравняйте преимуществами Вашихъ воиновъ, уменьшивъ срокъ службы, рѣшительными законами и строгимъ ихъ исполненіемъ введите каждаго въ его обязанности, распространите свѣтъ наукъ и просвѣщенія, дайте ходъ торговой дѣятельности, ободрите Вашимъ благоволѣніемъ

робкую добродѣтель, и недовольные, или карбонаріи, исчезнутъ, какъ тьма предъ лицемъ солнца. Вы будете благодѣтельный спаситель отечества отъ многихъ бѣдствій, и любовь благодарныхъ пятидесяти двухъ милліоновъ Вашихъ подданныхъ, будетъ только преддверіемъ безсмертной Вашей славы.

Вашего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Александръ *Якубовичъ*.

1826 года, 28 Декабря.
Петропавловской крѣпости.
Казематъ № 3.

Этимъ болѣе или менѣе исчерпывается все характерное, имѣющее принципіальный политическій характеръ, что относится до корреспонденціи, направлявшейся изъ Петропавловской крѣпости въ Зимній дворецъ, въ періодъ съ момента ареста декабристовъ до суда надъ ними. Эти письма, писанныя на слово Государю, не послужили, однако, документами, пошедшими на пользу авторовъ и не облегчили ихъ участи, какъ ровно и не послужили побудительною причиною къ какимъ-либо реформаторскимъ начинаніямъ со стороны того, кому они съ такимъ довѣріемъ и съ такими преувеличенными ожиданіями были посланы.

Каково же было душевное состояніе и самочувствіе двухъ главнѣйшихъ дѣятелей обоихъ тайныхъ обществъ—сѣвернаго и и южнаго? Что извѣстно намъ о послѣднихъ дняхъ жизни Рылѣева и Пестеля, явившихся наканунѣ активнаго выступленія заговорщиковъ вождями и вдохновителями обществъ?

Если обширное показаніе слѣдственной комиссіи, данное К. Рылѣевымъ *) не со всѣмъ говоритъ въ его пользу, какъ заговорщика и политическаго дѣятеля, то необыкновенной теплотой вѣетъ отъ воспоминаній о его пребываніи въ крѣпости, сообщаемыхъ Кн. Оболенскимъ. Вотъ что повѣтствуетъ послѣдній **): „15-го декабря я былъ уже въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Послѣ долгаго томительнаго дня, наконецъ, остался одинъ. Это первое отрадное чувство, которое я испыталъ въ этотъ долгій, мучительный день. К. Рылѣевъ былъ тамъ-же, но я этого не зналъ. Моя комната была отдалена отъ всѣхъ прочихъ номеровъ; ее называли офицерскою. Особый часовой стоялъ на стражѣ у моихъ

*) „Изъ писемъ и показаній декабристовъ“.
**) „Общественное движеніе въ Россіи въ первую половину XIX вѣка“.

дверей. Нѣмая прислуга, нѣмые приставники, все покрывалось мракомъ неизвѣстности. Но изъ вопросовъ комиссіи я долженъ былъ убѣдиться, что и Рылѣевъ раздѣляетъ общую участь. Первая вѣсть мною отъ него получена была 21-го января, при чтеніи этихъ немногихъ строкъ радость моя была неизъяснима. Теплая душа Рылѣева не переставала любить горячо, искренно; много отрады было въ этомъ чувствѣ. Я не могъ отвѣчать ему; я не имѣлъ искусства уберечь перо, чернила и бумагу, послѣдняя всегда была номерована; перо, чернильница—въ одномъ экземплярѣ; ни посудки для чернилъ, ни мѣста куда бы спрятать; все такъ было открыто въ моей комнатѣ, это я не находилъ возможности спрятать что-нибудь.

„Что скажу я о дняхъ, проведенныхъ въ заключеніи, подъ гнетомъ воспоминаній еще свѣжихъ, страстей, еще не утихшихъ, вопросовъ комиссіи, непрестанно возобновляемыхъ, опасеній за близкихъ сердцу, страха однимъ лишь словомъ въ отвѣтѣ не прибавить лишняго горя тому, до кого коснется слово? Все это было въ первый періодъ заключенія. Постепенно вопросы сдѣлались рѣже, личный вызовъ въ комиссію прекратился, тишина водворилась постепенно въ душѣ; новый свѣтъ проникалъ въ нее, озарялъ ее въ самыхъ ея изгибахъ, гдѣ хранится тотъ итогъ жизни мыслящей, чувствующей, дѣйствующей, который составился со дней немыслящей юности до времени мыслящаго мужа. Съ чѣмъ сравню этотъ свѣтъ и какъ достойно восхвалю его? Самый образъ его есть восходящее солнце, которое, восходя изъ невидимой глубины небесной, освѣщаетъ сначала верхи горъ и едва замѣтными лучами касается долины; постепенно возвышаясь, лучи его постепенно дѣлаются ярче, постепенно ими освѣщаются и всѣ горы, и ярче, и теплѣе освѣщаются долины, гдѣ растенія нѣжныя и постепенно привыкаютъ къ его живительной теплотѣ, и открываютъ его лучамъ свои сомкнутыя чашечки, вдыхая въ себя его живительную силу. Такъ и свѣтъ Евангельской истины освѣтилъ сначала тѣ черты жизни и характера, которыя рѣзко обозначались въ глубинѣ самопознанія. Постепенно проникая далѣе, свѣтъ Евангельскій, лучами живительными, лучами теплыми любви вѣчной, полной, совершенно озарялъ, согрѣвалъ, оживлялъ все то, что въ сознаніи способно было принять его свѣтъ, вдохнуть въ себя его теплоту, раскрыться для принятія его живительной теплоты, его живительной силы. Такимъ образомъ протекали дни за днями, недѣли за недѣлями. Открылась весна, наступило начало лѣта, и намъ узникамъ,

позволено было пользоваться воздухомъ въ маломъ саду, устроенномъ внутри Алексѣевскаго равелина. Часы прогулки распредѣлялись поровну на всѣхъ узниковъ: ихъ было много, и потому не всякій день каждый пользовался этими удовольствіями. Однажды добрый нашъ сторожъ приноситъ два кленовыхъ листа и осторожно кладетъ ихъ въ глубину комнаты, въ дальній уголъ, куда не проникалъ глазъ часового. Онъ уходитъ — я спѣшу къ завѣтному углу, поднимаю листы и читаю:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ;
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крилѣ ми голубинѣ?
И полещу и почію.
Весь міръ, какъ смрадная могила:
Душа отъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила!
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ!
Приникни на мое моленье
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье,
И духъ отъ тѣла разрѣши!

Кто пойметъ сочувствіе души, то невидимое соприкосновеніе, которое внезапно объемлетъ душу, когда нѣчто родное, близко коснется ея, тотъ пойметъ и то, что я почувствовалъ при чтеніи этихъ строкъ Рылѣева! То, что мыслилъ, чувствовалъ Рылѣевъ, сдѣлалось моимъ, моимъ; его болѣзнь сдѣлалась моею, его уныніе усвоилось мнѣ, его вопіющій голосъ вполнѣ отразился въ моей душѣ! Къ кому же могъ я обратиться съ новою моею скорбію, какъ не къ тому, къ которому давно уже обращались всѣ мои чувства, всѣ тайныя помыслы моей души? Я молился, и кто можетъ изяснить тайну молитвы? Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: цвѣтокъ, раскрывшій свою чашечку лучамъ солнечнымъ, едва вопьетъ ихъ въ себя, какъ издаетъ благоуханіе, которое слышно всѣмъ, приблизившимся къ цвѣтку. Неужели это благоуханіе, издаваемое цвѣткомъ, не впивается и лучемъ, которымъ оно было вызвано? Но если оно впивается лучемъ, то или-же возносится къ источнику, отъ кого получило начало! Такъ, уподобляя видимое невидимому — сила любви вѣчной, коснувшись души, вызываютъ молитву, какъ благоуханіе, возносимое тому, отъ кого получило начало! Кончилась молитва. У меня была толстая игла и нѣсколько клочковъ сѣрой оберточной бумаги. Я накалывалъ долго, въ возможно сжатой рѣчи все то, что просилось подъ непокорное орудіе моего письма, и, потрудившись около двухъ дней, успокоился

душой и передалъ свою записку тому же доброму сторожу. Отвѣтъ не замедлилъ. Вотъ онъ: „Любезный другъ! Какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! — Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ Самъ Спаситель, котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я ему вчера молился со слезами. О, какая была эта молитва, какія были эти слезы и благодарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желанія за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку, словомъ за весь міръ! Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь? Скажи мнѣ: чужое оно или твое? Ежели эта рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое оно или твое, но оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества“. Радость моя была велика при полученіи этихъ драгоцѣнныхъ строкъ; но она была неполная, до полученія слѣдующихъ строкъ, писанныхъ также на кленовыхъ листахъ:

О, милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сердцу сладокъ:
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Ты правъ: Христосъ—спаситель нашъ одинъ,
И миръ, и истина, и благо наше.
Блаженъ, въ комъ духъ надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ, онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ
По треволненію мірскому.
Для цѣли мы высокой созданы:
Спасителю, сей Истины верховной,
Мы подчинить отъ всей души должны
И міръ вещественный, и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей,
Но онъ къ безсмертію стезя прямая;
И благовѣствуя, мой другъ, речетъ о ней
Сама намъ Истина святая:
„И плоть, и кровь преграды вамъ поставитъ,
„Васъ будутъ гнать и предавать,
„Торжественно васъ будутъ убивать;
„Но тщетный страхъ не долженъ васъ тревожить,
„И страшны ль тѣ, кто властенъ жизнь отнять,
„Но этимъ зла вамъ причинить не сможетъ?
„Счастливъ, кого Отецъ мой изберетъ,
„Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
„Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ
„Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ“.
Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И какъ орелъ на небо рвусь душой
Но плотью увлекаюсь долу.

Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Передъ кончиною, подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Увидитъ край обѣтованный.

Это была послѣдняя лебединая пѣснь Рылѣева. Съ того времени онъ замолкъ и кленовыя листья не являлись уже въ завѣтномъ углу моей комнаты" *). Такимъ образомъ, если одни изъ декабристовъ, вѣруя еще въ возможность своего помилованія или, по крайней мѣрѣ, дарованія имъ жизни, продолжали сосредоточивать помыслы на вопросахъ политическихъ, то другіе, какъ Рылѣевъ и Оболенскій, удрученные постигшимъ ихъ горемъ, предались цѣликомъ религіозному вдохновенію съ мистическимъ на немъ налетомъ. Близкое къ такому же состоянію видимъ мы и настроеніе у Пестеля—настроеніе примиренное, съ горечью къ прошлому и съ покорность волѣ Божіей. Это особенно рельефно сказалось въ его письмѣ къ родителямъ отъ 1 Мая 1825 г. Авторъ „Русской правды" писалъ **).

„Какое счастіе было для меня, когда я увидѣлъ еще нѣсколько строкъ, начертанныхъ вашею рукою, моя добрая, моя обожаемая мать, и когда я прочелъ въ нихъ, что вы посылаете мнѣ ваше благословеніе, этотъ даръ, самый дорогой, самый неоцѣнимый для моего сердца. Богу извѣстно, мои добрые, мои дорогіе родители, до какой степени я любилъ васъ во всю мою жизнь, и какъ это чувство вполнѣ наполняло всю мою душу. Судите поэтому сами, каково мое отчаяніе, когда я думаю объ огорченіи, которое причиняю вамъ теперь. Вашъ образъ не покидаетъ меня ни ночью ни на одну минуту, и я не могу выразить вамъ весь ужасъ, все терзаніе, которыя чувствую при мысли, что я навлекъ на васъ столько страданій. Благодарю васъ милліонъ разъ за ваше благословеніе. Это сладостный бальзамъ для моего сердца. Это истинное утѣшеніе, это истинное счастье для меня. Тысячу и тысячу разъ благодарю васъ.

„Настоящая моя исторія заключается въ двухъ словахъ: я страстно любилъ мое отечество, я желалъ его счастья съ энтузіазмомъ, я искалъ этого счастья въ замыслахъ, которые побудили меня нарушить мое призваніе и ввергли меня въ ту бездну,

*) Въ печати имѣется еще письмо, посланное Рылѣевымъ за нѣсколько часовъ до казни къ женѣ, гдѣ онъ нѣжно прощается съ нею, съ дочерью, близкими и высказываетъ тѣ-же религіозныя чувства, что и въ сношеніяхъ съ Оболенскимъ, но Герценъ, со словъ жены Рылѣева, отрицаетъ подлинность этого письма.

**) Н. Павловъ—Сильванскій. „Декабристъ Пестель предъ верховнымъ уголовнымъ судомъ".

гдѣ нахожусь теперь. Мнѣ слѣдовало ранѣе понять, что должно полагаться на провидѣніе, а не стремиться участвовать въ томъ, что не составляетъ положительной обязанности того положенія, въ которое насъ Богъ поставилъ, и не стремиться выйти изъ своего круга. Я это чувствовалъ еще въ 1825 году, но уже было поздно! Однакожъ, ежели сѣтованіе, скорбь, раскаяніе и гордость могутъ что-нибудь загладить, то ласкаюсь надеждою, что я загладилъ свои заблужденія. Не знаю, какова будетъ моя участь; ежели смерть, то приму ее съ радостью, съ наслажденіемъ: я утомленъ жизнію, утомленъ существованіемъ. Но когда подумаю о васъ, мои дорогіе, мои добрые родители, то желалъ бы, чтобы Государь меня помиловалъ для того, чтобы я могъ вамъ всю мою жизнь и попеченіями своими доказать вамъ всю искренность моихъ чувствъ. Можетъ быть, я могъ бы исправить прошедшее. Во всякомъ случаѣ, любезные родители, вы будете моею послѣднею, какъ были всегда, моею постоянною мыслію, и послѣдній мой вздохъ будетъ вздохъ любви къ вамъ. Я никогда никого не ненавидѣлъ, никогда не былъ ожесточенъ противъ никого. Сердце мое, поистинѣ, нисколько не участвовало въ томъ, что творила голова, и я могу навѣрное сказать, что когда бы настала минута дѣйствовать, то сердце остановило бы голову. Къ счастію, я не могу упрекать себя участіемъ въ какомъ-либо настоящемъ дѣйствіи.

„Вы знаете, возлюбленные родители, какъ искренно я вамъ всегда говорилъ о своихъ религіозныхъ чувствахъ. Вы знаете, что я всегда вполнѣ вѣрилъ въ Бога, Создателя нашего, но что вѣра моя въ Іисуса Христа была слабѣе. Радуйтесь же теперь со мною! Я обрѣлъ и сіе убѣжденіе, и вѣра въ нашего Спасителя составляетъ теперь мое счастье и мое утѣшеніе. Я вижу жизнь въ другомъ видѣ, и смерть содержитъ для меня восхитительныя надежды. Могъ ли я довольно дорого заплатить за это счастье? Дай Богъ, чтобы мои братья были счастливы и во всѣхъ отношеніяхъ благополучно прошли все поприще своей жизни. Богъ да благословитъ дорогую добрую Софи. Я очень безпокоюсь о бѣдномъ Александрѣ: какъ можетъ онъ существовать и служить, не имѣя копейки для своего содержанія? Да умилосердится Богъ надъ нимъ!

„Что касается до васъ, мои добрые родители, умоляю васъ: умѣрьте ваше огорченіе обо мнѣ. Ежели я не могъ составить ваше счастіе, то у васъ есть другія дѣти, которыя, конечно, постараются исполнить это. Я васъ такъ люблю, что желалъ

бы, чтобы вы могли совершенно забыть меня: такъ какъ я получилъ ваше благословеніе, то мнѣ болѣе ничего не нужно. Ежели Богу угодно будетъ, чтобы Государь помиловалъ меня, то все сдѣлаю, чтобы загладить прошедшее. Въ противномъ случаѣ перенесу мою участь безъ жалобы и безъ ропота. Я даже смерть почту за счастіе въ сравненіи всякаго заключенія. Да будетъ воля Божія! Я чрезвычайно благодаренъ Государю за то, что онъ позволилъ мнѣ имѣть счастіе читать ваше письмо, не смотря на страшно грустное его содержаніе. Это уже благодѣяніе съ его стороны. Богъ, въ своемъ безконечномъ милосердіи, да даруетъ вамъ, мои дорогіе и добрые родители, хорошее и крѣпкое здоровье, скорое и совершенное выздоровленіе. Да превратитъ Онъ ваше положеніе, удрученное заботами и затрудненіями, въ спокойное благосостояніе! Да даруетъ Онъ вамъ долгую жизнь и многія лѣта и да исполнитъ ихъ счастіемъ, удовольствіемъ и благоденствіемъ всякаго рода! Однимъ словомъ, да услышитъ Онъ горячія мольбы, которыя безпрестанно возсылаетъ Ему за васъ, мои драгоцѣнные родители, вашъ покорный и нѣжный сынъ Павелъ *).

Приписка къ сестрѣ.

Тысячу разъ благодарю тебя, дорогая Софи, за тѣ строки, которыя ты прибавила къ письму нашей матери. Я чрезвычайно растроганъ нѣжнымъ твоимъ участіемъ и твоею дружбою ко мнѣ. Будь увѣрена, мой добрый другъ, что никогда сестра не могла быть нѣжнѣе любима, какъ ты любима мной. Продолжай, дорогая Софи, быть радостью и утѣшеніемъ нашихъ бѣдныхъ и несчастныхъ родителей, и Богъ, конечно, благословитъ тебя въ этой жизни и въ будущей. Я тоже и за тебя возсылаю къ Нему горячія молитвы и никогда не перестану тебя любить отъ всего сердца. Прощай моя дорогая, моя добрая Софи.

Твой нѣжный братъ и искренній другъ Павелъ.

Декабристамъ удалось установить связь между казематами и жизнью столицы за стѣнами Петропавловской крѣпости и такимъ образомъ русское общество имѣло болѣе или менѣе точ-

*) Вслѣдствіе этого письма, императоръ Николай велѣлъ предложить Александру Ивановичу Пестелю перейти въ кавалегардскій полкъ, чтобы служить вмѣстѣ съ своимъ братомъ Владиміромъ Ивановичемъ, и назначить ему 3 т. р. ассигн. ежегоднаго вспомоществованія.

ныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ мрачномъ помѣщеніи видныхъ представителей этого общества. Масса родныхъ, родственниковъ, знакомыхъ съ напряженнымъ чувствомъ ожидали рѣшенія ихъ участи, и не одна горячая молитва о ихъ спасеніи и благополучіи возносилась въ тѣ дни скорби и горести къ престолу Всевышняго. Весь вопросъ заключался главнымъ образомъ въ томъ, какое направленіе и оборотъ примутъ разслѣдованія комитета и какъ скоро ему удастся придти къ опредѣленнымъ заключеніямъ. А тутъ дѣло двигалось медленно и по пути разслѣдованія все возникали новые тревожные вопросы, находившіе себѣ иногда инціативу со стороны невѣдомыхъ стороннихъ корреспондентовъ. Такъ, въ комитетъ поступали анонимныя письма, на основаніи которыхъ рождались подозрѣнія, что подавленный 14 декабря заговоръ имѣлъ близкое касательство и къ лицамъ высшихъ государственныхъ установленій. По сему предмету у Н. Шильдера встрѣчаемъ указаніе *), что „хотя вопросъ о напрасно подозрѣваемыхъ сановникахъ былъ рѣшенъ для нихъ въ благопріятномъ смыслѣ, но не такъ смотрѣли на дѣло люди, горѣвшіе пламеннымъ усердіемъ исполнить святую обязанность, сыну церкви и вѣрному поданному приличную", руководящіеся „коренными русскими правилами (вопреки пагубной модѣ) все относящееся къ трону почитать священнымъ, не разсуждая о послѣдствіяхъ". Какъ и слѣдовало ожидать, къ Государю посыпались безымянные доносы, письма; его предостерегали, что онъ окруженъ выдающимися вожаками „якобинской партіи". Показанія самихъ декабристовъ втягивали въ слѣдственный матеріалъ также массу постороннихъ дѣлу лицъ, какъ равно набрасывали таинственную тѣнь на сношенія заговорщиковъ съ иностранными правительствами и заграничными революціонными дѣятелями. Благодаря всѣмъ этимъ навѣтамъ, доносамъ и измышленіямъ, причастными къ дѣлу 14 декабря оказывались Сперанскій, Мордвиновъ, Киселевъ, Богатовъ, сенаторы Муравьевъ-Апостолъ, Барановъ, Столыпинъ, кн. Голицынъ и даже знаменитый Закревскій. Конечно, въ концѣ концовъ всѣ эти имена отпали отъ дѣла и непричастность ихъ оставалась внѣ сомнѣнія, но возня съ этимъ ненужнымъ слѣдственнымъ матеріаломъ задерживала ходъ дознанія и замедляла темпъ движенія самаго „дѣла".

А Николай Павловичъ торопилъ комитетъ и требовалъ скорѣйшаго представленія себѣ донесенія; съ его волею нельзя было

*) „Императоръ Николай первый. Его жизнь и царствованіе". Н. Шильдера, т. I.

шутить и надо было торопиться ея выполненіемъ. Поэтому, хотя матеріалъ, добытый слѣдствіемъ, далеко не былъ разработанъ, не приведенъ въ должную юридическую ясность и не подтвержденъ непреложными фактами, однако-же къ 30 мая 1826 г. Государю былъ представленъ требуемый докладъ, составленный Блудовымъ, откомандированнымъ въ комитетъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ для составленія „журнальной статьи о ходѣ и замыслахъ тайныхъ обществъ въ Россіи", благодаря чему этотъ важный докладъ, отъ котораго зависѣла жизнь столькихъ людей, являлся не строго обоснованнымъ безпристрастнымъ юридическимъ документомъ, а скорѣе бойко написанною картиною, гдѣ авторъ произвольно, для полученія тѣхъ или иныхъ эффектовъ, сливалъ краски, накладывалъ нужныя ему тѣни и смѣшивалъ обобщенія и выводы историческаго характера съ единичными и конкретными эпизодами изъ недавней отечественной дѣйствительности. Характеризуя этотъ докладъ, Н. Шильдеръ говоритъ: „происхожденіе его, безспорно, нѣсколько случайное, и это обстоятельство должно было отразиться на его содержаніи и внутреннемъ достоинствѣ. Бывшій статсъ-секретарь Императрицы Екатерины II, Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, въ своемъ дневникѣ называетъ трудъ Д. Н. Блудова—*романическимъ*. Въ этомъ отзывѣ отразился вполнѣ трезвый взглядъ государственнаго дѣятеля екатерининской эпохи, который сразу проникъ въ существо самаго дѣла, указавъ однимъ словомъ на слабыя его стороны".

По представленіи доклада, 1 іюня послѣдовалъ указъ о назначеніи надъ арестованными верховнаго уголовнаго суда, составленнаго изъ трехъ государственныхъ сословій: государственнаго совѣта, сената и синода, съ присоединеніемъ сюда нѣсколькихъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Хотя Государь въ манифестѣ объ этомъ судѣ и требовалъ отъ судей „справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колебимой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной", но въ сущности судьба подсудимыхъ была имъ въ главныхъ чертахъ предрѣшена, что усматривается изъ его письма отъ 6 іюня къ цесаревичу, гдѣ онъ говоритъ: „Въ четвергъ (3 іюня) начался судъ со всей приличествующей обрядностью; засѣданія не прерываются съ десяти часовъ утра до трехъ пополудни; при всемъ томъ я не знаю еще, къ какому приблизительно дню это можетъ быть кончено. Затѣмъ наступитъ казнь, ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія. Я предполагаю приказать произвести ее на эспланадѣ крѣпости".

Предсѣдателемъ суда былъ назначенъ кн. Лопухинъ, а на случай его болѣзни его замѣстителемъ—кн. Куракинъ. Министръ юстиціи кн. Лобановъ-Ростовскій былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ, 9 іюля, судъ сдѣлалъ постановленіе, подписалъ докладъ на Высочайшее имя и представилъ его на конфирмацію Государю. Судъ и произнесеніе приговора осужденнымъ послѣдовали, согласно описанію Н. Шильдера, въ слѣдующемъ порядкѣ.

Первое засѣданіе суда состоялось 3 іюля, которое открылось чтеніемъ манифеста и указа сенату; затѣмъ были прочитаны историческій очеркъ дѣла, имена и чины участниковъ заговора. Въ теченіе послѣдующихъ пяти засѣданій состоялось чтеніе „показаній" обвиняемыхъ, причемъ судъ *не* призналъ возможнымъ ихъ допрашивать лично, а рѣшилъ лишь избрать ревизіонную комиссію, возложивъ на нее „произвести положенное законами удостовѣреніе въ слѣдствіи, учиненномъ надъ государственными злоумышленниками". Процессъ ревизіи былъ чисто формальный каждому обвиняемому было предложено лишь отвѣтить на вопросы: 1) его-ли рукою подписаны показанія въ слѣдственной комиссіи имъ данныя? 2) добровольно-ли подписаны показанія? и 3) были-ли ему даны очныя ставки? Для отвѣта на всѣ эти вопросы заранѣе были приготовлены утвердительныя бланки, которыя только и оставалось подсудимымъ подписать, пребывая въ полномъ невѣдѣніи, что въ этомъ именно и заключается самое судбище. Когда всѣ подписи были отобраны и переданы изъ ревизіонной комиссіи въ судъ, то послѣдній избралъ новую комиссію для распредѣленія виновныхъ по разрядамъ. Въ эту комиссію были избраны отъ государственнаго совѣта—гр. П. А. Толстой, генер.-адъют. Васильчиковъ и Сперанскій; отъ сената—гр. Кутайсовъ, Барановъ и Энгель; изъ постороннихъ членовъ — сенаторъ московскихъ департаментовъ Кушниковъ, бар. Строгановъ и генер.-адъют. гр. Комаровскій. 28 іюля комиссія представила верховному суду свою работу, послѣ чего судъ избралъ трехъ членовъ для составленія всеподданнѣйшаго доклада, а именно: отъ Государственнаго Совѣта—Сперанскаго, отъ Сената—Козодоева, а изъ числа прочихъ лицъ—генералъ-адъютанта Бороздина. Докладъ этотъ, по обсужденіи его, былъ подписанъ и представленъ Николаю Павловичу. Согласно этому представленію было рѣшено: четвертовать пять человѣкъ, а именно: Пестеля, Рылѣева, Сергѣя Муравьева-Апостола, Михаила Бестужева-Рюмина и Каховскаго, 31 человѣка предать

смертной казни отсѣченіемъ головы, а остальныхъ послать въ вѣчную каторгу и подвергнуть инымъ наказаніямъ, соотвѣтственно степени ихъ вины.

Судьба сыграла надъ Сперанскимъ жестокую шутку: ему, завѣдомому конституціонолисту, пришлось дѣлать представленіе о жестокомъ наказаніи той молодежи, которая двинулась на вѣрную гибель по пути, до извѣстной степени имъ-же пріуготовленному!

Государь смягчилъ приговоръ верховнаго суда—четвертованіе для пятерыхъ было отмѣнено и замѣнено простою смертною казнью. Николай I формально выполнилъ обѣщаніе, данное Кановскому—не проливать крови виновныхъ: онъ пулю замѣнилъ веревкою... Остальнымъ была дарована жизнь, но каторга, тюрьма, крѣпость и ссылка оставались въ силѣ. Баронъ В. И. Штейнгель такъ описываетъ процедуру произнесенія приговора осужденнымъ*). „12 іюля Верховный Уголовный Судъ открылъ послѣднее засѣданіе свое въ Сенатѣ, рѣшившись предварительно не призывать осужденныхъ для объявленія сентенціи въ Сенатѣ, но самому поѣхать для этого въ крѣпость. Когда всѣ собрались, митрополитъ краткою рѣчью представилъ важность настоящаго дѣйствія, предложилъ испытать: „всѣ-ли чисты въ совѣсти своей?" потому что еще есть время обратиться къ милосердію монарха. По утвердительномъ отвѣтѣ, онъ сказалъ: „ну, такъ помолимся!" Встали, ознаменовались крестомъ и поѣхали процессіонально, длинною вереницею каретъ, въ крѣпость, въ сопровожденіи двухъ жандармскихъ эскадроновъ. Въ среднемъ салонѣ комендантскаго дома было уже все приготовлено къ открытію засѣданія. Въ глубинѣ комнаты—столы, накрытые красными сукнами, были разставлены покоями, внутри котораго поставленъ особый небольшой столъ для оберъ-секретаря, и пульнетъ—для министра юстиціи. Этимъ высшимъ блюстителемъ правосудія былъ тогда извѣстный горячкою, доходившею иногда до бѣшенства, кн. Дм. Ив. Лобановъ-Ростовскій... По открытіи засѣданія, изъ всѣхъ казематовъ вывели затворниковъ и провели чрезъ задній дворъ и заднее крыльцо въ домъ коменданта. Такое, для большей части разобщенныхъ узниковъ, свиданіе произвело самое сильное, радостное впечатлѣніе. Обнимались, цѣловались, какъ воскресшіе, спрашивая другъ друга: „что это значитъ?" Знавшіе объясняли, что будутъ объявлять сентенцію. „Какъ,

*) „Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I.

развѣ насъ судили?“ — „Уже судили“ былъ отвѣтъ. Но первое впечатлѣніе такъ преобладало, что этимъ никто такъ сильно не поразился. Всѣ видѣли по крайней мѣрѣ конецъ мучительному заточенію. Ведомыхъ на пораженіе размѣстили по комнатамъ, слѣдуя порядку разрядовъ. Потомъ начали вводить одними дверями въ присутствіе, и по прочтеніи сентенціи и конфирмаціи оберъ-секретаремъ, выпускали въ другія. Тутъ въ ближайшей комнатѣ стояли священникъ протоіерей Петръ Мысловскій, общій увѣщатель и духовникъ; съ нимъ лекарь и два цырульника съ препаратами кровопусканія. Ихъ человѣколюбивой помощи ни для кого не потребовалось; всѣ были выше понесеннаго удара. Во время прочтенія сентенціи, въ членахъ верховнаго суда не было замѣтно никакого состраданія, одно любопытство. Нѣкоторые съ искривленіемъ лорнетовымъ и вообще смотрѣли, какъ на звѣрей. Лунинъ, многихъ этихъ господъ знавшій близко, крутя усы, громко усмѣхнулся, когда прочли осужденіе на 20 лѣтъ въ каторжную работу. По объявленіи сентенціи всѣхъ развели уже по другимъ казематамъ.

„Въ ночь на 13-е число, на гласисѣ устроили висѣлицы и осужденныхъ моряковъ отправили въ Кронштадтъ. Въ 2 часа ночи въ крѣпости и около нея было уже полное движеніе. Всѣхъ узниковъ вывели на дворъ и размѣстили въ два каре, въ одно принадлежавшихъ къ гвардейскимъ полкамъ, въ другое прочихъ. Въ тоже время выводимые полки гвардіи строились вокругъ эспланады. Утро было мрачное, туманное. Разложены были костры огня около мѣстъ, назначенныхъ для каре. Въ 3 часа осужденныхъ вывели на экзекуцію. Во второмъ каре исполнили ее надъ всѣми вмѣстѣ; изъ перваго разводили къ полкамъ, кто къ которому принадлежалъ. Срывали эполеты и мундиры, бросили въ огонь. Такимъ образомъ оборваннымъ странно было видѣть между себя одного, оставшагося съ орденами. Это былъ полковникъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ. Помилованнаго государемъ забыли пощадить отъ вывода на экзекуцію. Когда второе каре уводили обратно въ крѣпость, раздался въ немъ хохотъ. Это послѣ приписали безчувственности, ожесточенію; ничего этого не было: предметъ смѣха былъ Якубовичъ въ высокой офицерской шляпѣ съ султаномъ, въ ботфортахъ и въ затрапезномъ коротенькомъ до колѣнъ халатѣ, выступающій съ комическою важностью. Пять жертвъ, съ которыми не допустили и передъ объявленіемъ сентенціи никому видѣться, провели по фронту войскъ съ надписями на груди „злодѣи, цареубійцы“.

Подъ висѣлицами съ ними простились и благословилъ ихъ напутствовавшій ихъ протоіерей Мысловскій".

О послѣднихъ минутахъ и подробностяхъ казни пятерыхъ декабристовъ сохранился интересный разсказъ полицейскаго чина свидѣтеля казни, командированнаго въ крѣпость по обязанностямъ полицейской службы въ мѣстѣ съ другими надзирателями. Вотъ, что сообщилъ этотъ свидѣтель допрашивавшему его лицу относительно подробностей ночи на 13 Іюля *).

„Насъ привели въ коридоръ казематовъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Сперва-то было ввели въ какую-то черную комнату, да сейчасъ же и вывели—повѣтствуетъ онъ. Какая это комната, не могу сказать. Былъ я тамъ недолго, да и замѣчать-то всего не было мочи. Не до того было; жутко, страшно было. Пожалуй, что ихъ судили и допрашивали въ этой комнатѣ.

Вывели насъ въ коридоръ; съ нами былъ полицмейстеръ Тихачевъ. Вслѣдъ за нами офицеръ привелъ двѣнадцать человѣкъ солдатъ Павловскаго полка, съ заряженными ружьями и со штыками. При исполненіи казни былъ одинъ только Павловскій полкъ. Другихъ полковъ солдатъ я не видѣлъ ни одного человѣка. Привели и двухъ палачей

Отворили двери казематовъ и позвали преступниковъ. Крикнули: пожалуйте, господа!

Они уже были готовы и вышли въ коридоръ. Руки и ноги ихъ были связаны такъ, что руки были опущены вдоль туловища, а ноги ихъ могли дѣлать самые маленькіе шаги.

— На нихъ не было кандаловъ?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Никакихъ кандаловъ не было. Я, какъ теперь, вотъ на нихъ смотрю. Только ремни. Ремнями были связаны и руки и ноги. Они протянули другъ другу руки и крѣпко пожали. Нѣкоторые поцѣловались. Рылѣевъ глазами и головой показалъ на небо.

— Что они тутъ? Говорили что нибудь?

— Нѣтъ, ничего не говорили, потому что и говорить нельзя было. Тутъ былъ, братецъ, ты мой, Тихачевъ, онъ бы не позволилъ много говорить.

— Ну, что же, они были блѣдны, встревожены?

— Удивительно, братецъ ты мой, нисколько! Совершенно спокойны. Вотъ какъ мы съ тобой говоримъ. Точно будто шли не на смерть, а выходили вотъ въ другую комнату закурить

---

*) „Историческій Вѣстникъ" 1904 г. № 1.

трубку. Кажется, какъ будто одинъ Каховскій былъ немного поблѣднѣе. Я думаю, ему трудно было умирать, потому что онъ не раскаялся такъ искренно и не исполнилъ, какъ другіе, какъ должно, христіанскаго обряда. Его тоже причастили, ну, да онъ не отъ сердца это все дѣлалъ, а какъ по приказанію.

Всѣ они удивительно были спокойны. Когда ихъ установили, мы пошли въ такомъ порядкѣ: впереди шелъ офицеръ Павловскаго полка, командиръ взвода, поручикъ Пильманъ, потомъ мы пятеро въ рядъ съ обнаженными шпагами. Мы были блѣднѣе преступниковъ и болѣе дрожали, такъ что можно было сказать скорѣе, что будутъ казнить насъ, а не ихъ. За нами шли въ рядъ же преступники. Позади ихъ двѣнадцать павловскихъ солдатъ и два палача. Тихачевъ шелъ въ сторонѣ и наблюдалъ за процессіею, а самъ не становился въ нее и опредѣленнаго мѣста не имѣлъ, какъ мы, напримѣръ.

Мы двигались впередъ медленно, едва переступая, потому что преступники со связанными ногами не могли почти итти.

Такимъ порядкомъ вышли мы на кронверкъ. Парка этого тогда небыло въ заводѣ, На мѣстѣ его былъ голый пустырь, и на немъ кой-гдѣ валялись нечистоты и разная дрянь. Кронверкъ состоялъ изъ земляныхъ валовъ и отдѣлялся отъ поля и крѣпости водяными рвами, Дорогою преступники могли говорить между собою, но что они говорили, нельзя было слышать.

Когда мы перешли мостъ на кронверкъ, то увидѣли тамъ солдатъ съ ружьями, толпу преступниковъ и два эшафота. На одномъ была устроена висѣлица. Тутъ я одинъ разъ въ жизни и видѣлъ висѣлицу. Это просто, братецъ мой качели. Знаешь, какъ качели дѣлаютъ на двухъ столбахъ съ перекладиной? Ну, вотъ тебѣ и висѣлица. Качели! Только вмѣсто доски къ перекладинѣ на веревкахъ людей подвѣсятъ. Иной, кто не зналъ что тутъ дѣлается, подумалъ бы, что тутъ очень весело. На кронверкѣ во все время играла музыка Павловскаго полка. Я тебѣ говорилъ, погода была чудная, а тутъ солнце всходитъ, и музыка играетъ.

Собрали всѣхъ замѣшанныхъ въ бунтѣ. Всѣхъ ихъ, кажется, было сто двадцать пять человѣкъ.

— Что же висѣлица не была готова?—спросилъ я.

— Висѣлица то была готова, за нею дѣло не стало, а сперва исполняли приговоръ надъ остальными: снимали съ нихъ платье на эшафотѣ, надѣвали на нихъ арестанское, ломали надъ головами шпаги и все это; извѣстно, лишали дворянства

и чести, шельмовали, какъ тогда закономъ было постановлено. Намъ все это было видно. Того, надъ кѣмъ уже исполненъ былъ приговоръ, сейчасъ же уводили въ крѣпость и сажали въ казематъ; оттуда уже отправляли въ ссылку. Въ ссылку, братецъ ты мой, возили ихъ тоже по ночамъ, этакъ, знаешь, передъ утромъ, когда на улицѣ нѣтъ народа.

Когда выпроводили тѣхъ, дошла очередь и до нашихъ. Они, я тебѣ говорю, сидѣли на травѣ и тихо между собою разговаривали. Когда пришла ихъ очередь, къ нимъ опять подошелъ Мысловскій, говорилъ съ ними, напутствовалъ ихъ еще разъ къ отходу и далъ приложиться къ кресту. Они на колѣняхъ молча помолились Богу, смотря на небо. Тяжело было, братецъ, смотрѣть на нихъ! Потомъ на нихъ надѣли этакіе мѣшки, которыми они были закрыты отъ головы до пояса. На шеи имъ на веревкахъ надѣли аспидныя доски съ именами и виною ихъ. Мы опять построились въ порядокъ для шествія на эшафотъ подъ висѣлицу. Надо тебѣ сказать, что подъ самой перекладиной былъ сдѣланъ возвышенный помостъ; на него надобно было входить по деревянному очень отлогому откосу. Мы пошли. Тихачевъ былъ при насъ: это было въ его командѣ.

— Ну, въ этотъ моментъ, когда на нихъ надѣвали мѣшки, они поблѣднѣли? въ нихъ видѣнъ былъ страхъ? продолжалъ допытываться я.

— И ничего-таки, братецъ мой! Я смотрѣлъ на нихъ. Вѣдь вотъ стоялъ, какъ отъ тебя. Первый стоялъ Карелинъ противъ Пестеля, я противъ Рылѣева, потомъ Поповъ противъ Муравьева, Богдановъ противъ Бестужева, а Дубинкинъ противъ Каховскаго. Мы могли хорошо видѣть ихъ лица. Они были совершенно спокойны, но только очень серьезны, точно какъ обдумывали какое-нибудь важное дѣло. Да вѣдь и минута была серьезная, приготовлялись вѣдь, братецъ къ смерти. Взглянули они въ послѣдній разъ на небо, да такъ, братецъ, ты мой, взглянули жалостливо, что у насъ вся внутренность перевернулась и морозъ подралъ по кожѣ. Каховскій, правда, немножко того, сробѣлъ. Вцѣпился этакъ въ батюшку, что его едва оторвали. Страхъ! Такъ это было жутко! Ты вотъ этого не поймешь, что это такое было, а я разсказать не могу. Ну, какъ я тебѣ разскажу? Мѣшки имъ очень не понравились; они были недовольны, и Рылѣевъ сказалъ, когда ему стали надѣвать мѣшокъ на голову: „Господи! Къ чему это?“ Палачи имъ стянули руки покрѣпче. Одинъ конецъ ремня шелъ спереди тѣла, другой сзади, такъ что

они рукъ поднимать не могли. На палачей они смотрѣли съ негодованiемъ. Видно, что имъ было крайне непрiятно, когда до нихъ дотрогивались палачи.

Когда все это было готово, Тихачевъ велѣлъ идти. Ну, мы и пошли, опять, знаешь, медленно, а тутъ это музыка играетъ Павловскаго полка... Солдаты этакъ осужденныхъ сзади натискивали, чтобы они знали, куда идти. Такъ они все подвигались понемножку впередъ, по этому деревянному откосу; наконецъ, стали на мѣсто. Страшно, братецъ! ухъ, страшно! У насъ волосы стали дыбомъ на головѣ, когда мы подошли подъ перекладину. Тутъ насъ свели прочь, и мы немножко вздохнули. У меня еще бѣда, въ правый ботфортъ попалъ камушекъ, а, можетъ быть, сухая хлѣбная крошка, чортъ ее, не знаю! Только терло мнѣ, братецъ мой, ногу ужасно. До крови, вѣдь, стеръ.

Какъ свели насъ съ эшафота, то поставили тутъ же возлѣ. На шеи преступникамъ надѣли петли, и помостъ, на которомъ они стояли, опустился изъ подъ ихъ ногъ. Такъ это было ужъ устроено. Они повисли и забились, заметались. Тутъ трое среднихъ и сорвались. Веревки лопнули; они упали внизъ. Только на краяхъ остались висѣть Пестель и Каховскiй. Что тамъ ни говори, а я увѣренъ, что это случилось оттого, что они исповѣдывались и раскаялись отъ чистаго сердца. Богъ ихъ миловалъ. Ну, самъ посуди, веревки были одинаковыя и крѣпкiя, ихъ передъ этимъ пробовали, отчего не сорвались ни Пестель, ни Каховскiй?

— А говорятъ,— сказалъ я,— что именно они то и сорвались, Пестель и Каховскiй и Рылѣевъ.

— Неправда! Я, вѣдь, тутъ же стоялъ. Врутъ! Ну, какъ они упали, такъ разбились въ кровь; вѣдь самъ посуди, упали то съ размаха.

Кутузовъ сперва прислалъ адъютанта, а потомъ и самъ лѣзетъ, кричитъ, ругается: что это такое?

— И повѣсить не умѣютъ! — кто то отвѣтилъ изъ сорвавшихся, кажется будто Рылѣевъ.

— Вѣшать ихъ, вѣшать скорѣе! — кричитъ Кутузовъ. И Боже ты мой, сталъ тутъ кричать, ругаться. Подняли опять помостъ и вновь накинули петли. Въ это время, когда помостъ былъ поднятъ, Пестель и Каховскiй опять достали до него ногами. Пестель былъ еще живъ и, кажется, началъ немного отдыхать. Тутъ нѣкоторые стонали, должно быть, отъ ушиба и

шутить и надо было торопиться ея выполненіемъ. Поэтому, хотя матеріалъ, добытый слѣдствіемъ, далеко не былъ разработанъ, не приведенъ въ должную юридическую ясность и не подтвержденъ непреложными фактами, однако-же къ 30 мая 1826 г. Государю былъ представленъ требуемый докладъ, составленный Блудовымъ, откомандированнымъ въ комитетъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ для составленія „журнальной статьи о ходѣ и замыслахъ тайныхъ обществъ въ Россіи", благодаря чему этотъ важный докладъ, отъ котораго зависѣла жизнь столькихъ людей, являлся не строго обоснованнымъ безпристрастнымъ юридическимъ документомъ, а скорѣе бойко написанною картиною, гдѣ авторъ произвольно, для полученія тѣхъ или иныхъ эффектовъ, сливалъ краски, накладывалъ нужныя ему тѣни и смѣшивалъ обобщенія и выводы историческаго характера съ единичными и конкретными эпизодами изъ недавней отечественной дѣйствительности. Характеризуя этотъ докладъ, Н. Шильдеръ говоритъ: „происхожденіе его, безспорно, нѣсколько случайное, и это обстоятельство должно было отразиться на его содержаніи и внутреннемъ достоинствѣ. Бывшій статсъ-секретарь Императрицы Екатерины II, Адріанъ Моисеевичъ Грибовскій, въ своемъ дневникѣ называетъ трудъ Д. Н. Блудова—*романическимъ*. Въ этомъ отзывѣ отразился вполнѣ трезвый взглядъ государственнаго дѣятеля екатерининской эпохи, который сразу проникъ въ существо самаго дѣла, указавъ однимъ словомъ на слабыя его стороны".

По представленіи доклада, 1 іюня послѣдовалъ указъ о назначеніи надъ арестованными верховнаго уголовнаго суда, составленнаго изъ трехъ государственныхъ сословій: государственнаго совѣта, сената и синода, съ присоединеніемъ сюда нѣсколькихъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Хотя Государь въ манифестѣ объ этомъ судѣ и требовалъ отъ судей „справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колебимой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной", но въ сущности судьба подсудимыхъ была имъ въ главныхъ чертахъ предрѣшена, что усматривается изъ его письма отъ 6 іюня къ цесаревичу, гдѣ онъ говоритъ: „Въ четвергъ (3 іюня) начался судъ со всей приличествующей обрядностью; засѣданія не прерываются съ десяти часовъ утра до трехъ пополудни; при всемъ томъ я не знаю еще, къ какому приблизительно дню это можетъ быть кончено. Затѣмъ наступитъ казнь, ужасный день, о которомъ я не могу думать безъ содроганія. Я предполагаю приказать произвести ее на эспланадѣ крѣпости".

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Если 14 декабря 1825 года и казнь пяти декабристовъ оставили значительный слѣдъ въ интеллигентномъ обществѣ, то въ сознаніи народномъ ни самъ трагическій эпизодъ, ни дѣйствующія въ немъ лица не произвели ожидаемаго впечатлѣнія и весь замыселъ, стремленія и дѣйствія декабристовъ были истолкованы самымъ оригинальнымъ способомъ. Народное творчество переработало въ своей фантазіи историческое событіе очень крупной политической важности своеобразно, представивъ его какъ попытку со стороны нѣкоторыхъ представителей дворянскаго сословія использовать моментъ междуцарствія въ свою пользу съ тѣмъ, чтобы захватить освободившійся за смертью Александра I русскій престолъ Вотъ какъ изображены народомъ послѣдствія кончины Александра Павловича и событія 14 декабря въ былинѣ, записанной Н. Е. Ончуковымъ въ Печорскомъ краѣ отъ мѣстныхъ сказителей *):

Кабы тутъ-же было да на святой Руси,
На святой-то Руси да въ каменной Москвы,
У Ивана-то было у Великаго,
Ю Миколы-то было у святителя,
Во божьей-то церкви соборноей,
Ю обенни-то было по Микольскоей,
Тутъ ударили-же да въ большой колоколъ,
Штобы слышно-то было нынь по всей земли,
Нынь по всей земли, по всей ярміи,
По любезной по нашей коновардіи,
А по всимъ городамъ, нынь по всѣмъ селамъ,—
Нашъ приставился какъ да благовѣрный чарь,
Благовѣрный—отъ чарь Олексанъ Павловичъ,
Онъ приставился какъ да на синемъ мори,
На тёплой—да воды, на лѣтной за́води;
А на лѣтной-то тихой, на чёрномъ корабли.
Молодой солдатъ да на часахъ стоитъ,
Стоючись-то солдатъ да расплакался,
Зинулъ ружьемъ солдатъ въ сыру землю:
— „Ты роздвинся, роздвинся мать сыра земля,
Ты откройся, откройся гробовая доска,
Разорвись-ке, разорвися рущата камка,
Ты возстань-ке, возстань нашъ благовѣрный царь,
Благовѣрный царь Алексантъ Павловичъ!
У насъ все то ныниче не по прежнему,
Придумали, братцы, бояришка думу крѣпкую:
— „Кому братцы изъ насъ да государемъ быть?
Государемъ быть, да акитантомъ слыть?

*) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ т. VIII (1903), вып. 3.

боли. Ихъ повѣсили опять. А, говорятъ, вѣшать въ другой разъ не слѣдовало. Это тоже Кутузова вина.

За рвомъ было немного народу. Рано было, и никто ничего не зналъ; оттого и не собрались. Народъ тоже это зашумѣлъ что то. Кутузовъ на нихъ закричалъ, а музыка еще громче стала играть.

— Что же она играла?—спросилъ я.—Похоронный маршъ?

— Нѣтъ; простые марши играла и разныя штуки. Прошло этакъ съ полчаса; докторъ говоритъ, что они давно померли. Велѣлъ ихъ снимать. Сняли, братецъ мой, у всѣхъ вылѣзли предлинные языки, и лица были синія такія, почти черныя. Ихъ сложили на телѣгу и сдали полицмейстеру, полковнику Дершау; онъ былъ назначенъ хоронить ихъ. На день тѣла поставили въ сарай на кронверкѣ же. Висѣлицу живо разобрали.

— Гдѣ же ихъ похоронили?

— А вотъ гдѣ. Знаешь ты Смоленское кладбище?

— Ну, знаю.

— Тамъ есть нѣмецкое кладбище, а за нимъ армянское. Тутъ есть этакій переулочекъ налѣво. Вотъ мимо армянскаго кладбища и идти до конца переулка. Какъ выйдешь къ взморью, тутъ и есть. Тутъ ихъ всѣхъ и похоронили. Ночью ихъ вывезли съ конвоемъ, и мы тутъ шли. Распоряжался Дершау. Тамъ потомъ четыре мѣсяца караулъ стоялъ".

Приговоръ надъ декабристами и въ особенности казнь пятерыхъ произвели сильное впечатлѣніе на русское общество, уже успѣвшее за очень долгій періодъ времени отвыкнуть отъ казней. Надъ повѣшенными и надъ прочими ихъ сотоварищами, оставшихся въ живыхъ, но попавшихъ въ глубь сибирскихъ рудниковъ, засіялъ ореолъ мучениковъ и память о нихъ, какъ нѣчто дорогое и священное, долго жила среди современниковъ. Обращаясь къ нимъ, великій Пушкинъ писалъ:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье!
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Разбудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдетъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

Если 14 декабря 1825 года и казнь пяти декабристовъ оставили значительный слѣдъ въ интеллигентномъ обществѣ, то въ сознаніи народномъ ни самъ трагическій эпизодъ, ни дѣйствующія въ немъ лица не произвели ожидаемаго впечатлѣнія и весь замыселъ, стремленія и дѣйствія декабристовъ были истолкованы самымъ оригинальнымъ способомъ. Народное творчество переработало въ своей фантазіи историческое событіе очень крупной политической важности своеобразно, представивъ его какъ попытку со стороны нѣкоторыхъ представителей дворянскаго сословія использовать моментъ междуцарствія въ свою пользу съ тѣмъ, чтобы захватить освободившійся за смертью Александра I русскій престолъ Вотъ какъ изображены народомъ послѣдствія кончины Александра Павловича и событія 14 декабря въ былинѣ, записанной Н. Е. Ончуковымъ въ Печорскомъ краѣ отъ мѣстныхъ сказителей *):

Кабы тутъ-же было да на святой Руси,
На святой-то Руси да въ каменной Москвы,
У Ивана-то было у Великаго,
Ю Миколы-то было у святителя,
Во божьѐй-то церкви соборноей,
Ю обенни-то было по Микольскоей,
Тутъ ударили-же да въ большой колоколъ,
Штобы слышно-то было нынь по всей земли,
Нынь по всей земли, по всей арміи,
По любезной по нашей коновардіи,
А по всимъ городамъ, нынь по всѣмъ селамъ,—
Нашъ приставился какъ да благовѣрный чарь,
Благовѣрный—отъ чарь Олексанъ Павловичъ,
Онъ приставился какъ да на синемъ мори,
На тѐплой—да воды, на лѣтной заводи;
А на лѣтной-то тихой, на чѐрномъ корабли.
Молодой солдатъ да на часахъ стоитъ,
Стоючись-то солдатъ да расплакался,
Зинулъ ружьемъ солдатъ въ сыру землю:
— „Ты роздвинся, роздвинся мать сыра земля,
Ты откройся, откройся гробовая доска,
Разорвись-ке, разорвися рущата камка,
Ты возстань-ке, возстань нашъ благовѣрный царь,
Благовѣрный царь Алексантъ Павловичъ!
У насъ все то ныче не по прежнему,
Придумали, братцы, бояришка думу крѣпкую:
— „Кому братцы изъ насъ да государемъ быть?
Государемъ быть, да акитантомъ слыть?

*) „Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ“ т. VIII (1903), вып. 3.

Государемъ-то быть князю Вильянскому,
Акитантомъ слыть князю Волконскому".
Воспрошлыло его да ухо правое,
Разсадили ихъ по темнымъ кибиточкамъ,
Развозили-то ихъ да по тёмнымъ тюрьмамъ.

Вскорѣ по произнесеніи приговора надъ декабристами, начиная съ іюня мѣсяца и вплоть до января 1827 г., длинная вереница подводъ подъ охраной фельдъегерей и жандармовъ помчала ихъ за предѣлы европейской Россіи, при чемъ высочайше было возложено на губернаторовъ тѣхъ раіоновъ, по коимъ происходило слѣдованіе въ ссылку, чтобы они самымъ тщательнымъ образомъ надзирали за преступниками. О поведеніи ихъ сибирскіе губернаторы должны были ежемѣсячно доносить „черезъ главный штабъ въ собственныя руки Его Императорскаго Величества". Въ томъ же году были „преподаны къ исполненію высочайше утвержденныя правила о порядкѣ надзора за водворенными на поселеніе государственными преступниками, а также и способахъ вспомоществованія имъ на мѣстахъ поселенія". Правила эти заключали слѣдующую высочайшую волю *): 1) дабы изъ числа сихъ преступниковъ тѣ, кои имѣютъ богатыхъ родственниковъ, не могли получить отъ нихъ большихъ суммъ, то для огражденія въ семъ случаѣ, наблюдать, что каждый изъ ссыльныхъ можетъ получать отъ родственниковъ на первое обзаведеніе не болѣе какъ до 2.000 руб. ассигнаціями, а потомъ на содержаніе ежегодно не болѣе, какъ до 1.000 руб. ассигнаціями, но и сіи суммы доставлять имъ не иначе какъ черезъ гражданскихъ губернаторовъ, кои должны выдавать имъ оную помѣсячно, или какъ за удобное признаютъ; 2) если же между сосланными на поселеніе преступниками есть неимѣющіе достаточныхъ родственниковъ и не могущіе получать отъ нихъ никакого вспомоществованія, таковымъ давать отъ казны солдатскій паекъ и крестьянскую зимнюю и лѣтнюю одежду, по распоряженію мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ; 3) сосланные въ Сибирь на поселеніе преступники и жены, при нихъ находящіяся, могутъ посылать отъ себя письма къ кому пожелаютъ, но всѣ ихъ письма имѣютъ быть оставляемы въ почтовыхъ конторахъ и доставляемы отъ почтмейстеровъ къ мѣстнымъ гражданскимъ губернаторамъ, кои должны отправлять ихъ въ III-е Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи; 4) въ разсужденіи же тѣхъ писемъ простыхъ, а также съ день-

*) А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ. „Декабристы въ западной сибири".

гами, и посылокъ, кои будутъ слѣдовать изъ Россіи на имя сосланныхъ на поселеніе преступниковъ и ихъ женъ, то въ полученіи сихъ писемъ и посылокъ въ почтамтѣ, Сибирскій почтдиректоръ, отдѣливъ отъ прочей корреспонденціи, обязанъ доставлять особенно къ тѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, гдѣ кто изъ адресованныхъ находится; губернаторы же имѣютъ право раскрывать сіи письма и тѣ изъ нихъ, въ коихъ не найдутъ ничего противнаго, доставлять по адресамъ отъ себя черезъ почту или какъ удобнѣе признаютъ; съ деньгами поступать какъ упомянуто въ 1-мъ пунктѣ, а изъ вещей отправлять къ ссыльнымъ по адресамъ тѣ только, кои не составляютъ большой цѣнности и могутъ служить къ пищѣ или одѣянію, цѣнныя же вещи возвращать обратно къ приславшимъ оныя. Но такія письма, кои будутъ заключать въ себѣ неприличныя и недозволительныя выраженія, или содержаніе коихъ будетъ заслуживать вниманія правительства, губернаторы, не отсылая ни куда по адресамъ, должны доставить въ III-е Отдѣленіе собственной Его Величества канцеляріи.

Большинство этихъ правилъ оставалось неизмѣннымъ въ продолженіи всего времени пребыванія осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ на поселеніе въ Сибири, дополняясь въ разное время отдѣльными распоряженіями.

По отбытіи каторжныхъ работъ, всѣ декабристы остались въ Сибири въ разрядѣ ссыльно-поселенцевъ. Одни изъ нихъ, какъ напр. кн. Трубецкой, кн. Волконскій, кн. Оболенскій и нѣкоторые другіе, матеріально вполнѣ обезпеченные, получили возможность устроить свою жизнь вполнѣ сносно, другимъ-же, которые получали для своего существованія непосредственное содержаніе отъ казны, приходилось довольно тяжело, вслѣдствіе чего имъ случалось часто ходатайствовать о казенномъ вспомоществованіи. Матеріально-обезпеченные являлись главнѣйшими центрами, около которыхъ группировались всѣ прочіе и гдѣ они находили то духовное тепло, которое хоть нѣсколько напоминало имъ родину и былое, домашнее. Съ теченіемъ времени многіе изъ сосланныхъ, слившись съ мѣстною жизнью, отдали себя на служеніе ей, явившись въ далекой и страшной тогда Сибири первыми піонерами тамошняго просвѣщенія и выразителями новыхъ интеллигентныхъ запросовъ и политическихъ идей. Вскорѣ къ нимъ работниками въ кругу тѣхъ-же идей явились на подмогу и сосланные сюда послѣ возстанія 1831 года поляки, и вотъ эти-то двѣ категоріи интеллигентныхъ силъ и составили, можно сказать, первое ядро

сибирской интеллигенціи, которая немало потрудилась надъ пробужденіемъ областнаго самосознанія и явилась духовнымъ противовѣсомъ мѣстной самодурной и хищнической администраціи.

Въ области народнаго просвѣщенія, земледѣлія, торговли, горно-промышленности и даже административной государственной службы, во всѣхъ этихъ сторонахъ мѣстной жизни сказалось благотворное вліяніе декабристовъ, которые вносили всюду за собою гуманизирующее начало, оставаясь вѣрными тѣмъ лучшимъ идеямъ добра и справедливости, во имя которыхъ они когда-то рѣшились на свой безумный шагъ. Правительство Николая Павловича раздавило ихъ, какъ активныхъ политическихъ дѣятелей, но было безсильно противодѣйствовать ихъ духовному вліянію въ новой обстановкѣ ихъ жизни и дѣятельности. Ихъ авторитетъ не только въ глазахъ населенія, но даже мѣстной бюрократіи былъ непоколебимъ и часто декабристы являлись тѣмъ „судомъ совѣсти“, къ которому аппелировали обиженные и обойденные судьбою. Успѣху въ новой жизни и плодотворности результатовъ дѣятельности въ значительной мѣрѣ имъ содѣйствовали послѣдовавшія за ними ихъ жены.—Трубецкая, Волконская, Муравьева, Нарышкина, Энтальцева, Юшневская, Фивизина, Анненкова, Ивашева и др., подвигъ слѣдованія которыхъ за мужьями такъ тепло и красиво описалъ Некрасовъ въ поэмѣ „Русскія женщины“. Касаясь значенія ихъ подвига, С. В. Максимовъ, такъ задушевно и благоговѣйно описалъ его *): „Въ Благодатскъ вслѣдъ за мужьями прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благодѣтельно подѣйствовало на всѣхъ: съ ними образовалась семья. При ихъ участіи началась и укрѣпилась связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ извѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шили все, что находили необходимымъ для каждаго изъ шести чужихъ; онѣ же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизированныя блюда (когда и „недопеченый хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника“); онѣ же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищамъ. Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіе стольких лѣтъ, которыя ими были посвящены попеченіямъ о своихъ мужьяхъ,—а вмѣстѣ съ ними и объ насъ?—Словомъ,

*) „Жены декабристовъ“. Сборникъ историко бытовыхъ статей. Составилъ В. И. Покровскій. Здѣсь впервые собраны разбросанныя по разнымъ изданіямъ свѣдѣнія о женахъ декабристовъ, этихъ первыхъ представительницъ русской общественности оппозиціоннаго характера.

здѣсь въ Благодатскомъ рудникѣ, эти первыя „высокія по сердцу и по характеру“ русскія женщины начали первые шаги къ той великой миссіи служенія, которая, въ лицѣ ихъ, обнаружила неисчерпаемое богатство русской женской природы, способной на человѣколюбіе и помощь до жертвы, на любовь до самоотверженія. Въ лицѣ ихъ русскія женщины имѣютъ наилучшихъ представительницъ; душевныя ихъ качества достигли въ нихъ до апогея. Въ дни и часы, дозволенные для свиданій, онѣ присутствіемъ своимъ оживляли тѣсныя и душныя клѣтки; въ другіе свободные часы имъ выносили два стула на улицу; онѣ садились противъ единственнаго окна и проводили часъ и болѣе въ нѣмой бесѣдѣ съ мужьями. Однажды одна изъ нихъ (Ек. Ив. Трубецкая) пришла на свиданіе съ мужемъ въ изношенныхъ и старыхъ ботинкахъ и въ трескучій морозъ зазнобила ноги оттого, что изъ новыхъ и теплыхъ ботинокъ сшила одному изъ товарищей мужа, чтобы уберечь волосы отъ руды, которая сыпалась при каждомъ сотрясеніи горы ударами молотомъ.

„Оба эти явленія, поучительныя въ жизни нашихъ ссыльныхъ,—и высокая миссія женщинъ, поднявшая нравственныя силы изгнанниковъ, и организація внутренней общины съ артельнымъ началомъ, вполнѣ обезпечившая матеріальный бытъ,—съ наибольшею полнотою и въ совершенной заключенности обнаружилась позже на все то время, когда всѣ товарищи соединены были вмѣстѣ, сначала въ Читѣ, потомъ въ Петровскомъ заводѣ.

„Жены эти совершали тѣ евангельскіе подвиги, подобіе которыхъ мало представляютъ европейскія исторіи. Если за семью женихами не поѣхали въ Сибирь уже обрученныя съ ними невѣсты; если къ восьми другимъ не поѣхали жены и даже нѣкоторыя вступили въ бракъ, то за то тѣ, которыя выстрадали себѣ право сожительства въ Сибири, вступили на стязи высокихъ христіанскихъ подвиговъ и служеніемъ своимъ заслужили то призваніе ангеловъ-хранителей, которое сдѣлалось для нихъ общимъ у всѣхъ союзниковъ... Такимъ образомъ, въ Читѣ семь женщинъ несли на себѣ тяжелый крестъ, добровольно ими на себя принятый и являлись на помощъ вездѣ тамъ, гдѣ видѣли на другой сторонѣ несостоятельность силы, гдѣ замѣчали какія-либо уклоненія въ сторону отъ согласно налаженнаго пути, гдѣ предчувствіями предполагали необходимость участія или содѣйствія“.

Декабристы пробыли въ ссылкѣ до 1856 г., когда по случаю коронаціи императора Александра II, они, какъ равно и петра-

шевцы, милостивымъ манифестомъ были возвращены. Имъ было дозволено возвратиться съ семействами изъ мѣстъ ссылки и жить, гдѣ пожелаютъ, въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ обѣихъ столицъ. Осужденнымъ и дѣтямъ ихъ возвращены титулы и потомственное дворянское достоинство.

Радостно были встрѣчены на родинѣ посѣдѣвшіе и истомившіеся въ долгой ссылкѣ участники заговора 1825 г., но ссылка эта не сломила ихъ силъ, не погасила духа: въ новой закипавшей отечественной жизни имъ нашлось дѣло. Нѣкоторые изъ нихъ приняли участіе въ разработкѣ вопроса объ освобожденіи крестьянъ и оказали тутъ свое просвѣщенное вліяніе; кн. Оболенскому, напримѣръ, пришлось даже занять въ вопросѣ особое положеніе, благодаря своимъ былымъ близкимъ отношеніямъ къ Ростовцеву, о чемъ рѣчь еще будетъ впереди, а Цебриковъ немало содѣйствовалъ своими разсказами о декабристахъ воодушевленію студенческихъ кружковъ петербургскаго университета *).

ГЛАВА XI.

Приговоръ надъ дѣятелями Черниговскаго полка.—Заговоръ въ Зарентуйскомъ рудникѣ.—Эволюція въ политическихъ убѣжденіяхъ былыхъ конституціоналистовъ—Мордвинова и Сперанскаго.—Н. И. Тургеневъ и его сочиненіе „La Russie et les russes".—Дѣло братьевъ Критскихъ.—Кружокъ Герцена и Огарева.—Идеи Сенъ-Симона.—Дѣло о лицахъ, пѣвшихъ въ Москвѣ пасквильныя стихи.—Польское возстаніе.—Высочайшее повелѣніе 1831 г.—Польскіе эмигранты и поляки ссыльные.—Малороссійскій сепаратизмъ.—Н. И. Костомаровъ.—„Кирилло-Меѳодіевское общество".—Приговоръ надъ членами этого общества и ихъ ссылка.

Ликвидація заговора декабристовъ и болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ этимъ заговоромъ польскихъ обществъ заняла вниманіе русскаго правительства на годъ съ небольшимъ, послѣ чего фактическая сторона дѣла была вполнѣ выяснена спеціальными комиссіями, и надъ всѣми участниками обществъ произнесенъ строгій приговоръ.

Изъ участниковъ возстанія на югѣ только двое (Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ-Рюминъ) были отданы совмѣстно съ декабристами верховному уголовному суду, а остальныя дѣйствовавшія лица Черниговскаго полка были преданы суду аудиторіатскаго департамента, который и вынесъ имъ въ августѣ 1826 г. строгую резолюцію, которою не только наказаніе было наложено на жи-

---

*) Викторъ Острогорскій: „Изъ исторіи моего учительства".

выхъ, но даже и на мертвыхъ *): „... Аудиторіатскій департаментъ признаетъ изъ подсудимыхъ: барона Соловьева, Суханова и Мозалевскаго, какъ по злымъ дѣйствіямъ изъ главныхъ сообщниковъ возмутителя Сергѣя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни. Сверхъ того, полагаетъ: сообщниковъ подполковника Муравьева-Апостола, поручиковъ: Кузьмина и Щипилла, прапорщика квартермейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавшихъ въ возмущеніи, но убитыхъ на мѣстѣ пораженія, согласно съ мнѣніемъ главнокомандующаго арміею, изъ списковъ выключить какъ измѣнниковъ, на могилахъ ихъ крестовъ и никакихъ памятниковъ, приличныхъ христіанскому погребенію, не дѣлать; но, поставя висѣлицу, къ вѣчному ихъ посрамленію, прибить надъ оною имена ихъ".

Это представленіе было высочайше конфирмовано такъ: „барона Соловьева, Суханова и Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ городѣ Васильковѣ, при собраніи командъ изъ полковъ 9 пѣхотной дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипилла и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ по выключкѣ ихъ изъ списковъ".

Лѣтомъ же 1826 г. были въ разное время произнесены карательные приговоры надъ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ лицъ изъ числа штабъ и оберъ-офицеровъ, „изъ коихъ одни принадлежали къ тайнымъ обществамъ, а другіе обличены въ содѣйствіи или знаніи объ оныхъ"; „снисходя къ обстоятельствамъ, увлекшимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ во временное заблужденіе, и пріемля во вниманіе, что всѣ они вовсе не участвовали въ неистовыхъ намѣреніяхъ, а многіе скоро оставили общество, и всѣ вообще въ поступкахъ своихъ показываютъ полное раскаяніе", они были приговорены къ наказаніямъ разныхъ категорій, какъ-то къ переводу въ армію, исключенію изъ числа военныхъ съ переводомъ на гражданскую службу, къ заключенію въ крѣпостъ срокомъ отъ одного мѣсяца до одного года. Къ началу 1827 г. были ликвидированы и всѣ существовавшія тайныя польскія общества.

Необходимо отмѣтить, что далеко не всѣ помирились со своею участью и отказались отъ боевой тактики. Такъ, И. Сухановъ,

---

*) Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ. Сборникъ извлеченныхъ изъ офиціальныхъ изданій правительственныхъ сообщеній. Составленъ подъ редакціею Б. Базилевскаго (В. Богучарскаго). Томъ первый (1825—1876 г.г.).

попавъ на каторгу, попытался поднять возстаніе въ Сибири, начавъ его съ Зарентуйскаго рудника, но заговоръ его былъ скоро раскрытъ, и главнѣйшіе въ немъ участники въ числѣ 6 человѣкъ (всѣхъ косвенно прикосновенныхъ къ дѣлу было нѣсколько сотенъ) преданы суду, который и вынесъ имъ смертный приговоръ. Самъ Сухановъ не дождался конфирмаціи приговора въ Петербургѣ и повѣсился въ тюрьмѣ, а остальные (уголовно-ссыльные)—Бочаровъ, Голиковъ, Бондаревъ, Птицынъ и Непомнящій, были разстрѣляны.

Это была послѣдняя реальная, боевая вспышка со стороны участниковъ заговора „Сѣвернаго“ и „Южнаго“ обществъ, послѣ чего мы не встрѣчаемъ уже болѣе ихъ именъ въ числѣ активныхъ дѣятелей длительной борьбы за конституцію въ Россіи. Только Н. И. Тургеневъ за границею явилъ собою опредѣленное отраженіе идеаловъ своихъ собратьевъ по „Сѣверному“ обществу, развивъ одушевлявшія его идеи въ 3-ей части своего извѣстнаго сочиненія: „La Russie et les russes“.

Что же касается русскаго общества, то завѣты декабристовъ далеко не исчезли въ немъ безслѣдно. Ихъ можно прослѣдить даже и въ произведеніяхъ тогдашней подцензурной и приниженной литературы; ихъ уже явственно и наглядно мы усматриваемъ въ настроеніяхъ и движеніяхъ тогдашней учащейся университетской молодежи, которая съ того времени начинаетъ постепенно и понемногу, но настойчиво и безостановочно, вливаться въ широкое политическое море русской общественности, неся на себѣ всѣ жестокія послѣдствія взбудораженной обстоятельствами жизни грозной стихіи.

Что же касается патентованныхъ конституціоналистовъ Александровской эпохи, то если еще въ началѣ 1826 г. мы видимъ ихъ какъ бы дѣйствующими согласно своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, то уже послѣ жестокаго приговора надъ несчастными политическими романтиками Сенатской площади ихъ рѣчи рѣзко обрываются, и они спѣшатъ превратиться изъ былыхъ приверженцевъ ограниченной монархіи въ послѣдователей неограниченнаго самодержавія. Такая метаморфоза наблюдается, какъ надъ Мордвиновымъ, такъ и надъ Сперанскимъ.

Мордвиновъ, на котораго падало подозрѣніе въ явномъ доброжелательствѣ планамъ декабристовъ и котораго послѣдніе прочили даже въ составъ предполагаемаго временнаго правительства, поспѣшилъ поскорѣе очиститься въ глазахъ грознаго царя, въ интересахъ чего и представилъ ему обширную записку, гдѣ въ

категорическомъ тонѣ утверждаетъ: „Въ Россіи умствованія и толки о конституціи происходили со стороны тѣхъ, кто, бывъ нѣсколько въ свѣтѣ и начитаны, полагали себя чрезвычайно умными, хотя и весьма далеко того не достигали, ибо, не имѣя никакихъ опытовъ, не умѣли ни мыслить здраво, ни судить о вещахъ глубоко, ниже примѣнить оныя къ обстоятельствамъ, образу мыслей, характеру жителей и мѣстному положенію". Набрасывая какъ бы тѣнь на конституціонный проектъ Никиты Муравьева и отмѣчая въ немъ аристократическую тенденцію, онъ заключаетъ: „Ничего столь не вредно, какъ власть, данная аристократамъ: они закона не любятъ или желаютъ быть выше закона, гдѣ же поселятъ и распространятъ свою власть, тамъ государство должно прійти къ паденію... Подтверждается опытомъ цѣлаго міра и черезъ многіе вѣка, что ни одно великое государство не можетъ держаться, а еще менѣе быть сильнымъ и могущественнымъ безъ сильной монархической самодержавной власти.

Совершенно однородно и опредѣленно высказался и второй намѣченный декабристами представитель временнаго правительства, который въ своихъ бесѣдахъ „О законахъ" *) съ наслѣдникомъ цесаревичемъ въ §§ 173 и 101 говорилъ: „Тамъ, гдѣ существуетъ чистая форма монархическая, нѣтъ никакихъ основательныхъ причинъ, нѣтъ матеріальныхъ выгодъ для народа желать перейти въ форму смѣшанную (т. е. къ конституціи) даже и тогда, когда бы переходъ сей могъ быть совершенъ безъ потрясенія. Частныя пользы нѣкоторыхъ классовъ народа (т.-е. класса родовой знаменитости, промышленной, класса наукъ и знаній, или иначе интеллигенціи) не суть истинныя пользы всего народа, и часто даже бываютъ имъ противоположны"; далѣе: „слово: неограниченность, означаетъ то, что никакая другая власть на землѣ, власть правильная и законная, ни внѣ, ни внутри имперіи не можетъ положить предѣловъ верховной власти россійскаго самодержца... Ни въ какомъ случаѣ самодержецъ не подлежитъ суду человѣческому, но во всякомъ случаѣ и онъ подлежитъ, однакоже, суду совѣсти и суду Божію". Такими разсужденіями, очевидно, Сперанскій отрекался отъ того, что имъ было говорено и писано въ эпоху Александровскаго либерализма и даже еще въ началѣ 1826 г., когда складъ мыслей новаго императора еще не совсѣмъ обнаружился, и

*) „Руководство къ познанію законовъ". Соч. гр. Сперанскаго.

когда нѣкоторые наивно допускали возможность склонить его къ конституціоннымъ реформамъ.

Къ числу таковыхъ долженъ быть отнесенъ извѣстный авторъ, подавшій на французскомъ языкѣ записку о государственномъ совѣтѣ, гдѣ предлагаетъ реформировать этотъ совѣтъ на основахъ выборнаго начала отъ дворянства и представителей городовъ. Избранныя лица должны заботиться объ общихъ интересахъ страны, нуждахъ всего народа и, — что главное,—быть посредниками между царемъ и народомъ; они должны принять на себя законодательную и административную отвѣтственность, въ каковыхъ цѣляхъ имъ предоставляется право законодательнаго почина по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ компетенцію совѣта. Тѣ мысли, которыя были высказаны здѣсь, и на которыхъ лежалъ явный отпечатокъ замаскировннаго конституціонализма, въ болѣе суженной и ограниченной формѣ были положены и въ основаніе реформаторской задуманной программы гр. Лориса-Меликова въ 1881 г.

Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что означенная записка никакого движенія не получила и была оставлена Николаемъ Павловичемъ безъ послѣдствій, какъ равно безъ всякихъ послѣдствій осталось и письмо проф. Паррота, написанное государю въ 1831 г. въ непосредственной связи съ польскимъ возстаніемъ 1830 г., гдѣ авторъ говорилъ: „Вашъ народъ, по крайней мѣрѣ, дворянство, военные и гражданскіе чины стремятся къ представительному правленію. И время это пришло гораздо скорѣе, чѣмъ я думалъ. Умоляю васъ ваше величество, во имя человѣчества и вашей безопасности, предупредите тотъ моментъ, когда отъ васъ могутъ потребовать больше, чѣмъ вы въ состояніи дать. Преобразуйте государственный совѣтъ на тѣхъ основаніяхъ, какъ я имѣлъ честь докладывать... Вторымъ благодѣяніемъ была бы реформа министерствъ. Необходимо произвести революцію сверху, но постепенно и сообразно съ нравственными потребностями вашего народа...“

Конечно, мольба Паррота не была услышана и, какъ намъ извѣстно, правительство Николая I ни на одну іоту не раздвинуло своихъ рядовъ для вступленія сюда общественныхъ силъ, ни на одну каплю не поступилось своими прерогативами бюрократической власти.

Въ 1824 г. Н. И. Тургеневъ служилъ по департаменту гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, гдѣ для его прогрессивныхъ убѣжденій имѣлось въ наличности широкое поле примѣненія:

сюда поступали всѣ доходившія до государственнаго совѣта дѣла по спорамъ между помѣщиками и крестьянами и по дѣламъ о злоупотребленіяхъ помѣщичьей властью. „Тургеневъ имѣлъ утѣшеніе говорить впослѣдствіи, — свидѣтельствуетъ его біографъ, г. Корниловъ *),—что за его время въ государственномъ совѣтѣ не было случая, чтобы крѣпостные, отыскивавшіе свободу, проиграли свое дѣло, или чтобы помѣщикъ, виновный въ злоупотребленіи властью, остался безнаказаннымъ. Въ этомъ случаѣ крестьяне находили неизмѣнно въ Тургеневѣ такого краснорѣчиваго и хорошо вооруженнаго защитника своихъ интересовъ, что даже старикъ Мордвиновъ, въ принципѣ не соглашавшійся съ нимъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ, обыкновенно убѣждался его доводами".

Правительство Александра I и выдающіеся представители тогдашней бюрократіи были хорошо освѣдомлены о либеральномъ складѣ убѣжденій Николая Ивановича, въ чемъ не трудно было даже офиціально убѣдиться на основаніи его столь распространенной тогда книги „Опытъ теоріи налоговъ", гдѣ авторъ подвергалъ обсужденію крѣпостной вопросъ съ либеральной точки зрѣнія; но это не служило препятствіемъ къ быстрому и блестящему прохожденію имъ государственной службы. Въ немъ цѣнили широкія познанія, образованность, практическое знакомство съ внутренней жизнью страны и ея политико-соціальнымъ строемъ. Его служебныя и справочныя записки были знакомы даже Александру Павловичу, какъ равно ему же, очевидно, на основаніи поступившаго уже къ тому времени донесенія была извѣстна причастность Тургенева къ дѣламъ „Сѣвернаго" общества и его роль здѣсь. Поэтому, когда переутомленный массою работы авторъ „Опыта теоріи налоговъ" сталъ усиленно хлопотать объ отпускѣ за границу для возстановленія здоровья, каковой отпускъ усиленно тормозился его начальствомъ, и когда наконецъ этотъ отпускъ былъ ему высочайше разрѣшенъ, то Александръ I велѣлъ ему передать черезъ Аракчеева слѣдующій совѣтъ, не „какъ государь, а какъ христіанинъ": „Будьте осторожные за границею. Вы тамъ не избѣжите встрѣчи съ людьми, которые исполнены революціоннымъ духомъ, они постараются васъ увлечь. Не довѣряйте этимъ людямъ и будьте осторожны".

Въ апрѣлѣ 1824 г. Тургеневъ покинулъ Россію и только черезъ 33 года получилъ право снова вернуться на родину,

*) А. А. Корниловъ. „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Росіи." Спб. 1905.

сибирской интеллигенціи, которая немало потрудилась надъ пробужденіемъ областнаго самосознанія и явилась духовнымъ противовѣсомъ мѣстной самодурной и хищнической администраціи.

Въ области народнаго просвѣщенія, земледѣлія, торговли, горно-промышленности и даже административной государственной службы, во всѣхъ этихъ сторонахъ мѣстной жизни сказалось благотворное вліяніе декабристовъ, которые вносили всюду за собою гуманизирующее начало, оставаясь вѣрными тѣмъ лучшимъ идеямъ добра и справедливости, во имя которыхъ они когда-то рѣшились на свой безумный шагъ. Правительство Николая Павловича раздавило ихъ, какъ активныхъ политическихъ дѣятелей, но было безсильно противодѣйствовать ихъ духовному вліянію въ новой обстановкѣ ихъ жизни и дѣятельности. Ихъ авторитетъ не только въ глазахъ населенія, но даже мѣстной бюрократіи былъ непоколебимъ и часто декабристы являлись тѣмъ „судомъ совѣсти“, къ которому аппелировали обиженные и обойденные судьбою. Успѣху въ новой жизни и плодотворности результатовъ дѣятельности въ значительной мѣрѣ имъ содѣйствовали послѣдовавшія за ними ихъ жены.—Трубецкая, Волконская, Муравьева, Нарышкина, Энтальцева, Юшневская, Фивизина, Анненкова, Ивашева и др., подвигъ слѣдованія которыхъ за мужьями такъ тепло и красиво описалъ Некрасовъ въ поэмѣ „Русскія женщины“. Касаясь значенія ихъ подвига, С. В. Максимовъ, такъ задушевно и благоговѣйно описалъ его *): „Въ Благодатскъ вслѣдъ за мужьями прибыли княгини Волконская и Трубецкая. Прибытіе ихъ благодѣтельно подѣйствовало на всѣхъ: съ ними образовалась семья. При ихъ участіи началась и укрѣпилась связь съ покинутыми родными и близкими сердцу посредствомъ извѣстій и тайной переписки; своими руками онѣ шили все, что находили необходимымъ для каждаго изъ шести чужихъ; онѣ-же выдумывали и приносили въ тюрьму импровизированныя блюда (когда и „недопеченый хлѣбъ казался вкуснѣе лучшаго произведенія перваго петербургскаго булочника“); онѣ же хлопотливо закупали все, что нужно было товарищамъ. Но какъ исчислить все то, чѣмъ мы имъ обязаны въ продолженіе столькихъ лѣтъ, которыя ими были посвящены попеченіямъ о своихъ мужьяхъ,—а вмѣстѣ съ ними и объ насъ?—Словомъ,

---

*) „Жены декабристовъ“. Сборникъ историко бытовыхъ статей. Составилъ В. И. Покровскій. Здѣсь впервые собраны разбросанныя по разнымъ изданіямъ свѣдѣнія о женахъ декабристовъ, этихъ первыхъ представительницъ русской общественности оппозиціоннаго характера.

исторіей Россіи (начиная съ 1812 г.), съ ея политическимъ и соціально-экономическимъ строемъ, съ идеалами прогрессивной части общества вообще и декабристовъ въ частности и намѣтилъ также „будущность Россіи" (Pia desideria) въ интересахъ ея прогрессивнаго развитія, согласно опыту западно-европейской

Николай Ивановичъ Тургеневъ.

культуры. Въ третьей части своей работы авторъ представилъ обширный планъ реформъ, которыя имъ раздѣлены на двѣ категоріи: 1) такія, которыя возможны при существованіи самодержавія, и 2) входящія въ составъ необходимыхъ, по его мнѣнію, политическихъ реформъ.

Къ первой категоріи относятся: освобожденіе крестьянъ, которое онъ ставитъ въ уголъ всѣхъ реформъ; устройство судеб-

ной части съ введеніемъ гласнаго суда присяжныхъ и съ полною отмѣною тѣлесныхъ наказаній; устройство административной части на основѣ выборнаго начала, съ установленіемъ широкаго мѣстнаго самоуправленія; расширеніе свободы печати. Ко второй категоріи, которая должна во всѣхъ своихъ частяхъ быть освящена закономъ („Русскою Правдою"), онъ относитъ: равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу слова и печати, свободу совѣсти, представительную форму правленія, отвѣтственность министровъ передъ народомъ и независимость судебной власти. Онъ болѣе или менѣе обстоятельно разработалъ и вопросъ объ избирательномъ законѣ, а также вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, который намѣчался имъ къ разрѣшенію въ двухъ направленіяхъ— личнаго освобожденія и съ надѣленіемъ крестьянъ землею, причемъ авторъ попытался установить и нѣкоторыя финансовыя комбинаціи дѣла раскрѣпощенія.

Трудъ Тургенева, по справедливой оцѣнкѣ В. И. Семевскаго*) былъ „единственнымъ сочиненіемъ въ эпоху императора Николая, въ которомъ русскій политическій либерализмъ получилъ довольно полное выраженіе". Являясь въ своей работѣ типичнымъ представителемъ западничества и врагомъ русскаго общиннаго начала, Николай Ивановичъ вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно несочувственно относился и къ разнаго рода соціалистическимъ и коммунистическимъ ученіямъ, которыя, по его мнѣнію, „хотѣли бы возвратить народы къ варварству". Оцѣнивая теоріи и реформаторскіе проекты Тургенева (особенно въ той части, гдѣ идетъ рѣчь „о финансахъ и судопроизводствѣ въ Россіи"), г. Корниловъ **) говоритъ, что „Тургеневъ, стоя на уровнѣ понятій просвѣщенныхъ людей своего вѣка относительно всѣхъ отдѣловъ государственнаго устройства и управленія, отнюдь не помышлялъ, однако, о какомъ нибудь переворотѣ и разсчитывалъ на мирную преобразовательную дѣятельность самого правительства, которое, по его соображеніямъ, вступитъ на путь реформъ, если пожелаетъ сохранить свое мѣсто въ средѣ великихъ европейскихъ державъ. Событія, наступившія вслѣдъ за крымской кампаніей, блистательно оправдали эти соображенія Николая Тургенева. Въ 1848 г. Тургеневъ предвидѣлъ уже и самую войну, какъ это видно изъ его брошюры „La Russie en présence de la crise européenne".

*) „Энциклопедическій словарь", т. XXXIV.

**) А. А. Корниловъ. „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи."

Все царствованіе Николая Павловича первый русскій политическій эмигрантъ провелъ за предѣлами отечества, и лишь со вступленіемъ на престолъ Александра II, главнымъ образомъ благодаря предстательству Жуковскаго, ему разрѣшено было вернуться на родину, быть выслушаннымъ, реабилитированнымъ и возстановленнымъ во всѣхъ правахъ, отнятыхъ у него приговоромъ верховнаго уголовнаго суда. Дальнѣйшая его практическая дѣятельность принадлежитъ уже всецѣло „эпохѣ великихъ реформъ", когда онъ воочію увидѣлъ то, во имя чего, начиная съ Радищева, интеллигенціей понесено было столько труда и жертвъ, пролито столько слезъ и даже крови.

Если идеалы декабристовъ нашли себѣ болѣе или менѣе полное выраженіе въ трудѣ Тургенева, увидавшемъ свѣтъ за рубежомъ Россіи, то и на родинѣ этимъ идеаламъ не суждено было погибнуть и совершенно померкнуть. Завѣты 1825 г. проникли въ общество, укрѣпились въ немъ и съ теченіемъ времени получили возможность своего проявленія въ той или иной формѣ, по разнымъ поводамъ и случаямъ. Но только это проявленіе ограничилось въ Николаевскую эпоху не какими-либо активными мятежными дѣйствіями, а въ формѣ осторожной или неосторожной литературной пропаганды и въ вспышкахъ юношеской мысли, юношеской рѣчи со всѣмъ свойственнымъ юности задоромъ и увлеченіемъ.

Уже съ Екатерининскаго времени освободительныя идеи подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ съ наибольшею яркостью высказываются представителями литературной интеллигенціи. Въ царствованія Павла и Александра I участіе послѣдней въ разработкѣ этихъ освободительныхъ идей и проведеніи ихъ въ русскую жизнь довольно слабо, если не считать дѣятельности Рылѣева, Одоевскаго и др.; но зато въ эпоху Николая военное сословіе, сосредоточившее въ себѣ въ предшествовавшіе періоды всѣ элементы политическаго либерализма и даже соціализма (Пестель), совершенно теряетъ свое первенствующее въ этомъ отношеніи значеніе, становится, напротивъ, опорою самодержавно-бюрократическаго строя тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, а мѣсто его занимаетъ русская интеллигенція, подвизающаяся на поприщахъ литературномъ, учебномъ и ученомъ. Наиболѣе смѣлыми и рѣзкими выразителями освободительныхъ тенденцій этой интеллигенціи на первыхъ порахъ выступаетъ учащаяся молодежь, которая именно съ эпохи Николая начинаетъ принимать самое дѣятельное и активное участіе въ политическихъ движе-

ніяхъ русскаго народа. Первыми по времени необходимо отмѣтить молодыхъ братьевъ Критскихъ, дѣло которыхъ долгое время оставалось неизслѣдованнымъ и только нынѣ обстоятельно освѣщено и обслѣдовано М. Лемке на основаніи подлинныхъ дѣлъ бывшаго архива III Отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи *).

Дѣло братьевъ Критскихъ создалось и обнаружилось въ 1827 г. и, несомнѣнно, можетъ быть разсматриваемо, какъ нѣкоторое отраженіе въ умахъ обывателей политической программы декабристовъ, возмущенія на Сенатской площади и печальной судьбы участниковъ этого возмущенія. Началось дѣло съ того, что въ августѣ 1827 г. въ караулъ на главной Кремлевской гауптвахтѣ въ Москвѣ явился студентъ Лушниковъ и началъ разспрашивать сначала караульныхъ гренадеровъ, а потомъ и начальника караула, Баумана, о томъ, довольны ли гренадеры своимъ ротнымъ командиромъ, и предлагая Бауману и прапорщику Ковалевскому „войти съ нимъ въ короткія связи“, объявлялъ секретъ и просилъ въономъ участвовать, сказавъ, что ихъ партія довольно значительна какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ и въ Сибири, и что они предположили сего мѣсяца 22 числа, въ день коронаціи, сдѣлать революцію, а передъ тѣмъ намѣрены по всему городу разбросать возмутительныя записки и также у монумента Пожарскаго выставить, сколько было невинно повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь.

Объ этихъ разговорахъ было донесено коменданту; вскорѣ и Лушниковъ и его товарищи, братья Критскіе, были арестованы, послѣ чего послѣдовало донесеніе въ Петербургъ о раскрытомъ преступномъ заговорѣ, и начался допросъ арестованныхъ и слѣдствіе надъ ними. Оказалось, что въ этомъ „преступномъ заговорѣ“ замѣшано такъ или иначе до 15 человѣкъ, все юношей въ возрастѣ отъ 16 до 20 лѣтъ, изъ коихъ почти всѣ были учащимися въ университетѣ и въ гимназіи. Какихъ либо преступныхъ и бунтарскихъ дѣяній въ прямомъ смыслѣ слова со стороны всей этой группы юношей учинено не было, не было въ наличности даже мало-мальски выработаннаго плана дѣйствій, которыя оказались отсроченными на цѣлыхъ 10 лѣтъ (!), а все сводилось къ легкомысленной болтовнѣ, къ оскорбленію его величества и его семьи на словахъ, въ своей компаніи, къ храненію стиховъ Рылѣева и Бестужева и къ повторенію отчасти

*) Журналъ „Былое“, 1906 г., № 6.

тѣхъ самыхъ кровожадныхъ пожеланій, на которыя, какъ намъ уже извѣстно, не скупились въ свое время и дѣятели „Сѣвернаго" и „Южнаго" обществъ. Вотъ, напримѣръ, приведенныя г. Лемке двѣ характерныя сценки, какъ бы повторяющія то, что въ 1825 г. въ болѣе серьезной формѣ разыгрывалось на конспиративныхъ квартирахъ декабристовъ.

Какъ-то Михаилъ Критскій заговорилъ о цареубійствѣ. Тюринъ находилъ это безполезнымъ.

— Смерть государя устрашитъ прочихъ особъ царствующей фамиліи и заставитъ ихъ удалиться въ Германію,— продолжалъ Михаилъ.

— Напротивъ того, примутъ строгія мѣры, такъ что даже за одно неосторожное слово будутъ ссылать въ Сибирь,—возражалъ Тюринъ.

— Тѣмъ лучше,—не успокоивался его оппонентъ,—потому что народъ тогда ожесточится.

Въ другой разъ происходилъ такой разговоръ:

— Какъ ты думаешь,—спросилъ Лушникова Михаилъ при братѣ Василіи, Поповѣ и Тюринѣ:—до корня или съ корнемъ, т.-е. лишить ли жизни всю императорскую фамилію, или оставить наслѣдника?

— Если благополучіе моего отечества и перемѣна правленія требуютъ сихъ жертвъ, то я готовъ на все, но для чего губить царя-младенца? Онъ не можетъ быть намъ вреденъ.

— Вотъ хорошо, — возразилъ Василій, — не можетъ быть вреденъ!

— Къ тому же,—прибавилъ Поповъ,—за наслѣдника вступится всякій нѣмецъ, какъ за родную кровь свою.

— Ты долженъ слѣпо слѣдовать нашимъ совѣтамъ, — сказалъ наконецъ Тюринъ,—какъ тайнамъ Евангелія.

Потомъ Михаилъ, показывая на царскіе портреты въ календарѣ, сказалъ:

— Смотри на этихъ тирановъ и напитывай душу твою кровавою местью! — и, вынувъ два ружья, охотничій ножъ и турецкій ятаганъ, прибавилъ: — вотъ у насъ есть для нихъ гостинцы.

Кровожадный и мелодраматическій замыселъ этотъ былъ, однако, юными заговорщиками, не имѣвшими за собою какихъ-либо общественныхъ группъ, на которыя бы можно было опираться и на нихъ разсчитывать, отсроченъ на 10 лѣтъ. Почему на столь долгій срокъ? — спрашивала слѣдственная коммиссія, и

Лушниковъ дѣтски-наивно отвѣчалъ: „Потому, что всякому хотѣлось пожить и для родныхъ, и дабы видѣть плоды своего предпріятія...“

Заговорщики мечтали о составленіи прокламаціи, но весь вопросъ останавливался за написаніемъ ея; всѣ боялись, что, въ случаѣ розысковъ, ихъ почерки будутъ узнаны, а потому было рѣшено эту будущую прокламацію къ населенію, имѣющую быть положенной на памятникъ Минина и Пожарскаго, выгравировать на камнѣ подъ печать. На кого разсчитывали эти никому невѣдомые „московскіе карбонаріи“? Друзья, оказывается, надѣялись на поддержку своего предпріятія со стороны обиженнаго Николаемъ генерала Алексѣя Петровича Ермолова, на симбирскаго губернскаго предводителя дворянства, князя Баратаева, и на генерала Ивашева, отца декабриста. Василій Критскій показывалъ даже, что у нихъ была надежда имѣть Ермолова во главѣ своего общества. Разсуждая о ходѣ и развитіи своей партіи, они предполагали вербовать въ нее членовъ преимущественно среди студенчества, а предсѣдателемъ всего политическаго союза или общества избрать А. С. Пушкина (!). Слѣдствіе не обнаружило знакомства молодыхъ преступниковъ съ серьезными западноевропейскими политическими теоріями и съ кѣмъ-либо изъ видныхъ представителей тогдашней русской образованности. Политическія идеи террористическаго характера и конституціональнаго порядка проникли въ ихъ среду, частію благодаря освѣдомленности о судьбѣ декабристовъ, частію изъ чтенія произведеній тогдашней легальной и нелегальной литературы. Петръ Критскій показывалъ, что „любовь къ независимости и отвращеніе къ монархическому правленію возбудились въ немъ наиболѣе отъ чтенія твореній Пушкина и Рылѣева. Слѣдствіемъ сего было, что погибель преступниковъ 14 декабря родила въ немъ негодованіе. Сіе открылъ онъ братьямъ своимъ, которые были съ нимъ одинаковыхъ мыслей. Въ замыслахъ, не исключая и самаго покушенія на жизнь государя императора, участвовалъ, думая, впрочемъ, что сами по себѣ вшестеромъ они ничего не сдѣлаютъ, а, между тѣмъ, время откроетъ имъ глаза“. Особенною популярностью среди нихъ пользовалось стихотвореніе Рылѣева, написанное имъ совмѣсто съ А. Бестужевымъ: „Ахъ, гдѣ тѣ острова, гдѣ растетъ трынъ-трава“ *), гдѣ слѣдственной комис-

---

*) Собраніе стихотвореній декабристовъ. Томъ I. М. 1906. Оно же приведено и въ статьѣ г. Лемке.

сіей были отмѣчены и поставлены особенно въ вину обвиняемымъ серединные куплеты:

Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи цари
Правятъ.
Ты скажи поскорѣй,
Какъ въ Россіи царей
Давятъ;
Какъ капралы Петра
Провожали съ двора
Тихо;
Какъ жена предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо!
Какъ . . . . ,
Воцарился по ней—
Горе!
Но Господь, русскій Богъ,
Бѣднымъ людямъ помогъ
Вскорѣ...

Въ окончательной формѣ приговоръ надъ „злоумышленниками“ былъ лично конфирмованъ Николаемъ Павловичемъ такъ. Во главѣ всего „дѣла“ поставлены шестеро—трое Критскихъ, Лушниковъ, Поповъ и Тюринъ. „Сіи шесть человѣкъ, составивъ между собою тайное общество, умышляли на жизнь его величества государя императора и всей августѣйшей фамиліи, предполагая сіе дѣйствіе произвести не иначе, какъ по прошествіи десяти лѣтъ, а между тѣмъ было у нихъ условіе: стараться умножать членовъ, изыскивать средства для преобразованія государства, ввести конституціонное правленіе, возбуждать негодованіе солдатъ противъ правительства, приготовляться къ бунту и, написавъ прокламацію къ московскимъ жителямъ, положить оную на монументѣ Минина и Пожарскаго. Сверхъ того, изъ нихъ Лушниковъ, Петръ Критскій и Поповъ произносили къ портретамъ государя императора дерзкія и оскорбительныя слова; при томъ, Лушниковъ былъ ожесточенъ до такой степени, что дерзнулъ на портретѣ блаженныя памяти государя императора выколоть глаза“. Резолюція Николая I: „Лушникова и Петра Критскаго отправить въ Швартгольмскую крѣпость, Михаила и Василія Критскихъ отправить въ Соловецкій монастырь, Попова и Тюрина отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость“. По отношенію другихъ послѣдовали распоряженія о высылкѣ ихъ изъ Москвы преимущественно въ восточныя губерніи, но съ правомъ поступленія тамъ на гражданскую службу канцелярскими чиновниками. Нѣкоторые были совершенно помилованы.

Такъ печально кончилось это, въ сущности, пустячное дѣло, являвшееся слабымъ эхомъ раскатовъ событій 14 декабря,—дѣло, гдѣ впервые выступаютъ на арену представители учащейся молодежи и гдѣ усматривается зародышъ тѣхъ политическихъ студенческихъ кружковъ, которыми впослѣдствіи переполнилась наша родина и которые съ теченіемъ времени все активнѣе принимали участіе въ политическихъ движеніяхъ Россіи.

Кружокъ братьевъ Критскихъ носилъ на себѣ несомнѣно отпечатокъ случайности, отсутствія какой-либо въ немъ организаціи и безъ всякихъ глубокихъ корней въ какихъ-либо общественныхъ напластованіяхъ русской дѣйствительности. Не то мы видимъ въ томъ кружкѣ университетской молодежи, гдѣ такую выдающуюся роль играли А. И. Герценъ, Огаревъ, Пассекъ, Сатинъ и др. Онъ не былъ политическимъ въ прямомъ смыслѣ слова, въ немъ не было элементовъ заговоровъ и активныхъ противоправительственныхъ замысловъ, но зато онъ естественно вышелъ изъ глубокихъ нѣдръ тогдашней русской жизни, связанъ съ нею тѣсною органическою связью, и при наличности у его участниковъ выдающихся талантовъ, образованности и серьезнаго, вдумчиваго отношенія ко всему реально-окружающему, кружокъ этотъ рано или поздно долженъ былъ дать Россіи крупныхъ политическихъ дѣятелей, которымъ суждено будетъ сыграть въ ея судьбахъ выдающуюся роль. Дѣятели этого молодого московскаго сообщества тоже духовно были связаны уже на ранней зарѣ своей жизни съ идеалами декабристовъ, прониклись соболѣзнованіемъ къ ихъ трагической судьбѣ и явились на арену отечественной жизни тридцатыхъ годовъ уже съ философски обоснованными политическими взглядами, соприкасающимися къ тѣмъ взглядамъ, которые въ предыдущее десятилѣтіе такъ громко и рѣшительно исповѣдывалъ первый русскій активный соціалистъ—Пестель.

Въ своихъ дивныхъ воспоминаніяхъ—„Былое и Думы" *), равныхъ которымъ по яркости красокъ и сочности пера нѣтъ въ нашей литературѣ, Герценъ подробно описываетъ, подъ дѣйствіемъ какихъ факторовъ сложилось его міросозерцаніе, какъ протекали его дѣтство и юность, какъ образовался товарищескій кружокъ, который постигла потомъ горькая участь, и протекла его послѣдующая жизнь въ провинціальномъ изгнаніи до отъѣзда за границу въ 1847 г. Мы остановимся въ настоящей главѣ

*) Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной. Т. II. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905 г.

лишь на юношескомъ періодѣ жизни знаменитаго эмигранта; послѣдующая его жизнь и дѣятельность въ роли политическаго агитатора и редактора русскихъ зарубежныхъ изданій, въ связи съ дѣятельностью на томъ же поприще Огарева, Бакунина и др. составитъ содержаніе одной изъ послѣдующихъ главъ.

Герценъ былъ внѣбрачнымъ сыномъ извѣстнаго въ Москвѣ Ивана Алексѣевича Яковлева и Генріеты-Вильгельмины-Луизы Гаагъ, былъ любимцемъ отца, котораго очень озабочивала будущность Шушки, какъ звали Александра Ивановича въ дѣтствѣ.

Александръ Ивановичъ Герценъ (въ молодости).

Сынъ, какъ и всѣ дѣти той эпохи, мечталъ о военной службѣ, а отецъ мечталъ сдѣлать изъ него дипломата, въ каковыхъ цѣляхъ, пользуясь своими широкими связями, уже въ раннемъ возрастѣ устроилъ ему полученіе гражданскихъ чиновъ, такъ что, когда ему минуло 14 лѣтъ, Герценъ числился уже губернскимъ секретаремъ, съ показаніемъ въ формулярномъ спискѣ, что ему минуло 20 лѣтъ.

Дни его въ родительскомъ домѣ, типичномъ московскомъ дворянскомъ гнѣздѣ, съ его самодурствомъ, безалаберностью и крѣпостничествомъ, протекали достаточно однообразно, скучно и безъ сильныхъ духовныхъ впечатлѣній. Когда ему только что

минуло 14 лѣтъ, его душѣ сразу суждено было пробудиться, и толчкомъ къ этому пробужденію послужило именно дѣло декабристовъ. „Разсказы о возмущеніи, о судѣ, ужасѣ въ Москвѣ сильно поразили меня,—повѣтствуетъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ", — мнѣ открывался новый міръ, который становился больше средоточіемъ всего нравственнаго существованія моего; не знаю, какъ это сдѣлалось, но, мало понимая или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила ребяческій сонъ моей души.

„Само собою разумѣется, что одиночество теперь тяготило меня больше прежняго, мнѣ хотѣлось кому нибудь сообщить свои мысли и мечты, провѣрить ихъ, слышать имъ подтвержденіе; я слишкомъ гордо сознавалъ себя „злоумышленникомъ", чтобъ молчать объ этомъ или чтобъ говорить безъ разбора".

Выборъ его палъ на учителя русскаго языка, И. Е. Протопопова, который, выслушавъ исповѣдь ученика, со слезами ему сказалъ: „Дай Богъ, чтобъ эти чувства созрѣли въ васъ и укрѣпились". Съ того времени учитель снабжаетъ Герцена переписанными стихами Пушкина: „Ода на свободу", „Кинжалъ", „Думы Рылѣева", и т. п. литературой. Самъ ученикъ находитъ въ подвалѣ дома исторію революціи 90-хъ годовъ и съ тѣхъ поръ погружается, по мѣрѣ возможности, въ политическое чтеніе. Ему пришлось быть на Кремлевской площади во время коронаціи Николая и тутъ „передъ алтаремъ, оскверненнымъ кровавой молитвой, онъ клялся отомстить за казненныхъ и обрекалъ себя на борьбу съ этимъ тираномъ, съ этимъ алтаремъ, съ этими пушками".

Такое же настроеніе царило въ душѣ и сверстника Герцена, съ которымъ онъ недавно сдружился и сошелся, извѣстнаго впослѣдствіи поэта и эмигранта, Н. П. Огарева, который, вспоминая въ стихахъ тѣ годы юности, такъ рисуетъ свое состояніе души и настроеніе ума *):

И все тогда влекло меня впередъ —
И жажда знать законы общей жизни,
Судьбы великія людского рода,
Въ которыя не вѣрю я теперь,

*) Какъ эта, такъ и нѣкоторыя другія цитаты взяты изъ интересной статьи М. Лемке: „Очерки жизни и дѣятельности Герцена, Огарева и ихъ друзей", написанной по неизданнымъ источникамъ, см. „Міръ Божій", №№ 1, 2 и 4 за 1905 г.

И двигала меня еще живая память
О пятерыхъ . . . . *)
По ихъ слѣдамъ слагалась жизнь моя,
Я призванъ былъ работать для свободы
И побѣдить иль величаво пасть...

Вскорѣ молодые друзья поступили въ университетъ, сошлись кое съ кѣмъ изъ тамошней молодежи, тѣсно сблизились и образовали товарищескій кружокъ, который страстно волновался вопросами науки, философіи, политики и соціализма. Въ составъ молодого кружка входили—Герценъ, Огаревъ, Кетчеръ, Пассекъ (Вадимъ), Сазоновъ, Сатинъ, Носковъ и Масловъ; самыми крупными величинами въ нихъ были, конечно, первые двое, которые, такимъ образомъ, и являются какъ бы центромъ тогдашняго молодого умственнаго возбужденія среди пріятелей. Вспоминая то свое студенческое время и своихъ товарищей, Герценъ говоритъ: „Мы были фанатики и юноши, все было подчинено одной мысли и одной религіи: наука, искусство, связи, родительскій домъ, общественное положеніе. Тамъ, гдѣ открывалась возможность обращать, проповѣдывать, тамъ мы были со всѣмъ сердцемъ и помышленіемъ, неотступно, безотвязно, не щадя ни времени, ни труда, ни кокетства даже... День, въ который мы сѣли рядомъ на одной изъ лавокъ амфитеатра и взглянули другъ на друга, съ сознаніемъ нашего обреченія, нашей связи, нашей тайны, нашей готовности погибнуть, нашей вѣры въ святость дѣла и взглянули съ гордой любовью на это множество молодыхъ, прекрасныхъ головъ, окружившихъ насъ, какъ на братственную паству, — былъ великимъ днемъ въ нашей жизни. Мы подали другъ другу руку и à la lettre пошли проповѣдывать свободу и борьбу во всѣ четыре стороны нашей молодой вселенной, какъ четыре діакона, идущіе въ свѣтлый праздникъ съ четырьмя евангеліями въ рукахъ“.

Въ чемъ же заключалась проповѣдь молодыхъ энтузіастовъ, что они проповѣдывали? „Что мы, собственно, проповѣдывали, трудно сказать,—повѣствуетъ Герценъ.—Идеи были смутны: мы проповѣдывали французскую революцію, потомъ проповѣдывали сенъ-симонизмъ и тутъ же революцію, мы проповѣдывали конституцію и республику, чтеніе политическихъ книгъ и сосредоточеніе силъ въ одномъ обществѣ. Но пуще всего проповѣдывали ненависть ко всякому насилію, ко всякому произволу“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Время, слѣдовавшее за усми-

*) О пятерыхъ повѣшенныхъ декабристахъ.

реніемъ польскаго возстанія, быстро воспитывало. Мы начали съ внутреннимъ ужасомъ разглядывать, что и въ Европѣ и особенно во Франціи, откуда ждали пароль политическій и лозунгъ, дѣла идутъ неладно, теоріи наши становились намъ подозрительны. Дѣтскій либерализмъ 1826 г., сложившійя мало-по-малу въ то французское возрѣніе, которое проповѣдывали Лафайеты и Бенжамены Констаны, пѣлъ Беранже,—терялъ для насъ, послѣ гибели Польши, свою чарующую силу. Тогда-то часть молодежи, и въ ея числѣ Вадимъ, бросились на глубокое и серьезное изученіе русской исторіи. Другая—въ изученіе нѣмецкой философіи.

„Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Мы слишкомъ сжились съ иными идеалами, чтобъ скоро поступиться ими. Вѣра въ беранжеровскую *застольную* революцію была потрясена, но мы искали чего-то другого. чего не могли найти ни въ Нестеровской лѣтописи, ни въ трансцедентальномъ идеализмѣ Шеллинга... Новый міръ толкался въ двери, наши души, наши сердца растворились ему. Сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ существенномъ. Удобовпечатлимые, искренно-молодые, мы легко были подхвачены мощной волной его и рано переплыли тотъ рубежъ, на которомъ останавливаются цѣлые ряды людей, складываютъ руки, идутъ назадъ или ищутъ по сторонамъ броду черезъ море! Но не всѣ рискнули съ нами. Соціализмъ и реализмъ остаются до сихъ поръ пробными камнями, брошенными на пути революціи и науки... Кругъ нашъ еще тѣснѣе сомкнулся. Уже тогда, въ 1833 г., *либералы* смотрѣли на насъ исподлобья, какъ на сбившихся съ дороги..."

Итакъ, еще на университетской скамьѣ Герценъ и Огаревъ рвутъ связь съ политическимъ либерализмомъ и несутъ съ собою проповѣдь соціализма съ его философскимъ обоснованіемъ, почерпнутымъ изъ ученія Сенъ-Симона. Это было знаменательнымъ моментомъ въ жизни русской интеллигенціи, гдѣ къ тому времени уже начали постепенно обозначаться смутные контуры будущихъ нашихъ политическихъ партій съ ихъ подраздѣленіями на правыя, центральныя и лѣвыя. Родоначальниками этихъ лѣвыхъ, если не считать Пестеля, который въ данномъ случаѣ стоитъ совсѣмъ особнякомъ, должны быть признаны именно университетскіе неразлучные пріятели — Герценъ и Огаревъ.

Сенъ-сипонизмъ *) можетъ быть разсматриваемъ, какъ пред-

*) О Сенъ-Симонѣ и сенъ-симонизмѣ см. популярную ст. въ т. XXIX-мъ „Энциклопедическаго словаря" Брокгауза и Ефрона.

вѣстникъ того движенія, которое намъ знакомо и на нашихъ глазахъ получило столь широкое распространеніе и популярность подъ фирмою „экономическаго матеріализма“. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, оставляя въ сторонѣ субъективныя и индивидуальныя стороны каждаго ученія, мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемъ сосредоточенность вниманія на промышленной сторонѣ въ жизни государства, заботу о пролетаріатѣ и проповѣдь ассоціаціи труда во имя счастья, блага и экономическаго равенства людей между собою. „Промышленный принципъ основывается на принципѣ полнаго равенства“, — таковъ краеугольный камень ученія французскаго философа. Политическая свобода, согласно этому ученію есть необходимое слѣдствіе прогрессивнаго развитія; но разъ эта свобода достигнута, она перестаетъ быть конечной цѣлью. „Индивидуализмъ слишкомъ развилъ и безъ того сильный въ человѣкѣ эгоизмъ; теперь нужно организовать производство на принципѣ ассоціаціи, что̀ скоро приведетъ къ развитію естественныхъ чувствъ солидарности и взаимной братской преданности. Лозунгъ индивидуализма — борьба людей другъ противъ друга; лозунгъ принципа ассоціаціи — борьба людей въ союзѣ другъ съ другомъ противъ природы. Главная задача государственныхъ людей въ индустріальномъ государствѣ состоитъ въ заботѣ о трудѣ“.

Насколько энтузіазмъ, рожденный знакомствомъ съ соціализмомъ и въ связи съ спеціальными политическими задачами Россіи николаевской эпохи подъ угломъ зрѣнія прогрессивной части общества, насколько этотъ энтузіазмъ былъ силенъ среди членовъ Герценовскаго кружка, всего лучше усматривается изъ автобіографическаго стихотворенія Огарева: „Исповѣдь лишняго человѣка“:

Я помню, разъ—тогда была весна,
И только снѣгъ едва кой-гдѣ бѣлѣлся,
И мутные ручьи текли вдоль улицъ...
Я съ другомъ *) шелъ куда-то далеко—
Край города... тамъ третій жилъ товарищъ.
Мы бодро шли, толкуя межъ собой
И шлепая калошами по грязи.
Я помню комнатку аршиновъ въ пять,
Кровать, да стулъ, да столъ съ свѣчею сальной...
И тутъ втроемъ мы, дѣти декабристовъ
И міра новаго ученики,
Ученики Фурье и Сенъ-Симона,—
Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,

*) Т. е. Герценомъ.

Основою положимъ соцьялизмъ,
И, чтобъ достичь священной нашей цѣли,
Мы общество должны составить втайнѣ
И втайнѣ шагъ за шагомъ распространять.
Товарищъ вашъ *), глубоко религіозный,
Торжественно предъ нами развернулъ
Большую книгу въ буромъ переплетѣ
Со сдержками... И мы клялись надъ ней,
И бросились другъ другу мы на шею,
И плакали въ восторгѣ молодомъ...
И въ жизни слезъ я не припомню чище!..

Эта романтическая картинка съ клятвою надъ Евангеліемъ, нарисованная поэтомъ-художникомъ, очень характерна: тутъ и память о декабристахъ, и поклоненіе Сенъ-Симону, т.-е. соціализму, и твердое намѣреніе посвятить свою жизнь „народу и его особожденью“, въ цѣляхъ чего признается необходимою организація политическаго общества съ задачею пропаганды. И дѣйствительно, молодые люди остаются вѣрными себѣ — они доказываютъ это всею своею жизнью, въ которую включены были именно тѣ задачи, во имя которыхъ была принесена евангельская клятва. Имъ не удалось только образовать политическаго общества, по образцу обществъ двадцатыхъ годовъ, но и безъ того черезъ какихъ нибудь двадцать лѣтъ эти политическіе энтузіасты, когда сѣдина уже показалась въ ихъ волосахъ, явили собою величину, значительно превосходящую своимъ нравственнымъ и политическимъ значеніемъ весьма многія даже правильно организованныя общества. Поэтому, хотя правительство Николая I и не имѣло въ рукахъ данныхъ для привлеченія ихъ къ отвѣту за какія либо мятежныя дѣянія или за политическую пропаганду, но, тѣмъ не менѣе, придравшись къ одному исключительному случаю, поспѣшило удалить юношей, тогда только что сошедшихъ съ школьной скамьи, подалѣе отъ умственныхъ центровъ Россіи и попыталось заглушить порывы молодыхъ рвавшихся наружу силъ ссылкою въ дальніе глухіе города. „Дѣло о лицахъ, пѣвшихъ въ Москвѣ пасквильные стихи“ должно было быть тою могилою, холоду которой на первое время суждено было заморозить эти силы.

Повидимому, настроеніе умовъ московской молодежи уже давно обратило на себя вниманіе зоркой николаевской администраціи, но въ виду отсутствія за ними какихъ-либо преступныхъ дѣяній ихъ не трогали, но вотъ случай представился. Раннимъ лѣтомъ 1834 г. состоялась веселая вечеринка съ силь-

*) Сазоновъ.

ными возліяніями, пѣснями, хохотомъ и легкомысленными юношескими разговорами въ кругу своей компаніи, отдѣленной отъ міра Божьяго четырьмя стѣнами. Но стѣны николаевскихъ построекъ имѣли чуткій слухъ,—отсюда заранѣе пріуготовленный и искусно осуществленный шпіономъ *) доносъ, арестъ всѣхъ друзей, слѣдствіе надъ ними, тюрьма и ссылка.

Главное формальное обвиненіе вертѣлось около пѣнія нецензурныхъ пѣсенъ, и въ томъ числѣ слѣдующихъ двухъ:

А.

Русскій императоръ
Богу духъ вручилъ,
Ему операторъ
Б . . хо начинилъ.
Плачетъ государство,
Плачетъ весь народъ,
Ѣдетъ къ намъ на царство
Костюшка-уродъ.
Но царю вселенной,
Богу вышнихъ силъ,
Царь благословенный
Грамоту вручилъ.
Манифестъ читая,
Сжалился Творецъ,
Далъ намъ Николая
Всевышній Отецъ.

Б.

Боже! Коль Ты силенъ еси,
Всѣхъ царей въ грязь мѣси
И кинь ихъ подъ престолъ.
Сашеньку, Машеньку,
Мишеньку, Костеньку и Николаюшку
Ж . . . й на колъ.

Какъ читатели могутъ убѣдиться, сами по себѣ стихи не представляютъ какого либо революціоннаго воззванія и не имѣютъ въ себѣ настоящаго политическаго содержанія, не говоря уже про отсутствіе въ нихъ увлекательнаго юмора и поэзіи; они попросту грубы и дерзки въ отношеніи представителей царствующаго дома. Если принять къ тому же во вниманіе, что ихъ пѣли люди пьяные, то врядъ ли можно было бы сдѣлать изъ нихъ объектъ очень серьезнаго обвиненія, коимъ бы разбивались молодыя жизни; но если прослѣдить за всѣмъ ходомъ процесса, то станетъ яснымъ, что „пѣсни“ были лишь предлогомъ для

*) Подробно объ этомъ см. въ статьѣ М. Лемке, „Міръ Божій“, 1805 г., № 2, гдѣ и приведены „пасквильныя“ пѣсни, списанныя имъ изъ подлиннаго дѣла.

Такъ печально кончилось это, въ сущности, пустячное дѣло, являвшееся слабымъ эхомъ раскатовъ событій 14 декабря,— дѣло, гдѣ впервые выступаютъ на арену представители учащейся молодежи и гдѣ усматривается зародышъ тѣхъ политическихъ студенческихъ кружковъ, которыми впослѣдствіи переполнилась наша родина и которые съ теченіемъ времени все активнѣе принимали участіе въ политическихъ движеніяхъ Россіи.

Кружокъ братьевъ Критскихъ носилъ на себѣ несомнѣно отпечатокъ случайности, отсутствія какой-либо въ немъ организаціи и безъ всякихъ глубокихъ корней въ какихъ-либо общественныхъ напластованіяхъ русской дѣйствительности. Не то мы видимъ въ томъ кружкѣ университетской молодежи, гдѣ такую выдающуюся роль играли А. И. Герценъ, Огаревъ, Пассекъ, Сатинъ и др. Онъ не былъ политическимъ въ прямомъ смыслѣ слова, въ немъ не было элементовъ заговоровъ и активныхъ противоправительственныхъ замысловъ, но зато онъ естественно вышелъ изъ глубокихъ нѣдръ тогдашней русской жизни, связанъ съ нею тѣсною органическою связью, и при наличности у его участниковъ выдающихся талантовъ, образованности и серьезнаго, вдумчиваго отношенія ко всему реально-окружающему, кружокъ этотъ рано или поздно долженъ былъ дать Россіи крупныхъ политическихъ дѣятелей, которымъ суждено будетъ сыграть въ ея судьбахъ выдающуюся роль. Дѣятели этого молодого московскаго сообщества тоже духовно были связаны уже на ранней зарѣ своей жизни съ идеалами декабристовъ, прониклись соболѣзнованіемъ къ ихъ трагической судьбѣ и явились на арену отечественной жизни тридцатыхъ годовъ уже съ философски обоснованными политическими взглядами, соприкасающимися къ тѣмъ взглядамъ, которые въ предыдущее десятилѣтіе такъ громко и рѣшительно исповѣдывалъ первый русскій активный соціалистъ—Пестель.

Въ своихъ дивныхъ воспоминаніяхъ—„Былое и Думы“ *), равныхъ которымъ по яркости красокъ и сочности пера нѣтъ въ нашей литературѣ, Герценъ подробно описываетъ, подъ дѣйствіемъ какихъ факторовъ сложилось его міросозерцаніе, какъ протекали его дѣтство и юность, какъ образовался товарищескій кружокъ, который постигла потомъ горькая участь, и протекла его послѣдующая жизнь въ провинціальномъ изгнаніи до отъѣзда за границу въ 1847 г. Мы остановимся въ настоящей главѣ

*) Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной. Т. II. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905 г.

Собственно весь обвинительный уклонъ, особенно въ отношенiи Герцена, Огарева и Сатина, направленъ былъ не къ факту пѣснопѣнiя, а къ тому умственному и идейному богатству, съ которымъ въ наличности молодежь вышла на поприще жизни изъ стѣнъ высшаго учебнаго заведенiя. Такъ, Голицынъ дѣлалъ Бенкендорфу послѣ изложенiя самаго дѣла, характеристики каждаго арестованнаго и намѣчалъ наказанiя: „хотя не видно въ нихъ настоящаго замысла къ измѣненiю государственнаго порядка, и сужденiя ихъ, не имѣющiя еще существенно никакихъ вредныхъ послѣдствiй, въ прямомъ значенiи не что иное суть, какъ однѣ мечты пылкаго воображенiя, возбужденныя при незрѣлости разсудка чтенiемъ новѣйшихъ книгъ, которыми молодые люди нерѣдко завлекаются въ заблужденiе, но за всѣмъ тѣмъ имѣютъ видъ умствованiй непозволительныхъ какъ потому, что, укореняясь временемъ, могутъ образовать расположенiе ума готоваго къ противнымъ порядку предпрiятiямъ, такъ и потому, что люди съ такими способностями и образованiемъ, какiя имѣютъ означенныя въ семъ разрядѣ лица, удобно могутъ обольщать ими другихъ".

Итакъ, людей судили и казнили не за дѣйствiя, не за факты, а за возможность для нихъ влiять въ нежелательномъ для существующаго порядка вещей духѣ на окружающихъ, за ихъ способности и образованiе, отдававшiя вольномыслiемъ и потенцiальнымъ протестомъ. Финалъ суда былъ не веселый. Главные пѣсенники—Уткинъ, Исаевъ и Соколовскiй, согласно резолюцiи Николая I, были заточены на неопредѣленное время въ Шлиссельбургскую крѣпость, „съ тѣмъ, что современемъ будутъ употреблены на службу во внутреннiя губернiи". Прочiе высланы изъ Москвы, причемъ мѣстопребыванiемъ для Герцена была назначена Пермская губернiя, для Огарева—Пензенская, для Лахтина—Саратовская, для Сатина—Симбирская.

Мы не послѣдуемъ за нашими изгнанниками въ восточныя губернiи—это не входитъ въ програму настоящихъ очерковъ. Мы въ скоромъ времени съ ними встрѣтимся за рубежомъ родной земли, когда придется говорить о нихъ, какъ о страстныхъ обличителяхъ николаевской Россiи и въ роли политическихъ агитаторовъ, ведущихъ непрерывную борьбу во имя тѣхъ идеаловъ, ради которыхъ была принесена извѣстная клятва надъ Евангелiемъ, описанная Огаревымъ въ цитированномъ выше стихотворенiи:

....Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положимъ соцьялизмъ...

Мотивы этой ранней юношеской клятвы донесутся до насъ со столбцовъ „Колокола" и „Полярной Звѣзды", когда придется о нихъ говорить ..

„Дѣтскій либерализмъ 1826 г... терялъ для насъ послѣ гибели Польши свою чарующую силу",—такъ признается Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Хотя польское возстаніе 1830 г. не имѣетъ прямого отношенія къ борьбѣ русскаго общества за конституцію, а потому не имѣетъ и основанія для изложенія своего хода событій въ настоящихъ очеркахъ, но мы должны его зарегистровать и отмѣтить, ибо, во-первыхъ, это возстаніе 1830 г. до нѣкоторой степени связано съ событіями 1825 г., а, во-вторыхъ, потому, что оно безусловно отразилось на умахъ русскихъ современниковъ въ смыслѣ укрѣпленія въ нихъ оппозиціонной тенденціи политикѣ правящихъ сферъ и даже въ смыслѣ нѣкотораго революціонизированія наиболѣе горячихъ и страстныхъ представителей общественныхъ русскихъ группъ. Свидѣтельство Герцена налицо.

Читателямъ уже извѣстно о существовавшихъ въ царствѣ Польскомъ въ эпоху Александра I тайныхъ политическихъ кружкахъ и о переговорахъ съ представителями этихъ кружковъ со стороны участниковъ заговора въ „Южномъ" обществѣ. Поляки тянули переговоры, не были искренними, предпочитая выжидательную политику, и, когда разыгралась кровавая трагедія у Бѣлой Церкви, они ни въ какомъ отношеніи не откликнулись на это событіе. Русскія внутреннія дѣла могли представлять для нихъ интересъ лишь постольку, поскольку они служили къ ослабленію императорскаго правительства, съ каковымъ ослабленіемъ соединялась надежда на осуществленіе былой польской независимости. Уже сеймъ 1825 г. повелъ почти къ формальному разрыву между поляками и правительствомъ, и съ того времени мы наблюдаемъ постепенное и настойчивое возбужденіе мѣстнаго общества, въ цѣляхъ возстанія всего царства Польскаго. Въ пропаганду были вовлечены всѣ классы населенія— дворянство, мѣщанство, духовенство, армія; въ сторонѣ оставались лишь крестьянскія массы. Возстаніе намѣчалось ко дню коронаціи Николая, но этого плана не удалось осуществить. Іюльская революція 1830 г. во Франціи дала сильный толчекъ накипѣвшему нетерпѣнію польскихъ патріотовъ, и уже осенью

вѣсть о возстаніи въ Польшѣ и о заговорѣ противъ великаго князя потрясла весь край и отозвалась гулкимъ эхомъ на берегахъ Невы. Началась война 1830—1831 г.г., гдѣ поляки оказались побѣжденными войсками Дибича и Паскевича. Польша была усмирена, ея конституція фактически уничтожена, множество участниковъ возстанія схвачено и подвергнуто всякаго рода карамъ и взысканіямъ, при чемъ къ смертной казни было приговорено 249 человѣкъ, и въ числѣ ихъ извѣстный Адамъ Чарторыйскій и польскій историкъ Іохимъ Лелевель. Но всѣ эти лица успѣли скрыться за границу, вслѣдствіе чего казнь имъ была замѣнена пожизненнымъ изгнаніемъ, съ предупрежденіемъ, что если кто либо изъ нихъ явно или тайно появится въ предѣлахъ Россіи, то съ нимъ будетъ поступлено со всею строгостью военныхъ законовъ. Высочайшее повелѣніе 1831 г. гласило*): „...Съ твердостью рѣшились мы исполнить надъ ними (мятежниками) примѣръ заслуженнаго наказанія, который остановитъ, мы уповаемъ, колеблющихся и возвратитъ заблудшихся къ обязанностямъ долга и присяги. Мы повелѣли: 1) всѣхъ дворянъ или шляхту, принявшихъ участіе въ семъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противостанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по полевому уголовному уложенію и приговоры суда исполнить надъ ними на мѣстѣ съ утвержденія отдѣльнаго отряднаго начальника. 2) Недвижимыя имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе инвалиднаго капитала. 3) О всѣхъ мужского пола дѣтяхъ дворянъ или шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пунктѣ означенное, показанныхъ, входить къ намъ съ особымъ представленіемъ, дѣтей же, именующихся шляхтичами, но никакихъ доказательствъ на сіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты. 4) Людей низшаго званія, кои, участвуя въ сихъ безпорядкахъ, будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекруты и отсылать на службу въ сибирскіе линейные баталіоны. 5) Дѣтей мужского пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты. 6) Всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будутъ въ убійствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ судомъ по полевому уголовному уложенію. 7) Кто изъ простолюдиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика или угрозами, броситъ оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать“.

*) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, т. I.

Въ дополненіе и развитіе этого повелѣнія черезъ два съ половиною года (1834 г.) было повелѣно: „...8) Относительно прочихъ..., кои по укрощеніи мятежа скрылись и, бывъ обвиняемы въ преступленіяхъ..., къ суду вызываемы были, но не явились вовсе, и затѣмъ уже по доказательствамъ о тяжкихъ ихъ злодѣяніяхъ и преступленіяхъ, слѣдствіемъ обнаруженныхъ, суждены помянутымъ судомъ и по силѣ уголовнаго уложенія царства Польскаго приговорены оными, а именно: означенныхъ... 249 преступниковъ къ смертной казни повѣшеніемъ; слѣдующіе 9 къ смертной казни отсѣченіемъ головы, а прочіе 7 къ строгому и тяжкому заключенію подлежащими, со всѣми послѣдствіями, кои по закону влечетъ за собою таковое всѣхъ ихъ осужденіе, мы съ лишеніемъ преступниковъ сихъ всѣхъ правъ, каждому изъ нихъ принадлежавшихъ, приговоренныя имъ казни и наказанія обращаемъ въ изгнаніе всѣхъ ихъ... навсегда изъ царства Польскаго и прочихъ подвластныхъ областей имперіи нашей. Если же кто либо изъ сихъ преступниковъ явно или тайно возвратится когда либо въ предѣлы имперіи или царства, то того подвергнуть дѣйствію постановленнаго о немъ судомъ приговора по всей строгости полевого уголовнаго уложенія дѣйствующей арміи".

Николай Павловичъ еще съ дѣтства, подъ вліяніемъ своей няни Лайонъ, „няни-львицы", какъ ее называли при дворѣ, ненавидѣвшій поляковъ, круто и рѣшительно подавилъ польское возстаніе, послѣ чего, съ одной стороны, мы видимъ широкую ихъ эмиграцію въ Западную Европу и въ Парижъ по преимуществу, а съ другой—обильное заполненіе ими глухихъ провинціальныхъ центровъ нашего отечества. Оба эти обстоятельства сыграли въ исторіи русскаго политическаго движенія крупную роль и имѣли для хода и развитія революціонной мысли нашего отечества большое значеніе.

Польскіе эмигранты не поставили рѣшительной точки къ своей дѣятельности, враждебной русской государственности, не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ, а начали основывать за предѣлами Россіи, въ разныхъ центрахъ своихъ новыхъ родинъ, многочисленные кружки, цѣль которыхъ была не дать угаснуть польскому революціонному пламени и продолжать настойчиво подготовлять страну къ будущему возстанію въ удобный и благопріятный для сего историческій моментъ. Эти польскіе эмигранты возбуждали противъ Россіи вообще и Николая I и его правительства въ частности общественное мнѣніе Западной Европы и даже Америки и подготовляли благопріятную почву

для осѣдлости за предѣлами родины будущимъ русскимъ эмигрантамъ, съ коими они и входятъ въ тѣсную связь, въ интересахъ совмѣстной политической дѣятельности, во имя освободительныхъ идей. При этомъ русскіе эмигранты (Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ и др.) въ своихъ дѣйствіяхъ являются значительно болѣе откровенными и отзывчивыми, нежели ихъ западные собратья по единой славянской крови, и этимъ самымъ приносятъ и самимъ себѣ, и идеямъ, ихъ воодушевляющимъ, большой ущербъ, о чемъ рѣчь еще будетъ впереди.

Что касается поляковъ, очутившихся преимущественно въ сибирскихъ и восточныхъ губерніяхъ, то они явились здѣсь безусловно мѣстными интеллигентными единицами, превышающими своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ и своею политическою культурою захолустную провинціальную массу, которую они настойчиво и понемногу начинаютъ будить отъ общественной спячки, подготовляя здѣсь ряды будущихъ борцовъ за освобожденіе отъ бюрократическаго режима. Вліяніе поляковъ и эмигрантовъ на юныхъ представителей дворянскихъ гнѣздъ несомнѣнно, и въ нашей литературѣ можно уже сейчасъ указать на слѣды этихъ вліяній и на результаты ихъ политической пропаганды оппозиціоннаго и революціоннаго характера.

Польскіе эмигранты состояли въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ уцѣлѣвшими отъ разгрома родными отечественными кружками и отдѣльными лицами, воздѣйствовали на нихъ, вслѣдствіе чего во все царствованіе Николая I въ Польшѣ наблюдается глухое политическое броженіе, съ которымъ правительству приходится постоянно считаться и которое уже въ слѣдующемъ царствованіи вылилось въ кровавое возстаніе 1863—1864 г.г. Изъ наиболѣе острыхъ моментовъ проявленія польской революціонной оппозиціи правительству Николая Павловича можно отмѣтить дѣятельность эмиссара Канарскаго, занявшагося отъ имени „Молодой Польши“ пропагандою въ народѣ. Канарскій былъ схваченъ и разстрѣлянъ въ Вильнѣ въ 1839 г. Николай I отвѣчалъ на броженіе въ Западномъ краѣ настойчивыми репрессіями, и во все его царствованіе польскій сеймъ, по конституціи, дарованной въ 1815 г., ни разу не былъ собранъ. Равнымъ образомъ государь относился совершенно отрицательно и къ финляндской конституціи, установленной его братомъ, такъ что и здѣшній сеймъ ни разу не собирался ради какой-либо законодательной работы. Николай I не допускалъ никакихъ вѣяній сепаратизма и подавлялъ ихъ быстро и рѣшительно желѣзною рукою.

Къ числу такихъ круто поставленныхъ дѣлъ относится и извѣстное дѣло Н. Костомарова и Т. Шевченка, которые были привлечены къ дознанію и административно осуждены за идеи и дѣятельность въ направленіи украинскаго сепаратизма.

Разсказывая, какъ образовалась у него привязанность къ Малороссіи, малороссійской исторіи и ко всему до Малороссіи относящемуся, Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи, записанной Н. А. Бѣлозерской *), отмѣчаетъ, что до 1836 г. онъ совсѣмъ не занимался Малороссіей, и она его [illegible] не интересовала. Только въ 1837 г., когда онъ вернулся изъ Москвы въ Харьковъ, онъ сталъ усиленно заниматься этой стороной русской исторіи и русской народности, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ произведеній Гоголя, и окончательно [illegible] себѣ Украинѣ, послѣ прочтенія „Думъ“, изданныхъ Максимовичемъ. „Идея народности, уже существовавшая въ то время, стала сильно занимать меня,—говоритъ онъ,—я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацію Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться по-чешски и по-сербски. Малороссійскія пѣсни, изданныя Максимовичемъ и другими, [illegible]. Хотя малороссы хохотали тогда надъ моимъ [illegible], прочиталъ всего Квитку, и что попадалось малороссійскаго, и теперь уже мнѣ не встрѣчалось незнакомыхъ словъ... Мною овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому... Малороссія стала моей idée fixe“...

Получивъ въ 1844 г. мѣсто учителя исторіи въ Ровнѣ (онъ уже тогда защитилъ диссертацію и добылъ ученую степень), Костомаровъ продолжалъ увлекаться малороссійскимъ, собиралъ [illegible] пѣсни, изучалъ разныя [illegible] работы о Богданѣ Хмельницкомъ [illegible] матеріалъ. Въ 1845 г. онъ былъ переведенъ учителемъ въ 1-ю кіевскую гимназію и [illegible] у Н. Гулака. Однако сошелся съ мѣстными представителями украинской интеллигенціи— Маркевичемъ, Бѣлозерскимъ [illegible] вскорѣ особенно сдружился съ [illegible] Тарасомъ Шевченкомъ. Тутъ-то впервые у него явилась мысль о созданіи общества, которое бы имѣло цѣлью распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи [illegible] народности. Къ этому новому об-

*) „Русская Мысль“ 1885 г. кн. 5.

ществу пристали, А. Навроцкій, Пильщиковъ, Маркевичъ, Бѣлозерскій, Гулакъ, Савичъ и, наконецъ, Шевченко.

„Въ январѣ 1846 г. я началъ читать лекціи по русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ,—говоритъ Костомаровъ въ автобіографіи,—и, по своей увлекающейся натурѣ, не знавшей золотой середины, предался имъ всею душою. Полною жизнью жилось мнѣ въ то время. Идеи основаннаго мною общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ каѳедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества быстро пошли въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей ихъ былъ Пильщиковъ, имѣвшій сильное вліяніе на молодежь, какъ своимъ умѣніемъ обращаться съ нею, такъ и своею честною личностью" *).

Сѣмя, бросаемое Н. Костомаровымъ, падало на благопріятную почву: помимо прочихъ историческихъ и этнографическихъ причинъ для того, необходимо имѣть въ виду, что у историка по настоящему предмету были до нѣкоторой степени предшественники, которые въ нѣкоторыхъ сторонахъ своихъ политическихъ теорій опередили его на двадцать лѣтъ. Подъ вліяніемъ моды на масонство въ Кіевѣ въ 1818 г. была основана ложа „Соединенныхъ славянъ"; подъ тѣмъ же наименованіемъ было образовано, какъ уже извѣстно читателямъ, тайное политическое общество, являвшееся отраслью „Южнаго" общества; были тамъ и еще разнаго рода „малороссійскія общества", судьба и дѣятельность которыхъ пока не выяснена въ научной литературѣ. Кромѣ того, произведенія Гоголя, Шевченка, труды Максимовича и прочія явленія научно-литературнаго порядка уже значительно оживили дремавшія дотолѣ духовныя силы украинцевъ и пробудили въ нихъ болѣе живой и активный интересъ къ своему историко-политическому прошлому и къ гражданско-политическому настоящему, откуда уже недалеко было до мечты о самостоятельномъ политическомъ будущемъ. Это-то будущее и рисовалъ въ своей живой рѣчи молодой кіевскій ученый, которому восторженно внимали окружающіе, къ тому времени успѣвшіе достаточно надышаться сгущеной атмосферой Николаевской суровой эпохи.

---

*) В. Бѣлозерскому пришло въ голову заказать для членовъ общества кольца съ надписью: „Кириллъ и Меѳодій, января 1846 г.", почему впослѣдствіи, когда общество было раскрыто правительствомъ и противъ его членовъ возбуждено преслѣдованіе, его окрестили въ III Отдѣленіи наименованіемъ: „Кирилло-Меѳодіевское общество".

ареста, и тѣмъ болѣе, что и самому аресту подверглись не только тѣ, кто присутствовалъ на пьяной пирушкѣ, но и ихъ друзья, отсутствовавшіе въ тотъ день, однако отмѣченные полиціей еще прежде печатью политической неблагонадежности, а въ томъ числѣ и Герценъ.

Такого рода предположеніе совершенно ясно вытекаетъ изъ той полицейской характеристики слѣдственнаго акта, которая сдѣлана въ отношеніи именно Герцена. О немъ говорится: „молодой человѣкъ, пылкаго ума и хотя въ пѣніи пѣсенъ не обнаруживается, но изъ переписки его съ Огаревымъ видно, что онъ — смѣлый вольнодумецъ, весьма опасный для общества“. Объ Огаревѣ сказано: „сознался въ пѣніи дерзкихъ пѣсенъ, будучи въ пьяномъ образѣ, былъ знакомъ съ Соколовскимъ *) и со всѣми пѣвшими дерзкіе стихи, велъ съ титулярнымъ совѣтникомъ Герценомъ переписку, наполненную свободомысліемъ, въ показаніяхъ своихъ замѣченъ упорнымъ и скрытнымъ фанатикомъ“.

Въ общемъ было арестовано 15 человѣкъ, всѣ разсажены по тюрьмамъ и преданы слѣдствію и общему суду. Тюремное заключеніе и слѣдствіе тянулись нѣсколько мѣсяцевъ, о чемъ Герценъ очень обстоятельно повѣствуетъ въ своихъ „Былое и Думы“, являясь въ данномъ случаѣ талантливымъ изобразителемъ николаевской тюремной и слѣдственной Россіи. Описывая слѣдствіе, онъ говоритъ: „Первый допросъ мой продолжался четыре часа. Вопросы были двухъ родовъ. Одни имѣли цѣлью раскрыть образъ мыслей, несвойственныхъ духу правительства, мнѣнія революціонныя и проникнутыя пагубнымъ ученіемъ Сенъ-Симона... Эти вопросы были легки, но не были вопросы. Въ захваченныхъ бумагахъ и письмахъ мнѣнія были высказаны довольно просто; вопросы собственно могли относиться къ вещественному факту: писалъ ли человѣкъ, или нѣтъ такія строки? Комиссія сочла нужнымъ прибавлять къ каждой писанной фразѣ: „Какъ вы объясняете слѣдующее мѣсто вашего письма?“ Другой порядокъ вопросовъ былъ запутаннѣе. Въ нихъ употреблялись разныя полицейскія уловки и слѣдственныя шалости, чтобы сбить, запутать, натянуть противорѣчія. Тутъ дѣлались намеки на показанія другихъ и разныя нравственныя пытки...“

*) Соколовскій характеризованъ такъ: „приверженъ пьянству, достаточнаго ума, но вѣтреный. Сверхъ того, 23 декабря 1833 г. съ студентомъ Огаревымъ были замѣчены на подъѣздѣ Малаго театра въ Москвѣ весьма въ нетрезвомъ видѣ, пѣвшими французскую арію: „Allons, enfants, de la patrie...“

Собственно весь обвинительный уклонъ, особенно въ отношеніи Герцена, Огарева и Сатина, направленъ былъ не къ факту пѣснопѣнія, а къ тому умственному и идейному богатству, съ которымъ въ наличности молодежь вышла на поприще жизни изъ стѣнъ высшаго учебнаго заведенія. Такъ, Голицынъ дѣлалъ Бенкендорфу послѣ изложенія самаго дѣла, характеристики каждаго арестованнаго и намѣчалъ наказанія: „хотя не видно въ нихъ настоящаго замысла къ измѣненію государственнаго порядка, и сужденія ихъ, не имѣющія еще существенно никакихъ вредныхъ послѣдствій, въ прямомъ значеніи не что иное суть, какъ однѣ мечты пылкаго воображенія, возбужденныя при незрѣлости разсудка чтеніемъ новѣйшихъ книгъ, которыми молодые люди нерѣдко завлекаются въ заблужденіе, но за всѣмъ тѣмъ имѣютъ видъ умствованій непозволительныхъ какъ потому, что, укореняясь временемъ, могутъ образовать расположеніе ума готоваго къ противнымъ порядку предпріятіямъ, такъ и потому, что люди съ такими способностями и образованіемъ, какія имѣютъ означенныя въ семъ разрядѣ лица, удобно могутъ обольщать ими другихъ“.

Итакъ, людей судили и казнили не за дѣйствія, не за факты, а за возможность для нихъ вліять въ нежелательномъ для существующаго порядка вещей духѣ на окружающихъ, за ихъ способности и образованіе, отдававшія вольномысліемъ и потенціальнымъ протестомъ. Финалъ суда былъ не веселый. Главные пѣсенники—Уткинъ, Исаевъ и Соколовскій, согласно резолюціи Николая I, были заточены на неопредѣленное время въ Шлиссельбургскую крѣпость, „съ тѣмъ, что современемъ будутъ употреблены на службу во внутреннія губерніи“. Прочіе высланы изъ Москвы, причемъ мѣстопребываніемъ для Герцена была назначена Пермская губернія, для Огарева—Пензенская, для Лахтина—Саратовская, для Сатина—Симбирская.

Мы не послѣдуемъ за нашими изгнанниками въ восточныя губерніи—это не входитъ въ программу настоящихъ очерковъ. Мы въ скоромъ времени съ ними встрѣтимся за рубежомъ родной земли, когда придется говорить о нихъ, какъ о страстныхъ обличителяхъ николаевской Россіи и въ роли политическихъ агитаторовъ, ведущихъ непрерывную борьбу во имя тѣхъ идеаловъ, ради которыхъ была принесена извѣстная клятва надъ Евангеліемъ, описанная Огаревымъ въ цитированномъ выше стихотвореніи:

...Мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь
Народу и его освобожденью,
Основою положимъ соціализмъ...

Мотивы этой ранней юношеской клятвы донесутся до насъ со столбцовъ „Колокола“ и „Полярной Звѣзды“, когда придется о нихъ говорить..

„Дѣтскій либерализмъ 1826 г... терялъ для насъ послѣ гибели Польши свою чарующую силу“,—такъ признается Герценъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Хотя польское возстаніе 1830 г. не имѣетъ прямого отношенія къ борьбѣ русскаго общества за конституцію, а потому не имѣетъ и основанія для изложенія своего хода событій въ настоящихъ очеркахъ, но мы должны его зарегистровать и отмѣтить, ибо, во-первыхъ, это возстаніе 1830 г. до нѣкоторой степени связано съ событіями 1825 г., а, во-вторыхъ, потому, что оно безусловно отразилось на умахъ русскихъ современниковъ въ смыслѣ укрѣпленія въ нихъ оппозиціонной тенденціи политикѣ правящихъ сферъ и даже въ смыслѣ нѣкотораго революціонизированія наиболѣе горячихъ и страстныхъ представителей общественныхъ русскихъ группъ. Свидѣтельство Герцена налицо.

Читателямъ уже извѣстно о существовавшихъ въ царствѣ Польскомъ въ эпоху Александра I тайныхъ политическихъ кружкахъ и о переговорахъ съ представителями этихъ кружковъ со стороны участниковъ заговора въ „Южномъ“ обществѣ. Поляки тянули переговоры, не были искренними, предпочитая выжидательную политику, и, когда разыгралась кровавая трагедія у Бѣлой Церкви, они ни въ какомъ отношеніи не откликнулись на это событіе. Русскія внутреннія дѣла могли представлять для нихъ интересъ лишь постольку, поскольку они служили къ ослабленію императорскаго правительства, съ каковымъ ослабленіемъ соединялась надежда на осуществленіе былой польской независимости. Уже сеймъ 1825 г. повелъ почти къ формальному разрыву между поляками и правительствомъ, и съ того времени мы наблюдаемъ постепенное и настойчивое возбужденіе мѣстнаго общества, въ цѣляхъ возстанія всего царства Польскаго. Въ пропаганду были вовлечены всѣ классы населенія— дворянство, мѣщанство, духовенство, армія; въ сторонѣ оставались лишь крестьянскія массы. Возстаніе намѣчалось ко дню коронаціи Николая, но этого плана не удалось осуществить. Іюльская революція 1830 г. во Франціи дала сильный толчекъ накипѣвшему нетерпѣнію польскихъ патріотовъ, и уже осенью

вѣсть о возстаніи въ Польшѣ и о заговорѣ противъ великаго князя потрясла весь край и отозвалась гулкимъ эхомъ на берегахъ Невы. Началась война 1830—1831 г.г., гдѣ поляки оказались побѣжденными войсками Дибича и Паскевича. Польша была усмирена, ея конституція фактически уничтожена, множество участниковъ возстанія схвачено и подвергнуто всякаго рода карамъ и взысканіямъ, при чемъ къ смертной казни было приговорено 249 человѣкъ, и въ числѣ ихъ извѣстный Адамъ Чарторыйскій и польскій историкъ Іохимъ Лелевель. Но всѣ эти лица успѣли скрыться за границу, вслѣдствіе чего казнь имъ была замѣнена пожизненнымъ изгнаніемъ, съ предупрежденіемъ, что если кто либо изъ нихъ явно или тайно появится въ предѣлахъ Россіи, то съ нимъ будетъ поступлено со всею строгостью военныхъ законовъ. Высочайшее повелѣніе 1831 г. гласило*): „...Съ твердостью рѣшились мы исполнить надъ ними (мятежниками) примѣръ заслуженнаго наказанія, который остановитъ, мы уповаемъ, колеблющихся и возвратитъ заблудшихся къ обязанностямъ долга и присяги. Мы повелѣли: 1) всѣхъ дворянъ или шляхту, принявшихъ участіе въ семъ бунтѣ и которые вооруженною рукою противостанутъ законной власти, судить военнымъ судомъ по полевому уголовному уложенію и приговоры суда исполнить надъ ними на мѣстѣ съ утвержденія отдѣльнаго отряднаго начальника. 2) Недвижимыя имѣнія сихъ преступниковъ брать въ казну, обращая доходы съ оныхъ на приращеніе инвалиднаго капитала. 3) О всѣхъ мужского пола дѣтяхъ дворянъ или шляхтичей, за преступленіе, въ первомъ пунктѣ означенное, показанныхъ, входить къ намъ съ особымъ представленіемъ, дѣтей же, именующихся шляхтичами, но никакихъ доказательствъ на сіе не имѣющихъ, брать въ военные кантонисты. 4) Людей низшаго званія, кои, участвуя въ сихъ безпорядкахъ, будутъ взяты съ оружіемъ въ рукахъ, къ какой бы кто ни принадлежалъ губерніи, отдавать въ рекруты и отсылать на службу въ сибирскіе линейные баталіоны. 5) Дѣтей мужского пола сихъ же людей отдавать въ военные кантонисты. 6) Всѣхъ тѣхъ, кои изобличены будутъ въ убійствахъ, въ продолженіе бунта учиненныхъ, судить военнымъ судомъ по полевому уголовному уложенію. 7) Кто изъ простолюдиновъ, завлеченныхъ въ толпу бунтовщиковъ волею помѣщика или угрозами, броситъ оружіе и возвратится въ домъ свой, того прощать“.

---

*) „Государственныя преступленія въ Россіи въ XIX вѣкѣ“, т. I.

Въ дополненіе и развитіе этого повелѣнія черезъ два съ половиною года (1834 г.) было повелѣно: „...8) Относительно прочихъ..., кои по укрощеніи мятежа скрылись и, бывъ обвиняемы въ преступленіяхъ..., къ суду вызываемы были, но не явились вовсе, и затѣмъ уже по доказательствамъ о тяжкихъ ихъ злодѣяніяхъ и преступленіяхъ, слѣдствіемъ обнаруженныхъ, суждены помянутымъ судомъ и по силѣ уголовнаго уложенія царства Польскаго приговорены оными, а именно: означенныхъ... 249 преступниковъ къ смертной казни повѣшеніемъ; слѣдующіе 9 къ смертной казни отсѣченіемъ головы, а прочіе 7 къ строгому и тяжкому заключенію подлежащими, со всѣми послѣдствіями, кои по закону влечетъ за собою таковое всѣхъ ихъ осужденіе, мы съ лишеніемъ преступниковъ сихъ всѣхъ правъ, каждому изъ нихъ принадлежавшихъ, приговоренныя имъ казни и наказанія обращаемъ въ изгнаніе всѣхъ ихъ... навсегда изъ царства Польскаго и прочихъ подвластныхъ областей имперіи нашей. Если же кто либо изъ сихъ преступниковъ явно или тайно возвратится когда либо въ предѣлы имперіи или царства, то того подвергнуть дѣйствію постановленнаго о немъ судомъ приговора по всей строгости полевого уголовнаго уложенія дѣйствующей арміи".

Николай Павловичъ еще съ дѣтства, подъ вліяніемъ своей няни Лайонъ, „няни-львицы", какъ ее называли при дворѣ, ненавидѣвшій поляковъ, круто и рѣшительно подавилъ польское возстаніе, послѣ чего, съ одной стороны, мы видимъ широкую ихъ эмиграцію въ Западную Европу и въ Парижъ по преимуществу, а съ другой — обильное заполненіе ими глухихъ провинціальныхъ центровъ нашего отечества. Оба эти обстоятельства сыграли въ исторіи русскаго политическаго движенія крупную роль и имѣли для хода и развитія революціонной мысли нашего отечества большое значеніе.

Польскіе эмигранты не поставили рѣшительной точки къ своей дѣятельности, враждебной русской государственности, не считали своего дѣла окончательно проиграннымъ, а начали основывать за предѣлами Россіи, въ разныхъ центрахъ своихъ новыхъ родинъ, многочисленные кружки, цѣль которыхъ была не дать угаснуть польскому революціонному пламени и продолжать настойчиво подготовлять страну къ будущему возстанію въ удобный и благопріятный для сего историческій моментъ. Эти польскіе эмигранты возбуждали противъ Россіи вообще и Николая I и его правительства въ частности общественное мнѣніе Западной Европы и даже Америки и подготовляли благопріятную почву

для осѣдлости за предѣлами родины будущимъ русскимъ эмигрантамъ, съ коими они и входятъ въ тѣсную связь, въ интересахъ совмѣстной политической дѣятельности, во имя освободительныхъ идей. При этомъ русскіе эмигранты (Герценъ, Огаревъ, Бакунинъ и др.) въ своихъ дѣйствіяхъ являются значительно болѣе откровенными и отзывчивыми, нежели ихъ западные собратья по единой славянской крови, и этимъ самымъ приносятъ и самимъ себѣ, и идеямъ, ихъ воодушевляющимъ, большой ущербъ, о чемъ рѣчь еще будетъ впереди.

Что касается поляковъ, очутившихся преимущественно въ сибирскихъ и восточныхъ губерніяхъ, то они явились здѣсь безусловно мѣстными интеллигентными единицами, превышающими своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ и своею политическою культурою захолустную провинціальную массу, которую они настойчиво и понемногу начинаютъ будить отъ общественной спячки, подготовляя здѣсь ряды будущихъ борцовъ за освобожденіе отъ бюрократическаго режима. Вліяніе поляковъ и эмигрантовъ на юныхъ представителей дворянскихъ гнѣздъ несомнѣнно, и въ нашей литературѣ можно уже сейчасъ указать на слѣды этихъ вліяній и на результаты ихъ политической пропаганды оппозиціоннаго и революціоннаго характера.

Польскіе эмигранты состояли въ самыхъ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ уцѣлѣвшими отъ разгрома родными отечественными кружками и отдѣльными лицами, воздѣйствовали на нихъ, вслѣдствіе чего во все царствованіе Николая I въ Польшѣ наблюдается глухое политическое броженіе, съ которымъ правительству приходится постоянно считаться и которое уже въ слѣдующемъ царствованіи вылилось въ кровавое возстаніе 1863—1864 г.г. Изъ наиболѣе острыхъ моментовъ проявленія польской революціонной оппозиціи правительству Николая Павловича можно отмѣтить дѣятельность эмиссара Канарскаго, занявшагося отъ имени „Молодой Польши" пропагандою въ народѣ. Канарскій былъ схваченъ и разстрѣлянъ въ Вильнѣ въ 1839 г. Николай I отвѣчалъ на броженіе въ Западномъ краѣ настойчивыми репрессіями, и во все его царствованіе польскій сеймъ, по конституціи, дарованной въ 1815 г., ни разу не былъ собранъ. Равнымъ образомъ государь относился совершенно отрицательно и къ финляндской конституціи, установленной его братомъ, такъ что и здѣшній сеймъ ни разу не собирался ради какой-либо законодательной работы. Николай I не допускалъ никакихъ вѣяній сепаратизма и подавлялъ ихъ быстро и рѣшительно желѣзною рукою.

Къ числу такихъ круто подавленныхъ дѣлъ относится и извѣстное дѣло Н. Костомарова и Т. Шевченка, которые были привлечены къ дознанію и административно осуждены за идеи и дѣятельность въ направленіи украинскаго сепаратизма.

Разсказывая, какъ образовалась у него привязанность къ Малороссіи, малороссійской исторіи и ко всему до Малороссіи относящемуся, Н. И. Костомаровъ въ своей автобіографіи, записанной Н. А. Бѣлозерской *), отмѣчаетъ, что до 1836 г. онъ совсѣмъ не занимался Малороссіей, и она его совсѣмъ не интересовала. Только въ 1837 г., когда онъ вернулся изъ Москвы въ Харьковъ, онъ сталъ усиленно заниматься этой стороной русской исторіи и русской народности, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ произведеній Гоголя, и окончательно отдалъ себя Украинѣ, послѣ прочтенія „Думъ", изданныхъ Максимовичемъ. „Идея народности, уже существовавшая въ то время, стала сильно занимать меня,—говоритъ онъ,— я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацію Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться по-чешски и по-сербски. Малорусскія пѣсни, изданныя Максимовичемъ, я выучилъ наизусть, хотя малороссы хохотали тогда надъ моимъ выговоромъ, прочиталъ всего Квитку, и что попадалось малороссійскаго, и теперь уже мнѣ не встрѣчались незнакомыя слова... Мною овладѣла какая-то страсть ко всему малороссійскому... Малороссія стала моей idée fixe"...

Получивъ въ 1844 г. мѣсто учителя исторіи въ Ровнѣ (онъ уже тогда защитилъ диссертацію и имѣлъ ученую степень), Костомаровъ продолжалъ увлекаться всѣмъ малороссійскимъ, собиралъ у себя бабъ и дивчатъ, записывалъ за ними пѣсни, изучалъ разныя достопримѣчательныя мѣстности и почерпалъ для своей работы о Богданѣ Хмельницкомъ изъ южныхъ архивовъ богатый матеріалъ. Въ 1845 г. онъ былъ переведенъ учителемъ въ 1-ю кіевскую гимназію и, поселившись здѣсь временно у Н. Гулака, близко сошелся съ мѣстными представителями украинской интеллигенціи— Маркевичемъ, Бѣлозерскимъ и другими, а также вскорѣ особенно сдружился съ прославившимся уже тогда Тарасомъ Шевченкомъ. Тутъ-то впервые у него явилась мысль о созданіи общества, которое бы имѣло цѣлью распространеніе идеи славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ, на основаніи полной свободы и автономіи народности. Къ этому новому об-

*) „Русская Мысль", 1885 г., кн. 5.

ществу пристали, А. Навроцкій, Пильщиковъ, Маркевичъ, Бѣлозерскій, Гулакъ, Савичъ и, наконецъ, Шевченко.

„Въ январѣ 1846 г. я началъ читать лекціи по русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ,—говоритъ Костомаровъ въ автобіографіи,—и, по своей увлекающейся натурѣ, не знавшей золотой середины, предался имъ всею душою. Полною жизнью жилось мнѣ въ то время. Идеи основаннаго мною общества поглощали меня до фанатизма. Я распространялъ ихъ, гдѣ могъ: съ каѳедры между студентами, въ частныхъ разговорахъ между профессорами университета и даже въ духовной академіи. Идеи общества быстро пошли въ ходъ. Однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ распространителей ихъ былъ Пильщиковъ, имѣвшій сильное вліяніе на молодежь, какъ своимъ умѣніемъ обращаться съ нею, такъ и своею честною личностью“ *).

Сѣмя, бросаемое Н. Костомаровымъ, падало на благопріятную почву: помимо прочихъ историческихъ и этнографическихъ причинъ для того, необходимо имѣть въ виду, что у историка по настоящему предмету были до нѣкоторой степени предшественники, которые въ нѣкоторыхъ сторонахъ своихъ политическихъ теорій опередили его на двадцать лѣтъ. Подъ вліяніемъ моды на масонство въ Кіевѣ въ 1818 г. была основана ложа „Соединенныхъ славянъ“; подъ тѣмъ же наименованіемъ было образовано, какъ уже извѣстно читателямъ, тайное политическое общество, являвшееся отраслью „Южнаго“ общества; были тамъ и еще разнаго рода „малороссійскія общества“, судьба и дѣятельность которыхъ пока не выяснена въ научной литературѣ. Кромѣ того, произведенія Гоголя, Шевченка, труды Максимовича и прочія явленія научно-литературнаго порядка уже значительно оживили дремавшія дотолѣ духовныя силы украинцевъ и пробудили въ нихъ болѣе живой и активный интересъ къ своему историко-политическому прошлому и къ гражданско-политическому настоящему, откуда уже недалеко было до мечты о самостоятельномъ политическомъ будущемъ. Это-то будущее и рисовалъ въ своей живой рѣчи молодой кіевскій ученый, которому восторженно внимали окружающіе, къ тому времени успѣвшіе достаточно надышаться сгущеной атмосферой Николаевской суровой эпохи.

---

*) В. Бѣлозерскому пришло въ голову заказать для членовъ общества кольца съ надписью: „Кириллъ и Меѳодій, января 1846 г.“, почему впослѣдствіи, когда общество было раскрыто правительствомъ и противъ его членовъ возбуждено преслѣдованіе, его окрестили въ III Отдѣленіи наименованіемъ: „Кирилло-Меѳодіевское общество“.

Основныя положенія новаго общества, основаннаго Костомаровымъ, были формулированы такъ*. Общество имѣло цѣлью: „распространеніе идей славянской взаимности и будущей федераціи славянскихъ народовъ на основаніи полной свободы и автономіи народностей... Планъ этого общества, получившій впослѣдствіи дальнѣйшую разработку, былъ приблизительно слѣдующій: вербовать наибольшее число членовъ между всѣми славянами и всѣхъ званій людей, преимущественно профессоровъ, учителей и литераторовъ, такъ какъ они всего болѣе могли имѣть вліяніе на молодежь и подготовить ее къ будущей дѣятельности. Избѣгать насильственныхъ мѣръ, и когда придетъ пора—противопоставить насилію силу мысли, силу сплоченнаго народа.

„Въ религіи полная свобода. Всѣ вѣроисповѣданія должны пользоваться одинаковыми правами. Запрещалась всякая пропаганда, какъ безполезная при свободѣ**).

„Относительно языка, который бы долженъ былъ сдѣлаться общимъ для всѣхъ славянъ, не рѣшалось окончательно, но предполагали языкъ великорусскій, какъ наиболѣе распространенный. Предполагалось обязательное обученіе народа. Уничтоженіе крѣпостного права, дворянскихъ и всякихъ привилегій, уничтоженіе смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, исключая карантинныхъ и временъ войны.

„Предполагалось въ будущемъ, чтобы славянскіе народы примкнули къ Россіи и образовали съ нею федерацію.

„Россія должна была разбиться на части или штаты: сѣверный, сѣверо-восточный, юго-восточный, два поволжскихъ—верхній и нижній, два малороссійскихъ, одинъ средній, два южныхъ, два сибирскихъ, одинъ казачій. Бѣлоруссія составляла отдѣльный штатъ, также Польша, Чехія съ Моравіей, Сербія, Болгарія, часть Галиціи присоединялась къ Польшѣ, другая къ западному малороссійскому штату и т. п. Такое дѣленіе не признавалось окончательнымъ и могло быть перестроено, сообразно экономическимъ и другимъ потребностямъ.

„Кіевъ не долженъ былъ принадлежать никакому штату, а назначался центральнымъ городомъ собранія общаго сейма. Въ сеймѣ двѣ камеры: въ одной выбранные сенаторы и министры,

*) Очеркъ В. И. Семевскаго: „Николай Ивановичъ Костомаровъ". „Русская Старина", 1886 г., № 1.

**) Славянъ католическаго исповѣданія предполагалось, однако, склонять къ принятію славянскаго языка и богослуженія.

въ другой депутаты. Общій сеймъ долженъ былъ собираться черезъ каждые 4 года и чаще, въ случаѣ необходимости. Въ каждомъ штатѣ былъ свой сеймъ, который собирался ежегодно, свой президентъ и сенатъ. Верховная или центральная власть предоставлялась президенту, выбираемому на четыре года, и двумъ министрамъ: иностранныхъ и внутренныхъ дѣлъ.

„Для общей защиты федераціи отъ внѣшнихъ враговъ предполагалось имѣть регулярныя войска, но не въ большомъ количествѣ, такъ какъ въ каждомъ штатѣ была своя милиція, и всѣ учились военному искусству на случай общаго ополченія“.

Вспоминая въ другомъ мѣстѣ объ идеалахъ, воодушевлявшихъ кружокъ, Костомаровъ говоритъ: „Взаимность славянскихъ народовъ въ нашемъ воображеніи не ограничивалась уже сферою науки и поэзіи, но стала представляться въ образахъ, въ которыхъ, какъ намъ казалось, она должна воплотиться для будущей исторіи. Помимо нашей воли сталъ намъ представляться федеративный строй, какъ самое счастливое теченіе общественной жизни славянскихъ націй... Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе законы, основные законы и права, равенство вѣса, мѣръ и монеты, отсутствіе таможенъ и свобода торговли, всеобщее уничтоженіе крѣпостного права и рабства въ какомъ бы то ни было видѣ, единая центральная власть, завѣдующая сношеніями внѣ союза, войскомъ и флотомъ, но полная автономія каждой части по отношенію къ внутреннимъ учрежденіямъ, внутреннему управленію, судопроизводству и народному образованію“.

Несомнѣнно, проповѣдническая политическая дѣятельность молодого ученаго Кіевскаго университета скоро дошла до свѣдѣнія Николаевской администраціи, за нимъ и его единомышленниками былъ учрежденъ надзоръ, и вскорѣ они были накрыты, такъ сказать, съ поличнымъ, на мѣстѣ преступленія. Роль выслѣживателя и доносчика принялъ на себя студентъ Петровъ. Когда члены общества собрались 25 декабря 1846 г. на квартирѣ у Гулака и откровенно обо всѣхъ своихъ чаяніяхъ и гаданіяхъ тамъ бесѣдовали, Петровъ, усѣвшись за стѣною, все подслушалъ и старательно записалъ. Что не попало въ его записную книжку, онъ вывѣдалъ у Гулака, предварительно заручившись его довѣріемъ и расположеніемъ. Когда вопросъ о якобы преступномъ сообществѣ для него окончательно выяснился, Петровъ поспѣшилъ съ доносомъ въ III Отдѣленіе. Но послѣднее не сразу поспѣшило принять карательныя мѣры противъ Кіевскихъ

„сепаратистовъ“: послѣ доноса Петрова они оставались еще на свободѣ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, и лишь по истеченіи таковыхъ всѣ они въ числѣ десяти человѣкъ были арестованы, подвергнуты тюремному заключенію и доставлены къ допросу въ III Отдѣленіе.

Черезъ два съ чѣмъ-то мѣсяца надъ членами „Кирилло-Меѳодіевскаго братства“ былъ произнесенъ приговоръ. Основательнаго слѣдствія, гдѣ бы выяснены были противорѣчія обвиняемыхъ и свѣдѣтелей, а также доносчика,—произведено не было. Вершителемъ судьбы кіевскихъ дѣятелей былъ собственно единственно Дубельтъ, по представленію котораго Николай Павловичъ и постановилъ о судьбѣ главныхъ виновниковъ свое рѣшеніе. Костомаровъ былъ осужденъ на годичное заключеніе въ Петропавловской крѣпости, а потомъ долженъ былъ отправиться въ Саратовъ на гражданскую службу, съ воспрещеніемъ навсегда печатать свои сочиненія и служить по учебному вѣдомству; Гулака за упорство относительно дачи показанія посадили въ Шлиссельбургскую крѣпость на $3^1/_2$ года, а по окончаніи этого срока отправили въ Пермь съ такимъ же ограниченіемъ, какъ Костомарова; Навроцкій долженъ былъ отправиться въ Вятскую губернію и выдержанъ былъ на мѣстѣ подъ арестомъ въ теченіе 4 мѣсяцевъ; Бѣлозерскій былъ отправленъ въ Петрозаводскъ, гдѣ ему, однако, было предоставлено очень хорошее мѣсто. Самая суровая кара постигла Тараса Григорьевича Шевченка за его нецензурныя и нелегальныя стихотворенія на малороссійскомъ языкѣ, въ числѣ которыхъ особенное вниманіе было обращено на его поэтическое произведеніе „Сонъ“. Онъ былъ отданъ, какъ человѣкъ „низкаго происхожденія“, въ солдаты, сосланъ въ Оренбургскій край съ запрещеніемъ рисовать и писать. Къ дѣлу привлеченъ былъ и Кулишъ; хотя онъ и непричастенъ былъ къ „обществу“, все же его сочли за лучшее сослать въ Тулу съ такимъ же ограниченіемъ, какое постигло Костомарова и Гулака.

Пребываніе Костомарова въ крѣпости не прошло для него даромъ: его нервная система не вынесла одиночнаго заключенія, и онъ захворалъ, начавъ галлюцинировать. По отбытіи срока наказанія, онъ былъ отправленъ въ Саратовъ, гдѣ и получилъ мѣсто столоначальника. Когда нашего историка спрашивали по порученію Николая Павловича, не желаетъ ли онъ избрать себѣ для ссылки теплый край, и когда онъ остановилъ свой выборъ на Крымѣ, то ему были переданы слова государя: „Тамъ слишкомъ много поэзіи“.

Въ Саратовѣ Костомарову былъ отданъ въ завѣдываніе секретный столъ, и такимъ образомъ, онъ, какъ нѣсколько ранѣе Герценъ въ Новгородѣ, оказался подъ надзоромъ у самого себя. Полное освобожденіе Костомарова со снятіемъ съ него надзора послѣдовало лишь въ новое царствованіе. Тяжелѣе всего сложилась судьба несчастнаго Шевченка: служба въ рядовыхъ, преслѣдованія и наказанія доводили его порою до полнаго отчаянія, такъ что онъ писалъ близкимъ въ 1847 г. (конечно, по секрету): „Всѣ прежнія мои страданія въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы". Послѣ многихъ мытарствъ только въ 1857 г. получилъ онъ помилованіе, но къ тому времени силы его уже были значительно расшатаны, алкоголь разрушилъ здоровье, и черезъ 4 года по возвращеніи изъ ссылки онъ сошелъ въ могилу, не дождавшись того свѣтлаго дня освобожденія народа, о которомъ онъ такъ мечталъ въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ и за что принесъ въ жертву жестокому времени свои богатыя силы, свою далеко не старую жизнь.

Дѣло „Кирилло-Меѳодіевскаго братства" очень характерно во многихъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, мы видимъ, что либеральныя политическія идеи, перелившіяся изъ интеллигентныхъ военныхъ кружковъ двадцатыхъ годовъ въ студенческую среду слѣдующаго десятилѣтія и принявшія здѣсь соціалистическій оттѣнокъ, становятся въ сороковые годы достояніемъ уже болѣе зрѣлыхъ наслоеній и привлекаютъ къ себѣ въ качествѣ болѣе или менѣе активныхъ ихъ исповѣдниковъ представителей университетской науки, литературы и провинціальной общественности, которые съ этого времени начинаютъ все чаще и чаще являться руководителями политическихъ движеній русскаго народа и истолкователями его нуждъ и потребностей именно подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, который былъ установленъ обѣими фракціями декабристовъ,—и болѣе умѣренныхъ, и болѣе радикальныхъ. Во-вторыхъ, въ ученіи Н. Костомарова впервые довольно полно высказывается идея малороссійской автономности, идея, которая не умерла и о сю пору и въ наши дни нашла себѣ значительное выраженіе въ броженіяхъ на югѣ Россіи. Автономіи Польши, автономіи Финляндіи пришла на встрѣчу въ сороковыхъ годахъ и идея украинской автономіи, послѣ чего, уже много позже, были поставлены вопросы о разнаго рода другихъ автономіяхъ, напримѣръ, Грузіи, литовцевъ, латышей и др., во имя признанія и осуществленія каковыхъ нынѣ не только раздаются рѣчи и печатаются статьи и книги, но и идетъ братоубійствен-

ная гражданская война. Наконецъ, дѣло Костомарова любопытно и въ томъ отношенiи, что здѣсь, какъ и въ дѣлѣ Герцена, мы видимъ правительство Николая Павловича, стоящимъ на стражѣ политическихъ идей, бродящихъ въ русскомъ обществѣ, и строго карающихъ людей не только за ихъ дѣянiя, но и за идеи, хотя бы таковыя не заключали въ себѣ ничего оскорбительнаго для властей, а содержали всего одинъ лишь элементъ доктринерства и теоретическаго построенiя. Люди вырывались изъ своей среды и отставлялись отъ дѣла, которому отдали свои силы, не за какiе либо поступки и злонамѣренные активные планы на началахъ борьбы съ предержающею властью, а лишь за то, что въ нихъ признавалось наличiе извѣстныхъ духовныхъ силъ, могущихъ въ будущемъ, хотя бы и очень отдаленномъ, создать осложненiе для установленнаго строя и режима. Такая политика пресѣченiя возможности какого либо политическаго начинанiя со стороны общественныхъ элементовъ особенно ярко и рельефно обрисовалась въ дѣлѣ Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ мы тоже видимъ императора Николая I и его сподвижниковъ въ рѣшительной борьбѣ съ извѣстнымъ идейнымъ достоянiемъ общества. Эта борьба съ идеями проходитъ черезъ все царствованiе Николая Павловича, гдѣ рядомъ съ мѣрами пресѣченiя и наказанiя не наблюдается, однако, въ рядахъ правительственныхъ дѣятелей никакого творческаго начала во имя необходимаго обновленiя сложившагося государственнаго строя. Окаменѣлое государственное зданiе, окрашенное въ казенный цвѣтъ тогдашнихъ военныхъ будокъ, признается идеальнымъ, не подлежащимъ измѣненiю, и всякая общественная зыбь разсматривается, какъ будущая взбаламученная стихiя, могущая стать угрозою для внѣшней крѣпости и благополучiя этого зданiя.

ГЛАВА XII.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.—Его либеральные журъ-фиксы.—Воспоминаніе объ этихъ журъ-фиксахъ Д. Д. Ахшарумова.—Идеи Фурье.—Петербургскіе фурьеристы.—Надзоръ за „петрашевцами".—Записка Петрашевскаго „о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній".—Докладъ Липранди по поводу „петрашевцевъ".—Привлеченіе Петрашевскаго и его гостей къ слѣдствію и суду.—Документы, положенные въ основаніе обвиненія: „десять заповѣдей" Филиппова, „обязательная подписка" Спѣшнева, обѣденныя „рѣчи" Ханыкова, Ахшарумова. „Солдатская бесѣда" Григорьева.—Показаніе Ѳ. М. Достоевскаго по дѣлу Петрашевскаго.—Обвиненія, установленныя по отношенію привлеченныхъ къ суду.—Судъ и Высочайшее постановленіе.—Воспоминанія Д. Ахшарумова о драмѣ на Семеновскомъ плацу.—Отмѣна казни и ссылка „петрашевцевъ".—Дѣло Олейничука.

Въ дѣлѣ Петрашевскаго представители передового общества потерпѣли страшный разгромъ и ощутили на себѣ всю тяжесть неумолимой десницы побѣдителя декабристовъ. Екатерина завѣщала своему сыну не бороться съ идеями при помощи однѣхъ лишь пушекъ, т.-е. однимъ только насиліемъ, но этотъ ея совѣтъ не былъ исполненъ Павломъ I, какъ равно былъ пренебреженъ и ея вторымъ внукомъ, Николаемъ Павловичемъ.

Несмотря на весь цензурный гнетъ, на запретъ, положенный на мысль и слово исполнителями воли императора, передовыя идеи продолжали безостановочно просачиваться черезъ западную границу въ русское общество, и чѣмъ сильнѣе ставились препоны этимъ идеямъ, тѣмъ большую привлекательность получали онѣ въ глазахъ тѣхъ, кто съ ними такъ или иначе соприкасался. При этомъ характеръ запрета претворялся въ умахъ посвященныхъ именно въ то, чего такъ опасалась администрація: философскія идеи обсуждались и сами по себѣ, какъ отвлеченныя умозаключенія, и, главнымъ образомъ, въ ихъ примѣненіи къ русской жизни, которая такимъ образомъ какъ бы постоянно ставилась на судъ этихъ идей, подвергалась ихъ критикѣ, анализу и осужденію. И чѣмъ сильнѣе правительство отстаивало неприкосновенность отечественной жизни, чѣмъ большему преслѣдованію подвергало оно эти контролирующія и осуждающія идеи, тѣмъ въ болѣе мрачномъ свѣтѣ рисовалась и сама жизнь, тѣмъ святѣе казались гонимыя идеи и мысли для тѣхъ, кто ими проникался.

Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ - Петрашевскій, чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, бывшій лицеистъ, уже на школьной скамьѣ обращалъ на себя вниманіе оригинальнымъ и независимымъ складомъ мыслей. Отдавшись лите-

ратурѣ („Карманный словарь иностранныхъ словъ“ Кириллова — его псевдонимъ) и приватной педагогикѣ, Петрашевскій вскорѣ группируетъ вокругъ себя широкій кружокъ изъ представителей литературы, науки и общественности, становится яркимъ центромъ этого кружка, гдѣ съ страстностью неофита соціалистическаго ученія проповѣдуетъ окружающимъ идеи Луи-Блана, Прудона и въ особенности Фурье, съ одной стороны, и, съ другой, раскрываетъ передъ слушателями всѣ язвы тогдашней русской жизни, съ указаніемъ средствъ ихъ врачеванія и исцѣленія. Московскій кружокъ Герцена крестится ученіемъ Сенъ-Симона, петербургскій кружокъ Петрашевскаго дѣлаетъ шагъ далѣе и становится послѣдователемъ Фурье, съ его проповѣдью „страстнаго влеченія“, организація фаланстеръ и наступленія того золотого вѣка, когда все настоящее будетъ разрушено и замѣнено новымъ строемъ жизни на основахъ экономическаго и матеріальнаго равенства.

Петрашевскій крѣпко усвоилъ себѣ идеи Фурье, находилъ ихъ примѣнимыми даже къ тогдашнимъ условіямъ русской жизни, при полномъ переустройствѣ этой жизни и разрушеніи всѣхъ ея тогдашнихъ устоевъ, государственныхъ, соціальныхъ и экономическихъ. Какъ разрушить эти устои и какъ замѣнить ихъ новыми на началахъ фурьеризма, русскимъ послѣдователемъ французскаго философа разработано не было. Недостатковъ русской жизни онъ, конечно, постоянно касался, но какого нибудь обстоятельнаго политическаго плана ея рефирмированія, какъ это мы видѣли, напримѣръ, у декабристовъ или даже въ проектѣ Костомарова, онъ не выставилъ. Практическихъ вопросовъ Петрашевскій какъ бы касался вскользь, и большая часть его разговоровъ и рѣчей скорѣе вращалась въ кругу критическихъ и философскихъ разсужденій. Имъ не было даже основано настоящаго политическаго кружка, гдѣ бы члены были объединены и цементированы реальнымъ практическимъ планомъ, съ распредѣленіемъ какихъ либо ролей въ настоящемъ и будущемъ, съ возложеніемъ на нихъ какихъ нибудь исполнительныхъ задачъ активнаго характера. Собранія у Петрашевскаго, по справедливому замѣчанію одного изъ изслѣдователей той эпохи *), вовсе не были „сообществомъ пропаганды“, какъ въ томъ кружокъ былъ впослѣдствіи обвиненъ, а „обществомъ либеральныхъ журъ-фиксовъ“, гдѣ читались запрещенныя цензурою произведенія, рукописныя произведенія (напримѣръ,

*) С. Венгеровъ. „Петрашевцы“. См. „Энциклопедическій словарь“ Брокгауза и Ефрона, т. XXIII.

извѣстное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю), гдѣ лились горячія рѣчи, сыпались критическія замѣчанія по адресу правительства, гдѣ осуждалась современная Россія, и гдѣ рѣяли мечты о желательномъ государственномъ и соціальномъ будущемъ. Государственное будущее рисовалось однимъ въ конституціонной постановкѣ вопроса, а соціальное на основахъ, почерпнутыхъ

Михаилъ Васильевичъ Буташевичъ-Петрашевскій.

изъ соціалистическихъ ученій; другіе совершенно не раздѣляли этихъ взглядовъ ни по вопросамъ политическимъ, ни по вопросамъ соціальнымъ. Одно, что, несомнѣнно, объединяло всѣхъ и что ихъ влекло на журъ-фиксы Петрашевскаго,—это недовольство существующимъ строемъ и страстное желаніе прогрессивныхъ реформъ. Въ этомъ, пожалуй, были повинны всѣ посѣтители дома Петрашевскаго, но въ этомъ же было повинно и почти

все образованное тогдашнее общество сороковыхъ годовъ, униженное до послѣдней степени бюрократической опекой и регламентаціей суроваго николаевскаго правительства. Такихъ кружковъ, нѣсколько меньшихъ размѣровъ по своему составу и болѣе даже блѣдныхъ по краскамъ, въ нихъ переливавшимся, было нѣсколько, какъ напр. Кашкина, Момбелли, Дебу и др. Большая часть членовъ этихъ кружковъ были между собою знакомы и вливались въ главный кружокъ, представлявшій собою именно „либеральные журъ-фиксы“ Буташевича.

Насколько лица, группировавшіяся около Петрашевскаго, были далеки отъ какихъ либо наступательныхъ прогрессивныхъ дѣйствій, показываетъ то, что даже въ доносѣ на собранія у русскаго ученика Фурье было сказано, что Петрашевскій въ 1848 г. совѣщался съ Спѣшневымъ, Черносвитовымъ, Момбелли, Дебу и Львовымъ „объ учрежденіи тайнаго общества, подъ названіемъ, какъ онъ самъ выразился, товарищества или братства взаимной помощи, изъ прогрессистовъ и людей передовыхъ мнѣній, которые бы могли двинуть гражданскій бытъ впередъ на новыхъ началахъ посредствомъ возвышенія другъ друга; однакоже, это общество по разномыслію не состоялось“. Мало того, когда на собраніяхъ у Дурова возникла мысль объ основаніи тайной литографіи для распространенія фурьеристическихъ взглядовъ, то Петрашевскій самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ этого.

Д. Ахшарумовъ въ своихъ интересныхъ воспоминаніяхъ о вечерахъ у Петрашевскаго такъ рисуетъ положеніе дѣла *): „У насъ не было никакого организаціоннаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія; приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи; Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій—о системѣ Fourier... Для порядка и предупрежденія шума отъ одновременныхъ разго-

*) Д. Д. Ахшарумовъ. „Изъ моихъ воспоминаній 1849 года“. Со вступительной статьей В. И. Семевскаго.

воровъ и споровъ многихъ лицъ Петрашевскій поручалъ кому либо изъ гостей наблюдать за порядкомъ въ качествѣ предсѣдателя. На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ нашемъ положеніи". По утвержденію г. Ахшарумова, кружокъ Петрашевскаго, между прочимъ, „носилъ въ себѣ зерно всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ".

„Петрашевцы", какъ принято именовать гостей хозяина, собирались не только у него, но и у другихъ, какъ это уже отмѣчено, напримѣръ, у Дурова, у Дебу, у Кашкина и др.; собиралась эта молодежь на торжественные обѣды (напримѣръ, въ день рожденія Фурье) въ чьей нибудь частной квартирѣ, и здѣсь произносились застольные спичи въ честь философа и его ученія. Многіе изъ нихъ, по возвращеніи домой, повидимому, подъ вліяніемъ слышанныхъ рѣчей, дѣлали въ своихъ записныхъ книжкахъ разнаго рода записи, заносили сюда свои личныя мысли, а нѣкоторые даже пытались сочинить нѣчто въ родѣ программъ для активныхъ возможныхъ дѣйствій. Петербургскіе „фурьеристы" имѣли нѣкоторыя связи и съ провинціальными умственными центрами, напримѣръ, въ Казани, Ростовѣ, Ригѣ и даже въ Сибири, гдѣ тоже объявились послѣдователи французскаго философа. Эти провинціальные разсадники соціализма образовались подъ непосредственнымъ вліяніемъ петербургскаго центра, въ силу личныхъ связей между собою жителей столицы и губернскихъ городовъ. Провинціалы бывали на журъ-фиксахъ у Петрашевскаго, воспринимали бывшія тамъ въ обращеніи соціалистическія идеи и, по возвращеніи на родину, являлись здѣсь своего рода губернскими фурьеристами. Точно также и ученики Петрашевскаго, покидая столицу и устраиваясь по службѣ на мѣстахъ, не забывали совѣтовъ своего учителя и сѣяли на провинціальной почвѣ сѣмена ученія французскаго философа, съ приложеніемъ многихъ выводовъ къ условіямъ тогдашней русской жизни.

Какъ же могло быть осуществлено это приложеніе? Д. Ахшарумовъ, напримѣръ, полагалъ *), что осуществить планы Фурье возможно даже при конституціонномъ правленіи. Въ своей записной книжкѣ онъ отмѣчалъ: „Для устройства фаланстеровъ по ученію Фурье самое большое препятствіе... глупое, пустое, злое

*) Статья В. И. Семевскаго: „Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ гг.", въ сборникѣ: „На славномъ посту", а также отдѣльной брошюрой въ изданіи „Донской Рѣчи", 1905 г.

и сильное правительство. Вопросъ приводится въ тому, какимъ образомъ получить правительство, терпящее нововведенія". Монархическое неограниченное правленіе, по мнѣнію Ахшарумова, можетъ не препятствовать желательнымъ реформамъ лишь тогда, „когда будетъ на престолѣ человѣкъ любознательный, благонамѣренный, преданный благу всего человѣчества, но съ... негодными, недовѣрчивыми, всего опасающимися" государями, „съ невѣжествомъ министровъ и всего правительства рѣшительно нѣтъ надежды на такое нововведеніе. Поэтому намъ нельзя оставить это въ такомъ положеніи. Надо измѣнить правленіе, но осторожно, чтобы не произошелъ слишкомъ сильный безпорядокъ, который бы вовлекъ народъ опять въ старое". Если невозможна республика, то нужно, по крайней мѣрѣ, ограничить власть монарха: „Надо конституцію, которая дала бы свободу книгопечатанія, открытое судопроизводство, устроила бы особое министерство для разсмотрѣнія новыхъ проектовъ и улучшеній общественной жизни, и чтобы не было никакихъ стѣсненій, никакихъ вмѣшательствъ въ дѣла частныхъ людей, въ какомъ бы числѣ они ни сходились вмѣстѣ... Трудно говорить о томъ, какое правленіе въ Россіи скорѣе приведетъ къ цѣли... Стоять... и дожидаться упрямо республиканскаго правленія значитъ терять время, потому что конституціонное лучше монархическаго, неограниченнаго. Пока у насъ нѣтъ человѣка, извѣстнаго всѣмъ, у котораго былъ бы авторитетъ и популярность, то надобно имѣть „монарха, но „предоставить ему самыя ничтожныя преимущества" и объявить народу, что государь „на все имѣетъ право только съ согласія его самого" (т.-е. народа), „такъ, напримѣръ, оставить ему титулъ, голосъ его въ народномъ собраніи считать за нѣсколько голосовъ... и т. п., но чтобы у него не было права ни распускать, ни созывать собраніе, ни назначать время продолженія его, чтобы войско не было въ рукахъ его. Дѣла разсматриваются всѣ въ одной палатѣ, президентъ избирается на короткое время. Потомъ, когда собраніе получитъ довѣренность народа, то можно обойтись и безъ государя"; здѣсь же онъ разсматривалъ вопросъ, какъ вести пропаганду среди простого народа, въ университетѣ, лицеѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія, кадетскихъ корпусахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. На собраніяхъ у Петрашевскаго въ мартѣ и 1 апрѣля 1849 г. также обсуждался вопросъ, „какъ вооружить народъ, служащихъ и проч. противъ начальства". Среди отдѣльныхъ членовъ происходили какія-то смутныя бесѣды о возможности умерщвленія государя императора и чуть ли не

всего царствующаго дома. Но, повторяемъ, далеко не всѣ держались крайнихъ мнѣній, совершенно имъ не сочувствовали и оставались при своихъ религіозныхъ и политическихъ воззрѣніяхъ, въ коихъ были воспитаны въ семьѣ и казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Правительство Николая Павловича, столь напуганное февральскими западно-европейскими событіями 1848 года и такъ зорко слѣдившее за жизнью и поведеніемъ столичныхъ обывателей, не могло оставаться въ невѣдѣніи относительно собраній у Петрашевскаго и настроенія умовъ его посѣтителей, друзей и знакомыхъ. Поводомъ для установленія надзора за самимъ Петрашевскимъ послужила совершенно въ сущности въ политическомъ отношеніи безобидная литографированная записка по крестьянскому вопросу, розданная имъ на дворянскихъ выборахъ въ Петербургѣ въ 1848 г. Въ этой запискѣ, въ которой нѣкоторые его единомышленники по „кружку" усматривали даже „ренегатство", Петрашевскій проводилъ мысли достаточно буржуазныя даже для своего времени и, во всякомъ случаѣ, далекія отъ всякой на нихъ тѣни не только соціализма, но и политическаго либерализма, хотя бы въ духѣ умѣренныхъ декабристовъ изъ сѣвернаго общества. Вотъ эта записка.

Записка М. В. Буташевича-Петрашевскаго *) о способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній.

Цѣна населенныхъ имѣній нынѣ менѣе дѣйствительной цѣнности сихъ имѣній. Эта разница въ цѣнѣ имѣній и ихъ стоимости гибельна для общественнаго благосостоянія вообще. Всякій долженъ съ этимъ согласиться, какъ и съ тѣмъ, что ее нужно устранить; чѣмъ скорѣе это будетъ совершено, тѣмъ лучше. Причины сему: предоставленіе владѣнія населенными землями одному только классу, исключительная малость капиталовъ, обращающихся на сію промышленность, неразвитіе кредита и ощутительный недостатокъ мѣстъ и учрежденій, содѣйствующихъ къ его развитію, неопредѣленность въ будущемъ условій владѣній сими родами собственности, разныя постановленія, вышедшія въ послѣднее 10-лѣтіе. Уничтожить вредное вліяніе вышеозначенныхъ причинъ можно принятіемъ слѣдующихъ мѣръ:

---

*) „Политическіе процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы".

1. Предоставленіемъ купцамъ права пріобрѣтать земли подъ условіемъ дѣлать обязанными крестьянъ, на сихъ земляхъ находящихся, вмѣстѣ съ правомъ голоса и участія въ дворянскихъ собраніяхъ въ качествѣ землевладѣльцевъ и по дѣламъ относящимся до обоихъ сословій, какъ землевладѣльцевъ. Единовременно съ этимъ можно предоставить крестьянамъ право выкупаться за извѣстную сумму. Вслѣдствіе сего по меньшей мѣрѣ должно обратиться на пріобрѣтеніе земель до 500.000.000 руб. асс. и даже болѣе купеческихъ капиталовъ. Къ облегченію способовъ пріобрѣтенія населенныхъ земель купцами на вышеозначеномъ основаніи можетъ служить дозволеніе дѣлать ссуды денегъ дворянамъ подъ населенныя имѣнія.

2. Введеніемъ гипотетическихъ книгъ на томъ же основаніи, какъ сіе существуетъ въ Пруссіи.

3. Заведеніемъ кредитныхъ земскихъ учрежденій (Kreditvereine), какъ въ Польшѣ.

4. Учрежденіемъ дворянскихъ или, лучше сказать, земледѣльческихъ банковъ.

5. Равнымъ уменьшеніемъ процентовъ на капиталы, платимые какъ кредитнымъ установленіямъ за ссуду денегъ, такъ и платимыхъ ими самими на капиталы, врученные ихъ храненію. Эта мѣра также вовлечетъ огромные капиталы въ оборотъ. Отъ сего никто не потерпитъ, ибо можетъ быть сохранено нынѣ существующее отношеніе между процентами, платимыми на капиталъ за ссуду его кредитными установленіями частнымъ лицамъ, и процентами, платимыми кредитными установленіями за ссуду или отдачу имъ на храненіе капиталовъ частнымъ лицамъ.

6. Усиленіемъ библіотекъ въ училищахъ и при уѣздныхъ училищахъ сочиненіями, относящимися до сельскаго хозяйства и отраслей промышленности, съ нимъ связанныхъ, и предоставленіемъ безденежнаго пользованія сими книгами всѣмъ земледѣльцамъ и городскимъ обывателямъ.

7. Учрежденіемъ сохранныхъ кассъ во всѣхъ уѣздныхъ городахъ и порученіемъ пріема вкладовъ въ сіи кассы всѣмъ приходскимъ священникамъ; эта мѣра также должна ввести въ общественный оборотъ значительные капиталы, нынѣ находящіеся безъ движенія, а крестьянамъ дать возможность быть обязанными своему труду и благоразумію, а не странному покровительствованію другихъ своимъ освобожденіемъ. Нравственная сторона этой мѣры, какъ развивающая духъ предусмотрительности въ низшемъ классѣ, весьма важна; въ то же время она достойна уваженія, какъ

благонадежное, постепенно дѣйствующее средство приготовленія сихъ классовъ къ пользованію дарами гражданской свободы и плодами своей свободной дѣятельности. Сверхъ сего, эта мѣра, равно какъ и допущеніе купцовъ покупать земли, населенныя дворянами, для дворянъ важна тѣмъ какъ въ политическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, что значительную часть тягости и неудобства, сопряженныхъ съ измѣненіемъ настоящихъ отношеній крестьянина и помѣщика, переноситъ на другіе классы, и за уступку, болѣе мнимую, нежели дѣйствительную, нѣкотораго преимущества значительно вознаграждаетъ за это дворянъ выгодами экономическими.

8. Учрежденіемъ при сохранныхъ классахъ mont de petri (piété?) на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онѣ существуютъ во Франціи, съ присовокупленіемъ права принимать подъ залогъ нѣкоторыя земледѣльческія произведенія.

9. Улучшеніемъ формъ судопроизводства и надзора за административными или исполнительными властями. Таковыя усовершенствованія не могутъ не имѣть вліянія на цѣнность имѣній, какъ на все другое чрезъ усиленіе кредита, наличнаго довѣрія между гражданами.

Мѣры эти, единовременно принятыя въ теченіе весьма непродолжительнаго времени, не только должны значительно увеличить цѣнность поземельной собственности, но и развить многія какъ нравственныя, такъ и матеріальныя силы въ народѣ, находящіяся понынѣ въ дремотномъ состояніи; положить начало самосознанія и сознанія своего общественнаго значенія въ тѣхъ классахъ, кои до сего были совершенно чужды этого; установить благосостояніе общественное на началахъ прочныхъ, истинныхъ, согласныхъ съ мѣстными условіями страны. Учрежденія эти, развиваясь соотвѣтственно общимъ нуждамъ и потребностямъ страны, должны необходимо сдѣлать богатство и благосостояніе доступнымъ всѣмъ классамъ посредствомъ ихъ труда и благоразумнаго употребленія производительныхъ силъ природы, находящихся въ ихъ завѣдываніи, и дать возможность всѣмъ въ мѣру ихъ силъ быть дѣйствительными участниками всеобщаго счастья и благодѣнствія.

Сдѣлать предъ лицомъ дворянскаго сословія съ С.-Петербургской губерніи въ общемъ губернскомъ собраніи изъясненіе всѣхъ сихъ мѣръ, безспорно полезныхъ не только тому одному сословію, къ которому имѣю честь я принадлежать, но и всему обществу, мѣръ, настоятельность нужды принятія которыхъ оче-

видна, въ подробности соотвѣтственной ихъ практическому назначенію чрезъ чтеніе подробнаго изложенія всѣхъ сихъ мѣръ, и словесно разрѣшить тогда же всѣ недоразумѣнія и вопросы разнаго рода, могущіе возникнуть по сему предмету, почту для себя пріятной обязанностью, если на то будетъ изъявлено желаніе почтеннаго с.-петербургскаго дворянства. *Дворянинъ С.-Петербургской губерніи, землевладѣлецъ и избиратель М. Буташевичъ-Петрашевскій.*

Какъ видятъ читатели, записка Петрашевскаго не представляла ничего изъ себя опаснаго для существующаго строя, но она исходила отъ частнаго лица, обнаруживала частный починъ и этого было для бюрократическаго правительства Николая Павловича достаточнымъ, чтобы обратить и на автора ея и на его знакомыхъ самое строгое вниманіе, выяснить существо либеральныхъ журъ-фиксовъ и опредѣлить степень *виновности* собиравшихся.

Надо было только для установленія этой виновности всѣхъ членовъ общества, состава этого общества и его дѣятельныхъ плановъ имѣть въ рукахъ болѣе или именѣе точныя данныя, выясненіе которыхъ было возложено III Отдѣленіемъ на агента Липранди, который и избралъ, съ своей стороны, своимъ тайнымъ агентомъ студента Антонелли, получившаго возможность проникнуть подъ видомъ соучастника на вечера Петрашевскаго и ознакомиться въ подробностяхъ со всѣмъ тамъ говореннымъ и со всѣми главными представителями кружка. Когда достаточный матеріалъ для обвинительной записки у него былъ готовъ, онъ представилъ свой доносъ по назначенію, гдѣ нарисовалъ потрясающую картину огромнаго заговора съ кровавыми и ужасающими цѣлями, готоваго уже огненной грозой разразиться надъ Россіей. Доносъ Антонелли громомъ поразилъ правительство и общество, которымъ стало казаться, что неминуемо наступаютъ дакабрьскіе дни 1825 г., и надвигается настоящая революція.

Вотъ отрывокъ изъ „совершенно секретнаго“ *) мнѣнія Липранди, поданнаго имъ въ назначенную для слѣдствія надъ „петрашевцами“ комиссію, гдѣ изложено, какъ глядѣлъ представитель николаевской бюрократіи на „злоумышленное общество“, въ сущности созданное его чиновнымъ сыскнымъ стараніемъ.

---

*) „Политическіе процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы“.

Если, прочитавъ обвинительный докладъ относительно декабристовъ, Грибовскій нашелъ возможнымъ его характеризовать „романическимъ“, то тѣмъ болѣе этотъ эпитетъ относится къ докладу Липранди, гдѣ на основаніи случайныхъ документовъ, случайныхъ разговоровъ и частныхъ бесѣдъ правительственный агентъ нарисовалъ картину воображаемаго заговора съ преступными цѣлями, имѣвшую столь печальныя послѣдствія для тѣхъ, кого докладъ втягивалъ въ свое содержаніе.

„...Считаю долгомъ войти въ нѣкоторыя подробности касательно моего взгляда на дѣло, впродолженіе года находившееся подъ моимъ направленіемъ—писалъ Липранди.—Взглядъ этотъ, по новости для меня подобныхъ дѣлъ, могъ быть не вполнѣ вѣренъ; но, будучи убѣжденъ въ его справедливости, я естественно основывалъ на немъ всѣ мои дѣйствія, почему и вмѣняю себѣ въ обязанность почтительнѣйше изложить теперь общее мое мнѣніе о сказанномъ дѣлѣ, съ нѣкоторою подробностію.

„Во все то время, какъ я занимался наблюденіемъ по этому дѣлу, чѣмъ болѣе проникалъ я въ его подробности, тѣмъ болѣе казалось мнѣ, что оно никакъ не могло ограничиваться тѣми только данными, которыя представлялись здѣсь, въ С.-Петербургѣ, въ томъ кругѣ людей и дѣйствій, которые были непосредственно слѣдимы и наблюдаемы мною, ибо:

„1) Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество даже и здѣсь состояло изъ тѣхъ только людей, которыхъ агентъ мой видѣлъ и слушалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго въ послѣднія шесть пятницъ. Это казалось мнѣ невозможнымъ уже потому одному, что въ тѣхъ собраніяхъ каждый разъ являлись новыя лица, и притомъ изъ разговоровъ ихъ было видно, что съ ними въ большей или меньшей прикосновенности находились разные люди, которыхъ въ эти шесть пятницъ на лицо не было. Сколько еще могло быть и такихъ, о которыхъ въ присутствіи агента не было случая упоминать? Притомъ агентъ доводилъ до свѣдѣнія о таковыхъ собраніяхъ, бывавшихъ у Плещеева, у Нагорнаго или Европеуса, у Кузьмина и Бѣлецкаго и т. д. Кто, независимо лицъ, видѣнныхъ агентомъ на послѣднихъ шести собраніяхъ Петрашевскаго, бывалъ и на помянутыхъ сборищахъ—неизвѣстно; но нельзя было не заключать, что тутъ бывали и другіе; въ чемъ я тѣмъ болѣе убѣждался, что на собраніи, напримѣръ, у Бѣлецкаго агентъ мой самъ видѣлъ множество новыхъ лицъ разныхъ состояній и вѣдомствъ, которыхъ онъ у Петрашевскаго не встрѣчалъ. Это мое заключеніе согла-

суется совершенно и съ наставленіемъ Петрашевскаго агенту, какимъ образомъ должно составлять таковыя собранія. По вскрытіи же бумагъ у арестованныхъ лицъ обстоятельство это, по мнѣнію моему, не подлежало уже никакому сомнѣнію.

„Въ бумагахъ этихъ, сколько я помню, значится, что таковыя собранія были у Палма, Дурова и Щеклова (жившихъ вмѣстѣ) и у Монбеле. Эти послѣдніе обратили даже на себя вниманіе его начальства, принявшаго, впрочемъ, оныя только за литературныя; но предметы, входившіе въ составъ преній на вечерахъ этихъ, какъ значится о томъ изъ отрывковъ, найденныхъ въ бумагахъ Монбеле, едва ли могутъ относиться прямо къ литературѣ, а дневникъ его и другія рукописи, сколько мнѣ казалось, ясно обнаруживали организованное *общество пропаганды*. Что открылось въ комиссіи по сему предмету и какое поясненіе, чистосердечное или уклончивое, могли дать ей арестованныя лица, мнѣ неизвѣстно; и я говорю здѣсь только о томъ, что для меня не тайна.

„2) Въ то время обозначалось, что люди, принадлежащіе къ наблюдаемому обществу, находились внѣ столицы, въ разныхъ провинціяхъ, и объ нихъ здѣшніе сочлены ясно говорили, что имъ поручено вездѣ стараться *сѣять идеи*, составляющія основу ихъ ученія, пріобрѣтать обществу соумышленниковъ и сотрудниковъ и такимъ образомъ приготовлять повсюду умы къ общему возстанію. Бумаги арестованныхъ лицъ обнаружили, что подобными миссіонерами были: въ Тамбовѣ—Кузьминъ, въ Сибири—Черносвитовъ, въ Ревелѣ—Тимковскій, въ Москвѣ—Плещеевъ, въ Ростовѣ—Кайдановъ и проч. Такъ какъ общество существуетъ уже съ 1842 года, то мнѣ весьма естественно было предполагать, что подобныя миссіи ведутся издавна, и потому *идеи* могли быть уже *посѣяны* и принести болѣе или менѣе плоды въ разныхъ мѣстахъ государства. Послѣдствія, казалось, оправдывали это мое предположеніе: въ письмахъ изъ Ростова Кайдановъ говоритъ о *своей паствѣ*, для которой онъ переводитъ на русскій языкъ сочиненія *Ридермана* о *соціализмѣ*, на томъ основаніи, *чтобы доставить возможность прочитать его и тѣмъ, кто не знаетъ нѣмецкаго языка;* онъ выписываетъ и читаетъ: *Консидерана*, *Фурье*, *Прудона*, *Луи-Блана*, *С. Симона*, *Кабе*, *Журналъ „Фаланга"*, La guerre des Passions, Les Trois nuits internés и т. п., говоритъ, „что онъ совершенно убѣжденъ въ истинѣ и исполнимости ученія *Фурье*, вовсе не считая себя обязаннымъ свято вѣрить à toutes les extravagances de notre

maître и проч., благодаритъ (присылающихъ ему въ Ростовъ помянутыя книги) за насыщеніе хлѣбомъ духовныхъ его и всей здѣшней (ростовской) небольшой паствы и проч." Паства эта, не знающая иностранныхъ языковъ, въ такомъ городѣ, какъ Ростовъ, конечно, должна была состоять изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей средняго класса, уѣздныхъ чиновниковъ, а также и самихъ купцовъ, мѣщанъ и т. п. Какой ядъ долженъ былъ разливаться отъ такой закваски въ городѣ, куда на ярмарку стекаются со всѣхъ оконечностей государства? и какъ послѣ того я не могъ не подумать, что и въ другихъ мѣстахъ, особенно такихъ, гдѣ полупросвѣщеніе болѣе распространено, и гдѣ знаніе иностранныхъ языковъ сильнѣе. чѣмъ въ уѣздномъ городѣ, не завелись уже *подобныя паствы?*.

„3) Самая сущность общества уполномочивала меня къ заключенію, что оно необходимо должно имѣть обширныя и далеко пущенныя отрасли. По всему, что узналъ я, нельзя было, *по моему мнѣнію*, не видѣть что это вовсе не какой-нибудь мелкій заговоръ, образовавшійся въ нѣсколькихъ разгоряченныхъ головахъ, съ опредѣленною мыслью исполненія какого-нибудь преступнаго дѣйствія, въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время.

„Нѣкоторые изъ открытыхъ соучастниковъ, казалось мнѣ, могли быть точно *заговорщиками* въ изъясненномъ выше смыслѣ этого слова; у нихъ видны намѣренія дѣйствовать рѣшительно, не страшась никакого злодѣянія, лишь бы только оно могло привести къ желаемой ими цѣли. Но не всѣ были таковы. Наибольшая часть членовъ предполагали идти медленнѣе, но вѣрнѣе, и именно путемъ *пропаганды*, дѣйствующей на *массы*. Съ этой цѣлью въ собраніяхъ происходили разсужденія о томъ, какъ возбуждать во всѣхъ классахъ народа негодованіе противъ правительства, какъ вооружать крестьянъ противъ помѣщиковъ, чиновниковъ, противъ начальниковъ, какъ пользоваться фанатизмомъ раскольниковъ, а въ прочихъ сословіяхъ подрывать и разрушать всякія религіозныя чувства, которыя они сами изъ себя уже совершенно изгнали, проповѣдуя, что религія препятствуетъ развитію человѣческаго ума, а потому и счастію; тутъ же было разсуждаемо о частныхъ особыхъ мѣрахъ, какъ дѣйствовать на Кавказѣ, въ Сибири, въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Польшѣ, въ Малороссіи (гдѣ умы предполагались находящимися уже въ броженіи отъ сѣмянъ, брошенныхъ сочиненіями Шевченка и т. д.). Изъ всего этого я извлекъ убѣжденіе, что тутъ былъ не столько мелкій и отдѣльный заговоръ, сколько

всеобъемлющій планъ общаго движенія, переворота и разрушенія. Для приведенія въ дѣйствіе этого плана, очевидно, нужны были пружины, расположенныя повсемѣстно, и я имѣлъ всѣ причины предполагать, что эти пружины уже устраиваются, а, можетъ быть, отчасти и устроены. Такъ, напримѣръ, для того, чтобы пустить въ ходъ зажигательное истолкованіе *десяти заповѣдей*, назначенное, очевидно, для возмущенія простонародья, необходимо было не только разослать эти заповѣди, но имѣть вездѣ людей, которые бы могли словесно разъяснять ихъ (обстоятельство, не разъ упоминавшееся въ донесеніяхъ моихъ) и тѣмъ подстрекать *массы* къ волненію.

„4) Съ симъ вмѣстѣ въ весьма естественной связи казался мнѣ и самый составъ общества, сколько я имѣлъ его подъ своими глазами. Безъ сомнѣнія, не для чего иного, какъ съ цѣлію произвести всеобщее, повсемѣстное движеніе, тутъ были вмѣстѣ люди не только разныхъ вѣдомствъ и званій по службѣ, но и не служащіе изъ всѣхъ сословій дворяне, купцы и даже мѣщане. Обыкновенные заговоры бываютъ большею частію изъ людей однородныхъ, болѣе или менѣе близкихъ между собою по общественному положенію. Напримѣръ, въ заговорѣ 1825 года участвовали исключительно дворяне и притомъ преимущественно военные. Тутъ же, напротивъ, съ гвардейскими офицерами и съ чиновниками министерства иностранныхъ дѣлъ рядомъ находятся не кончившіе курсъ студенты, мелкіе художники, купцы, мѣщане, даже лавочники, торгующіе табакомъ. Очевидно, казалось мнѣ, что сѣть была заткана такая, которая должна была захватить все народонаселеніе и, слѣдовательно, чтобъ дѣйствовать не на одномъ мѣстѣ, а повсюду.

„Наконецъ, 5) довольно было видѣть то убѣжденіе, тотъ жаръ и, можно сказать, фанатизмъ, которымъ это общество одушевлялось въ своихъ замыслахъ. Заговорщики, руководствуемые какою-нибудь частною идеею или страстью, напримѣръ, мщеніемъ, корыстью, неудовлетвореннымъ честолюбіемъ и т. п., менѣе опасны: они не такъ легко могутъ сообщать другимъ свои преступныя чувства и увлекать ихъ вслѣдъ за собою. Въ настоящемъ дѣлѣ, конечно, я видѣлъ и такихъ, но въ большинствѣ молодыхъ людей очевидно какое то радикальное ожесточеніе противъ существующаго порядка вещей, безъ всякихъ личныхъ причинъ, единственно по увлеченію мечтательными утопіями, которыя господствуютъ въ Западной Европѣ и до сихъ поръ безпрепятственно проникали къ намъ путемъ литературы и даже

самаго училищнаго преподаванія. Слѣпо предаваясь этимъ *утопіямъ*, они воображаютъ себя призванными переродить всю общественную жизнь, передѣлать все человѣчество и готовы быть апостолами и мучениками этого несчастнаго самообольщенія.

„Отъ такихъ людей можно всего ожидать. Они не остановились ни на чемъ, не затруднялись бы ничѣмъ, ибо, по ихъ понятіямъ, они дѣйствуютъ не для себя, а для блага всего рода человѣческаго, не для настоящей только минуты, а для вѣчности.

„На сихъ главныхъ основаніяхъ, подкрѣпляемыхъ множествомъ частныхъ наблюденій и соображеній, которыя здѣсь не мѣсто излагать подробно, я постепенно дошелъ до убѣжденія, что въ дѣлѣ этомъ скрывается зло великой возможности, угрожающее кореннымъ потрясеніемъ общественному и государственному порядку".

Вотъ при помощи какихъ натяжекъ, искусственныхъ силлогизмовъ, подтасовокъ представитель чиновнаго міра создавалъ подъ ногами молодежи пропасть, долженствовавшую ихъ погубить во славу спасенія отечества. Старанія Липранди достигли цѣли: и правящія сферы и общество были напуганы надвинувшимся грознымъ заговоромъ.

Бесѣдуя послѣ ареста Петрашевскаго и его единомышленниковъ съ двумя членами государственнаго совѣта, государь сказалъ:

— Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть, кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто изъ нашихъ. Слѣдствіе все это раскроетъ. Знаю только одно, что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она падка на деньги, а на шпіоновъ — еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство. C'est donc l'affaire des pères de famille de veiller dans leur interieur, d'autant plus que cette affaire les regarde et doit les interesser tout autant que moi.

Каковы же были тѣ фактическіе документы, которые должны были подтвердить злокозненность и самого Петрашевскаго и его знакомыхъ? Помимо разговоровъ, случайныхъ фразъ, произнесенныхъ въ разное время и по разнымъ случаямъ, тщательно зарегистрированныхъ сыщикомъ, вотъ главнѣйшіе письменные документы, найденные при обыскѣ въ столахъ, которые въ сущности являлись „пробами пера", случайными набросками, не получившими рѣшительно никакого распространенія и даже неизвѣстными большинству обвиняемыхъ. Самымъ, пожалуй, серьезнымъ документомъ по характеру писанія должны считаться составленныя студентомъ Филипповымъ „десять заповѣдей", дол-

женствуемыхъ быть отнесенными къ категоріи той-же литературы, образецъ которой былъ нами приведенъ въ „катехизисѣ“ Борисова 2-го, когда шла рѣчь о проектахъ „конституціи“ декабристовъ.

1) Десять заповѣдей.

Господь Богъ открылъ намъ волю свою въ десяти заповѣдяхъ, которыя далъ Онъ Моисею на горѣ Синайской, для того, чтобы люди исполняли и свято соблюдали ихъ. Этихъ заповѣдей 10, вотъ онѣ:

1) Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ Бози иніи, развѣ мене.

2) Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на земли низу, и елика въ водахъ и подъ землею: да не поклонишися имъ, да не послужиши имъ.

(Корысть, низкопоклонничество, угожденіе власти и богатству).

3) Не возьмеши имени Господа Бога твоего всуе.

(Клевета, беззаконіе въ судѣ, царь земли—Богъ. Всѣ власти отъ Бога. То, что на божницахъ основали права свои цари земные).

4) Помни день субботній, еже святити его: шесть дней дѣлай, и сотвориши въ нихъ вся дѣла твоя, день же седьмой--суббота, Господу Богу твоему.

(Что значитъ положеніе крестьянъ, не соблюдающихъ?)

5) Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будеши на землѣ.

6) Не убій.

(Убійство безъ нужды, обида ближняго, притѣсненія помѣщиковъ. убійство на войнѣ).

7) Не прелюбы сотвори.

(Что значитъ прелюбодѣяніе?).

8) Не укради.

(Что значитъ красть собственную помѣщичью собственность, первоначально пользовались благами міра?).

9) Не послушествуй на друга твоего свидѣтельства ложна.

10) Не пожелай жены искренняго твоего, не пожелай дому ближняго твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякаго скота его, ни всего елика суть ближняго твоего.

Что говорится въ первой заповѣди?

Въ первой заповѣди говорится, что есть только одинъ Богъ— и что кромѣ Него нѣтъ иного Бога. Этотъ сильный Богъ создалъ все, и безъ Него не было бы ничего—ни неба, ни земли, никакихъ тварей, живущихъ на землѣ; не было бы и человѣка. И такъ, человѣкъ долженъ любить Господа Бога, своего Творца, всѣмъ сердцемъ и всѣми помышленіями и всегда жить по Его святой волѣ. Кто преступилъ законъ человѣческій, виноватъ только предъ людьми и правъ предъ Богомъ, ибо законъ человѣческій положенъ людьми, а, стало быть, люди и перемѣнить его могутъ. А кто нарушитъ законъ Божій, того покараетъ Богъ муками вѣчными, ибо божественный законъ данъ отъ Бога, и человѣкъ не властенъ перемѣнить его.

Что показываетъ вторая заповѣдь?

Показываетъ, чтобы для насъ ничего не было дороже воли и правды Господней. Кто возлюбилъ мірскія блага паче правды Божіей, тотъ сотворилъ себѣ кумира, преступилъ вторую заповѣдь. (Нельзя служить двумъ господамъ, у насъ одинъ Господь). Кто несправедливыми путями собираетъ богатство: воровствомъ, обманомъ, грабежомъ, тотъ возлюбилъ богатства паче Бога и Его святой правды. Горе вамъ, господа и начальники жестокосердые, что забываете заповѣди Божіи, ради мірскихъ благъ обижаете подвластныхъ вамъ. Горе тому, кто въ угоду начальству или господину творитъ всякія беззаконія, ибо ради воли начальника. Горе и тѣмъ, кто можетъ, но не хочетъ защищать бѣдныхъ и утѣсненныхъ. Горе вамъ, люди робкіе, что боитесь защищать братій, ибо вы возлюбили плоть больше правды Господней. Горе вамъ, ибо придетъ день суда, и примете всѣ по дѣламъ вашимъ.

Что повелѣваетъ третья заповѣдь?

Третья заповѣдь запрещаетъ призывать Господа Бога напрасно.

Кто клянется и божится, всуе пріемлетъ имя Господа Бога, ибо въ законѣ сказано: „Я же говорю вамъ: вовсе не клянитесь ни небомъ, потому что оно престолъ Божій; ни землею, потому что она подножіе ногъ его; ни Іерусалимомъ, потому что онъ градъ великаго царя (Бога); ни головою своею не клянитесь, потому что не можете ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ и чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да-да, нѣтъ-нѣтъ; а что сверхъ того, то отъ лукаваго“. И такъ начальники, приводя народъ къ присягѣ, поступаютъ не по закону Божію и примутъ тяжкое осужденіе.

Кто скажетъ: царь земный—Богъ, тотъ всуе пріемлетъ имя Господа Бога, затѣмъ, что есть только одинъ Богъ. Онъ одинъ царь неба и земли; а цари земные такъ же люди, какъ и мы грѣшные, и когда всѣ мы предстанемъ на судъ Господень, не спроситъ Богъ: кто былъ царь, кто господинъ, кто крестьянинъ— а каждому воздастъ по дѣламъ его. Царь долженъ быть первый слуга Богу и людямъ, ибо въ Писаніи сказано: „большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга“, а также сказано: „кто хочетъ быть у васъ первымъ, будетъ вамъ рабъ“. Царь, который забылъ свой долгъ, не хочетъ заступиться за народъ, унять господъ и начальниковъ, тотъ врагъ Богу и людямъ, и власть его не отъ Господа Бога, а отъ сатаны.

Въ четвертой заповѣди сказано: „Помни день субботній, святи его, шесть дней дѣлай и сотвори въ нихъ вся дѣла, а день седьмый, суббота, Господу Богу твоему“. Что значитъ „святить день субботній“ (а по нашему воскресенье)? Это значитъ оставить въ праздникъ Господень всѣ дѣла мірскія и обратиться сердцемъ къ Творцу и Господу. А кто оставитъ дѣла свои ради пьянства и всякихъ богопротивныхъ забавъ, не по божескому закону справляетъ праздникъ Господень, служитъ не Богу, а сатанѣ. Лучше бы ему было, кабы не оставлялъ свои дѣла, ибо меньше бы грѣхъ сотворилъ.

Видали мы господъ, что, почитай, цѣлую недѣлю гоняютъ бѣдныхъ крестьянъ на барщину. Придетъ праздникъ Господень, и радъ бы мужикъ справить его по-христіански, да глядишь, то сѣно не убрано, то хлѣбъ пора жать, то дровъ навозить, а дома и холодно и голодно. Какъ быть? Нешто, станешь дѣлать! пошелъ мужикъ на работу, и праздникъ ему не въ праздникъ. А кто причина, что мужикъ не справляетъ праздника Божія? Господинъ. Тяжкій отвѣтъ дастъ онъ Богу на судѣ страшномъ, что ввелъ мужика въ соблазнъ, ибо въ Писаніи сказано: „Горе міру отъ соблазновъ, но горе человѣку, чрезъ котораго соблазнъ происходитъ“.

Въ пятой заповѣди сказано: чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь на землѣ.

Надо любить родителей; но ради любви къ нимъ не должно оставлять заповѣдей Божіихъ. И такъ, коли отецъ или мать стали посылать тебя на дѣло, противное заповѣдямъ Божіимъ, или стали удерживать отъ дѣла, угоднаго Богу, можешь не послушать ихъ, ибо воля Господня паче воли родителей. Самъ Спаситель, Господь Богъ нашъ Іисусъ Христосъ сказалъ:

„Любящій отца или матерь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня; любящій сына или дочь болѣе, нежели меня, недостоинъ меня".

Въ шестой заповѣди сказано: Кто убьетъ ближняго своего безъ нужды, того осудитъ Господь Богъ на тяжкія мученія: Богъ даетъ жизнь человѣку, Богъ *одинъ* можетъ отнять ее и послать смерть на человѣка; падетъ кровь неповинная на господъ.

И какъ же, забывая слово Божіе, начальники и господа слова не вымолвятъ съ нашимъ братомъ мужикомъ безъ брани? Забыли они слово Божіе и не соблюдаютъ святой его заповѣди. Дадимъ отвѣтъ и мы, что попустили ихъ обижать нашихъ братій; пора унять беззаконниковъ, да перестанутъ гнѣвить Господа Бога, ибо коли не уймемъ ихъ, гнѣвъ Господень падетъ на всѣхъ насъ. Мало того, чтобъ не убивать человѣка, надо и не обижать ближняго, ибо обижающій ближняго подлежитъ суду, а кто скажетъ брату своему „рака" (пустой человѣкъ), подлежитъ верховному судилищу; кто же скажетъ „безсовѣстный", подлежитъ гееннѣ огненной. Нарушающій слово Божіе—смертію да умретъ. Всѣ вы идете смотрѣть, какъ наказываютъ мужиковъ, что посмѣли ослушаться господина или убили его. Развѣ вы не понимаете, что они исполнили волю Божію, и что принимаютъ наказаніе, какъ мученики за своихъ ближнихъ. Развѣ не будете защищаться, коли нападутъ на васъ разбойники? а помѣщикъ, обижающій крестьянъ своихъ, не хуже ли онъ разбойника?

Не должно быть и войнѣ, ибо всѣ люди, по слову евангельскому, должны жить, какъ братья, и потому начинающій войну дастъ отвѣтъ на судѣ страшномъ, а кто защищается, тотъ не повиненъ въ крови братьевъ. И такъ, если пойдемъ войной на чужой народъ, согрѣшимъ; но всѣхъ болѣе согрѣшитъ царь, что начинаетъ войну и ведетъ народъ свой на убійство, ибо въ Писаніи сказано: „на начинающаго Богъ". Отвѣтитъ и народъ, который пустилъ своихъ братій на убой.

Въ седьмой заповѣди сказано: не прелюбодѣйствуй. Сообщеніе должно быть по любви и должно быть освящено Богомъ. Бракъ по разсчету не освятится Богомъ, и потому—прелюбодѣяніе, ибо лжетъ во время обряда; бракъ по принужденію родителей—прелюбодѣяніе; бракъ по назначенію помѣщика—прелюбодѣяніе, и еще большій грѣхъ и для помѣщика и для жениха съ невѣстой. (Объ насиловании, кстати и объ насилованіи помѣщиковъ)".

2) „Обязательная подписка".

(Составленна Спѣшневымъ).

Я, нижеподписавшійся, добровольно, по здравомъ размышленіи и по собственному желанію поступаю въ русское общество и беру на себя слѣдующія обязанности, которыя въ точности исполнять буду:

1) Когда распорядительный комитетъ общества, сообразивъ силы общества, обстоятельства и представляющійся случай, рѣшитъ, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участіе въ возстаніи и дракѣ — т.-е., что, по извѣщенію отъ комитета, обязываюсь быть въ назначенный день, въ назначенный часъ, въ назначенномъ мѣстѣ, обязываюсь явиться тогда и тамъ, вооружившись огнестрѣльнымъ или холоднымъ оружіемъ, или тѣмъ и другимъ, не щадя себя, принять участіе въ дракѣ и, какъ только могу, споспѣшествовать успѣху возстанія.

2) Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества пріобрѣтеніемъ обществу новыхъ членовъ. Впрочемъ, согласно съ правилами русскаго общества, обязываюсь самъ лично болѣе пяти (5) не афильировать.

3) Афильировать, т.-е. присоединять къ обществу новыхъ членовъ обязываюсь не на-обумъ, а по строгомъ соображеніи и только такихъ, въ которыхъ я твердо увѣренъ, что они меня не выдадутъ, если бы даже и отступились послѣ отъ меня; что они исполнятъ первый пунктъ и что они дѣйствительно желаютъ участвовать въ этомъ тайномъ обществѣ. Вслѣдствіе чего и обязываюсь съ каждаго мною афильированнаго взять письменное обязательство, состоящее въ томъ, что онъ перепишетъ отъ слова до слова сіи самыя условія, которыя и я здѣсь даю, всѣ съ перваго до послѣдняго слова, и подпишетъ ихъ. Я же, запечатавъ оное его письменное обязательство, передаю его своему афильетеру для доставленія въ комитетъ, тотъ своему и такъ далѣе. Для сего я и переписываю для себя одинъ экземпляръ сихъ условій и храню его у себя, какъ форму для афильяцій другихъ.

Образчики преступныхъ рѣчей представляютъ собою рѣчи, произнесенныя, напримѣръ, на обѣдахъ въ честь Фурье.

3) Рѣчь Ханыкова.

„Я начинаю говорить съ тѣмъ увлеченіемъ, какое внушаетъ мнѣ и наше собраніе, и то событіе, которое мы празднуемъ здѣсь (т.-е. день рожденія Фурье), событіе, влекущее за собою преобразованіе всей планеты и человѣчества, живущаго на ней." Далѣе Ханыковъ говорилъ въ своей рѣчи о законѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, о борьбѣ сословій съ древности и до нашего времени и о томъ, что „въ этой борьбѣ надо признать неудовлетворенность страстей и что нейтрализовать, уничтожить этотъ законъ можетъ только ученіе Фурье." Далѣе Ханыковъ перешелъ къ характеристикѣ печальнаго состоянія тогдашней Россіи, и въ заключеніе сказалъ: „весь недостатокъ и все изумительное величіе нашей системы, господа, есть новый міръ, открытый нашимъ учителемъ и совершенно противоположный дѣйствительному порядку вещей. Намъ, нашей школѣ слѣдуетъ пополнить пробѣлъ въ системѣ. Какъ открытіе ни будь истинно, благодѣтельно само по себѣ, но по невѣжеству большинства, вытекающему изъ теперешней организаціи общества, оно не можетъ быть принято скоро и повсемѣстно, и всякая новая идея выдерживала и выдерживаетъ до сихъ поръ борьбу упорную, сильную. Но не намъ бояться этой борьбы, когда ее вызвали неопровержимые доводы нашей науки, нашъ тѣсный, дружный союзъ на всѣхъ концахъ земного шара, во имя ея начала и закона... Преображеніе близко!"

4) Рѣчь Д. Д. Ахшарумова.

„Жизнь, какъ она теперь,—тяжела, гадка; мы всѣ несчастны, и можно ли быть счастливымъ въ этомъ обществѣ, въ которомъ мы живемъ? И такъ какъ порядокъ установленный противорѣчитъ главному, основному назначенію нашей человѣческой жизни, какъ и всякой другой, то онъ непремѣнно рано или поздно прекратится, и вмѣсто него будетъ новый, новый и новый. Когда?—вотъ это важный вопросъ, и мы можемъ только отвѣчать, что скоро. Уже тотъ фактъ, что мы сознаемъ недостатки, ошибки въ устройствѣ нашей жизни, и уже представляется намъ въ общихъ чертахъ новая жизнь,—это самый фактъ доказываетъ, что началось время его разрушенія. И рухнетъ, и развалится все это дряхлое, громадное вѣковое зданіе, и многихъ задавитъ

оно при разрушеніи и изъ насъ, но жизнь оживетъ, и люди будутъ жить богато, раздольно и весело.—Мы въ столицѣ безобразной, громадной, въ чудовищномъ скопищѣ людей, томящихся въ однообразныхъ работахъ, испачканныхъ грязнымъ трудомъ, пораженныхъ болѣзнями, развратомъ, въ скопищѣ, разрозненномъ семействами, которыя, вредя другъ другу, теряютъ время и силу и обѣдняются въ безполезныхъ трудахъ. И тамъ, за столицею, ползутъ города; единственная цѣль, высочайшее счастіе для нихъ—сдѣлаться многолюднымъ, развратнымъ, больнымъ, чудовищнымъ, какъ столица!—Въ эти дни, въ этомъ самомъ обществѣ, мы собрались сегодня не для жалобъ, но, напротивъ, полны надеждой, торжествомъ... Мы даемъ обѣдъ и празднуемъ грядущее искупленіе человѣчества,—сегодня, именно сегодня, въ день рожденія Фурье, чтимъ его память, потому что онъ указалъ намъ путь, по которому идти, открылъ источникъ богатства, счастья. Сегодня—первый обѣдъ фурьеристовъ въ Россіи, и всѣ они здѣсь: десять человѣкъ, немногимъ болѣе. Все начинается съ малаго и растетъ до великаго. Разрушить столицы, города и всѣ матеріалы ихъ употребить для другихъ зданій, и всю эту жизнь мученій, бѣдствій, нищеты, стыда, срама превратить въ жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья, и всю землю нищую покрыть дворцами, плодами и разукрасить въ цвѣтахъ—вотъ цѣль наша. Мы здѣсь, въ нашей странѣ, начнемъ преобразованіе, а кончитъ его вся земля. Скоро избавленъ будетъ родъ человѣческій отъ невыносимыхъ страданій."

Серьезнымъ документомъ противъ „петрашевцевъ" или членовъ „общества пропаганды", какъ ихъ тоже именовали, служила рукопись „Солдатская бесѣда" Григорьева, гдѣ въ беллетристической формѣ приводились идеи о тягости крѣпостного права, тягости тогдашней солдатской службѣ, о несправедливости соціальнаго строя и т. д., т. е. тѣ идеи, которыя при всемъ гнетѣ николаевской цензуры довольно наглядно усматриваются и въ произведеніяхъ тогдашней подцензурной литературы.

Знакомясь со всѣми документами и свидѣтельствами, легшими въ основаніе обвинительнаго акта противъ членовъ кружка Петрашевскаго, приходишь по необходимости къ заключенію, что фактически преступнаго за ними въ наличности ничего не было. Среди нихъ бродили смутныя идеи скорѣе соціальнаго, нежели политическаго порядка; замѣчались стремленія и порывы рефор-

маторскаго характера, въ интересахъ преобразованія отечественнаго строя на новыхъ началахъ; среди нѣкоторыхъ какъ-бы проглядывала тенденція и только тенденція въ сторону возможности рѣшительныхъ дѣйствій, если бы въ томъ представилась какая-нибудь надобность; усматривалось желаніе изучить отечественную дѣйствительность постольку, поскольку она пригодна для реформъ и политической революціи и эволюціи. Этимъ въ сущности и исчерпывается все то, что могло быть поставлено въ вину членамъ либеральныхъ кружковъ. Отсюда, конечно, еще далеко до обвиненія въ преступленіяхъ, достойной смертной казни и тѣмъ болѣе до обвиненій всѣхъ огуломъ подъ одну масть въ то время, когда между членами кружка Петрашевскаго не было ни единства настроенія, ни единства общественнаго или политическаго credo. Такое отсутствіе единства и общности, какъ философскаго, такъ и политическаго настроенія особенно наглядно усматривается изъ показанія, даннаго слѣдственной комиссіи Ѳ. М. Достоевскимъ, гдѣ нашъ знаменитый романистъ, уже тогда обратившій на себя вниманіе нашей критики, такъ обстоятельно и откровенно рисуетъ и самого Петрашевскаго, и самого себя и все то, что происходило на либеральныхъ журъфиксахъ. Вотъ этотъ цѣнный литературный документъ, только недавно увидѣвшій свѣтъ въ своемъ исправленномъ и настоящемъ видѣ.

Показаніе Ѳ. М. Достоевскаго *).

Отъ меня требуютъ, чтобъ я передалъ все, что знаю о Петрашевскомъ и о тѣхъ людяхъ, которые у него бывали по пятницамъ, т. е. показанія фактовъ и личнаго мнѣнія моего объ этихъ фактахъ. Соображаясь съ первымъ допросомъ моимъ, я заключаю, что отъ меня требуютъ отчетливаго отвѣта на слѣдующія пункты:

1) О томъ, каковъ характеръ Петрашевскаго, какъ человѣка вообще и какъ политическаго человѣка въ особенности?

2) Что бывало на тѣхъ вечерахъ у Петрашевскаго, на которыхъ я присутствовалъ, и мое мнѣніе о тѣхъ вечерахъ?

3) Не было ли какой тайной, скрытной цѣли въ обществѣ Петрашевскаго? Вредный ли человѣкъ самъ Петрашевскій, и до какой степени онъ вреденъ для общества?

*) „Политическіе процессы Николаевской эпохи. Петрашевцы“.

Я никогда не былъ въ очень короткихъ отношеніяхъ съ Петрашевскимъ, хотя и ѣздилъ къ нему по пятницамъ, а онъ въ свою очередь отдавалъ мнѣ визиты. Это одно изъ такихъ знакомствъ моихъ, которымъ я не дорожилъ слишкомъ много, не имѣя сходства въ характерѣ, ни во многихъ понятіяхъ съ Петрашевскимъ. И потому я поддерживалъ знакомство съ нимъ ровно настолько, насколько требовала учтивость, т. е. посѣщалъ его изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, а иногда и рѣже. Оставить же его совсѣмъ я не имѣлъ причины. Да къ тому же мнѣ бывало иногда любопытно ходить на его пятницы.

Меня всегда поражало много эксцентричности и странности въ характерѣ Петрашевскаго. Даже знакомство наше началось тѣмъ, что онъ съ перваго разу поразилъ мое любопытство своими странностями. Но ѣзжалъ я къ нему не часто. Случалось, что я не бывалъ у него болѣе полугода. Въ послѣднюю же зиму, начиная съ сентября мѣсяца, я былъ у него не болѣе восьми разъ. Мы никогда не были коротки другъ съ другомъ. Я думаю, что во все время нашего знакомства мы никогда не оставались вмѣстѣ одни, съ глазу на глазъ, болѣе получаса. Я даже замѣтилъ положительно, что онъ, заѣзжая ко мнѣ, какъ будто исполняетъ долгъ учтивости, но что, напримѣръ, вести со мной долгій разговоръ ему тягостно. Да и со мной было то же самое, потому что, повторяю, у насъ мало было пунктовъ соединенія и въ идеяхъ и въ характерахъ. Мы оба опасались долго заговариваться другъ съ другомъ, потому что съ десятаго слова мы бы оба заспорили, а это намъ обоимъ надоѣло. Мнѣ кажется, что взаимныя впечатлѣнія наши другъ о другѣ одинаковы. По крайней мѣрѣ, я знаю, что я очень часто ѣзжалъ къ нему по пятницамъ не столько для него и для самихъ пятницъ, сколько для того, чтобы встрѣтить нѣкоторыхъ людей, съ которыми я хотя и былъ знакомъ, но видѣлся чрезвычайно рѣдко, и которые мнѣ нравились. Впрочемъ, я всегда уважалъ Петрашевскаго, какъ человѣка честнаго и благороднаго.

Объ эксцентричностяхъ и странностяхъ его говорятъ очень многіе, почти всѣ, кто знаютъ, или слышали о Петрашевскомъ, и даже по нимъ дѣлаютъ свое заключеніе. Я слышалъ нѣсколько разъ мнѣніе, что у Петрашевскаго больше ума, чѣмъ благоразумія. Дѣйствительно, очень трудно было бы объяснить многія изъ его странностей. Нерѣдко при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ спросишь: куда онъ и зачѣмъ? и онъ отвѣтитъ какую-нибудь такую странность, разскажетъ такой странный планъ, ко-

торый онъ шелъ только что исполнять, что не знаешь, что подумать о планѣ и о самомъ Петрашевскомъ. Изъ-за такого дѣла, которое нуля не стоитъ, онъ иногда хлопочетъ такъ, какъ будто дѣло идетъ обо всемъ его имѣніи. Другой разъ спѣшитъ куда-нибудь на полчаса кончить маленькое дѣльцо, а кончить это маленькое дѣльцо можно развѣ только въ два года. Человѣкъ онъ вѣчно суетящійся и движущійся, вѣчно чѣмъ-нибудь занятъ. Читаетъ много, уважаетъ систему Фурье и изучилъ ее въ подробности. Кромѣ того, особенно занимается законовѣдѣніемъ. Вотъ все, что я знаю о немъ, какъ о частномъ лицѣ, по даннымъ весьма неполнымъ для совершенно точнаго опредѣленія характера, потому что, повторяю еще разъ, въ слишкомъ короткихъ сношеніяхъ я съ нимъ никогда не находился. Трудно сказать, чтобъ Петрашевскій (наблюдаемый, какъ политическій человѣкъ) имѣлъ какую-нибудь свою опредѣленную систему въ сужденіи, какой-нибудь опредѣленный взглядъ на политическія событія. Я замѣтилъ въ немъ послѣдовательность только одной системѣ; да и та не его, а Фурье. Мнѣ кажется, что именно Фурье и мѣшаетъ ему смотрѣть самобытнымъ взглядомъ на вещи. Впрочемъ, могу утвердительно сказать, что Петрашевскій слишкомъ далекъ отъ идеи возможности немедленнаго примѣненія системы Фурье къ нашему общественному быту. Въ этомъ я былъ увѣренъ.

Общество, которое у него собиралось по пятницамъ, почти все состояло изъ его короткихъ пріятелей или давнихъ знакомыхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, я думаю. Впрочемъ, являлись и новыя лица, но, сколько я могъ замѣтить, довольно рѣдко. Изъ этихъ людей я знаю хорошо только очень малую часть. Другихъ знаю только потому, что раза три—четыре въ годъ случалось говорить съ ними и, наконецъ, многихъ изъ гостей Петрашевскаго почти совсѣмъ не знаю, хотя схожусь съ ними по пятницамъ уже годъ или два. Но хотя и не знаю хорошо всѣхъ лицъ, однако же прислушался къ инымъ мнѣніямъ. Всѣ эти мнѣнія большею частью разноголосица и одно противорѣчитъ другому. Я не встрѣтилъ никакого единства въ обществѣ Петрашевскаго, никакого направленія, никакой общей цѣли. Положительно можно сказать, нельзя найти трехъ человѣкъ, согласныхъ въ какомъ-нибудь пунктѣ, на любую заданную тему. Оттого велись споры другъ съ другомъ; вѣчныя противорѣчія и несогласія во мнѣніяхъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ споровъ бралъ участіе и я

Но прежде, чѣмъ я скажу, по какой причинѣ я участвовалъ въ этихъ спорахъ и на какую именно тему я говорилъ, я скажу нѣсколько словъ о томъ, въ чемъ меня обвиняютъ. Въ сущности я еще не знаю доселѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Мнѣ объявили только, что я бралъ участіе въ общихъ разговорахъ у Петрашевскаго, говорилъ *вольнодумно*, и что, наконецъ, прочелъ вслухъ литературную статью: „Переписку Бѣлинскаго съ Гоголемъ". Скажу отъ чистаго сердца, что до сихъ поръ для меня было всего на свѣтѣ труднѣе опредѣлить слово: *вольнодумецъ, либералъ*. Что разумѣть подъ этимъ словомъ? Человѣка, который говоритъ противозаконно? Но я видалъ такихъ людей, для которыхъ признаться въ томъ, что у нихъ болитъ голова, значитъ поступить противозаконно, и знаю, что есть и такіе, которые готовы говорить на каждомъ перекресткѣ все, что только въ состояніи перемолоть (ихъ) языкъ. Кто видалъ мою душу? Кто опредѣлилъ ту степень вѣроломства, вреда и бунта, въ которомъ меня обвиняютъ? По какому масштабу сдѣлано это опредѣленіе? Можетъ быть, судятъ по нѣсколькимъ словамъ, сказаннымъ мною у Петрашевскаго? Я говорилъ три раза: два раза я говорилъ *о литературѣ* и одинъ разъ о предметѣ вовсе не политическомъ: *объ личности и объ человѣческомъ эгоизмѣ*. Не припомню, чтобъ было что-нибудь политическаго и вольнодумнаго въ словахъ моихъ. Не припомню, чтобъ я когда-нибудь высказывался *весь, каковъ я на самомъ дѣлѣ*, у Петрашевскаго. Но я знаю себя, и если основываютъ обвиненія на нѣсколькихъ словахъ, схваченныхъ на лету и записанныхъ на клочкѣ бумаги, то я не боюсь и такого обвиненія, хотя оно самое опасное, ибо ничего нѣтъ губительнѣе, сбивчивѣе и несправедливѣе нѣсколькихъ словъ, вырванныхъ Богъ знаетъ откудова, относящихся Богъ знаетъ къ чему, подслушанныхъ наскоро, понятыхъ наскоро, а всего чаще не понятыхъ, записанныхъ наскоро. Но повторяю: я знаю себя и не боюсь даже такого обвиненія.

Да, если *желать лучшаго* есть либерализмъ, вольнодумство, то въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, я вольнодумецъ, въ томъ же смыслѣ, въ которомъ можетъ быть названъ вольнодумцемъ и каждый человѣкъ, который въ глубинѣ сердца своего чувствуетъ себя въ правѣ быть гражданиномъ, чувствуетъ себя въ правѣ желать добра своему отечеству, потому что находитъ въ сердцѣ своемъ и любовь къ отечеству и сознаніе, что никогда ничѣмъ не повредилъ ему. Но это *желаніе лучшаго* было въ возможномъ или невозможномъ? Пусть уличатъ меня, что я желалъ перемѣнъ

и переворотовъ насильственно, революціонерно, возбуждая желчь ненависть! Но я не боюсь улики, ибо никакой доносъ въ свѣтѣ не отниметъ отъ меня и не прибавитъ мнѣ ничего, никакой доносъ не заставитъ меня быть другимъ, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ. Въ томъ ли проявилось мое вольнодумство, что я говорилъ вслухъ о такихъ предметахъ, о которыхъ другіе считаютъ долгомъ молчать, не потому, чтобы опасались сказать что-нибудь противъ правительства, (этого и въ мысли не можетъ быть!), но потому, что, по ихъ мнѣнію, предметъ такой, о которомъ уже принято не говорить громко? Въ этомъ ли? Но меня всегда даже оскорбляла эта боязнь слова, скорѣе способная быть обидной правительству, чѣмъ быть ему пріятною. И въ самомъ дѣлѣ: зачѣмъ правому человѣку опасаться за себя и за свое слово? Это значитъ полагать, что законы недостаточно ограждаютъ личность и что можно погибнуть изъ-за пустого слова, изъ-за неосторожной фразы. Но зачѣмъ же мы сами такъ настроили всѣхъ, что на громкое откровенное слово, сколько-нибудь похожее на мнѣніе, высказанное прямо, безъ утайки, смотрятъ, какъ на эксцентричность? Мое мнѣніе, что если бы всѣ были откровеннѣе съ правительствомъ, то было бы гораздо лучше для насъ самихъ. Мнѣ всегда было грустно видѣть, что мы все какъ будто инстинктивно боимся чего-то; что, сойдемся ли мы, напримѣръ, толпой въ публичномъ мѣстѣ, мы смотримъ другъ на друга недовѣрчиво, исподлобья, косимся по сторонамъ, подозрѣваемъ кого-то. Заговоритъ ли кто-нибудь о политикѣ, то заговоритъ непремѣнно шопотомъ и съ самымъ таинственнымъ видомъ, хотя бы республика была такъ же далека отъ его идей, какъ и Францiя. Скажутъ: „оно и лучше, что у насъ не кричатъ на перекресткахъ“. — Безъ сомнѣнія, никто и слова не скажетъ противъ этого, но излишнее умолчаніе, излишній страхъ наводитъ какой-то мрачный колоритъ на нашу обыденную жизнь, который кажетъ все въ безрадостномъ непривѣтливомъ свѣтѣ, и, что всего обиднѣе, колоритъ этотъ ложный; весь этотъ страхъ безпредметенъ, напрасенъ (я вѣрю въ то), всѣ эти опасенія больше ничего, какъ наша выдумка, и мы сами только напрасно безпокоимъ правительство своею таинственностью и недовѣрчивостью. Ибо изъ этого натянутаго положенія часто выходитъ много шуму изъ пустяковъ. Самое обыкновенное слово, сказанное громко, получаетъ гораздо болѣе вѣсу, а самый фактъ по своей эксцентричности принимаетъ размѣры иногда колоссальные и навѣрно припишется постороннимъ (не обыкновеннымъ), а не

настоящимъ (обыкновеннымъ) причинамъ. Я всегда былъ увѣренъ, что сознательное убѣжденіе лучше, крѣпче безсознательнаго, неустойчиваго, колеблющагося, способнаго пошатнуться отъ перваго вѣтра, который подуетъ. А сознаніе не высидишь и не выживешь молча. Сами мы бѣжимъ общенія, дробимся на кружки, или черствѣемъ въ уединеніи. А кто виноватъ въ этомъ положеніи? Мы, мы сами и болѣе никто, — я такъ всегда думалъ.

Хотя я и привелъ для примѣра наши общественные разговоры, а между тѣмъ, я самъ далеко не крикунъ, и то же самое скажетъ про меня всякій, кто меня знаетъ. Я не люблю говорить громко и долго даже съ пріятелями, которыхъ у меня очень немного, а тѣмъ болѣе въ обществѣ, гдѣ я слыву за человѣка неразговорчиваго, молчаливаго, несвѣтскаго. Знакомствъ у меня очень мало. Половина моего времени занята работой, которая кормитъ меня, другая половина занята постоянно болѣзнію, ипохондрическими припадками, которыми я страдаю уже три года. Едва остается немного времени на чтеніе и на то, чтобы узнать, что на свѣтѣ дѣлается. Для пріятелей и знакомыхъ остается очень немного времени. А потому, если я и написалъ теперь противъ системы всеобщаго, какъ бы систематическаго умолчанія и скрытности, то это потому, что мнѣ захотѣлось высказать свое убѣжденіе, а вовсе не защищать себя. Но въ чемъ обвиняютъ меня? Въ томъ, что я говорилъ о политикѣ, о Западѣ, о цензурѣ и пр. Но кто же не говорилъ и не думалъ въ наше время объ этихъ вопросахъ? Зачѣмъ же я учился, зачѣмъ наукой во мнѣ возбуждена любознательность, если я не имѣю права сказать моего личнаго мнѣнія или не согласиться съ такимъ мнѣніемъ, которое само по себѣ авторитетъ? На Западѣ происходитъ зрѣлище страшное, разыгрывается драма безпримѣрная. Трещитъ и разрушается вѣковой порядокъ вещей. Самыя основныя начала общества грозятъ каждую минуту рухнуть и увлечь въ своемъ паденіи всю націю. Тридцать шесть милліоновъ людей каждый день ставятъ словно на карту всю свою будущность, имѣніе, существованіе свое и дѣтей своихъ! И эта картина не такова, чтобы возбудить вниманіе, любопытство, любознательность, потрясти душу? Это тотъ самый край, который далъ намъ науку, образованіе, цивилизацію европейскую. Такое зрѣлище — урокъ. Это, наконецъ, исторія—наука будущаго. И послѣ этого неужели обвинятъ насъ, которымъ дали извѣстную степень образованія, въ которыхъ возбудили

жажду знанія и науки, — неужели обвинять насъ въ томъ, что мы имѣли столько любопытства, чтобъ говорить иногда о Западѣ, о политическихъ событіяхъ; читать современныя книги, приглядываться къ движенію западному, даже изучать его по возможности? Неужели обвинять меня въ томъ, что я смотрю нѣсколько серьезно на кризисъ, отъ котораго ноетъ и ломится на-двое несчастная Франція, что я считаю, можетъ быть, этотъ кризисъ исторически необходимымъ въ жизни этого народа, какъ состояніе переходное (кто разрѣшитъ это теперь?), и которое приведетъ, наконецъ, лучшее время? Дальше этого мнѣнія, дальше такихъ идей никогда не простиралось мое вольнодумство о Западѣ и о революціи. Но если я говорилъ о французскомъ переворотѣ, если я позволилъ себѣ судить о современныхъ событіяхъ, слѣдуетъ ли изъ этого, что я вольнодумецъ, что я республиканскихъ идей, что я противникъ самодержавія, что я его подкапываю? Невозможно! Для меня никогда ничего не было нелѣпѣе идеи республиканскаго правленія въ Россіи. Всѣмъ, кто знаетъ меня, извѣстны на этотъ счетъ мои идеи. Да, наконецъ, такое обвиненіе будетъ противно всѣмъ моимъ убѣжденіямъ, моему образованію. Я, можетъ быть, объясню еще себѣ революцію западную и *историческую необходимость* тамошняго современнаго кризиса. Тамъ нѣсколько столѣтій, болѣе тысячелѣтія длилась упорнѣйшая борьба общества съ авторитетомъ, основавшаяся на чуждой цивилизаціи завоеваніемъ, насиліемъ, притѣсненіемъ. А у насъ? И земля-то наша сложилась не по западному. У насъ историческіе примѣры передъ глазами: 1) паденіе Россіи предъ татарами отъ ослабленія авторитета и раздробленія его, 2) безобразіе республики новгородской,—республики, испробованной въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ на славянской почвѣ и, наконецъ, 3) двукратное спасеніе Россіи единственно усиленіемъ авторитета, усиленіемъ самодержавія: въ первый разъ отъ татаръ, второй разъ въ реформу Петра Великаго, когда только одна теплая дѣтская вѣра въ своего великаго кормчаго дала Россіи возможность перенести такой поворотъ въ новую жизнь. Да и кто у насъ думаетъ о республикѣ? Если и предстоятъ реформы, то даже для тѣхъ, кто желаетъ ихъ, будетъ ясно, какъ день, что должны эти реформы истечь именно изъ авторитета, да еще болѣе усиленнаго на то время, а иначе дѣло должно произойти революціонернымъ образомъ. Не думаю, чтобы нашелся въ Россіи любитель русскаго бунта. Примѣры извѣстны и до сихъ поръ памятны, хотя случились давно.

Въ заключеніе я припоминаю теперь слова свои, нѣсколько разъ повторявшіяся мною, что все, что только было хорошаго въ Россіи, начиная съ Петра Великаго, все то постоянно выходило свыше, отъ престола, а снизу до сихъ поръ ничего не выказывалось, кромѣ упорства и невѣжества. Это мнѣніе мое извѣстно многимъ изъ тѣхъ, кто меня знаетъ.

Я говорилъ о цензурѣ, о ея непомѣрной строгости въ наше время и сѣтовалъ объ этомъ, ибо чувствовалъ, что произошло какое-то недоразумѣніе, изъ котораго вытекаетъ натянутый, тяжелый для литературы порядокъ вещей. Мнѣ грустно было, что званіе писателя унижено въ наше время какимъ-то темнымъ подозрѣніемъ и что на писателя уже заранѣе, прежде чѣмъ онъ написалъ что-нибудь, цензура смотритъ какъ будто на какого-то естественнаго врага правительству и принимается разбирать рукопись уже съ очевиднымъ предубѣжденіемъ. Мнѣ грустно слышать, что запрещается иное произведеніе не потому, чтобы въ немъ нашли что-нибудь либеральнаго, вольнодумнаго, противнаго нравственности, а, напримѣръ, потому, что повѣсть или романъ слишкомъ печально кончается, что выставлена слишкомъ мрачная картина, хотя бы эта картина не обвиняла и не подозрѣвала никого въ обществѣ и хотя бы самая трагедія произошла чисто случайнымъ и внѣшнимъ образомъ. Пусть разберутъ все, что я написалъ напечатаннаго и ненапечатаннаго, пусть просмотрятъ рукописи уже напечатанныхъ сочиненій и увидятъ, каковы онѣ были до поступленія въ цензуру, — пусть найдутъ въ нихъ хоть одно слово, противное нравственности и установленному порядку вещей. А между тѣмъ, я именно подвергся подобному запрещенію собственно за то, что картина написана была слишкомъ мрачными красками. Но, если-бъ знали, въ какое мрачное положеніе поставленъ былъ авторъ запрещеннаго сочиненія! Онъ увидѣлъ передъ собою необходимость хуже, чѣмъ безъ хлѣба цѣлыхъ три мѣсяца, ибо работа давала мнѣ средства къ существованію. Да, кромѣ того, среди лишеній, грусти и почти отчаянія (ибо, откинувъ денежный вопросъ, тяжело до отчаянія видѣть свое произведеніе, которое любилъ, на которое потратилъ трудъ, здоровье, лучшія силы душевныя, запрещеннымъ отъ *недоразумѣнія*, отъ *подозрѣнія*), итакъ, кромѣ того, среди лишеній, грусти, отчаянія нужно еще найти столько легкихъ веселыхъ часовъ чтобы написать въ это время литературное произведеніе красками свѣтлыми, розовыми, пріятными. А написать непремѣнно нужно, потому что нужно существовать.

Если я говорилъ, если я жаловался (а я жаловался такъ немного!), то неужели я вольнодумствовалъ? И на что я жаловался? *На недоразумѣніе.* Именно: я бился изъ всѣхъ силъ, доказывая, что каждый литераторъ уже заподозрѣнъ заранѣе, что на него смотрятъ съ недоумѣніемъ, съ недовѣріемъ, и обвинялъ самихъ же литераторовъ въ томъ, что они сами не хотятъ изыскивать средствъ для разрушенія пагубнаго недоразумѣнія. Пагубнаго потому, что литературѣ трудно существовать при такомъ напряженномъ состояніи. Цѣлые роды искусства должны исчезнуть: сатира, трагедія уже не могутъ существовать. Уже не могутъ существовать при строгости нынѣшней цензуры такіе писатели, какъ Грибоѣдовъ, Фонвизинъ и даже Пушкинъ. Сатира осмѣиваетъ порокъ и чаще всего подъ личиною добродѣтели. Какъ можетъ быть теперь хоть какое-нибудь осмѣяніе? Цензоръ во всемъ видитъ намекъ, заподозрѣваетъ, нѣтъ ли тутъ какой личности, нѣтъ ли желчи, не намекаетъ ли писатель на чье-нибудь лицо и на какой-нибудь порядокъ вещей. Мнѣ самому случалось очень часто, забывши грусть, захохотать надъ тѣмъ, что нашелъ цензоръ *вреднымъ для общества* и неспособнымъ къ напечатанію въ моихъ или въ чьихъ чужихъ рукописяхъ. Смѣялся я потому, что никому, кромѣ цензора, не придетъ въ голову подобныхъ подозрѣній. Въ самой невиннѣйшей, чистѣйшей фразѣ подозрѣвается преступнѣйшая мысль, которую видно, что цензоръ преслѣдовалъ съ напряженіемъ умственныхъ силъ, какъ вѣчную неподвижную идею, которая не можетъ покинуть его головы, которую онъ самъ создалъ, колеблемый страхомъ и подозрѣніями, самъ воплотилъ ее въ своемъ воображеніи, самъ расцвѣтилъ небывалыми страшными красками и, наконецъ, уничтожилъ свой фантомъ вмѣстѣ съ невинной причиной его страховъ—безгрѣшной первоначальной фразой писателя. Точно какъ будто скрывая порокъ и мрачную сторону жизни, скроемъ отъ читателя, что есть на свѣтѣ порокъ и мрачная сторона жизни. Нѣтъ, авторъ не скроетъ этой мрачной стороны, систематически опуская ее передъ читателемъ, а только заподозритъ себя передъ нимъ въ неискренности, въ неправдивости. Да можно ли писать однѣми свѣтлыми красками? Какимъ образомъ свѣтлая сторона картины будетъ видна безъ мрачной? Можетъ ли быть картина безъ свѣта и тѣни вмѣстѣ? О свѣтѣ мы имѣемъ понятіе только потому, что есть тѣнь. Говорятъ: описывай однѣ доблести, добродѣтели. Но добродѣтели мы не узнаемъ безъ порока: самыя понятія *добра* и *зла* произошли отъ того, что добро и зло жили

вмѣстѣ, рядомъ другъ съ другомъ. Но подумай только я выставить на сцену невѣжество, порокъ, злоупотребленіе, спесь, насиліе! Цензоръ тотчасъ же заподозритъ меня и подумаетъ, что я говорю про все вообще безъ изъятія. Я не стою за изображеніе порока и мрачной стороны жизни: и тотъ и другая вовсе не милы мнѣ; но я говорю единственно только въ интересахъ искусства.

Видя, убѣдясь, наконецъ, что между литературой и цензурой происходитъ недоразумѣніе (одно недоразумѣніе и больше ничего!), я сѣтовалъ, я молилъ, чтобы это печальное недоразумѣніе прошло скорѣе, потому что я люблю литературу и не могу не интересоваться ею, потому что я знаю, что литература есть одно изъ выраженій жизни народа, есть зеркало общества. Съ образованіемъ, съ цивилизаціей являются новыя понятія, которыя требуютъ опредѣленія, названія—русскаго, чтобы быть переданными народу; ибо не народъ можетъ назвать ихъ въ настоящемъ случаѣ, затѣмъ, что цивилизація не отъ него идетъ, а свыше — назвать ихъ можетъ только то общество, которое прежде народа приняло цивилизацію, т.-е. высшій слой общества, классъ уже образованный до принятія этихъ идей Кто же формулируетъ новыя идеи въ такую форму, чтобы народъ ихъ понялъ,—кто же, какъ не литература! Реформа Петра Великаго не принялась бы такъ легко въ народѣ, который и не понялъ бы, чего хотятъ отъ него. Каковъ былъ русскій языкъ при Петрѣ Великомъ? Наполовину русскій, наполовину нѣмецкій, потому что на половину жизни нѣмецкой, понятій нѣмецкихъ, нравовъ нѣмецкихъ привилось къ жизни русской. Но русскій народъ не говоритъ по-нѣмецки, и явленіе Ломоносова сейчасъ послѣ Петра Великаго было не случайное. Безъ литературы не можетъ существовать общество, а я видѣлъ, что она угасала, и, въ десятый разъ повторяю, недоразумѣніе, возникшее между литературой и цензорами, волновало меня, мучило меня. Я говорилъ,—но я говорилъ только о согласіи, о соединеніи, объ уничтоженіи недоразумѣнія. Я не поджигалъ кругомъ меня никого, *потому что я вѣрилъ.* Да и говорилъ-то я только съ самыми короткими пріятелями, со своими товарищами—литераторами. Это ли вредное вольнодумство?

Меня обвиняютъ въ томъ, что я прочелъ статью „*Переписка Бѣлинскаго съ Гоголемъ*“ на одномъ изъ вечеровъ у Петрашевскаго. Да, я прочелъ эту статью, но тотъ, кто донесъ на меня, можетъ ли сказать, къ которому изъ переписывающихся лицъ

я былъ пристрастнѣе? Пусть онъ припомнитъ, было ли, не только въ сужденіяхъ моихъ (отъ которыхъ я воздержался), но хотя бы въ интонаціи голоса, въ жестѣ во время чтенія, что-нибудь способное выказать мое пристрастіе къ одному лицу преимущественно, чѣмъ къ другому изъ переписывающихся? Конечно, онъ не скажетъ того.

Письмо Бѣлинскаго написано слишкомъ странно, чтобъ возбудить къ себѣ сочувствіе. Ругательства отвращаютъ сердце, а не привлекаютъ его; а все письмо начинено ими и желчью написано. Наконецъ, вся статья — образецъ бездоказательности, недостатокъ, отъ котораго Бѣлинскій никогда не могъ избавиться въ своихъ критическихъ статьяхъ и который усиливался по мѣрѣ истощенія нравственныхъ и физическихъ силъ его въ болѣзни. Письма эти написаны въ послѣдній годъ его жизни, во время пребыванія за границею. Нѣсколько времени я былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ довольно коротко. Это былъ превосходный человѣкъ. Но болѣзнь, сведшая его въ могилу, сломила въ немъ даже и человѣка. Она ожесточила, очерствила его душу и залила желчью его сердце. Воображеніе его, разстроенное, напряженное, увеличивало все въ колоссальныхъ размѣрахъ, и показывало ему такія вещи, которыя одинъ онъ и способенъ былъ видѣть. Въ немъ явились вдругъ такіе недостатки и пороки, которыхъ и слѣда не было въ здоровомъ состояніи. Между прочимъ явилось самолюбіе, крайне раздражительное и обидчивое. Въ журналѣ, въ которомъ онъ числился сотрудникомъ и гдѣ за болѣзнію очень мало работалъ,—ему связывала редакція руки и уже не давала писать слишкомъ серьезныхъ статей. Это оскорбляло его. И вотъ въ этомъ-то состояніи онъ написалъ письмо свое къ Гоголю. — Въ литературномъ мірѣ не безъизвѣстно весьма многимъ о моей ссорѣ и окончательномъ разрывѣ съ Бѣлинскимъ въ послѣдній годъ его жизни. Извѣстна тоже и причина нашей размолвки: она произошла изъ-за идей о литературѣ и о направленіи литературы. Взглядъ мой былъ радикально противоположный взгляду Бѣлинскаго. Я упрекалъ его въ томъ, что онъ силится дать литературѣ частное, недостойное ея, назначеніе, низводя ее единственно до описанія, если можно такъ выразиться, однихъ газетныхъ фактовъ или скандалезныхъ происшествій. Я именно возражалъ ему, что желчью не привлечешь никого, а только надоѣшь смертельно всѣмъ и каждому, хватая встрѣчнаго и поперечнаго на улицѣ, останавливая каждаго прохожаго за пуговицу фрака и начиная

сильно проповѣдывать ему и учить его уму-разуму. Бѣлинскій разсердился на меня, и, наконецъ, отъ охлажденія мы перешли къ формальной ссорѣ, такъ что и не видались, наконецъ, другъ съ другомъ въ продолженіи всего послѣдняго года его жизни. Я давно желалъ прочесть эти письма. Въ моихъ глазахъ эта переписка — довольно замѣчательный литературный памятникъ. И Бѣлинскій и Гоголь лица очень замѣчательныя. Отношенія ихъ между собою весьма любопытны, тѣмъ болѣе для меня, который былъ знакомъ съ Бѣлинскимъ. Петрашевскій, случайно увидавъ эти письма въ моихъ рукахъ, спросилъ: „что такое?“ и я, не имѣя времени показать ему эти письма тотчасъ, обѣщалъ ихъ принести къ нему въ пятницу. Самъ я вызвался, и уже потомъ долженъ былъ сдержать слово. Я прочелъ эту статью ни болѣе, ни менѣе, какъ литературный памятникъ, твердо увѣренный, что она никого не можетъ привести въ соблазнъ, хотя она и не лишена нѣкотораго рода литературнаго достоинства. Что меня касается, я буквально не согласенъ ни съ однимъ изъ преувеличеній, находящихся въ ней. Теперь я прошу взять въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: сталъ ли бы я читать статью человѣка, съ которымъ былъ въ ссорѣ именно за идеи (это не тайна, это очень многимъ извѣстно), да еще писанную въ болѣзни, въ разстройствѣ умственномъ и душевномъ,—сталъ ли бы я читать эту статью, выставляя ее, какъ образецъ, какъ формулу, которой нужно слѣдовать? Я только теперь понялъ, что сдѣлалъ ошибку и что не слѣдовало мнѣ читать этой статьи вслухъ; но тогда я не спохватился, ибо даже и не подозрѣвалъ того, въ чемъ могутъ обвинить меня, не подозрѣвалъ за собою грѣха. Изъ уваженія къ человѣку, уже умершему, замѣчательному въ свое время, котораго многіе уважаютъ за нѣкоторыя литературно-эстетическія статьи его, написанныя дѣйствительно съ большимъ знаніемъ литературнаго дѣла, — наконецъ, изъ щекотливаго чувства по поводу ссоры нашей за идеи, которая многимъ извѣстна, я прочелъ всю переписку, воздержавшись отъ всякихъ замѣчаній и съ полнымъ безпристрастіемъ.

Я упомянулъ, что я говорилъ о политикѣ, о цензурѣ и т. д., но я только напрасно сказалъ на себя. Мнѣ хотѣлось только высказать образъ идей моихъ. Никогда я не говорилъ у Петрашевскаго объ этихъ предметахъ. Говорилъ я у него только три раза или, лучше сказать, два раза. Разъ *о литературѣ*, по поводу спора съ Петрашевскимъ изъ-за Крылова, а другой разъ

о личности и объ эгоизмѣ. Вообще я человѣкъ неразговорчивый и не люблю громко говорить тамъ, гдѣ есть мнѣ незнакомые. Образъ мыслей моихъ и я весь извѣстенъ только очень немногимъ моимъ пріятелямъ. Отъ большихъ споровъ я удаляюсь и люблю уступить; только бы меня оставили въ покоѣ. Но я былъ вызванъ на этотъ литературный споръ, темой котораго, съ моей стороны, было то, что искусство не нуждается въ направленіи, что искусство само себѣ цѣлью, что авторъ долженъ только хлопотать о художественности, а идея прійдетъ сама собою, ибо необходимое условіе художественности. Однимъ словомъ, *извѣстно, что это направленіе діаметрально-противоположно газетному* и... *). Многимъ тоже извѣстно, что это направленіе мое уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Наконецъ, споръ нашъ слышали всѣ у Петрашевскаго; всѣ могутъ засвидѣтельствовать то, что я говорилъ. Кончилось тѣмъ, что оказалось, что Петрашевскій со мною однѣхъ идей о литературѣ, но что мы не понимали другъ друга. Объ этомъ заключеніи тоже всѣ слышали. И я замѣтилъ, наконецъ, что весь споръ вышелъ отчасти изъ самолюбія, потому что я разъ заподозрилъ Петрашевскаго въ отчетливомъ знаніи по этому предмету. Что же касается до второй темы *о личности* и *эгоизмѣ*, то въ ней я хотѣлъ доказать, что между нами болѣе *амбиціи*, чѣмъ настоящаго человѣческаго достоинства, что мы сами впадаемъ въ самоумаленіе, въ размельченіе личности отъ мелкаго самолюбія, отъ эгоизма и отъ безцѣльности занятій. Эта тема чисто психологическая.

Я сказалъ, что въ обществѣ, которое собиралось у Петрашевскаго, не было ни малѣйшей цѣлости, ни малѣйшаго единства ни въ мысляхъ, ни въ направленіи мыслей. Казалось, это былъ споръ, который начался одинъ разъ съ тѣмъ, чтобы никогда не кончиться. Во имя этого спора и собиралось общество,— чтобы спорить и доспориться; ибо каждый почти разъ расходились съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующій разъ возобновить споръ съ новою силою, чувствуя, что не высказали и десятой части того, что хотѣли сказать. Безъ споровъ у Петрашевскаго было бы чрезвычайно скучно, потому что одни споры и противорѣчія и могли соединить этихъ разнохарактерныхъ людей. Говорилось обо всемъ и ни объ чемъ исключительно, и говорилось такъ, какъ говорится въ каждомъ кружкѣ, собравшемся случайно. Я такъ увѣренъ. И если я участвовалъ иногда въ спорахъ у Пе-

*) Не разобрано въ рукописи (подстрекательному?).

трашевскаго, если я ѣздилъ къ нему и не пугался того, когда слышалъ иное горячее слово, то это потому, что совершенно былъ увѣренъ (и увѣренъ въ томъ до сихъ поръ), что тутъ дѣло происходило семейственно, въ кругу общихъ знакомыхъ и пріятелей Петрашевскаго, а не публично. Такъ и дѣйствительно было, и если теперь обратили такое исключительное вниманіе на то, что было у Петрашевскаго, то мнѣ кажется, это произошло оттого, что Петрашевскій извѣстенъ почти всему Петербургу своими странностями и эксцентричностями, а поэтому и вечера его извѣстны; а я знаю положительно, что молва преувеличивала ихъ значеніе, хотя въ людской молвѣ было больше насмѣшки къ вечерамъ Петрашевскаго, чѣмъ опасенія. Тѣмъ, что говорилось иногда довольно откровенно (но всегда въ видѣ сомнѣнія, и всегда то, что говорилось, подымалось на споръ), я не смущался, потому что по моей идеѣ, лучше пусть иной горячій парадоксъ, иное сомнѣніе идетъ на судъ другихъ (конечно, не на площадь, а въ пріятельскій кругъ), чѣмъ остается внутри человѣка безъ выхода, черствѣетъ и укореняется въ душѣ его. Общій споръ полезнѣе уединенія. Истина всегда наверхъ всплыветъ, и здравый смыслъ одержитъ побѣду; такъ я смотрѣлъ на эти собранія, и на основаніи такого взгляда ходилъ иногда къ Петрашевскому. И опытъ оправдалъ меня, потому что, напримѣръ, о фурьеризмѣ перестали, наконецъ, совсѣмъ говорить, ибо фурьеризмъ былъ засыпанъ насмѣшками со всѣхъ сторонъ, даже какъ ученіе. Но если бы рѣшился кто-нибудь у Петрашевскаго говорить о примѣненіи системы Фурье къ нашему общественному быту, то ему тутъ же бы безъ всякихъ околичностей насмѣялись въ глаза. Я говорю такъ потому, что увѣренъ въ истинѣ словъ моихъ.

Чтобъ отвѣчать на вопросъ, не было ли какой тайной, скрытой цѣли въ обществѣ Петрашевскаго, можно утвердительно сказать, припоминая всю разноглaсицу, все это смѣшеніе понятій, характеровъ, личностей, спеціальностей, всѣ эти споры, доходившіе чуть не до вражды, и которые тѣмъ не менѣе оставались одними спорами,—смотря на все это и сообразивъ, можно утвердительно сказать, что невозможно, чтобъ была какая-нибудь тайная, скрытая цѣль во всемъ этомъ хаосѣ. Тутъ не было и тѣни единства, и не было бы до скончанія вѣковъ; и хотя я зналъ не всѣхъ и не все въ обществѣ Петрашевскаго, но, судя по тому, что я видѣлъ, могу положительно сказать, что я не ошибаюсь.

Теперь мнѣ приходится отвѣчать на послѣдній вопросъ, отвѣтъ на который составитъ заключеніе моего оправданія,—вредный ли человѣкъ Петрашевскій, и до какой степени онъ вреденъ для общества? Когда мнѣ предложили этотъ вопросъ въ первый разъ, я не могъ отвѣчать на него прямо. До этого вопроса я долженъ былъ разрѣшить въ себѣ цѣлый рядъ вопросовъ и сомнѣній, которые тотчасъ же породились въ умѣ моемъ, которыхъ я разрѣшить не могъ тутъ же на мѣстѣ, которые требовали нѣкотораго соображенія, и потому я стоялъ, не зная, что отвѣчать. Теперь, сообразивъ все, я представляю и предварительныя соображенія мои и, наконецъ, отвѣтъ на заданный мнѣ вопросъ, какъ слѣдствіе этихъ соображеній.

Во-первыхъ, если меня спрашивали, вреденъ ли Петрашевскій для общества, то я разумѣю прежде всего, какъ фурьеристъ, какъ послѣдователь и распространитель ученія Фурье. Мнѣ показали тетрадь, мелко исписанную, и сказали, что я, вѣроятно, узнаю почеркъ. Руки Петрашевскаго я не знаю, мы съ нимъ никогда не переписывались, и я рѣшительно не подозрѣвалъ, чтобы онъ пускался въ авторство. И я говорю утвердительно. И потому я рѣшительно ничего не знаю о Петрашевскомъ, какъ о фурьеристѣ—распространителѣ. Я знаю только его научныя вѣрованья. Да и то мы съ нимъ и въ научный разговоръ о Фурье рѣдко вступали, почти никогда, ибо нашъ разговоръ въ ту же минуту обратился бы въ споръ Это онъ зналъ очень хорошо. Плановъ же и распоряженій Петрашевскій мнѣ никогда не сообщалъ, и я рѣшительно не знаю, были ли они у него или не были. Кромѣ того, если бъ даже и были, чего я совершенно не знаю, то онъ, будучи совсѣмъ не въ короткихъ отношеніяхъ со мною, и вовсе не объявилъ бы мнѣ ни слова. Я же, съ своей стороны, въ желаніи никогда не имѣлъ провѣдать его тайны. И потому я рѣшительно ничего не могу сказать о Петрашевскомъ, какъ о фурьеристѣ, кромѣ какъ въ отношеніи чисто научномъ.

Я знаю, что Петрашевскій уважаетъ систему Фурье. Какъ фурьеристъ, онъ, конечно, не можетъ не желать, чтобъ ему сочувствовали. Но меня спрашивали: дѣлаетъ ли онъ учениковъ? *Не завлекаетъ ли онъ къ себѣ учителей изъ разныхъ учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы, обративъ ихъ, дѣйствовать черезъ нихъ на распространеніе фурьеризма въ юношествѣ?* Отвѣчаю: положительно я ничего не могу сказать на этотъ вопросъ, потому что не имѣю достаточныхъ данныхъ, рѣшительно не знаю

тайнъ Петрашевскаго. Мнѣ сказали, что у Петрашевскаго въ числѣ знакомыхъ есть учителя, напримѣръ, *Толь*. Но съ Толемъ я совершенно не знакомъ, и узналъ, что онъ учитель, только очень недавно. Что же касается Ястржембскаго, то о немъ я узналъ, что онъ учитель, только съ тѣхъ поръ, какъ онъ говорилъ о политической экономіи. Больше учителей я никого не знаю. Будучи не только не въ короткихъ, но даже въ далекихъ отношеніяхъ къ Толю, я не знаю ни исторіи знакомства его съ Петрашевскимъ, ни того, когда они познакомились, ни того, въ какихъ отношеніяхъ находились другъ къ другу,—однимъ словомъ, мнѣ было вовсе не любопытно знать это. Что же касается Ястржембскаго, то я имѣлъ случай узнать образъ экономическихъ идей его, когда два раза удалось мнѣ его слышать. Онъ, сколько мнѣ кажется, экономистъ послѣдней школы и допускаетъ соціализмъ настолько, насколько его допускаютъ самые строгіе профессора науки. Ибо соціализмъ въ свою очередь сдѣлалъ много научной пользы критической разработкой и статистическимъ отдѣломъ своимъ. Однимъ словомъ, я полагаю, что Ястржембскій далеко не фурьеристъ, и что ему нечему учиться у Петрашевскаго. Но замѣчу, что Ястржембскаго, какъ человѣка, я не знаю совсѣмъ. Я съ нимъ *никогда* не вступалъ въ разговоры, и кажется, что и онъ находится точно въ такихъ же ко мнѣ отношеніяхъ. Полнаго образа его идей я не знаю, равно какъ и онъ моего. Итакъ, я могу судить о Петрашевскомъ, какъ о распространителѣ ученія только по однѣмъ догадкамъ, по соображенію.

Но по догадкамъ я ничего не могу сказать. Я знаю, что мое показаніе не возьмется за окончательное, за основное, но все-таки оно останется показаніемъ. Что же, если я ошибусь? Ошибка ляжетъ на моей совѣсти. Мнѣ показали рукопись, о существованіи которой я не зналъ прежде. Я прочелъ фразу этой рукописи. Въ этой фразѣ высказано горячее желаніе скорѣйшаго торжества системы Фурье. Если вся рукопись въ этомъ родѣ, если Петрашевскій призналъ ее, то, конечно, онъ желалъ распространенія системы Фурье. Но употреблялъ ли онъ дѣйствительно какія-либо мѣры до сихъ поръ—я не знаю. Мнѣ неизвѣстны его тайны, и я думаю, что мнѣ можно, наконецъ, повѣрить. Никто не покажетъ, что мы были съ Петрашевскимъ когда-нибудь въ отношеніяхъ очень близкихъ. Я ѣздилъ къ нему по пятницамъ, какъ знакомый, не болѣе. Я не знаю никакихъ его плановъ, и я въ первый разъ видѣлъ эту рукопись, содер-

жанія которой, кромѣ одной фразы, я совершенно не знаю. Итакъ, дѣлалъ ли онъ что-нибудь, употреблялъ ли онъ какія мѣры, объ этомъ я сказать не могу. Но да позволятъ мнѣ изложить нѣсколько собственныхъ моихъ соображеній, которыя составляютъ во мнѣ глубочайшее убѣжденіе, которыя я долго обдумывалъ, которыя и прежде мнѣ представлялись такими же, какъ и теперь, и вслѣдствіе которыхъ, наконецъ, я при первомъ вопросѣ о виновности Петрашевскаго не могъ отвѣчать положительно. Я понимаю, какъ важны въ глазахъ судей Петрашевскаго такія улики, какъ книги, рукописи и разговоры, записанные отрывками. Но такъ какъ меня спросили о Петрашевскомъ, то да позволятъ мнѣ изложить мой взглядъ на все его дѣло.

Петрашевскій вѣритъ Фурье. Фурьеризмъ—система мирная; она очаровываетъ душу своею изящностью, обольщаетъ сердце тою любовью къ человѣчеству, которая воодушевляла Фурье, когда онъ составлялъ свою систему, и удивляетъ умъ своею стройностью. Привлекаетъ къ себѣ она не желчными нападками, а воодушевляетъ любовью къ человѣчеству. Въ системѣ этой нѣтъ ненавистей. Реформы политической фурьеризмъ не полагаетъ; его реформа экономическая. Она не посягаетъ ни на правительство, ни на собственность, а въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій палаты Викторъ Консидеранъ, представитель фурьеристовъ, торжественно отказался отъ всякаго посягновенія на фамилію. Наконецъ, эта система кабинетная и никогда не будетъ популярною. Фурьеристы во время всего февральскаго переворота ни разу не вышли на улицу, а остались въ редакціи своего журнала, гдѣ они проводятъ свое время уже слишкомъ двадцать лѣтъ въ мечтахъ о будущей красотѣ фаланстеры. Но, безъ сомнѣнія, эта система вредна во-первыхъ, уже по одному тому, что она система; во-вторыхъ, какъ ни изящна она, она все-таки утопія самая несбыточная. Но вредъ, производимый этой утопіей, если позволятъ мнѣ такъ выразиться, болѣе *комическій*, чѣмъ приводящій въ ужасъ. Нѣтъ системы соціальной, до такой степени осмѣянной, до такой степени не популярной, освистанной, какъ система Фурье на Западѣ. Она уже давно померла, и предводители ея сами не замѣчаютъ, что они живые только мертвецы, больше ничего. На Западѣ, во Франціи, въ эту минуту всякая система, всякая теорія вредна для общества; ибо голодные пролетаріи въ отчаяніи хватаются за всѣ средства и изъ всякаго средства готовы сдѣлать себѣ знамя. Тамъ минута крайности. Тамъ голодъ гонитъ на улицу. Но фурьеризмъ забытъ

изъ презрѣнія къ нему, и даже *кабетизмъ*, нелѣпѣе котораго ничего не производилось на свѣтѣ, возбуждаетъ гораздо болѣе симпатіи. Что же касается до насъ, до Россіи, до Петербурга, то здѣсь стоитъ сдѣлать двадцать шаговъ по улицѣ, чтобъ убѣдиться, что фурьеризмъ на нашей почвѣ можетъ только существовать или въ неразрѣзанныхъ листахъ книги, или въ мягкой, незлобивой мечтательной душѣ, но не иначе, какъ въ формѣ идилліи или подобно поэмѣ въ двадцати четырехъ пѣсняхъ, въ стихахъ. Фурьеризмъ вреда нанести не можетъ серьезнаго. Во-первыхъ, если бы и былъ вредъ серьезный, то самое распространеніе его уже утопія, ибо до невѣроятности медленно. Чтобы понять фурьеризмъ вполнѣ, нужно его изучить, а это цѣлая наука. Нужно прочесть до десятка томовъ. Можетъ ли такая система когда-либо сдѣлаться популярною! Распространять ее съ каѳедръ черезъ учителей? Но это физически невозможно, уже по одному объему фурьеристической науки! Но, повторяю, вреда серьезнаго, по моему мнѣнію, отъ системы Фурье быть не можетъ, и если фурьеристъ нанесетъ кому вредъ, такъ только развѣ себѣ, въ общемъ мнѣніи, у тѣхъ, въ которыхъ есть здравый смыслъ. Ибо самый высочайшій комизмъ для меня—*это ненужная никому дѣятельность*. А фурьеризмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и всякая западная система, такъ неудобны для нашей почвы, такъ не по обстоятельствамъ нашимъ, такъ не въ характерѣ націи, а, съ другой стороны, до того порожденіе Запада, до того продуктъ тамошняго, западнаго положенія вещей, среди котораго разрѣшается во что бы то ни стало пролетарскій вопросъ, что фурьеризмъ съ своею настойчивою необходимостью, въ настоящее время, у насъ, между которыми нѣтъ пролетаріевъ, былъ бы уморительно смѣшенъ. Дѣятельность фурьериста была бы самая ненужная, слѣдовательно, самая комическая. Вотъ почему по *догадкѣ* моей я полагаю Петрашевскаго умнѣе, и никогда не подозрѣвалъ его *серьезно* дальше кабинетнаго уваженія къ Фурье... Все остальное я *по истинѣ* готовъ былъ счесть за шутку. Фурьеристъ—несчастный и невиновный человѣкъ,—вотъ мое мнѣніе. Наконецъ, по моему мнѣнію, ни одинъ парадоксъ, сколько ихъ не было, не могъ удержаться долго самъ собою, своими силами. Такъ насъ учитъ исторія. И доказательство, что во Франціи почти въ одинъ годъ пали всѣ системы, одна за другой, и пали сами собою, чуть только дѣло дошло до малѣйшаго опыта. Сообразивъ это все, если бъ я даже зналъ (чего я не знаю, повторяю еще разъ), но если бъ я даже зналъ, что Петрашевскій,

не боясь никакой насмѣшки, все еще старался о распространеніи фурьеризма, то я бы все-таки удержался сказать, что онъ вреденъ, что онъ приноситъ положительный вредъ. Во-первыхъ, какимъ образомъ могъ бы быть вреденъ Петрашевскій, какъ пропагаторъ фурьеризма? Свыше моихъ понятій! Смѣшенъ, а не вреденъ! Вотъ мое мнѣніе и, вотъ что я по совѣсти могу отвѣчать на заданный мнѣ вопросъ.

Наконецъ, во мнѣ возникло еще одно соображеніе, о которомъ я не могу умолчать, соображеніе чисто житейское. У меня было давнее, старое убѣжденіе, что Петрашевскій зараженъ нѣкотораго рода самолюбіемъ. Изъ самолюбія онъ созывалъ къ себѣ въ пятницу, и изъ самолюбія же пятницы не надоѣдали ему. Изъ самолюбія онъ имѣлъ много книгъ, и, кажется, ему нравилось, что у него есть рѣдкія книги. Впрочемъ, это не болѣе, какъ мое наблюденіе, догадка, ибо, повторяю, все что я знаю о Петрашевскомъ, я знаю не полно, не совершенно, а по догадкамъ, основаннымъ на томъ, что я видѣлъ и слышалъ.

Вотъ мой отвѣтъ, — я передалъ истину.

Ѳедоръ Достоевскій.

Несмотря на такое достовѣрное свидѣтельство, несмотря изложенныя нами соображенія о роли петрашевцевъ въ русской общественности, роли, которая, быть можетъ только въ будущемъ пріуготовляла и то лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ къ дѣятельности революціонной, несмотря на это—обвиненіе противъ нихъ было выставлено самое тяжкое, которое лишало ихъ какой-либо надежды, при тогдашнемъ настроеніи самого Николая Павловича, на помилованіе или облегченіе участи.

Обвиненія были формулированы, однако, такъ и въ слѣдующемъ порядкѣ важности преступленій.

1. Буташевичъ-Петрашевскій еще въ 1839 году, бывши воспитанникомъ въ Александровскомъ лицеѣ *), былъ замѣченъ въ либеральномъ образѣ мыслей; по выходѣ же оттуда и по окончаніи въ 1841 году курса въ университетѣ, либеральное направленіе въ немъ еще болѣе укоренилось отъ изученія соціальныхъ системъ, въ особенности Фурье. *Избравъ* изученіе этихъ системъ, какъ *средство* къ достиженію преступнаго замысла на ниспроверженіе настоящаго государственнаго устройства, онъ

*) По разсчету ему не было тогда и 15 лѣтъ.

употреблялъ разныя средства къ осуществленію своего предположенія: раздавалъ знакомымъ для чтенія запрещенныя книги и періодическія изданія, которыя выписывалъ тайно изъ-за границы, старался поселять несогласныя съ духомъ правительства мысли въ учащихся, посредствомъ знакомыхъ ему учителей, и съ этою же цѣлью самъ въ 1844 году просилъ объ опредѣленіи его наставникомъ въ лицей, а когда ему въ томъ было отказано, покушался поселять зловредныя идеи въ нѣкоторыхъ воспитанникахъ лицея, посѣщавшихъ его по праздничнымъ днямъ. Трехъ изъ нихъ, имѣвшихъ отъ 14 до 15 лѣтъ, онъ въ самое короткое время *довелъ вмѣстѣ до того*, что въ нихъ обнаружилось *скептическое* направленіе мыслей относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка.

Послѣ того, именно въ 1845 году, онъ, для достиженія своей цѣли, намѣревался уже дѣйствовать посредствомъ пропаганды своихъ убѣжденій, и въ этихъ видахъ, имѣя большой кругъ знакомства, началъ собирать у себя по пятницамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ знакомыхъ, преимущественно изъ воспитателей, литераторовъ и студентовъ, кончившихъ или оканчивавшихъ курсъ, и вообще лицъ разныхъ сословій, въ коихъ обнаруживался одинаковый съ его образъ мыслей. Самъ Буташевичъ-Петрашевскій преимущественно возбуждалъ вопросы о перемѣнѣ судопроизводства и объ освобожденіи крестьянъ, но и въ разговорахъ по прочимъ предметамъ принималъ дѣятельное участіе, высказывая предположенія свои къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка, въ смыслѣ системъ соціальныхъ и коммунистическихъ.

Въ концѣ 1848 года Петрашевскій возымѣлъ замыселъ къ скорѣйшему достиженію переворота уже не посредствомъ пропаганды, а дѣйствіями насильственными, и пытался образовать тайныя общества. Замѣтивъ, что пріѣзжій изъ Сибири Черносвитовъ обнаруживаетъ *свободомысліе*, онъ старался сблизить его со Спѣшневымъ и имѣлъ съ ними сужденіе о возможности возстанія въ Сибири и на Уралѣ. Потомъ, узнавъ отъ Момбелли о предположеніи составить тайное общество, Петрашевскій свелъ его со Спѣшневымъ, пригласилъ къ участію въ обществѣ Дебу 1 и имѣлъ съ ними и Львовымъ неоднократныя совѣщанія о способахъ къ образованію общества, при чемъ доказывалъ его необходимость на тотъ конецъ, чтобы, когда придетъ время, были люди готовые. Спѣшневъ же читалъ планъ, предлагая, въ числѣ другихъ средствъ, возстаніе. Когда же общество, по разногласію ихся, не состоялось, то Петрашевскій вновь старался

возобновить совѣщанія и сходился съ другими въ квартирѣ Львова, что однако также осталось безъ послѣдствій. Вообще Петрашевскій, въ дѣйствіяхъ своихъ въ послѣднее время, показывалъ явную наклонность къ произведенію реформы, а 7 апрѣля, на обѣдѣ въ честь Фурье, произнесъ рѣчь въ духѣ социальномъ, называя себя старѣйшимъ *пропагаторомъ* въ Россіи, усиливался доказать, что настоящее устройство общественнаго быта не соотвѣтствуетъ естественнымъ потребностямъ и должно быть преобразовано; въ заключеніе же рѣчи сказалъ такъ: „мы осудили на смерть настоящій бытъ общества; надо же приговоръ намъ исполнить".

При слѣдствіи Петрашевскій не только не изъявлялъ раскаянія въ поступкахъ, но объявилъ, что, стремясь къ достиженію полной совершенной реформы быта общественнаго въ Россіи, желалъ стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ. Притомъ онъ дѣлалъ многіе дерзкіе и неумѣстные отзывы, покушенія тайнымъ образомъ склонить къ запирательству прочихъ подсудимыхъ и, усиливаясь доказать мнимую благонадежность соціальныхъ системъ, въ особенности Фурье, сравнивалъ участь и единомышленниковъ съ участью первыхъ проповѣдниковъ христіанства. Вообще Петрашевскій, по замѣчанію слѣдственной комиссіи, во все время содержанія въ крѣпости, одинъ изъ всѣхъ арестантовъ велъ себя предосудительно, являлся дерзкимъ и наглымъ, притворялся сумасшедшимъ и старался наговаривать на другихъ, чтобы облегчить свое обвиненіе.

Всѣ вышеизложенныя преступныя дѣйствія Петрашевскаго, кромѣ показаній многихъ лицъ, доказываются найденными у него бумагами, изъ коихъ обнаруживается явное стремленіе его къ перемѣнѣ существующаго въ Россіи порядка и отсутствіе въ немъ религіознаго чувства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно замѣчательно одно сочиненіе, въ которомъ онъ дерзнулъ назвать Іисуса Христа демагогомъ, нѣсколько неудачно кончившимъ свою карьеру.

Сверхъ того Петрашевскій, при разспросахъ въ слѣдственной коммиссіи о связяхъ съ подсудимымъ Черносвитовымъ, самъ показалъ, что Черносвитовъ въ концѣ 1848 года неоднократно внушалъ ему мысь о цареубійствѣ, и хотя Петрашевскій не говоритъ, чтобы онъ раздѣлялъ это безумное предложеніе, но объ этомъ начальству въ то время не доносилъ. Черносвитовъ же въ этомъ не сознался.

2. Спѣшневъ, во время четырехлѣтняго пребыванія заграницею (съ 1842 по 1846 годъ), будучи проникнутъ духомъ

либерализма, возымѣлъ, по собственному сознанію, замыселъ составить тайное общество въ Россіи, съ цѣлью произвести реформою уравненіе всѣхъ сословій. По возвращеніи въ 1846 году въ Петербургъ онъ, начавъ посѣщать собранія Петрашевскаго, принималъ участіе въ преступныхъ разговорахъ, а на одномъ собраніи читалъ рѣчь о религіи, въ которой, отвергая бытіе Бога, изъявлялъ желаніе распространить соціализмъ, атеизмъ, терроризмъ. Въ концѣ 1848 и въ началѣ 1849 годовъ Спѣшневъ, бывая на собраніяхъ Дурова, Кашкина и Плещеева, также обнаруживалъ преступныя предположенія: именно у Плещеева вызывался печатать за границей запрещенныя книги, что однако не было принято; у Дурова Спѣшневъ участвовалъ въ совѣщаніяхъ завести тайную литографію для распространенія сочиненій противъ правительства; когда же предположеніе это не состоялось, то Спѣшневъ вознамѣрился устроить у себя типографію, съ тѣмъ, чтобы, дѣйствуя независимо и тайно отъ другихъ, производить печатаніе по своему произволу; для этого, за день до арестованія, онъ пріобрѣлъ уже нѣкоторыя типографскія принадлежности. Познакомившись у Петрашевскаго съ Черносвитовымъ, имѣлъ съ ними преступные разговоры о возможности возстанія въ Сибирѣ и на Уралѣ, а вслѣдъ затѣмъ участвовалъ, по предложенію Момбелли, вмѣстѣ съ нимъ, Петрашевскимъ, Львовымъ и Дебу 1, въ злоумышленныхъ совѣщаніяхъ объ учрежденіи тайнаго общества, съ комитетомъ изъ учредителей. При совѣщаніи Спѣшневъ читалъ написанный имъ планъ о различныхъ внѣправительственныхъ путяхъ дѣйствія (іезуитскомъ, пропагандномъ и чрезъ возстаніе) и, признавая за лучшее соединить всѣ эти пути дѣйствія, предложилъ планъ тайнаго общества на возстаніе.

Кромѣ того. Спѣшневъ участвовалъ въ обѣдѣ, данномъ 7 апрѣля 1849 года въ честь Фурье, въ день его рожденія, при чемъ были произнесены въ высшей степени преступныя рѣчи, и положено было, для лучшаго распространенія ученія Фурье, перевести его на русскій языкъ. На обѣдѣ у Спѣшнева читана была Григорьевымъ статья „*Солдатская бесѣда*“, которая потомъ хранилась у Спѣшнева.

При разсмотрѣніи опечатанныхъ у Спѣшнева бумагъ найденъ написанный имъ и неоконченный проектъ подписки для вступающаго въ Русское тайное общество, съ обязательствомъ принимать другихъ въ члены общества и съ изъявленіемъ готов-

ности участвовать въ бунтѣ вооруженною рукою, по требованію распорядительнаго комитета.

Въ отношеніи этой подписки Спѣшневъ показалъ, что она была имъ составлена нѣсколько лѣтъ назадъ, во время пребыванія за границею, когда онъ, занимаясь изученіемъ исторіи тайныхъ обществъ вообще, думалъ объ учрежденіи такого же въ Россіи, но впослѣдствіи начатую имъ исторію уничтожилъ, о подпискѣ же, заронившейся между бумагами, забылъ и никому ее не показывалъ.

Чтобы подписка эта была составлена для какого-нибудь существовавшаго общества, по дѣлу не открыто; ни у одного изъ обвиненныхъ подобной подписки не найдено, и ни одинъ ни собственнымъ сознаніемъ, ни опечатанными бумагами не уличенъ, чтобы зналъ о существованіи этого обязательства.

Слѣдственная комиссія, не убѣждаясь такимъ отрицательствомъ Спѣшнева, требовала откровеннаго объясненія о сей подпискѣ, объявивъ ему 157 статью уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Однако же Спѣшневъ и за симъ положительно утвердилъ, что русское тайное общество не существовало, и что подписка та была лишь проектъ.

Въ доказательство же искренности показанія Спѣшневъ самъ добровольно открылъ о преступныхъ разговорахъ съ Черносвитовымъ и о составленіи, по предложенію поручки Момбелли, тайнаго общества, тогда какъ объ этомъ не представлялось ни малѣйшихъ видовъ по дѣлу; давъ это показаніе, Спѣшневъ кончилъ объясненіе словами: „теперь я исполнилъ свой долгъ. Вотъ моя полная исповѣдь, я виноватъ, и меня слѣдуетъ наказать“.

3. *Момбелли*, будучи, какъ самъ выражается, самымъ гнуснымъ либераломъ, въ зиму 46—47 годовъ, завелъ у себя еженедѣльные литературные вечера и читалъ на нихъ писанныя и переведенныя сочиненія въ либеральномъ духѣ. По прекращеніи вечеровъ, въ февралѣ 1847 г., Момбелли, познакомившись съ Петрашевскимъ, постоянно посѣщалъ его собранія; однажды, по словамъ Момбелли, при немъ сдѣлались насмѣшки надъ чинами высшихъ классовъ и дерзко отзывались о священной особѣ вашего величества. Самъ Момбелли, сочувствуя, по собственному выраженію, всему либеральному и идеѣ республиканскаго правленія, принималъ участіе въ преступныхъ разговорахъ, слышалъ чтеніе письма Бѣлинскаго и намѣренъ былъ распространить это письмо, для чего и отдалъ списывать съ

него копіи. Кромѣ того, въ концѣ 1847 года, Момбели возымѣлъ умыселъ составить тайное общество съ цѣлью преобразовать гражданскій бытъ Россіи, сдѣлалъ предложеніе Львову, Петрашевскому и Спѣшневу и имѣлъ съ ними и Дебу 1 по этому случаю совѣщаніе, при чемъ предлагалъ составить комитетъ изъ учредителей для управленія обществомъ и произнесъ рѣчь о необходимости хранить все это втайнѣ, упомянувъ, въ видѣ угрозы, про смерть измѣннику; а подсудимый Спѣшневъ читалъ планъ тайнаго общества на возстаніе. Когда же учрежденіе общества не состоялось, по разномыслію совѣщавшихся, то Момбелли, по собственному сознанію, покушался возобновить переговоры о семъ съ Петрашевскимъ, Львовымъ и Дебу 1, однако же безуспѣшно.

Всѣ сіи дѣйствія Момбелли, кромѣ собственнаго сознанія, доказываются показаніями другихъ лицъ, участвовавшихъ съ ними въ совѣщаніяхъ о тайномъ обществѣ.

Въ рукописныхъ сочиненіяхъ Момбелли заключаются многія демагогическія мысли въ отношеніи Россіи и въ высшей степени дерзкія выраженія противъ священной особы вашего величества и даже воззваніе къ уничтоженію императорскаго достоинства. Впрочемъ, чтобы сочиненія эти были имъ читаны кому-либо, по дѣлу положительно не открыто.

4. Григорьевъ, познакомившись въ концѣ 1848 года съ Петрашевскимъ, бывалъ у него на собраніяхъ, *слушалъ разговоры*. Посѣщалъ собранія у Дурова, гдѣ были читаны сочиненія въ либеральномъ духѣ, и предполагалось писать статьи противъ правительства и распространять ихъ посредствомъ домашней литографіи. Самъ Григорьевъ взялся описывать злоупотребленія военныя и написалъ статью въ высшей степени преступнаго и возмутительнаго содержанія: *„Солдатская бесѣда“*; читалъ ее на обѣдѣ у Спѣшнева и передавалъ другимъ лицамъ для прочтенія. Сочиненіе это какъ по содержанію, такъ и по слогу, приноровленному къ понятію солдатъ, могло увлекательно дѣйствовать какъ на нихъ, такъ и на народъ.

Въ преступленіяхъ сихъ Григорьевъ самъ признался и, принося раскаяніе, отозвался, что онъ написалъ ее по увлеченію дурными идеями и во время болѣзненнаго припадка, отъ неудовольствія на обиды полкового командира.

5. Львовъ, посѣщая, съ октября 1848 года, собранія Петрашевскаго, слушалъ разговоры, письмо Бѣлинскаго. Въ мартѣ 1849 г. посѣщалъ Дурова, гдѣ читались либеральныя статьи, и

предполагалось завести домашнюю литографію. Въ концѣ 1848 г. участвовалъ въ совѣщаніяхъ о составленіи тайнаго общества, при чемъ самъ излагалъ формы для общества, а когда оно не состоялось, то Львовъ, по предложенію Петрашевскаго, изъявилъ согласіе возобновить предположеніе о немъ, для чего Петрашевскій, Момбелли и Дебу 1 собрались въ его квартиру и имѣли дальнѣйшія совѣщанія.

Львовъ, сознавая себя виновнымъ во всѣхъ означенныхъ преступленіяхъ, обвиняетъ себя въ гнусной неблагодарности къ благодѣтельствовавшему ему, съ ранняго дѣтства, государю и молилъ Бога о позволеніи умереть, удостоившись великодушнаго прощенія государя.

6. *Филипповъ*, посѣщавшій съ 1848 года Петрашевскаго, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ происходившихъ тамъ преступныхъ разсужденіяхъ, осуждалъ образъ правленія и не разъ говорилъ безъ уваженія о царскомъ санѣ, стараясь, какъ самъ объясняетъ, выказать свои либеральныя мысли съ цѣлью поколебать тѣ понятія, на коихъ у насъ основаны отношенія между начальниками и подчиненными. На собраніяхъ Дурова онъ первый сдѣлалъ предложеніе завести домашнюю литографію для распространенія статей противъ правительства; а когда это предложеніе было отвергнуто, то онъ, по соглашенію съ подсудимымъ Спѣшневымъ, вознамѣрился устроить типографію и доставилъ къ Спѣшневу нѣкоторыя типографскія принадлежности. Кромѣ того, на обѣдѣ у Спѣшнева слушалъ „*Солдатскую бесѣду*“. Въ бумагахъ Филиппова найдено написанное имъ въ возмутительномъ духѣ сочиненіе подъ заглавіемъ: „*Толкованіе десяти заповѣдей*“. Въ сочиненіи этомъ, клонящемся къ разрушенію какъ религіозныхъ, такъ и политическихъ убѣжденій въ народѣ, Филипповъ истолковалъ въ превратномъ смыслѣ нѣкоторыя изреченія священнаго писанія съ цѣлью возбудить подчиненныхъ противъ начальства, крестьянъ противъ помѣщиковъ.

Филипповъ, съ перваго допроса сознавшись во всемъ вышеизложенномъ, объяснилъ, что хотя толкованіе десяти заповѣдей написано имъ съ цѣлью распространить ложныя мысли о божественномъ Писаніи, но онъ никому этого сочиненія не показывалъ.

Филипповъ, тронутый назидательнымъ письмомъ своего отца, приноситъ въ преступленіяхъ своихъ раскаяніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „моя послѣдняя надежда остается только на Бога

шевскаго, слушалъ разговоры, но участія въ нихъ не принималъ и послѣ того у Патрашевскаго не былъ.

Въ бумагахъ Кашкина, кромѣ этой рѣчи, найденъ еще проектъ письма, въ которомъ онъ также обнаруживалъ невѣріе словами: „Богъ, если Ты существуешь, помоги мнѣ!" При допросахъ раскаялся, обратился къ религіознымъ чувствамъ и выразилъ, что въ случаѣ прощенія онъ оправдаетъ довѣріе.

12. *Дуровъ* посѣщалъ Петрашевскаго съ 1847 г., слушалъ разговоры, а на одномъ собраніи самъ говорилъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что родство опутываетъ человѣка. Въ мартѣ 1849 г. самъ завелъ вечера, на которыхъ читались сочиненія въ либеральномъ духѣ, а однажды письмо Бѣлинскаго, и предполагалось завести домашнюю литографію, для распространенія статей противъ правительства. На обѣдѣ у Спѣшнева слышалъ чтеніе „*Солдатской Бесѣды*".

При слѣдствіи Дуровъ утверждалъ, что умысла противъ правительства не имѣлъ, преступное вкралось на вечера незамѣтно, и потому онъ ихъ тогда же прекратилъ. Въ бумагахъ Дурова ничего, относящагося къ дѣлу, не оказалось, но по отзыву князя Голицына, сочиненія Дурова *легкомысленны, а въ нихъ проявляются безнравственныя чувства*. Слѣдственная же комиссія, обращая вниманіе на ходъ дѣйствій Дурова, замѣтила въ немъ *либеральное направленіе*.

13. *Достоевскій*, по собственному сознанію, посѣщалъ собранія у Петрашевскаго 3 года, *слушалъ сужденія*, самъ принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры, и на одномъ собраніи въ мартѣ 49 года прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копіи Момбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести литографію, у Спѣшнева слышалъ чтеніе „*Солдатской Бесѣды*".

При слѣдствіи, сознаваясь въ участіи въ разговорахъ о возможности нѣкоторыхъ перемѣнъ и улучшеній, отозвался, что предполагалъ ожидать этого отъ правительства; письмо же Бѣлинскаго читалъ, какъ литературный памятникъ, будучи увѣренъ, что оно не можетъ никого привести въ соблазнъ.

14. Плещеевъ бывалъ въ теченіе 3 лѣтъ, разъ или два въ мѣсяцъ, на собраніяхъ у Петрашевскаго, гдѣ, какъ самъ объясняется, были обсуждаемы разныя мѣры противъ правительства, и разсматривалась необходимость нѣкоторыхъ преобразованій въ

администраціи. Въ мартѣ 1849 года, находясь въ Москвѣ, прислалъ Достоевскому списокъ съ письма Бѣлинскаго. Кромѣ того, въ письмахъ къ Достоевскому и Дурову излагалъ вольныя сужденія насчетъ пребыванія въ Москвѣ высочайшаго двора, выражалъ, что будто императорская фамилія встрѣтила въ Москвѣ очень мало симпатіи, и что всѣ желаютъ, чтобъ дворъ поскорѣе уѣхалъ. Въ этихъ же письмахъ Плещеевъ употребилъ дерзкіе отзывы насчетъ *начальства московскаго университета* и вообще обнаружилъ *либеральное направленіе мыслей*.

При слѣдствіи Плещеевъ показалъ, что письмо Бѣлинскаго онъ отыскалъ случайно въ библіотекѣ умершаго дяди своего и прислалъ къ Достоевскому, какъ литературное произведеніе. Въ отношеніи же собственныхъ писемъ отозвался, что о недостаткѣ въ жителяхъ Москвы симпатіи въ императорской фамиліи упоминалъ отъ легкомыслія *).

15. *Головинскій* былъ два раза на собраніяхъ у Петрашевскаго, слышалъ разговоры и самъ принималъ въ нихъ участіе, доказывая необходимость предоставить крѣпостнымъ людямъ свободу; посѣщалъ собранія у Дурова, слышалъ чтеніе письма Бѣлинскаго, а у Спѣшнева „*Солдатскую Бесѣду*“.

Кромѣ того, изъ показаній двухъ подсудимыхъ, Филиппова и Григорьева, видно, что Головинскій, при разсужденіи о предоставленіи помѣщичьимъ крестьянамъ свободы, доказывалъ, что ихъ можно освободить безъ содѣйствія и воли правительства, чрезъ возстаніе ихъ самихъ, и что при этомъ же, говоря объ измѣненіи образа правленія, сказалъ, что правленіе не можетъ измѣниться вдругъ, но прежде должна быть диктатура, какъ необходимое слѣдствіе реформы. Подобно сему показалъ и Пальмъ, объяснивъ, что Головинскій, говоря очень горячо, прибавилъ, что для освобожденія крестьянъ всѣ мѣры хороши.

Головинскій въ этомъ не признался, отзываясь, что онъ объ освобожденіи крестьянъ говорилъ въ томъ смыслѣ, что это можетъ сдѣлать правительство, въ силу самодержавнаго права, а подъ диктатурой разумѣлъ самодержавіе. По засвидѣтельствованію слѣдственной комиссіи Головинскій оказывалъ явное упор-

---

*) По окончаніи суда мать Плещеева въ просьбѣ на высочайшее имя просила объ облегченіи участи ея сына, объясняя, что онъ впалъ въ преступленіе по молодости лѣтъ, и что она имѣла въ немъ единственную опору. По докладу просьбы Государю послѣдовало повелѣніе: принять просьбу къ дѣлу и представить съ докладомъ ген.-аудиторіата.

ство въ объясненіи истины и изворотливость при написаніи отвѣтовъ, которые излагалъ въ томъ же видѣ, какъ объяснялъ на словахъ.

16. *Толль*. Посѣщалъ Петрашевскаго съ 1846 г.; на одномъ изъ собраній самъ говорилъ рѣчь, въ которой доказывалъ, что религія происходитъ изъ чувства страха и не только не нужна, но даже вредна. Такое же отсутствіе религіознаго чувства въ найденномъ у Толля сочиненіи, написанномъ имъ же: „Историческое разсужденіе о началѣ и развитіи народовъ". Въ немъ Толль сравниваетъ Іисуса Христа съ основателями языческихъ вѣрованій.

При слѣдствіи Толль сознавался, что говорилъ рѣчь, но утверждалъ, что приводилъ заключеніе о ненадобности религіи не отъ себя, а какъ мнѣніе одного изъ германскихъ философовъ.

17. *Ястржембскій*, бывая неоднократно на собраніяхъ у Петрашевскаго, слышалъ разговоры и чтеніе письма Бѣлинскаго. Самъ онъ, принимая дѣятельное участіе въ сужденіяхъ, читалъ на нѣсколькихъ собраніяхъ лекціи о политической экономіи и статистикѣ *въ либеральномъ духѣ*, *дѣлалъ насмѣшки* надъ чинами высшихъ классовъ и доказывалъ, что вообще государство не имѣетъ никакой цѣли, но что развитіе человѣчества должно быть по системѣ Фурье.

Все это подтверждается показаніями многихъ прикосновенныхъ лицъ и собственнымъ сознаніемъ Ястржембскаго.

Сверхъ того, двое *) изъ прикосновенныхъ къ дѣлу показали, что Ястржебскій, доказывая на одномъ собраніи у Петрашевскаго, что россійское государство имѣетъ цѣлью подчинить всѣхъ власти одного, отзывался рѣзко о сановникахъ и, сравнивая Россію съ Китаемъ, дерзалъ называть ваше величество *богдыханомъ*. Но самъ Ястржембскій въ этомъ не сознался.

18. *Пальмъ*. Съ августа мѣсяца 47 года бывалъ на собраніяхъ у Петрашевскаго; участія въ разговорахъ не принималъ. Въ мартѣ 49, живя на одной квартирѣ съ Дуровымъ, участвовалъ въ бывшихъ у послѣдняго собраніяхъ, гдѣ слушалъ преступныя статьи, письмо Бѣлинскаго и предположенія учредить литографію. Слушалъ у Спѣшнева „*Солдатскую Бесѣду*".

Въ бумагахъ Пальма ничего предосудительнаго не оказалось, напротивъ, въ литературныхъ и историческихъ сочиненіяхъ его,

---

*) Въ заключеніе ген.-аудиторіата трое.

какъ увѣдомилъ князь Голицынъ, видна сильная любовь къ Россіи.

При слѣдствіи Пальмъ изъявилъ раскаяніе въ томъ, что присутствовалъ при чтеніяхъ и разговорахъ; онъ отозвался, что никакихъ преступныхъ замысловъ не имѣлъ и никогда либераломъ не былъ, но виноватъ въ томъ, что терпѣлъ либерализмъ въ другихъ.

Пальмъ проситъ милосердія ваш. вел.:

„Еслибъ я могъ,—говоритъ онъ,—молить о милосердіи того, кто неистощимо милосердъ къ несчастнымъ! Но я не стою ничего, я ничего не заслужилъ!"

19. *Европеусъ.* Посѣщалъ собранія у Кашкина, участвовалъ въ составленіи библіотеки и въ квартирѣ своей дѣлалъ, на общія деньги, обѣдъ 7 апрѣля. Избранъ, въ числѣ другихъ, редакторомъ переводовъ.

При слѣдствіи Европеусъ отозвался, что къ политическимъ перемѣнамъ никакого желанія не имѣлъ, а въ военномъ судѣ, изъявивъ искренное и совершенное раскаяніе, объяснилъ, что дѣйствія его произошли не отъ злонамѣренности, а отъ легкомыслія, по его молодости.

20. *Тимковскій.* Познакомился съ Петрашевскимъ въ октябрѣ 1848 года, бывалъ на 6 собраніяхъ. На одномъ изъ нихъ онъ читалъ рѣчь въ похвалу коммунистскихъ и соціальныхъ системъ, совѣтовалъ изучать ихъ для примѣненія къ Россіи, приглашалъ всѣхъ дѣйствовать и распространять ихъ, въ особенности ученіе Фурье, предлагалъ солидарность, чтобы подвигать другъ друга и, достигнувъ значительныхъ мѣстъ по службѣ, имѣть вліяніе на правительство, для осуществленія своихъ намѣреній. Въ заключеніе совѣтовалъ устроить кружки для пропаганды фурьеризма. Отправившись въ декабрѣ 1848 г. въ Ревель, на службу, началъ распространять и тамъ ученіе Фурье и переводить соціальныя сочиненія на русскій языкъ. Но, встрѣтивъ со всѣхъ сторонъ возраженія и убѣдившись въ лживости ученія, прекратилъ распространеніе его и переводы.

При слѣдствіи Тимковскій, раскаиваясь, объяснилъ, что все это произошло по вліянію собраній у Петрашевскаго, и что тамъ онъ былъ доведенъ даже до безбожія; но потомъ, убѣдившись во вредности этого ученія, ведущаго прямымъ путемъ къ безбожію, прекратилъ свои дѣйствія.

Хотя въ отношеніи означенной рѣчи Тимковскаго, Момбелли, Львовъ и Толль показывали, что въ рѣчи Тимковскій дѣлалъ

возмутительныя предложенія. а Толль объяснялъ, что Тимковскій требовалъ безотлагательнаго исполненія своихъ предположеній къ возмущенію,—но самъ Тимковскій. отвергая это. объяснилъ. что онъ говорилъ въ смыслѣ возможности постепеннаго преобразованія государства по системѣ Фурье и неоднократно повторялъ. чтобы идти путемъ мира и убѣжденія. Самой же рѣчи не оказалось. Притомъ показанія Тимковскаго подтверждаютъ отчасти подсудимые Спѣшневъ и Достоевскій. Спѣшневъ показалъ. что хотя форма рѣчи Тимковскаго была нѣсколько горяча. но онъ положительно и добросовѣстно отклонялся въ ней отъ всякаго политическаго переворота. Это подтвердилъ и Достоевскій. Равнымъ образомъ никто изъ прочихъ подсудимыхъ не показалъ, чтобы рѣчь Тимковскаго была въ возмутительномъ духѣ, въ томъ смыслѣ. какъ объяснили Момбелли. Львовъ и Толль.

21. *Шапошниковъ.* По собственному показанію Шапошниковъ. начитавшись разныхъ вредныхъ сочиненій. усвоилъ самый либеральный образъ мыслей и. находясь въ короткихъ отношеніяхъ съ бывшимъ студентомъ Толстовымъ и сыномъ почетнаго гражданина Катеневымъ. имѣлъ съ ними. у себя въ квартирѣ, преступные разговоры о религіи и правительствѣ. о преимуществахъ свободы и равенства и о возможности ввести въ Россіи республиканское правленіе. при чемъ одинъ разъ Катеневъ. бывъ въ пьяномъ видѣ, при немъ. Шапошниковѣ и Толстовѣ. вызывался на цареубійство. О дѣйствительности такихъ разговоровъ *подтвердили Толстовъ* *) и Катеневъ: изъ нихъ Катеневъ. *кромѣ того, показалъ*. что Шапошниковъ. внушая ему развратныя мысли противъ религіи и правительства. разрушилъ его религіозныя убѣжденія. и что одинъ разъ Шапошниковъ произносилъ два дерзкіе стиха противъ священной особы в. в.

Самъ Шапошниковъ. при слѣдствіи. сознался. что въ бесѣдѣ съ Толстовымъ и Катеневымъ дѣйствительно были разговоры о французской революціи. равенствѣ. о свободѣ человѣка и республикѣ; что изъ нихъ Толстовъ. выражая ненависть къ правительству. говорилъ. что въ Россіи можетъ быть республика. когда же Толстовъ узналъ. что Шапошниковъ хочетъ поступить въ актеры. то. совѣтуя оставить это намѣреніе. говорилъ, что можетъ дать ему другую дѣятельность. и что его ждетъ участь лучшая. ибо даръ слова его нуженъ на площади: однако-жъ онъ, Шапошниковъ. всегда противорѣчилъ въ этомъ Толстову. Самъ

---

*) Впослѣдствіи прощенный.

онъ никогда преступнаго противъ правительства не говорилъ и считалъ себя виновнымъ лишь въ томъ, что по страсти къ театру и чтенію имѣлъ разные дурные стихи, въ которыхъ находилось, можетъ быть, и повторенное имъ дерзкое выраженіе о священной особѣ в. в. Когда Катеневъ, въ пьяномъ видѣ, сказалъ, что убьетъ Царя, то онъ замѣтилъ Катеневу, что онъ нездоровъ и просилъ его уйти домой.

Въ военномъ судѣ Шапошниковъ, изъявляя раскаяніе въ своихъ поступкахъ, объявилъ, что не донесъ на Катенева потому, что не имѣлъ доказательствъ.

Кромѣ того, Шапошниковъ, *по показанію агента и одного изъ знакомыхъ*, навлекалъ на себя подозрѣніе въ произнесеніи дерзкихъ словъ противъ священной особы в. в., но самъ онъ въ томъ не сознавался, и положительныхъ доказательствъ къ изобличенію его не открыто.

22. *Катеневъ*. Участвовалъ съ Шапошниковымъ и Толстовымъ въ преступныхъ разговорахъ о правительствѣ и, желая, какъ самъ показываетъ, перемѣны общественнаго быта въ Россіи, разсуждалъ о возможности ввести въ ней республиканское правленіе; отзывался рѣзко о священной особѣ в. в. и одинъ разъ, въ пьяномъ видѣ, изъявилъ даже готовность на цареубійство. Кромѣ того, не признавая христіанской религіи и отвергая существованіе Бога, произносилъ богохульныя слова публично, въ трактирѣ, и говорилъ, что религія выдумана.

Во время слѣдствія Катеневъ подвергся разстройству ума и былъ отправленъ въ больницу всѣхъ скорбящихъ. На запросъ военнаго суда, управляющій этой больницею увѣдомилъ, что Катеневъ одержимъ явнымъ помѣшательствомъ ума. Поэтому онъ спрошенъ не былъ.

23. *Черносвитовъ*. Прибылъ въ концѣ 1848 года въ Петербургъ изъ Сибири, гдѣ имѣлъ жительство; вскорѣ познакомился съ подсудимыми Петрашевскимъ и Спѣшневымъ и бывалъ неоднократно на собраніяхъ у перваго, при чемъ, какъ самъ сознался, говорилъ довольно свободно и рѣзко о своемъ начальствѣ и даже правительствѣ. Независимо отъ разговоровъ на собраніяхъ, Черносвитовъ имѣлъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ особыя свиданія и при этомъ разсказывалъ имъ о состояніи Сибирскаго края, о бывшемъ въ 1841 году частномъ возмущеніи въ Оренбургской и Пермской губерніяхъ и о возможности на будущее время подобныхъ возмущеній въ восточной Сибири и на заводахъ хребта Уральскаго. Однако жъ всѣ эти разговоры

остались безъ всякихъ послѣдствій, и Черносвитовъ вскорѣ затѣмъ уѣхалъ изъ Петербурга. Во время же производства по сему дѣлу слѣдствія, по поводу показаній Спѣшнева и Петрашевскаго, что они имѣли съ Черносвитовымъ совѣщанія о произведеніи возстанія въ Сибири, Черносвитовъ былъ арестованъ близъ г. Омска особо командированнымъ жандармскимъ офицеромъ. Сдѣланныя на Черносвитова подсудимыми Спѣшневымъ и Петрашевскимъ показанія заключались въ томъ, что Черносвитовъ, въ разговорахъ съ ними, наводя ихъ на мысль о существованіи тайнаго общества въ Россіи, вывѣдывалъ, нѣтъ ли такого общества въ Москвѣ и Петербургѣ; что онъ, похваляясь вліяніемъ своимъ на дѣла Сибири и на раскольниковъ и называя страну эту отдѣльной имперіей, говорилъ о возможности произвести возмущеніе въ восточной Сибири, на горныхъ заводахъ и на Уралѣ и излагалъ планъ дѣйствій при возмущеніи, присовокупляя, что на Пермскихъ заводахъ 400.000 народу, оружіе подъ рукою и все только ждетъ первой вспышки, и, наконецъ, сказалъ, что для приготовленія къ возмущенію нуженъ годъ, но что можно и въ теперешнемъ положеніи продержать лѣтъ пять, шесть.

Петрашевскій же, кромѣ того, добавилъ, что Черносвитовъ, во время означеннаго разговора, сказалъ: „надо всѣхъ запереть и разомъ хватить“, относя это къ высшему правительству, и что вообще направленіе рѣчей Черносвитова всегда было проникнуто возмутительнымъ духомъ. А въ особомъ показаніи Петрашевскій объяснилъ, что Черносвитовъ неоднократно внушалъ ему мысль о цареубійствѣ, разсказывалъ, что онъ членъ какого-то тайнаго общества, и совѣтовалъ ему заводить такія же общества въ высшемъ кругу.

Черносвитовъ, не отвергая, что онъ, въ разговорахъ съ Петрашевскимъ и Спѣшневымъ, сообщалъ имъ свѣдѣнія о состояніи Сибири и о бывшемъ въ Пермской губерніи возмущеніи, отозвался, что разговоры его не имѣли преступной цѣли, и что о возмущеніи въ Сибири говорено было въ смыслѣ возможности, но плана для дѣйствій онъ никогда не предполагалъ и, зная Сибирь, твердо убѣжденъ, что идея возстанія тамъ и на Уралѣ никогда осуществиться не можетъ. За всѣмъ тѣмъ онъ чувствуетъ себя виновнымъ въ томъ, что его разсказы, объясненія и фантазіи навели Петрашевскаго и Спѣшнева на ту мысль, и видитъ, что безъ столкновенія съ нимъ ни Спѣшневу, ни тѣмъ болѣе Петрашевскому не пришло бы на мысль составить планъ разрушенія.

---

23 апрѣля 1849 г. состоялся арестъ главнѣйшихъ членовъ кружка Петрашевскаго, и немедленно назначена секретная слѣдственная комиссія для выясненія всѣхъ фактовъ и нитей заговора. Комиссія ревностно принялась за возложенную на нее задачу и на основаніи указаній агентовъ имѣла было въ виду привлечь къ дознанію и арестовать 232 человѣка, но затѣмъ, по мѣрѣ выясненія дѣла, эта цифра все таяла, и въ результатѣ на скамьѣ подсудимыхъ очутилось 23 человѣка, въ числѣ которыхъ было семеро писателей, а остальные были изъ состава офицерства, чиновничества и столичнаго общества.

Слѣдствіе продолжалось съ 30 сентября по 16 ноября, а 22 декабря надъ подсудимыми былъ произнесенъ приговоръ, по утвержденіи и смягченіи его государемъ императоромъ. Судъ приговорилъ 15 человѣкъ къ смертной казни черезъ растрѣлянье; въ числѣ этихъ приговоренныхъ были самъ Петрашевскій, Ѳ. Достоевскій, Ахшарумовъ, Плещеевъ и др.; шестеро были приговорены къ каторжнымъ работамъ. Въ отношеніи Черносвистова было сказано, что хотя къ обвиненію его не имѣется юридическихъ доказательствъ, но въ виду того, что онъ обнаружилъ самый вредный образъ мыслей, то его оставить въ сильномъ подозрѣніи и сослать въ Сибирь. Что касается Катенева, то рѣшено въ виду его помѣшательства оставить пока безъ произнесенія надъ нимъ приговора, но, по выздоровленіи, вновь предать военному суду.

Смертная казнь, однако, ни къ кому изъ приговоренныхъ къ ней примѣнена не была. Государь всѣ наказанія смягчилъ въ слѣдующей мѣрѣ: Петрашевскому назначена каторга безъ срока, Достоевскому—на 4 года, съ отдачей потомъ въ рядовые, Дурову—тоже самое, Толю—2 года каторги, Плещееву—отдача рядовымъ въ оренбургскіе линейные баталіоны; однако Николай Павловичъ заставилъ осужденныхъ пройти весь страхъ и ужасъ ожиданія смерти, продѣлавъ надъ ними всѣ предсмертныя формальности, и лишь послѣ того имъ было возвѣщено о дарованіи жизни.

Вотъ какъ описываетъ послѣдній моментъ драмы на Семеновскомъ плацу въ своихъ воспоминаніяхъ Ахшарумовъ:

„... Насъ привели на Семеновскую площадь. Она была покрыта свѣжевыпавшимъ снѣгомъ и окружена войсками, стоявшими въ каре. На валу вдали стояли толпы народа и смотрѣли на насъ; была тишина, утро яснаго зимняго дня и солнце,

только что взошедшее, большимъ, краснымъ шаромъ блистало на горизонтѣ сквозь туманъ сгущенныхъ облаковъ.

„Солнца не видалъ я 8 мѣсяцевъ и представшая глазамъ моимъ чудесная картина зимы и обдавшій меня со всѣхъ сторонъ воздухъ произвели на меня опьяняющее дѣйствіе. Я ощущалъ неописанное благосостояніе и нѣсколько секундъ забылъ обо всѣмъ. Изъ этого забвенья въ созерцаніе природы выведенъ я былъ прикосновеніемъ посторонней руки: кто-то взялъ меня безцеремонно за локоть, съ желаніемъ подвинуть впередъ, и, указавъ направленіе, сказалъ мнѣ: „Вамъ туда, ступайте!“ Я подвинулся впередъ, меня сопровождалъ солдатъ, сидѣвшій со мною въ каретѣ. При этомъ я увидѣлъ, что стою въ глубокомъ снѣгу, утонувъ въ него всею ступенью; я почувствовалъ, что меня обнимаетъ холодъ. Мы были взяты 22 апрѣля въ весеннихъ платьяхъ и такъ въ нихъ и вывезены 22 декабря на площадь.

„Направившись впередъ по снѣгу, я увидѣлъ налѣво отъ себя, среди площади, воздвигнутую постройку—подмостки, помнится, квадратной формы, величиною въ 3—4 сажени, со входною лѣстницею, и все обтянуто было чернымъ трауромъ—нашъ эшафотъ. Тутъ же увидѣлъ я кучку товарищей, столпившихся вмѣстѣ и протягивающихъ другъ другу руки и привѣтствующихъ одинъ другого послѣ столь насильственной злополучной разлуки. Когда я взглянулъ на лица ихъ, то былъ пораженъ страшною перемѣною; тамъ стояли: Петрашевскій, Львовъ, Филипповъ, Спѣшневъ и нѣкоторые другіе. Лица ихъ были худыя, замученныя, блѣдныя, вытянутыя, у нѣкоторыхъ обросшія бородой и волосами. Особенно поразило меня лицо Спѣшнева: онъ отличался отъ всѣхъ замѣчательною красотою, силою и цвѣтущимъ здоровьемъ. Исчезли красота и цвѣтущій видъ; лицо его изъ округленнаго сдѣлалось продолговатымъ; оно было болѣзненно, желто-блѣдно, щеки похудалые, глаза какъ-бы ввалились и подъ ними большая синева; длинные волосы и выросшая большая борода окружали лицо.

„Петрашевскій, тоже сильно измѣнившійся, стоялъ нахмурившись,—онъ былъ обросшій большой шевелюрою и густою, слившеюся съ бакенбардами, бородою: „должно быть, всѣмъ было одинаково хорошо“,—думалъ я. Всѣ эти впечатлѣнія были минутныя; кареты все еще подъѣзжали и оттуда одинъ за другимъ выходили заключенные въ крѣпости. Вотъ Плещеевъ, Ханыковъ, Кашкинъ, Европеусъ... все исхудалые, замученные, а вотъ и милый мой Ипполитъ Дебу,—увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ.

въ объятія: „Ахшарумовъ! и ты здѣсь!“ — Мы же всегда вмѣстѣ! — отвѣтилъ я. Мы обнялись съ особеннымъ чувствомъ кратковременнаго свиданія передъ неизвѣстной разлукой. Вдругъ всѣ наши привѣтствія и разговоры прерваны были громкимъ голосомъ подъѣхавшаго къ намъ на лошади генерала, какъ видно, распоряжавшагося всѣмъ, увѣковѣчившаго себя въ памяти всѣхъ насъ слѣдующими словами: „Теперь нечего прощаться! Становите ихъ“, — закричалъ онъ.

„Онъ не понялъ, что мы были только подъ впечатлѣніемъ свиданія и еще не успѣли помыслить о предстоящей намъ смертной казни; многіе же изъ насъ были связаны искреннею дружбою, нѣкоторые родствомъ — какъ двое братьевъ Дебу. Вслѣдъ за его громкимъ крикомъ явился передъ нами какой-то чиновникъ со спискомъ въ рукахъ и, читая, сталъ вызывать насъ, каждаго по фамиліи.

„Первымъ поставленъ былъ Петрашевскій, за нимъ Спѣшневъ, потомъ Момбелли и затѣмъ шли всѣ остальные — всѣхъ насъ было 23 человѣка (я поставленъ былъ по разряду восьмымъ). Послѣ того подошелъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ и, ставъ передъ нами, сказалъ: „Сегодня вы услышите справедливое рѣшеніе великаго дѣла, — послѣдуйте за мною!“ Насъ повели на эшафотъ, но не прямо на него, а обходомъ, вдоль рядовъ войскъ, сомкнутыхъ въ каре. Такой обходъ, какъ я узналъ послѣ, назначенъ былъ для назиданія войскъ, и именно Московскаго полка, такъ какъ между ними были офицеры, служившіе въ этомъ полку — Момбелли, Львовъ... Священникъ, съ крестомъ въ рукѣ, выступилъ впередъ, за нимъ мы шли одинъ за другимъ по глубокому снѣгу. Въ каре стояли, казалось мнѣ, нѣсколько полковъ, потому обходъ нашъ по всѣмъ 4 рядамъ его былъ довольно продолжительный. Передо мною шагалъ высокій ростомъ Павелъ Николаевичъ Филипповъ, впослѣдствіи умершій отъ раны, полученной имъ при штурмѣ Карса въ 1854 г., сзади меня шелъ Константинъ Дебу. Послѣдними въ этой процессіи были: Кашкинъ, Европеусъ и Пальмъ. Насъ интересовало всѣхъ, что будутъ съ нами дѣлать. Вскорѣ вниманіе наше обратилось на сѣрые столбы, врытые съ одной стороны эшафота; ихъ было, сколько мнѣ помнится, много... Мы шли переговариваясь: что съ нами будутъ дѣлать? — Для чего ведутъ насъ по снѣгу? — Для чего столбы у эшафота? Привязывать будутъ, военный судъ, — какъ разстрѣляніемъ. Неизвѣстно, что будетъ, — вѣроятно, всѣхъ на каторгу...“

„Такого рода мнѣнія высказывались громко, то спереди, то сзади отъ меня, и мы медленно пробирались по снѣжному пути и подошли къ эшафоту. Войдя на него мы столпились всѣ вмѣстѣ и опять обмѣнялись нѣсколькими словами. Съ нами вмѣстѣ взошли и насъ сопровождавшіе солдаты и размѣстились за нами. Затѣмъ распоряжались офицеръ и чиновникъ со спискомъ въ рукахъ. Началось вновь выкликаніе и разстановка, причемъ порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ. Насъ поставили двумя рядами перпендикулярно къ городскому валу. Одинъ рядъ, меньшій, начинавшійся Петрашевскимъ, былъ поставленъ съ лѣваго фаса эшафота, тамъ были: Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ, Дуровъ, Григорьевъ, Толь, Ястржембскій, Достоевскій...

„Другой рядъ начинался, кѣмъ не помню, но вторымъ стоялъ Филипповъ, потомъ я, послѣ меня Дебу старшій, за нимъ его братъ Ипполитъ, затѣмъ Плещеевъ, Тимковскій, Ханыковъ, Головнинъ, Кашкинъ, Европеусъ, и Пальмъ. Всѣхъ насъ было 23 человѣка, но я не могу вспомнить остальныхъ... Когда мы были уже разставлены въ означенномъ порядкѣ, войскамъ скомандовано было „на кара-улъ“, и этотъ ружейный пріемъ, исполненный одновременно нѣсколькими полками, раздался по всей площади свойственнымъ ему ударнымъ звукомъ. Затѣмъ скомандовано было намъ: „шапки долой!“—но мы къ этому не были подготовлены и почти никто не исполнилъ команды, тогда повторено было нѣсколько разъ „снять шапки, будутъ конфирмацію читать“ и съ запоздавшихъ приказано было стащить шапку сзади стоявшему солдату. Намъ всѣмъ было холодно и шапки на насъ были хотя и весеннія, но все же закрывали голову. Послѣ того, чиновникъ въ мундирѣ сталъ читать изложеніе вины каждаго въ отдѣльности, становясь противъ каждаго изъ насъ. Всего невозможно было уловить, что читалось,—читалось скоро и невнятно, да и притомъ же мы всѣ содрогались отъ холода. Когда дошла очередь до меня, то слова, произнесенныя мною въ память Фурье „о разрушеніи всѣхъ столицъ и городовъ“, занимали видное мѣсто въ винѣ моей.

„Чтеніе это продолжалось добрыхъ полчаса, мы всѣ страшно зябли. Я надѣлъ шапку и завертывался въ холодную шинель, но вскорѣ это было замѣчено и шапка съ меня была сдернута рукою стоявшаго за мною солдата. По изложеніи вины каждаго, конфирмація оканчивалась словами: „Полевой уголовный судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни“ — разстрѣляніемъ, и

19-го сего декабря Государь Императоръ собственноручно написалъ:—„Быть по сему“.

„Мы всѣ стояли въ изумленіи, чиновникъ сошелъ съ эшафота. Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки, саваны, и солдаты, стоявшіе сзади насъ, одѣвали насъ въ предсмертное одѣяніе. Когда мы всѣ уже были въ саванахъ, кто-то сказалъ: „Каковы мы въ этихъ одѣяніяхъ!“

„Вошелъ на эшафотъ священникъ,—тотъ же самый, который насъ велъ,—съ евангеліемъ и крестомъ и за нимъ принесенъ и поставленъ былъ аналой. Помѣстившись между нами на противоположномъ входу концѣ, онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: „Братья! Передъ смертью надо покаяться... Кающемуся Спаситель прощаетъ грѣхи... Я призываю васъ къ исповѣди...“

„Никто изъ насъ не отозвался на призывъ священника,—мы стояли молча, священникъ смотрѣлъ на всѣхъ насъ и повторно призывалъ насъ къ исповѣди. Тогда, одинъ изъ насъ—Тимковскій—подошелъ къ нему и, пошептившись съ нимъ, поцѣловалъ евангеліе и возвратился на свое мѣсто. Священникъ, посмотрѣлъ еще на насъ и, видя, что болѣе никто не обнаруживаетъ желанія исповѣдаться, подошелъ къ Петрашевскому съ крестомъ и обратился къ нему съ увѣщаніемъ, на что Петрашевскій отвѣтилъ ему нѣсколькими словами. Что было сказано имъ, осталось неизвѣстнымъ: слова Петрашевскаго слышали только священникъ и весьма не многіе, близъ его стоявшіе, а даже, можетъ быть, только одинъ сосѣдъ его Спѣшневъ. Священникъ ничего не отвѣтилъ, но поднесъ къ устамъ его крестъ и Петрашевскій поцѣловалъ крестъ. Послѣ того онъ, молча, обошелъ съ крестомъ всѣхъ насъ и всѣ приложились къ кресту. Затѣмъ священникъ, окончивъ дѣло это, стоялъ среди насъ какъ-бы въ раздумьи. Тогда раздался голосъ генерала, сидѣвшаго на конѣ возлѣ эшафота: „Батюшка! Вы исполнили все, вамъ больше здѣсь нечего дѣлать!..“

„Священникъ ушелъ, и сейчасъ же взошли нѣсколько человѣкъ солдатъ къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбелли, взяли ихъ за руки и стали привязывать каждаго къ отдѣльному столбу веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно. Осужденные не оказывали сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ и затѣмъ обвили веревки поясомъ. Потомъ отдано было приказаніе: „колпаки надвинуть на глаза“, послѣ чего колпаки опущены были на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раз-

далась команда: „клацъ“, и вслѣдъ затѣмъ группа солдатъ,— ихъ было человѣкъ 16, стоявшихъ у самаго эшафота,—по командѣ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго Спѣшнева и Момбелли...

„Моментъ этотъ былъ поистинѣ ужасенъ. Видѣть приготовленіе къ разстрѣлянію, и при томъ людей близкихъ по товарищескимъ отношеніямъ, видѣть уже наставленные на нихъ, почти въ упоръ, ружейные стволы и ожидать—вотъ прольется кровь, и они упадутъ мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно...

„Сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ полминуты. При этомъ не было мысли о томъ, что и мнѣ предстоитъ то же самое, но все вниманіе было поглощено наступающею кровавою картиною. Возмущенное состояніе мое возросло еще болѣе, когда услышалъ барабанный бой, значенія котораго я тогда еще, какъ не служившій въ военной службѣ, не понималъ. „Вотъ конецъ всему!“... Но вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ я, что ружья, прицѣленныя, вдругъ всѣ были подняты стволами вверхъ. Отъ сердца отлегло сразу, какъ бы свалился тѣсно сдавившій его камень! Затѣмъ стали отвязывать привязанныхъ Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли и привели снова на прежнія мѣста ихъ на эшафотѣ. Пріѣхалъ какой-то экипажъ, оттуда вышелъ офицеръ—флигель-адъютантъ— и принесъ какую-то бумагу, поданную немедленно къ прочтенію. Въ ней возвѣщалось намъ дарованіе государемъ императоромъ жизни и взамѣнъ смертной казни каждому, по винности, особое наказаніе...

„По окончаніи чтенія этой бумаги съ насъ сняли саваны и колпаки. Затѣмъ взошли на эшафотъ какіе-то люди, въ родѣ палачей, одѣтые въ старые цвѣтные кафтаны,—ихъ было двое,— и, ставъ позади ряда, начинавшагося Петрашевскимъ, ломали шпаги надъ головами поставленныхъ на колѣни ссылаемыхъ въ Сибирь, каковое дѣйствіе, совершенно безразличное для всѣхъ, только продержало насъ, и такъ уже продрогшихъ, лишніе ¼ часа на морозѣ. Послѣ этого намъ дали каждому арестантскую шапку, овчинные, грязной шерсти, тулупы и такіе же сапоги. Тулупы, каковы бы они ни были, нами были поспѣшно надѣты, какъ спасеніе отъ холода, а сапоги велѣно было самимъ держать въ рукахъ“.

„Послѣ всего этого, на середину эшафота принесли кандалы и, бросивши эту тяжелую массу желѣза на досчатый полъ эшафота, взяли Петрашевскаго и, выведя его на середину, двое,

повидимому, кузнецы, надѣли на ноги его желѣзныя кольца и стали молоткомъ заклепывать гвозди. Петрашевскій сначала стоялъ спокойно, а потомъ выхватилъ тяжелый молотокъ у одного изъ нихъ и, сѣвъ на полъ, сталъ заколачивать самъ на себѣ кандалы. Что побудило его накладывать на себя руки, что хотѣлъ онъ выразить тѣмъ—трудно сказать, но мы были всѣ въ болѣзненномъ настроеніи или экзальтаціи.

„Между тѣмъ, подъѣхала къ эшафоту кибитка, запряженная курьерской тройкой, съ фельдъ-егеремъ и жандармомъ, и Петрашевскому было предложено сѣсть въ нее, но онъ, посмотрѣвъ на поданный экипажъ, сказалъ: „я еще не кончилъ всѣ дѣла!“

— Какіе у васъ еще дѣла? — спросилъ его, какъ-бы съ удивленіемъ, генералъ, подъѣхавшій къ самому эшафоту.

— Я хочу проститься съ моими товарищами! —отвѣтилъ Петрашевскій.

— Это вы можете сдѣлать — послѣдовалъ великодушный отвѣтъ...

„Петрашевскій въ первый разъ ступилъ въ кандалахъ, съ непривычки ноги его едва передвигались. Онъ подошелъ къ Спѣшневу, сказалъ ему нѣсколько словъ и обнялъ его, потомъ подошелъ къ Момбелли и также простился съ нимъ, поцѣловавъ и сказавъ что-то. Онъ подходилъ по порядку, какъ мы стояли, къ каждому изъ насъ и каждаго поцѣловалъ, молча или сказавъ что-нибудь на прощеніе. Подойдя ко мнѣ, онъ, обнимая меня, сказалъ: „прощайте, Ахшарумовъ, болѣе уже мы не увидимся!“ На что я отвѣтилъ ему со слезами: „а можетъ быть и увидимся еще!“ Только на эшафотѣ впервые полюбилъ я его!

„Простившись со всѣми, онъ поклонился еще разъ всѣмъ намъ и, сойдя съ эшафота, съ трудомъ передвигая непривычныя еще къ кандаламъ ноги, съ помощью жандарма и солдата, сошелъ съ лѣстницы и сѣлъ въ кибитку; съ нимъ рядомъ помѣстился фельдъ-егерь и вмѣстѣ съ ямщикомъ жандармъ съ саблею и пистолетомъ у пояса; тройка сильныхъ лошадей повернула шагомъ и затѣмъ, выбравшись медленно изъ кружка столпившихся людей и за ними стоявшихъ экипажей и повернувъ на Московскую дорогу, исчезла изъ нашихъ глазъ.

„Слова его сбылись,—мы не увидѣлись болѣе... Онъ умеръ скоропостижно отъ болѣзни сердца, 7 декабря 1868 года, въ городѣ Минусинскѣ, Енисейской губерніи, и похороны его были 4 января 1869 г....

„Пораженные всѣмъ, что происходило на нашихъ глазахъ, по отъѣздѣ Петрашевскаго, стояли мы еще на своихъ мѣстахъ, закутавшись въ шубы, отдававшія противнымъ запахомъ. Дѣло было кончено. Двое или трое изъ начальствующихъ лицъ взошли на эшафотъ и возвѣстили намъ, повидимому, съ участіемъ, о томъ, что мы не уѣдемъ прямо съ площади, но еще прежде отъѣзда возвратимся на свои мѣста въ крѣпость и, вѣроятно, позволятъ намъ проститься съ родными. Тогда мы всѣ перемѣшались и стали говорить одинъ съ другимъ...

„Впечатлѣніе, произведенное на насъ всѣмъ пережитымъ нами въ эти часы совершенія обряда смертной казни, и за тѣмъ объявленія замѣняющихъ ее различныхъ ссылокъ было столь-же разнообразно, какъ и характеры наши. Старшій Дебу стоялъ въ глубокомъ уныніи и ни съ кѣмъ не говорилъ. Ипполитъ Дебу, когда я подошелъ къ нему, сказалъ: „лучше бы ужъ разстрѣляли“.

„Что касается до меня, то я чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, какъ тѣмъ, что просьба моя о прощеніи, меня столь послѣ мучившая, не была уважена, такъ и тѣмъ, что я выпущенъ, наконецъ, изъ одиночнаго заключенія, жалѣлъ только, что назначенъ былъ въ арестанскія роты куда-то неизвѣстно, а не въ далекую Сибирь, куда интересовало меня дальнее, весьма любопытное путешествіе. Сожалѣніе мое оправдалось впослѣдствіи горькою дѣйствительностью: сосланнымъ въ Сибирь въ общество государственныхъ преступниковъ, въ страну, гдѣ уже привыкли къ обращенію съ ними, было гораздо лучше, чѣмъ попавшимъ въ грубыя невѣжественныя арестантскія роты, въ общество воровъ и убійцъ, и при начальствѣ, всего боящемся.

„Я былъ все-таки счастливъ тѣмъ, что тюрьма миновала, что я сосланъ въ работы и буду жить не одинъ, а въ обществѣ какихъ бы то ни было, но людей, загнанныхъ, несчастныхъ, къ которымъ я подходилъ по моему расположенію духа. Другіе товарищи на эшафотѣ выражали тоже свои взгляды, но ни у кого не было слезы на глазахъ, кромѣ одного изъ насъ, стоявшаго послѣднимъ по виновности, избавленнаго отъ всякаго наказанія,—я говорю о Польмѣ. Онъ стоялъ у самой лѣстницы, смотрѣлъ на всѣхъ насъ и слезы, обильныя слезы текли изъ глазъ его: приближавшимся къ нему, сходившимъ товарищамъ, онъ говорилъ: „Да хранитъ васъ Богъ!“ Стали подъѣзжать кареты и мы, ошеломленные всѣмъ происшедшимъ, не прощаясь одинъ съ другимъ, садились и уѣзжали по одному“...

Правительство Николая Павловича торжествовало: оно одержало побѣду надъ небольшою горстью людей, по большей части, теоретиковъ, виновныхъ по существу дѣла лишь въ томъ, что они не умѣли скрывать своихъ прогрессивныхъ убѣжденій и слишкомъ пылко отзывались на тѣ идеи, которыя въ то время не только въ Россіи, но и на Западѣ не могли имѣть никакого реальнаго примѣненія къ жизни. Утопіи Фурье дорого обошлись ихъ русскимъ исповѣдникамъ! По счастью, не было пролито ни одной капли крови, и только новыя страданія въ каторжной ссылкѣ заполнили собою еще одну страницу изъ жизни русской интеллигенціи въ ея стремленіи къ свободѣ и въ борьбѣ за лучшій соціальный и государственный порядокъ.

Но если жестокая кара постигла интеллигентныхъ представителей русскаго либерализма, въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ которыхъ правительственной властью улавливались оппозиціонные мотивы, угрожающіе, какъ-то было сказано въ оффиціальномъ извѣщеніи по дѣлу петрашевцевъ, „ниспроверженіемъ всякаго порядка и благосостоянія народовъ", то не менѣе безпощадно относилось правительство Николая I и къ тѣмъ единичнымъ представителямъ русской мысли, которые позволяли себѣ даже слабую критику существующаго порядка вещей и стремились указать на необходимые пути реформированія отечественной жизни. Съ особенною силою въ такихъ случаяхъ гнѣвъ правительства и самого Николая Павловича обрушивался на представителей „низкаго сословія", которые въ опытѣ личной жизни имѣли возможность извѣдать всю тяжесть дореформенныхъ условій крѣпостного режима. Ихъ свѣдующій протестующій голосъ, хотя бы онъ даже никѣмъ не былъ слышанъ, приводилъ вершителей судьбы отечества въ совершенное неистовство и въ отношеніи ихъ „милосердный монархъ" не зналъ удержа своему гнѣву и мщенію. Жестокость наказанія Шевченки „по дѣлу Кирилло-меѳодіевскаго братства", какъ намъ то уже извѣстно, должно быть отнесено именно на счетъ того соображенія, что онъ былъ человѣкъ „низкаго происхожденія". Тотъ-же мотивъ сыгралъ и рѣшающую роль въ судьбѣ бывшаго крѣпостного, Семена Олейничука, загубленнаго въ казематѣ Шлиссельбургской крѣпости, по личному велѣнію Николая Павловича, только за то, что тотъ дерзнулъ размышлять о вредѣ крѣпостного права и свои мысли по сему предмету заносить у себя, въ тиши своей комнаты, на бумагу...

Бывшій крѣпостной, получившій, однако, въ гимназіи образованіе, Олейничукъ, состоялъ нѣкоторое время „въ бѣгахъ",

перешелъ въ католичество, занялся педагогикой, вернулся снова къ своему помѣщику, какъ равно вернулся и въ лоно православной церкви, былъ судимъ за побѣгъ, освобожденъ за симъ и отъ наказанія и отъ крѣпостной зависимости. Таковъ его незаурядный краткій формуляръ жизни *). И вотъ послѣ долгихъ странствованій, исколесивъ почти всю Россію вдоль и поперекъ, этотъ оригинальный и недюжинный представитель народа, живя на родинѣ въ Черниговской губерніи, сталъ набрасывать на бумагу свои мысли и подготовлять сочиненіе „Историческій разсказъ природныхъ жителей Малороссіи Заднѣпровской, т. е. губерній Кіевской, Каменецъ-Подольской и Житомиръ-Волынской, про свое житье-бытье". Біографъ Олейничука, г. Щеголевъ, впервые знакомитъ публику съ этимъ задуманнымъ и отчасти выполненнымъ оригинальнымъ сочиненіемъ, въ которомъ авторъ, оставаясь вѣрноподданнымъ и монархистомъ, осуждаетъ, однако, крѣпостное право со всею силою человѣка, лично прошедшаго черезъ это ужасное состояніе. Самъ Олейничукъ далъ на слѣдствіи слѣдующее разъясненіе по поводу своего сочиненія:

„Въ сочиненіи своемъ я успѣлъ только выразить мысль мою въ такой силѣ, въ какой понималъ исторію здѣшняго края, читая по сей части разныя сочиненія, равно обременяясь крѣпостнымъ моимъ званіемъ — показывалъ онъ; — испытавъ на себѣ и собравъ въ разное время свѣдѣнія изъ разсказовъ о разныхъ зловредныхъ и произвольныхъ поступкахъ ляховъ и жидовъ, я описалъ народную ненавить къ силѣ ляховъ и жидамъ въ такомъ духѣ, въ какомъ мнѣ все сіе казалось, приноравливая мое описаніе въ сказкахъ и въ разговорахъ съ разными лицами, намѣреваясь дать форму разсказовъ сему сочиненію. Зная разныя повѣсти и исторію Малороссіи и Польши и будучи наслышаннымъ отъ стариковъ простого званія о смутныхъ временахъ здѣшняго края, за времена поляковъ о разныхъ набѣгахъ и гайдамацкихъ войнахъ, я описывалъ, что крѣпостное званіе, какому подвергся здѣшній народъ по возвращеніи къ Россіи, не подходитъ прежнему положенію крестьянъ, ибо я наслышанъ, что прежде здѣсь крестьянъ не продавали на души, и прежній бывшій бездомный шляхтичъ теперь сдѣлался помѣщикомъ и, будучи латинистъ, преслѣдуетъ крестьянъ. Изобразилъ я также по наслышкѣ, странствуя по свѣту, что къ намъ въ Россію кромѣ ляховъ и жидовъ являются иностранцы и дѣлаются рас-

---

*) „Семенъ Олейничукъ" ст. П. Е. Щеголева. „Былое" 1906 г. кн. 4.

порядителями крестьянъ, что шляхтичи иностранцы имѣютъ преимущества предъ русскими крестьянами, которые сдѣлались ихъ имуществомъ и достояніемъ. Также я описывалъ то, какъ слышалъ, что руссіе солдаты ропщутъ на службу потому, что у нихъ старшіе по большей части ляхи или иностранцы, а въ особенности ропщутъ на жестокіе побои и распространяютъ молву о разныхъ крѣпостяхъ, и какъ мнѣ больно было это слушать, то вообразилъ сіе какъ могъ. Все это, что я въ сочиненіи своемъ описалъ, клонило меня къ тому, чтобы выставить въ разныхъ видахъ положеніе крестьянъ, дабы облегчить ихъ участь, и я преднамѣривалъ доказать необходимость перевода крестьянъ на оброкъ, какъ сіе значится въ сочиненномъ мною въ 1847 году всеподданнѣйшемъ прошеніи государю императору, также я думалъ, что какъ кончу цѣлое сочиненіе и обдѣлаю оное, какъ мнѣ казалось лучше, то симъ сдѣлать услугу правительству, пустивши въ ходъ свое сочиненіе, которое я писалъ совершенно въ тайнѣ, никому его не читалъ, ни съ кѣмъ объ ономъ не совѣтовался и теперь не понимаю, справедливо ли я описывалъ, или несправедливо, ибо для сего, чтобы очистить мое сочиненіе, еще мнѣ много нужно было времени.

„Законовъ я вовсе не знаю и никогда оныхъ не читалъ и не разумѣю, какія опредѣлены по законамъ обязанности для каждаго сословія,—меня только занимала одна мысль о крѣпостномъ званіи, на которое я насмотрѣлся въ прежніе годы, до обнародованія въ здѣшнемъ краѣ въ началѣ прошлаго года Правилъ о крестьянскихъ повинностяхъ; но и сихъ Правилъ не читалъ и не понимаю, какую они имѣютъ силу.

„Наконецъ, при постоянномъ увѣщаніи меня господина слѣдователя, раскрыть истинную цѣль всего мною сочиненнаго, я по доброй волѣ чувствуя и понимая мое положеніе, сознаюсь здѣсь, какъ бы на исповѣди, что я никакого самъ по себѣ злого умысла не имѣлъ и никто меня къ тому не наговаривалъ, ни съ какими вредными людьми связей не имѣлъ, а только самъ думалъ сочиненіемъ своимъ раскрыть положеніе крестьянъ, и симъ самымъ послужить имъ къ сдѣланію какого либо облегченія“.

Уединенная жизнь, занятія при освѣщеніи по ночамъ обратили на Олейничука вниманіе полиціи послѣ сдѣланнаго на него кѣмъ-то доноса, и вотъ у него производятъ обыскъ, забираютъ его самого, какъ равно и всѣ его бумаги, а въ томъ числѣ и названное сочиненіе, и отдаютъ подъ слѣдствіе и судъ

мѣстнаго генералъ-губернатора Бибикова. Послѣдній представилъ дѣло Олейничука въ Петербургъ съ заключеніемъ о необходимости сослать „виновнаго" въ отдаленныя губерніи. Шефъ жандармовъ въ своемъ рапортѣ по „дѣлу" Николаю I повысилъ степень наказанія, предложивъ заключить Олейничука въ Соловецкій монастырь, а самъ Николай Павловичъ разсудилъ иначе: „посадить Олейничука въ Шлиссельбургскую крѣпость", куда онъ и былъ препровожденъ въ 1849 г. и гдѣ скончался послѣ трехъ лѣтъ тяжкаго одиночнаго заключенія.

Такъ послѣдовательно и жестоко отстаивало правительство Николая I существующій строй, не допуская никакихъ посягательствъ на него съ какой-бы то ни было стороны. Все признавалось „незыблемымъ" и на критику этого строя, даже самую благожелательную, былъ одинъ отвѣтъ: смерная казнь, каторга, ссылка и вѣчное тюремное заключеніе...

ГЛАВА XIII.

Бюрократическая Россія Николая I.—Москва—центръ умственнаго отечественнаго движенія.—Чаадаевъ и его „философическое письмо".—Воспоминанія Герцена о московскихъ научно-философскихъ кружкахъ 40-хъ годовъ.—Славянофилы и западники.—Политическое исповѣданіе славянофиловъ.—Значеніе ихъ въ русской жизни.—Представители оффиціальной народности.—Западничество.—„Письмо" Бѣлинскаго къ Гоголю.—Т. Н. Грановскій.

Николай Павловичъ легко разгромилъ декабристовъ, и въ этомъ погромѣ первыхъ активныхъ конституціоналистовъ заложены были на долгое время начала той внутренней политики, которая легла тяжкимъ спудомъ на жизнь нашего отечества второй четверти прошлаго вѣка. „Mes amis du quatorze", какъ величалъ насчастныхъ революціонеровъ Сенатской площади царь, вѣчно мерещились ему, и тѣни ихъ, ихъ облики и намѣренія усматривались имъ въ каждомъ мало-мальски свободномъ проявленіи независимой мысли, независимаго слова и дѣйствія. Поэтому Николай I наложилъ тяжелую руку на все, что не исходило изъ нѣдръ бюрократическихъ канцелярій, что не было санкціонировано волею его личною или его сотрудниковъ, и вся русская жизнь оказалась такимъ образомъ скованною желѣзными обручами, въ которыхъ она какъ бы окаменѣла и замерла. Когда-то великій преобразователь Россіи употребилъ неимовѣрную силу воли и напряженность дѣйствій, чтобы привести нашу родину въ движеніе и своего рода прогрессивное

броженіе; нынѣ новый вершитель судебъ русскаго народа тоже напрягъ всѣ свои личныя силы, но только съ обратною цѣлью— привести государство и страну въ состояніе неподвижнаго покоя, гдѣ бы все было детально регламентировано и установлено на имъ лично предопредѣленное мѣсто.

Намъ извѣстно, что при всей широтѣ своего творчества, своего геніальнаго государственнаго размаха, Петру Великому далеко не удалось осуществить всѣхъ своихъ намѣреній, и тяжелая на подъемъ, инертная и косная Россія слабо поддалась напору воли великаго преобразователя. Далеко не геніальный, но все же умный и рѣшительный вѣнценосецъ XIX вѣка былъ счастливѣе своего пращура въ достиженіи намѣченной имъ несчастной цѣли. Онъ какъ бы загипнотизировалъ своимъ холоднымъ и страшнымъ взоромъ все окружающее, и Россія въ его царствованіе дѣйствительно вылилась въ какое-то грандіозное, великолѣпное по внѣшнему виду, окаменѣлое зданіе, хотя и съ гнилымъ основаніемъ, но блестяще вычищенное снаружи и съ гордо развѣвающимся на фронтѣ далеко не русскимъ по своему происхожденію государственнымъ орломъ. Былое московское самодержавіе съ его правомъ мнѣнія и сомнѣнія, съ его народосовѣтіемъ и правомъ народнаго голоса, съ его церковымъ единеніемъ было новому петербургскому императору совершенно уже непонятно, противно и враждебно. Никакой голосъ, ничье свободное мнѣніе имъ не терпѣлось; онъ все заслонилъ своей великолѣпной и дѣйствительно величественной фигурой, принявъ исключительно на себя и только на себя одного весь отвѣтъ полностью передъ исторіей за счастье и судьбу своего народа. Никогда ни до него, ни послѣ приказный строй, установленный волею монарха, не достигалъ такого расцвѣта, такой силы и такого всепоглощающаго значенія. Этотъ строй впитывалъ въ себя всѣ соки русской жизни, и послѣдняя, истощенная и обезсиленная, поневолѣ и по необходимости представляла собою такую среду, которая готова была распасться при первомъ враждебномъ стороннемъ натискѣ и напорѣ. И крымскій погромъ былъ тѣмъ грознымъ и ужаснымъ итогомъ, гдѣ былъ подведенъ счетъ всему тому, что дѣлалось съ Россіей въ теченіе тридцатилѣтняго царствованія Николая Павловича.

Вступивъ на престолъ по волѣ покойнаго брата, молодой государь сразу призналъ себя неподготовленнымъ къ той отвѣтственной роли, на которую выдвинула его историческая судьба. „Не удивляйтесь,—говорилъ онъ на первомъ засѣданіи государ-

ственнаго совѣта,—если я окажусь менѣе знакомымъ съ моими новыми обязанностями, чѣмъ любой министръ. Я не привыкъ полагаться на другихъ, но на первое время долженъ помириться съ этимъ, дозволить себя вести и изучить мои обязанности постепенно". Въ этихъ видахъ онъ сохранилъ около себя всѣхъ сотрудниковъ своего брата, содѣйствовавшихъ реакціонной политикѣ послѣднихъ лѣтъ его царствованія. Устраненнымъ оказался лишь одинъ Аракчевъ. Принявъ такимъ образомъ реакцію подъ свое державное покровительство, онъ со свойственной ему прямолинейностью и страшной энергіей какъ бы поспѣшилъ дать ей прочное обоснованіе и развитіе. Нельзя сказать, чтобы реформы его совсѣмъ не интересовали, чтобы онъ ихъ сторонился и о нихъ не помышлялъ,—далеко нѣтъ. Онъ преисполненъ былъ, особенно въ началѣ своего царствованія, лучшими намѣреніями въ этомъ направленіи, но по существу своего характера у него какъ бы не хватало воли и рѣшимости осуществить именно эти самыя реформы. Поэтому, хотя образованный имъ 6 декабря 1826 г. „секретный комитетъ" и выработалъ, главнымъ образомъ при содѣйствіи Сперанскаго, рядъ проектовъ преобразованій какъ центральныхъ, такъ и провинціальныхъ учрежденій, съ тенденціей раздѣленія власти судебной и административной, даже съ принципами коллегіальности, въ результатѣ, однако, изъ числа намѣченныхъ начинаній почти ничто не получило своего осуществленія, а, напротивъ даже, принципъ административный получилъ особенное первенствующее значеніе. Признавая соціальный крѣпостной строй Россіи въ принципѣ „большимъ зломъ", императоръ вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ и то, что устраненіе этого зла было бы „зломъ еще болѣе гибельнымъ". Вслѣдствіе этого по крѣпостному вопросу во все его царствованіе имъ собирались десять „секретныхъ", „особыхъ" и „келейныхъ" комитетовъ, притомъ исключительно въ составѣ представителей изъ высшей бюрократической Россіи, дабы какая либо освободительная вѣсть не проникла въ населеніе, и, несмотря на всѣ эти собранія, вопросъ о раскрѣпощеніи народа не подвигался благополучно къ концу. Были, правда, приняты нѣкоторыя существенныя частичныя мѣропріятія, но въ общей своей постановкѣ дѣло эмансипаціи все откладывалось и отдалялось, и Николай I не находилъ въ себѣ для даннаго случая достаточно характера, чтобы предпринять что либо рѣшительное и вполнѣ опредѣленное; съ одной стороны, онъ ограничивался полумѣрами, а, съ другой, ставилъ

себѣ очень скромную задачу подготовить лишь вопросъ къ положительному его разрѣшенію преемникомъ своихъ верховныхъ правъ. Недовѣріе къ народу, какъ къ живой соціальной массѣ, проникало его насквозь, и онъ охотно признавался, что въ лицѣ помѣстнаго дворянства и рабовладѣльцевъ онъ имѣетъ хорошую и добровольную полицейскую власть, которая держитъ населеніе въ повиновеніи и страхѣ и подъ бдительнымъ контролемъ.

Такая же нерѣшительность была имъ проявлена и въ вопросѣ судебной реформы. Несмотря на то, что въ этой области Сперанскимъ была сдѣлана воистину громадная работа своднаго и кодификаціоннаго характера, однако всѣ недостатки судебнаго строя остались налицо. Продолжали царить все та же продажность и лихоимство, волокита, канцелярская отписка и бумагомараніе. И весь этотъ административный и судебный строй тяготѣлъ невыразимымъ гнетомъ надъ несчастнымъ населеніемъ и какъ бы освящался притомъ волею самого монарха. Разные губернаторы и генералъ-губернаторы были какъ бы его личными довѣрителями и, творя его именемъ всяческія неправды, чувствовали и держали себя на мѣстахъ настоящими царьками, во власть которыхъ отданы животы подданыхъ. Ихъ власть и слава косвенно переходили и на ихъ ближайшихъ сотрудниковъ, и каждый чиновникъ, каждый представитель высшей и низшей бюрократіи, являлся въ глазахъ обывателя своего рода олимпейцемъ, къ которому можно было подходить лишь съ поклономъ и дарами. Непочтеніе къ нимъ и критика ихъ дѣйствій разсматривались, какъ своего рода „оскорбленіе величества“, какъ проявленіе крайняго вольнодумства и зловреднаго либерализма, какъ потрясеніе основъ всего государственнаго строя.

Въ дивныхъ произведеніяхъ Гоголя, въ бичующей сатирѣ Салтыкова Николаевскій бытъ и режимъ запечатлѣлись съ необыкновенною силою и въ неувядаемыхъ краскахъ, а пѣвецъ тѣхъ годовъ, прародитель славянофильской школы, А. С. Хомяковъ, въ слѣдующихъ звучныхъ строфахъ далъ общую характеристику современной Россіи:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

Если такъ печально стояло дѣло судебно-административнаго управленія, то не болѣе утѣшительнымъ рисуется и состояніе тогдашняго офиціальнаго просвѣщенія. Образованіе, особенно высшее, дарилось населенію, какъ особенная высочайшая милость и на очень строгихъ условіяхъ; книга, особенно если носила на себѣ характеръ политическій или общественный, проникала въ населеніе съ необыкновеннымъ трудомъ, и надъ умами читателя и писателя съ неослабнымъ рвеніемъ стоялъ на стражѣ всевластный цензоръ, всегда вооруженный обильными красными чернилами и размашистымъ перомъ. Здѣсь нѣтъ надобности говорить объ этой сторонѣ русской жизни—она достаточно стала уже извѣстною, и исторія Николаевской цензуры представляетъ собою сплошной анекдотъ или преступленіе—подъ какимъ угломъ зрѣнія смотрѣть на вопросъ. Опека надъ умами обывателей имѣла цѣлью спеціальное обереженіе ихъ отъ вреднаго идейнаго вліянія Запада, борьба съ которымъ, насколько онъ отражалъ въ себѣ развитіе прогрессивныхъ и либеральныхъ идей, была своего рода idée fixe Николая, особенно послѣ революціи 1848 г. Наука и образованіе поощрялись преимущественно профессіональныя, а все, что отдавало духомъ философіи и политики, все это находилось подъ глубокимъ подозрѣніемъ и встрѣчало косые взгляды пресловутаго созданнаго въ ту же эпоху III Отдѣленія, сыгравшаго въ русской жизни столь печальную и жестокую роль.

Вотъ въ самыхъ главныхъ и общихъ чертахъ тѣ государственныя условія жизни, которыя были созданы политикою Николая I послѣ разгрома декабристовъ и ихъ вольнолюбивыхъ мечтаній,—условія, съ которыми передовымъ элементамъ тогдашней русской жизни приходилось считаться, въ которыхъ имъ суждено было жить и дѣйствовать. Понятно, что далеко не всѣ могли съ ними мириться, а потому уже къ началу сороковыхъ годовъ мы встрѣчаемъ признаки глухого общественнаго броженія, которое рано или поздно должно было реализоваться тѣми или иными начинаніями оппозиціоннаго характера частью во имя тѣхъ же идей, ради которыхъ сложили свои головы политическіе романтики 14 декабря, частію въ иныхъ цѣляхъ, о коихъ будетъ говорено далѣе.

Справляясь довольно легко и удачно съ политическими движеніями, въ которыхъ сосредоточивался элементъ хоть какой нибудь активной оппозиціи, правительство Николая Павловича стояло на зоркой стражѣ и всѣхъ тѣхъ общественныхъ на-

строеній, которыя въ болѣе или менѣе яркой окраскѣ обнаруживались въ ту эпоху, и которымъ суждено было такъ или иначе воспитывать общество въ сознаніи необходимости коренной ломки прогнившаго бюрократическаго строя. Декабристы всколыхнули стоячія воды русской жизни, и волны этого движенія, гонимыя непрестанно западнымъ вѣтромъ, противъ котораго были безсильны искусственныя административныя мѣропріятія, расходились все шире и шире по лицу родной земли, не давая ей уже притти въ состояніе прежняго покоя и бездѣйствія. Желѣзная рука правителя тушила закипавшую бурю въ одномъ мѣстѣ, а она готова была вспыхнуть въ другомъ... Принимались мѣры строгости, обузданія назрѣвающей мысли, и чѣмъ круче и послѣдовательнѣе были эти мѣры, тѣмъ настойчивѣе рвалась наружу мысль и созданное ею настроеніе, угрожая постоянно перейти изъ мирнаго эволюціоннаго состоянія съ характеромъ прогрессивно-созидательнымъ въ состояніе революціонное, съ характеромъ разрушительнаго свойства и съ оттѣнкомъ оппозиціи quand-même. Отталкивая отъ себя всякую попытку общественной самодѣятельности, лишая общество всякаго права мнѣнія и сомнѣнія, признавая за обывателями лишь обязанности слѣпого повиновенія велѣніямъ власти, русская администрація тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ съ изумительнымъ рвеніемъ, достойнымъ лучшей доли, искусственно развиваетъ состояніе напряженнаго общественнаго неудовольствія всею наличностью русской жизни, создаетъ глухую оппозицію правительственной власти и совершенно дискредитируетъ въ глазахъ населенія понятія о законности, о правѣ, о правдѣ. Отсутствіе у этой администраціи всякаго творческаго начала и прогрессивнаго почина, соотвѣтствующаго духу времени и потребностямъ населенія, вынуждаетъ передовыхъ и наиболѣе интеллигентныхъ представителей общества принять на себя исключительную заботу о благѣ этого населенія и поставить коренные вопросы русской жизни ребромъ. Вся политическая, соціальная и экономическая наличность этой жизни подвергается неумолимой критикѣ и тщательному пересмотру, и въ зависимости отъ принятаго и установленнаго историческаго и философскаго угла зрѣнія при этомъ пересмотрѣ образуются тѣ главнѣйшія общественныя философско-литературныя группы, изъ которыхъ, какъ изъ первичныхъ ячеекъ, родились и тѣ спеціальныя политическія партіи и ихъ разнообразныя фракціи, которыя усматриваются, какъ активно-дѣйствующія въ наши дни,

при разработкѣ и разрѣшеніи наиболѣе существенныхъ вопросовъ современной русской жизни.

Эти философско-литературныя группы фактически возникли и окрѣпли на пепелищѣ сожженной Москвы, къ тому времени уже обстроившейся и привявшей столь хорошо намъ знакомый изъ произведеній родной словесносности патріархально-дворянскій характеръ, состоявшій въ ближайшемъ родствѣ и въ генетической связи со всей дореформенной Россіей. Здѣсь, въ этой Грибоѣдовской Москвѣ, въ ея привольныхъ столичныхъ усадьбахъ, въ отдаленіи отъ холодныхъ и всепроникающихъ взоровъ петербургскаго властелина нашли себѣ мѣсто и оформились историко-философскія настроенія, которымъ въ тѣ годы не нашлось бы приволья на берегахъ сѣверной столицы, состоявшей въ исключительномъ завѣдываніи „порфироноснаго" оберъ-полицеймейстера. Полицейское самодержавіе Николая Павловича давало себя знать и необыкновенно ярко обнаруживалось именно въ Петербургѣ, надъ дыханіемъ жизни котораго онъ съ поразительно болѣзненной чуткостью бодрствовалъ. Самодержецъ всероссійскій съ какою-то особенною страстью принялъ на себя именно обязанности невскаго градоправителя, муштруя жителей и регламентируя ихъ жизнь, духовныя настроенія, вкусы и симпатіи. Въ этомъ отношеніи въ немъ наглядно проявлялись отцовскія наклонности и сказывался наслѣдственный павловскій деспотизмъ, конечно, только нѣсколько облагороженный и уравновѣшенный. Николай Павловичъ послѣ своего великаго пращура—пращура не по крови, а по генеалогическому преданію, былъ наиболѣе типичнымъ петербурскимъ „императоромъ" изъ всѣхъ до него и послѣ него бывшихъ. Москва издали почтительно и раболѣпно ему поклонялась, какъ бы любовалась его личнымъ величественнымъ и гордымъ видомъ, но жизнь свою, жизнь внутреннюю и духовную, слагала не по его указкѣ и не подъ давленіемъ его полицейскихъ формальныхъ требованій. Она воздавала Кесарю кесарево, а Богу—Божіе, потому-то въ ней и могли спокойно сложиться и развиться тѣ культурные центры, откуда почти одновременно вышли вожди двухъ крайнихъ и противоположныхъ направленій сороковыхъ годовъ —западниковъ, съ одной стороны, и славянофиловъ—съ другой, и откуда также образовался тотъ политическій центръ, который въ послѣдующее царствованіе сталъ общественною базою для правительственной власти.

Кружокъ Герцена, кружокъ Станкевича, кружокъ Аксако-

выхъ, Кирѣевскихъ и Хомякова, кружокъ Погодина и Шевырева, сферы официальной народности,—вотъ тѣ главнѣйшія и многознаменательныя явленія тогдашней русской общественности, имѣвшія столь громадное значеніе для нашей культуры и нашего духовнаго развитія, которыя сложились и отлились въ окончательныя научно-политическія формы въ благопріятной для ихъ развитія московской обстановкѣ николаевскаго царствованія. Въ тиши московскихъ барскихъ кабинетовъ, на лонѣ подмосковной живописной природы, въ исторической кремлевской обстановкѣ, среди стѣнъ старѣйшаго русскаго университета развернулись крупныя дарованія нашихъ общественныхъ вождей, и здѣсь горячо забилась русская тоскливая дума о будущемъ родной земли. Здѣсь же въ безысходной тоскѣ раздался отчаянный голосъ русскаго мыслителя, извѣрившагося въ Россію, историческую и настоящую, и не видѣвшаго никакой возможности лучшаго будущаго безъ отреченія отъ своей народности и своей самобытности. „Философическое письмо“ Чаадаева было такимъ же искреннимъ голосомъ природнаго москвича, какими искренними были и рѣчи главарей западничества и славянофильства.

Задавленная свободная Россія въ Петербургѣ начинала расправлять свои омертвѣвшіе члены въ Москвѣ... На общемъ смутномъ историческомъ фонѣ грозно и медленно отдѣлялись другъ отъ друга двѣ противоположныя силы, готовыя съ теченіемъ времени ринуться въ долгую ожесточенную борьбу: конфликтъ между властью и освободительными идеями съ его кровавымъ исходомъ на Сенатской площади перешелъ въ 1840-хъ г.г. въ болѣе мирную и затяжную стадію, Голштинская полицейско-бюрократическая власть стала въ новый разрѣзъ съ запросами интеллигентной коренной Россіи, при чемъ въ началѣ этой стадіи элементы прогрессивные не проявляютъ никакой активной политики; ихъ позиція—разработка и распространеніе опредѣленныхъ историко-философскихъ положеній путемъ устной рѣчи и печатнаго слова. Наоборотъ, административная власть находится все время въ постоянной активной борьбѣ и въ наступательно-агрессивномъ курсѣ. Она чутко внимаетъ всякому голосу, раздавшемуся изъ общественныхъ группъ, и, если въ звукахъ этого голоса ей слышалось хоть что нибудь оригинальное, враждебное и осуждающее, она спѣшила съ неумолимой строгостью заглушить этотъ голосъ и не дать ему быть услышаннымъ, не брезгая въ данномъ случаѣ никакими пріемами, никакими мѣрами строгости. Въ этомъ отношеніи очень характерна для той

эпохи расправа, учиненная надъ Чаадаевымъ. Другъ Пушкина и декабристовъ, человѣкъ громадной эрудиціи и съ спеціально-философскимъ складомъ ума, Чаадаевъ первый въ нашей литературѣ рѣзко сопоставилъ въ своемъ надѣлавшемъ такого шума „Философическомъ письмѣ" значеніе Россіи и Запада (особенно католическаго) и пришелъ къ тому ужасному заключенію, что наше отечество не имѣетъ ни разумнаго прошлаго, ни сознательнаго и индивидуальнаго настоящаго, ни опредѣленнаго будущаго. „Всѣ народы Европы выработали опредѣленныя идеи,— говоритъ онъ.—Это—идеи долга, закона, правды, порядка. И онѣ составляютъ не только исторію Европы, но ея атмосферу. Это болѣе чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это физіологія европейца". Обращаясь спеціально къ Россіи, авторъ приходитъ къ убѣжденію, что „по нашему мѣстному положенію между Востокомъ и Западомъ, опираясь однимъ локтемъ на Китай, другимъ на Германію, мы должны бы соединить съ себѣ два великія начала разумѣнія: воображеніе и разсудокъ, должны бы совмѣщать въ нашемъ гражданскомъ образованіи исторію всего міра. Но не таково предназначеніе, павшее на нашу долю. Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не пріобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества, ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумѣнія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе... Ни одной полезной мысли не возросло на безплодной нашей почвѣ, ни одной великой истины не возникло среди насъ. Мы ничего не выдумали сами изъ всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и безполезную роскошь. Повторяю еще: мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомствъ, которыя воспользуются имъ непремѣнно, но въ настоящемъ времени, что бы ни говорили, мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумѣнія". Въ дальнѣйшей части своего знаменитаго письма авторъ набрасываетъ и свои положительные идеалы, которые ему хотѣлось бы привить всей Россіи, какъ панацею отъ всѣхъ терзающихъ ее золъ и бѣдствій, и такую панацею онъ усматриваетъ въ нашемъ приближеніи къ католичеству, въ поклоненіи ему и пріобщеніи ко всему тому культурному, что дало человѣчеству именно это западно-религіозное исповѣданіе. Такимъ образомъ онъ, въ противоположность, съ одной стороны, Радищеву, а съ другой—декабристамъ, не выступилъ передъ обществомъ съ какимъ нибудь вполнѣ опредѣленнымъ и конкретнымъ политическимъ пла-

помъ и предложеніемъ; онъ не коснулся какихъ нибудь реальныхъ сторонъ русской дѣйствительности, но только въ общей формѣ объявилъ тогдашнѣе официальное національное самообольщеніе фальшивымъ и громко призналъ русскую культуру, а вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно и политическую гражданственность, стоящею на очень низкой ступени развитія, а также указалъ ей опредѣленный западно-европейскій образецъ, какъ образецъ, по его мнѣнію, совершенный, къ которому она должна стремиться.

Такое положеніе шло совершенно въ разрѣзъ съ самодовольнымъ понятіемъ о нашей дѣйствительности, которое громко проповѣдывали „льстецы, толпою рабскою стоящіе у трона“, по словамъ которыхъ (гр. Бенкендорфа): „Le passé de la Russie a été admirable; son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer“. Письмо Чаадаева оскорбило представителей такого необычайно высокаго мнѣнія о нашемъ отечествѣ, находившихся въ упоеніи послѣ кроваваго разгрома петербургскаго либерализма, и, несмотря на то, что специальнаго политическаго элемента, подлежащаго какой либо карѣ, въ письмѣ никакого отмѣчено быть не могло, тѣмъ не менѣе и на голову автора „письма“ и на издателя, это письмо помѣстившаго, обрушился ударъ отъ руки самого императора. Несчастный Надеждинъ, давшій мѣсто „письму“ на страницахъ „Телескопа“, былъ сосланъ въ Усть-Сысольскъ, а самъ Чаадаевъ официально объявленъ сошедшимъ съ ума. Официальный документъ по сему предмету гласилъ: „Появившаяся въ „Телескопѣ“ статья Чаадаева выраженными въ ней мыслями возбудила во всѣхъ безъ исключенія русскихъ чувство гнѣва, отвращенія и ужаса. въ скоромъ, впрочемъ, времени смѣнившіяся на чувство состраданія, когда узнали, что достойный сожалѣнія соотечественникъ, авторъ статьи, страдаетъ разстройствомъ и помѣшательствомъ разсудка. Принимая въ соображеніе болѣзненное состояніе несчастнаго, правительство въ своей заботливости и отеческой попечительности предписываетъ ему не выходить изъ дому и снабжать его даровыми медицинскими пособіями, на который конецъ мѣстное начальство имѣетъ назначить особаго изъ подвѣдомственныхъ ему врача“.

Дѣйствительно, Чаадаевъ былъ подвергнутъ домашнему аресту, и ежедневно къ нему являлись „медики ex officio“, при чемъ дѣло не обходилось безъ оскорбленій по адресу мнимо боль-

ного; кромѣ того, съ него была взята подписка „ничего не писать“ болѣе въ журналахъ. Такимъ образомъ писатель былъ жестоко обреченъ на высшую мѣру казни: его сдѣлали безгласнымъ.

Оцѣнивая значеніе Чаадаевскаго письма и самый историческій моментъ его появленія, историкъ той эпохи, покойный А. Н. Пыпинъ, говоритъ въ извѣстныхъ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“ *): „Въ своемъ общемъ смыслѣ оно имѣло то любопытное историческое значеніе, что, явившись въ періодъ полнѣйшаго развитія системы офиціальной народности, выставило самое крайнее противорѣчіе этой системѣ. Во все теченіе этого періода не было высказано такого рѣзкаго, безпощаднаго приговора надъ русской дѣйствительностью и ея прошедшимъ: здѣсь собралось столько горькаго чувства, столько неотразимаго сознанія въ недостаткахъ русской жизни, сколько не было ни у кого еще изъ дѣятелей нашей умственной жизни, и сколько авторитеты, привыкшіе къ панегирику, вѣроятно, даже не считали возможнымъ“. И далѣе: „Скептицизмъ Чаадаева завершаетъ то, что высказывалось отрицательнаго въ русскомъ обществѣ и литературѣ. Люди тайнаго общества были вооружены противъ положенія вещей: Пушкинъ въ молодости сталъ какъ будто сатирическимъ органомъ тогдашнихъ либераловъ и изображалъ разочарованіе Онѣгина; Грибоѣдовъ писалъ филиппики Чацкаго; неизвѣстный авторъ письма 1824 г. высказывалъ объ умственномъ состояніи русскаго общества мысли, которыя иногда очень родственны съ мыслями Чаадаевскаго „письма“. Если собрать всѣ эти симптомы сомнѣнія, которые высказывались у наиболѣе мыслящихъ людей того времени, мы найдемъ, что скептицизмъ Чаадаева имѣетъ свою родословную. Чаадаевъ только возвелъ эти сомнѣнія въ систему, распространилъ ихъ на прошедшее (либералы уже не вѣрили въ историческія картинки Карамзина) и, наконецъ, далъ своей системѣ доктринерское основаніе“...

По справедливому мнѣнію Пыпина, „своимъ суровымъ обличеніемъ недостатковъ русской жизни, высотой указанныхъ имъ требованій европейской цивилизаціи Чаадаевъ, какъ немногіе другіе, способствовалъ уничтоженію того національнаго самообольщенія, которое издавна было одной изъ главнѣйшихъ помѣхъ нашему образованію. Выставляя высокій идеалъ обще-

---

*) А. Н. Пыпинъ. „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ“. Историческіе очерки.

человѣческой цивилизаціи. Чаадаевъ побуждалъ общество возвысить и свои стремленія; почти отчаиваясь въ русской жизни, Чаадаевъ тѣмъ самымъ долженъ былъ вызвать реакцію живыхъ силъ, къ какому бы онѣ лагерю не принадлежали. Наконецъ, крайнее сомнѣніе относительно русской жизни было той точкой перелома, откуда начинался новый періодъ въ нашемъ умственномъ развитіи,—перелома, которому въ литературѣ художественной соотвѣтствуетъ появленіе сатиры Гоголя".

Да, переломъ въ общественномъ настроеніи, если не совсѣмъ хронологически, то психологически, долженъ быть пріуроченъ именно къ отчаянному, вырвавшемуся изъ наболѣвшей груди, крику Чаадаева. Это былъ дѣйствительно боевой кличъ, который пробудилъ къ реакціи живыя общественныя силы и поставилъ передъ ними для разрѣшенія отвѣтственную задачу: или признать Россію здоровымъ организмомъ, развивающимся естественно и планомѣрно, соотвѣтственно съ требованіями христіанской культуры, или признать ее больною и намѣтить средства врачеванія. Свое средство онъ посильно указалъ, но центръ тяжести былъ не въ томъ: это средство серьезно никѣмъ принято не было, но кличъ его былъ дѣйствительно услышанъ „живыми силами": онѣ вышли на арену русской дѣйствительности и произнесли надъ ней свой судъ и осужденіе. Но прежде чѣмъ обрисовать, каковъ былъ этотъ историко-юридическій судъ, необходимо отмѣтить въ самыхъ краткихъ и общихъ чертахъ и мнѣніе рыцарей этой дѣйствительности, которые стояли за нее горою въ нашей литерарурѣ, и которые являлись общественнымъ оплотомъ правительственной власти.

Выше было отмѣчено, какъ смотрѣлъ одинъ изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Николая Павловича, его правая рука, на настоящее и будущее Россіи: оно внѣ критики, и ея будущее блестяще! Status quo долженъ бытъ удержанъ всѣми силами, а его критики и противники суть крамольники, измѣнники родины и ея враги, по отношенію которыхъ система поблажекъ и попустительствъ не можетъ быть терпима. Вигель шлетъ доносъ на Чаадаева, Гречъ и Булгаринъ состоятъ въ явныхъ и тайныхъ сношеніяхъ съ полиціей, и постоянно пробавляются добровольнымъ шпіонствомъ. Уваровъ провозглашаетъ свою знаменитую тріаду объ основныхъ началахъ, на коихъ покоится весь историческій строй русской жизни: „православіе, самодержавіе и народность" являются тѣми тремя основными моментами, по отношеніямъ къ которымъ все кругомъ судится и разсматри-

вается. Православіе признается исключительно съ богослужебной точки зрѣнія, самодержавіе разсматривается подъ полицейско-бюрократическимъ угломъ пониманія, а народность освѣщается въ узко-національномъ значеніи. При наличности такихъ основныхъ историческихъ устоевъ все отечественное, какъ продуктъ и результатъ установившейся государственной системы, не подлежитъ какому либо видоизмѣненію или реформѣ, а тѣмъ болѣе въ соотвѣтствіи съ проповѣдью западныхъ или славянофильскихъ ученій. Предержащая власть есть источникъ всякаго блага и мудрости, и предъявлять ей какія либо политическія требованія преступно и не соотвѣтствуетъ народному духу. Эта власть и ея исполнительные органы не подлежатъ суду, и безпрекословное и механическое имъ повиновеніе есть добродѣтель, угодная Богу. Крѣпостное право одно изъ главныхъ условій порядка и благополучія существующаго строя и не подлежитъ отмѣнѣ Таковъ былъ символъ вѣры покорныхъ сыновъ Николаевскаго престола,- символъ, охраняемый и самимъ государемъ и его сотрудниками со всею строгостью и послѣдовательностью.

Вернувшись изъ своего изгнанія и получивъ право жительства въ Бѣлокаменной, Герценъ въ 1842 г. нашелъ въ ней слѣдующее настроеніе и такъ обрисовывалъ ея одухотворенный обликъ въ своихъ знаменитыхъ „Быломъ и Думахъ“ *): „Возвратившись изъ Новгорода въ Москву, я засталъ оба стана (т. е. западниковъ и славянофиловъ) на барьерѣ. Славяне были въ полномъ боевомъ порядкѣ, съ своей легкой кавалеріей подъ начальствомъ Хомякова и чрезвычайно тяжелой пѣхотой Шевырева и Погодина, съ своими застрѣльщиками, охотниками, ультраякобинцами, отвергавшими все бывшее послѣ кіевскаго періода, и умѣренными жирондистами, отвергавшими только петербургскій періодъ: у нихъ были свои каѳедры въ университетѣ, свое ежемѣсячное обозрѣніе, выходившее всегда два мѣсяца позже, но все же выходившее. При главномъ корпусѣ стояли православные гегеліанцы, византійскіе богословы, мистическіе поэты, множество женщинъ и пр. и пр.

„Война наша сильно занимала литературные салоны въ Москвѣ. Вообще Москва входила тогда въ эпоху возбужденности умственныхъ интересовъ, когда литературные вопросы, за невозможностью политическихъ, становятся вопросами жизни. Появленіе замѣчательной книги составляло событіе, критики и

*) Сочиненія А. И. Герцена, изд. Ф. Павленкова. Спб. 1905.

анти-критики читались и комментировались съ тѣмъ вниманіемъ, съ которыми бывало въ Англіи или во Франціи слѣдили за парламентскими преніями. Подавленность всѣхъ другихъ сферъ человѣческой дѣятельности бросала образованную часть общества въ книжный міръ, и въ немъ одномъ дѣйствительно совершался, глухо и полусловами, протестъ противъ гнета. Въ лицѣ Грановскаго московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее. Въ лицѣ славянофиловъ оно протестовало противъ оскорбленнаго чувства народничества".

Вспоминая далѣе то время въ своемъ лондонскомъ изданіи „Колоколъ" по случаю смерти К. Аксакова, Герценъ въ слѣдующихъ задушевнѣйшихъ словахъ и въ аллегорической картинѣ характеризуетъ отношенія между собою двухъ воинствовавшихъ въ сороковыхъ годахъ лагерей—славянофиловъ и западниковъ *): „Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ *сдѣлали свое дѣло*; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, и въ которой сидѣлъ Биронъ и колотилъ ямщика, чтобъ тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей,—то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

„Съ нихъ начинается *переломъ русской мысли*. И когда мы это говоримъ, кажется, насъ нельзя заподозрѣть въ пристрастіи.

„Да, мы были противниками ихъ, но очень странными. У насъ была *одна* любовь, но не *одинаковая*.

„У нихъ и у насъ запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство,—чувство безграничной обхватывающей все существованіе, любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. И мы, какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ разныя стороны въ то время, какъ *сердце билось одно*.

„Они всю любовь, всю нѣжность перенесли на угнетенную мать. У насъ, воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла. Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали, что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому, что ея пѣсни были

---

*) Сочиненія А. И. Герцена, изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1905.

намъ роднѣе водевилей; мы сильно полюбили ее, но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея комнатѣ было намъ душно; все почернѣлыя лица изъ-за серебряныхъ окладовъ, все попы съ причетомъ, пугавшіе несчастную, забитую солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачъ объ утраченномъ счастіи раздиралъ наше сердце; мы знали, что у нея нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній, мы знали и другое, что несчастіе впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы уступили старшинство. А пока—

Mutter, Mutter lass mich gehen
Schweifen auf die wilden Höhen!"

Въ настоящихъ очеркахъ не мѣсто излагать въ подробностяхъ борьбу западниковъ и славянофиловъ, въ ея постепенной послѣдовательности, по главнѣйшимъ моментамъ этой борьбы, съ указаніемъ лицъ, въ ней участвовавшихъ. Эта тема уже достаточно разработана въ нашей литературѣ; но тѣмъ не менѣе, въ интересахъ полноты картины общественныхъ настроеній той эпохи, необходимо отмѣтить то *главное политическое*, что заключалось въ ученіи обоихъ лагерей, что шло въ разрѣзъ съ установившимся полицейско-бюрократическимъ строемъ, и въ чемъ правительство Николая I усматривало опасность для спокойствія и благополучія столь ревниво охраняемаго имъ status quo. Элементъ спеціально философскій, создавшій обѣ школы, ее одухотворявшій и питавшій, оставляется нами безъ изложенія и разсмотрѣнія. Интересующіеся этой стороной дѣла найдутъ наиболѣе полный и обработанный матеріалъ, сюда относящійся, въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ" А. Н. Пыпина, хотя и нѣсколько пристрастно освѣщенный.

Герценъ своимъ чуткимъ художественнымъ талантомъ удивительно мѣтко освѣтилъ точку соприкосновенія, или, вѣрнѣе, отправленія обѣихъ партій въ ихъ отношеніяхъ къ живой современной имъ Россіи. И западники, и славянофилы ее одинаково страстно любили и признавали ее глубоко несчастною отчасти въ ея прошломъ, а главное въ настоящемъ. Все ея счастье полагалось ими въ будущемъ, покоящемся на демократическихъ началахъ братства; но западники признавали все прошлое заблужденіемъ, несчастіемъ, славянофилы же усматривали въ немъ проблески счастья, прочные къ нему залоги, которымъ не суждено было, однако, развиться и крѣпнуть. Западники утверждали,

что счастье въ будущемъ и въ тѣхъ соціальныхъ и политическихъ формахъ, которыя выработала европейская культура; славянофилы возражали, что эти формы—мертвыя формы, не одухотворенныя христіанствомъ, которое есть единственный источникъ для правды и счастья человѣческаго, при чемъ за истинное христіанство ими признавалось лишь христіанство, воспринятое нашей родиной отъ восточной церкви, какъ церкви соборной, „во Христѣ братіи". Соборность и коллективность ума и совѣсти ставятся ими въ уголъ и гражданскаго устройства человѣческаго общества, откуда ихъ поклоненіе общинѣ, общинности и московскимъ земскимъ соборамъ. Народу—мнѣніе, царю—власть: кесарю—кесарево, Богу—Божіе. Отсюда и признаніе, что не все въ прошломъ Россіи подлежитъ отрицанію. Въ этомъ прошломъ имѣется въ наличности истина, которая, очищенная отъ всего позднѣйшаго, наноснаго и ей чужого, должна возсіять. Союзъ, добровольный и основанный на довѣріи и любви, а не на борьбѣ и подчиненіи, царя съ народомъ, чистаго самодержавія съ народосовѣтіемъ—вотъ политическое будущее Россіи, которое должно уврачевать ея раны и вернуть ее на ея былой христіанскій путь исторической жизни и историческаго развитія. Константинъ Аксаковъ, этотъ вдохновенный поэтъ-историкъ славянофильской теоріи, училъ *):.. „Въ основаніи государства западнаго—*насиліе рабство* и *вражда*. Въ основаніи государства Русскаго—*добровольность*, *свобода* и *миръ*. Эти начала составляютъ важное и рѣшительное различіе между Русью и Западною Европою и опредѣляютъ исторію той и другой.

„Пути—совершенно различные до такой степени, что никогда не могутъ сойтись между собою, и народы, идущіе ими, *никогда* не согласятся въ своихъ воззрѣніяхъ. Западъ, изъ состоянія рабства переходя въ состояніе бунта, принимаетъ бунтъ за свободу, хвалится ею и видитъ рабство въ Россіи. Россія же постоянно хранитъ у себя призванную ею самою власть, хранитъ ее добровольно, свободно, и поэтому въ бунтовщикѣ видитъ только раба съ другой стороны, который также уничтожается передъ новымъ идеаломъ бунта, какъ передъ старымъ идеаломъ власти; ибо бунтовать можетъ только рабъ, а свободный человѣкъ не бунтуетъ.

„Но пути эти стали еще различнѣе, когда важнѣйшій вопросъ для человѣчества присоединился къ нимъ: вопросъ вѣры.

---

*) Полное собраніе сочиненій К. Аксакова, томъ I.

Благодать сошла на Русь. Православная вѣра была принята ею. Западъ пошелъ по дорогѣ католицизма... *Страшно* въ такомъ дѣлѣ говорить свое мнѣніе; но, если мы не ошибаемся, то скажемъ, что по *заслугамъ* дали и истинный и ложный путь вѣры, первый — Руси, второй — Западу. Ясно стало для русскаго народа, что истинная свобода только тамъ, идѣже духъ Господень".

Обращаясь къ опредѣленію внутреннихъ отношеній въ древней Руси между властью и народомъ, между землею и государствомъ, К. Аксаковъ обрисовываетъ ихъ такъ: „Земля призвала себѣ государство на защиту, огражденіе, прежде всего отъ враговъ внѣшнихъ, потомъ и отъ враговъ внутреннихъ. Отношеніе земли и государства легло въ основаніе русской исторіи...

„Подобно тому, какъ князь собиралъ вѣче, царь созывалъ земскую думу, или земскій соборъ. Народъ не требовалъ, чтобы государь спрашивалъ его мнѣніе. Государь не опасался спрашивать мнѣнія народа. . Спрашивали выборныхъ отъ всѣхъ сословій; они говорили: мысль наша такова, а тамъ, какъ будетъ угодно государю. Не личное самолюбіе, не гордость западной свободы были здѣсь, а обоюдное искреннее желаніе пользы ..

„Во все время русской исторіи народъ русскій не измѣнилъ правительству, не измѣнилъ монархіи. Если и были смуты, то онѣ состояли въ вопросѣ о личной законности государя: о Борисѣ, Лжедимитріи и Шуйскомъ. Но никогда не раздавался голосъ въ народѣ: не надо намъ монархіи, не надо намъ самодержавія, не надо намъ царя. Напротивъ, въ 1612 г., одолѣвъ враговъ и будучи безъ государя, вновь громко и единогласно призвалъ народъ царя... Но нѣтъ никакого обезпеченія, скажутъ намъ: или народъ, или власть могутъ измѣнить другъ другу. *Гарантія* нужна!—*Гарантія* не нужна! *Гарантія* есть зло. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушается жизнь, въ которой нѣтъ добраго, чѣмъ стоять съ помощью зла. Вся сила въ *идеалѣ*. Да и что значатъ условія и договоры, какъ скоро нѣтъ силы внутренней? Никакой договоръ не удержитъ людей какъ скоро нѣтъ на это желанія. Вся сила въ нравственномъ убѣжденіи. Это сокровище и есть въ Россіи, потому что она всегда въ него вѣрила и не прибѣгала къ договорамъ".

Общія соображенія славянофиловъ касательно историческаго прошлаго, настоящаго и будущаго Россіи шли, несомнѣнно, въ

полный разрѣзъ съ офиціальнымъ символомъ вѣры, который всему населенію неукоснительно повелѣно было исповѣдывать. Поэтому правительство Николая Павловича отнеслось совершенно отрицательно къ новому самобытному національному теченію въ области мысли, каковое отрицательное отношеніе усугублялось еще и тою позиціею, которую эта народившаяся группа заняла при опредѣленіи своего отношенія къ кореннымъ тогдашнимъ вопросамъ русской жизни—къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, а также къ вопросу о свободѣ слова и личности. Въ одномъ изъ предыдущихъ очерковъ было отмѣчено, что крѣпостное право разсматривалось въ офиціальныхъ сферахъ, какъ оплотъ общественнаго строя, какъ одинъ изъ краеугольныхъ камней, на которыхъ зиждется русскій престолъ. Понятно, что всякое поползновеніе къ уничтоженію этого камня судилось, какъ явленіе оппозиціоннаго и даже революціоннаго настроенія. И славянофилы въ этомъ отношеніи, при всемъ миролюбивомъ ихъ настроеніи, во все царствованіе Николая I находились на особомъ замѣчаніи и въ положеніи заподозрѣнныхъ, явно гонимыхъ и преслѣдуемыхъ.

Историкъ крѣпостного вопроса, В. И. Семевскій, въ своемъ сочиненіи „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ *), при всемъ своемъ несочувствіи къ московскимъ самобытникамъ сороковыхъ годовъ, произведя строжайшее и придирчивое дознаніе ихъ словъ и дѣйствій по крѣпостному вопросу, признаетъ, однако, ихъ несомнѣнныя заслуги въ этой области. Онъ говоритъ: „Тщательно собравъ все, что извѣстно объ отношеніи славянофиловъ къ крестьянскому вопросу въ царствованіе Николая, мы видимъ, что они мало могли высказаться по этому предмету въ печати (въ чемъ, разумѣется, они не повинны); въ своемъ же кружкѣ они постоянно и письменно и словесно обсуждали вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, а одинъ изъ нихъ Ю. Ѳ. Самаринъ, имѣлъ возможность и въ служебной своей дѣятельности работать на пользу улучшенія быта крѣпостныхъ крестьянъ... Славянофилы еще въ николаевскую эпоху додумались до мысли о необходимости освобожденія крестьянъ не иначе, какъ съ землею, и, притомъ, съ сохраненіемъ общиннаго землевладѣнія, и усердная защита этихъ принциповъ составляетъ не малую ихъ заслугу. Какимъ образомъ въ это время они думали осуществить освобожденіе на дѣлѣ, мы не знаемъ, но одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ изъ нихъ,

*) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XX вѣка“. Томъ II.

К. Аксаковъ, если мы не ошибаемся, желалъ даже представленія имъ земли въ собственность безвозмездно. Однако же, мы видѣли, что не только ни одинъ славянофилъ не освободилъ своихъ. крестьянъ, но что даже положеніе ихъ крестьянъ было вообще не лучше, а у нѣкоторыхъ еще и хуже средняго уровня; не только Хомяковъ и Кошелевъ, какъ оказывалось, были крайне требовательными помѣщиками, но даже добродушный П. В. Кирѣевскій снабдилъ крестьянъ слишкомъ недостаточнымъ количествомъ земли. Такое рѣзкое несоотвѣтствіе между словомъ и дѣломъ не можетъ помѣшать намъ, однако, признать, что славянофилы принесли не малую пользу теоретическимъ обсужденіемъ крестьянскаго вопроса съ правильной точки зрѣнія и пропагандою своихъ взглядовъ о земельномъ обезпеченіи крестьянъ и о сохраненіи общиннаго землевладѣнія".

Сильные своею проповѣдью народности, общинности и соборнаго начала, славянофилы высоко ставили и личность, какъ таковую, но требовали отъ нея добровольнаго подчиненія себя благу общаго, ея растворенія во имя братства и любви въ мірѣ. Защищая право за всякимъ свободнаго мнѣнія по всѣмъ вопросамъ жизни общественной и государственной, они громко и ясно ставили вопросъ о свободѣ слова, и въ этомъ отношеніи, какъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, они опять-таки становились по необходимости въ оппозиціоное отношеніе къ суровому курсу, установленному въ Петербургѣ и самимъ Николаемъ Павловичемъ и его сподвижниками. Если западники, умѣренные, въ лицѣ, напримѣръ, Грановскаго, или крайніе, въ лицѣ Бѣлинскаго и Герцена, относились вполнѣ отрицательно къ русской государственности въ ея историческомъ развитіи и въ воплощеніи николаевскаго режима, исходя изъ сочувствія къ западно-европейскимъ прогрессивнымъ формамъ жизни и идеаламъ, то не менѣе, если не сильнѣе ихъ, въ отрицаніи современности были создатели славянофильской школы, имѣя, однако, своею точкою отправленія въ вопросѣ совершенно противное западникамъ историко-философское положеніе. Они пожалуй, были первыми по времени, которые рѣзко противопоставили власти и государственности „самъ народъ", *plebs* съ его *vox populi*. Отсюда яркая демократическая окраска славянофильства, являвшаяся по существу идей полной антитезой къ полицейско-казарменному укладу николаевскаго режима.

И правящія сферы той эпохи, повидимому, достаточно серьезно оцѣнивали значеніе этой разницы, усматривая въ ней

для себя живой историческій укоръ и осужденіе, основанные на неопровержимыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ прошлаго того народа, которымъ они распоряжались по системѣ голштинской выправки. Голштинскіе идеалы и преданія не имѣли ничего общаго и родственнаго съ земскими началами, выдвинутыми славянофилами, несмотря на всю поддѣлку подъ русскую народность, которою „стоящіе у трона" старались фальсифицировать настоящее иноземное происхожденіе вещей. „Православіе, самодержавіе и народность", идеальная тріада, почерпнутая изъ прошлаго русской исторіи, какъ гражданской, такъ и церковной, въ сущности не имѣла ничего общаго съ тѣмъ, что проповѣдывалось русскому обществу изъ нѣдръ петербургскихъ канцелярій съ всерѣшающею надписью: „Быть по сему", во имя именно этой тріады. И это-то отсутствіе *общаго* особенно подчеркивалось славянофилами при помощи историческихъ противоположеній, благодаря чему николаевская дѣйствительность представлялась по необходимости въ ея истинномъ освѣщеніи, внѣ круга тѣхъ искусственныхъ лучей, которые были наведены на нее волшебнымъ фонаремъ гр. Уварова. Въ тогдашнемъ режимѣ съ поразительною очевидностью именно отсутствовали тѣ самыя православіе, самодержавіе и народность, какъ начала чистыя, идеальныя, освященныя христіанскимъ сознаніемъ, которыя министръ Николая Павловича съ такою офиціальною самоувѣренностью вплеталъ въ царственный вѣнецъ своего монарха. И вина славянофиловъ въ глазахъ представителей администраціи была воистину велика: они лишали этотъ вѣнецъ выдающагося украшенія и его сіянія! Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ заслуга общественная, помимо указанной, и при томъ характера критическаго, заключалась въ томъ, что они демократизировали понятія общественныя и поставили интеллигенцію лицомъ къ лицу съ народомъ. И эта ихъ заслуга не прошла неоцѣненною въ нашей литературѣ.

А. Н. Пынинъ, котораго нельзя заподозрѣть въ пристрастіи къ школѣ Хомякова, Кирѣевскихъ и Аксаковыхъ, хотя и съ оговорками, но такъ опредѣляетъ эту заслугу *). „Въ общемъ смыслѣ славянофильство перваго періода имѣло свою большую историческую заслугу въ развитіи русскаго общества. Родившись подъ несомнѣнными вліяніями романтическихъ стремленій, оно

*) А. Н. Пынинъ. „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ". Историческіе очерки.

сохранило въ сущности до конца этотъ романтическій идеальный, мало приложимый къ жизни характеръ, но оно съ такимъ упорствомъ настаивало на своемъ идеалѣ, такъ искренно въ него вѣрило и горячо его защищало, что успѣло дать ему силу въ литературѣ и въ мнѣніяхъ общества. Этимъ идеаломъ былъ народъ, и здѣсь была сила этой школы. Не совсѣмъ вѣрно, но очень сильно она затрогивала чувствительную струну времени. Славянофильское пониманіе народа было преувеличенное, но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ оно было заслугой: въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ было тогда довольно смѣлымъ дѣломъ указывать въ народѣ единственный критеріумъ государственной и общественной жизни; придавать ему такое значеніе, о которомъ не помышляла офиціальная народность; возвышать и превозносить этотъ „черный“ народъ тогда, когда надъ нимъ еще тяготѣло осужденіе государственнаго закона, пренебреженіе барства, чиновничества и почти всего, что стояло надъ низшими классами, когда считалось, что онъ годится только служить рабочей силой и толпой для народныхъ празднествъ офиціальной жизни. Славянофилы указывали обществу его оторванность отъ народа, ничтожество его въ этомъ раздѣленіи отъ истиннаго корня національной жизни, необходимость союза, который одинъ даетъ обществу нравственную силу и даетъ его образованію дѣйствительную плодотворность“.

Но славянофильство при всей кажущейся популярности своего политическаго романтизма не могло имѣть слишкомъ широкаго успѣха и распространенія. Его вліяніе на массу было очень ограничено и по разнымъ причинамъ. Во-первыхъ, оно лишено было возможности по тогдашнимъ общимъ цензурнымъ условіямъ откровенно писать и печатать о событіяхъ времени и о тогдашнемъ положеніи вещей, вслѣдствіе чего его критическая оппозиціонная сторона совершенно блѣднѣла и сходила почти на нѣтъ. Оно не могло само собою, рядомъ положительныхъ умозаключеній дѣлать опредѣленные выводы и предоставляло эту задачу тѣмъ, кто на это имѣлъ силы и возможность. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ его положительныхъ утвержденіяхъ, въ связи съ общимъ политическимъ положеніемъ вещей и той фальсификаціей, которая была пущена въ ходъ графомъ Уваровымъ, увы! встрѣчались точки внѣшняго соприкосновенія, благодаря чему получилось такое представленіе, какъ будто славянофильство реабилитируетъ дѣйствительность и санкціонируетъ ее выводами историко-философскаго порядка, чего на самомъ

дѣлѣ, конечно, не было. Наконецъ, близость славянофиловъ, въ въ силу совершенно личныхъ отношеній къ представителямъ болѣе консервативнаго и узко-націоналистическаго лагеря, ихъ вынужденное участіе въ ихъ органахъ печати, за неимѣніемъ, по невозможности къ тому, своихъ личныхъ, въ глазахъ широкаго общества и ихъ принципіальныхъ противниковъ, накладывали на нихъ невольную тѣнь и дѣлали отвѣтственными за то, что говорятъ ихъ случайные союзники, союзники по необходимости. Центральное и лѣвое крыло славянофильства, при неустановившейся еще исторической перспективѣ, сливалось съ правымъ крыломъ, и все направленіе такимъ образомъ получало наклонъ именно вправо съ кажущимися тяготѣніями къ офиціальной политикѣ. Что въ томъ, что они терпѣли гоненія, за ними слѣдили, имъ не разрѣшались органы печати, и ихъ произведенія подвергались цензурнымъ преслѣдованіямъ! Эти гоненія и преслѣдованія были общею узаконенною системою той эпохи, и примѣнительно къ славянофиламъ они истолковывались съ обывательской точки зрѣнія, какъ кара за продерзости личнаго свойства.

„Скажи, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу, кто ты такой",— этотъ афоризмъ сыгралъ въ исторіи и развитіи славянофильства, какъ политическаго ученія, роковую роль. Главари этой школы стояли въ близкихъ отношеніяхъ къ Погодину и Шевыреву, „Москвитянинъ" неоднократно являлся въ глазахъ читающей публики органомъ именно славянофиловъ, и ихъ полемика съ западниками въ исторіи нашей литературы и общественности связана главнымъ образомъ съ „Москвитяниномъ", дѣтищемъ русской журналистики, выношеннымъ М. Погодинымъ, при ближайшемъ участіи его личнаго друга, С. Шевырева. Описывая общественную роль „Москвитянина" въ тотъ періодъ, когда враждебные станы были „на барьерѣ", Герценъ говоритъ *): „Москвитянинъ", раздраженный Бѣлинскимъ, раздраженный успѣхомъ „Отечественныхъ Записокъ" и успѣхомъ лекцій Грановскаго, защищался чѣмъ попало и всего менѣе жалѣлъ Бѣлинскаго; онъ прямо говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ опасномъ, жаждущемъ разрушенія, радующемся при зрѣлищѣ пожара.

„Впрочемъ „Москвитянинъ" выражалъ преимущественно университетскую доктринерскую партію славянофиловъ. Партію эту

*) Сочиненія, т. II. „Былое и Думы".

можно назвать не только университетской, но и отчасти *правительственной*. Это большая новость въ русской литературѣ. У насъ рабство или молчитъ, беретъ взятки и плохо знаетъ грамоту или, пренебрегая прозой, беретъ аккорды на лирѣ.

„Булгаринъ съ Гречемъ не идутъ въ примѣръ: они никого не надули, ихъ ливрейную кокарду никто не принялъ за отличительный знакъ мнѣнія. Погодинъ и Шевыревъ, издатели „Москвитянина“, совсѣмъ напротивъ, были добросовѣстно раболѣпны: Шевыревъ,—не знаю отчего, можетъ, увлеченный своимъ предкомъ, который средь пытокъ и мученій, во времена Грознаго, пѣлъ псалмы и чуть не молился о продолженіи дней свирѣпаго старика; Погодинъ—изъ ненависти къ аристократіи... Близнецы „Москвитянина“ стали зацѣплять уже не только Бѣлинскаго, но и Грановскаго за его лекціи. И все съ тѣмъ же несчастнымъ отсутствіемъ такта, который возстановлялъ противъ нихъ всѣхъ порядочныхъ людей. Они обвиняли Грановскаго въ пристрастіи къ западному развитію, къ извѣстному порядку идей... Грановскій поднялъ ихъ перчатку и смѣлымъ и благороднымъ возраженіемъ заставилъ ихъ покраснѣть... Отвѣты Грановскаго были такъ просты и мужественны, его лекціи такъ увлекательны, что славянскіе доктринеры притихли, и молодежь имъ рукоплескала не меньше насъ. Послѣ курса былъ даже сдѣланъ опытъ примиренія... Попытка нашего Кучукъ-Кайнарджи очень скоро оказалась невозможной, и бой закипѣлъ съ новымъ ожесточеніемъ.

„Съ нашей стороны было невозможно заарканить Бѣлинскаго онъ слалъ намъ грозныя грамоты изъ Петербурга, отлучалъ насъ, предавалъ анаѳемѣ и писалъ еще злѣе въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Наконецъ, онъ торжественно указалъ пальцемъ противъ „проказы“ славянофильства и съ упрекомъ повторилъ: „Вотъ вамъ они!“ Мы всѣ понурили голову. Бѣлинскій былъ правъ.

„Умирающей рукой нѣкогда любимый поэтъ, сдѣлавшійся святошей отъ болѣзни и славянофиломъ по родству, хотѣлъ стегнуть насъ; по несчастію, онъ для этого избралъ опять-таки полицейскую нагайку. Въ пьесѣ подъ заглавіемъ „Не наши“ онъ называлъ Чаадаева—отступникомъ отъ православія, Грановскаго—лжеучителемъ, растлѣвающимъ юношей, меня—слугой, носящимъ блестящую ливрею западной науки, и всѣхъ троихъ—измѣнниками отечеству. Конечно, онъ не назвалъ насъ по имени, ихъ добавляли чтецы, носившіе съ восхищеніемъ изъ зала въ залу

доносъ въ стихахъ. К. Аксаковъ съ негодованіемъ отвѣчалъ ему тоже стихами, рѣзко клеймя злыя нападки и называя „Не нашими“ различныхъ славянъ, во Христѣ-Богѣ нашемъ жандармствующихъ.

„Обстоятельство это прибавило много горечи въ наши отношенія. Имя поэта, имя чтеца, кругъ, въ которомъ онъ жилъ, кругъ, который этимъ восхищался,—все это сильно раздражало умы“.

Авторъ стихотворнаго произведенія, о которомъ говоритъ Герценъ, былъ Языковъ, поэтъ близкій, родственный и славянофиламъ и Погодину съ Шевыревымъ, которые именно съ особенною настойчивостью и распространяли его пасквильное произведеніе. Такимъ образомъ, изъ описанія событій, сдѣланнаго Герценомъ, этимъ виднымъ представителемъ тогдашней литературной и научной Москвы, мы видимъ, что близость чистаго славянофильства, какъ школы политической, въ лицѣ Хомякова, К. Аксакова и др., съ подобіемъ и внѣшнимъ отраженіемъ славянофильства, въ лицѣ Погодина и Шевырева, дискредитировала самую школу, ея ученіе и ея представителей, смѣшивала ихъ въ понятіи общественномъ и тѣмъ самымъ парализовала ихъ политическое оппозиціонное значеніе.

А. Н. Пыпинъ въ своихъ „Литературныхъ мнѣніяхъ“ опредѣляетъ общественное значеніе того ученія и той группы, къ которой примыкали Погодинъ и Шевыревъ въ ихъ отношеніяхъ къ тогдашней офиціальной дѣйствительности, слѣдующимъ образомъ.

„Мы упомянули,—говоритъ онъ,—что историки этой категоріи (т.-е. офиціальной народности) брались изображать и настоящее. Можно себѣ представить, что это были постоянные и слишкомъ неумѣренные панегирики, историческая амплификація извѣстной темы, что все обстоитъ благополучно, и что граждане благословляютъ свою судьбу. Людямъ разсудительнымъ и тогда странно было читать эти вещи; еще страннѣе было читать ихъ впослѣдствіи, когда теченіе событій совершенно опровергнуло панегирики: неумѣренныя восхваленія иногда становились похожи на иронію...

„Въ дополненіе къ этой исторіи являлись труды, менѣе проникнутые офиціальностью, но не менѣе отличавшіеся восхваленіемъ русской старины, стращаніемъ Европы и превознесеніемъ настоящаго. Однимъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ такой исторіи можетъ служить „Исторія русской словес-

ности, преимущественно древней“ Шевырева и другія произведенія этого писателя, представлявшаго вмѣстѣ съ Погодинымъ особую школу, которой не надо смѣшивать съ славянофильствомъ (хотя между ними было все-таки много общаго). Стиль Шевырева, отличавшійся елейнымъ краснорѣчіемъ, соотвѣтствовалъ содержанію его теоріи, находившей въ древней Руси всѣ нравственные идеалы: онъ опять переносилъ въ прошедшее тѣ понятія и нравы, какими жилъ въ настоящемъ, и, не представляя себѣ возможности иныхъ формъ жизни, прямо выставилъ высшимъ идеаломъ не только личнымъ, но и гражданскимъ, добродѣтель „смиренія“; смыслъ прошедшей исторіи и задачу будущей онъ видѣлъ для русскаго народа въ „приниженіи личности“.

„Такія черты принимала литература, выроставшая изъ тогдашняго положенія вещей, изъ господствующихъ понятій и нравовъ. Она была, съ одной стороны, продолженіемъ консервативнаго романтизма, съ другой, примѣненіемъ офиціальной народности; вообще это была литература неподвижности и застоя, отличавшихъ огромное большинство общества. Она не предполагала ни возможности другого порядка идей, ни возможности сомнѣнія, сурово опекаемая, она не имѣла даже сознанія своего положенія, полагала, что иначе быть не можетъ и не должно, и, наконецъ завершилась мрачнымъ обскурантизмомъ „Маяка“, или, чтобы мнимонаучнымъ образомъ оправдать свое существованіе, возводила въ принципъ отсутствіе всякой личной и общественной свободы и самодѣятельности“.

Съ этой-то литературой и дружила, отчасти по необходимости, отчасти по случайности литература славянофильская, въ ней она до извѣстной степени тонула и растворялась и, благодаря этому несчастному стеченію обстоятельствъ, теряла свою оригинальную физіономію, свою отличительную политическую особенность. Отсюда и незначительность ея общественнаго вліянія и невозможность для нея воздѣйствовать въ строго опредѣленномъ направленіи на развитіе политическихъ идей въ Россіи. Удары, наносимые ей ея принципіальными противниками, часто сыпались на нее не по адресу и незаслуженно. Она искупала грѣхи другихъ и дорого платила за свой случайный и внѣшній союзъ. Правительству Николая Павловича это было на руку, и тѣмъ самымъ оно избавлялось отъ сильнаго врага, который во славу его избивался его же другимъ врагомъ. Западники и славянофилы своей борьбой не на животъ, а на

смерть ослабляли другъ друга, въ своемъ наступательномъ движеніи противъ отживавшаго порядка вещей и только, каждые въ отдѣльности другъ отъ друга, пріуготовляли общественное мнѣніе къ сознанію необходимости въ будущемъ коренной ломки этого порядка и замѣны его новымъ. Вопросъ сводился къ тому: каково же должно быть это новое? Мнѣніе по сему предмету, или, правильнѣе, историческій идеалъ славянофиловъ нами изложенъ. Къ чему же стремились и чего желали ихъ противники—западники, умѣренные и крайніе?

Мы не станемъ обрисовывать, какъ просачивалось „западничество", т.-е. идеи, положенныя въ основаніи западной культуры и всего западно-европейскаго строя, въ нашу литературу и въ сознаніе нашего общества. Это—тема, достаточно исчерпанная, и интересующіеся вопросомъ найдутъ по сему предмету въ трудахъ А. Н. Пыпинз *), А. Н. Веселовскаго **) и В. И. Семевскаго ***) обстоятельныя и доступныя свѣдѣнія. Наша задача другая: въ самыхъ общихъ чертахъ, но на живыхъ людяхъ и фактахъ отмѣтить, каково было политическое западничество въ Николаевскую эпоху, и что оно выставляло въ противовѣсъ и офиціальной народности и славянофильству.

Кружки тридцатыхъ годовъ были охвачены тѣми конституціонными идеями, во имя которыхъ пролилась кровь въ 1825 г., но ихъ конституціонализмъ не отливался въ опредѣленныя программы и формы, и все дѣло сводилось скорѣе къ довольно-таки неотчетливымъ блужданіямъ мысли. Такъ, Кавелинъ, вспоминая впослѣдствіи вліяніе на него Бѣлинскаго, его учителя, говоритъ про него: „Критическое отношеніе ко всей окружающей меня дѣйствительности, соціальной, религіозной и политической, благодаря Бѣлинскому, во мнѣ засѣло, хотя въ очень наивной, неопредѣленной и мечтательной формѣ"; однако самъ Бѣлинскій еще въ 1837 г. былъ далекъ не только отъ какого нибудь политическаго радикализма, но даже отъ либерализма политическаго, доказывая, что Россія не созрѣла для свободы политической, и что „гражданская свобода должна быть плодомъ внутренней свободы каждаго индивида, составляющаго народъ".

---

*) А. Н. Пыпинъ. „Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ. Историческіе очерки".

**) „Западное вліяніе въ новой русской литературѣ Сравнительно-историческіе очерки". Алексѣя Веселовскаго.

***) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка". В. И. Семевскаго.

То же и Станкевичъ, этотъ центръ, вокругъ котораго группировался цвѣтъ молодой либеральной Москвы. Будучи въ 1837 г. за границею, когда на вечерѣ у одной русской дамы шли дебаты на тему о преимуществахъ народнаго представительства въ государствѣ, о всесословномъ участіи народа въ несеніи государственныхъ повинностей и о доступѣ ко всякой государственной дѣятельности, Станкевичъ, возвращаясь съ пріятелями (Невѣровымъ и Грановскимъ) домой, по поводу происходившей бесѣды замѣтилъ: „Предсѣдательница бесѣды забываетъ, что масса русскаго народа остается въ крѣпостной зависимости, и потому не можетъ пользоваться не только государственными, но и общечеловѣческими правами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рано или поздно правительство сниметъ съ народа это ярмо, но и тогда народъ не можетъ принять участіе въ управленіи общественными дѣлами, потому что для этого требуется извѣстная степень умственнаго развитія, и потому, прежде всего, надлежитъ желать избавленія народа отъ крѣпостной зависимости и распространенія въ средѣ его умственнаго развитія. Послѣдняя мѣра сама собою вызываетъ и первую, а потому, кто любитъ Россію, тотъ, прежде всего, долженъ желать распространенія въ ней образованія“.

Тридцатые годы вообще не дали въ смыслѣ развитія политическаго либерализма западнической окраски чего нибудь вполнѣ опредѣленнаго и замѣчательнаго. Скорѣе ихъ нужно разсматривать, какъ своего рода философскую школу, гдѣ отшлифовались умы, гдѣ послѣдніе получили методы мышленія и обращались въ тѣ боевыя знамена, подъ стягомъ которыхъ закипѣла борьба въ послѣдующее десятилѣтіе. Тотъ оселокъ, на которомъ острились умы, была сначала философія Шеллинга, а потомъ Гегеля. „Введеніе Гегелевой философіи было дѣломъ Станкевича, извѣстнаго даровитаго юноши, которому вообще принадлежало большое умственное и нравственное вліяніе въ молодомъ (Московскаго университета) кружкѣ,—повѣствуетъ А. Пыпинъ *).— Его имя въ особенности связано съ развитіемъ Бѣлинскаго и потомъ Грановскаго. Гегелева философія стала всепоглощающимъ интересомъ. Друзья Станкевича, посвященные имъ въ философію Гегеля, увлекались ею, какъ откровеніемъ науки. Она была постояннымъ предметомъ ихъ бесѣдъ и горячихъ споровъ. По разсказамъ современника, „нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ

*) А. Н. Пыпинъ. „Характеристики литературныхъ мнѣній“.

частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи „перехватывающаго духа“, принимали за обиды мнѣнія объ „абсолютной личности“ и о ея *по себѣ бытіи*. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней“. Гегелисты усвоили себѣ особый языкъ, особое пониманіе и толкованіе предметовъ. То же въ искусствѣ. Знаніе второй части Гете было необходимо; философія музыки была обязательна; опала была наложена на итальянскую музыку, на французскую литературу, а главное—*на все политическое*.

Долго такое идеалистическое настроеніе продолжаться не могло; вскорѣ оно въ извѣстной своей части слетѣло съ членовъ кружка, и они вернулись съ неба на землю съ тѣмъ, чтобы еще съ большей страстностью къ ней прильнуть, но элементъ идеализма, почерпнутый изъ новаго періода философскаго крещенія, остался имъ свойственъ навсегда, и этимъ элементомъ проникласъ вся ихъ послѣдующая дѣятельность.

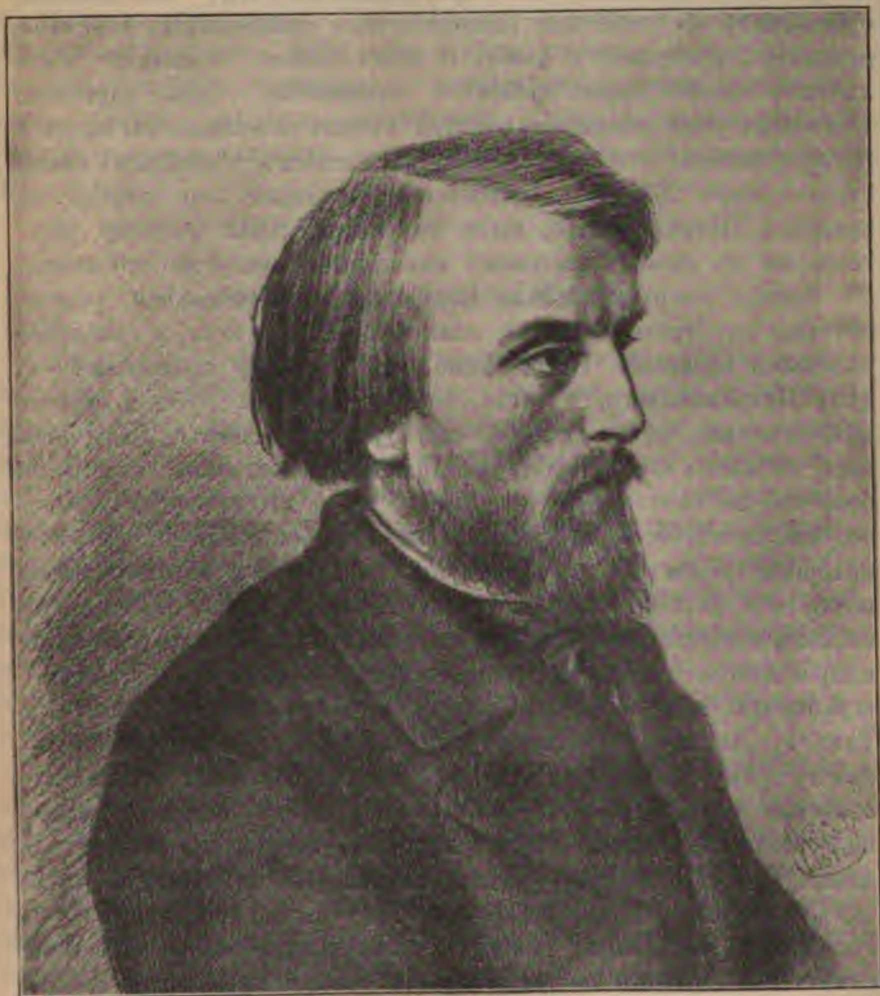
Итакъ, тридцатые годы не дали для политическаго либерализмз реальныхъ результатовъ. Таковой сказался лишь въ слѣдующемъ десятилѣтіи, въ сороковыхъ годахъ, когда, по словамъ А. Н. Пыпина, „кружокъ друзей, которые лѣтъ десять передъ тѣмъ съ юношескимъ энтузіазмомъ увлекались нѣмецкой философіей и были мало замѣтны въ литературѣ, еще полной романтическими преданіями,—этотъ кружокъ съ своими новыми развѣтвленіями, хотя все еще немногочисленный, занималъ въ литературѣ господствующее положеніе. Разнообразная дѣятельность Герцена, университетское преподаваніе и историческія сочиненія Грановскаго, труды по русской исторіи Соловьева, Кавелина, Павлова, Калачева, изученіе европейской новѣйшей исторіи, политико-экономическіе интересы, изученіе новой европейской литературы—въ работахъ Боткина, Кудрявцева, Влад. Милютина, Анненкова, Фролова и т. д.—все это вносило въ литературу содержаніе, полное глубокаго значенія. Эта дѣятельность, проникнутая однимъ общимъ характеромъ—стремленіемъ къ просвѣщенію, къ объясненію русской жизни, къ нравственному освобожденію, съ перваго раза, какъ она могла устано-

виться нѣсколько правильно, привлекла къ себѣ ту часть общества, въ которой были лучшіе задатки, и въ которой подобныя стремленія еще оставались неяснымъ инстинктомъ. Бѣлинскому въ этой дѣятельности принадлежала важная роль: онъ не былъ въ этомъ цѣломъ кругу господствующей личностью, которой и вовсе не было; многимъ онъ даже обязанъ былъ другимъ,—но это былъ человѣкъ страстнаго убѣжденія, неутомимой дѣятельности, и онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ больше всѣхъ другихъ въ распространеніи тѣхъ понятій, которыя составляли содержаніе и особенность такъ называемаго „западнаго направленія".

А. Пыпинъ въ приведенныхъ словахъ очень полно и мѣтко отмѣтилъ значеніе дѣятельности людей „западнаго" направленія: по мѣрѣ силъ и возможности для тогдашняго времени они своею проповѣдью сѣяли истинное *просвѣщеніе*, понимая таковое въ широкомъ и либеральномъ смыслѣ; они объясняли русскую жизнь и освѣщали ее, хотя и очень осторожно, подъ Дамокловымъ мечомъ Николаевской цензуры, ея темныя стороны, ея неправильный, по ихъ мнѣнію, путь развитія, они же взывали къ нравственному освобожденію, толкуя слово „нравственное" не только въ прямомъ и узкомъ пониманіи, но беря его значительно шире и включая сюда и понятія о соціальной и политической свободѣ. Они говорили и писали, правда, эзоповымъ языкомъ, но общій смыслъ словъ былъ ясенъ: свобода, свобода!—прежде всего. И въ государственныхъ учрежденіяхъ Запада эта свобода ими именно усматривалась, въ построеніяхъ западной мысли она для нихъ отливалась, какъ въ радугѣ разноцвѣтными переливами. Въ этомъ заключалась ихъ наступательная роль по отношенію Николаевскаго режима, который они старательно и успѣшно подтачивали, пріуготовляя русское общество къ лучшему будущему и указывая ему пути этого будущаго. Правительство побѣдителя декабристовъ прекрасно понимало ихъ разрушительную роль и дѣятельность, всячески принимало съ своей стороны мѣры къ тому, чтобы положить предѣлъ этой дѣятельности, но противникъ, по большей части, бывалъ неуязвимъ: съ идеями и фактами, изложенными въ легальной формѣ, по извѣстнымъ поводамъ и въ опредѣленныхъ положеніяхъ борьба была сплошь и рядомъ непосильна даже Бенкендорфамъ, и опредѣленный порядокъ мыслей дѣлалъ свое дѣло быстро и вѣрно.

Какой нибудь строго опредѣленной программы съ указаніемъ

ея политическаго выполненія западники и въ сороковыхъ годахъ не выставляли. Все сводилось къ дискредитированію дѣйствительности и тѣхъ знаменитыхъ основъ, на коихъ покоилось могущество Николаевской Россіи. Минуя рядъ документовъ и



Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

показаній по сему вопросу, позволяемъ себѣ привести одинъ чрезвычайно любопытный документъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточилось настроеніе западниковъ въ тѣ приснопамятные годы. Документъ этотъ—бывшее легендарнымъ доселѣ, знаменитое историческое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, о которомъ

много говорено въ печати, которое было извѣстно лишь въ отрывкахъ и въ рукописи, но подлинный текстъ котораго полностью возможно было, въ связи съ облегченіями дѣла печати, опубликовать лишь послѣ 17 октября 1905 года *). Политическій памфлетъ Бѣлинскаго былъ страстнымъ голосомъ западниковъ, бросившихъ къ подножію Николаевскаго самодержавія всю свою ненависть, презрѣніе и злобу. И этотъ голосъ страшный абсолютизму именно своею злобою и ненавистью, былъ настолько вліятеленъ, что всякое знакомство съ историческимъ письмомъ и распространеніе его считалось преступленіемъ, достойнымъ самой строгой кары. Бѣдный Достоевскій, читавшій это письмо на вечерѣ у Петрашевскаго, былъ въ значительной степени приговоренъ къ своему жестокому наказанію именно за это чтеніе.

Ранняя смерть избавила Бѣлинскаго отъ печальной участи, которая ему грозила за его пламенное слово, хотя и сказанное частнымъ образомъ. Несомнѣнно, онъ былъ бы привлеченъ по дѣлу Петрашевскаго, и тогда, весьма вѣроятно, русскій кровавый синодикъ увеличился бы еще однимъ именемъ. Не становясь цѣликомъ на сторону взглядовъ знаменитаго письма и особенно не сочувствуя его рѣзкому тону, мы приводимъ здѣсь его цѣликомъ, безъ пропусковъ, какъ любопытный историческій матеріалъ и документъ, облетѣвшій въ рукописи въ свое время почти всю Россію, и который можно разсматривать въ его историческомъ значеніи, какъ первую вліятельную русскую прокламацію, направленную противъ правительства, — прокламацію, распространенную въ рукописныхъ спискахъ въ громадномъ количествѣ. Такъ И. Аксаковъ по поводу популярности этого письма писалъ своему отцу: „Много я ѣздилъ по Россіи, имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько нибудь мыслящему юношѣ, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдѣльныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ... Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ, — говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого

*) „Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю“ полностью изданно впервые С. А. Венгеровымъ.

слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансинаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго".

Вотъ это историческое письмо.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Вы только отчасти правы, увидавъ въ моей статьѣ *разсерженнаго* человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ дѣйствительно не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ, но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большого числа, и которыя въ свою очередь тоже никогда не видали насъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные—Чичиковы, Ноздм-

ревы, Городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы видите сами, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ. Если бы она и была написана вслѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатлѣніе. И если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но черезчуръ нецеремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли,—въ этомъ виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россію только, какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что сколько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего *прекраснаго далека*; а вѣдь извѣстно, что ничего легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть; потому, что въ этомъ *прекрасномъ далекѣ* вы живете совершенно чуждымъ ему, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ!), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ,— права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлищѣ страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ—не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь—уничтоженіе крѣпостнаго права, отмѣненіе тѣлеснаго

наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами, и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что̀ доказывается его робкими безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ одно-хвостнаго кнута трехвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатичномъ снѣ! И въ это-то время великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ,—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе?.. Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ! если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволова ученія—совсѣмъ не то написали бы въ вашей новой книгѣ. Вы сказали бы помѣщику, что, такъ какъ крестьяне его братья о Христѣ, а какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ долженъ или дать имъ свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами, какъ можно выгоднѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти, въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ.

А выраженіе: „*Ахъ, ты неумытое рыло*!“ Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго? Да это и такъ у насъ дѣлается въ частую, хотя еще чаще всего порютъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія, и другая поговорка говоритъ тогда: безъ вины виноватъ! И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтлѣнія! Не можетъ быть! Или вы больны: и вамъ нужно спѣшить лѣчиться или... не смѣю досказать моей мысли... Проповѣдникъ

кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ абскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ—что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною... Что вы подобное ученіе опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли общаго между нимъ и какою нибудь, тѣмъ болѣе православною церковью? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было *спасеніемъ* людей, пока не организовалось въ церковь и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи. Церковь же явилась іерархіей, стало быть, поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми, чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой нибудь, Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ кости его, нежели всѣ ваши попы, архіереи, митрополиты, патріархи! Неужели вы этого не знаете! Вѣдь это теперь не новость для всякаго гимназиста... А потому неужели вы, авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“, неужели вы искренно отъ души пропѣли гимнъ гнусному русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше духовенства католическаго? Положимъ, вы не знаете, что второе когда-то было чѣмъ-то, между тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было, кромѣ какъ слугою и рабомъ свѣтской власти; но неужели же въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Не есть ли попъ на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. А русскій произноситъ имя Божіе, почесывая себѣ. . . . Онъ говоритъ объ образѣ: *годится—молиться, а негодится - горшки покрывать.*

Приглядитесь попристальнѣе, и вы увидите, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ и слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами

цивилизаціи, но религіозность часто уживается съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и теперь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными, гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не привилась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ, исключительныхъ личностей, отличающихся такою холодною аскетической созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинять въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, его скорѣе можно похвалить за образцовый индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольническихъ сектахъ, столь противоположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею численно

Не буду распространяться о вашемъ диѳирамбѣ любовной связи русскаго народа съ его владыками. Скажу прямо: этотъ диѳирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по ихъ направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да и выгодно), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего *прекраснаго далека:* вблизи-то оно не такъ красиво и не такъ безопасно... Замѣчу только одно: когда европейцемъ, особенно католикомъ овладѣетъ религіозный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей-психіатровъ подъ именемъ religiosa mania, онъ тотчасъ же земному богу подкуритъ болѣе, нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ хоть и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ скомпрометировалъ бы себя въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ, русскій человѣкъ!...

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна. Что сказать вамъ

на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы не знали, что говорили... Но, можетъ быть, вы скажете: „Положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложны, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?“ Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ; но за то они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и съ большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ; тогда какъ вы, не желая поставить по свѣчкѣ и тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивали, напримѣръ, Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея погибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что же касается естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія—ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну наслѣдника. Еще въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ о Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете неудовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда ими будетъ доволенъ царь. Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики, и какъ писателя еще болѣе человѣка?...

Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но, сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находятъ исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почетно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмило мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое, такъ называемое, либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, искренно или неискренно отдающихъ себя въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ—Пушкинъ, которому стоило написать только два-три вѣрноподданническихъ стихотворенія и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ душахъ“ вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія правды высказали ей? И старая школа, дѣйствительно, сердилась на васъ до бѣшенства, но „Ревизоръ“ и „Мертвыя души“ отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною паденію вашей книги!..

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ

Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ,—мои друзья пріуныли; но я тогда же сказалъ имъ, что, несмотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха, и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно, она памятнѣе теперь всѣми статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубокъ, хотя и не развитъ еще инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль довести о немъ до свѣдѣнія публики была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно, и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда не носившіе его въ груди своей, или потерявшіе его. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжело зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей,—тотъ носитъ Христа въ груди своей, и тому незачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смиреніе, проповѣдываемое вами, во-первыхъ, не ново, а, во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, страшною гордостью, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ можетъ быть плодомъ или гордости или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ неизбѣжно къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ въ вашей книгѣ вы позволили себѣ цинически-грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжливо), но и о самомъ себѣ—это уже гадко; потому что, если человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, то человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги!

И что за языкъ, что за фразы? „Дрянь и тряпка сталъ теперь всякъ человѣкъ“, неужели вы думаете, что сказать *всякъ* вмѣсто *всякій* значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что, когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ! Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ—произведеніе автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“.

Что же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы это только разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ не хорошъ. Я понимаю необходимость иногда щелкнуть глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела, потому-что какъ-то по-человѣчески не ловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все же не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ и вашимъ врагамъ, да еще вдобавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы, конечно, сдѣлали это по увлеченію главной мыслью вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземскій, это князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развилъ вашу мысль и напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть, на меня всѣхъ болѣе) частный доносъ. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого риѳмоплета, произвели въ великіе поэты, кажется, сколько я помню, за его „вялый, влачащійся по землѣ стихъ". Все это не хорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ; не могъ, да, признаться, и не захотѣлъ бы знать. Передо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи, я не могъ этого сдѣлать, ибо тамошніе „Шпе-

кины“ распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу, и Некрасовъ переслалъ мнѣ ваше письмо въ Зальцбруннъ, откуда я сегодня же ѣду съ Анненковымъ въ Парижъ, черезъ Франкфуртъ на Майнѣ. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ, что я заблуждался въ моихъ о васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому; но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи. И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія.

Зальцбруннъ.
15 іюля 1847 г.

Письмо Бѣлинскаго было собственно голосомъ Петербурга, гдѣ къ тому времени съ переѣздомъ сюда Бѣлинскаго и съ расцвѣтомъ „Современника“ образовалась главная штабъ-квартира западничества, откуда и давался пароль и лозунгъ по всей линіи. Главный пароль, во имя котораго тѣсно сдвинулась сѣверная дружина, былъ крестьянскій вопросъ, т.-е. вопросъ объ уничтоженіи крѣпостничества. Этотъ вопросъ старой давности, смущавшій еще чуткое сердце Радищева, сталъ въ кругу петербургскихъ литераторовъ-западниковъ тѣмъ главнымъ мѣстомъ русской жизни, на которое обращено было особенное вниманіе, во имя котораго слагалъ свой „унылый“ стихъ Некрасовъ, которому посвятили свое дарованіе Тургеневъ, Григоровичъ и др. Политика, какъ таковая, по условіямъ цензуры, представлялась, конечно, слабо, а потому, состоя подъ бдительнымъ надзоромъ верховнаго правителя, западники не могли какъ нибудь конкретно выразить въ общей формулѣ весь символъ своей поли-

тической вѣры. Между ними были и люди, согласные принять существующую форму правленія, но лишь на условіи, что Россіи будутъ даны реформы, гдѣ въ первую голову неизмѣнно ставился вопросъ объ упраздненіи крѣпостничества, затѣмъ слѣдовали пожеланія свободы гласности, реформы суда, расширенія областнаго самоуправленія. Эта была очень ходячая либеральная программа, встрѣчавшая горячее сочувстіе и пользовавшаяся популярностью. Въ слѣдующемъ періодѣ русской жизни именно эта-то программа и получила право гражданства и увидѣла свое осуществленіе.

Были и другіе, иные элементы жизни, которые, признавая указанныя реформы неотложными, не считали ихъ исчерпывающими вопросъ во всемъ его историческомъ объемѣ и ставили на очередь вопросъ о коренной реформѣ основныхъ, „незыблемыхъ" законовъ, т.-е. объ ограниченіи самодержавія. Одну изъ тенденцій въ такомъ направленіи мы видѣли среди петрашевцевъ, гдѣ нѣкоторые опредѣленно высказывались за необходимость русской конституціи и даже дѣлали предположенія о средствахъ и способахъ ея осуществленія. Западническое направленіе и связанный съ нимъ политическій либерализмъ такимъ образомъ при всей суровости петербургскаго режима и даже прямо ему пропорціонально проникли собою столичное общество, увлекая въ водоворотъ будущихъ событій всѣ интеллигентные слои, во главѣ съ міромъ журналистовъ и университетскихъ ученыхъ.

Что же дѣлалось въ Москвѣ въ тѣ годы?

Описывая свой пріѣздъ съ женою въ Бѣлокаменную въ 1842 г., Герценъ говоритъ *): „Новые друзья насъ приняли горячо, гораздо луше, чѣмъ два года назадъ. Въ ихъ главѣ стоялъ Грановскій, ему принадлежитъ главное мѣсто этого пятилѣтія. Огаревъ былъ почти все время въ чужихъ краяхъ. Грановскій замѣнялъ его намъ, и лучшими минутами того времени мы обязаны ему. Великая сила любви лежала въ этой личности. Со многими я былъ согласнѣе въ мнѣніяхъ, но съ нимъ я былъ ближе—тамъ гдѣ-то въ глубинѣ души.

„Грановскій и всѣ мы были сильно заняты, всѣ работали и трудились, кто занимая каѳедры въ университетѣ, кто участвуя въ обозрѣніяхъ и журналахъ, кто изучая русскую исторію. Къ этому времени относится начало всего сдѣланнаго потомъ.

---

*) Сочиненія. „Былое и Думы".

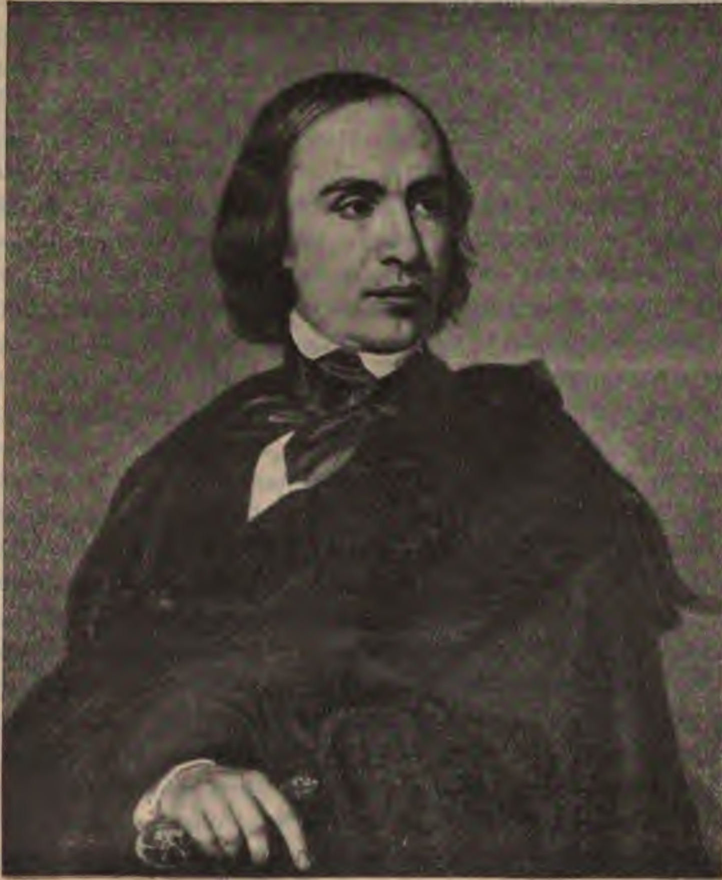
„Мы были уже очень не дѣти; въ 1842 г. мнѣ стукнуло тридцать лѣтъ; мы слишкомъ хорошо знали, куда насъ вела наша дѣятельность, но шли. Не опрометчиво, но обдуманно продолжали мы нашъ путь съ тѣмъ успокоеннымъ ровнымъ шагомъ, къ которому пріучили насъ опытъ и семейная жизнь. Это не значило, что мы состарились, нѣтъ, мы были въ то же время юны, и отъ того одни, выходя на университетскую каѳедру, другіе, печатая статьи или издавая газету, каждый день подвергались аресту, отставкѣ, ссылкѣ.

„Такого круга людей талантливыхъ, развитыхъ, многостороннихъ и чистыхъ я не встрѣчалъ потомъ нигдѣ, ни на высшихъ вершинахъ политическаго міра, ни на послѣднихъ маковкахъ литературнаго и аристократическаго. А я много ѣздилъ, вездѣ жилъ и со всѣми жилъ; революціей меня прибило къ тѣмъ краямъ развитія, далѣе которыхъ ничего нѣтъ, и я по совѣсти долженъ повторить то же самое".

Итакъ, Москва сороковыхъ годовъ продолжала жить замкнутой, кружковой жизнью, гдѣ во главѣ западниковъ давалъ всему тонъ Грановскій. Въ его лицѣ, по словамъ Герцена, „московское общество привѣтствовало рвущуюся къ свободѣ мысль Запада, мысль умственной независимости и борьбы за нее". Сердечно характеризуя своего друга, Герценъ со свойственной только ему литературной художественностью, такъ обрисовываетъ его портретъ и опредѣляетъ его дѣятельность: „Грановскій не былъ ни боецъ, какъ Бѣлинскій, ни діалектикъ, какъ Бакунинъ. Его сила была не въ рѣзкой полемикѣ, не въ смѣломъ отрицаніи, а именно въ положительно нравственномъ вліяніи, въ безусловномъ довѣріи, которое онъ вселялъ, въ художественности его натуры, покойной ровности его духа, въ чистотѣ его характера и въ постоянномъ глубокомъ протестѣ противъ существующаго порядка въ Россіи. Не только слова его дѣйствовали, но и его молчаніе: мысль его, не имѣя права высказываться, проступала такъ ярко въ чертахъ его лица, что ее трудно было не прочесть. Грановскій сумѣлъ въ мрачную годину гоненій сохранить не только каѳедру, но и свой независимый образъ мыслей, и это потому, что въ немъ съ рыцарской отвагой, съ полною преданностью страстнаго убѣжденія, стройно сочетавалась женская нѣжность, мягкость формъ и та примиряющая стихія, о которой мы говорили.

„Грановскій напоминаетъ мнѣ рядъ задумчиво покойныхъ проповѣдниковъ-революціонеровъ временъ реформаціи; не тѣхъ

бурныхъ, грозныхъ, которые въ „гнѣвѣ своемъ чувствуютъ вполнѣ свою жизнь“, какъ Лютеръ, а тѣхъ ясныхъ, кроткихъ, которые такъ же просто надѣвали вѣнокъ славы на свою голову, какъ и терновый вѣнокъ.



Тимофей Николаевичъ Грановскій.

„Они невозмущаемо тихи, идутъ твердымъ шагомъ, но не топаютъ; людей этихъ боятся судьи, имъ съ ними неловко, ихъ примирительная улыбка оставляетъ по себѣ угрызеніе совѣсти у палачей.

„Таковъ былъ самъ Колиньи, лучшіе изъ жирондистовъ, и дѣйствительно Грановскій, по всему строенію своей души,

по ея романтическому складу, по нелюбви къ крайностямъ, скорѣе былъ бы гугенотъ и жирондистъ, чѣмъ анабаптистъ или монтаньяръ.

„Вліяніе Грановскаго на университетъ и на все молодое поколѣніе было огромно и пережило его; длинную свѣтлую полосу оставилъ онъ по себѣ"...

„Глубокій протестъ противъ существующаго порядка въ Россіи"—вотъ то знамя, подъ которымъ, на виду у всѣхъ, стоялъ Грановскій, что привлекло къ нему массы, и чѣмъ наполнялись ея чувства и мысли. Но, кромѣ этой, такъ сказать, критической стороны дѣятельности, за нимъ оставалась и положительная: „рвущаяся къ свободѣ мысль запада, мысль умственной независимости и борьба за нее". Въ такомъ настроеніи воспитывалось московское общество, и такимъ образомъ и въ этомъ центрѣ русской жизни наблюдается кипѣніе общественныхъ силъ, потокъ которыхъ предназначался къ уничтоженію со временемъ созданнаго Николаемъ Павловичемъ порядка вещей. Въ Петербургѣ скоплялись элементы активные, радикально-дѣйствующіе, въ Москвѣ эти элементы носили болѣе спокойный характеръ, но цѣли ихъ по существу дѣла были тѣ же. И обѣ столицы одинаково вмѣстѣ съ тѣмъ приносили ужасному режиму свои роковыя жертвы. На берегахъ Невы чахоточный, съ кровавой пѣной на губахъ и съ политическою злобою во взорѣ, подъ гнетомъ дѣйствительности, умиралъ Бѣлинскій, а въ Бѣлокаменной тихо, съ грустію ко взорѣ угасалъ Грановскій „не отъ угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ, и которое по этому самому пагубнѣе перваго". Оба представителя западничества были въ прямомъ смыслѣ слова тѣми жертвами, которыя взяла себѣ безжалостная эпоха, и ихъ кровь и кости покрыли собою путь, по которому должны были пройти слѣдующія поколѣнія навстрѣчу радостному утру русской жизни послѣ ужаснаго севастопольскаго погрома.

ГЛАВА XIV.

Начало политической эмиграціи.—Бакунинъ.—Его рѣчь на банкетѣ въ годовщину польскаго возстанія.—Отъѣздъ Герцена заграницу.—Прощаніе „съ того берега" съ друзьями.—Реформаторскія пожеланія Николая Павловича.—Крестьянскія волненія.—Крымская война.—„Политическое письмо" Погодина.—Николаевская Россія въ изображеніи Хомякова.—Судьба Бакунина.—Дѣятельность Герцена заграницей.—Его программа по крестьянскому вопросу.—Севастопольскій разгромъ. — Кончина Николая Павловича. — Письмо Герцена къ Александру II.

Въ то время, какъ одни, подобно Бѣлинскому и Грановскому, принесли себя въ жертву на родинѣ во имя будущаго этой родины, другіе рѣшили свой жизненый путь иначе. Они ни въ жертву себя не принесли, ни покорились существующему порядку, а, получивъ къ тому счастливый случай и подходящую возможность, перенесли свои кипучія силы на „другой берегъ", гдѣ и объявили русскому правительсту открытую борьбу, начавъ собою такимъ образомъ длинную и сложную исторію русской эмиграціи, о которой не разъ придется говорить въ нашихъ послѣдующихъ очеркахъ, посвященныхъ „исторіи русской революціи". Бакунинъ, Герценъ, Огаревъ—вотъ они, піонеры русской эмиграціи и первые политическіе представители свободнаго русскаго голоса за рубежемъ отчизны.

Начавъ съ поклоненія правому крылу гегеліанства, Бакунинъ съ 1840 г. всего тѣснѣе изъ философовъ-москвичей примыкаетъ къ Герцену и Огареву и, благодаря имъ и ихъ денежной поддержкѣ, въ 1841 г. появляется уже въ Берлинѣ, но далеко не съ какою нибудь политическою цѣлью, а въ интересахъ просвѣщенія и усовершенствованія своихъ философскихъ познаній. При его громадныхъ способностяхъ его друзьямъ на первое время начинаетъ казаться, что „Мишель"—будущій ученый, но эта ученость была мнимая, мимолетная: природный бунтарь проснулся скоро, расправилъ свои силы и уже въ 1843 г. сталъ передъ нѣсколько озадаченной Европой во весь свой колоссальный ростъ. Россія впервые поставляла своей западной сосѣдкѣ удивительнаго экземпляра изъ числа своихъ сыновъ, который своимъ зычнымъ голосомъ легко перекрикивалъ самые революціонные европейскіе голоса. Въ немъ все было какъ-то стихійно, и въ этомъ быломъ діалектикѣ-гегеліанцѣ и отставномъ артиллеристѣ невольно сказывался духъ и обликъ волжскаго бога-

по ея романтическому складу, по нелюбви къ крайностямъ, скорѣе былъ бы гугенотъ и жирондистъ, чѣмъ анабаптистъ или монтаньяръ.

„Вліяніе Грановскаго на университетъ и на все молодое поколѣніе было огромно и пережило его; длинную свѣтлую полосу оставилъ онъ по себѣ“...

„Глубокій протестъ противъ существующаго порядка въ Россіи“—вотъ то знамя, подъ которымъ, на виду у всѣхъ, стоялъ Грановскій, что привлекло къ нему массы, и чѣмъ наполнялись ея чувства и мысли. Но, кромѣ этой, такъ сказать, критической стороны дѣятельности, за нимъ оставалась и положительная: „рвущаяся къ свободѣ мысль запада, мысль умственной независимости и борьба за нее“. Въ такомъ настроеніи воспитывалось московское общество, и такимъ образомъ и въ этомъ центрѣ русской жизни наблюдается кипѣніе общественныхъ силъ, потокъ которыхъ предназначался къ уничтоженію со временемъ созданнаго Николаемъ Павловичемъ порядка вещей. Въ Петербургѣ скоплялись элементы активные, радикально-дѣйствующіе, въ Москвѣ эти элементы носили болѣе спокойный характеръ, но цѣли ихъ по существу дѣла были тѣ же. И обѣ столицы одинаково вмѣстѣ съ тѣмъ приносили ужасному режиму свои роковыя жертвы. На берегахъ Невы чахоточный, съ кровавой пѣной на губахъ и съ политическою злобою во взорѣ, подъ гнетомъ дѣйствительности, умиралъ Бѣлинскій, а въ Бѣлокаменной тихо, съ грустію ко взорѣ угасалъ Грановскій „не отъ угнетенія, противъ котораго возстаютъ люди, а того, которое они сносятъ съ какимъ-то трогательнымъ умиленіемъ, и которое по этому самому пагубнѣе перваго“. Оба представителя западничества были въ прямомъ смыслѣ слова тѣми жертвами, которыя взяла себѣ безжалостная эпоха, и ихъ кровь и кости покрыли собою путь, по которому должны были пройти слѣдующія поколѣнія навстрѣчу радостному утру русской жизни послѣ ужаснаго севастопольскаго погрома.

какъ бы проклятіе, брошенное въ лицо всѣмъ притѣснителямъ Польши; я прихожу въ него, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимымъ уваженіемъ къ моему отечеству.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

„Мнѣ небезызвѣстно, насколько Россія не популярна въ Европѣ. Поляки смотрятъ на нее, не безъ основанія, быть можетъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ ихъ несчастій! Люди независимые въ другихъ странахъ видятъ въ столь быстромъ развитіи ея могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народовъ. Повсюду имя русскаго является сино-

тыря, Стеньки Разина, съ его широкимъ размахомъ и призывомъ къ разрушенію и общему хаосу. 1843 г. застаетъ Бакунина въ Швейцаріи, гдѣ онъ примыкаетъ къ партіи соціалистовъ, и его имя фигурируетъ въ процессѣ извѣстнаго нѣмецкаго коммуниста, портного Вейтлинга.

Правительство Николая Павловича встрепенулось и насторожилось. Изъ Петербурга послѣдовалъ запросъ швейцарскому правительству, а, по полученіи надлежащаго отвѣта, Бакунину предложено было немедленно явиться на родину. Блудный сынъ отвѣтилъ отказомъ своему отцу-монарху, и тогда, по повелѣнію Николая I, надъ нимъ былъ наряженъ заочный судъ, по приговору котораго Бакунинъ былъ лишенъ дворянства, имущество его объявлено конфискованнымъ, и въ случаѣ его появленія въ Россію ему назначена ссылка въ Сибирь *).

Громко о себѣ Бакунинъ заставляетъ говорить уже въ 1847 г., когда на банкетѣ въ годовщину польскаго возстанія 1830 г. онъ произноситъ свою первую политическую рѣчь, гдѣ отъ имени оппозиціонной и революціонной Россіи бросаетъ передъ лицомъ всей Европы императору Николаю обвиненіе по всѣмъ статьямъ. Эта рѣчь была первымъ громкимъ вольнымъ голосомъ русскаго человѣка за рубежомъ отчизны, гдѣ онъ съ потрясающею ненавистью излилъ передъ слушателями всю злобу, накопившуюся у него въ груди долгими годами отъ всего имъ прожитаго и пережитаго. Наравнѣ съ письмомъ Бѣлинскаго считаемъ необходимымъ воспроизвести ее въ нашихъ очеркахъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ ея частяхъ, которыя касаются русскихъ дѣлъ, какъ документъ, имѣющій важное историческое значеніе для исторіи борьбы общественныхъ силъ съ правительствомъ.

Бакунинъ началъ свою рѣчь такъ:

„Господа.

„Настоящая минута для меня очень торжественная. Я русскій и прихожу въ это многочисленное собраніе, которое сошлось, чтобъ праздновать годовщину польскаго возстанія, и котораго одно присутствіе здѣсь есть уже родъ вызова, угроза и

---

*) Вмѣстѣ съ Бакунинымъ однородная опала распространилась и на И. Г. Головина бывшаго дипломата, позволившаго себѣ опубликовать за границею сочиненія, компрометирующія Россію и царствованіе Николая I.

какъ бы проклятіе, брошенное въ лицо всѣмъ притѣснителямъ Польши; я прихожу въ него, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимымъ уваженіемъ къ моему отечеству.

Михаилъ Александровичъ Бакунинъ.

„Мнѣ небезызвѣстно, насколько Россія не популярна въ Европѣ. Поляки смотрятъ на нее, не безъ основанія, быть можетъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ ихъ несчастій! Люди независимые въ другихъ странахъ видятъ въ столь быстромъ развитіи ея могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народовъ. Повсюду имя русскаго является сино-

нимомъ грубаго угнетенія и позорнаго рабства. Русскій, во мнѣніи Европы, есть не что другое, какъ гнусное орудіе завоеванія въ рукахъ ненавистнѣйшаго, какъ и опаснѣйшаго деспотизма. Господа, не для того, чтобъ оправдывать Россію отъ преступленій, въ которыхъ ее обвиняютъ, не для того, чтобъ отрицать истину, взошелъ я на эту трибуну. Я не хочу пробовать невозможное. Истина становится болѣе, чѣмъ когда либо, нужною для моего отечества.

„Итакъ, да, мы—еще народъ рабскій! У насъ нѣтъ свободы, нѣтъ достоинства человѣческаго. Мы живемъ подъ отвратительнымъ деспотизмомъ, необузданнымъ въ его капризахъ, безграничнымъ въ дѣйствіи. У насъ нѣтъ никакого права, никакого суда, никакой апелляціи противъ произвола; мы не имѣемъ ничего, что составляетъ достоинство и гордость народовъ. Нельзя вообразить положеніе болѣе несчастное и болѣе унизительное.

„Извнѣ наше положеніе не менѣе плачевно. Будучи пассивными исполнителями мысли, которая для насъ чужая, воли, которая такъ же противна нашимъ интересамъ, какъ и нашей чести, мы страшно ненавидимы, я хотѣлъ даже сказать, почти презираемы, потому что на насъ повсюду смотрятъ, какъ на враговъ цивилизаціи и человѣчества. Наши повелители пользуются нашими руками для того, чтобы сковать міръ, чтобъ поработить народы, и всякій успѣхъ ихъ есть новый позоръ, прибавленный къ нашей исторіи“.

Сдѣлавъ такой приступъ, Бакунинъ перешелъ къ польскому вопросу, связалъ симпатіи съ полякамъ передовыхъ представителей русскаго общества и перешелъ къ грозной филиппикѣ по адресу николаевскаго режима:

„Я знаю, въ Европѣ вообще думаютъ, что мы съ нашимъ правительствомъ составляемъ нераздѣльное цѣлое, что мы чувствуемъ себя очень счастливыми подъ управленіемъ Николая, что онъ и его система, притѣснительная внутри и наступательная извнѣ, прекрасно выражаютъ нашъ національный духъ.

„Все это неправда.

„Нѣтъ, господа, народъ русскій не чувствуетъ себя счастливымъ! Я говорю это съ радостью, съ гордостью. Потому что, если бы счастье было возможно для него въ той мерзости, въ которую онъ погруженъ, это былъ бы самый подлый, самый гнусный народъ въ мірѣ. Нами тоже управляетъ иностранная рука, монархъ происхожденія нѣмецкаго, который не пойметъ

никогда ни нуждъ, ни характера народа русскаго, и котораго правительство, странная смѣсь монгольской грубости и прусскаго педантизма, совершенно исключаетъ національный элементъ. Такимъ образомъ, лишенные политическихъ правъ, мы не имѣемъ даже той свободы натуральной, — патріархальной, такъ сказать, — которою пользуются народы наименѣе цивилизованные, и которая позволяетъ, по крайней мѣрѣ, человѣку отдохнуть сердцемъ въ родной средѣ и отдаться вполнѣ инстинктамъ своего племени. Мы не имѣемъ ничего этого; никакой жестъ натуральный, никакое свободное движеніе намъ не дозволено. Намъ почти запрещено жить, потому что всякая жизнь предполагаетъ извѣстную независимость, а мы только бездушныя колеса въ этой чудовищной машинѣ притѣсненія и завоеванія, которую называютъ Русской имперіей. Но, господа, предположите, что у машины есть душа и, быть можетъ, вы тогда составите себѣ понятіе объ огромности нашихъ страданій. Мы не избавлены ни отъ какого стыда, ни отъ какой муки, и мы имѣемъ всѣ несчастія Польши безъ ея чести.

„Безъ ея чести, — сказалъ я, — и я настаиваю на этомъ выраженіи для всего, что есть правительственнаго, официальнаго, политическаго въ Россіи.

„Нація слабая, истощенная, могла бы нуждаться во лжи, для поддержанія жалкихъ остатковъ существованія, которое угасаетъ. Но Россія не въ такомъ положеніи, славу Богу! Природа этого народа попорчена только на поверхности: сильная, могучая и молодая, — ей только надо опрокинуть препятствіе, которымъ смѣютъ ее окружать, — чтобъ показаться во всей первобытной красотѣ, чтобъ развить всѣ свои невѣдомыя сокровища, чтобъ показать наконецъ всему свѣту, что русскій народъ имѣетъ право на существованіе не во имя грубой силы, какъ думаютъ обыкновенно, но во имя всего, что есть наиболѣе благороднаго, наиболѣе священнаго въ жизни народовъ, во имя человѣчности, во имя свободы.

„Господа, Россія не только несчастна, но и недовольна, — терпѣніе ея готово истощиться. Знаете ли вы, что говорится на ухо даже при дворѣ въ Петербургѣ? Знаете ли, что думаютъ приближенные, фавориты, даже министры и литераторы? Что царствованіе Николая похоже на царствованіе Людовика XV. Всѣ предчувствуютъ грозу, — грозу близкую, ужасную, которая пугаетъ многихъ, но которую нація призываетъ съ радостію.

„Внутреннія дѣла страны идутъ ужасно дурно. Это—полная анархія со всѣми видимостями порядка. Подъ внѣшностію іерархическаго формализма, крайне строгаго, скрываются отвратительныя раны; наша администрація, наша юстиція, наши финансы, все это одна ложь: ложь, чтобъ обмануть заграничное мнѣніе, ложь, чтобъ усыпить чувство безопасности и сознаніе императора, который поддается ей тѣмъ охотнѣе, что дѣйствіетельное положеніе дѣлъ его пугаетъ. Это — наконецъ организація на большую руку, организація, такъ сказать, обдуманная и полная несправедливости, варварства и грабежа, потому, что всѣ слуги царя, начиная отъ тѣхъ, которые занимаютъ наивысшія должности и оканчивая самыми мелкими уѣздными чиновниками, разоряютъ, обкрадываютъ страну, совершаютъ несправедливости самыя вопіющія, самыя отвратительныя насилія, безъ малѣйшаго стыда, безъ малѣйшаго страха, публично, среди бѣлаго дня, съ нахальствомъ и грубостью безпримѣрными, не давая себѣ даже труда скрывать свои преступленія передъ негодованіемъ публики, настолько они увѣрены въ своей безнаказанности.

„Императоръ Николай принимаетъ иногда видъ, будто онъ хочетъ остановить ростъ этой страшной испорченности, но какъ можетъ онъ устранить зло, котораго главная причина въ немъ самомъ, въ основѣ самаго его правительства,—и вотъ гдѣ тайна его глубокаго безсилія къ добру. Потому что правительство, которое кажется такимъ импозантнымъ извнѣ, внутри страны безсильно: ничто ему не удается, всѣ преобразованія, которыя оно предпринимаетъ, тотчасъ же обращаются въ ничто. Имѣя опорой своей только двѣ самыя гнусныя страсти человѣческаго сердца: продажность и страхъ, дѣйствуя внѣ всѣхъ національныхъ инстинктовъ, внѣ всѣхъ интересовъ, всѣхъ полезныхъ силъ страны, правительство Россіи ослабляетъ себя каждый день своимъ собственнымъ дѣйствіемъ и разстраиваетъ себя страшнымъ образомъ. Оно волнуется, кидается съ мѣста на мѣсто, перемѣняетъ ежеминутно проекты и идеи, оно предпринимаетъ сразу много, но не осуществляетъ ничего. У него есть одна только сила—вредить, и ею оно пользуется широко, какъ будто оно хотѣло само ускорить минуту своей гибели. Чуждое и враждебное странѣ посреди самой этой страны, оно отмѣчено для будущаго паденія.

„Враги его повсюду: во-первыхъ, эта страшная масса крестьянъ, которые не ждутъ болѣе отъ императора своего осво-

божденія, и которыхъ бунты съ каждымъ днемъ все болѣе частые показываютъ, что они устали ждать; далѣе классъ промежуточный, очень многочисленный и состоящій изъ элементовъ очень различныхъ, классъ безпокойный, буйственный, который бросится со страстью въ первое революціонное движеніе.

„Наконецъ и особенно это—безчисленная армія, которая покрываетъ все пространство имперіи. Николай смотритъ, правда, на своихъ солдатъ, какъ на своихъ лучшихъ друзей, какъ на самыя твердыя опоры трона: но это—странная иллюзія, которая не преминетъ сдѣлаться для него гибельною. Какъ! Опора трона, эти люди, вышедшіе изъ рядовъ народа, такъ глубоко несчастнаго, люди, которыхъ отрываютъ грубо отъ ихъ семействъ, которыхъ ловятъ, какъ дикихъ звѣрей, по лѣсамъ, гдѣ они прячутся, часто изуродовавши сами себя, чтобъ избавиться отъ рекрутства, которыхъ ведутъ закованными въ полки ихъ, гдѣ они приговорены въ теченіе 20 лѣтъ, т.-е. всю жизнь человѣка, къ одному существованію, гдѣ ихъ бьютъ каждый день, угнетаютъ ежедневно новыми тяжкими работами, и гдѣ они постоянно умираютъ съ голода! Чѣмъ были бы они, великій Боже! эти русскіе солдаты, если бы посреди такихъ пытокъ они могли любить ту руку, которая ихъ мучитъ! Вѣрьте мнѣ, господа, наши солдаты самые опасные враги теперешняго порядка вещей,—особенно гвардейскіе, которые, видя зло у источника его, не могутъ обманываться на счетъ единственной причины всѣхъ ихъ страданій. Наши солдаты—это самъ народъ, но еще болѣе недовольный, это—народъ совершенно разочарованный, вооруженный, привыкшій къ дисциплинѣ и къ общему дѣйствію. Хотите ли доказательства? Во всѣхъ послѣднихъ бунтахъ крестьянскихъ отпускные солдаты играли главную роль. Чтобъ окончить этотъ обзоръ враговъ правительства въ Россіи, я долженъ наконецъ сказать, господа, что въ дворянской молодежи есть много людей образованныхъ, великодушныхъ, патріотовъ, которые краснѣютъ отъ стыда и ужаса нашего положенія, которые оскорбляются чувствовать себя рабами, которые всѣ питаютъ противъ императора и его правительства неугасимую ненависть. Ахъ, вѣрьте мнѣ, право, элементовъ революціонныхъ достаточно въ Россіи! Она оживляется, она волнуется, она считаетъ свои силы, она узнаетъ себя, сосредоточивается,—и минута не далека, когда буря, великая буря, наше общее спасеніе, поднимется! (Продолжительные аплодисменты).

„Господа, я вамъ предлагаю союзъ отъ имени этого новаго общества, этой настоящей націи русской!“ *).

Свою рѣчь Бакунинъ заключилъ эффектнымъ тостомъ за союзъ революціонной Россіи съ революціонной Польшей противъ общаго врага—оффиціальной Россіи императора Николая.

Въ 1847 г. Бакунинъ произносилъ свою рѣчь, какъ заправскій уже политическій дѣятель, а въ томъ же году Герценъ, получившій къ тому времени крупное наслѣдство послѣ смерти отца, тоже переѣхалъ на законномъ основаніи русскую границу. Повидимому, въ моментъ разставанія съ родиною опредѣленныхъ политическихъ плановъ у него не было: на Руси становилось очень уже „душно“; онъ поѣхалъ сначала попросту „на воды“, но вскорѣ эти „воды“ обратились въ самую заправскую и яркую эмиграцію, сыгравшую въ исторіи нашего общественнаго и политическаго развитія огромную роль.

Въ 1847 г. онъ шлетъ въ „Современникъ“ свои прелестныя „Письма изъ Avenue Marigny“, въ которыхъ, отрицательно относясь къ западно-европейской буржуазіи, высказываетъ горячую, почти восторженную вѣру въ грядущее четвертаго сословія. Въ 1849 г. на нѣмецкомъ языкѣ появляется его книга „Съ того берега“, гдѣ въ посвященіи онъ объясняетъ друзьямъ, политическимъ единомышленникамъ, почему онъ безповоротно рѣшилъ не возвращаться на родину. „Прощайте“,—говоритъ онъ имъ и вслѣдъ ставитъ вопросъ о своемъ пребываніи въ Европѣ:

„Зачѣмъ же я остаюсь?“

„Остаюсь затѣмъ, что борьба *здѣсь*, что, несмотря на кровь и слезы, здѣсь разрѣшаются общественные вопросы, что здѣсь страданія болѣзненны, жгучи, но *гласны*, борьба открытая, никто не прячется. За эту открытую борьбу, за эту рѣчь, за эту гласность—я остаюсь здѣсь; за нее я отдаю все, я васъ отдаю за нее, часть своего достоянія, а, можетъ, отдамъ и жизнь въ рядахъ энергическаго меньшинства, гонимыхъ, но не низлагаемыхъ.

„За эту рѣчь я переломилъ, или, лучше сказать, заглушилъ на время мою кровную связь съ народомъ, въ которомъ находилъ такъ много отзывовъ на свѣтлыя и темныя стороны моей души, котораго пѣснь и языкъ—моя пѣснь и мой языкъ, и остаюсь съ народомъ, въ жизни котораго я глубоко сочувствую одному горькому плачу пролетарія и отчаянному мужеству его

*) „М. А. Бакунинъ“ изд. И. Балашова.

друзей... Я остаюсь здѣсь не только потому, что мнѣ противно, переѣзжая черезъ границу, снова надѣть колодки, но для того, чтобъ работать; жить, сложа руки, можно вездѣ; здѣсь мнѣ нѣтъ другого дѣла, кромѣ *нашего* дѣла.

„Кто больше двадцати лѣтъ проносилъ въ груди своей одну мысль, кто страдалъ за нее и жилъ ею, скитался по тюрьмамъ и ссылкамъ, кто ею пріобрѣлъ лучшія минуты жизни, самыя свѣтлыя встрѣчи, тотъ ея не оставитъ, тотъ ея не приведетъ въ зависимость внѣшней необходимости и географическому градусу широты и долготы. Совсѣмъ напротивъ, я здѣсь полезнѣе, я здѣсь—безцензурная рѣчь ваша, вашъ свободный органъ, вашъ случайный представитель...

„Для русскихъ за границей есть другое дѣло. Пора дѣйствительно знакомить Европу съ Русью. Европа насъ не знаетъ; она знаетъ наше правительство, нашъ фасадъ и больше ничего... Пусть она узнаетъ ближе народъ, котораго отроческую силу она оцѣнила въ боѣ, гдѣ онъ остался побѣдителемъ; разскажемъ ей объ этомъ мощномъ и неразгаданномъ народѣ, который втихомолку образовалъ государство въ шестьдесятъ милліоновъ, который такъ крѣпко и удивительно разросся, не утративъ общиннаго начала, и первый перенесъ его черезъ начальные перевороты государственнаго развитія; о народѣ, который какъ-то чудно умѣлъ сохранить себя подъ игомъ монгольскихъ ордъ и нѣмецкихъ бюрократовъ, подъ капральской палкой казарменной дисциплины и подъ позорнымъ кнутомъ татарскимъ, который сохранилъ величавыя черты, живой умъ и широкій разгулъ богатой натуры подъ гнетомъ крѣпостного состоянія, и въ отвѣтъ на царскій приказъ образоваться отвѣтилъ черезъ сто лѣтъ громаднымъ явленіемъ Пушкина. Пусть узнаютъ европейцы своего сосѣда, они его только боятся, надобно имъ знать, чего они боятся“.

Изъ приведенной выдержки видно, что, перебравшись на чужой берегъ и рѣшившись принять самое дѣятельное участіе въ европейской политической жизни, Герценъ далеко еще не является передъ нами, подобно Бакунину, ярымъ агитаторомъ-революціонеромъ, и голосъ его настроенъ мирно. Онъ ищетъ лишь свободы рѣчи, при чемъ принимаетъ на себя задачу спеціально-культурнаго характера—быть трубадуромъ русскаго народа среди иноземныхъ племенъ. Такимъ образомъ первые моменты изъ жизни и дѣятельности русской эмиграціи звучатъ неодинаковостью тона и задачъ. Гармонія политической рѣчи явилась

впослѣдствіи, когда волна событій вынесла Герцена на самыя вершины русской общественной мысли и чувствъ и превратила его изданія въ высшій трибуналъ, къ которому апеллировало все, что не находило правды у себя, въ родномъ русскомъ домѣ.

Итакъ мы видимъ, что при всей суровости Николаевской системы управленія, этой системѣ не удалось привести общество въ состояніе полнаго покоя: жизнь незамѣтно закипала повсемѣстно, и по кажущейся ровной поверхности незамѣтно проявлялась та зловѣщая зыбь, которая рано или поздно должна была превратить все русское море въ состояніе бурнаго кипѣнія. Нуженъ былъ только необходимый для того историческій моментъ, и таковымъ явился Севастопольскій погромъ, въ которомъ весь Николаевскій режимъ обремизился, обнаруживъ всѣ свои изъяны и недостатки, которые такъ или иначе констатировались представителями общественной мысли разныхъ фракцій и направленій. Потребовались потоки крови несчастнаго народа, тысячи и тысячи его жертвъ, чтобъ смыть этотъ ужасающій режимъ, послѣ чего только обновленная Россія приступила къ рѣшенію своихъ коренныхъ внутреннихъ вопросовъ историческаго существованія. Какъ рѣшить эти вопросы, въ какомъ направленіи, по какой системѣ и въ какомъ масштабѣ,— все это явилось новымъ дѣломъ, какъ бы не имѣвшимъ своей исторіи и своихъ преданій. Естественно, что около этихъ вопросовъ закипѣла опять борьба—борьба общественныхъ силъ съ правительственной властью, въ которой приняли непосредственное участіе знакомыя намъ общественныя наслоенія. Николай Павловичъ, не допуская при своей жизни мало-мальски свободнаго обсужденія политическихъ вопросовъ, къ которымъ рвались силы интеллигенціи, создалъ тѣмъ самымъ своему наслѣднику очень трудное наслѣдіе, реализація котораго обратилась въ результатѣ въ ужасную драму съ трагическимъ кровавымъ финаломъ.

Желая подготовить сыну спокойное царствованіе, стремясь отдать въ его распоряженіе и на его рѣшеніе обработанные вопросы по главнѣйшимъ сторонамъ государственной жизни, Николай Павловичъ именно всего менѣе успѣлъ въ этомъ направленіи. Какъ ни напряжена была его волевая дѣятельность, она оказалась безсильною передъ такою задачею, и та неподвижность государственнаго строя, которую ему удалось дѣйствительно установить, хранила въ себѣ всѣ зачатки болѣзненности, долженствующей рано или поздно вспыхнуть и разразиться страшной

катастрофой. Она и разразилась у твердынь Севастополя, гдѣ былая побѣдоносная Екатерининская и Александровская армія, при всемъ своемъ легендарномъ героическомъ подъемѣ воинственнаго духа, отступила не столько передъ измученнымъ и окровавленнымъ врагомъ, сколько передъ той бюрократической домашней силой, которая довела ее до истощенія и пораженія. Не внѣшній врагъ сломилъ севастопольскаго солдата, а именно тотъ приказный строй, который, защищаясь именемъ монарха и слагая, съ его рыцарскаго согласія, на него всю отвѣтственность за свою злонамѣренную непригодность и враждебность народному благу, съ наглостью и беззастѣнчивостью выдалъ и этого солдата, а съ нимъ вмѣстѣ всю Россію, головою врагу. Николай Павловичъ могъ воочію убѣдиться, что его рыцарскимъ довѣріемъ злоупотребили, что онъ слишкомъ положился на свои силы, слишкомъ много взялъ на себя, и мракъ застлалъ его очи: все, что кругомъ долго казалось столь добрымъ и прекраснымъ, сразу окрасилось въ черный цвѣтъ. Силы царя не выдержали, и онъ трагически сошелъ со сцены, оставляя послѣ себя окровавленную и разлагающуюся родину.

Въ предыдущихъ главахъ мы обрисовали разнообразные случаи проявленія народнаго и общественнаго неудовольствія противъ правительственной власти, отмѣтили поводы и обстоятельства, при которыхъ эти неудовольствія обнаружились и въ какія формы вылились. Народное, т. е. простонародное, неудовольствіе воплощалось въ одномъ протяжномъ болѣзненномъ крикѣ—„земли и воли!“, неудовольствіе же интеллигентныхъ классовъ, съ одной стороны, сводилось къ сочувствію крѣпостной массѣ, искавшей воли и земли, а съ другой—распространялось и на весь установившійся государственный порядокъ вещей, на весь приказный строй, получившій въ царствованіе Николая I свое полное, такъ сказать, идеально-гармоническое завершеніе. Какъ мы указывали, сторонниковъ этого строя было очень немного среди интеллигенціи и привиллегированныхъ классовъ, и свое сочувствіе ему несли лишь тѣ, кто такъ или иначе изъ этого порядка вещей извлекалъ извѣстныя выгоды или былъ связанъ съ нимъ тѣсными узами. Тѣ-же, кто относился къ системѣ внутренняго управленія конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ отрицательно и какимъ-либо способомъ обнаруживалъ это свое отрицательное отношеніе, встрѣчалъ со стороны правительства безпощадный отпоръ и подвергался гоненію. Духовная жизнь въ странѣ замерла и кажущаяся побѣда правительственныхъ

силъ надъ силами общественными сіяла призрачнымъ блескомъ. Одинъ за другимъ сходили со сцены передовые представители оппозиціонной мысли, а тѣ, которые еще оставались на лицо, или обречены были на молчаніе и бездѣятельность, или проявляли свое настроеніе съ бо́льшею осторожностью и осмотрительностью. Наружная жизнь пребывала въ явномъ покоѣ, въ видѣ обширнаго моря стоячей, затхлой воды, и лишь глухое броженіе въ серединныхъ и нижнихъ пластахъ этого моря показывало, что свѣжіе родники русской мысли и русскаго духа не изсякли и что настанетъ часъ, когда эти родники забьютъ звончѣе и горячѣе и обратятъ заснувшія воды въ бурное море кипѣнія. Вопросъ сводился такимъ образомъ лишь ко времени.

Многочисленныя волненія крестьянъ постоянно вспыхивали то здѣсь, то тамъ, и идеи земли и воли, рѣзко поставленныя впервые на очередь разрѣшенія Стенькой Разинымъ и Емельяномъ Пугачевымъ, продолжали охватывать все большія и большія народныя массы и воплощаться въ явленія кроваваго и жестокаго характера. Подводя итогъ всѣмъ волненіямъ помѣщичьихъ крестьянъ въ царствованіе императора Николая, изслѣдователь крестьянскаго вопроса, В. И. Семевскій *), опредѣляетъ ихъ число въ 556, причемъ полагаетъ, что цифра эта преуменьшенная. Причина волненій, по словамъ изслѣдователя, вытекла изъ того, что „крестьяне уже считали себя вольными или еще домогались свободы по какимъ-нибудь, казавшимся имъ справедливыми, основаніямъ". Большая часть волненій, какъ и въ предшествовавшія эпохи, подавлялись съ помощью воинскихъ командъ, причемъ за усмиреніемъ обыкновенно слѣдовала и экзекуція. Въ другихъ случаяхъ безпорядки были прекращаемы или однимъ сѣченіемъ крестьянъ или ихъ удавалось успокаивать словесными убѣжденіями, но съ обязательнымъ преданіемъ суду зачинщиковъ. За неповиновеніе помѣщикамъ, напримѣръ, въ періодъ 1827—1846 г. было сослано въ Сибирь крѣпостныхъ 1.030 человѣкъ.

Правительство Николая Павловича и самъ императоръ сознавали, что настала уже пора для разрѣшенія самого больного вопроса русской дѣйствительности, но, увы! дальше палліативовъ въ этомъ направленіи дѣло не шло. Были образовываемы разные „комитеты" для разсмотрѣнія вопроса, или въ его полномъ

*) „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка"; томъ II.

объемѣ или въ его частяхъ, но эти бюрократическія попытки освобожденія русской жизни отъ заѣдавшаго ее соціальнаго недуга не давали въ результатѣ ничего существеннаго. Г. Семевскій освѣщаетъ положеніе дѣла въ ту эпоху такъ: „...Императоръ Николай, при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, при ясномъ сознаніи необходимости уничтоженія крѣпостного права, если не при немъ, то, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующее царствованіе, и настоятельности серьезной подготовки этой мѣры, обнаружилъ такую нерѣшительность въ этомъ отношеніи, что дѣятельность девяти „секретныхъ", „келейныхъ" и „особыхъ" комитетовъ не имѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій, такъ какъ изъ числа подготовленныхъ ими мѣръ двѣ, единственно возбуждавшія народъ—законъ объ обязательныхъ крестьянахъ и дозволеніе выкупаться на свободу при продажѣ съ аукціона—не принесли почти никакой пользы: первая,—вслѣдствіе крайней инертности дворянства и равнодушія громаднаго большинста его къ крестьянскому вопросу, а вторая,—вслѣдствіе ея скорой отмѣны, и лишь дѣятельность десятаго комитета (о западныхъ губерніяхъ), при содѣйствіи энергичнаго генералъ-губернатора юго-западнаго края, Д. Г. Бибикова, была не лишена полезныхъ до извѣстной степени результатовъ. Одною изъ главныхъ причинъ того, что дѣятельность цѣлаго ряда правительственныхъ комиссій осталась безплодною была крайняя боязнь гласности, столь необходимой въ этомъ дѣлѣ, и неосновательная увѣренность, что такое сложное дѣло, какъ ограниченіе крѣпостного права, можетъ быть обсуждено и подготовлено исключительно бюрократическими средствами, безъ содѣйствія общества и печати: отсюда и нежеланіе допустить какую бы то ни было общественную самодѣятельность въ дворянствѣ и воспрещеніе представителямъ науки, литературы и журналистики оказать съ своей стороны содѣйствіе правительству въ томъ святомъ дѣлѣ, за которое оно бралось такъ нерѣшительно".

Индифферентизмъ дворянства проистекалъ, конечно, изъ эгоистическихъ побудительныхъ причинъ, хотя министръ внутреннихъ дѣлъ, Перовскій, въ своей запискѣ по крестьянскому вопросу, относящейся къ 1845 г., писалъ *): „Время и новыя отношенія вовсе измѣнили взглядъ образованныхъ помѣщиковъ на крѣпостное право: они, конечно, опасаются послѣдствій свободы, зная необузданность народа, вышедшаго однажды въ ка-

---

*) Тамъ же.

комъ-либо отношеніи изъ своего обычнаго положенія и изъ предѣловъ повиновенія; его владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы. Помѣщики сами начинаютъ понимать, что крестьяне тяготятъ ихъ и что было бы желательно измѣнить эти обоюдно-невыгодныя отношенія. Къ сему повели, мало-по-малу, возвысившаяся цѣнность и недостатокъ земель, неопредѣлительность крестьянскихъ обязанностей и возникающіе изъ этого раздоры, частые неурожаи и тяжкая обязанность кормить крестьянъ въ такихъ случаяхъ на свой счетъ, безпечность крестьянина, который, принадлежа барину и привыкнувъ видѣть въ немъ опекуна своего, самъ о себѣ не заботится".

Такимъ образомъ правительство сознавало настоятельность радикальнаго переформированія соціальнаго строя, но ничего рѣшительнаго по сему предмету не предпринимало; рабовладѣльческій классъ тоже чувствовалъ и понималъ необходимость отказаться отъ своей жестокой привиллегіи, но тоже очень слабо и нерѣшительно реагировалъ на эту необходимость и пребывалъ въ состояніи индифферентизма, благо сама власть искусственно питала это настроеніе; оставалась одна передовая интеллигенція, которая во всѣхъ своихъ фракціяхъ тщетно пыталась подать по настоящему предмету свой голосъ, встрѣчая, однако, на этомъ пути—настоятельной и сознательной работы для Россіи—оппозицію „надменныхъ потомковъ, извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ, толпою рабскою стоящихъ у трона", по выраженію поэта. Борьба между этою интеллигенціею и бюрократіею, въ лицѣ Чернышевыхъ, Орловыхъ, Перовскаго, Адлерберга, Клейнмихеля и многихъ другихъ, представлявшихъ собою оффиціальную Россію, начиная съ министровъ и кончая послѣднимъ будочникомъ, была въ этотъ періодъ неравною; побѣда, временная и внѣшняя, была за послѣдними, и самымъ разнообразнымъ представителямъ этой интеллигенціи не оставалось ничего другого, какъ выжидать удобнаго историческаго момента, дабы подать по коренному вопросу отечественной жизни свой голосъ, хотя бы на первое время и негромкій, келейный. Такимъ именно историческимъ моментомъ явилась Севастопольская война и наши пораженія на южной окраинѣ Таврическаго полуострова, взбудоражившія все русское море жизни во всѣхъ его пластахъ и теченіяхъ.

Скверное положеніе дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій вызвало со стороны всѣхъ образованныхъ элементовъ общества не-

обходимость откликнуться на событія политическаго дня и подвести итоги современному положенію дѣлъ, съ анализомъ ихъ происхожденія.

Погодинъ въ своемъ, получившемъ въ тѣ дни большое распространеніе, октябрскомъ (1854 г.) „политическомъ письмѣ“, написанномъ въ тщетной надеждѣ, что оно будетъ передано Николаю Павловичу и имѣвшемъ темою „О вліяніи внѣшней политики на внутреннюю“, между прочимъ, писалъ *): „Власть нужна и священна, но злоупотребленіями своими власть ослабляетъ гораздо больше, нежели свободными сужденіями объ ея дѣйствіяхъ. Злоупотребленій не скроешь отъ тѣхъ, кого онѣ касаются... Нѣтъ, указаніе злоупотребленій можетъ послужить пособіемъ власти, которая, принимая оное къ свѣдѣнію, подвергая гласности, сложитъ тѣмъ съ себя часть вины, докажетъ свою благонамѣренность и вмѣстѣ твердость. А безъ гласности всякая ложь, неправда, обманъ получаютъ право гражданства въ государствѣ, чему примѣръ и доказательство мы видимъ въ нашихъ оффиціальныхъ отчетахъ, по которымъ Россія благоденствуетъ на дѣлѣ—алчущая, жаждущая, тоскующая, не знающая, что дѣлать со своими силами, расточающая блудно Божіи дары... Государь, очарованный блестящими отчетами, не имѣетъ вѣрнаго понятія о настоящемъ положеніи Россіи. Ставъ на высоту недосягаемую, онъ не имѣетъ средствъ ничего слышать; никакая правда до него достигнуть не смѣетъ, да и не можетъ; всѣ пути выраженія мыслей закрыты—нѣтъ ни гласности, ни общественнаго мнѣнія, ни апелляціи, ни протеста, ни контроля“. Таково же положеніе и министровъ и всѣхъ главныхъ начальниковъ: каждый изъ нихъ, по его мнѣнію, „представляетъ собою въ своемъ вѣдомствѣ самодержавнаго государя, и также не имѣетъ никакой возможности узнать правды о своей части; никто ему не скажетъ ея, и никто не смѣетъ сказать, боясь попасть на замѣчаніе, возбудить подозрѣніе. Всякій думаетъ только о снисканіи благосклонности начальника предусмотрѣніемъ его мыслей и желаній, предугаданіемъ его намѣреній. Одуренному безпрерывнымъ кажденіемъ лести, развращенному мнимыми успѣхами, въ лентахъ и звѣздахъ, ему естественно уже счесть себя геніемъ непогрѣшимости, подобно далай-ламѣ. Всякое замѣчаніе онъ вскорѣ уже считаетъ личнымъ для себя оскорбленіемъ, неуваженіемъ власти, злоумышленіемъ либерализма. Кто не хвалитъ

*) „Жизнь и труды М. П. Погодина“; Николая Барсукова. Книга 13.

его, тотъ безпокойный человѣкъ. Не давай ему ходу. А бездарностямъ, подлостямъ, посредственностямъ то и на руку: какъ мухи на медъ, налетаютъ они на наши канцеляріи, а еще охотнѣе въ комитеты, гдѣ скорѣе, безъ всякаго труда, награждаются за отличія. Всѣ они составляютъ одну круговую поруку, дружеское, тайное, масонское общество, чуютъ всякаго мыслящаго человѣка, для нихъ противнаго, и, поддерживая себя взаимно, поддерживаютъ и всю систему, систему бумажнаго дѣлопроизводства, систему взаимнаго обмана и общаго молчанія, систему тьмы, зла и разврата, въ личинѣ подчиненности и законнаго порядка". Что же касается народа, благополучіе котораго отдано во власть такого преступнаго положенія вещей, то объ этомъ народѣ, „который трудится, проливаетъ кровь, несетъ всѣ тягости, страдаетъ, и между тѣмъ, дышетъ любовію, самою чистою преданностью къ царю и отечеству, ни у кого и мысли нѣтъ. Народъ какъ будто не существуетъ нравственно, извѣстный только по вѣдомостямъ казенной палаты".

Очертивъ въ такихъ яркихъ краскахъ, которыя въ значительной степени пригодны и для нашего времени, состояніе правительственнаго механизма, Погодинъ обращается ко власть имущимъ съ слѣдующею рѣчью: „Къ вамъ обращу я рѣчь свою, милостивые государи, глубокомысленные наши политики, тайные и дѣйствительные тайные и явные совѣтники и кавалеры, прошу прослушать: Мирабо для насъ не страшенъ, но для насъ страшенъ Емелька Пугачевъ. Ледрю Ролленъ со всѣми коммунистами не найдетъ у насъ себѣ приверженцевъ, а передъ Никитою Пустосвястомъ разинетъ ротъ любая деревня. На сторону Маццини не перешагнетъ никто, а Стенька Разинъ, лишь кликни кличъ! Вотъ гдѣ кроется наша революція, вотъ откуда грозятъ намъ опасности, вотъ съ которой стороны стѣна наша представляетъ проломы;—перестань-те же возиться около западной, почти совершенно твердой, и принимайтесь чинить восточную, которая почти безъ присмотра валится и грозитъ паденіемъ! Не приведи Богъ видѣть русскій бунтъ, безсмысленный и безпощадный, сказалъ Пушкинъ, котораго государственныя способности не умѣли оцѣнивать близорукіе и тупоумные современники, думавшіе, что онъ только стишки писать да шутить умѣетъ. Казенный крестьянинъ живетъ у насъ такъ, удѣльный иначе, помѣщики же управляютъ по своему крѣпостными крестьянами, всякій и не молодецъ на свой образецъ... Помѣщичье спасеніе въ дурномъ управленіи государственныхъ имуществъ... Но улучшись

жизнь казеннаго крестьянина,—будьте увѣрены —заварится каша крутая. Да и теперь, не убиваютъ-ли ежегодно до тридцати помѣщиковъ... Вѣдь это все мѣстныя революціи, которымъ не достаетъ только связи, чтобъ получить значеніе особаго рода! Онѣ усмиряются порознь, но несчастные крестьяне, которые, выведенные изъ терпѣнія, берутъ ножъ въ руки и подвергаются за то кнуту и каторжной работѣ въ Сибирскихъ рудникахъ, неужели не заслуживаютъ лучшей участи? Вѣдь это тѣ-же самые люди, что теперь священнодѣйствуютъ въ Севастополѣ съ такимъ мужествомъ, съ такимъ самоотверженіемъ, и спасаютъ не только русскую честь, но даже наше значеніе, будущность!"

Таково было мнѣніе Погодина по вопросу о современномъ ему состояніи Николаевской Россіи, мнѣніе, подъ которымъ несомнѣнно охотно подписались бы и его принципіальные литературные враги.

Не менѣе рѣзко характеризовалъ Россію того времени и представитель славянофильства А. С. Хомяковъ, въ стихотвореніи „Россіи", написанномъ въ мартѣ 1854 года, когда состоялся нашъ разрывъ съ Франціей и Англіей. Стихотвореніе это, подобно письму Бѣлинскаго къ Гоголю, получило въ свое время широкую огласку и популярность, несмотря на то, что его распространеніе совершалось рукописнымъ способомъ. Популярность эта пріобрѣталась не положительною лирическою частью, а тою—драматическаго характера, содержащею въ себѣ отрицательное отношеніе къ тогдашнему порядку вещей. Вотъ это стихотвореніе *).

Россіи.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую,
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.
Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ,
Чрезъ волны гнѣвнаго Дуная,
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.
Но помни: быть орудьемъ Бога,
Земнымъ созданьямъ тяжело,
Своихъ рабовъ Онъ судитъ строго,
А на тебя, увы! какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

---

*) Сочиненія А. С. Хомякова; т. IV.

Въ судахъ черна неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!
О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой
Себя водою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья,
Не грянетъ надъ твоей главой!
Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли!
И встань потомъ, вѣрна призванью,
И бросся въ пылъ кровавыхъ сѣчъ!
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,
Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ!

Въ этомъ стихотвореніи Хомяковъ считаетъ, что Николаевская Россія „всякой мерзости полна", и въ числѣ этихъ мерзостей онъ, подобно Погодину и западникамъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ рабство, неправый судъ, лесть, ложь и лѣнь, охватившія собою преимущественно правящія сферы. Что касается западниковъ, то главнымъ выразителемъ охватившаго ихъ въ тотъ періодъ душевнаго состоянія явился, со своими статьями и брошюрами за границею, А. И. Герценъ (Искандеръ), обратившійся къ концу царствованія Николая Павловича въ настоящаго политическаго трибуна, къ вольному голосу котораго начала чутко прислушиваться не только вся грамотная Россія, но и само правительство. При всѣхъ строгостяхъ тогдашняго административнаго режима, его сочиненія, хотя съ начала и съ трудомъ, но все-же проникали за таможенный кордонъ, и администрація оказывалась безсильной въ борьбѣ съ этимъ вольнымъ голосомъ. За нимъ не было преступленія, придравшись къ которому и при содѣйствіи какой-нибудь дружественной державы, какъ то случилось, напримѣръ, съ Бакунинымъ, его можно было бы залучить въ свои сѣти. Онъ стоялъ твердою ногою въ свободной странѣ и, поставивъ здѣсь первый вольный русскій станокъ, электрическіе токи отъ котораго, пробѣгая по громадному пространству, достигали и Зимняго дворца, съ береговъ Темзы бесѣдовалъ съ правительствомъ Николая I во всеоружіи своей неуязвимой свободы. Его политическія произведенія не были рукописными политическими письмами Погодина или рукописными стихами Хомякова—это были печатные обвинительные протоколы, доступные всему бѣлому свѣту, съ которыми приходилось серьезно считаться.

Герценъ въ послѣдніе годы царствованія Николая I былъ единственнымъ виднымъ представителемъ оппозиціонной русской мысли на западѣ, имѣвшимъ возможность и умѣвшимъ ясно и опредѣленно формулировать pia desideria передовыхъ элементовъ русскаго общества по вопросамъ соціальнымъ и политическимъ, которое было лишено возможности для такого рода дѣятельности у себя дома. Первый по времени выдающійся политическій эмигрантъ, громко рѣшившійся бросить въ лицо правительству побѣдителя декабристовъ свои обвиненія, въ то время уже томился въ Алексѣевскомъ равелинѣ Петропавловской крѣпости.

Произнесенная въ Парижѣ рѣчь создала Бакунину европейскую извѣстность и обратила на него, какъ на политическаго дѣятеля и оратора, вниманіе всѣхъ континентальныхъ державъ. „Вліяніе его рѣчи было огромно,—говоритъ Герценъ *).—Гизо его выслалъ изъ Парижа, но едва Бакунинъ осмотрѣлся въ Брюсселѣ, Парижъ, въ свою очередь, выслалъ Гизо и Людовика-Филиппа изъ Франціи. Бакунинъ возвратился въ Парижъ и бросился съ увлеченіемъ въ раскрывшуюся тогда политическую жизнь. Ламартино-Марастовское правительство косо смотрѣло на людей, принявшихъ республику за слишкомъ серьезную правду, и охотно сплавляло ихъ направо и налѣво, лишь бы вонъ изъ Франціи. Оно обрадовалось, что Бакунинъ уѣхалъ. Въ затишьи славянскаго міра закипала тогда новая жизнь, въ Бреславлѣ собирался польско-славянскій съѣздъ. На немъ, и еще болѣе на Прагскомъ конгрессѣ, Бакунинъ уже является сильнымъ дѣятелемъ; тамъ написалъ онъ свою соціально-славянскую программу, которую до сихъ поръ чехи не забыли, и дѣйствовалъ за-одно съ славянами до тѣхъ поръ, пока Виндишгрецъ не разогналъ конгрессъ австрійскими пушками. Оставивъ Прагу, Бакунинъ сдѣлалъ опытъ, въ противность Палацкому, соединить славянскихъ демократовъ съ венгерцами, искавшими независимости, и съ нѣмецкими революціонерами. Союзъ этотъ былъ составленъ съ многими поляками, на него отъ венгровъ пріѣзжалъ графъ Л. Текели. Бакунинъ, желая скрѣпить собственнымъ примѣромъ союзъ, принялъ главное управленіе въ защитѣ Дрездена; тамъ онъ покрылъ себя славой, которую никогда не отрицали его враги; послѣ взятія Дрездена прусса-

---

*) Сочиненія А. И. Герцена и переписка съ Н. А. Захарьиной; т. VI, изд. Ф. Павленкова.

ками, Бакунинъ отступилъ. Въ Хемницѣ онъ былъ предательски схваченъ съ двумя изъ своихъ товарищей и отправленъ въ Кенигштейнъ... Въ то самое время, какъ саксонскій король держалъ въ рукахъ перо, чтобы подписать смертный приговоръ Бакунину, Гейбнеру и Реккелю, нѣмецкіе публицисты писали въ журналахъ, что Бакунинъ—русскій агентъ, т.-е. агентъ русскаго правительства. Король пріостановился и измѣнилъ плаху на вѣчную тюрьму; Umwalzungsmänner'ы не остановились, и года черезъ два-три повторяли свои обвиненія.

„Въ маѣ 1850 г., Бакунинъ былъ отправленъ скованный въ Прагу. Австрійское правительство хотѣло отъ осужденнаго *на вѣчную тюрьму* узнать тайны славянскаго движенія. Бакунинъ отказался отвѣчать; его около года оставили въ Грозинѣ, ничего не спрашивая. Въ мартѣ 1851 г., испугавшись слуха, что Бакунина хотятъ освободить, его перевезли въ Ольмюцъ; тамъ онъ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ, *прикованный къ стѣнѣ*. Затѣмъ австрійское правительство выдало его русскому. Носился слухъ, что Бакунина, привезеннаго скованнымъ по рукамъ и ногамъ на русскую границу, расковали. Такихъ нѣжностей не дѣлали. Австрійскія цѣпи были сняты съ него, какъ имперская собственность, и замѣнены отечественными, вдвое тяжелѣйшими желѣзами.

„Три томныхъ года просидѣлъ Бакунинъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ и вышелъ изъ него въ 1854 году для того, чтобы ѣхать въ Шлиссельбургъ.

„Воцарился Александръ II, разныя амнистіи были обнародованы. О Бакунинѣ ни слова. Въ 1857 году Бакунинъ былъ отправленъ на житье въ восточную Сибирь".

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя Искандеромъ-Герценомъ о своемъ сотоварищѣ по эмиграціи и сотрудникѣ по „Колоколу" *). Къ сказанному можно прибавить, что, во время разспросовъ заключеннаго по поводу его дѣятельности за границею, онъ отвѣчалъ весьма опредѣленно: „Принципы мои вы знаете, я ихъ никогда не таилъ и высказывалъ громко—я желалъ единства демократизированія Германіи, освобожденія славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего

*) О томъ-же періодѣ дѣятельности М. Бакунина см. „Борцы освободительнаго движенія.—М. А. Бакунинъ". В. М. Андерсонъ; Людвигъ Кульчицкій. „М. А. Бакунинъ, его идеи и дѣятельность", переводъ съ польскаго; „М. А. Бакунинъ", гдѣ собраны: 1) статья А И. Герцена о Бакунинѣ, 2) біографическій очеркъ Драгоманова и 3) рѣчи и воззванія.

разрушенія Австрійской имперіи; я взятъ съ оружіемъ въ рукахъ—довольно вамъ данныхъ, чтобы судить меня. Больше же я ни на какіе допросы отвѣчать не стану". Черезъ два мѣсяца къ Бакунину явился графъ Орловъ отъ имени самого Николая Павловича съ предложеніемъ описать свои приключенія „какъ духовный сынъ". Бакунинъ рѣшилъ выполнить желаніе императора, но безъ всякаго намѣренія въ чемъ-либо каяться и въ чемъ-либо просить прощенія. Онъ написалъ свою „исповѣдь", начавъ ее такъ: „Государь, вы хотите, чтобы я написалъ вамъ свою исповѣдь... Хорошо, я вамъ напишу ее, но вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище—честь и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихъ мнѣ, а потому я не буду никого называть". Далѣе онъ изложилъ свои зарубежныя похожденія, выяснилъ свои политическіе взгляды, планы, даже теоріи, а также отмѣтилъ и промахи, по его мнѣнію, Николая, какъ въ дѣлахъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Государь прочелъ записку Бакунина и сказалъ: „Онъ умный и хорошій малый, но опасный человѣкъ, его надобно держать взаперти"; ему даже понравились дѣйствія бывшаго артиллерійскаго офицера, что онъ такъ находчиво и умѣло дѣйствовалъ въ Дрезденѣ: военному сердцу Николая доставило удовольствіе убѣдиться въ военныхъ способностяхъ и военной выучкѣ русскаго ех-артиллериста. Но дѣлу это не помогло, и „умному и хорошему малому", наградами за духовную исповѣдь „сына" и за подвиги на театрѣ военныхъ дѣйствій, были Алексѣевскій равелинъ, Шлиссельбургская крѣпость и ссылка въ Сибирь...

Ссылка въ Сибирь была ему присуждена еще раньше, какъ тò мы знаемъ, за отказъ на требованіе вернуться въ Россію, ну, а ревелинъ и крѣпость были, съ одной стороны, отвѣтомъ на парижскую рѣчь 1847 г., а съ другой—выраженіемъ пламенныхъ и священныхъ чувствъ къ Австрійскому императору, въ которыхъ нѣкогда Николай Павловичъ ему колѣнопреклоненно поклялся и на которыя Австрія такъ любезно отвѣтила Россіи въ страдные Севастопольскіе дни. Такимъ образомъ, счеты съ Бакунинымъ были сведены; онъ былъ убранъ съ арены политической дѣятельности и въ наличности, за рубежомъ Россіи, оставался одинъ лишь Герценъ, на долю котораго и выпалъ весь трудъ критики Николаевскаго режима и указанія средствъ къ скорѣйшей ликвидаціи этого режима.

Явившись на „томъ берегу", сначала въ роли трубадура русской жизни, безъ строго опредѣленной активной политической программы дѣйствій, онъ, силою обстоятельствъ, постепенно переходитъ на амплуа борца за свободу русскаго народа, и въ рядѣ брошюръ и изданій, сначала въ Германіи и Франціи, и потомъ въ Англіи, широко развертываетъ свои крупныя силы настоящаго политическаго агитатора, и въ своей личности и въ своихъ изданіяхъ является центромъ всего того независимаго и свободнаго, чему не находилось мѣста на „русскомъ берегу".

Перекочевавъ изъ Россіи въ западную Европу на долгое тамъ житіе, Александръ Ивановичъ Герценъ, подобно Бакунину, точно въ реальное подтвержденіе положенія Достоевскаго о способности русскаго человѣка дѣлаться „всечеловѣкомъ", безъ утраты, однако, своего родного національнаго, дѣйствительно становится настоящимъ западно-европейскимъ политическимъ дѣятелемъ, принимающимъ активное участіе въ шумныхъ событіяхъ жизни „страны чудесъ". Революціонныя движенія во Франціи и Италіи, разные выдающіеся моменты изъ жизни Англіи, Швейцаріи, Германіи получили въ его лицѣ ближайшаго участника, ставшаго въ самыя близкія и тѣсныя отношенія къ выдающимся представителямъ этихъ странъ. Въ своихъ неувядаемыхъ воспоминаніяхъ „Былое и Думы" *), гдѣ онъ является историкомъ того періода, читатели найдутъ своего рода лѣтопись этой шумной эпохи конца 40-хъ и начала 50-хъ годовъ и красиво выписанные портреты дѣйствовавшихъ лицъ, какъ напр., Прудона, Гарибальди, Орсини, Маццини, Луи Блана и др. Шумный потокъ революціонныхъ и освободительныхъ движеній захватываетъ его всецѣло, и въ первое время начинаетъ казаться, что та цѣль, ради которой онъ перекочевалъ на „другой берегъ", окутывается туманомъ и покровомъ забвенья. Но это только кажущееся: въ событіяхъ революціонныхъ дней онъ, такъ сказать, прошелъ своего рода политическую школу, пріобрѣлъ навыкъ политическаго борца и далъ нѣкоторый естественный выходъ силамъ, которыя такъ долго дома—и въ ссылкѣ, и на свободѣ—пребывали въ состояніи вынужденной общественной бездѣятельности. Николаевскій режимъ выбросилъ за порогъ дома человѣка громаднаго дарованія и обрекъ его на роль революціонера, революціонера-европейца и революціонера домашней складки. Но въ послѣднемъ отношеніи, какъ русскому революціонеру,

*) Собраніе сочиненій; т. III.

ціонеру, ему суждено было пережить со временемъ громадную жизненную драму, когда событія отечественной жизни развернулись въ такомъ неожиданномъ направленіи, гдѣ ему уже не нашлось мѣста. Онъ, такъ сказать, пережилъ самаго себя и сталъ къ революціонной русской дѣйствительности со второй половины 60-хъ годовъ, когда она уже достаточно оформилась и обозначилась, въ отношенія почти враждебныя. Старый идеалистъ сороковыхъ годовъ, съ націоналистическимъ налетомъ патріотизма, отчасти родственнымъ славянофильству, рѣзко разошелся съ реалистами шестидесятыхъ годовъ и въ тогдашнемъ настоящемъ ему уже не находилось дѣла. Остались одни лишь воспоминанія, грустныя разочарованія и слава былого; но, въ началѣ 50-хъ годовъ, о коихъ сейчасъ идетъ рѣчь, его звѣзда только восходила, вспыхивая яркимъ блескомъ и привлекая къ себѣ любовное вниманіе всей интеллигентной передовой Россіи, выразителемъ взглядовъ которой ему суждено было стать.

Принявъ на себя роль трубадура русскаго народа среди его западно-европейскихъ собратьевъ, Герценъ уже съ перваго шага своей дѣятельности въ этомъ направленіи нѣсколько раздваивается. Онъ и защищаетъ русскій народъ отъ нападокъ на него и тутъ же является, въ довольно, впрочемъ, мягкой на первое время формѣ, обличителемъ Николаевскаго бюрократическаго режима. Въ отвѣтъ на письмо Мишле о Россіи и о легендѣ о Костюшкѣ, онъ издаетъ брошюру: „Le peuple russe et le socialisme“ *) (1851 г.), гдѣ, развивая мысль французскаго писателя, что сила и значеніе русскаго народа лежитъ въ аграрномъ законѣ, въ постоянномъ дѣлежѣ земли, что придаетъ народной жизни коммунистическій характеръ, онъ, между прочимъ, пишетъ: „Народъ начинаетъ роптать подъ игомъ помѣщиковъ; безпрестанно вспыхиваютъ мѣстныя возстанія. Партія движенія, прогресса требуетъ освобожденія крестьянъ; она готова принести въ жертву свои права. Царь колеблется и мѣшаетъ; онъ хочетъ освобожденія и препятствуетъ ему. Онъ понялъ, что освобожденіе крестьянъ сопряжено и съ освобожденіемъ земли;—что освобожденіе земли, въ свою очередь,—начало революціи, провозглашеніе сельскаго коммунизма. Обойти вопросъ объ освобожденіи невозможно, отодвинуть его рѣшеніе до слѣдующаго царствованія, конечно, легче, но, въ сущности, это только нѣсколько часовъ, потерянныхъ на скверной почтовой станціи безъ лошадей... Изъ

*) Сочиненія, т. V, изд. Ф. Павленкова.

всего этого вы видите, какое счастье для Россіи, что сельская община не погибла, что личная собственность не раздробила собственности общины; какое счастье для русскаго народа, что онъ остался внѣ всѣхъ политическихъ движеній, внѣ европейской цивилизаціи, которая подкопала бы общину и которая нынѣ сама дошла до самоотрицанія". Здѣсь Герценъ является своего рода родоначальникомъ, предтечей того народническаго у насъ движенія въ литературѣ, которое также сосредоточивало всѣ свои надежды и упованія на мужикѣ и на общинѣ, видя въ нихъ живые элементы, которые должны привести всю жизнь страны къ новому соціальному строю на принципахъ соціалистическаго равенства. Черезъ два года онъ выпускаетъ брошюру уже на русскомъ языкѣ, „Крещеная собственность", посвященную цѣликомъ крестьянскому вопросу. Эту брошюру, какъ равно и рядъ послѣдующихъ своихъ трудовъ, онъ печатаетъ въ собственной уже, основанной имъ въ Лондонѣ, первой вольной русской типографіи, которая послужила прообразомъ многихъ послѣдующихъ, организованныхъ позднѣйшими поколѣніями, типографій какъ въ Англіи, такъ, главнымъ образомъ, и въ Швейцаріи, а также Германіи и Франціи. Эти его работы были—„Письма къ Линтону", первые отрывки изъ „Былого и Думъ", первая книжка журнала „Полярная Звѣзда", который онъ началъ тогда періодически издавать при ближайшемъ сотрудничествѣ своего друга дѣтства, Н. П. Огарева. Такова была его литературно-издательская дѣятельность въ царствованіе Николая I.

Въ брошюрѣ „Крещеная собственность" *) онъ возвращается къ тѣмъ-же мыслямъ и положеніямъ, которыя были изложены въ отвѣтѣ Мишле, приводитъ здѣсь тѣ-же соціалистически-народническія воззрѣнія и настаиваетъ на необходимости скорѣйшаго освобожденія крѣпостныхъ съ надѣленіемъ ихъ землею и съ сохраненіемъ сельской общины, какъ института коммунистическаго порядка. Тутъ-же мимоходомъ онъ касается и политики императора Николая I въ крестьянскомъ вопросѣ и говоритъ: „Николай хотѣлъ ограничить продажу людей, но, желая сдѣлать добро, сдѣлалъ вредъ; такова обычная судьба полумѣръ. Запрещая дворянамъ, не имѣющимъ земли, покупать крестьянъ, запрещая до извѣстной степени раздробленіе семействъ, онъ призналъ право продажи въ другихъ случаяхъ и далъ законную основу терпимому безпорядку.

---

*) Сочиненія, т. V.

„Императоръ Николай замѣчательно несчастенъ, и это, между прочимъ, оттого, что онъ вовсе не понимаетъ ничего гражданскаго. Ему бросается въ глаза безпорядокъ;—чтобы остановить его, онъ искажаетъ, портитъ послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки русскаго права.

„Такимъ образомъ, онъ исказилъ основу Петровскаго дворянства, легко возобновляемаго изъ народа, сопрягая дворянскія права съ маіорскимъ чиномъ въ военной службѣ и съ чиномъ статскаго совѣтника по гражданской.

„Такимъ образомъ, онъ исказилъ Екатеринское устройство дворянскихъ выборовъ, вводя избирательный цензъ, котораго не было, и лишая голоса всѣхъ дворянъ, имѣющихъ менѣе ста душъ.

„Въ первомъ случаѣ, онъ былъ руководимъ желаніемъ устранить мелкихъ чиновниковъ отъ быстраго пріобрѣтенія помѣщичьихъ правъ.

„Въ другомъ—онъ хотѣлъ предупредить вліяніе богатыхъ владѣльцевъ на выборы.

„Въ обоихъ—онъ временному вреду, безпорядку, пожертвовалъ нормой.

„Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права, ихъ слѣдуетъ уничтожать, ликвидировать. Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны, изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средства обойти законъ“.

Опуская все остальное, что Герценъ говорилъ по крестьянскому вопросу, и заимствуя изъ труда В. И. Семевскаго *) его формулировку требованій Герцена по данному вопросу, мы получаемъ слѣдующія положенія: 1) полумѣры въ крестьянскомъ дѣлѣ ни къ чему не приведутъ; должно совершенно покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Если крестьяне не будутъ освобождены, дѣло можетъ кончиться кровавымъ возстаніемъ; 2) освобожденіе крестьянъ должно быть произведено не иначе, какъ съ надѣленіемъ ихъ землей. Сочувствіе обезземеливанію народа съ радикальной точки зрѣнія—нелѣпость; 3) необходимо сохранить за крестьянами всю ту землю, которою они теперь пользуются; 4) необходимо сохранить общинное землевладѣніе; 5) если иниціативу освобожденія не возьметъ въ свои руки дворянство (для чего слѣдуетъ разрѣшить ему свободное обсужденіе этого вопроса), то крѣпостное право будетъ уничтожено верховною властью, и дворянство не будетъ имѣть силы этому противиться;

*) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и второй половинѣ XIX вѣка, т. II.

6) освобожденіе крестьянъ правительствомъ облегчается сильною задолженностью помѣщичьихъ имѣній въ кредитныхъ учрежденіяхъ: возможенъ и внутренній заемъ для выкупа крѣпостныхъ.

Приведя въ экстрактѣ и въ такой точной формулировкѣ программу Герцена по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, г. Семевскій говоритъ: „Вотъ программа по крестьянскому вопросу, выставленная „свободнымъ органомъ" русской интеллигенціи въ концѣ царствованія императора Николая; нѣсколько лѣтъ позднѣе, она сдѣлалась и правительственною программою. Не было, однако, исполнено, при уничтоженіи крѣпостнаго права, одно изъ требованій Герцена—необходимость сохраненія за крестьянами всей земли, предоставленной имъ въ пользованіе помѣщиками. Такимъ образомъ, теоретическія основы будущаго освобожденія были выработаны лучшими представителями интеллигенціи; оставалось лишь сдѣлать ихъ достояніемъ большинства общества и примѣнить къ дѣлу: такова была задача, поставленная исторіею второй половины 50-хъ годовъ". Эту-же программу, хотя бы въ ея принципіальной постановкѣ вопроса, слѣдовало представить уже въ болѣе или менѣе оффиціальной формѣ самому правительству, что Герценъ и сдѣлалъ, немедленно по смерти Николая Павловича, въ своемъ письмѣ къ новому государю, которое мы и приводимъ ниже. Съ выполненіемъ пожеланій, выставленныхъ въ этомъ письмѣ, должна, по мысли Герцена, начаться ликвидація Николаевскаго режима и обновленіе всего соціальнаго строя Россіи, послѣ чего наступила бы очередь разрѣшенія и другихъ вопросовъ, неминуемо имѣющаго привести нашу родину къ новому политическому порядку вещей въ духѣ завѣтовъ декабристовъ.

Что же дѣлалось въ тѣ дни дома, тамъ на „родномъ берегу", гдѣ оставались всѣ единомышленики Герцена, какъ Петербургскіе, такъ и Московскіе, гдѣ томился въ заточеніи Бакунинъ, гдѣ крестьяне десятками вырѣзали помѣщиковъ, гдѣ надъ всѣмъ и вся царили Бенкендорфы, Дубельты, Перовскіе, Орловы и прочіе изъ славной стаи побѣдителя декабристовъ? Тамъ все было спокойно и благополучно, и, согласно оффиціозному заявленію, провозглашалось—„le présent de la Russie est plus que magnifique"; все оппозиціонное было подавлено—декабристы, эти „amis du quatorze", уже основательно забытые къ тому времени, запрятаны въ рудникахъ и по крѣпостямъ, къ нимъ въ придачу прибавлены Петрашевцы, а вся интеллигенція положена подъ такой прессъ, изъ подъ котораго нельзя было обмолвиться ни

однимъ свободнымъ и откровеннымъ словомъ. Настроеніе общества до нѣкоторой, хотя и слабой, степени отражалось лишь въ беллетристическихъ произведеніяхъ, гдѣ молодые авторы, косвенно ходатайствовали передъ правительствомъ за судьбы Антоновъ Горемыкъ и Хорей и Калинычей, а также находили себѣ выраженіе въ нѣкоторыхъ рукописныхъ произведеніяхъ, которыя передавались изъ дома въ домъ, изъ кружка въ кружокъ секретно и съ пугливою оглядкою. Николай Павловичъ торжествовалъ: его внутренняя политика, которою онъ лично дирижировалъ, разыгрывалась по нотамъ, куда вставлены были отрывки изъ военныхъ маршей, гимновъ, патріотическихъ и церковныхъ пѣснопѣній. Все кругомъ славословило его и за него возносило свои молитвы, хотя самъ виновникъ такого россійскаго благополучія откровенно сознавался, что дѣло внутренняго управленія страною ему не по душѣ, ибо онъ, въ сущности, только, и только „солдатъ", сынъ единой, великой и непобѣдимой русской арміи. „Что же касается другихъ дѣлъ,—говорилъ онъ,—бремя которыхъ на меня взвалило Провидѣніе, то я ими занимаюсь, потому что кому-нибудь нужно же ими заниматься, а я никого около себя не имѣю, кому бы могъ ихъ поручить. Но тѣ дѣла—не по мнѣ".

Не менѣе гладко, по видимости, шли дѣла и внѣшней политики, и раболѣпная Европа покорно склоняла свою голову передъ спасителемъ троновъ, побѣдителемъ мятежныхъ венгерцевъ и сокрушителемъ революцій и всего революціоннаго. Николай Павловичъ былъ настоящимъ вершителемъ судебъ Европы и насмѣшливо говаривалъ: „Достаточно русскому царю зѣвнуть, чтобы даже въ Испаніи всѣ куры на полъ-часа раньше собирались на насѣсти". Но такъ было до поры до времени. Европа не могла забыть русскихъ побѣдъ 1812 и 1813 г.г., ея вмѣшательства во внутреннія ея дѣла, ея кажущейся силы и роста, которые, по мнѣнію многихъ политиковъ, являлись угрозою благоденствію и культурѣ запада. Надо было подыскать благопріятный моментъ, чтобы свести счеты съ восточною сосѣдкою и поставить ее на надлежащее мѣсто—подальше отъ западной границы и поближе къ Уралу и Сибири. Такимъ благопріятнымъ моментомъ явилась русско-турецкая война 1853 г., начатая Россіей въ интересахъ покровительства восточнымъ христіанамъ, но приведшая къ вмѣшательству въ эту войну западной Европы и образованію противъ Россіи европейской коалиціи.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ политическихъ и военныхъ дѣйствій того времени. Въ общедоступной формѣ и послѣдовательно онѣ изложены, на основаніи русскихъ источниковъ, въ 13-ой книжкѣ обширнаго труда покойнаго Н. П. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина", куда и отсылаемъ интересующихся. Эта война, какъ съ Турціей, такъ и съ вооруженными силами коалиціи, на морѣ и сушѣ, явилась знаменательнымъ трагическимъ итогомъ всей внутренней политики императора Николая I, конечнымъ итогомъ установленнаго режима и грознымъ судомъ надъ нимъ самимъ. Здѣсь, на театрѣ военныхъ дѣйствій, онъ получилъ впервые возможность обнаружить себя и какъ „солдатъ", какъ организаторъ арміи, ея руководитель, ея главный стратегъ и тактикъ. Пробилъ часъ міроваго историческаго экзамена Россіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, часъ ея позора и славы, которыя въ этотъ періодъ такъ тѣсно и прихотливо переплелись между собою—позора для оффиціальной бюрократической Россіи и славы для Россіи народной, гдѣ она проявила все величіе своего духа и богатство силъ.

Въ своихъ дивныхъ Севастопольскихъ разсказахъ великій писатель земли русской далъ намъ картины проявленія этого духа и выраженія силъ, а также отвѣтилъ на существенный вопросъ: кто же былъ героемъ тогдашней кровавой эпопеи, гдѣ безропотно и съ полнымъ сознаніемъ своего долга передъ родиной гибли войска и шелъ ко дну флотъ? Авторъ такъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ *): „Главное отрадное убѣжденіе, которое вы вынесли,—это убѣжденіе въ невозможности поколебать гдѣ бы то ни было силу русскаго народа, и эту невозможность видѣли вы не въ этомъ множествѣ траверсовъ, брустверовъ, хитро сплетенныхъ траншей, минъ и орудій, однихъ на другихъ, изъ которыхъ вы ничего не поняли,—но видѣли и въ глазахъ, рѣчахъ, пріемахъ, въ томъ, что называютъ духомъ защитниковъ Севастополя. То, что они дѣлаютъ, дѣлаютъ они такъ просто, такъ мало-напряженно и усиленно, что вы убѣждены, что они еще могутъ сдѣлать въ сто разъ больше... они все могутъ сдѣлать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляетъ работать ихъ, не есть чувство мелочности, тщеславія, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, болѣе властное, которое сдѣлало изъ нихъ людей, такъ-же спокойно

*) Соч. графа Л. Н. Толстого: „Севастополь въ декабрѣ 1854, въ маѣ и августѣ 1855 г.".

живущихъ подъ ядромъ при ста случайностяхъ смерти, вмѣсто одной, которой подвержены всѣ люди, и живущихъ въ этихъ условіяхъ среди безпрерывнаго труда, бдѣнія и грязи. Изъ-за креста, изъ-за названія, изъ-за угрозы не могутъ люди принять эти ужасныя условія: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, рѣдко проявляющееся, стыдливое въ русскомъ, но лежащее въ глубинѣ души каждаго,— любовь къ родинѣ. Только теперь разсказы о первыхъ временахъ осады Севастополя, когда въ немъ не было укрѣпленій, не было войскъ, не было физической возможности удержать его, и все-таки не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ не отдастся непріятелю,—о временахъ, когда этотъ герой, достойный древней Греціи, Корниловъ, объѣзжая войска, говорилъ: „умремъ ребята, а не отдадимъ Севастополя“, и наши русскіе, неспособные къ фразерству, отвѣчали: „умремъ! ура!“—только теперь разсказы про эти времена перестали быть для васъ прекраснымъ историческимъ преданіемъ, но сдѣлались достовѣрностью, фактомъ. Вы ясно поймете, вообразите себѣ тѣхъ людей, которыхъ вы сейчасъ видѣли, тѣми героями, которые въ тѣ тяжелыя времена не упали, а возвышались духомъ и съ наслажденіемъ готовились къ смерти не за городъ а за родину. Надолго оставитъ въ Россіи великіе слѣды эта эпопея Севастополя, которой героемъ былъ народъ русскій...“.

Давъ въ этихъ разсказахъ рядъ портретовъ этого народа-героя, Для котораго Николай Павловичъ не находилъ въ себѣ нравственной силы что-нибудь сдѣлать, чтобы облегчить его крѣпостную участь, гр. Л. Толстой нарисовалъ не мало портретовъ и тѣхъ тщеславныхъ, пустыхъ и трусливыхъ сыновъ Николаевскаго режима, которые командовали этимъ народомъ-героемъ и являлись вершителями его судебъ. Но наиболѣе сильно онъ представилъ всѣхъ этихъ господъ въ приписываемыхъ его перу двухъ Севастопольскихъ военныхъ пѣсняхъ, гдѣ поставилъ точки надъ ихъ именами и вывелъ ихъ на показъ всей Россіи. Приводимъ одну изъ нихъ:

Какъ восьмого сентября
Мы за вѣру и царя
    Отъ фрацузовъ шли (bis).
И такъ храбро отступали,
Что всѣхъ раненыхъ бросали
    Умирать въ степи.
Меньшикъ, умный адмиралъ,
Суденышки потоплялъ
    Въ морѣ-пучинѣ.

Молвилъ: „счастія желаю“,
Самъ ушелъ въ Бахчисараю—
Ну васъ всѣхъ...
Сентъ-Арно позакопался,
Онъ учтиво обращался,
Сзади обошелъ.
Кабы намъ да въ этотъ вторникъ
Не помогъ святой угодникъ
Всѣхъ бы насъ забралъ.
Съ моря, съ суши обложили,
Севастополь нашъ громили
Изъ большихъ маркелъ.
Духовенство все молило,
Чтобъ француза потопило,
Бурю бъ Богъ послалъ.
Была сиверка большая,
Но французъ не унывая,
На морѣ стоялъ.
И князья къ намъ пріѣзжали,
Да француза не спужали,
Все палитъ въ маркелъ.
Штуцеровъ мы поджидали,
Да гвардейцы изъ забрали,
Видно имъ нужней.
Изъ подъ града Кишинева
Ждали войска мы большого,
Войско подошло.
Даненбергу поручили,
Его очинно просили,
Войска не жалѣть.
Павловъ, Соймоновъ .одили,
Круты горы восходили,
Вмѣстѣ не сошлись.
А Липранди хоть видалъ,
Какъ французъ одолѣвалъ,
Руку не подалъ.
Тысячъ десять положили,
Отъ царя не заслужили
Милости большой.
Князь изволилъ разсердиться
Нашъ солдатъ-де не годится,
. . . у показалъ.
Изъ сраженія большого
Вышло только два героя,
Ихъ высочества.
Имъ повѣсили Егорья,
Повезли назадъ на взморье,
Въ Питеръ на показъ.
Зимой вылазки чинили,
Много войска положили,
Все изъ-за туровъ.
Меньшикъ проситъ подкрѣпленья,
Царь ему во утѣшенье
Сакена послалъ.
Меньшикъ, умный адмиралъ,
Царю прямо отписалъ:
„Батюшка нашъ, царь,
Ерофѣичъ твой не крѣпокъ,
Отъ твоихъ же малолѣтокъ
Толку ничего“.

Царь на Меньшика серчалъ,
И въ ту пору захворалъ
На одномъ смотру.
И отправился на небо,
Видно въ немъ была потреба...
И давно пора!
А когда же умиралъ,
Сыну крѣпко наказалъ:
„Ты теперь смотри!"
Сынъ-же къ Меньшику писалъ:
„Ты мой милый адмиралъ,
Къ чорту, братъ, тебя.
Я пошлю туда другого,
Того князя Горчакова,
Къ турку что ходилъ:
Много войскъ ему не надо,
Будетъ пусть ему награда
Красные штаны".
Посылали хоть Хрулева
Выгнать турку изъ Козлова,
Наша не взяла.
И вотъ ждемъ и поджидаемъ
Севастополь защищаемъ,—
Скоро-ль отойдетъ?

Авторъ, такъ высоко вознесшій простой народъ въ своихъ разсказахъ, мѣтко и правдиво очертилъ въ стихахъ изнанку Севастопольской драмы, съ указаніемъ ея главнаго виновника и исполнителей его высочайшей воли.

Севастопольскій разгромъ былъ жестокимъ итогомъ всей политики Николая I, всего созданнаго имъ бюрократическаго показного режима, итогомъ, въ которомъ этотъ режимъ навсегда долженъ былъ рухнуть, оставивъ на поверхности русской жизни море Севастопольской крови. „Мнѣ отмщеніе, и Азъ воздамъ".

Николай Павловичъ, этотъ рыцарь, какъ человѣкъ въ личной жизни, и самый типичный вѣнценосецъ первой половины XIX столѣтія изъ всѣхъ прочихъ европейскихъ вѣнценосцевъ той эпохи, не выдержалъ позора, который выпалъ на долю его системы управленія, гнилостность которой такъ рельефно обнаружилась на Севастопольскихъ бастіонахъ. Страданія его гордой и властолюбивой натуры были воистину велики и онѣ сломили его богатырскую силу. Въ самый разгаръ Севастопольской бойни, стало извѣстнымъ въ столицѣ 7 ферврaля 1855 года, что императоръ опасно боленъ. Бюллетень, за подписью врачей Мандта, Енохина и Карелля, гласилъ: „Болѣзнь его императорскаго величества началась легкимъ гриппомъ: съ 10-го же февраля, при слабыхъ подагрическихъ припадкахъ, обнаружилась лихорадка. Вчера, съ появленіемъ страданія въ правомъ легкомъ, лихорадка

была довольно сильна. Ночь его величество провелъ безъ сна. Сегодня лихорадка нѣсколько слабѣе, и изверженіе легочной мокроты свободнѣе", а на слѣдующій день бюллетень носилъ уже совершенно опредѣленно зловѣщій характеръ: „Затруднительное отдѣленіе мокроты, коимъ страдалъ вчера государь императоръ, усилилось, что доказываетъ ослабѣвающую дѣятельность легкихъ и дѣлаетъ состояніе его величества весьма опаснымъ. Государь императоръ сего числа, въ $3^1/_2$ часа пополуночи, изволилъ исповѣдаться и причаститься Святыхъ Тайнъ, въ полномъ присутствіи духа". Въ первомъ часу дня 18 февраля 1855 г. Николая Павловича не стало... О послѣднихъ минутахъ почившаго императора существуютъ трогательныя воспоминанія, рисующія передъ нами картину величественную и умилительную. Царь умиралъ въ полномъ сознаніи своего наступающаго послѣдняго часа, готовился къ переходу въ міръ иной и дѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія. Вотъ что повѣствуетъ по сему предмету баронесса М. П. Фредериксъ въ своей статьѣ „Изъ воспоминаній" *): „Раздается по Петербургу ночной унылый колокольный звонъ; народъ въ смятеніи бѣжитъ въ церковь, не понимая, что этотъ необычайный звонъ означаетъ... Всѣ начинаютъ съѣзжаться въ Зимній дворецъ; большой корридоръ, ведущій отъ Салтыковскаго до Іорданскаго подъѣзда, въ который имѣетъ выходъ комната государя, набитъ Петербургскимъ обществомъ и публикой; двери открыты для всѣхъ во дворцѣ. Съ отчаяніемъ на лицахъ, въ слезахъ, всѣ жаждутъ что-нибудь узнать... Я теперь стою уже у комнаты умирающаго. Мандтъ слѣдитъ за пульсомъ и объявляетъ о его перемѣнахъ къ худшему. Черезъ 10 минутъ или четверть часа я выхожу въ корридоръ давать извѣстія лицамъ, собравшимся тамъ; извѣстія съ минуты на минуту становятся тревожнѣе... Государь въ полной памяти... Приводятъ и подносятъ на рукахъ всѣхъ царскихъ внуковъ, которыхъ онъ такъ любилъ, подъ благословеніе умирающаго дѣда... Онъ говоритъ великому князю Николаю Александровичу: „Служи Россіи!" Онъ со всѣми прощается, всѣхъ благословляетъ. Когда подходитъ къ нему великая княгиня Елена Павловна, онъ говоритъ: „Eh bien, madame Michel, стопъ машина!"... Онъ твердъ и спокоенъ духомъ, но глаза грустно болѣе всего устремлены на его возлюбленную супругу и на своего наслѣдника... Онъ какъ бы ихъ соединяетъ въ своемъ, полномъ грусти, взглядѣ;

---

*) „Историческій Вѣстникъ"; 1898 г., кн. 2

они стоятъ у его изголовья... Онъ исповѣдуется, и такъ чудна его исповѣдь, что духовникъ рыдаетъ... Онъ пріобщается Св. Таинствъ... Внезапно разнесся слухъ, что курьеръ прибылъ изъ Севастополя; ему докладываютъ... Онъ ничего не хочетъ больше знать о суетѣ мірской и поручаетъ своему наслѣднику принять курьера... Онъ весь въ Богѣ, земное все кончено для него... Восходитъ солнце этого ужаснаго дня, 18 февраля 1855 г. Страдальцу-императору дѣлается все хуже; агонія страшная. Его крѣпкая, сильная природа борется со смертью. Онъ до послѣдней минуты въ полной памяти и не спускаетъ глазъ съ жены... Безъ 10 минутъ въ 12 часовъ пополудни его высокая душа отлетаетъ къ Богу... Все замолкло, всѣ дрожатъ отъ ужаса. Не стало могучаго русскаго царя!.. Кажется всѣмъ, что сейчасъ разверзнется земля, и вся Россія пропадетъ... Баженовъ выходитъ изъ смертной комнаты и, рыдая, призываетъ присутствующихъ молиться..."

Прощаясь съ преемникомъ своего престола, наслѣдникомъ Александромъ Николаевичемъ, умирающій сказалъ ему: „Мнѣ хотѣлось принять на себя все трудное, все тяжкое, оставить тебѣ царство мирное, устроенное и счастливое. Провидѣніе судило иначе. Теперь иду молиться за Россію и за васъ. Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ".

Не стало Николая Павловича *), а съ нимъ вмѣстѣ закончилась и та эпоха, яркимъ выразителемъ которой онъ былъ. Созданному имъ режиму сразу наступилъ конецъ и въ воздухѣ повѣяло свободою, тепломъ и волею. Передовая интеллигенція поспѣшила учесть историческій моментъ и обратилась къ молодому новому императору съ указаніемъ, съ чего надо начать ликвидацію старой Россіи, „клейменой игомъ рабства". Уже 10-го марта Герценъ прислалъ Александру II слѣдующее деликатное и полное теплаго чувства письмо.

---

*) Смерть императора, наступившая такъ неожиданно быстро, не обошлась безъ появленія на сцену и легенды о его самоубійствѣ, легенды, однако, не подтвержденной, никакимъ достовѣрнымъ историческимъ свидѣтельствомъ.

Письмо къ императору Александру второму *).

Смотри—въ волненіи народа,
Смотри—въ движеньи сонмъ царей!
Быть можетъ, отрокъ мой, корона
Тебѣ назначена Творцомъ.
Люби народъ, чти власть закона,
Учись заранѣй быть царемъ.
Люби гласъ истины свободной,
Для пользы собственной любви,
И рабства духъ неблагородный—
Неправосудье истреби...

(К. Рылѣевъ. —„Ода в. к. Александру Николаевичу“ 1823 г., августъ, 30).

„Государь!

„Ваше царствованіе начинается подъ удивительно счастливымъ созвѣздіемъ. На васъ нѣтъ кровавыхъ пятенъ, у васъ нѣтъ угрызеній совѣсти.

„Вѣсть о смерти вашего отца вамъ принесли не убійцы его. Вамъ не нужно было пройти по площади, облитой русской кровью, чтобъ сѣсть на тронъ, вамъ не нужно было казнями возвѣстить народу ваше восшествіе.

„Лѣтописи вашего дома едва-ли представляютъ примѣръ такого чистаго начала.

„И это не все.

„Отъ васъ ждутъ кротости, отъ васъ ждутъ человѣческаго сердца.

„Вы необыкновенно счастливы!

„Судьба, случайность, все окружило васъ чѣмъ-то, говорящимъ въ вашу пользу. Вы одни изъ всѣхъ вашихъ родились въ Москвѣ и родились въ то время, какъ она воскресла къ новой жизни послѣ очистительнаго пожара. Бородинскія и Тарутинскія пушки, едва воротившіяся изъ-за границы, еще покрытыя парижской пылью, возвѣстили съ высотъ Кремля о вашемъ рожденіи. Я пятилѣтнимъ ребенкомъ слушалъ ихъ, и помню.

„Рылѣевъ привѣтствовалъ васъ совѣтомъ (вѣдь вы не можете отказать въ уваженіи этимъ сильнымъ бойцамъ за волю, этимъ мученикамъ своихъ убѣжденій?) Почему именно ваша колыбель внушила ему стихъ кроткій и мирный? Какой пророческій голосъ сказалъ ему, что на вашу дѣтскую голову падетъ современемъ корона?

*) „Полярная Звѣзда“ за 1885 г., Издаваемая Искандеромъ. Лондонъ 1858 г., изд. 2-е.

„Васъ воспиталъ поэтъ, котораго любила Россія.

„Въ день вашего совершеннолѣтія была облегчена судьба нашихъ мучениковъ. Да, вы удивительно счастливы!

„Потомъ ваше путешествіе по Россіи. Я его видѣлъ—и больше, я его очень помню; черезъ ваше предстательство, моя судьба географически улучшилась: меня перевели изъ Вятки во Владиміръ—я не забылъ этого. Сосланный, въ дальнемъ заволжскомъ городѣ, я смотрѣлъ на простую любовь, съ которой шелъ вамъ на встрѣчу бѣдный народъ и думалъ: „Чѣмъ онъ заплатитъ за эту любовь?

„Вотъ оно, время уплаты, и какъ она вамъ легка! Дайте волю вашему сердцу. Вы вѣроятно любите Россію—и вы можете такъ много, много сдѣлать для народа русскаго.

„Я тоже люблю народъ русскій, я его покинулъ изъ любви, и не могъ, сложа руки и молча, остаться зрителемъ тѣхъ ужасовъ, которые надъ нимъ дѣлали помѣщики и чиновники.

„Удаленіе мое не измѣнило чувствъ; средь чужихъ, средь страстей, вызванныхъ войной, я не свернулъ моего знамени. И на дняхъ еще во мнѣ англійскій *народъ всенародно* привѣтствовалъ *народъ русскій*.

„Разумѣется, моя хоругвь—не ваша. Я неисправимый соціалистъ, вы самодержавный императоръ, но между вашимъ и моимъ знаменами можетъ быть одно общее — именно, та любовь къ народу, о которой шла рѣчь.

„И, во имя ея, я готовъ принести огромную жертву. Что не могли сдѣлать ни долголѣтнія преслѣдованія, ни тюрьма, ни ссылка, ни скитанія изъ страны въ страну—то я готовъ сдѣлать изъ любви къ народу.

„Я готовъ ждать, стереться, говорить о другомъ, лишь-бы у меня была живая надежда, что вы что-нибудь сдѣлаете для Россіи.

„Государь, дайте свободу русскому слову. Уму нашему тѣсно, мысль наша отравляетъ нашу грудь отъ недостка простора, она стонетъ въ цензурныхъ колодкахъ. Дайте намъ вольную рѣчь... намъ есть, что сказать міру и своимъ.

„Дайте землю крестьянамъ,—она и такъ имъ принадлежитъ. Смойте съ Россіи позорное пятно крѣпостного состоянія, залечите синіе рубцы на спинѣ нашихъ братій—эти страшные слѣды презрѣнія къ человѣку.

„Отецъ вашъ, умирая,—не бойтесь, я знаю, что говорю съ сыномъ,—признался, что онъ не успѣлъ сдѣлать всего, что хо-

тѣлъ для своихъ подданныхъ... Крѣпостное состояніе явилось какъ угрызеніе совѣсти въ послѣднюю минуту.

„Онъ не успѣлъ въ тридцать лѣтъ освободить крестьянъ!

„Торопитесь! Спасите крестьянина отъ будущихъ злодѣйствъ, спасите отъ крови, которую онъ долженъ будетъ пролить...

„...Я стыжусь, какъ малымъ мы готовы довольствваться, мы хотимъ вещей, въ справедливости которыхъ вы также мало сомнѣваетесь, какъ и всѣ.

„На первый случай намъ и этого довольно...

„Быть можетъ, на той высотѣ, на которой вы стоите, окруженный туманомъ лести, вы удивитесь моей дерзости, можетъ, даже разсмѣетесь надъ этой потерянной песчинкой изъ семидесяти милліоновъ песчинокъ, составляющихъ вашъ пьедесталъ.

„А лучше не смѣйтесь. Я говорю только то, о чемъ у насъ молчатъ. Для этого я и поставилъ на свободной землѣ первый русскій станокъ; онъ, какъ электрометръ, показываетъ дѣятельность и напряженіе сгнетенной силы...

„Нѣсколькихъ капель воды, не находящихъ выхода, достаточно, чтобъ разорвать гранитную скалу.

„Государь, если эти строки дойдутъ до васъ, прочтите ихъ беззлобно, одни—и подумайте потомъ. Вамъ не часто придется слышать искренній голосъ свободнаго русскаго.

„*Искандеръ*".

10 марта 1855 г.

Какъ отнесся Александръ II къ программѣ ликвидаціи Николаевскаго режима, поднесенной ему представителемъ русской передовой интеллигенціи, всего нагляднѣе опредѣляется общимъ наименованіемъ эпохи, наступившей послѣ смерти его родителя. „Эпоха великихъ реформъ" открыла собою новую главу исторической жизни Россіи, но запозданіе ея наступленія повело за собою и быстрое наступленіе революціоннаго періода. Потокъ русской жизни, столь долго и сурово сдерживаемый въ узкихъ берегахъ искусственнаго Николаевскаго режима, съ ликвидаціей послѣдняго, хлынулъ съ неудержимой быстротой, ломая все на пути своего бѣга, обращая встрѣченное въ груду хаоса и унося съ собою безчисленныя и ненужныя жертвы. Наступленіе „эпохи великихъ реформъ" искусственно совпало, такимъ образомъ, и съ періодомъ русскаго революціоннаго движенія, въ которомъ воскресли, между прочимъ, и всѣ элементы, нарожденіе которыхъ было нами отмѣчено въ предыдущихъ главахъ.

ГЛАВА XV.

Вступленіе Александра II на престолъ.—Настроеніе общественныхъ и правительственныхъ сферъ.—Первый манифестъ и рѣчь Государя московскому дворянству.—Передовая статья въ № 1 „Колокола".—Записки по крестьянскому вопросу Кавелина, Кошелева и др.—Рескрипты 1857 г. Назимову и Игнатьеву.—Адрессъ Нижегородскаго дворянства.—Рескрипты.—Привѣтствіе Государю со стороны Герцена, И. Аксакова и др.—Московскій банкетъ и рѣчи.—Рѣчь Кокорева.—Первыя дѣйствія по освобожденію крестьянъ.—Губернскіе комитеты.—Оживленіе провинціи и роль здѣсь передовыхъ общественныхъ элементовъ.—Путешествіе Александра II по Россіи.—Его рѣчи.—Редакціонные комиссіи.—В. Н. Ростовцевъ.

Въ исторіи Россіи XIX столѣтія наблюдаются три момента общественной и государственной жизни, имѣющіе между собою сходство и одинаковое, болѣе или менѣе, значеніе, если не по обстановкѣ, при которой они обнаружились, и не въ фактахъ, которые имъ сопутствовали, то въ психологическомъ значеніи ихъ и томъ общественномъ настроеніи, которымъ они окрашивались. Моменты эти соотвѣтствуютъ смѣнамъ на престолѣ самодержцевъ, каковыя смѣны окутываются повышенною общественною атмосферою, являющеюся результатомъ недовольства завершившимся царствованіемъ и ожиданія отъ новаго представителя династіи такихъ начинаній и дѣйствій, которыя опредѣляются изъ совокупности извѣстныхъ чаяній и надеждъ на лучшее будущее, причемъ послѣднее неизмѣнно толкуется въ смыслѣ долженствующаго послѣдовать расширенія политическихъ и гражданскихъ правъ населенія и предоставленія ему желаемой для него воли и свободы. Смерть Павла I, Николая I и Александра III и, какъ вытекающее отсюда затѣмъ историческое явленіе, вступленіе на престолъ Александра I, Александра II и Николая II,—вотъ тѣ три момента нашей исторической жизни, въ коихъ усматривается одинаковость, идентичность опредѣленнаго общественнаго настроенія: новый самодержецъ даетъ въ первомъ своемъ манифестѣ обѣщаніе слѣдовать въ дѣлѣ управленія политикѣ своихъ предшественниковъ, а населеніе или, правильнѣе, сознательные выразители его политическихъ вожделѣній именно этого-то слѣдованія не желаютъ и не признаютъ, ожидая, наоборотъ, каждый разъ установленія совершенно новаго политическаго курса, причемъ эти пожеланія, высказываемыя или черезъ посредство періодической печати, или черезъ посредство спеціально на этотъ случай подаваемыхъ особыхъ записокъ и адресовъ, звучатъ всегда опредѣленной увѣренностью

въ осуществимости высказываемыхъ пожеланій. Въ разныхъ слояхъ населенія, въ связи съ этимъ, рождаются и нарастаютъ преувеличенные и малообоснованные съ фактической стороны слухи, „достовѣрныя свѣдѣнія" и легенды, которыя именно и создаютъ сказанную повышенную общественную атмосферу. Ходъ дальнѣйшихъ событій и отношеніе къ общественнымъ надеждамъ со стороны верховной власти сплошь и рядомъ не оправдываютъ повышенности соціальной пульсаціи - отсюда нарожденіе на первыхъ же порахъ разнаго рода недоразумѣній, разочарованій, влекущихъ за собою тѣ или иныя печальныя послѣдствія въ ближайшемъ или отдаленномъ будущемъ.

Вступленію на престолъ Александра I, какъ уже читателямъ извѣстно, предшествовала кровавая ночь въ Михайловскомъ замкѣ, гдѣ очистительною жертвою суроваго и безумнаго государственнаго режима явился Павелъ Петровичъ. Понятно, передъ лицомъ окровавленнаго трупа бывшаго монарха новый вѣнценосецъ не могъ давать торжественнаго обѣщанія слѣдовать именно его политикѣ, той самой, за которую тотъ такъ ужасно поплатился. Поэтому онъ связываетъ свое предстоящее служеніе народу съ былыми традиціями своей бабки. Но, на самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно было, что въ своихъ юношескихъ политическихъ мечтаніяхъ Александръ Павловичъ шагнулъ далеко за рубежъ той политики, въ лѣтописяхъ которой стояли печальныя судьбы Новикова и Радищева. Это обстоятельство создало вокругъ его личности особый ореолъ будущаго реформатора въ конституціонномъ духѣ, ореолъ, который онъ сумѣлъ долго поддерживать и даже заставить въ него вѣрить. Не случись Отечественной войны, еще неизвѣстно, во что бы отлились событія внутренней жизни Россіи и какія бы испытанія въ духѣ соціальной неурядицы ей суждено было испытать. Борьба съ Наполеономъ и счастливое ея завершеніе пошли на пользу Александру I въ его обязанностяхъ передъ народомъ, которыя онъ до конца дней своихъ не успѣлъ выполнить. Поразительная разница между поданными имъ въ началѣ царствованія населенію надеждами и практическими результатами царствованія реализовались заговоромъ декабристовъ, бунтомъ 14 декабря и пролитой на Сенатской площади кровью.

Александръ II вступилъ на престолъ, какъ это отмѣтилъ въ своемъ письмѣ къ нему Герценъ, при счастливыхъ обстоятельствахъ для утвержденія въ населеніи вѣры въ свою личность, хотя событія политической жизни страны были до-нельзя сложны

и запутаны, что безусловно ставило его во всѣхъ отношеніяхъ въ чрезвычайно трудное положеніе. „Все замолкло, всѣ дрожатъ отъ ужаса. Не стало могучаго русскаго царя!.. Кажется всѣмъ, что сейчасъ разверзнется земля, и Россія пропадетъ"...—такъ описывала впечатлѣніе отъ смерти Николая Павловича на окружающихъ баронесса Фредериксъ. Но... земля не разверзлась, Россія не пропала и Александръ Николаевичъ сумѣлъ овладѣть ходомъ событій такъ счастливо и удачно (въ первый періодъ, по крайней мѣрѣ, своего царствованія), что даже создалъ для Россіи особую эру исторической жизни, настолько яркую и знаменательную, равную которой по силѣ красокъ не часто встрѣтишь въ исторіи человѣчества. Онъ до извѣстной степени, и притомъ въ вопросѣ первостепенной соціальной важности, оправдалъ довѣріе, которое ему въ кредитъ оказали передовые элементы населенія, причемъ сумѣлъ найти въ себѣ самомъ настолько силы духа и воли, что сталъ много выше всѣхъ, кто его ближайшимъ образомъ окружалъ, и черезъ голову ихъ и своихъ предшественниковъ протянулъ руку и Радищеву, и тѣмъ изъ декабристовъ, которые усматривали въ освобожденіи крестьянъ главный залогъ къ счастью нашей родины. Онъ въ точности оправдалъ и пылкое мечтаніе поэта, вопрошавшаго:

„...Увижуль я народъ освобожденный
И рабство, павшее по мановенію царя?"

Но этого подъема воли хватило у него не надолго, и за періодомъ прогрессивнаго характера послѣдовалъ періодъ регресса и реформаторскаго застоя, притомъ настолько быстро и, пожалуй, неожиданно, что между рѣчами славословія и порицанія не прошло и нѣсколькихъ немногихъ лѣтъ. Виною такой метаморфозы была не столько личность самаго самодержца, сколько тѣ, подчасъ неуловимыя, вліянія, тѣ давленія, которыя оказывали на него окружающіе его, тѣсно связанные своими мыслями, убѣжденіями и традиціями съ былыми временами. Во имя этихъ-то консервативныхъ традицій монарху-реформатору ставились по пути всяческія препоны и затрудненія, благодаря которымъ его реформаціонное выступленіе на авансцену русской жизни происходило съ сильнымъ запаздываніемъ, которое раздражало нетерпѣливыхъ современниковъ, склонныхъ разсматривать это запаздываніе, какъ актъ неустойчивости политическихъ убѣжденій самого монарха. Въ немъ же самомъ дѣйствительно боролись два начала: сознаніе справедливости и законности того,

во имя чего звучалъ общественный голосъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣшимость разорвать съ традиціями, которыя связывали его съ наслѣдіемъ отцовской старины и тѣми, кто этой старинѣ когда-то служилъ и кто нынѣ явился носителями этихъ былыхъ преданій. Получалось трагическое положеніе, гдѣ нужно было или капитулировать передъ напоромъ времени или, опершись на сторонниковъ стараго порядка вещей, вступить съ этимъ временемъ въ борьбу. Внутреннее сознаніе говорило въ пользу перваго положенія, но привычка и отсутствіе связи съ народомъ и страною, установившееся съ издавнихъ поръ, о чемъ нами достаточно говорилось въ началѣ настоящихъ очерковъ, внушало страхъ передъ невѣдомымъ новымъ будущимъ, страхъ, поддерживаемый угрозами и застращиваніями со стороны представителей отцовской службы. Отсюда—колебанія, полумѣры, нерѣшительность и отсюда же усиленіе общественнаго напора, закипаніе политическихъ страстей въ странѣ и угрозы, что эти страсти рано или поздно перейдутъ въ бурю, которая поглотитъ именно того, вокругъ кого она поднялась.

Александръ I сумѣлъ пролавировать между политическими Сциллой и Харибдой и предоставилъ опасность подводныхъ камней своему замѣстителю. Александръ II очутился въ иномъ положеніи: ему довольно открыто былъ предъявленъ къ уплатѣ политическій вексель, онъ сознательно принялъ его къ погашенію, но только послѣ протеста на немъ; и отсюда первые предвѣстники будущей бури, потушить и ослабить которую можно было только при помощи совершенно новыхъ средствъ и мѣропріятій, образцовъ которымъ не находилось въ устарѣвшемъ государственномъ механизмѣ управленія. На созданіе же новаго, въ духѣ ли западно-европейскомъ, конституціонномъ, или московско-земско-соборномъ, не хватало ни рѣшимости, ни даже желанія. Въ послѣдній моментъ, въ день рокового 1 марта 1881 года нѣкоторый силуэтъ рисунка этого обновленнаго механизма какъ будто обозначился, но было уже поздно: пробилъ послѣдній часъ, налетѣлъ девятый валъ и... царя-освободителя не стало.

Это опозданіе было роковымъ и отвѣтственность за это лежитъ какъ на тѣхъ, кто былъ виновникомъ удержанія царя отъ рѣшительнаго шага, который подсказывали ему благожелательныя прогрессивныя общественныя фракціи, такъ и со стороны тѣхъ, которые въ своей террористической программѣ воздѣйствія на бюрократическія сферы предрѣшили насильственную смерть Александра II. На комъ еще большая отвѣтственность въ тра-

гическомъ событіи 1 марта 1881 года—большой вопросъ, и если капли крови скатываются съ былыхъ листковъ „Народной Воли", то слѣды такихъ же капель можно найти и на страницахъ тѣхъ офиціозныхъ и покровительствуемыхъ изданій, которыя благополучно на казенныя средства существуютъ и по-днесь; если слѣды жестокихъ заговоровъ обрисовываются въ описаніи былыхъ конспиративныхъ квартиръ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, то такіе же слѣды можно найти и въ тѣхъ офиціальныхъ канцеляріяхъ и разнаго рода гостиныхъ и кабинетахъ, которымъ не для чего было кутаться мракомъ таинственности и бояться бдительнаго полицейскаго надзора...

Осуществленіе въ жизни того, на что не рѣшился его покойный родитель (освобожденіе крестьянъ) и даже противъ чего онъ боролся (цензурная и судебная реформы), создало Александру Николаевичу незабвенное имя въ русской исторіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тяготѣніе къ бюрократическимъ формамъ управленія, выработаннымъ его предшественниками по трону и особенно укрѣпленнымъ побѣдителемъ декабристовъ, принесло ему мученическій конецъ. Свѣтлое радостное утро закончилось мрачною темною ночью, въ зловѣщей тишинѣ которой, по историческому недоразумѣнію и наперекоръ историческому опыту, пролито было не мало крови, загублено не мало силъ, сбереженію которой придавалось такъ мало значенія. Поднявшаяся въ 1855 г. общественная волна нѣсколько спала наканунѣ 1861 года и въ самый этотъ годъ; въ дальнѣйшемъ она опять нарастала, окрашенная притомъ съ каждымъ днемъ все большей человѣческой кровью и закончилась тѣмъ девятымъ валомъ, который выкинулъ на историческій берегъ 1881 года нѣсколько труповъ: царя-освободителя и организаторовъ его убіенія. Затѣмъ... затѣмъ, какъ и послѣ Александра I, начинается періодъ регрессивный, съ сильнымъ подъемомъ консервативной политики и съ усиленной, но скрытой мобилизаціей общественныхъ прогрессивныхъ силъ, которыя въ 1894 году снова, какъ нѣкогда въ 1801 и въ 1855 годахъ, предъявляютъ верховной власти свои политическія—довольно скромныя на первый разъ—пожеланія. Это предъявленіе, сопровождаемое со стороны интеллигентной массы въ самыхъ разнообразныхъ ея слояхъ преувеличенными ожиданіями, надеждами и, именно, легендами, не встрѣчаетъ не только сочувствія, но даже терпитъ суровый отпоръ. На сцену выступаютъ традиціи и завѣты предшествовавшаго царствованія, попытка продолженія столь, повидимому, крѣпко установленнаго

политическаго курса, но отсутствіе въ исторической дѣйствительности той воли, которая создала режимы Николаевскаго царствованія и царствованія Александра III, ведетъ къ удивительному противорѣчію между этою реальной дѣйствительностью и принципіальными намѣреніями. Между рѣчью представителямъ земства въ 1894 году и актомъ 17 октября 1905 года лежитъ неизмѣримая и притомъ трагическая пропасть...

Вступая на престолъ, Александръ II сознавалъ, что самая неотложная и трудная задача, которая ему предстоитъ, помимо той или иной ликвидаціи несчастной восточной войны, это разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Но свое намѣреніе по сему предмету онъ обнаружилъ не сразу и даже косвенно какъ будто далъ понять, что все должно оставаться по старому. Такъ, въ своемъ первомъ циркулярѣ предводителямъ дворянства вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской, смѣнившій Д. Бибикова, объявилъ, что императоръ повелѣлъ ему „ненарушимо охранять права, вѣнценосными его предками дарованныя дворянству". Эти слова были истолкованы многими современниками, какъ показатель, что на реформы въ ближайшемъ будущемъ разсчитывать нечего. Но, рядомъ съ этимъ, отставка Клейнмихеля, этого ближайшаго сотрудника Николая Павловича и истиннаго столпа Николаевскаго режима, подавала надежду, что старое отцовское наслѣдіе не такъ уже долговѣчно и ненарушимо. По случаю этой отставки кн. Д. Оболенскій, служившій по морскому министерству, писалъ въ октябрѣ 1855 г. М. Погодину: *) „Если вѣрить слухамъ, то, дѣйствительно, великая побѣда одержана нами противъ внутреннихъ враговъ. Клейнмихеля заставили подать въ отставку; эта вѣсть и здѣсь мигомъ разнеслась по всему городу, и радость общественная не знаетъ границъ; я, признаюсь, никакъ не ожидалъ, чтобы восторгъ былъ такъ силенъ... Въ моемъ департаментѣ, гдѣ чиновники не имѣютъ никакого дѣла съ Клейнмихелемъ, всѣ другъ друга отъ избытка чувствъ обнимали;—на улицахъ всѣ, встрѣчаясь, сообщали новость, какъ бы извѣстіе о рѣшительной побѣдѣ. Кокоревъ пишетъ мнѣ, что, когда прочтетъ приказъ объ увольненіи Клейнмихеля, то жертвуетъ на тысячу человѣкъ бѣдныхъ обѣдъ въ теченіе мѣсяца за здоровье царя. По рукамъ ходятъ уже стихи. Какое поразительное зрѣлище. Я читалъ объ этомъ въ Николаевѣ! Что же сказать послѣ того о правитель-

*) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова, кн. XIV.

ствѣ, которое поставило себя въ такое отношеніе къ общественному мнѣнію? Можетъ ли и въ правѣ ли оно негодовать за то, что берутъ взятки и крадутъ казну. Какое же можетъ быть участіе къ общественному дѣлу, когда возможны подобные факты. Ежели бы объяснить государю все значеніе этой радости общественной при вѣсти о паденіи Клейнмихеля, какъ бы, кажется, тогда не понять ему, въ чемъ дѣло. И сколько утѣшительнаго въ этомъ явленіи, какъ видно, что духовныя силы Россіи подавлены искусственнымъ гнетомъ и какъ при малѣйшемъ предлогѣ общество наше способно выразить негодованіе свое. Значитъ, не замерло въ немъ сознаніе, несмотря на всѣ усилія умертвить его, значитъ, вѣрно чуетъ оно, гдѣ истинный врагъ!"

Несмотря на то, что признаковъ реформированія Россіи въ соціальномъ отношеніи на новый ладъ было очень немного, всѣми уже черезъ полгода по смерти Николая Павловича чувствовалось, что наше отечество, несмотря на всѣ не кончившіяся еще тогда бѣды военнаго времени, выходитъ па новый историческій путь и въ немъ уже бойко начинаетъ биться пульсъ эпохи реформъ. Нѣкоторыя облегченія по дѣлу печати, какъ-то: новое болѣе облегченное изданіе сочиненій Пушкина и Гоголя, разрѣшеніе, по ходатайству „Современника", печатанія корреспонденцій съ театра войны, составлявшее до тѣхъ поръ монополію офиціальнаго „Русскаго Инвалида", разрѣшеніе, по почину М. Каткова, всѣмъ періодическимъ изданіямъ касаться вопросовъ внѣшней и внутренней политики, разрѣшеніе Каткову на изданіе „Русскаго Вѣстника" и въ особенности опальнымъ славянофиламъ на изданіе своего органа „Русской Бесѣды" подъ редакціей Т. И. Филиппова, упраздненіе знаменитаго Бутурлинскаго комитета, упраздненіе пресловутаго студенческаго комплекта въ университетахъ, уничтоженіе огромной пошлины на заграничные паспорта и разрѣшеніе свободнаго выѣзда за границу— вотъ тѣ немногочисленныя, но для того времени знаменательныя и давно ожидаемыя ласточки, которыя предвѣщали русскому обществу наступленіе вешнихъ дней.

Въ длинномъ письмѣ къ Погодину отъ 30 января 1856 г. К. Кавелинъ такъ изображаетъ *) настроенія, царившія въ сѣверной столицѣ: „Здѣсь, въ Петербургѣ, общественное мнѣніе расправляетъ все болѣе и болѣе крылья. Нельзя и узнать больше этого караванъ-сарая солдатизма, палокъ и невѣжества. Все

*) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова, т. XIV.

говоритъ, все толкуетъ вкось и вкривь, иногда и глупо, а все-таки толкуетъ, и черезъ это, разумѣется, учится. Если лѣтъ пять-шесть такъ продлится, общественное мнѣніе, могучее и просвѣщенное, сложится и позоръ недавняго еще безголовья хоть немного изгладится. Можетъ быть, и не слѣдуетъ, и еще рано, и глупо въ мои лѣта, а я не нашутку начинаю сердцемъ привязываться къ нынѣшнему царю, который... дѣлаетъ умно, и котораго доброе, исполненное вѣрнаго чутья сердце мало-помалу выводитъ насъ изъ работы египетской. Дай-то Боже, чтобъ хватило у него силъ на благо, чтобъ негодяи его не осѣдлали и гниль... опять не всплыла наружу. А очень ей этого хочется и сторожитъ она крѣпко. Меня также въ ужасъ приводитъ, что когда вымрутъ послѣдніе Александровскіе, ни одной головы не останется. Повѣрьте, что я не преувеличиваю и говорю, къ сожалѣнію, какъ по писанному, ибо предъ глазами у меня происходитъ. Какъ только намордники свалились, старичье разболталось и тутъ-то вы видите всю разницу между поколѣніемъ Александровскимъ и солдатами и писарями... Не Богъ знаетъ какъ густы графъ Киселевъ и графъ Блудовъ, а я просто боюсь, когда вспоминаю, что имъ обоимъ за семьдесятъ; за ними идутъ Долгорукіе, Норовы, Броки, Панины, Анненковы, Ростовцевы. Побывайте на кухнѣ, гдѣ готовятся государственные мѣры и законы, да послушайте этихъ господъ и васъ страхъ возьметъ; нѣтъ, лучше мужикъ изъ-за сохи, лучше торгашъ базарный, чѣмъ эти... годные только на мелкія интрижки... потерявшіе изъ-за нихъ простой здравый смыслъ, которымъ русскіе люди одарены такъ богато. Этому отребью человѣческаго рода, паріямъ русскаго міра, предстоитъ предсѣдательство въ комитетѣ и государственномъ совѣтѣ, и самые сильные голоса, въ качествѣ министровъ. Киселевъ и Блудовъ еще держатъ ихъ въ порядкѣ, а что—когда ихъ не будетъ?.. Разстаюсь съ этой темой... чтобъ сообщить вамъ, а главное поговорить весьма серьезно объ одномъ дѣлѣ, о которомъ и у васъ и у всѣхъ честныхъ людей въ Россіи болитъ сердце. Объ этомъ, что сообщу, если будете говорить, говорите съ выборомъ. Я писалъ вамъ, что царь поднялъ самъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ, въ разговорѣ съ двумя предводителями, воронежскимъ и рязанскимъ. Съ его легкой руки и пошли толковать, и теперь толкуютъ открыто, гласно, вездѣ, всюду, совѣщаются, идетъ обмѣнъ мыслей, и статей и проектовъ множество или уже написано, или пишутся и мысль созрѣваетъ. Замѣчательно, что то, чего... не

могли добиться въ тридцать лѣтъ, то явилось само собою, готовое, въ одинъ годъ добраго, кроткаго, благонамѣреннаго и простосердечнаго правленія; общественное мнѣніе *единогласно* твердитъ, что непремѣнно рѣшить этотъ вопросъ надо. Помѣщики, самые дикіе, осуждены на молчаніе, масса даже степныхъ баръ, пріѣзжающихъ сюда, согласны, что положеніе невыносимо. А еще въ 1854 и въ февралѣ и мартѣ 1855 года государственный совѣтъ бился изъ-за того, чтобъ инвентарей не вводить въ Витебскую и Могилевскую губерніи. Просто, бездна раздѣляетъ 18 февраля 1855 года и 17 марта 1856 года! Партіи, сколько я разумѣю, образовываются въ правительствѣ такимъ образомъ: Киселевъ, старый боецъ, и его сторонники смотрятъ на дѣло односторонне и бюрократически: имъ бы все хотѣлось сдѣлать дѣло... безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Но этимъ только испортишь вопросъ, потому что владѣльцы, какъ и естественно, станутъ грудью за свои гражданскія права, т. е. за свой карманъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ и его товарищъ молчатъ, не благопріятствуютъ этому вопросу. Ланской призывалъ даже предводителей, находящихся въ Петербургѣ, и самымъ пошлымъ образомъ доказывалъ невозможность и ненужность измѣнить теперешнее положеніе крѣпостныхъ и что совершенно достаточно только не тиранить ихъ, объявилъ, что государь и не помышляетъ дотрагиваться до крѣпостного права, и что онъ, Ланской, поручаетъ имъ объявить объ этомъ дворянству ихъ губерній.

„Вотъ одна тема. Другіе люди, тоже заслуживающіе полнаго довѣрія, прибавляютъ къ этой рѣчи нѣсколько словъ, которыя совершенно измѣняютъ смыслъ ея. Они утверждаютъ, будто бы Ланской заключилъ тѣмъ, что правительство теперь нимало не помышляетъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, но что если оно рѣшится принять какія-нибудь мѣры въ этомъ отношеніи, то оно непремѣнно и во всякомъ случаѣ сдѣлаетъ это не безъ вѣдома дворянства. Если эти слова были сказаны, то они, вѣроятно, значатъ слѣдующее: ходятъ разные слухи и только; будьте спокойны. Правительство не рѣшится на это, какъ доселѣ было, втайнѣ, а непремѣнно, въ дѣлѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ интересахъ дворянства, посовѣтуется съ нимъ. Какъ бы то ни было, но я могу вамъ сказать за вѣрное, что слова Ланского никого не испугали, никого не обрадовали и съ каждымъ днемъ объ этомъ вопросѣ толкуютъ громче и больше. Елена Павловна горой стоитъ за это дѣло; но ея вѣрный практическій тактъ

указываетъ ей ясно, что безъ вознагражденія владѣльцевъ дѣло не пойдетъ. Константинъ и императрица не произнесли еще никакъ, но оба сильно интересуются вопросомъ и изучаютъ его. Марія Николаевна противъ, и это нехорошо, т. е. можетъ повредить дѣлу, по ея вліянію... Я, съ своей стороны, убѣжденъ и сердцемъ, и умомъ, и всѣмъ моимъ существомъ, что изъ всѣхъ вопросовъ—вопросъ, изъ всѣхъ золъ—зло, изъ всѣхъ несчастій нашихъ—несчастіе есть крѣпостное право. Не то, чтобъ мало было у насъ худого и отвратительнаго и безъ того; но все, что вы ни возьмете, прицѣплено къ этому крѣпостному злу и легко измѣнится къ лучшему, когда его не будетъ".

Таково свидѣтельство современника, чрезвычайно важное и по сдѣланной въ немъ группировкѣ фактическаго матеріала, благодаря которому мы знакомимся съ психологическимъ настроеніемъ правительственныхъ сферъ, и какъ голосъ умѣреннаго западника, намѣчающаго часть, и при томъ самую существенную, той политической программы, которую выставила для новаго правительства къ выполненію либеральная часть общества. Мы видимъ, что эта программа сходится съ тѣми пожеланіями, которыя, въ лицѣ Герцена, высказала и лѣвая общественная фракція. Кавелинъ ставитъ къ разрѣшенію только крѣпостной вопросъ, Герценъ беретъ дальше и проситъ „вольной рѣчи", говоря: „намъ есть, что сказать міру и своимъ". Въ обоихъ случаяхъ, однако, мы не встрѣчаемъ никакого указанія на стремленіе со стороны общественныхъ группъ къ измѣненію формы правленія или обновленія правительственнаго механизма. Всѣ держатъ себя деликатно по отношенію новаго вѣнценосца и не предъявляютъ ему никакихъ повышенныхъ требованій и пожеланій.

Если Кавелинъ представилъ намъ обстоятельную съ фактической стороны картину психологіи правящихъ сферъ, то въ воспоминаніяхъ не безызвѣстнаго нынѣ общественнаго дѣятеля Н. Ф. Анненскаго, напечатанныхъ въ сборникѣ „На славномъ посту", посвященномъ покойному Н. К. Михайловскому, по случаю его сорокалѣтняго литературнаго юбилея, мы встрѣчаемъ удачно нарисованную картину тогдашняго общественнаго настроенія.

Въ очеркѣ „Сорокъ лѣтъ назадъ" Н. Ф. Анненскій, нарисовавъ предварительно мрачный фонъ дореформенной русской дѣйствительности и обращаясь затѣмъ къ первымъ годамъ но-

ваго царствованія, говоритъ: *) „Но среди этого царства произвола, безправія, продажности и жестокости пробивался уже нѣкоторый свѣтлый лучъ. Старые порядки жизни держались еще внѣшнею силою, но исчезла уже увѣренность въ ихъ незыблемости и непоколебимости. Напротивъ, все сильнѣе и сильнѣе чувствовалось, что такъ идти далѣе нельзя, что неизбѣжно должны наступить другія времена и иные порядки. Это убѣжденіе, распространяясь все шире и шире, окрыляло надеждами однихъ, смущало и приводило въ уныніе другихъ. Представители стараго отживающаго строя какъ-то растерялись и потеряли прежнюю самоувѣренность. На почвѣ этой растерянности возникали иногда очень любопытныя неожиданности. Молодые побѣги новой жизни въ то время пробивали уже себѣ выходъ наружу. На общемъ, крѣпостномъ еще фонѣ русской дѣйствительности выступили мѣстами черты, совсѣмъ съ нимъ не гармонировавшія. Однородность общей картины была нарушена. Среди сковывавшаго русскую жизнь ледяного покрова то тамъ, то сямъ показывались проталины. По большей части это были только единичные, отдѣльные факты, происходившіе на поверхности общественной жизни. Важны они были не сами по себѣ, а только какъ симптомъ начинавшагося процесса общественной перестройки. Но въ глазахъ современниковъ значеніе ихъ часто переоцѣнивалось. Переоцѣнивалось съ обѣихъ сторонъ—и со стороны тѣхъ, кто привѣтствовалъ новыя, наступающія времена, и со стороны тѣхъ, кто стоялъ на стражѣ старыхъ. Отсюда тѣ наивные и комичные восторги передъ проявленіями „русскаго прогресса“, которые съ такимъ безпощаднымъ остроуміемъ и, временами, съ такою горечью бичевалъ Добролюбовъ въ „Свисткѣ“. Конечно, вся эта маниловщина не могла способствовать успѣху общественной работы. Но недоразумѣніе и растерянность другой стороны сослужили свою службу обновительному движенію. Быть можетъ, многіе его слабые ростки безъ труда были заглушены и задавлены въ самомъ началѣ, если бы элементамъ ихъ вызвавшимъ и поддерживавшимъ не приписывались силы, гораздо мольшія тѣхъ, какими они на самомъ дѣлѣ обладали. Зачастую „натискъ пламенный“ только потому не вызывалъ „отпоръ суровый“, что растерявшіеся защитники порядка утратили перспективу того, что происходило кругомъ. Что-то новое выступало

*) „На славномъ посту“ (1860—1900 гг.). Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому.

впередъ и властно о себѣ заявило,—но очертанія, размѣры и сила этого новаго представлялись еще очень смутно. Эта неопредѣленность и давала просторъ всякимъ неожиданностямъ. Стоитъ вспомнить, напримѣръ, хотя бы нѣкоторыя явленія изъ жизни школы той эпохи. Въ нее вдругъ ворвалась струя свѣжаго, свободнаго воздуха; подъ грубою и суровою оболочкою дореформеннаго режима начала шевелиться мысль, развязывалась рѣчь. Оригинальную фигуру въ школѣ того времени представлялъ „учитель словесности“, - чаще всего именно на него выпадала роль проводника новыхъ вѣяній, зародившихся въ окружающей средѣ. Данный толчокъ будилъ работу мысли среди молодежи,— а внѣшняя дисциплина, при всей ея грубости, не ставила преградъ для этой работы. То же самое происходило и въ другихъ областяхъ общественной жизни: и здѣсь можно было натолкнуться на рѣзкіе контрасты между общимъ казеннымъ строемъ этой жизни и пробивающимися—то тутъ, то тамъ—проблесками совершенно иного порядка идей и отношеній. И здѣсь въ очень значительной степени играла роль тоже растерянность и неувѣренность въ своей почвѣ охранителей старыхъ устоевъ“.

Ту растерянность правящихъ сферъ, на которую указываетъ г. Анненскій, отмѣчаетъ и офиціальный составитель небезызвѣстнаго конфиденціальнаго изданія „Обзора революціоннаго движенія“, гдѣ сказано: „Мишле былъ правъ, утверждая въ написанномъ въ 1851 г. на русскій народъ пасквилѣ (легенда о Костюшкѣ), что все, что онъ сказалъ о нравственномъ ничтожествѣ Россіи, слабо, въ сравненіи съ тѣмъ, что говорятъ сами русскіе. Правительство не только не возвышало голоса, но какъ бы само было оглушено шумнымъ потокомъ разыгравшихся въ литературѣ страстей, хлынувшихъ въ имъ же открытые шлюзы и съ тою стремительностью, которая всегда является результатомъ быстраго паденія преградъ послѣ принудительнаго застоя въ теченіе многихъ лѣтъ. Дѣятельность администраціи того времени похожа на отдыхъ послѣ бдительнаго надзора въ теченіе многихъ лѣтъ. Напримѣръ, надзоръ за типографіями былъ до того небреженъ, что запрещенныя лондонскія изданія свободно литографировались въ Москвѣ подъ видомъ профессорскихъ лекцій и развозились студентами на извозчикахъ цѣлыми кипами, нисколько не упакованныя и ничѣмъ не покрытыя. Вліяніе лондонскаго станка съ 1856 по 1867 г.—фактъ несомнѣнный“.

Хотя большая часть здѣсь сказаннаго относится скорѣе къ періоду 1859—1866 г., но элементъ *растерянности*, отмѣчае-

мый и г. Анненскимъ, и офиціальнымъ изданіемъ, дѣйствительно выступаетъ наружу очень рано, почти немедленно послѣ смерти Николая Павловича. Этой растерянности въ значительной мѣрѣ содѣйствовала та неизвѣстность дѣйствительныхъ плановъ относительно политическаго будущаго, которые принесъ съ собою на престолъ новый монархъ и тѣхъ дѣйствительныхъ принциповъ управленія, которыми онъ собирается руководствоваться. Если Николай Павловичъ въ первые дни послѣ смерти старшаго брата являлся для общества своего рода загадкою, то, какъ извѣстно, событія скоро помогли разгадать эту загадку, и въ разгромѣ декабристовъ разъ навсегда сказалась вполнѣ опредѣленно его индивидуальность. Не такъ стоялъ вопросъ примѣнительно къ его сыну, который, оставляя въ сторонѣ вопросъ о личныхъ свойствахъ характера, какъ правитель, являлся для всѣхъ также настоящимъ сфинксомъ. Въ теченіе почти полугода онъ ничѣмъ себя не обнаруживаетъ, а его прошлое, какъ наслѣдника цесаревича, пріобщеннаго уже родителемъ къ дѣлу управленія, не даетъ основаній для опредѣленныхъ выводовъ. „Очень трудно сказать съ увѣренностью, какихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ придерживался императоръ Александръ II въ моментъ своего воцаренія,—говоритъ А. А. Корниловъ въ своихъ историко-культурныхъ очеркахъ „Губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу въ 1858—1859 гг.“ *).—Д. П. Хрущовъ, близко стоявшій въ то время къ высшимъ правительственнымъ кругамъ, свидѣтельствуетъ, что въ петербургскомъ обществѣ въ самые первые дни новаго царствованія „между разными толками и предположеніями ходило мнѣніе, что дворянство будетъ пользоваться при императорѣ Александрѣ особымъ покровительствомъ, аристократія подымется и утвердится“. Слова, сказанныя государемъ въ первый день по кончинѣ императова Николая петербургскимъ дворянамъ, можно было растолковать какъ угодно“. Кромѣ того, ходили слухи, что, будучи наслѣдникомъ престола и засѣдая въ одномъ изъ комитетовъ, работавшихъ по крестьянскому вопросу при Николаѣ I, Александръ Николаевичъ хотя и былъ склоненъ къ признанію правъ закрѣпощенной массы на освобожденіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускалъ возможнымъ осуществленіе освобожденія безъ земельнаго надѣла. Такимъ образомъ, если около имени молодого государя созда-

---

*) А. А. Корниловъ „Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи“.

валась повышенная общественная атмосфера, то она создавалась именно пока въ кредитъ. Тотъ, кто освободилъ университеты отъ гнета, кто далъ нѣкоторыя льготы печати, думалось, не можетъ стать съ прогресивно настроеннымъ обществомъ во враждебныя отношенія по коренному вопросу русской жизни. Впервые только высочайшій манифестъ 19 марта 1856 г., изданный по случаю заключенія мира съ западными державами, разсѣялъ неопредѣленность, которая волновала интеллигентные и дворянскіе круги. Здѣсь мы читаемъ, между прочимъ: „При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ“.

Этотъ довольно кудряво составленный манифестъ ничего опредѣленнаго спеціально по крестьянскому вопросу не говорилъ, но въ самомъ текстѣ, въ понятіяхъ, здѣсь помѣщенныхъ, сказывалось, что правительство собирается стать на новый путь. Спустя нѣсколько дней послѣ манифеста, государь въ своей рѣчи депутатамъ отъ московскаго дворянства сказалъ: „Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія“.

„Слова эти быстро разнеслись въ публикѣ, однихъ ошеломили, другихъ несказанно обрадовали; и съ этого времени начинается рѣшительный поворотъ въ исторіи крѣпостного права“, говоритъ проф. И. Иванюковъ въ книгѣ „Паденіе крѣпостнаго права“ *). Фразу же, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно начнетъ отмѣняться

*) „Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи“, сочиненіе И. Иванюкова.

снизу", изслѣдователь объясняетъ тогдашнимъ настроеніемъ народа, его лихорадочнымъ ожиданіемъ свободы, выразившимся особенно ярко въ періодъ 1854—1855 г.г. многочисленными крестьянскими волненіями въ районѣ девяти губерній, сопровождавшимися, согласно примѣру прошлыхъ временъ, пролитіемъ немалой крови и жестокими экзекуціями.

Если манифестъ 19 марта и московская рѣчь явились болѣе или менѣе опредѣленнымъ показателемъ настроенія государя по крестьянскому вопросу, то рескриптъ 20 ноября 1857 года объ открытіи губернскихъ комитетовъ въ литовскихъ губерніяхъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ реальный отправной пунктъ крестьянской реформы.

Съ указаннаго послѣдняго момента начинается вполнѣ опредѣленная и активная роль самого Александра Николаевича. На него выпадаетъ задача борьбы на нѣсколько фронтовъ: подбодрять и вызывать къ самодѣятельности въ извѣстномъ освободительномъ направленіи дворянство и землевладѣльцевъ, противодѣйствовать окружавшей его бюрократіи въ ея регрессивныхъ тенденціяхъ и изъ ея сонма выбирать себѣ сотрудниковъ, которые бы находили въ себѣ силы отрѣшиться отъ своихъ личныхъ симпатій и убѣжденій и преисполниться волею монарха. Кромѣ того, приходилось сдерживать народныя страсти, а также общественный напоръ, считаться съ законностью котораго тогда еще не представлялось даже мыслимымъ. Занявъ въ крестьянскомъ вопросѣ позицію высшую всего своего правительства, Александръ II, однако, не рѣшился на *довѣріе* къ общественнымъ передовымъ и интеллигентнымъ силамъ страны. Надъ обществомъ продолжалъ тяготѣть приказъ молчанія по самому животрепещущему вопросу отечественной жизни. Традиціи Николаевской эпохи въ данномъ случаѣ владѣли молодымъ самодержцемъ въ полной силѣ, и всѣ упованія на благополучное и успѣшное разрѣшеніе назрѣвшаго дѣла возлагались исключительно на бюрократію и на дворянское сословіе, значеніе котораго, въ качествѣ „опоры трона", усиленно государемъ подчеркивалось. Раскачать, такъ сказать, дворянство, побудить его энергичнѣе пойти навстрѣчу желаніямъ монарха было, должно признаться, дѣломъ нелегкимъ. Для сего Александръ Николаевичъ въ своихъ рѣчахъ къ привиллегированному сословію пускалъ въ ходъ просьбы, уговоры и даже угрозы. Тутъ необходимо отмѣтить совершенно новое явленіе, народившееся съ новымъ царствованіемъ въ русской жизни.

До сихъ поръ всѣ мѣропріятія государственнаго порядка и реформы, осуществляемыя правительствомъ, исходили отъ него самого: оно ихъ намѣчало, предрѣшало, разрабатывало и проводило въ отечественную дѣйствительность. Мнѣнія и содѣйствія по симъ предметамъ отъ соціальныхъ элементовъ родной земли не спрашивалось и требовалось. Александръ II, въ настоящемъ случаѣ, видоизмѣняетъ позицію и, вмѣсто того, чтобы разрубить завязавшійся Гордіевъ узелъ самолично, дѣлаетъ попытку довершить задуманное вкупѣ съ силами бюрократическими и земскими. Въ данномъ случаѣ въ распоряженіе дворянства давался очень благопріятный моментъ, который, при умѣломъ къ нему подходѣ, могъ бы быть очень хорошо использованъ, какъ удобный случай для проявленія своей самодѣятельности и ослабленія канцелярско-бюрократическаго строя. Но мы видимъ нѣчто совершенно обратное: дворянство будируетъ своего монарха и предпочитаетъ апатично ожидать, когда верховная власть возьметъ сословіе за шиворотъ и насильственно заставитъ идти по опредѣленной указкѣ. Привычка къ правительственной опекѣ и регламентаціи оказывается настолько крѣпкою, что даже интеллигентные люди сознаютъ себя безсильными взять предлагаемое дѣло въ свои руки и явить первый примѣръ въ петербургскомъ періодѣ русской исторіи XIX столѣтія совокупной работы силъ правительственныхъ и общественныхъ. Понятно, что главною двигающею причиною въ такой политикѣ противодѣйствія волѣ монарха были соображенія корыстнаго характера, съ одной стороны, и испугъ передъ невѣдомымъ будущимъ, которое рисовалось въ огненныхъ и кровавыхъ краскахъ, — съ другой. Призраки былой пугачевщины тревожили недальновидные умы...

Офиціальный біографъ Александра II, покойный нынѣ С. С. Татищевъ, такъ описываетъ *) ходъ событій, послѣдовавшихъ послѣ коронаціи, когда выяснилось, что рѣчь государя къ московскому дворянству въ 1856 году попала въ пустое простран ство: „Въ концѣ 1856 года Ланской доложилъ государю, что, несмотря на слова, сказанныя имъ въ Москвѣ московскому дворянству и на подобныя же увѣщанія, обращенныя съ тѣхъ поръ его величествомъ къ нѣкоторымъ придводителямъ дворянства, являвшимся въ С.-Петербургъ, несмотря также на собственныя его, министра, неоднократныя внушенія предводителямъ, что пора приняться за дѣло, всѣ подобныя приглашенія остались

*) Русскій Біографическій словарь, т. I.

безъ послѣдствій, и что дворяне продолжаютъ отговариваться тѣмъ, что не знаютъ, на какихъ началахъ правительство желаетъ устроить дѣло, а сами придумать не могутъ. Тогда императоръ призналъ своевременнымъ передать возбужденный имъ

Александръ Ивановичъ Герценъ.

вопросъ на соображеніе и обсужденіе высшихъ государственныхъ сановниковъ, пользовавшихся особымъ его довѣріемъ. Съ этою цѣлью самъ учредилъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ, негласный комитетъ, въ составъ котораго вошли: предсѣдатель

государственнаго совѣта князь Орловъ, съ правомъ предсѣдательства въ комитетѣ въ отсутствіе государя, министры:—внутреннихъ дѣлъ—Ланской, императорскаго двора—графъ Адлербергъ, финансовъ—Брокъ и государственныхъ имуществъ—замѣнившій больного Шереметева М. Н. Муравьевъ, главноуправляющіе: путями сообщенія — Чевкинъ и II отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи графъ Блудовъ; шефъ жандармовъ князь Долгоруковъ и члены государственнаго совѣта: князь Гагаринъ, баронъ Корфъ и генералъ-адъютантъ Ростовцевъ. Завѣдываніе дѣлами комитета было ввѣрено государственному секретарю Буткову".

Работа этого комитета протекала, при явномъ неудовольствіи по сему предмету со стороны государя, медленно, вяло и нерѣшительно, такъ что вскорѣ спустя, при нѣкоторыхъ перетасовкахъ въ его составѣ, его предсѣдателемъ былъ назначенъ Константинъ Николаевичъ, человѣкъ широкихъ либеральныхъ взглядовъ, просвѣщенный, энергичный, въ цѣляхъ оживленія хода дѣла и приданія ему большей интенсивности. По поводу медленнаго хода работъ въ комитетѣ Герценъ помѣстилъ въ № 1 основаннаго имъ къ тому времени (іюль 1857 года) періодическаго листка „Колоколъ", долженствовавшаго служить дополненіемъ къ „Полярной Звѣздѣ", рѣзкую редакціонную статью подъ заглавіемъ „Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей?" Здѣсь мы читаемъ:

Правительство учредило комитетъ, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова *), для разсмотрѣнія вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ людей. Нѣсколько проектовъ было представлено, на которые комитетъ не далъ никакого отвѣта, и, наконецъ, самъ комитетъ закрылся, ничего не сдѣлавъ. Результатомъ его безплодныхъ засѣданій были только кое-какія цензурныя преслѣдованія.

„Вотъ слухи, еще требующіе подтвержденія. Но что выше вѣроятія, что не подвержено никакому сомнѣнію—это то, что съ вступленія на престомъ Александра II, несмотря на всѣ ожиданія и надежды, правительство ничего не сдѣлало для освобожденія крѣпостного сословія и не подвинуло ни на шагъ рѣшенія этого вопроса.

---

*) Это случайная описка. Блудовъ былъ не предсѣдателемъ, а лишь докладчикомъ нѣкоторыхъ записокъ. Вообще нельзя не отмѣтить, что фактическая сторона вопросовъ не всегда въ „Колоколѣ" отличалась особенною точностью. Но для насъ важны здѣсь не факты, а освѣщеніе ихъ.

Что же оно дѣлаетъ? Некогда ему, что ли? Или важное занятіе формою военнаго и штатскаго мундировъ до такой степени поглотило государственную мысль, что ни на какое дѣло не хватаетъ времени? Или правительство довольствуется собственными слезами умиленія, чувствуя себя не такимъ, какъ правительство „Незабвеннаго“, *) и далѣе ничего не хочетъ дѣлать? Или, сквозь шумъ праздниковъ и охотничьихъ трубъ псарей, оно не умѣетъ расслушать кликъ народный?

„Приходится звонить въ колоколъ и сказать этому правительству: Стыдно! Пора проснуться! Теперь еще время. Ты можешь мирнымъ путемъ рѣшить вопросъ освобожденія крѣпостныхъ.

„Vivos voco! Или правительство уже такое мертвое, что никакая государственная нужда его не разбудитъ? Если оно не живое,—зачѣмъ же оно бралось за управленіе государствомъ? Отречься было бы благороднѣе, чѣмъ подавать надежды, на исполненіе которыхъ силъ не хватаетъ. Стало, оно хвастало своей любовью къ Россіи? Стало, оно насъ обманывало? Или оно думало, что Россію можно спасти безъ государственной мысли, а только маленькимъ добродушіемъ, доходящимъ до потачки государственнымъ ворамъ? Въ такомъ случаѣ оно только позорится передъ свѣтомъ.

„Пора проснуться! Скоро будетъ поздно рѣшать вопросъ освобожденія крѣпостныхъ мирнымъ путемъ, мужики рѣшатъ его по своему. Рѣки крови прольются—и кто будетъ виноватъ въ этомъ?—Правительство.

Россія пострадаетъ, а на правительство исторія положитъ клеймо злонамѣренности или бездарности,—въ обоихъ случаяхъ позорное.

„Проснись! Работай не надъ мертвячиной формалистики, а надъ живымъ государственнымъ вопросомъ. Работай, пока время не ушло.

„Vivos voco“!

Черезъ полгода Герцену пришлось на время измѣнить тонъ своего писанія и привѣтствовать Александра II горячей статьей, когда сталъ несомнѣннымъ крупный поворотъ въ политикѣ русскаго правительства,—поворотъ, благопріятный дѣлу освобожденія. Но объ этомъ нѣсколько позже. Пока же необходимо отмѣтить, что если бюрократическія силы въ негласномъ комитетѣ

---

*) Такъ иронически всегда именовалъ Герценъ Николая Павловича.

валась повышенная общественная атмосфера, то она создавалась именно пока въ кредитъ. Тотъ, кто освободилъ университеты отъ гнета, кто далъ нѣкоторыя льготы печати, думалось, не можетъ стать съ прогресивно настроеннымъ обществомъ во враждебныя отношенія по коренному вопросу русской жизни. Впервые только высочайшій манифестъ 19 марта 1856 г., изданный по случаю заключенія мира съ западными державами, разсѣялъ неопредѣленность, которая волновала интеллигентные и дворянскіе круги. Здѣсь мы читаемъ, между прочимъ: „При помощи небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; правда и милость да царствуетъ въ судахъ ея; да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, подъ сѣнію законовъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, всѣмъ равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ“.

Этотъ довольно кудряво составленный манифестъ ничего опредѣленнаго спеціально по крестьянскому вопросу не говорилъ, но въ самомъ текстѣ, въ понятіяхъ, здѣсь помѣщенныхъ, сказывалось, что правительство собирается стать на новый путь. Спустя нѣсколько дней послѣ манифеста, государь въ своей рѣчи депутатамъ отъ московскаго дворянства сказалъ: „Я узналъ, господа, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толковъ по предмету столь важному, я считаю нужнымъ объявить вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это теперь. Но, конечно, господа, сами вы знаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе. Передайте слова мои дворянству для соображенія“.

„Слова эти быстро разнеслись въ публикѣ, однихъ ошеломили, другихъ несказанно обрадовали; и съ этого времени начинается рѣшительный поворотъ въ исторіи крѣпостного права“, говоритъ проф. И. Иванюковъ въ книгѣ „Паденіе крѣпостнаго права“ *). Фразу же, что „лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, нежели дожидаться, когда оно начнетъ отмѣняться

*) „Паденіе крѣпостнаго права въ Россіи“, сочиненіе И. Иванюкова.

снизу“, изслѣдователь объясняетъ тогдашнимъ настроеніемъ народа, его лихорадочнымъ ожиданіемъ свободы, выразившимся особенно ярко въ періодъ 1854—1855 г.г. многочисленными крестьянскими волненіями въ районѣ девяти губерній, сопровождавшимися, согласно примѣру прошлыхъ временъ, пролитіемъ немалой крови и жестокими экзекуціями.

Если манифестъ 19 марта и московская рѣчь явились болѣе или менѣе опредѣленнымъ показателемъ настроенія государя по крестьянскому вопросу, то рескриптъ 20 ноября 1857 года объ открытіи губернскихъ комитетовъ въ литовскихъ губерніяхъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ реальный отправной пунктъ крестьянской реформы.

Съ указаннаго послѣдняго момента начинается вполнѣ опредѣленная и активная роль самого Александра Николаевича. На него выпадаетъ задача борьбы на нѣсколько фронтовъ: подбодрять и вызывать къ самодѣятельности въ извѣстномъ освободительномъ направленіи дворянство и землевладѣльцевъ, противодѣйствовать окружавшей его бюрократіи въ ея регрессивныхъ тенденціяхъ и изъ ея сонма выбирать себѣ сотрудниковъ, которые бы находили въ себѣ силы отрѣшиться отъ своихъ личныхъ симпатій и убѣжденій и преисполниться волею монарха. Кромѣ того, приходилось сдерживать народныя страсти, а также общественный напоръ, считаться съ законностью котораго тогда еще не представлялось даже мыслимымъ. Занявъ въ крестьянскомъ вопросѣ позицію высшую всего своего правительства, Александръ II, однако, не рѣшился на *довѣріе* къ общественнымъ передовымъ и интеллигентнымъ силамъ страны. Надъ обществомъ продолжалъ тяготѣть приказъ молчанія по самому животрепещущему вопросу отечественной жизни. Традиціи Николаевской эпохи въ данномъ случаѣ владѣли молодымъ самодержцемъ въ полной силѣ, и всѣ упованія на благополучное и успѣшное разрѣшеніе назрѣвшаго дѣла возлагались исключительно на бюрократію и на дворянское сословіе, значеніе котораго, въ качествѣ „опоры трона“, усиленно государемъ подчеркивалось. Раскачать, такъ сказать, дворянство, побудить его энергичнѣе пойти навстрѣчу желаніямъ монарха было, должно признаться, дѣломъ нелегкимъ. Для сего Александръ Николаевичъ въ своихъ рѣчахъ къ привиллегированному сословію пускалъ въ ходъ просьбы, уговоры и даже угрозы. Тутъ необходимо отмѣтить совершенно новое явленіе, народившееся съ новымъ царствованіемъ въ русской жизни.

никѣмъ не можетъ быть контролируемо. Всякій надзоръ за частными дѣйствіями, всякое преслѣдованіе оныхъ производитъ всегда противное ожидаемому дѣйствію. Чѣмъ менѣе люди будутъ знать о дѣлѣ для нихъ близкомъ, кровномъ, тѣмъ болѣе они будутъ предаваться предположеніямъ, вѣрить самымъ нелѣпымъ слухамъ и распространять ихъ съ прибавками и измѣненіями. Большая по возможности гласность есть одно вѣрное средство противъ ложныхъ слуховъ и толковъ; а потому самый безопасный путь при производствѣ этого великаго переворота состоитъ въ томъ, чтобы издавать по сему предмету указы сколь возможно ясные, опредѣлительные и написанные языкомъ общепонятнымъ *); чтобы дозволено было печатать, подъ надзоромъ цензуры, благонамѣренныя, съ знаніемъ дѣла составленныя разсужденія о предметахъ, относящихся къ этому дѣлу; чтобъ общества сельскаго хозяйства приглашены были къ разъясненію и обсужденію вопросовъ по сему предмету; однимъ словомъ, чтобы вызвана была къ содѣйствію всякая опытность и чтобъ ничто не оставалось въ туманной неизвѣстности и неопредѣлительности. Должно бояться не гласности въ обсужденіи сего вопроса, а ложныхъ толковъ и слуховъ, а они питаются лишь отсутствіемъ вѣрныхъ свѣдѣній, подавленіемъ всякихъ разсужденій и, пуще всего, таинственностью. Вопросъ не страшенъ самъ по себѣ, а грозенъ онъ по худому направленію, которое могутъ ему дать изъ ложнаго страха, по милости предосторожностей, которыми захотятъ его окружить, и отъ недостатка въ знаніи дѣла. По невѣдѣнію можно сдѣлать зла столько же и даже больше, чѣмъ по злонамѣренности. Уничтоженіе крѣпостного состоянія есть дѣло святое; оно и должно совершиться на Божьемъ свѣтѣ, а не во мракѣ,—не тайно и не однимъ умомъ—разумомъ нѣсколькихъ лицъ, лишенныхъ по своему офиціальному положенію возможности знать дѣйствительный бытъ помѣщиковъ и крестьянъ, ихъ отношенія, ихъ нужды и потребности".

По поводу своего проекта по крестьянскому вопросу Кошелевъ въ своихъ „Запискахъ" сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности: „Объ этомъ составлявшемся мною проектѣ, котораго главныя основанія я охотно сообщалъ всѣмъ, кто только меня о томъ спрашивалъ, много заговорили въ Москвѣ; и въ декабрѣ

---

*) Здѣсь Кошелевъ дѣлаетъ любопытную оговорку, въ видѣ уступки консервативнымъ кругамъ: „Слово *свобода*,—говоритъ онъ,—отнюдь не должно быть употребляемо въ указахъ; это тѣмъ удобнѣе, что слова: отпускъ на волю однозначущи и не возбуждаютъ въ народѣ ложныхъ понятій".

1857 г. я получилъ отъ князя Василія Андреевича Долгорукова, начальника III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, письмо, которымъ онъ, по высочайшему повелѣнію, просилъ меня прислать, для представленія государю императору, копію съ моего проекта. При этомъ онъ удостовѣрялъ меня, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ не какъ начальникъ III-го отдѣленія, а какъ мой знакомый и какъ генералъ-адъютантъ. Я тотчасъ ему отвѣтилъ, что за счастіе счелъ бы немедленно исполнить волю государя императора, но что записки мои еще не готовы; что теперь, съ особеннымъ рвеніемъ, примусь за окончательную ихъ отдѣлку и что не премину ихъ къ нему, князю Долгорукову, препроводить, какъ скоро онѣ будутъ закончены. Тогда я сильно принялся за свои „Записки", а черезъ три недѣли онѣ были готовы. Въ одно и тоже время подобныя же записки были составлены Ю. Ѳ. Самаринымъ и княземъ В. А. Черкасскимъ. Когда наши записки были готовы, т. е. въ январѣ 1858 г., мы ихъ прочли другъ другу, и оказалось слѣдующее: Ю. Ѳ. Самаринъ предлагалъ только расширить и сдѣлать болѣе удобоисполнимымъ прежній указъ объ обязательныхъ крестьянахъ. Князь Черкасскій имѣлъ въ виду освобожденіе крестьянъ только съ усадьбами. Мой проектъ былъ самый радикальный... По выслушаніи моихъ записокъ, Ю. Ѳ. Самаринъ пришелъ въ ужасъ отъ радикальности предлагаемыхъ мною мѣръ и сказалъ: „Нѣтъ! Не посылайте этихъ записокъ; онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ идти назадъ". А князь Черкасскій, напротивъ того, выразился такъ: „Нѣтъ! Отправьте ихъ непремѣнно. Хотя ваши записки дѣйствительно радикальны, но не бѣда—изъ большого можно убавить и все-таки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать". Записки мои были окончательно на бѣло переписаны въ трехъ экземплярахъ—для государя, для князя Долгорукова и для министра внутреннихъ дѣлъ—и въ первыхъ числахъ февраля онѣ были отправлены въ Петербургъ. Впослѣдствіи мои записки, какъ и многія другія, были переданы сперва въ главный комитетъ по крестьянскимъ дѣламъ, а потомъ въ редакціонныя комиссіи, учрежденныя подъ предсѣдательствомъ I. И. Ростовцева. И тутъ, по отзывамъ членовъ комитета и комиссіи, мои записки оказались самыми радикальными; но мой радикализмъ остался таковымъ не на долгое время; вскорѣ онъ былъ значительно превзойденъ, и меня чуть-чуть не зачислили въ отсталые".

Изъ этихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Кошелевымъ, мы видимъ, что правительство начинаетъ понемногу сознавать, что ему собственными силами, какъ это практиковалось въ предыдущую эпоху, не обойтись, а потому оно, хотя и осторожно, но предусмотрительно, ищетъ себѣ связи съ общественными элементами и опору въ нихъ. И дѣйствительно, какъ показала дальнѣйшая практика, бюрократія не имѣла отъ себя что сказать существеннаго по вопросу русской жизни первостепенной важности, вопросу, которымъ она зъ рядѣ комитетовъ въ теченіе многихъ лѣтъ такъ много занималась. Только записки частныхъ лицъ, какъ Кавелина, Кошелева, Самарина и др., и явились тѣмъ живымъ матеріаломъ, который влилъ сдержаніе въ дѣло и создалъ ему ту общественную базу, на которой впослѣдствіи и было построено все зданіе обновленной Россіи.

Кромѣ Кошелева, какъ уже отмѣчено выше, записки были представлены еще Ю. Самаринымъ и княземъ Черкасскимъ, отличавшіяся значительно болѣе умѣреннымъ тономъ. „Умѣренность программы, выставленной Самаринымъ и Черкасскимъ, объяснялась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, составляя свои проекты вдали отъ центра общественной жизни и въ близкомъ соприкосновеніи съ малокультурными закоренѣлыми помѣщиками, они вдвойнѣ старались быть осторожны: съ одной стороны, они боялись испугать правительство болѣе смѣлыми предположеніями, съ другой—они надѣялись путемъ компромиссовъ сдѣлать свои проекты пріемлемыми со стороны различныхъ группъ правинціальнаго дворянства“—такъ объясняетъ А. А. Корниловъ нерѣшительность послѣднихъ двухъ авторовъ записокъ въ крестьянскомъ вопросѣ.

Рѣшительнымъ поворотнымъ и отправнымъ пунктомъ въ дѣлѣ крестьянской реформы, а вмѣстѣ съ тѣмъ во взаимоотношеніяхъ силъ общественныхъ и правительственныхъ явился рескриптъ 20 ноября 1857 г., вызванный донесеніемъ виленскаго генералъ-губернатора Назимова о желаніи помѣщиковъ трехъ сѣверо-западныхъ губерній замѣнить существовавшія доселѣ крѣпостныя отношенія добровольными соглашеніями помѣщиковъ и крестьянъ по образцу прибалтійскихъ губерній. Это донесеніе послужило для Александра II, въ значительной мѣрѣ подпавшаго въ тотъ періодъ подъ вліяніе либеральныхъ вѣяній, выразителями коихъ при дворѣ явились великій князь Константинъ Николаевичъ и великая княгиня Елена Павловна, и сильной точкой опоры въ его отношеніяхъ и къ вяло дѣйствовавшему

комитету и къ будировавшему и неподвижному дворянству. Государь далъ повелѣніе министру внутреннихъ дѣлъ вмѣстѣ съ министромъ государственныхъ имуществъ составить въ нѣсколько дней знаменитый рескриптъ на имя Назимова, въ которомъ высказана была уже безповоротная его воля, чтобы по крайней мѣрѣ въ трехъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ немедленно было приступлено къ выработкѣ проектовъ по улучшенію быта крестьянъ, причемъ основаніями къ таковому улучшенію намѣчалось, что: 1) помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ въ теченіе опредѣленнаго времени въ свою собственность, посредствомъ выкупа; сверхъ того, предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщика; 2) крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества, помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція и 3) при устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ оброковъ.

Для выработки болѣе подробныхъ основаній всей предположенной въ сказанномъ направленіи реформы въ губерніяхъ учреждались особые комитеты. Въ заключеніе рескрипта было сказано: „открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе, на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мною оказываемое сему сословію, призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ, и что при помощи Божіей, и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ кончено съ надлежащимъ успѣхомъ“. Но вслѣдъ за этими словами въ видѣ извѣстнаго предостереженія по адресу крестьянъ, съ одной стороны, и нѣкотораго утѣшенія дворянства, съ другой, было прибавлено: „Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго наблюдать, чтобы крестьяне оставались въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и лживымъ толкамъ“.

Этотъ рескриптъ былъ освѣщенъ болѣе ясно дополнительнымъ къ нему отношеніемъ со стороны министра внутреннихъ

дѣлъ, гдѣ между прочимъ категорически говорилось, что упоминаемое въ рескриптѣ улучшенie быта помѣщичьихъ крестьянъ въ сущности обозначаетъ простое ихъ освобожденie отъ крѣпостной зависимости послѣ переходнаго срока, высшiй предѣлъ котораго опредѣлялся двѣнадцатью годами.

Сначала предполагалось и самый рескриптъ и дополненie къ нему министра внутреннихъ дѣлъ сдѣлать строго конфиденцiальными и тѣмъ какъ бы не нарушать завѣтовъ бюрократической старины, но самъ Александръ II мужественно сдернулъ съ нихъ задуманную завѣсу канцелярской таинственности, сообщивъ о нихъ представлявшемуся ему воронежскому губернатору. Этотъ откровенный поступокъ со стороны монарха имѣлъ самыя благiя послѣдствiя: было рѣшено оба акта разослать при циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства „для свѣдѣнiя и соображенiя“ на случай, если бы дворянства и прочихъ россiйскихъ губернiй пожелали послѣдовать почину, сдѣланному въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Рескриптъ Назимову является однимъ изъ самыхъ знаменательныхъ историческихъ моментовъ того перiода „кануна реформъ“—онъ создалъ цѣлую историческую эпоху первостепенной важности, гдѣ реакцiонно-оппозицiонному дворянству былъ нанесенъ рукою самого императора рѣшительный ударъ, послѣ чего этому дворянству, несмотря на всю бушевавшую въ немъ злобу и неудовольствiе, осталось только покориться велѣнiямъ неумолимой судьбы. Самъ царь становился во главѣ опредѣленнаго движенiя и недовольнымъ элементамъ приходилось до времени смириться съ тѣмъ, чтобы исподволь и въ тиши ловкими ходами испортить впечатлѣнie великаго историческаго часа. И эта подспудная работа не замедлила обнаружиться въ слѣдующемъ рескриптѣ на имя петербургскаго военнаго генералъ-губернатора Игнатьева, вызванномъ ходатайствомъ петербургскаго дворянства о дозволенiи ему „приступить къ составленiю предположенiй объ улучшенiи быта его крестьянъ“. По поводу этого ходатайства и послѣдующихъ дѣйствiй столичнаго дворянства г. Иванюковъ говоритъ *): „что только близостью къ трону и непосредственнымъ на него влiянiемъ императора, а не великодушнымъ стремленiемъ отказаться отъ отжившихъ сословныхъ привилегiй, можно объяснить фактъ, что это дворянство первое

*) „Паденie крѣпостного права въ Россiи“.

выступило съ ходатайствомъ,—очевиднымъ свидѣтельствомъ тому служитъ составленный петербургскимъ комитетомъ проектъ положенія о крестьянахъ. Ни въ одномъ комитетскомъ проектѣ, за исключеніемъ развѣ костромскаго, не выразились такъ ярко поползновенія крайней помѣщичьей партіи. Проектъ „положенія“ петербургскаго дворянства стремился сохранить весь букетъ и матеріальные интересы крѣпостныхъ порядковъ, присоединивъ къ нимъ чуждые русской жизни юридическіе институты, въ родѣ майоратовъ, привилегій рыцарскихъ имѣній и другіе остатки феодализма, которыми пользуется остзейско-прусское юнкерство. Фактъ этотъ многознаменателенъ. Титулованное, чиновное дворянство первой столицы Россіи и здѣсь, какъ и всегда, разошлось съ требованіями народной жизни и обнаружило полное незнаніе Россіи“.

Обращеніе петербургскаго дворянства вызвало отвѣтный рескриптъ, гдѣ, въ противность рескрипту Назимову, тонъ нѣсколько мѣнялся и на первый планъ выдвигается именно выраженіе: „улучшеніе быта крестьянъ“,—выраженіе, которымъ яркость освободительной мысли въ рескриптѣ 20 ноября значительно затемняется. Происходитъ очень знаменательная сама по себѣ, хотя и мало замѣтная на первый взглядъ фальсификація: „освобожденіе“ подмѣнивается „улучшеніемъ быта“, каковое выраженіе съ этого момента становится офиціальнымъ. Реакція сдѣлала первую ставку и выиграла ее, но плоды этого выигрыша не сразу сказались; общее же, такъ сказать, всероссійское впечатлѣніе оставалось не отъ рескрипта Игнатьеву, а отъ рескрипта Назимову, на который какъ-никакъ, а приходилось хоть и съ болью въ сердцѣ откликнуться.

Государь и сочувствующіе реформѣ ожидали съ явнымъ нетерпѣніемъ голоса русскаго дворянства, причемъ царило убѣжденіе, что первая заговоритъ первопрестольная. Но тамъ сидѣлъ знаменитый гр. Закревскій, крѣпостникъ самъ и личный другъ кн. Орлова, такого же крѣпостника, какъ и онъ. Подъ вліяніемъ Закревскаго московское дворянство стало выжидать хода событій въ Петербургѣ, при чемъ ему нашептывали, что имѣются оттуда достовѣрныя свѣдѣнія, свидѣтельствующія о ближайшей „перемѣнѣ въ дѣлахъ“. Губернаторы прочихъ губерній силились склонить дворянства ввѣренныхъ имъ губерній къ скорѣйшему отвѣту на царское обращеніе, и первый, кто успѣлъ въ этомъ направленіи, былъ нижегородскій губернаторъ А. Н. Муравьевъ,

старый масонъ и декабристъ, поплатившійся за свои убѣжденія въ свое время каторжными работами.

17 декабря 1857 г. нижегородское дворянство подписало всеподданнѣйшій адресъ, гдѣ выразило „единодушное желаніе принести его императорскому величеству полную готовность исполнить его священную волю, на основаніяхъ, какія его величеству благоугодно будетъ указать“. Починъ былъ сдѣланъ, и Александръ II въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ поспѣшилъ поблагодарить тѣхъ, кто первый пошелъ навстрѣчу его волѣ. Ледъ дворянскаго равнодушія былъ сломанъ, и адреса посыпались изъ губерній въ столицу, къ подножію престола. Отвѣты не замедлили слѣдовать, при чемъ не лишне отмѣтить, что наиболѣе холодныя отношенія установились между монархомъ и московскимъ дворянствомъ. Послѣднее представило свой адресъ съ нѣкоторою туманною оговоркою, которая рѣзнуло царское ухо, столь чутко въ тѣ дни настроенное. Отвѣтъ послѣдовалъ холодный, даже какъ бы съ нѣкоторою долею пренебреженія, явившагося своего рода отместкою за запоздалое выступленіе на историческую сцену привиллегированнаго сословія той самой первопрестольной, на которую такъ еще недавно возлагалось столько надеждъ.

„Рядъ рескриптовъ и министерскихъ отношеній въ отвѣтъ на подаваемыя дворянствами прошенія о разрѣшеніи приступить къ устройству быта крестьянъ былъ только географическимъ развитіемъ началъ, высказанныхъ въ первыхъ двухъ рескриптахъ и дополнительныхъ отношеніяхъ министра, съ незначительными измѣненіями, вызванными мѣстными особенностями нѣкоторыхъ губерній, — говоритъ г. Иванюковъ. — Вслѣдъ за рескриптами послѣдовали избранія въ члены дворянскихъ комитетовъ и открытія ихъ, а 21 апрѣля 1858 г. препровождена была къ начальникамъ губерній и подробная программа занятій губернскихъ комитетовъ, составленная и разсмотрѣнная по повелѣнію императора въ главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу“.

Если дворянство такъ трудно было поднять на отвѣтъ царю, то совершенно иная картина рисуется изъ положенія, занятаго въ тѣ дни русской интеллигенціей. Здѣсь сразу послѣ рескрипта Назимову началось настоящее ликованіе, и потомки Радищева съ полнымъ энтузіазмомъ встрѣтили твердый шагъ государя императора по пути эмансипаціи. Отъ полноты своей прекрасной души отозвался на развертывавшіяся событія въ Россіи Герценъ, ко-

торый еще такъ недавно грозно восклицалъ: „vivos voco!“ Въ № 9 „Колокола“ за 1858 года онъ помѣстилъ вдохновенную статью „Черезъ три года“. Приводимъ ее цѣликомъ:

„*Ты побѣдилъ Галилеянинъ*!, и намъ легко это сказать потому, что у насъ въ нашей борьбѣ не замѣшано ни самолюбіе, ни личность. Мы боролись изъ-за дѣла, кто его сдѣлалъ, тому и честь.

„Середь общаго сѣтованія, перерываемаго дикими криками бѣсновавшихся реакціонеровъ и солдатъ пьяныхъ отъ крови, середь нелѣпой войны и глубокаго паденія всего западнаго материка—мы, со страхомъ гадая, обращали взглядъ нашъ на молодого человѣка, шедшаго занять упраздненное мѣсто на желѣзномъ тронѣ, котораго тяжелыя ножки далеко вдавились въ нашу грудь.

„Отъ васъ ждутъ кротости“, говорили мы ему: „отъ васъ ждутъ человѣческаго сердца—вы необыкновенно счастливы!“ и робко, мучимые сомнѣніемъ, прибавляли: „Дайте свободу русскому слову! Смойте съ Россіи позорное пятно *крѣпостного состоянія*“.

„И потомъ мы ждали съ внутреннимъ трепетомъ, надѣясь, негодуя, прислушиваясь къ движенію, къ вѣстямъ. Послѣ тридцатилѣтняго ожиданія—нетерпѣніе простительно...

„Книга Корфа *) оскорбила насъ, она такъ грубо дотронулась до воспоминаній святыхъ намъ, она такъ безпощадно напомнила намъ свинцовое время, въ которое мы столько страдали.

„...А тамъ это старье, эта олицетворенная подагра правительства, эти мозоли, мѣшающія ему идти впередъ... надежды удалялись, мы становились еще бѣднѣе и готовились, скрестя руки на груди, остаться печальными обличителями нѣмыхъ злодѣйствъ, совершающихся въ мракѣ канцелярскихъ тайнъ.

„Но съ того дня, какъ Александръ II подписалъ первый актъ, всенародно высказавшій, что онъ со стороны освобожденія крестьянъ, что онъ его хочетъ, съ тѣхъ поръ наше положеніе къ нему измѣнилось.

„Мы имѣемъ дѣло уже не съ случайнымъ преемникомъ Николая—а съ мощнымъ дѣятелемъ, открывающимъ новую эру для Россіи, онъ столько же наслѣдникъ 14 декабря, какъ Николая. Онъ работаетъ съ нами—для великаго будущаго.

---

*) Посвященная Николаю Павловичу.

„Имя Александра II отнынѣ принадлежитъ исторіи; если бъ его царствованіе завтра окончилось, если бъ онъ палъ подъ ударами какихъ-нибудь крамольныхъ олигарховъ, бунтующихъ защитниковъ барщины и розогъ — все равно. Начало освобожденія крестьянъ сдѣлано имъ, грядущія поколѣнія этого не забудутъ!

„Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ онъ могъ безнаказанно остановиться. Нѣтъ, нѣтъ, пусть онъ довершитъ начатое—пусть полный вѣнокъ закроетъ его корону. Гнилое, своекорыстное, дикое, алчное противодѣйствіе закоснѣло въ помѣщикахъ, ихъ волчій вой—не опасенъ. Что они могутъ противопоставить, когда противъ нихъ *власть и свобода*, образованное меньшинство и весь народъ, царская воля и общественное мнѣніе.

„И пуще всего общестенное мнѣніе. Лишь бы теперь нашимъ плантаторамъ и ихъ противникамъ позволено было вполнѣ высказаться, помѣряться... И тутъ, какъ во всемъ, поневолѣ бьешься въ другое *великое искомое* современной Россіи— въ гласность. Гласность ихъ казнитъ, прежде нежели дойдетъ до правительственнаго бича или до крестьянскаго топора.

„Посмотрѣли бы мы, право, au grand jour на этихъ защитниковъ розогъ и крѣщеной собственности, забрызганныхъ кровью жертвъ, на этихъ грабителей по дворянской грамотѣ, на этихъ людокрадовъ, отнимающихъ у матерей дѣтей, торгашей, продающихъ дѣвокъ, барышниковъ рекрутами! Выходите же на арену—дайте на васъ посмотрѣть, родные волки великороссійскіе, можетъ, вы поумнѣли со временъ Пугачева, какая у васъ шерсть, есть ли у васъ зубы, уши? Знаете что—до помѣщичьяго права добираются, до вольности дворянской! это мужика-то и не посѣчь, и не заставить поработать четвертый и пятый день, двороваго-то и не поколотить. Помилуйте! Выходите же изъ вашихъ тамбовскихъ и всяческихъ берлогъ—Собакевичи, Ноздревы, Плюшкины и пуще всего Пѣночкины, попробуйте не розгой, а перомъ, не въ конюшнѣ, а на бѣломъ свѣтѣ высказаться. Помѣряемтесь!

„Вамъ можно было бы отпустить грѣхъ неправаго наслѣдства, преемственнаго стяжанія, преступленія—вашихъ злодѣевъ-отцовъ, вашихъ изверговъ-матерей, за раскаяніе, за молчаніе, за умѣнье понести потерю, за угрызенье совѣсти. Но вы упорствуете, вы защищаете ваше право... стало, вы сознательно, обдуманно берете на себя всю отвѣтственность. Вы никогда не осмѣливались даже поворчать, когда вашихъ дѣтей ссылали въ Сибирь, когда съ вами обращались, какъ съ холопами, и вы

осмѣливаетесь теперь показывать зубы. Исторія васъ разсудитъ съ императоромъ Александромъ II и съ народомъ русскимъ— смотрите только, какъ бы она для васъ не настала слишкомъ скоро. Подумайте объ этомъ!

„Что касается до насъ—нашъ путь впередъ назначенъ, мы идемъ съ тѣмъ, кто освобождаетъ и пока онъ освобождаетъ; въ этомъ мы послѣдовательны всей нашей жизни. Какъ бы слабъ

Николай Платоновичъ Огаревъ.

нашъ голосъ ни былъ, все же онъ *живой голосъ*, и какъ бы нашъ колоколъ ни былъ малъ, все же его слышно въ Россіи, а потому скажемъ еще разъ, что мы убѣждены, что Александръ II не равнодушно приметъ привѣтствіе людей, которые сильно любятъ Россію,—но также сильно любятъ и свободу, „которымъ

не нужно его бояться и которые для себя лично *ничего не ждутъ, ничего не просятъ*".

„Но, ничего не прося, они желали бы, чтобъ Александръ II видѣлъ въ нихъ представителей свободной русской рѣчи, противниковъ всему, останавливающему развитіе, во всемъ, ограничивающемъ независимость—но не враговъ! Они потому этого хотятъ, что имъ стало дорого мнѣніе *освободителя крестьянъ*. „Ты побѣдилъ Галилеянинъ! Искандеръ".

Рядомъ съ Герценомъ отозвался на событія въ Россіи и Н. Огаревъ, помѣстившій въ томъ же № письмо, гдѣ писалъ:

„Другъ Искандеръ!"

„Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ II сталъ во главѣ великаго русскаго дѣла—освобожденія крестьянъ, мнѣ больно прятаться отъ него подъ псевдонимомъ. Я слишкомъ уважаю его, чтобы дѣлать что-нибудь не въявь и неоткровенно, и потому прошу тебя печатать мои стихи и прозу съ моимъ именемъ и замѣнить имъ буквы Р. R., которыхъ таинственность основывалась на недовѣріи къ власти. Н. Огаревъ".

И дѣйствительно, вслѣдъ за симъ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ статей друга Герцена, посвященныхъ главнымъ образомъ разработкѣ крестьянскаго вопроса и проектовъ по сему предмету, подписанныхъ уже полнымъ именемъ автора. Такъ радостно, съ довѣріемъ и сердечно отнеслась зарубежная русская литература къ почину государя императора и не менѣе ея горячи были чувства, высказываемыя дома на зарѣ новой отечественной жизни со стороны писателей прогрессивныхъ лагерей, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ.

„Современникъ", „Отечественныя Записки", „Атеней", „Библіотека для чтенія", „Русскій Вѣстникъ"—всѣ эти главнѣйшіе органы тогдашней ежемѣсячной печати стали въ отношеніи серьезнаго историческаго момента, переживаемаго родиною, въ положеніе, благопріятствующее правительству на его реформаціонномъ пути. Крестьянскій вопросъ, бывшій столь долго запретнымъ для прессы, получаетъ право гражданства, хотя далеко и не полное на первое время, и многіе журналы отводятъ вопросу спеціальныя рубрики. Въ Москвѣ даже открылся при „Русской Бесѣдѣ" особый еженедѣльный журналъ

подъ редакціей А. И. Кошелева, „Сельское Благоустройство", посвященный исключительно дѣлу преобразованія сельскаго быта, гдѣ въ первомъ № между прочимъ говорилось: „Примитесь же дружно за предлежащее намъ дѣло, люди разныхъ мнѣній! Соединитесь во имя великой задачи, выдвинутой государственною жизнью нашего отечества и благовременно сознанной мудростью и благодушіемъ нашего царя! Имъ подань высокій примѣръ. Онъ призвалъ насъ всѣхъ къ дѣлу; пусть и каждый изъ насъ словомъ и дѣломъ призываетъ всѣхъ и каждаго къ разъясненію и утвержденію собственныхъ своихъ мнѣній объ основной задачѣ нашего времени".

Но наиболѣе восторженно привѣтствовалъ новый правительственный курсъ младшій представитель славянофильства, И. С. Аксаковъ, встрѣтившій наступившій 1858 г. слѣдующимъ стихотвореніемъ:

День встаетъ багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день!
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.

Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно,
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ.

Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ!
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ имъ безъ расчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.

Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ, съ братьевъ снявшимъ гнетъ,
Людямъ миръ, благословенье,
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ!

Представители печати не только въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, но и въ совершенно новой до тѣхъ поръ формѣ проявленія своихъ чувствъ спѣшили съ привѣтомъ зарѣ новой жизни и виновнику этой зари. Впервые нарождаются общественные банкеты, гдѣ раздаются горячія рѣчи, отзвуки которыхъ прокатились по всей родной землѣ.

Иниціаторомъ банкетовъ явился Кавелинъ, который и положилъ начало ихъ организаціи въ Москвѣ, въ цѣляхъ собрать на обѣдъ по случаю рескрипта 20 ноября 1857 г. всѣ литературныя силы первопрестольной и соединить ихъ „въ духѣ примиренія". Единомышленно съ Кавелинымъ дѣйствовалъ въ томъ же направленіи Катковъ, тогда великій англофилъ и поклонникъ англійскаго конституціонизма. Однако, задуманное соединеніе всѣхъ партій не могло состояться, ибо славянофилы отказались въ полномъ своемъ составѣ на немъ участвовать. Мотивъ отказа былъ изложенъ Ю. Самаринымъ въ письмѣ на имя М. Погодина *). „Сейчасъ былъ у меня Кавелинъ,—писалъ онъ.—Отъ него я узналъ, что обѣдъ дается безъ вѣдома мѣстнаго начальства, слѣдовательно, оно не связано изъявленіемъ согласія и можетъ представить дѣло какъ ему вздумается. Въ добромъ его расположеніи, кажется, нельзя сомнѣваться. Обѣдъ дается профессорами, учеными, журналистами, т. е. людьми болѣе или менѣе, въ качествѣ пишущихъ, состоящими въ подозрѣніи. Что вы дѣлаете! Завтра Закревскій, вся Москва первыхъ четырехъ классовъ, весь Петербургъ прокричитъ: „Вотъ какихъ союзниковъ пріобрѣлъ государь. Красные всѣ за него!..." Это все какъ разъ въ руку противникамъ эмансипаціи. Лучшаго *для нихъ* нельзя было ничего придумать. Вы имъ подвертываете полный, неисчерпаемый доводъ въ то самое время, какъ у нихъ выбито изъ рукъ оружіе, такой доводъ, котораго нельзя опровергнуть, потому что онъ основанъ на понятіи о личной благодарности того и другого лица. Какъ вы думаете: сочувствіе Павлова, Кетчера, ваше, заявленное во всеуслышаніе, подкрѣпитъ государя въ его убѣжденіяхъ или заставитъ его призадуматься? И это все въ то время, какъ вышло по цензурѣ предписаніе не пропускать никакихъ толковъ о циркулярѣ ни pro, ни contra. Я понимаю ихъ, но васъ рѣшительно не понимаю. Я отказался рѣшительно отъ всякаго участія въ манифестаціи, которую считаю вредною, несвоевременною, отъ которой не можетъ быть

---

*) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николай Барсуковъ. Кн. пятнадцатая.

никакой пользы, а можетъ произойти большой вредъ для дѣла. Я знаю, какъ это будетъ перетолковано, и иду на все. Пусть думаютъ, что хотятъ. Недалеко то время, когда каждому дастся возможность заявить свое убѣжденіе не количествомъ налитыхъ и разбитыхъ рюмокъ, не звонкими фразами, а дѣломъ".

Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

Точно такъ же формулировалъ свой отказъ отъ участія въ обѣдѣ и А. Кошелевъ въ письмѣ на имя А. Попова *): „Вѣроятно, вы уже знаете, что въ Москвѣ вздумали давать обѣдъ въ честь рескриптовъ. Сперва мы было согласились въ немъ участвовать, потому что намъ говорили, что дворянство и офиціальныя лица принимаютъ въ немъ участіе; но, узнавши, что

*) Тамъ же.

никою изъ офиціальныхъ лицъ изъ дворянства московскаго не будетъ, мы, разумѣется, отказались. Въ такую важную минуту должно не раздражать и безъ того взволнованныя страсти: не съ кулебякою во рту и не съ бокаломъ шампанскаго должно начинать дѣло, а съ молитвою, съ полнымъ чувствомъ великаго дѣла, намъ предлежащаго, съ любовью и миромъ должно приступать къ дѣлу. Вотъ почему мы отказались отъ обѣда. Господамъ учредителямъ хотѣлось *поговорить*, а намъ предстоитъ *дѣйствовать*. Съ болтовнею дѣла не сдѣлаешь".

Таковы были причины отказа славянофиловъ отъ участія въ обѣдѣ, причины, въ которыхъ мы слышимъ не мотивы партійнаго раздора, которымъ всегда такъ была полна наша литературная среда, а соображенія высшаго порядка. Они, которымъ готовилась такая выдающаяся и, скажемъ, рѣшающая роль въ проведеніи великой реформы, какъ бы съ благоговѣніемъ готовились къ своему отвѣтственному служенію родинѣ и съ особенною осторожностью оберегали и самое дѣло и свои силы, которыя къ тому времени уже болѣе или менѣе въ лицѣ Н. Милютина, Ю. Самарина и отчасти А. Кошелева мобилизовались около дѣла эмансипаціи.

Но какъ бы тамъ ни было, а первый по времени не научно-литературный и юбилейный, а настоящій общественный банкетъ съ идейной политической подкладкой состоялся 28 декабря 1857 г. въ залахъ купеческаго собранія съ участіемъ въ немъ до 180 человѣкъ. Одушевленіе присутствовавшихъ было громадное, многіе плакали отъ умиленія, обнимались и поздравляли другъ друга съ наступленіемъ въ Россіи новой эры. Первый тостъ былъ провозглашенъ М. Катковымъ, который началъ свою рѣчь словами *): „Бываютъ эпохи, когда всякому ясно чувствуется присутствіе Промысла въ жизни, когда въ глубинѣ души каждаго слышатся явственно отвѣты настоящаго на вопросы прошедшаго, отвѣты, вносящіе миръ и благоволеніе въ сердца людей, возстановляющіе смыслъ, правду и равновѣсіе въ жизни—эпохи, когда силы мгновенно обновляются и созрѣваютъ, когда люди, съ усиленнымъ біеніемъ своего собственнаго сердца, сливаются въ общемъ дѣлѣ и общемъ чувствѣ,—благо поколѣніямъ, которымъ суждено жить въ такія эпохи. Благодареніе Богу: намъ суждено жить въ такую эпоху". Въ заключеніе ораторъ провозгласилъ: „Да почіетъ благословеніе Божіе на царѣ

*) Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 15.

нашемъ и на всѣхъ его начинаніяхъ! Да царствуетъ онъ долго, и долго да будетъ источникомъ правды и блага для нашей родины! Отъ полноты сердца всѣхъ и каждаго провозглашаю тостъ за здравіе государя императора".

За Катковымъ говорили А. Станкевичъ, М. Погодинъ, Павловъ, И. Бабстъ, К. Кавелинъ, В. Кокоревъ. Павловъ началъ свою рѣчь словами: „Господа, новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало. Мы дожили, мы присутствуемъ при второмъ преобразованіи Россіи!"... Свою рѣчь Кавелинъ произнесъ при непрерывныхъ рукоплесканіяхъ и крикахъ „браво!" Онъ говорилъ, между прочимъ: „... 20 ноября чаяли многія поколѣнія, уже сошедшія въ могилу; его издавна провидѣли лучшіе умы и благороднѣйшія сердца; оно озабочивало многія царствованія; въ ожиданіи его истомилось много сердецъ, жаждавшихъ правды; къ нему сходились надежды и раздумье всѣхъ истинно просвѣщенныхъ людей... Будемъ надѣяться, что дворянство окажется способнымъ обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы; у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей".

Но особенное, такъ сказать, историческое значеніе имѣла рѣчь представителя Московскаго купечества В. Кокорева, этого замѣчательнаго и оригинальнаго представителя народа, которому, по словамъ Некрасова, „рѣчь въ народномъ русскомъ стилѣ милліоны принесла". Рѣчь этого оратора началась такъ: „Свѣтъ и тьма—въ вѣчной борьбѣ. Одолѣваетъ свѣтъ—настаютъ красные дни, выпрямляется человѣчество, добрѣетъ, умнѣетъ, растетъ. Одолѣваетъ тьма—настаютъ горькіе дни, изсыхаетъ человѣчество, вянетъ тѣло, ноетъ духъ, умаляется сила народная. Тьмы всегда и вездѣ болѣе, чѣмъ свѣта; но зато сила свѣта такова, что лучъ его сразу освѣщаетъ огромное пространство, и тьмы какъ будто не бывало. Присутствіе такого живительнаго свѣта мы чувствуемъ на самихъ себѣ, и его лучъ исходитъ прямо изъ сердца Александра II. Свѣтъ этотъ выразился въ желаніи царя вывести нашихъ братьевъ-крестьянъ изъ того положенія, которое томило ихъ и вмѣстѣ съ ними насъ почти три вѣка; этимъ свѣтомъ озарена и согрѣта вся русская земля. Вотъ подъ какимъ яркимъ освѣщеніемъ приближаемся мы къ новому 1858 году! Для 15.000.000 людей восходитъ заря гражданской полноправности. Отъ этого мы всѣ вступаемъ въ новую жизнь, перерождаемся, пульсы наши бьютъ иначе: ровно, твердо, сильно,

мы можемъ теперь сравнить свое положеніе съ людьми, подошедшими къ горѣ, по которой надо взобраться кверху. Не мало на этомъ непротоптанномъ пути мы встрѣтимъ колючихъ растеній. Но намъ ли бояться препятствій въ то время, когда на горѣ стоитъ нашъ царь и призываетъ насъ къ себѣ? Мы видимъ это сквозь открывшіеся промежутки частокола. И та гора, къ которой подвело насъ время, есть гора упованія. Царь уповаетъ на народъ, народъ уповаетъ на царя... Первое и главное зерно обновленія—судьба 15.000.000 крестьянъ—вложено царемъ въ общественную мысль. Да ниспошлетъ Провидѣніе всѣмъ открывающимся комитетамъ о крестьянахъ чистоту въ намѣреніяхъ, ясность въ воззрѣніяхъ, а главное, такую простоту въ опредѣленіи новыхъ началъ, которая была бы понятна всѣмъ и выражала бы очевидную удобопримѣняемость къ жизни. Этому трудному дѣлу вѣрнѣйшій другъ и помощникъ—свѣтозарная гласность мнѣній, сообщаемыхъ изъ каждой мѣстности во всеобщее свѣдѣніе широковѣщательнымъ печатнымъ словомъ". Затѣмъ Кокоревъ обратился къ купечеству съ надеждой, что оно, само недавно вышедшее изъ крестьянъ, поспѣшитъ составить фондъ для пособія крестьянамъ при выкупѣ ими усадебъ. Онъ говорилъ: „Будемъ откровенны и искренны въ такіе великіе дни отечественныхъ событій и скажемъ правду. Вѣдь всѣ наши капиталы сложились главнымъ образомъ отъ крестьянъ. Это замѣчаніе всего болѣе относится къ виннымъ откупщикамъ; ихъ капиталы составились уже чисто изъ трудовыхъ крестьянскихъ денегъ. Какой прекрасный случай возблагодарить крестьянъ за богатства, ими же сообщенныя!"

Рѣчь Кокорева, въ особенности, когда она появилась въ цѣломъ видѣ на страницахъ „Русскаго Вѣстника" и получила широкое распространеніе, вызвала неодобреніе правительственныхъ сферъ, все еще не могшихъ отрѣшиться отъ былыхъ традицій рабской рѣчи, о чемъ еще будетъ говорено далѣе, и даже нашла себѣ откликъ на страницахъ „Колокола". По поводу ея Герценъ писалъ: „Мы не думаемъ, чтобы В. А. Кокореву было непріятно увидѣть свое имя въ „*Колоколъ*"; „*Колоколъ*" нашъ ему звонитъ не такъ, какъ Закревскимъ и Панинымъ,—а празднично и дружески за его благородное, прекрасное предложеніе, сдѣланное на московскомъ предпраздкованіи *грядущаго* освобожденія крестьянъ. Примѣръ, поставленный В. А. Кокоревымъ, его имя не будетъ забыто исторіей. Мы тѣмъ болѣе должны оцѣнить рѣчь г. Кокорева, [illegible] будучи самъ откупщи-

комъ, онъ публично призналъ вредъ и недобросовѣстность системы винныхъ откуповъ".

Со всѣмъ размахомъ своей широкой натуры Кокоревъ не ограничился общественною рѣчью на обѣдѣ 28 декабря, а поспѣшилъ организовать еще и второй и третій обѣды, при чемъ новый обѣдъ долженъ былъ быть данъ въ честь нижегородцевъ, откликнувшихся первыми на царскій призывъ къ свободѣ. Кокоревскій обѣдъ состоялся въ январѣ и на него явились уже тѣ, кто уклонились отъ участія въ банкетѣ въ купеческомъ собраніи. Здѣсь также лились рѣчи представителей русской науки, литературной общественности, и всѣ въ духѣ сочувствія и любви къ новому государю и съ выраженіями надеждъ на скорое осуществленіе освобожденія крестьянъ.

Итакъ, интеллигенція ликовала, и въ то время, когда помѣстное дворянство очень неохотно и съ тяжелымъ подъемомъ шло навстрѣчу царскому призыву, люди мысли и пера самымъ теплымъ образомъ и отъ всей души раскрывали монарху свои чувства. Профессоръ И. Иванюковъ *), описавъ вкратцѣ обѣдъ 28 декабря и изложивъ произнесенныя тутъ рѣчи, говоритъ: „Вотъ тѣ чувства, золотыя чувства, выраженія которыхъ запрещала администрація; вотъ представители той живой, честной литературы, которая подвергалась стѣсненіямъ въ обсужденіи вопросовъ историческаго переворота, вопросовъ полнаго преобразованія государственнаго и соціальнаго быта Россіи! Спрашивается: гдѣ же были настоящіе сподвижники царской мысли — въ дворянствѣ, большинство котораго надо было толкать только еще для заявленія ходатайства о разрѣшеніи заняться „улучшеніемъ быта крестьянъ", или въ литературѣ, обнаруживавшей въ полномъ смыслѣ энтузіазмъ при первой вѣсти о великомъ дѣлѣ? Литература, бывшая въ то время вѣрнымъ отголоскомъ передовой Россіи, ликовала и превозносила до небесъ благородныя чувства самодержца, призывающаго народъ къ новой жизни и открывающаго для Россіи врата широкаго будущаго. Но этотъ шумъ, этотъ восторгъ пробудившагося общества были не въ интересахъ охранителей, испугали рутину. Они указали на попытки литературы подать свой голосъ въ дѣлѣ разрѣшенія колоссальнаго преобразованія, какъ на опасное явленіе, и литература была стѣснена".

---

*) „Паденіе крѣпостного права въ Россіи".

Такимъ образомъ, между царемъ и лучшими сынами народа поспѣшила въ радостный весенній день отечественной жизни стать бюрократія и это было однимъ изъ очень чреватыхъ послѣдствіями моментовъ, гдѣ искусственно создавалось неудовольствіе общественныхъ элементовъ и гдѣ монархъ, только что начавшій сближаться со своими вѣрноподданными, выдавался головою наиболѣе нетерпѣливымъ и страстнымъ представителямъ передовой мысли. Старый порядокъ мстилъ ему за попытки освободительнаго новаторства и пріуготовлялъ въ Россіи ту политическую рознь и смуту, которая въ послѣдствіи отмѣтилась такими трагическими эпизодами и событіями.

Одновременно съ тѣмъ, какъ въ провинціи образовывались, открывались и начинали свою работу по крестьянскому дѣлу губернскіе комитеты, шло постепенное обновленіе и состава въ центральномъ правительственномъ механизмѣ. Такъ, во-первыхъ, бывшій секретный комитетъ былъ переименованъ въ главный комитетъ по крестьянскому дѣлу и при немъ образована коммиссія, въ составѣ графа Панина, С. Ланского, М. Муравьева и I. Ростовцева, гдѣ должны были сосредоточиваться и быть разсматриваемы проекты, имѣвшіе поступать изъ губернскихъ комитетовъ; во-вторыхъ, все вліяніе въ крестьянскомъ вопросѣ перешло изъ рукъ А. Левшина къ славянофилу Милютину, впослѣдствіи назначенному на постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. При благосклонной поддержкѣ Милютина славянофилы получаютъ значительное вліяніе въ губернскихъ комитетахъ, причемъ Кошелевъ явился членомъ отъ правительства въ рязанскомъ комитетѣ, а князь Черкасскій — въ тульскомъ. Самаринъ вошелъ въ составъ самарскаго комитета, гдѣ и выдѣлился своими радикальными воззрѣніями по крестьянскому вопросу.

О бокъ съ слафянофилами получаютъ въ провинціальныхъ комитетахъ большое значеніе возвращенные по манифесту объ амнистіи изъ Сибири петрашевцы и декабристы, и въ особенности послѣдніе. Вернувшись изъ ссылки и встрѣченные горячими оваціями, бывшіе политическіе преступники 1825 года были по закону лишены права жительства въ столицахъ, вслѣдствіе чего имъ пришлось разселиться по провинціальнымъ центрамъ, гдѣ они съ 1858 г. и получили возможность проявить свое политическое вліяніе въ прогрессивномъ направленіи на ходъ работы въ губернскихъ комитетахъ, куда они оказались избранными. Особенно благотворною явилась дѣятельность Е. П. Оболенскаго и П. Свистунова въ Калугѣ, М. Муравьева-Апостола

и Европеуса въ Твери, А. Муравьева и И. Анненкова въ Нижнемъ. Съ большою силою сказалось вліяніе декабристовъ въ Твери, гдѣ мѣстные крѣпостники кричали даже, что дѣятельность тверского комитета принимаетъ вредное, крамольное направленіе, именно благодаря участію въ немъ декабристовъ. Изъ этого родились печальные инциденты, о коихъ еще рѣчь будетъ впереди.

Нельзя не отмѣтить, что особенно выдающееся положеніе въ тѣ дни занялъ князь Е. П. Оболенскій, бывшій другъ юности Ростовцева, къ тому времени поставленнаго Александромъ II во главѣ всего крестьянскаго освободительнаго дѣла. Оболенскій, пользовавшійся еще въ 20-хъ годахъ большимъ вліяніемъ на своихъ единомышленниковъ, сохранилъ значеніе нравственнаго авторитета въ глазахъ Ростовцева и по возвращеніи съ каторги. По многимъ вопросамъ приближенный къ государю вельможа считалъ долгомъ совѣтоваться съ своимъ опальнымъ другомъ, ему онъ давалъ отчеты о своихъ дѣйствіяхъ и къ нему же онъ апеллировалъ противъ Герцена, когда тотъ въ „Колоколѣ" обрисовывалъ въ неблагопріятномъ освѣщеніи его дѣятельность. Оболенскій же именно съ особенною силою протестовалъ противъ возникшей тогда въ правительственныхъ сферахъ мысли объ учрежденіи повсемѣстно генералъ-губернаторствъ и особыхъ участковыхъ начальниковъ въ цѣляхъ пресѣченія предполагаемыхъ проявленій злой воли освобожденнаго крестьянства, онъ же требовалъ надѣленія крестьянъ землею въ размѣрѣ, коимъ они владѣли прежде, и т. д.

Такимъ образомъ мы наблюдаемъ по сравненію съ прошедшею эпохою любопытную и знаменательную перестановку силъ: силы офиціальныя и бюрократическія отходятъ на задній планъ, теряютъ свое первенствующее значеніе, а на авансцену выступаютъ силы общественныя, которыя и вліяютъ на все окружающее въ прогрессивномъ направленіи, придавая этому вліянію значительную интензивность. Два фактора выступаютъ съ особенною рельефностью въ тѣ годы весенняго расцвѣта русской жизни: самъ царь и силы общественныя, причемъ до извѣстной степени обѣ стороны дѣйствуютъ болѣе или менѣе согласно— въ направленіи ломки стараго строя, по крайней мѣрѣ по отношенію крестьянскаго дѣла. Бюрократія стоитъ внѣ этого союза и въ цѣляхъ его скорѣйшаго расторженія спѣшитъ возстановить царя противъ призваннаго къ дѣятельности общества, рисуя послѣднее въ опасныхъ краскахъ и пугая этими красками мысль

и воображеніе сначала довѣрчиво настроеннаго государя. Ея старанія, какъ увидимъ далѣе, во многомъ удались, и налаживавшійся было союзъ скоро распался, образовавъ въ русской жизни снова ту пропасть, которая имѣетъ назначеніемъ отдалить царя отъ народа. Вскорѣ эта пропасть снова наполнилась бюрократическимъ элементомъ и такимъ образомъ послѣдній опять получаетъ свое первенствующее значеніе около престола, значеніе, которое этотъ элементъ начиналъ утрачивать въ исходѣ пятидесятыхъ годовъ.

Если оживленіе русской жизни и придача ей свѣтлаго колорита въ значительной степени обязаны, съ одной стороны, примирительному и вполнѣ лояльному характеру тогдашней печати и, съ другой — выступленію на первый планъ общественныхъ силъ, пріобрѣтающихъ въ глазахъ населенія особое довѣріе и авторитетъ, то рядомъ съ этимъ этому же оживленію и этому колориту въ громадной степени содѣйствуетъ и энергичная дѣятельность государя императора. Его рескрипты, отвѣты на адреса дворянству и, наконецъ, предпринятое имъ путешествіе по Россіи, по праву могущее быть разсматриваемымъ какъ орудіе и средство государственной агитаціи — всѣ эти стороны его дѣятельности въ истинномъ смыслѣ слова ставятъ его во главу эпохи, окружаютъ его имя свѣтлымъ ореоломъ, лучи котораго падаютъ на окружающую дѣйствительность.

Въ первую очередь государь посѣтилъ самыя сѣверныя губерніи — Архангельскую и Вологодскую — и отвѣчалъ здѣсь на привѣтствіе дворянства, но эти рѣчи его не имѣли особеннаго принципіальнаго значенія для крестьянскаго вопроса; иначе дѣло обстояло въ его вторую поѣздку, когда онъ объѣхалъ обширный районъ, посѣтивъ губерніи: Тверскую, Ростовскую, Костромскую, Нижегородскую, Владимірскую, побывавъ въ Москвѣ и прослѣдовавъ далѣе въ Смоленскъ, Минскъ, Ковну, Гродну, Вильну и Варшаву. Здѣсь вездѣ пришлось ему говорить съ дворянствомъ, и нѣкоторыя его рѣчи уже получаютъ большое значеніе, какъ опредѣленная правительственная директива, преподанная обществу съ элементами въ ней частію одобренія, частію подбадриванія, частію назиданія. Изъ этихъ рѣчей *) заслуживаютъ особеннаго вниманія рѣчи, сказанныя имъ дворянствамъ: тверскому, московскому, владимірскому, нижегородскому.

*) Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 16.

Въ Твери Александръ II говорилъ: „Господа! Я очень счастливъ, что имѣю случай выразить мою благодарность тверскому дворянству, которое уже неоднократно доказало мнѣ свою преданность и готовность, вмѣстѣ съ другими губерніями, всегда содѣйствовать общему благу. Вы это доказали во время послѣдней войны... Теперь я вамъ поручилъ важное для меня и для васъ — дѣло крестьянъ. Лицамъ, изъ среды вашей выбраннымъ, поручено заняться этимъ важнымъ дѣломъ... Вы знаете, какъ ваше благосостояніе мнѣ близко къ сердцу; надѣюсь, что вамъ также дороги интересы вашихъ крестьянъ; поэтому я увѣренъ, что вы будете стараться устроить такъ, чтобы было безобидно для васъ и для нихъ. Я увѣренъ, что могу быть покоенъ: вы меня поддержите и въ настоящемъ дѣлѣ. Когда ваши занятія кончатся, тогда положенія комитета поступятъ черезъ министерство на мое утвержденіе. Я уже приказалъ сдѣлать распоряженіе, чтобы изъ вашихъ же членовъ было избрано двое депутатовъ для присутствія и общаго разсужденія въ Петербургѣ, при разсмотрѣніи положеній всѣхъ губерній въ главномъ комитетѣ. Въ дѣйствіяхъ намъ разойтись нельзя; наши цѣли однѣ — общая польза Россіи... Убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, а не препятствовать“.

Въ этой рѣчи особеннаго вниманія заслуживаетъ обѣщаніе государя, что избранные депутаты будутъ присутствовать въ главномъ комитетѣ, т. е. что имъ будутъ даны извѣстныя права при рѣшеніи вопроса объ освобожденіи по существу. Само собою, такое обѣщаніе было очень знаменательно и свидѣтельствуетъ о первоначальномъ намѣреніи государя расширить компетенцію общественнаго элемента. Увы! это обѣщаніе впослѣдствіи исполнено не было — депутаты въ комитетъ не попали, а лишь въ редакціонныя комиссіи на положеніи какъ бы только экспертовъ и свѣдущихъ людей, къ голосу которыхъ прислушиваются, но имъ не руководятся. Это нарушеніе даннаго обѣщанія было своего рода печальною ошибкою, посѣявшею раздоръ и охладившею приподнятое въ лучшемъ смыслѣ слова настроеніе представителей провинціальной общественности и нѣсколько разочаровавшею руководителей нашей прогрессивной печати.

Въ Нижнемъ государь выразилъ свое неудовольствіе по поводу возникшихъ въ мѣстномъ дворянствѣ счетовъ и „личностей“. „Но я слышу съ сожалѣніемъ,—говорилъ онъ:—что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ. Это жаль, устраните ихъ...“ Узнавъ во Владимірѣ, что одинъ изъ мѣстныхъ

дворянъ предпринялъ насильственное переселеніе крестьянъ въ Сибирь, Александръ II выразилъ по этому случаю неудовольствіе, строго замѣтивъ: „Надѣюсь, что слова мои не останутся втуне". Московскому дворянству онъ сдѣлалъ замѣчаніе, что оно не первое отозвалось на его призывъ, и еще разъ подчеркнулъ свое первоначальное положеніе, что реформу лучше провести сверху, нежели если она будетъ взята силою снизу.

Разсматривая путешествіе государя, какъ чувствительный ударъ реакціонерамъ, профессоръ И. Иванюковъ замѣчаетъ *): „Путешествіе это, первое послѣ вступленія на престолъ, было весьма торжественно и разсѣяло ходившіе въ провинціи слухи о реакціонномъ поворотѣ начатаго дѣла. Въ первый разъ послѣ войны и объявленія рескриптовъ, императоръ сталъ лицомъ къ лицу съ своимъ дворянствомъ. Давно уже на Руси утратился обычай бесѣды государя съ сословіями объ общихъ народныхъ интересахъ. Но теперь минута была слишкомъ торжественна, задуманное дѣло слишкомъ серьезно, необходимо было высказаться, еще разъ заявить всенародную волю императора и тѣмъ разсѣять ложные слухи и надежды на благопріятный для помѣщиковъ поворотъ дѣла... Это знаменательное путешествіе..., рѣчи, сказанныя... дворянствамъ, имѣли огромный отголосокъ по всей Россіи. Реакціонная партія, до сихъ поръ не терявшая надежды остановить преобразованіе сельскаго быта, поняла, что разсчеты ея на это разрушены. Отнынѣ она вступаетъ въ новую фазу агитаціи. Цѣлями стремленій ея становится: подавить распространяющуюся въ обществѣ болѣе или менѣе мысль о выкупѣ крестьянской земли въ собственность, удержать въ возможно большихъ размѣрахъ вотчинную власть помѣщиковъ и выгородить дворянство, какъ привиллегированное сословіе, отъ прочихъ классовъ черезъ расширеніе его политическихъ правъ, вѣнцомъ которыхъ должна быть дворянская государственная дума, члены которой выбираются дворянскими собраніями изъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Въ это же время усиливается значеніе тѣхъ изъ немногихъ лицъ высшаго правительства, которыя сочувствовали преобразованію".

Къ осени 1858 года работы нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ реализовались уже опредѣленными проектами, которые и начали поступать въ главный комитетъ.

---

*) „Паденіе крѣпостного права въ Россіи".

Въ общемъ, проекты обнимали собою крестьянскій вопросъ достаточно полно и основательно, носили на себѣ просвѣтительный оттѣнокъ, что до извѣстной степени между прочимъ объясняется благотворнымъ вліяніемъ тогдашняго министерства внутреннихъ дѣлъ, которое, по словамъ профессора И. Иванюкова, „непрестанно вело, особенно по земскому отдѣлу, упорную борьбу противъ препятсвій къ свободному и правильному развитію дѣла, выставленныхъ противниками освобожденія. Оно было совершенно одно и должно было вести борьбу съ сильными врагами, не пренебрегавшими никакими средствами для нападенія на министерство. Министерство, съ своей стороны, не ограничивалось разрушеніемъ козней враговъ крестьянскаго дѣла; оно употребляло всѣ усилія, чтобы вывести дѣло на прежнюю дорогу, а потомъ показать путь къ дальнѣйшему его развитію“. Главная борьба въ данномъ направленіи шла съ главнымъ комитетомъ, отличавшимся крѣпостническимъ направленіемъ, и въ результатѣ этой борьбы было именно воздѣйствіе министерства черезъ посредство губернаторовъ на губернскіе комитеты, благодаря чему многія предположенія комитета, туда поступившія, успѣха не имѣли и терпѣли фіаско.

Когда губернскіе проекты поступили въ Петербургъ въ достаточномъ количествѣ, то, по мысли Ростовцева, рядомъ съ комитетомъ были основаны и редакціонныя комиссіи, во главѣ которыхъ, по личному желанію Александра II, былъ поставленъ Ростовцевъ. Принимая на себя предсѣдательствованіе въ комиссіи, послѣдній писалъ князю Орлову:

„Милостивый государь князь Алексѣй Өедоровичъ! Высочайшее повелѣніе о назначеніи меня предсѣдателемъ комиссіи составленія сводовъ о крестьянахъ, выходящихъ изъ крѣпостной зависимости, и всѣхъ относящихся къ сему вопросу законоположеній, „если только я буду на это согласенъ“, какъ изволилъ выразиться Его Величество, принимаю не съ согласіемъ или желаніемъ, но съ молитвою, съ благоговѣніемъ, со страхомъ и съ чувствомъ долга.

„Съ молитвою—къ Богу, чтобы онъ сподобилъ меня оправдать довѣренность Государя;

„съ благоговѣніемъ—къ Государю, удостоивающему меня такого святого призванія;

„со страхомъ—передъ Россіею и потомствомъ;

„съ чувствомъ долга—передъ моею совѣстью.

Александра II въ его отношеніяхъ къ министрамъ, обнаруживаетъ его желаніе внести порядокъ и добросовѣстность въ бюрократическій механизмъ и намѣреніе поставить „слугъ отечества“ хоть подъ какой-нибудь контроль съ требованіемъ отъ нихъ *дѣла*, а не угодливости и лести. Рядомъ съ этимъ мы видимъ и тѣ орудія угрозъ, которыя сторонники стараго порядка вещей пускаютъ въ ходъ для парализованія реформаторскихъ стремленій монарха: на сцену выдвигается грозный призракъ конституціи, передъ которымъ у самодержца парализуется новаторская рѣшимость и энергія. Расчетъ оказывается правильнымъ, и эффектъ достигается въ должной мѣрѣ.

Заслуживаетъ вниманія и небольшая сцена, разыгравшаяся въ Зимнемъ дворцѣ 4 декабря 1858 г., гдѣ дѣйствующими лицами были консерваторъ-министръ Чевкинъ и либералъ-министръ князь Горчаковъ. Между ними въ присутствіи государя произошелъ слѣдующій діалогъ, какъ то записано у Погодина *):

Чевкинъ: Жизнь наша бурное море; чтобы корабль вѣрнѣе держался на волнахъ, нужно какъ можно болѣе балласта.

Князь Горчаковъ: Помилуйте! Что вы говорите! Изъ всѣхъ кораблей при волненіи выбрасываютъ балластъ вонъ, чтобы корабль легко носило по волнамъ, а нашъ балластъ, мѣшающій легкому ходу,—цензура, и его надо выбросить.

Государь: Пожалуйста, продолжайте, господа, спорить о балластѣ и волнахъ; это очень интересно.

Чевкинъ: Недостаточно выбросить балластъ; надо умѣть войти въ пристань.

Князь Горчаковъ: Для этого нуженъ свѣтъ съ маяка.

Чевкинъ: Этого мало; надобно, чтобы при входѣ въ пристань не наткнуться на подводные камни.

Князь Горчаковъ: Какая же это пристань, когда около нея есть подводные камни? Значитъ, пристань и маякъ не у мѣста. Но, чтобы дотолковаться до того, гдѣ имъ быть, необходимо нужно пособіе гласности.

„При этихъ словахъ государь всталъ и дружески пожалъ руку князю Горчакову; у Чевкина же затряслись генералъ-адъютантскіе аксельбанты, что и доказало государю дѣйствіе внутренней лихорадки отъ страха достичь до гласности“—отмѣчено въ записи Погодина.

---

*) „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Николая Барсукова. Кн. 16.

И здѣсь опять-таки мы видимъ Александра Николаевича сторонникомъ обновленія русскаго уклада жизни, склоннаго къ упраздненію того страшнаго института, который такъ грозно держалъ въ порабощеніи мысль и рѣчь передовыхъ элементовъ тогдашняго общества; склоннаго, но далеко еще не пришедшаго къ опредѣленному рѣшенію. „Подводные камни“ ему рисуются опасными скалами, о которыя можетъ разбиться государственный корабль, завѣщанный ему предками съ обязанностью хранить его неприкосновеннымъ, а онъ... онъ уже переступилъ завѣтную программу, посягнувъ на одинъ изъ главнѣйшихъ устоевъ жизни — крѣпостной строй. На бо̀льшее у него не хватаетъ рѣшимости, и бюрократическій строй продолжаетъ оставаться незыблемымъ со всѣми его аксесуарами и орудіями дѣйствія. Жизнь встрепенулась, заколыхалась, забурлила, а формы жизни въ ихъ главнѣйшихъ контурахъ сохранились прежними.

Чѣмъ тѣснѣе кручи береговъ, тѣмъ стремительнѣе бѣгъ потока, тѣмъ больше пѣны выбрасываютъ волны, тѣмъ звончѣе бьются онѣ о прибрежный камень, оглашая даль простора эхомъ своего рокота и кипѣнія... Узкія формы дореформенной жизни оказались уже несоотвѣтствующими самому содержанію этой жизни и, несмотря на все доброе расположеніе къ реформамъ самого Александра II и его личныя намѣренія, онъ очутился въ двойственномъ и трагическомъ положеніи. Ему и хотѣлось нѣсколько раздвинуть внѣшнія формы государственности. и вмѣстѣ съ тѣмъ подъ давленіемъ постоянныхъ угрозъ на такое начинаніе у него не хватало рѣшимости. Поэтому на всѣхъ начинаніяхъ того времени, за исключеніемъ крѣпостного вопроса, ложился отпечатокъ нерѣшимости: правительство дѣлало шагъ впередъ и сейчасъ же слѣдомъ шагъ назадъ. Получалось положеніе неустойчивости, что, съ одной стороны, дискредитировало значеніе государственной власти, а съ другой—раздражало общественныя силы, придавало ихъ стремленіямъ и ихъ поступкамъ нервность и порывистость. То, что рисовалось близкимъ, казалось столь легко осуществимымъ, неожиданно куда-то удалялось, обращалось въ миражъ, взамѣнъ котораго наступали снова сѣрые дни съ безнадежнымъ состояніемъ на обновленіе всей жизни въ полномъ ея объемѣ. Отсюда отчаяніе нѣкоторыхъ, наиболѣе страстныхъ и убѣжденныхъ и ихъ рѣшимость итти напроломъ въ твердомъ намѣреніи или принести себя освободительнымъ идеямъ въ жертву, или достигнуть намѣченныхъ преобразованій. Такая рѣшимость созрѣла не сразу, а на первыхъ порахъ на-

блюдаются попытки легальной борьбы, изъ которой родилось явленіе отечественной жизни, извѣстное у насъ впослѣдствіи подъ наименованіемъ „земскаго либерализма". Этотъ либерализмъ нисходитъ своими корнями именно къ періоду „кануна" реформъ, зарождается въ нѣдрахъ помѣстнаго дворянства, призваннаго государемъ къ активному разрѣшенію въ редакціонныхъ комиссіяхъ крѣпостного вопроса. Къ тому же періоду относится и проявленіе революціонныхъ тенденцій, получающихъ свое главное развитіе въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, редакціонныхъ кабинетовъ и въ тѣхъ общественныхъ центрахъ, которые какимъ-либо образомъ находили соприкосновеніе съ руководителями политической русской мысли. Сюда все явственнѣе и громче доносятся звуки герценовскаго „Колокола", вызывающіе соотвѣтственное настроеніе, которое подъ вліяніемъ фактовъ текущаго дня отливается въ явленія оппозиціоннаго характера разнаго оттѣнка и значенія, начиная съ литературнаго и общественнаго „нигилизма", массовыхъ студенческихъ безпорядковъ и кончая политическими заговорами и террористическими выступленіями.

Избранные отъ губерній для занятій въ редакціонныхъ комиссіяхъ депутаты ѣхали въ сѣверную столицу, разсматривая себя, согласно даннымъ имъ косвеннымъ обѣщаніямъ, въ качествѣ истинныхъ депутатовъ съ *законодательными правами*; по прибытіи въ Петербургъ вскорѣ ихъ постигло разочарованіе: изъ наказа для ихъ занятій, имъ прочитаннаго, они узнали, что ихъ роль сводится къ простой экспертизѣ, къ голосу свѣдущихъ людей, призванныхъ подавать свои отзывы лишь по своимъ губерніямъ. Такая постановка вопроса родила первое острое недоразумѣніе, гдѣ вполнѣ опредѣленно выяснилось, что бюрократія и враги широкой постановки дѣла реформированія Россіи сумѣли сохранить за собою, вопреки еще недавнимъ указаніямъ самаго монарха во время его отмѣченнаго путешествія, всю силу власти законодательной и исполнительной. Какъ представители консервативнаго склада мыслей и защитники узко-сословныхъ интересовъ, такъ и носители либеральныхъ тенденцій одинаково, но по совершенно различнымъ причинамъ, остались крайне недовольны отведенной имъ въ Петербургѣ ролью. Обѣ группы прекрасно понимали, что крѣпостному укладу пришелъ конецъ и думать о сохраненіи стараго порядка вещей немыслимо; но консерваторы, соглашаясь съ болью въ сердцѣ на уступки, тайно надѣялись, съ одной стороны, свести эти уступки въ пользу

народа на minimum, а съ другой, какъ то было въ свое время при Аннѣ Іоанновнѣ, использовать этотъ моментъ въ спеціально-сословныхъ интересахъ, въ цѣляхъ „полегченія себя" и подѣленія съ верховной властью хотя бы частью ея неограниченныхъ правъ. Что касается либеральнаго дворянства, то это послѣднее, во-первыхъ, стремилось поставить вопросъ о реформѣ крѣпостного строя какъ можно шире въ пользу народа, и. во-вторыхъ, ставило себѣ задачею расширить программу реформы не только въ направленіи освобожденія населенія отъ рабства, но и внесенія въ жизнь тѣхъ новыхъ началъ, которыя наиболѣе полно были очерчены Герценомъ въ его „Колоколѣ" и отъ совокупности которыхъ, по ихъ справедливому мнѣнію, зависѣло оздоровленіе всего русскаго государственнаго организма. Параллельно уничтоженію крѣпостного строя они ставили на очередь и вопросъ о правѣ гласности и реформѣ суда. Вмѣстѣ съ тѣмъ о преобразованіи основной формы правленія и измѣненіи „основныхъ законовъ" изъ деликатности въ отношеніи царя-реформатора и политической тактики вопросъ никѣмъ, включая и Герцена, формально не ставился.

Такимъ образомъ оба теченія въ нѣдрахъ депутатовъ, почерпая свое происхожденіе изъ различныхъ источниковъ, въ результатѣ, однако, создавали общую картину недовольства, которая и реализовалась вскорѣ единичными и коллективными столкновеніями партій, какъ между собою, такъ и каждой въ отдѣльности съ властью бюрократической.

Въ извѣстныхъ „Запискахъ и дневникѣ" А. В. Никитенко броженіе въ депутатской средѣ, поскольку оно отразилось въ мнѣніи и голосѣ общественномъ, изображено довольно характерно. Подъ 28 сентября Никитенко записалъ: „Былъ у Позена. Туда пріѣзжалъ кіевскій губернскій предводитель дворянства. Оба они въ сильнѣйшемъ негодованіи на крестьянскій комитетъ, который отвергаетъ ихъ предложенія. Сколько я могъ понять изъ ихъ разговоровъ, они хотѣли бы обязать крестьянъ къ большому денежному вознагражденію за землю, чего комитетъ не хочетъ. Они жалуются на то, что въ комитетѣ преобладаетъ элементъ бюрократическій, что ихъ призвали не для того, чтобы выслушивать ихъ мнѣнія и совѣщаться съ ними, а чтобы требовать ихъ безусловнаго согласія на заранѣе заготовленную программу, и проч.

„Говорятъ, депутаты намекнули на что-то, похожее на конституцію. Но государь очень спокойно отвѣчалъ, что они со-

браны для того, чтобы разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ, и должны заниматься этимъ, а не посторонними дѣлами, которыя до нихъ не касаются".

23 октября. „Говорятъ, что по крестьянскому дѣлу большія несогласія между комиссіею и депутатами. Послѣдніе, между прочимъ, будто бы явно стремятся къ конституціи".

26 октября. „Много толковъ о крестьянскомъ дѣлѣ. Пять депутатовъ подписали на имя государя бумагу, въ которой просятъ о дарованіи открытаго судопроизводства, о присяжныхъ, о бо́льшей свободѣ печати и о правѣ, по которому дворянство могло бы представлять государю о своихъ нуждахъ. Говорятъ, государь принялъ эту бумагу благосклонно и обѣщалъ ее передать на разсмотрѣніе государственному совѣту. Но отчего же ее подписали пять депутатовъ изъ двадцати?" *).

Дыма безъ огня не бываетъ: хотя на самомъ дѣлѣ депутаты были довольно далеки отъ конституціонныхъ требованій, но тѣмъ не менѣе въ запискахъ, ими на высочайшее имя поданныхъ, опредѣленно отражались тѣ групповыя тенденціи, о которыхъ упомянуто выше. Характернымъ отраженіемъ тенденцій первой категоріи, то-есть дворянско-сословной и тайно-олигархической, служатъ записки, поданныя симбирскимъ депутатомъ Шидловскимъ и камергеромъ М. А. Безобразовымъ, которыя и проводимъ здѣсь съ соотвѣтствующими отмѣтками Александра II, рисующими его душевное настроеніе въ тѣ дни и отношеніе къ консерваторамъ-крѣпостникамъ.

Шидловскій, осуждая вызовъ депутатовъ отъ меньшинства въ губернскихъ комитетахъ, такъ какъ они, по его мнѣнію, не представляютъ собою настоящихъ желаній и мнѣній дворянства, и жалуясь, что редакціонная комиссія отвергла безъ всякихъ доказательствъ „Положенія" губернскихъ комитетовъ и составила предположенія, не только не примѣнимыя къ Россіи, но и заставляющія опасаться за сохраненіе общественнаго порядка, писалъ **): „Въ виду такой опасности и очевиднаго наплыва западныхъ идей, стремящихся къ потрясенію порядка въ государствѣ, сліяніе самодержавія съ дворянствомъ, какъ первымъ и самымъ естественнымъ охраненіемъ престола и отечества— необходимо, государь!.. Удостой призвать, государь, къ подножію престола твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ

*) На поляхъ „Дневника" потомъ отмѣчено: „Слухъ не вѣренъ: подписавшимъ этотъ адресъ, напротивъ, велѣно сдѣлать строгій выговоръ".

**) „Паденіе крѣпостного права въ Россіи". Профессора И. Иванюкова.

дворянства и кончи, подъ личнымъ твоимъ, государь, предсѣдательствомъ дѣло, которое составитъ славу царствованія твоего". На этомъ письмѣ Александръ II сдѣлалъ помѣтку: „Вотъ какія мысли бродятъ въ головахъ этихъ господъ".

Записка Безобразова была еще характернѣе. На поляхъ ея государемъ были сдѣланы слѣдующія замѣчанія *).

При словахъ: „Государь императоръ повелѣть соизволилъ собрать по два депутата отъ губернскихъ комитетовъ для окончательнаго разсмотрѣнія положенія объ устройствѣ быта крестьянъ".—

Государь отмѣтилъ: *„Не для окончательнаго разсмотрѣнія, а для нужныхъ поясненій и примѣненія общихъ началъ къ частнымъ мѣстностямъ"*.

„Такимъ образомъ достигали разомъ до уничтоженія значенія депутатовъ, сохраняя однако ихъ званіе и тѣмъ полагая маскировать дѣйствительное нарушеніе высочайшей воли, лично государемъ объявленной".

— *Вздоръ.*

„Очевидно, что депутаты присланы не отъ дворянства, и даже не отъ губернскихъ комитетовъ, а отъ мѣстныхъ властей, въ угодность властямъ центральнымъ. Для большаго ручательства въ ничтожествѣ этого сборища положено созвать его одновременно изъ нѣсколькихъ только губерній, и то по усмотрѣнію редакціонной комиссіи, которая, неизвѣстно на какомъ основаніи, сдѣлалась распорядительницею судьбы депутатовъ, предназначавшихся прежде къ поступленію въ составъ главнаго комитета.

— *Никогда.*

„Собранные для составленія адреса матеріалы заключаютъ въ себѣ прямое обличеніе нарушителей государственнаго порядка и безопасности съ полнымъ выраженіемъ чувства преданности къ государю".

— *Т. е. личины.*

„Объявлена депутатамъ инструкція, по которой они разбиты на единицы".

— *Такъ и должно было быть.*

„Имъ нуженъ переворотъ, ибо переворотъ въ Россіи значитъ распаденіе. Вотъ для чего рескриптъ государя затертъ и потопленъ въ наплывѣ противорѣчащихъ ему объявляемыхъ вы-

*) „Жизнь и труды М. П. Погодина". Николая Барсукова. Книга семнадцатая.

сочайшихъ повелѣній и административныхъ распоряженій. Вотъ для чего искажено повелѣніе государя о созывѣ депутатовъ".

— *Вздоръ.*

„Сочинители конституцій, по образцамъ Запада, полагаютъ дойти до своихъ цѣлей избраннымъ нынѣ путемъ. Теперь они стараются".

— *Кто они?*

„Между тѣмъ, обуздать министерство и редакціонную коммисію въ ихъ самовольныхъ дѣйствіяхъ".

— *Надобно начать съ того, чтобы его самого обуздать.*

„Безъ всякаго сомнѣнія, несравненно лучше бы было потребовать выборныхъ отъ губерній и къ нимъ присоединить депутатовъ отъ комитетовъ.

— *Т. е., чтобы произвести большій хаосъ.*

„Но какъ надѣяться, чтобы правительство, шедшее все это время разными извилистыми тропами"

— *Непомѣрная наглость.*

„избрало этотъ прямой, широкій и ясный путь, на которомъ нельзя проявляться партіямъ и интригамъ безъ немедленнаго обличенія"?

— *Лучшимъ примѣромъ противнаго служатъ губернскіе комитеты.*

„Полагаю необходимымъ прибавить еще одно замѣчаніе: собраніе выборныхъ есть природный элементъ самодержавія.

— *Хорошъ софизмъ!*

„Первые говорятъ такъ, примѣняя заграничныя мысли къ Россіи: вторые совсѣмъ не знаютъ русской исторіи, русскаго народа и, главное, не понимаютъ, что такое самодержавіе".

— *Онъ видно хорошо это понимаетъ.*

„Дворянство горячо сочувствуетъ государю, оно доказало готовность свою исполнить волю его".

— *Хорошо доказало!*

„Да убѣдится государь, что въ рядахъ дворянства бьются сердца, жаждущія пользы отечества и славы престола и не помышляющія о своихъ личныхъ выгодахъ и что если они желаютъ видѣть собраніе выборныхъ отъ земли у подножія престола, то для того, чтобы узрѣть самодержавіе въ полномъ его величіи и силѣ, какъ непремѣнное и необходимое условіе блага отечества и твердости государства".

— *Онъ меня вполнѣ убѣдилъ въ желаніи подобныхъ ему учредить у насъ олигархическое правленіе.*

Финалъ записки былъ для автора печаленъ. По опредѣленію главнаго комитета, куда его записка была передана на разсмотрѣніе съ помѣтками государя, Безобразовъ былъ временно удаленъ въ свои имѣнія и заводы въ Пермской губерніи, съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы.

Не менѣе печаленъ былъ и результатъ адреса, поданнаго государю за подписью пяти депутатовъ, Унковскаго, Хрущова, Шретера, Дубровина и Васильева, являвшихся представителями либеральнаго меньшинства. Онъ, какъ, впрочемъ, и всѣ остальные адреса, и гораздо болѣе умѣренные и безличные, былъ разсмотрѣнъ главнымъ комитетомъ и, по постановленію послѣдняго, всѣмъ подписавшимъ адреса былъ сдѣланъ черезъ губернаторовъ выговоръ, съ оставленіемъ нѣкоторыхъ подъ надзоромъ мѣстнаго начальства. Этотъ надзоръ былъ главнымъ образомъ примѣненъ къ пяти, подписавшимъ либеральный адресъ. Вотъ текстъ послѣдняго *):

„Всемилостивѣйшій государь!

„Державнымъ словомъ вашего императорскаго величества объ освобожденіи крестьянъ Россія пробуждена къ новой жизни. Это поворотъ въ исторіи нашего отечества. Ему предстоятъ два пути развитія: одинъ мирный и правомѣрный; другой путь насилій, борьбы и печальныхъ послѣдствій.

„Первый истекаетъ изъ любви вашей, государь, къ Россіи и ея счастію.

„Второй можетъ быть послѣдствіемъ неудовлетворительнаго рѣшенія вопроса, которое не оправдаетъ ожиданій и потребностей народа.

„Въ неизреченной милости вашей, великодушный монархъ, къ дворянству вы призвали наше сословіе къ участію въ великомъ дѣлѣ преобразовать бытъ земледѣльцевъ.

„Столь высокое довѣріе налагаетъ на насъ, членовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, священную обязанность вѣрноподданнически высказать вашему величеству мнѣнія наши о направленіи, полученномъ крестьянскимъ дѣломъ.

„Если мы выходимъ изъ предѣловъ даннаго намъ полномочія, то это мы совершаемъ во имя любви къ вамъ, государь, и живой преданности къ престолу и отечеству.

---

*) „А. М. Унковскій и освобожденіе крестьянъ. Историко-біографическая справка". Гр. Джаншіева.

браны для того, чтобы разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ, и должны заниматься этимъ, а не посторонними дѣлами, которыя до нихъ не касаются".

23 октября. „Говорятъ, что по крестьянскому дѣлу большія несогласія между комиссіею и депутатами. Послѣдніе, между прочимъ, будто бы явно стремятся къ конституціи".

26 октября. „Много толковъ о крестьянскомъ дѣлѣ. Пять депутатовъ подписали на имя государя бумагу, въ которой просятъ о дарованіи открытаго судопроизводства, о присяжныхъ, о бо́льшей свободѣ печати и о правѣ, по которому дворянство могло бы представлять государю о своихъ нуждахъ. Говорятъ, государь принялъ эту бумагу благосклонно и обѣщалъ ее передать на разсмотрѣніе государственному совѣту. Но отчего же ее подписали пять депутатовъ изъ двадцати?" *).

Дыма безъ огня не бываетъ: хотя на самомъ дѣлѣ депутаты были довольно далеки отъ конституціонныхъ требованій, но тѣмъ не менѣе въ запискахъ, ими на высочайшее имя поданныхъ, опредѣленно отражались тѣ групповыя тенденціи, о которыхъ упомянуто выше. Характернымъ отраженіемъ тенденцій первой категоріи, то-есть дворянско-сословной и тайно-олигархической, служатъ записки, поданныя симбирскимъ депутатомъ Шидловскимъ и камергеромъ М. А. Безобразовымъ, которыя и проводимъ здѣсь съ соотвѣтствующими отмѣтками Александра II, рисующими его душевное настроеніе въ тѣ дни и отношеніе къ консерваторамъ-крѣпостникамъ.

Шидловскій, осуждая вызовъ депутатовъ отъ меньшинства въ губернскихъ комитетахъ, такъ какъ они, по его мнѣнію, не представляютъ собою настоящихъ желаній и мнѣній дворянства, и жалуясь, что редакціонная комиссія отвергла безъ всякихъ доказательствъ „Положенія" губернскихъ комитетовъ и составила предположенія, не только не примѣнимыя къ Россіи, но и заставляющія опасаться за сохраненіе общественнаго порядка, писалъ **): „Въ виду такой опасности и очевиднаго наплыва западныхъ идей, стремящихся къ потрясенію порядка въ государствѣ, сліяніе самодержавія съ дворянствомъ, какъ первымъ и самымъ естественнымъ охраненіемъ престола и отечества — необходимо, государь!.. Удостой призвать, государь, къ подножію престола твоего нарочито избранныхъ уполномоченныхъ отъ

*) На поляхъ „Дневника" потомъ отмѣчено: „Слухъ не вѣренъ: подписавшимъ этотъ адресъ, напротивъ, велѣно сдѣлать строгій выговоръ".

**) „Паденіе крѣпостного права въ Россіи". Профессора И. Иванюкова.

„Убѣжденные, что крестьянское дѣло не можетъ рѣшиться спокойно и правомѣрно иначе, какъ на изложенныхъ основаніяхъ, мы считаемъ священнымъ долгомъ, въ оправданіе высокаго довѣрія, оказаннаго вашимъ императорскимъ величествомъ дворянскому сословію, повергнуть на всемилостивѣйшее воззрѣніе ваше, государь, наши откровенныя убѣжденія въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ намъ долгомъ присяги, безпредѣльной любви къ престолу и отечеству".

Этотъ адресъ былъ охарактеризованъ Александромъ II въ письмѣ къ Ростовцеву „ни съ чѣмъ не сообразнымъ и дерзкимъ до крайности". Такимъ образомъ попытка общественныхъ элементовъ занять въ вопросѣ кардинальной государственной и исторической важности независимое положеніе съ правомъ непосредственнаго обращенія къ верховной власти потерпѣло рѣшительное фіаско. Выговоры, сдѣланные подписавшимъ адреса, создали имъ въ общественномъ мнѣніи „имена" и были зачтены въ ихъ почетную общественную службу. И самъ Александръ II, не давшій себѣ отчета въ важности происшедшаго, и его правительство сдѣлали въ данномъ случаѣ роковой и печальный шагъ, создавъ совершенно искусственно и безъ малѣйшей надобности шумный инцидентъ, имѣвшій, однако, печальныя послѣдствія. „...Постановленіе правительства возбудило ропотъ неудовольствія не только въ средѣ дворянства, но и во всей либеральной части общества, — говоритъ г. Иванюковъ *). — Въ этомъ постановленіи всѣ увидѣли преслѣдованіе за одно лишь свободное выраженіе мысли; увидѣли возвращеніе къ старому времени, когда *слово человѣческое считалось дерзостью, и мысль сама по себѣ подозрительной*; что думать и говорить (т. е. приказывать) должно только правительство, для подданнаго это роскошь и ведетъ лишь къ пересудамъ дѣла, не *касающаго* его. Такое впечатлѣніе имѣло это постановленіе тѣмъ болѣе, что конецъ 1859 г. былъ ознаменованъ правительственными распоряженіями и дѣйствіями, въ которыхъ всѣ усматривали признаки приближающейся реакціи... Эти дѣйствія, главнымъ образомъ, состояли въ усиленіи цензуры надъ печатью, въ запрещеніи журналовъ и газетъ, въ изданіи правилъ à la Магницкій для студентовъ университетовъ, въ начавшихся политическихъ арестахъ и административныхъ ссылкахъ по самымъ пустымъ пред-

---

*) „Паденіе крѣпостного права въ Россіи".

логамъ... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ быстро начали исчезать ожиданія отъ правительства либеральной политики, которыми было проникнуто образованное общество въ первые четыре года нынѣшняго царствованія. Такое измѣнившееся настроеніе общества вело за собой ослабленіе довѣрія къ трудамъ редакціонной комиссіи, какъ правительственнаго органа. Распространенію этихъ опасеній особенно способствовало то обстоятельство, что цензурѣ, вопреки желанію Ростовцева, было приказано не допускать разборы трудовъ редакціонной комиссіи. Такимъ образомъ, та сила, которая по своимъ стремленіямъ всего роднѣе была духу трудовъ редакціонной комиссіи, принуждена была молчать, и правительство само лишило себя сильнаго адвоката въ самомъ важномъ изъ преобразованій. Но и тѣ, которые имѣли возможность близко ознакомиться съ трудами редакціонной комиссіи, знали благія ея намѣренія, опасались, что работы комиссіи будутъ существенно измѣнены, въ ущербъ народу, главнымъ комитетомъ. Что и дѣйствительно случилось... Вмѣстѣ съ тѣмъ не переставали ходить слухи, что не совсѣмъ оставлено еще предположеніе главнаго комитета объ учрежденіи по всей Россіи генералъ-губернаторовъ и военной уѣздной полиціи и передачѣ всѣхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ и другихъ земскихъ дѣлъ въ руки чиновниковъ. Надо читать заграничныя корреспонденціи этого времени, чтобы понять, какое сильное разочарованіе, какая грусть охватила просвѣщенное русское общество".

Депутаты перваго призыва послѣ почти двухмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ, недовольные и раздраженные, уѣхали на родину, гдѣ ихъ ожидали губернаторскіе выговоры и надзоръ полиціи. Анонимный историкъ того времени такъ изобразилъ настроеніе дворянской провинціи за тѣ дни въ изданной имъ въ Лейпцигѣ брошюрѣ, приведенной г. Иванюковымъ въ цитированномъ его трудѣ „Паденіе крѣпостного права": „Губернскія отношенія съ выговорами подписавшимъ адреса и отдачею нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства, распространенныя въ безчисленномъ множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни „Колоколъ", ни всѣ прочія запрещенныя книги не могли совершить того, что сдѣлали эти копіи. Всѣ заговорили: у насъ отнимаютъ принадлежащихъ намъ людей и даже часть крѣпостныхъ нашихъ земель, и за нами не хотятъ признать даже права обращаться къ правительству съ просьбами за общимъ подписомъ! Чего можно было прежде лишать насъ, подкупленныхъ выгодами крѣ-

постного права, въ томъ теперь невозможно намъ отказать. Теперь бояться и терять намъ нечего. Пусть устранятъ насъ отъ мѣстнаго управленія, и тогда мы увидимъ послѣдствія управленія чиновниками.

„И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями правительства по крестьянскому вопросу; но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ зажатъ ротъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могли они противопоставить слѣдующимъ соображеніямъ и толкамъ: возможно ли ставить депутатамъ въ вину, что они позволили себѣ, путемъ всеподданнѣйшаго ходатайства, высказать свои мнѣнія на возможность измѣненій въ предположеніяхъ редакціонной комиссіи, и особенно въ дѣлѣ такой колоссальной важности, какъ полное преобразованіе сельскаго быта? Къ чему было теперь, при новыхъ, вполнѣ измѣнившихся обстоятельствахъ, выдвигать опять обветшалую непогрѣшимость власти? Другія времена — другія начала; а потому должны быть и иные нравы, иные обычаи. Провозглашенное уничтоженіе крѣпостного права какъ бы захлопнуло дверь — такъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ожидать — за прежними временами.

„Въ какой сильной степени неполитичны, во вредъ правительству, были упомянутыя рѣшенія главнаго комитета, это видно уже изъ того, что для депутатовъ сдѣланные имъ выговоры получили значеніе медалей *за усердіе*. Дворянство вообще не было довольно дѣйствіями своихъ депутатовъ въ Петербургѣ, ибо находило, что они тамъ вели себя слишкомъ уклончиво; сдѣланные имъ выговоры убѣдили депутатовъ, и неудовольствіе противъ бюрократизма отъ того усиливалось и углублялось. Враждебное чувство противъ бюрократіи въ Москвѣ и внутренности Россіи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства: нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ". Дѣйствительно, таковые во многихъ провинціальныхъ центрахъ разыгрались, и электрическій токъ общаго недовольства бюрократической Россіей быстро пробѣжалъ по провинціи и отозвался на берегахъ Темзы, гдѣ въ редакціи „Колокола" напряженно прислушивались ко всему, происходящему на „родномъ берегу".

Застрѣльщиками оппозиціи правительству были главнымъ образомъ представители спеціально-дворянскихъ интересовъ, за-

тронутые со стороны своихъ матеріальныхъ выгодъ. Факторъ экономическій заслонилъ собою всѣ остальныя стороны государственной жизни, и главная опора трона, каковою его считали,— „россійское благородное дворянство“ вмѣсто содѣйствія своему „обожаемому (на словахъ) монарху“ первое создало вокругъ этого монарха атмосферу реальнаго недовольства. Партія либеральная, съ своей стороны, также сгущала эту атмосферу, и бѣдный Александръ II оставался такимъ образомъ предоставленнымъ самому себѣ, вслѣдствіе чего по естественному ходу вещей его сюзъ съ бюрократіей, начавшій было распадаться, сталъ снова крѣпнуть. Являлся лишь вопросъ, какой масти бюрократія получитъ перевѣсъ: партія ли прогрессивная съ Ростовцевымъ и Милютинымъ въ центрѣ при поддержкѣ во дворцѣ со стороны великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны, или партія придворно-консервативная съ графомъ Панинымъ, графомъ Строгановымъ, княземъ Гагаринымъ и Муравьевымъ во главѣ.

При жизни Ростовцева, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ крестьянскомъ, перевѣсъ оставался за партіей прогрессивной, credo которой было изложено Милютинымъ въ одной изъ бесѣдъ у себя на дому въ слѣдующихъ словахъ *): „Никогда, никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour le peuple — rien par le peuple“. Такова была догматика прогрессивнаго чиновничества, не допускавшаго и мысли о какомъ-либо общественномъ починѣ въ дѣлѣ громадной исторической важности, гдѣ былъ поставленъ вопросъ о всѣхъ интересахъ отечества въ ихъ внутренней совокупности. Просвѣщенный абсолютизмъ — дальше этого бюрократія не шла, хотя нельзя не отмѣтить, что, воюя въ данномъ случаѣ противъ общественности, она имѣла главнымъ образомъ въ виду темныя силы, преслѣдовавшія исключительно эгоистическія сословные интересы. Но, ударяя по эгоизму, бюрократія не находила въ себѣ ни желанія, ни мужества протянуть руку и той альтруистической группѣ, которая вполнѣ на первыхъ порахъ искренно и сердечно искала союза съ правительствомъ, предпочтя этому

*) „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Кн. 17.

союзу позицію изолированности съ отчужденіемъ отъ силъ общественныхъ. Старые методы управленія оставались въ полной силѣ и новое вино жизни вливалось въ старые мѣхи полицейско-бюрократической государственности, хотя и согрѣтой въ настоящемъ случаѣ лучомъ сочувствія къ народу и его экономическимъ интересамъ, въ разрѣзъ съ которыми шла дворянская оппозиція, выраженная какъ меньшинствомъ, такъ и большинствомъ депутатовъ. На этой-то почвѣ въ нѣдрахъ редакціонныхъ комиссій и разыгрались конфликты, въ коихъ общественное прогрессивное мнѣніе естественно становилось на сторону либеральной бюрократіи. Въ результатѣ оппозиція была подавлена, депутаты отпущены по домамъ, и надъ поверхностью русской дѣйствительности поднялся первый чадъ и туманъ, внесшій въ эту дѣйствительность нервность, злобу, недовѣріе и раздражительность. Въ одинъ узелъ сплелись разныя нити, почерпавшія свое происхожденіе изъ діаметрально-противоположныхъ областей. Чтобы разрубить этотъ узелъ, надо было много смѣлости и рѣшимости, и у Александра II на одно историческое мгновеніе нашлась-таки эта рѣшимость, но только на одно мгновеніе, причемъ полной ликвидаціи исторической путаницы имъ произведено не было. Опираясь на доброжелательное меньшинство либеральной бюрократіи, онъ довелъ до благополучнаго болѣе или менѣе конца разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, хотя и съ уступками здѣсь въ пользу сословныхъ эгоистическихъ интересовъ своей „опоры престола“ — дворянства. И это была громадная заслуга его передъ исторіей, которая совершенно справедливо была оцѣнена Герценомъ, заявившимъ *): „Александръ II, и никто иной, поднялъ крикъ „освобожденіе крестьянъ“, и я еще разъ повторяю, если онъ ничего не сдѣлаетъ, если этотъ вопросъ и его рѣшеніе ускользнутъ изъ неловкихъ его рукъ, то и тогда имя его останется въ исторіи на ряду съ вѣнценосцами-реформаторами“. А черезъ два года, когда пронесся уже по всей Россіи набатъ о волѣ, знаменитый русскій эмигрантъ писалъ **): „Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ — и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей

*) „Колоколъ“, 1859 г., № 32 и 33.
**) Тамъ же, 1861 г., № 59.

ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ *освободителя!*"

Не упреждая, однако, хода изложенія событій, остановимся нѣсколько на тѣхъ любопытныхъ моментахъ нашей внутренней жизни, которые послѣдовали послѣ роспуска депутатовъ перваго призыва.

Въ послѣдній мѣсяцъ 1859 года и въ началѣ 1860 года открылись во многихъ губерніяхъ дворянскія собранія и тутъ-то разыгрались тѣ конфликты съ властью, которые явились прямымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ отмѣченнаго выше выговора депутатамъ, какъ равно и послѣдовавшаго за симъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ дворянству запрещалось на выборахъ имѣть „сужденіе по предметамъ, до крестьянскаго быта касающимся".

Первыя волненія среди дворянства обнаружились въ Рязанской губерніи, засимъ въ Тверской, Ярославской, Владимірской, Новгородской и Калужской, съ большимъ или меньшимъ подъемомъ голосовъ и протестующихъ по адресу правительства рѣчей и адресовъ. Уже выговоры депутатамъ явились своего рода печальными признаками начинающагося въ дѣлѣ освобожденія регресса, циркуляръ же министра внутреннихъ дѣлъ не оставлялъ сомнѣнія, что начавшемуся было развитію общественности будетъ положенъ энергичный конецъ. Наиболѣе рѣзко оппозиція дворянства сказалась въ Тверской губерніи, гдѣ душою ея явился губернскій предводитель А. М. Унковскій, участвовавшій въ работахъ редакціонныхъ комиссій, подписавшій „адресъ пяти", получившій выговоръ и отданный подъ мѣстный надзоръ полиціи, а лидеромъ оппозиціи—„Петрашевецъ" Европеусъ. По открытіи собранія Европеусъ произнесъ слѣдующую рѣчь *): „Господа! по прочтеніи 77-й статьи было высказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи г. министру, не чиня исполненія, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ. По моему мнѣнію, такое толкованіе статьи неправильно. Она означаетъ болѣе, а именно, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до разрѣшенія недоумѣнія административнымъ порядкомъ, указаннымъ статьей. Настало время, господа, понять, что пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу.

*) „Паденіе крѣпостного права въ Россіи".

Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы и служить единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи, все угнетающей, ничего непонимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частные выгоды, прямо противо-

Алексѣй Михайловичъ Унковскій.

положныя и интересамъ всего общества, и волѣ государя императора. Изъ представленнаго намъ отчета о земскихъ повинностяхъ и нашемъ капиталѣ вы можете видѣть, господа, до какой степени простирается произволъ и неисполненіе законовъ. Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствія этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ законы. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими и что мы можемъ со

логамъ... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ мѣръ быстро начали исчезать ожиданія отъ правительства либеральной политики, которыми было проникнуто образованное общество въ первые четыре года нынѣшняго царствованія. Такое измѣнившееся настроеніе общества вело за собой ослабленіе довѣрія къ трудамъ редакціонной комиссіи, какъ правительственнаго органа. Распространенію этихъ опасеній особенно способствовало то обстоятельство, что цензурѣ, вопреки желанію Ростовцева, было приказано не допускать разборы трудовъ редакціонной комиссіи. Такимъ образомъ, та сила, которая по своимъ стремленіямъ всего роднѣе была духу трудовъ редакціонной комиссіи, принуждена была молчать, и правительство само лишило себя сильнаго адвоката въ самомъ важномъ изъ преобразованій. Но и тѣ, которые имѣли возможность близко ознакомиться съ трудами редакціонной комиссіи, знали благія ея намѣренія, опасались, что работы комиссіи будутъ существенно измѣнены, въ ущербъ народу, главнымъ комитетомъ. Что и дѣйствительно случилось... Вмѣстѣ съ тѣмъ не переставали ходить слухи, что не совсѣмъ оставлено еще предположеніе главнаго комитета объ учрежденіи по всей Россіи генералъ-губернаторовъ и военной уѣздной полиціи и передачѣ всѣхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ и другихъ земскихъ дѣлъ въ руки чиновниковъ. Надо читать заграничныя корреспонденціи этого времени, чтобы понять, какое сильное разочарованіе, какая грусть охватила просвѣщенное русское общество".

Депутаты перваго призыва послѣ почти двухмѣсячнаго пребыванія въ столицѣ, недовольные и раздраженные, уѣхали на родину, гдѣ ихъ ожидали губернаторскіе выговоры и надзоръ полиціи. Анонимный историкъ того времени такъ изобразилъ настроеніе дворянской провинціи за тѣ дни въ изданной имъ въ Лейпцигѣ брошюрѣ, приведенной г. Иванюковымъ въ цитированномъ его трудѣ „Паденіе крѣпостного права": „Губернскія отношенія съ выговорами подписавшимъ адреса и отдачею нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства, распространенныя въ безчисленномъ множествѣ копій, произвели на дворянство самое раздражающее дѣйствіе. Ни „Колоколъ", ни всѣ прочія запрещенныя книги не могли совершить того, что сдѣлали эти копіи. Всѣ заговорили: у насъ отнимаютъ принадлежащихъ намъ людей и даже часть крѣпостныхъ нашихъ земель, и за нами не хотятъ признать даже права обращаться къ правительству съ просьбами за общимъ подписомъ! Чего можно было прежде лишать насъ, подкупленныхъ выгодами крѣ-

постного права, въ томъ теперь невозможно намъ отказать. Теперь бояться и терять намъ нечего. Пусть устранятъ насъ отъ мѣстнаго управленія, и тогда мы увидимъ послѣдствія управленія чиновниками.

„И прежде дворянство было недовольно нѣкоторыми дѣйствіями правительства по крестьянскому вопросу; но, по крайней мѣрѣ, просвѣщенное меньшинство помѣщиковъ стояло на сторонѣ правительства и сильно ратовало въ его пользу. Теперь и этимъ послѣднимъ зажатъ ротъ. Въ самомъ дѣлѣ, что могли они противопоставить слѣдующимъ соображеніямъ и толкамъ: возможно ли ставить депутатамъ въ вину, что они позволили себѣ, путемъ всеподданнѣйшаго ходатайства, высказать свои мнѣнія на возможность измѣненій въ предположеніяхъ редакціонной комиссіи, и особенно въ дѣлѣ такой колоссальной важности, какъ полное преобразованіе сельскаго быта? Къ чему было теперь, при новыхъ, вполнѣ измѣнившихся обстоятельствахъ, выдвигать опять обветшалую непогрѣшимость власти? Другія времена — другія начала; а потому должны быть и иные нравы, иные обычаи. Провозглашенное уничтоженіе крѣпостного права какъ бы захлопнуло дверь — такъ слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ожидать — за прежними временами.

„Въ какой сильной степени неполитичны, во вредъ правительству, были упомянутыя рѣшенія главнаго комитета, это видно уже изъ того, что для депутатовъ сдѣланные имъ выговоры получили значеніе медалей *за усердіе*. Дворянство вообще не было довольно дѣйствіями своихъ депутатовъ въ Петербургѣ, ибо находило, что они тамъ вели себя слишкомъ уклончиво; сдѣланные имъ выговоры убѣдили депутатовъ, и неудовольствіе противъ бюрократизма отъ того усиливалось и углублялось. Враждебное чувство противъ бюрократіи въ Москвѣ и внутренности Россіи растетъ не по днямъ, а по часамъ. Теперь во многихъ губерніяхъ должны быть обыкновенныя собранія дворянства: нельзя не ожидать тамъ протестовъ, даже скандаловъ“. Дѣйствительно, таковые во многихъ провинціальныхъ центрахъ разыгрались, и электрическій токъ общаго недовольства бюрократической Россіей быстро пробѣжалъ по провинціи и отозвался на берегахъ Темзы, гдѣ въ редакціи „Колокола“ напряженно прислушивались ко всему, происходящему на „родномъ берегу“.

Застрѣльщиками оппозиціи правительству были главнымъ образомъ представители спеціально-дворянскихъ интересовъ, за-

тронутые со стороны своихъ матеріальныхъ выгодъ. Факторъ экономическій заслонилъ собою всѣ остальныя стороны государственной жизни, и главная опора трона, каковою его считали, — „россійское благородное дворянство“ вмѣсто содѣйствія своему „обожаемому (на словахъ) монарху“ первое создало вокругъ этого монарха атмосферу реальнаго недовольства. Партія либеральная, съ своей стороны, также сгущала эту атмосферу, и бѣдный Александръ II оставался такимъ образомъ предоставленнымъ самому себѣ, вслѣдствіе чего по естественному ходу вещей его сюзъ съ бюрократіей, начавшій было распадаться, сталъ снова крѣпнуть. Являлся лишь вопросъ, какой масти бюрократія получитъ перевѣсъ: партія ли прогрессивная съ Ростовцевымъ и Милютинымъ въ центрѣ при поддержкѣ во дворцѣ со стороны великаго князя Константина Николаевича и великой княгини Елены Павловны, или партія придворно-консервативная съ графомъ Панинымъ, графомъ Строгановымъ, княземъ Гагаринымъ и Муравьевымъ во главѣ.

При жизни Ростовцева, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ крестьянскомъ, перевѣсъ оставался за партіей прогрессивной, credo которой было изложено Милютинымъ въ одной изъ бесѣдъ у себя на дому въ слѣдующихъ словахъ *): „Никогда, никогда, пока я стою у власти, я не допущу какихъ бы то ни было притязаній дворянства на роль иниціаторовъ въ дѣлахъ, касающихся интересовъ и нуждъ всего народа. Забота о нихъ принадлежитъ правительству; ему и только ему одному принадлежитъ и всякій починъ въ какихъ бы то ни было реформахъ на благо страны. Tout pour le peuple — rien par le peuple“. Такова была догматика прогрессивнаго чиновничества, не допускавшаго и мысли о какомъ-либо общественномъ починѣ въ дѣлѣ громадной исторической важности, гдѣ былъ поставленъ вопросъ о всѣхъ интересахъ отечества въ ихъ внутренней совокупности. Просвѣщенный абсолютизмъ — дальше этого бюрократія не шла, хотя нельзя не отмѣтить, что, воюя въ данномъ случаѣ противъ общественности, она имѣла главнымъ образомъ въ виду темныя силы, преслѣдовавшія исключительно эгоистическія сословные интересы. Но, ударяя по эгоизму, бюрократія не находила въ себѣ ни желанія, ни мужества протянуть руку и той альтруистической группѣ, которая вполнѣ на первыхъ порахъ искренно и сердечно искала союза съ правительствомъ, предпочтя этому

*) „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Кн. 17.

союзу позицію изолированности съ отчужденіемъ отъ силъ общественныхъ. Старые методы управленія оставались въ полной силѣ и новое вино жизни вливалось въ старые мѣхи полицейско-бюрократической государственности, хотя и согрѣтой въ настоящемъ случаѣ лучомъ сочувствія къ народу и его экономическимъ интересамъ, въ разрѣзъ съ которыми шла дворянская оппозиція, выраженная какъ меньшинствомъ, такъ и большинствомъ депутатовъ. На этой-то почвѣ въ нѣдрахъ редакціонныхъ комиссій и разыгрались конфликты, въ коихъ общественное прогрессивное мнѣніе естественно становилось на сторону либеральной бюрократіи. Въ результатѣ оппозиція была подавлена, депутаты отпущены по домамъ, и надъ поверхностью русской дѣйствительности поднялся первый чадъ и туманъ, внесшій въ эту дѣйствительность нервность, злобу, недовѣріе и раздражительность. Въ одинъ узелъ сплелись разныя нити, почерпавшія свое происхожденіе изъ діаметрально-противоположныхъ областей. Чтобы разрубить этотъ узелъ, надо было много смѣлости и рѣшимости, и у Александра II на одно историческое мгновеніе нашлась-таки эта рѣшимость, но только на одно мгновеніе, причемъ полной ликвидаціи исторической путаницы имъ произведено не было. Опираясь на доброжелательное меньшинство либеральной бюрократіи, онъ довелъ до благополучнаго болѣе или менѣе конца разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, хотя и съ уступками здѣсь въ пользу сословныхъ эгоистическихъ интересовъ своей „опоры престола“ — дворянства. И это была громадная заслуга его передъ исторіей, которая совершенно справедливо была оцѣнена Герценомъ, заявившимъ *): „Александръ II, и никто иной, поднялъ крикъ „освобожденіе крестьянъ“, и я еще разъ повторяю, если онъ ничего не сдѣлаетъ, если этотъ вопросъ и его рѣшеніе ускользнутъ изъ неловкихъ его рукъ, то и тогда имя его останется въ исторіи на ряду съ вѣнценосцами-реформаторами“. А черезъ два года, когда пронесся уже по всей Россіи набатъ о волѣ, знаменитый русскій эмигрантъ писалъ **): „Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы закоснѣлыхъ негодяевъ — и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей

*) „Колоколъ“, 1859 г., № 32 и 33.
**) Тамъ же, 1861 г., № 59.

ссылки мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ *освободителя!*"

Не упреждая, однако, хода изложенія событій, остановимся нѣсколько на тѣхъ любопытныхъ моментахъ нашей внутренней жизни, которые послѣдовали послѣ роспуска депутатовъ перваго призыва.

Въ послѣдній мѣсяцъ 1859 года и въ началѣ 1860 года открылись во многихъ губерніяхъ дворянскія собранія и тутъ-то разыгрались тѣ конфликты съ властью, которые явились прямымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ отмѣченнаго выше выговора депутатамъ, какъ равно и послѣдовавшаго за симъ циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ, которымъ дворянству запрещалось на выборахъ имѣть „сужденіе по предметамъ, до крестьянскаго быта касающимся".

Первыя волненія среди дворянства обнаружились въ Рязанской губерніи, засимъ въ Тверской, Ярославской, Владимірской, Новгородской и Калужской, съ большимъ или меньшимъ подъемомъ голосовъ и протестующихъ по адресу правительства рѣчей и адресовъ. Уже выговоры депутатамъ явились своего рода печальными признаками начинающагося въ дѣлѣ освобожденія регресса, циркуляръ же министра внутреннихъ дѣлъ не оставлялъ сомнѣнія, что начавшемуся было развитію общественности будетъ положенъ энергичный конецъ. Наиболѣе рѣзко оппозиція дворянства сказалась въ Тверской губерніи, гдѣ душою ея явился губернскій предводитель А. М. Унковскій, участвовавшій въ работахъ редакціонныхъ комиссій, подписавшій „адресъ пяти", получившій выговоръ и отданный подъ мѣстный надзоръ полиціи, а лидеромъ оппозиціи—„Петрашевецъ" Европеусъ. По открытіи собранія Европеусъ произнесъ слѣдующую рѣчь*): „Господа! по прочтеніи 77-й статьи было высказано, что такъ какъ въ ней упомянуто о представленіи г. министру, не чиня исполненія, то предполагаютъ говорить о крестьянскомъ вопросѣ. По моему мнѣнію, такое толкованіе статьи неправильно. Она означаетъ болѣе, а именно, что мы должны пріостановиться въ сужденіяхъ нашихъ до разрѣшенія недоумѣнія административнымъ порядкомъ, указаннымъ статьей. Настало время, господа, понять, что пользованіе правами не есть исключительная привилегія одного сословія, но исполненіе обязанности нашей въ отношеніи ко всему обществу.

*) „Паденіе крѣпостного права въ Россіи".

Въ настоящее время только одно наше совѣщательное собраніе имѣетъ законное право вступать въ обсужденіе вопросовъ общественной пользы и служить единственной законной гарантіей противъ произвола бюрократіи, все угнетающей, ничего непонимающей, ничего не исполняющей и всего боящейся; бюрократіи, имѣющей въ виду только свои частные выгоды, прямо противо-

Алексѣй Михайловичъ Унковскій.

положныя и интересамъ всего общества, и волѣ государя императора. Изъ представленнаго намъ отчета о земскихъ повинностяхъ и нашемъ капиталѣ вы можете видѣть, господа, до какой степени простирается произволъ и неисполненіе законовъ. Не станемъ же подражать въ нашихъ дѣйствія этой бюрократіи, которая для своихъ выгодъ искажаетъ законы. Докажемъ нашими дѣйствіями, что никакой произволъ не можетъ остановить свободное пользованіе правами нашими и что мы можемъ со

всѣмъ достоинствомъ правильнаго совѣщательнаго собранія протестовать официальнымъ образомъ и на основаніи закона. Это составляетъ нашъ долгъ предъ лицомъ общества и всей Россіи. Въ заключеніе прошу позволенія прочесть слѣдующее предложеніе: циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ воспрещается губернскому собранію входить въ какія бы то ни было сужденія, относящіяся до крестьянскаго вопроса. Между тѣмъ, на насъ возложено сужденіе о пользахъ и нуждахъ дворянства, о которыхъ мы не можемъ ничего сказать, не нарушая означеннаго запрещенія, по причинѣ тѣсной и неразрывной его связи со всѣми интересами нашими. А потому, принимая во вниманіе, что ограниченіе это нарушаетъ свободу пользованія нашими правами и прямо отмѣняетъ 112 и 135 статьи IX тома, я, на основаніи 72-й, 73-й и 77-й статей I тома, предлагаю просить г. губернскаго предводителя немедленно пріостановить собраніе и поступить по точному смыслу 77-й статьи, телеграфируя г. министру, и предложеніе это прошу баллотировать“.

Баллотировка дала 184 шара за предложеніе Европеуса и 54 противъ. Губернаторъ отказался переслать министру постановленіе собранія, и тогда послѣднее постановило большинствомъ голосовъ „составить прошеніе въ собственныя руки государя“, каковое и было переслано по назначенію, редактированное въ духѣ первоначальнаго заявленія министру внутреннихъ дѣлъ. Прошеніе это, пройдя черезъ горнило главнаго комитета, было оставлено „безъ послѣдствій“ по существу возбужденнаго вопроса, но съ послѣдствіями для Унковскаго, какъ предсѣдателя собранія, чья подпись значилась первою на прошеніи: онъ былъ отрѣшенъ отъ должности губернскаго предводителя дворянства и собранію предложено было избрать ему замѣстителя. Въ Петербургѣ и среди консервативнаго мѣстнаго меньшинства надѣялись, что дворянство начнетъ протестовать противъ высочайшаго рѣшенія, зарвется въ своемъ протестѣ, чѣмъ и будетъ нанесенъ непоправимый ударъ либерализму, какъ ставшему на путь революціонный. Но ожиданія не оправдались; тверское дворянство дѣйствительно протестовало, но въ совершенной, легальной, оппозиціонной формѣ: оно произвело выборы, но никого не выбрало. Въ 8 уѣздахъ не было выбрано ни предводителей, ни депутатовъ, какъ равно осталась безъ замѣстителя должность губернскаго предводителя дворянства. Кромѣ того, считая долгомъ принести А. М. Унковскому признательность за его полезную общественную дѣятельность, было постановлено основать 12 стипендій въ москов-

скомъ университетѣ съ присвоеніемъ имъ имени Унковскаго и съ предоставленіемъ ему права назначенія стипендіатовъ.

Тогда на должность губернскаго предводителя былъ *назначенъ* мѣстный дворянинъ Клокочевъ, который, немедленно по вступленіи въ должность, получилъ рѣзкое письмо отъ Головачева, какое онъ и препроводилъ министру внутреннихъ дѣлъ, съ указаніемъ, что присутствіе въ губерніи Унковскаго, Головачева и Европеуса волнуетъ умы дворянства. Послѣднее было зачтено въ столицѣ въ разрядъ крамольнаго сословія и всему инциденту было придано преувеличенное значеніе, вслѣдствіе чего Унковскій былъ сосланъ въ Вятку, Европеусъ—въ Пермь, а Головачевъ отданъ подъ судъ, каковой послѣ долгой волокиты окончился ничѣмъ, т. е. былъ прекращенъ въ новыхъ уже судебныхъ учрежденіяхъ.

Тверской эпизодъ чрезвычайно характеренъ, если вспомнить то общественное состояніе умовъ и духа, которое царило по всей Россіи еще пять лѣтъ тому назадъ, въ эпоху Николая, когда никто не смѣлъ поднять громко своего голоса протеста. Теперь, мы видимъ, говорятъ достаточно смѣло и откровенно не только личности, но и корпораціи. Общественная эволюція совершила быстро свой кругъ, получила совершенно опредѣленную окраску и являлась знаменательнымъ показателемъ наступившаго новаго времени. Ясно и опредѣленно создалась и оформилась „легальная оппозиція“ либеральнаго характера, получившая впослѣдствіи наименованіе „тверского либерализма“, а носители ея—„тверскихъ либераловъ“. И родоначальники этихъ либераловъ, въ лицѣ Унковскаго, Европеуса, Головачева и др., и эпигоны, ихъ, какъ, напр., гг. Бакунинъ, Петрункевичъ, де-Роберти, Родичевъ и др., стоя всегда на формальной почвѣ законности, тѣмъ не менѣе являлись по духу своей дѣятельности, порою скрытыми, порою активными представителями оппозиціи, сходясь здѣсь, въ зависимости отъ характера и значенія историческаго и общественнаго дня, то съ представителями лѣвыхъ тенденцій революціоннаго даже оттѣнка, то находя для себя возможнымъ сближеніе съ элементами правыхъ и консервативныхъ фракцій, поскольку дѣло касалось интересовъ землевладѣнія и общественной власти. Правительство, ударивъ по Унковскому и его единомышленникамъ, создало имъ необыкновенную популярность и имя „борцовъ за свободу“; себѣ же оно приготовило и въ настоящемъ и въ будущемъ немало осложненій и случаевъ къ нареканіямъ и недовѣрію.

Тверской инцидентъ выдѣлился съ особенною силою, благодаря своему шумному финалу, но для характеристики тогдашняго настроенія провинціальныхъ умовъ не меньшее значеніе имѣютъ событія, разыгравшіяся во Владимірѣ на дворянскихъ выборахъ. Здѣсь заслуживаетъ особеннаго вниманія рѣчь, произнесенная поклонникомъ Унковскаго, покровскимъ депутатомъ Протопоповымъ. Высказавъ общегосударственныя pia desideria либеральныхъ тогдашнихъ группъ, онъ мотивировалъ ихъ необходимость слѣдующими соображеніями *): „Безъ таковыхъ предварительныхъ и единственно полезныхъ государственныхъ измѣненій, если мы нынѣ воспользуемся прежними выборными правами, то мы сами какъ будто отодвинемся назадъ навсегда и выключимъ себя добровольно изъ общей массы государственнаго народонаселенія въ какой-то отдаленный, высшій классъ, ничего не знающій и вмѣстѣ съ тѣмъ желающій удержать за собою какое-то особое, безполезное значеніе.

„Нынѣ, господа, пользы и нужды наши должны идти нераздѣльно съ пользами и нуждами всѣхъ сословій, а слѣдовательно, цѣлаго государства.

„Пожертвуемъ же сами для новой, возрождающейся жизни кичливыми грамотами, бархатными книгами, аристократическими титулами и все это прежнее гордое и суетно-безполезное величіе наше и всеподданнѣйше испросимъ, какъ необходимое для пользы и нуждъ нашихъ, одно общее со всѣми сословіями названіе свободныхъ гражданъ, вполнѣ признающихъ самодержавную власть, да общую законную отвѣтственность всякой личности не передъ административнымъ произволомъ, но передъ гласнымъ судопроизводствомъ и общимъ выборнымъ судомъ присяжныхъ!

„Вотъ, господа, чего требуютъ наши общія пользы и нужды, а законъ обязываетъ насъ, прежде избранія въ должности, выразить эту общественную потребность!

„Воспользуемся же этимъ разумнымъ законнымъ правомъ! Будемъ вполнѣ достойны всегдашняго къ намъ довѣрія августѣйшаго монарха. Не хитрыми, недостойными происками, а чистымъ, честнымъ откровеніемъ повергнемъ къ престолу государя разумѣнія и сознанія наши!

„Онъ самъ созналъ и пробудилъ въ народѣ эту жизнь. Онъ пойметъ чувства наши.

---

*) „Паденіе крѣпостного права въ Россіи“.

„А мы, съ своей стороны, свято и неукоризненно исполнимъ цѣль высшаго божественнаго призванія человѣка въ жизни и наше земное предназначеніе.

„Озари же, государь, Россію вполнѣ свѣтомъ истины! дай намъ средство быть вѣрными тебѣ помощниками и сынами отечества! уничтожь темные доклады произвола!

„Мгновенно оживутъ всѣ, воскреснутъ павшія жертвы добра и истины и обще и дружно пойдутъ къ свѣтлой жизни и къ новому, честному служенію тебѣ и Россіи.

„Только такимъ чистымъ возрожденіемъ можетъ быть предано совершенному забвенію все несправедливое и произвольное старое".

Именно въ такой же мотивировкѣ былъ составленъ адресъ владимірскаго дворянства, подписанный 186 лицами (противъ 34 несогласныхъ), гдѣ выставлены были въ резолютивной части слѣдующія положенія, желательныя дворянству *):

1) Строгое раздѣленіе властей: административной, судебной и полицейской.

2) Управленіе, общее для всѣхъ сословій.

3) Хозяйственно-распорядительное управленіе для всѣхъ сословій и отвѣтственное только предъ судомъ и обществомъ, причемъ выборныя лица утверждаются не административною властью, но единогласно правильностью избранія.

4) Полицейское управленіе, правительственное и устроенное въ чисто-охранительномъ духѣ, дѣйствующее только на основаніи закона.

5) Руководимое только закономъ гласное гражданское судопроизводство, уголовный судъ гласный, по совѣсти и закону, т. е. судъ присяжныхъ.

6) Непосредственная отвѣтственность всѣхъ и каждаго предъ судомъ.

7) Отвѣтственность личная всѣхъ должностныхъ лицъ за неисполненіе ими своихъ обязанностей, безъ права ссылаться на предписанія своихъ начальствъ.

8) Учрежденіе новыхъ прочныхъ и строгихъ мѣръ къ поддержанію частнаго и государственнаго кредита.

Адресъ владимірскаго дворянства оставленъ былъ безъ послѣдствій по существу дѣла, а губернскому предводителю сдѣланъ выговоръ. И на другихъ дворянскихъ собраніяхъ 1860 г.

*) „Колоколъ" 1860 г. № 71.

наблюдаются общія одушевленія, но они не получаютъ своей реализаціи въ конкретныхъ явленіяхъ. Правителство, хотя и признавало уже въ тѣ дни необходимость реформъ въ указываемыхъ ему общественными группами направленіяхъ, однако было крайне смущено сыпавшимися ему заявленіями и опасалось, какъ бы таковыя не слишкомъ взволновали широкіе слои населенія, почему и поспѣшило издать циркуляръ по цензурѣ, по коему запрещалось пропускать какія-либо извѣстія о рѣчахъ и событіяхъ на дворянскихъ собраніяхъ, кромѣ сообщеній о выборныхъ лицахъ и увеселеніяхъ, обычно сопутствующихъ собраніямъ дворянъ.

Дамокловъ мечъ цензуры въ тѣ годы, о чемъ будетъ болѣе подробно говорено въ слѣдующей части нашихъ очерковъ, былъ излюбленнымъ и вѣрнымъ орудіемъ въ рукахъ бюрократіи въ ея борьбѣ съ ожившею общественностью и со всякаго носителя этого меча правительство строго взыскивало, если тотъ слишкомъ мягко или неумѣло пользовался врученнымъ ему орудіемъ. Такъ, цензоръ Н. Ѳ. Крузе*) за пропускъ въ печати извѣстныхъ уже рѣчей Кокорева на московскихъ обѣдахъ былъ отставленъ отъ должности. По случаю отставки Н. Ѳ. Крузе литературныя партіи дружно сомкнулись и, по инициативѣ Каткова, въ его пользу, какъ бы въ компенсацію за утраченное казенное мѣсто, была по подпискѣ собрана довольно значительная сумма и ему вручена передъ отъѣздомъ за границу. Катковъ предлагалъ даже сдѣлать въ пользу либеральнаго цензора, о которомъ А. Майковъ въ свое время воскликнулъ: „Ура, нашъ цензоръ Крузе! онъ руки развязалъ россійской музѣ“—своего рода всероссійскую подписку, какъ своего рода демонстрацію противъ репрессивныхъ мѣръ правительства. Но послѣднее, узнавъ о на-

---

*) Личность нѣсколько лѣтъ тому назадъ скончавшагося Николая Ѳедоровича очень слабо освѣщена въ нашей литературѣ и главнымъ образомъ по отсутствію на сей предметъ воспоминаній современниковъ и мемуаровъ самого знаменитаго московскаго цензора. Авторъ настоящихъ очерковъ, служа въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ въ одномъ учрежденіи съ Н. Ѳ., неоднократно говорилъ ему о необходимости составленія записокъ. Крузе обѣщалъ составить свои мемуары и говорилъ даже, что начало ихъ написано и находится въ его деревнѣ, но сохранилось ли это начало и, если да, то куда оно дѣвалось, неизвѣстно. Роль Крузе была очень значительною въ дѣятельности Каткова за періодъ его англоманства, которое относится именно къ эпохѣ „кануна реформъ“. Покойный Н. Ѳ. разсказывалъ автору, какъ ему приходилось подчасъ просто понуждать Каткова къ составленію текущихъ „Современныхъ лѣтописей“, брать на себя отвѣтственность за ихъ появленіе и успокаивать трусившаго Каткова. Любопытное явленіе: свободный писатель колеблется и трусить, а подневольный цензоръ его подстегиваетъ на пути либерализма!

мѣреніяхъ московскихъ литераторовъ, приняло мѣры къ тому, чтобы таковая подписка не состоялась, что и было возложено высочайшимъ повелѣніемъ на министра народнаго просвѣщенія.

Такимъ образомъ, не считая студенческихъ волненій и возбужденія въ университетской средѣ, о чемъ также будемъ говорить далѣе, мы наблюдаемъ почти повсемѣстно, какъ въ провинціальной, такъ и столичной средѣ рядъ оппозиціонныхъ правительству вспышекъ, свидѣтельствующихъ, что общество переросло созданную надъ нимъ столѣтіями опеку, сознало свои силы и обязанности передъ родиною и вступило въ открытую борьбу съ бюрократіей безъ всякой пока, однако, тѣни посягательства на верховныя права вѣнценоснаго вождя Россіи. Шелъ только вопросъ объ осуществленіи тѣхъ безспорныхъ гражданскихъ правъ, надъ освѣщеніемъ которыхъ работали такъ безплодно и съ жертвами представители предшествовавшихъ прогрессивныхъ элементовъ. Борьба за волю становилась только все интенсивнѣе, захватывая въ свой кругъ заданій все болѣе широкіе сознательные элементы отечественной общественности. И чѣмъ болѣе эта борьба близилась къ благополучному концу, чѣмъ побѣда казалась болѣе осязательною, тѣмъ тяжелѣе становилось одолѣвать встрѣчавшіяся на пути тренія, тѣмъ страшнѣе и горше казались всѣ шаги правительства, бравшаго въ иные моменты курсъ вспять или въ сторону отъ намѣчавшагося пути разрѣшенія насущнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ.

Особенно напугало всѣхъ прогрессистовъ назначеніе ultra-бюрократа и крѣпостника графа Панина на мѣсто скончавшагося 20 февраля 1860 г. Ростовцева. Это назначеніе всѣмъ по первому разу рисовалось, какъ окончательный поворотъ къ дореформенному періоду и не находило себѣ прямого согласованія съ волею государя императора. Но впослѣдствіи оказалось, что при новомъ назначеніи Панину было поставлено условіемъ вести дѣло въ прежнемъ направленіи, хотя и противно своимъ убѣжденіямъ. И Панинъ согласился на это условіе, изложивъ при этомъ въ бесѣдѣ съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ слѣдующимъ образомъ свое служебное profession de foi *): „...У меня есть убѣжденія, сильныя убѣжденія. Напрасно иногда думаютъ противное. Но по долгу вѣрноподданнической присяги я считаю себя обязаннымъ прежде всего узнать волю государя императора. Если я какимъ-либо путемъ, прямо или косвенно, удостовѣрюсь,

*) Дневникъ Валуева. „Русская Старина“ 1891 г., № 11.

что государь смотритъ на дѣло иначе, чѣмъ я,—я долгомъ считаю *тотчасъ отступить отъ своихъ убѣжденій и дѣйствовать совершенно наперекоръ* съ тою и даже большею энергіею, какъ если бы я руководствовался моими собственными убѣжденіями".

Появленіе Панина у отвѣтственнаго и священнаго дѣла, на ходъ котораго съ такимъ благоговѣніемъ смотрѣла почти вся Россія, повергло всѣхъ въ уныніе, и если дома по сему предмету, въ силу цензурныхъ условій, нельзя было откровенно высказаться, то Герцену въ „Колоколѣ" нечего было стѣсняться. Онъ помѣстилъ извѣщеніе о назначеніи Панина въ траурной рамкѣ и писалъ *): „Невѣроятная вѣсть о назначеніи Панина на мѣсто Ростовцева подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи—поставленъ главою освобожденія крестьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ. Но горевать недостаточно, наше время слишкомъ бойко. Это вызовъ, это дерзость, это обдуманное оскорбленіе общественнаго мнѣнія и уступка плантаторской партіи. Тонъ царствованія измѣнился, съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ комиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память, которую они оставятъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобы имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку. Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ. Ошибаться нечего, длинная фигура Панина можетъ служить шестомъ съ шляпой, чтобъ пугать, но она слишкомъ узка, чтобъ застить собою черты Николая второго **). Мы недавно совѣтовали государю сорвать маски съ своихъ приближенныхъ; онъ ее снялъ съ себя... и это не такъ дурно! Истина прежде всего, истина, какая бы она ни была!" Того же мнѣнія о естественномъ уходѣ въ отставку всѣхъ членовъ редакціонныхъ комиссій держался и И. С. Аксаковъ, но думавшій вмѣстѣ съ тѣмъ, „что мысль о томъ, что дѣло можетъ погибнуть или перейти въ руки Шувалова съ братіей, хотящихъ освобожденія безъ земли", послужитъ причиною къ сохраненію ими своего поста.

Послѣ первой, произнесенной передъ членами комиссій, рѣчи, гдѣ между прочимъ Панинъ просилъ не писать о ходѣ занятій въ комиссіяхъ „*за границу*", называя эти занятія дѣломъ част-

---

*) „Колоколъ" 1860 г., № 65 и 66.

**) То-есть сына и преемника Николая I, дѣйствующаго въ духѣ и направленіи отца, а потому какъ-бы повторяющимъ его.

нымъ, семейнымъ, Герценъ совсѣмъ обозлился и разразился филиппикой *): „Безсмысленныя слова этого графа-чиновника почти совсѣмъ примирили насъ съ нимъ, намъ стало жаль эту длинную фигуру больного, у котораго на такой высотѣ размягчился мозгъ (и прежде не очень твердаго состава, по правдѣ)— писалъ издатель „Колокола".—Онъ подлежитъ исключительно медицинскому суду; суду общественнаго мнѣнія подлежитъ тотъ, кто его посадилъ вмѣсто сумасшедшаго дома въ освободительный!" Обращаясь же къ послѣднему, т. е. къ Александру II, Герценъ говорилъ: „Насъ упрекнуть нельзя. Мы держались до послѣдней крайности, до открытой измѣны, до преступнаго назначенія Панина, до самоуправства въ дѣлѣ Унковскаго и Европеуса, до полицейскаго заговора, вслѣдствіе котораго похватали студентовъ, профессора Качановскаго, и мы не знаемъ, кого еще. Мы могли подаваться и уступать, когда главный потокъ шелъ своимъ русломъ, теперь другое дѣло!

„Прощайте, Александръ Николаевичъ, счастливаго пути! Bon voyage! Намъ сюда".

Страхъ за дѣло освобожденія крестьянъ при назначеніи Панина былъ значительно преувеличенъ, и, хотя дѣйствительно предсѣдатель редакціонныхъ комиссій былъ извѣстенъ за лицо крайнихъ реакціонныхъ убѣжденій, однако онъ сумѣлъ въ общемъ ходѣ вопроса значительно поступиться своими личными убѣжденіями передъ волею монарха. Работа депутатовъ второго призыва подъ его предсѣдательствомъ и его руководствомъ, хотя и не безъ треній и не безъ извѣстныхъ уступокъ дворянской партіи, но пришла къ благополучному концу 1860 года, откуда уже черезъ главный комитетъ она въ началѣ 1861 г. заключилась извѣстнымъ манифестомъ 19 февраля 1861 г., съ котораго и начинается въ Россіи новая эпоха—эпоха реформъ.

Но прежде, чѣмъ перейти къ этой достопамятной эпохѣ, необходимо очертить, какъ отразился „канунъ реформъ" на литературѣ и жизни университетовъ и что онъ отсюда почерпнулъ въ интересахъ какъ освободительнаго движенія, такъ и революціоннаго.

Сгущавшаяся надъ Россіей оппозиціонная атмосфера особенно усиливалась отношеніемъ правительственной власти и всемогущей бюрократіи къ печати. Послѣ крестьянскаго вопроса вопросъ о „свободѣ слова" былъ самымъ острымъ и жгучимъ и

*) „Колоколъ" 1860 г., № 68—69.

надо отдать справедливость представителямъ власти конца пятидесятыхъ годовъ, что ими было сдѣлано все отъ ихъ зависящее, чтобы донельзя раздражить въ области этого жгучаго вопроса общественное чувство, а также показать здѣсь полную свою несостоятельность, административную, законодательную и реформаторскую.

Право свободы рѣчи, уничтоженіе цензурныхъ тисковъ, какъ уже это неоднократно было отмѣчено на протяженіи настоящихъ очерковъ, было завѣтною мечтою передовыхъ людей Россіи, всѣхъ фракцій и политическихъ оттѣнковъ и за слабыя подчасъ попытки къ осуществленію этой свободы, какъ намъ это уже извѣстно, многіе платились жестоко, начиная съ „выговоровъ", сидѣній на гауптвахтѣ, надзоровъ полиціи и кончая ссылками и тяжкими тюремными заключеніями. Борьба за свободу рѣчи наложила на нашу литературу особый отпечатокъ, создала въ ея обиходѣ своеобразные литературные пріемы и втянула ее, независимо отъ ея спеціальныхъ задачъ, въ кругъ общей борьбы за свободу личности и гражданственности. Во всѣ царствованія, начиная съ Екатерины II, литераторъ по большей части отождествлялся если не съ явнымъ „заговорщикомъ", то, во всякомъ случаѣ, находился подъ постояннымъ подозрѣніемъ въ сочувствіи къ заговорщикамъ. Въ послѣднемъ была значительная доля правды, но такую близость создало само правительство съ его реакціоннымъ упорствомъ въ дѣлѣ насущнѣйшихъ реформъ русской жизни и съ нежеланіемъ признать за литераторами и журналистами права хоть нѣкоторой свободы слова и права подачи голоса по текущимъ вопросамъ отечественной дѣйствительности. Николаевскій режимъ съ его въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ просвѣщеннымъ деспотизмомъ по адресу корифеевъ нашей изящной словесности былъ жестокимъ періодомъ въ судьбѣ русской литературы: стальные административные тиски сжали русское слово до послѣдней степени, и естественно, что при малѣйшемъ ослабленіи этихъ неестественныхъ тисковъ, независимое слово вырвется на волю насильственно и такъ или иначе постарается не добромъ отплатить своимъ гонителямъ и врагамъ, въ число которыхъ оно зачтетъ всю правительственную власть отъ ея вершинъ до низовъ. Такъ оно и случилось, и надо было имѣть въ наличности много государственной предусмотрительности, такта и политическаго дарованія, чтобы не дать литературѣ почти цѣликомъ уйти въ оппозицію и обратиться въ орудіе политической пропаганды и непримиримой борьбы. Но у бюро-

кратіи „кануна реформъ“ этихъ качествъ не было и она стояла передъ зарею новыхъ дней все съ тою же программою воздѣйствія и руководства: не дозволять и карать. А эта программа только разжигала страсти и пріуготовляла все большіе кадры враговъ, смѣлыхъ и даровитыхъ, борьба съ которыми становилась все непосильнѣе и безплоднѣе.

Самъ Александръ II былъ какъ будто до нѣкоторой, хотя и слабой, степени сторонникомъ освобожденія печати отъ гнета, созданнаго и упроченнаго его родителемъ, что мы видѣли изъ сцены во дворцѣ, гдѣ дѣйствующими лицами были Горчаковъ и Чевкинъ, но по настоящему вопросу у него, очевидно, не было желанія, какъ это имѣло мѣсто въ крестьянскомъ дѣлѣ, сдѣлать какой-нибудь опредѣленный и рѣшительный шагъ. Тутъ его иниціатива отсутствовала и онъ лично по крайней мѣрѣ совершенно не былъ склоненъ итти по пути, который ему указалъ корифей славянофильства, лирикъ-идеалистъ, К. Аксаковъ, обратившійся въ тѣ дни къ государю съ стихами:

Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью
Въ честь правды и добра безъ страха ты идешь.
Вѣрь въ истину и свѣтъ, люби свободу Божью:
Свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ—прикрываетъ ложь.
Любовь и истину дать Русь тебѣ готова;
Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ;
Ты возвратишь, о царь, землѣ свободу слова,
И Богъ благословитъ съ народомъ твой союзъ!...

Эти стихи, не предназначенные для печати, были доставлены въ собственныя руки государю, но не послужили для него источникомъ какихъ-либо начинаній. Цензурная машина старательно работала по старому, „свободное“ независимое слово или приходило въ Россію „съ того берега“, или растекалось по поверхности родной земли старымъ испытаннымъ способомъ въ видѣ рукописей, рукописныхъ прокламацій, писемъ и т. д. или, наконецъ, находило себѣ выраженіе въ иносказательныхъ формахъ беллетристическихъ произведеній по преимуществу. Здѣсь бюрократія была безсильна что-нибудь сдѣлать рѣшительное, но зато въ вопросахъ текущаго дня, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ политикѣ, она стояла на высотѣ своихъ „историческихъ“ правъ и обязанностей, не желая въ данномъ случаѣ считаться ни съ запросами времени, ни съ потребностями дня. Польза страны, польза народа совершенно сознательно приносились въ жертву рутинѣ и обычаю дореформенной старины. Главное зло, которое проходитъ красною нитью черезъ весь

тотъ періодъ, заключалось въ томъ, что печать стремилась указать на необходимость коренной ломки бюрократическаго строя, увѣнчаннаго несчастною севастопольскою катастрофою, а правительство, и въ лицѣ самого Александра II, и въ лицѣ наиболѣе вліятельныхъ его тогдашнихъ сподвижниковъ, совершенно не имѣли въ виду не только этой ломки, но даже не признавали нужнымъ его реформированіе болѣе или менѣе основательно и торопливо. Признана была желательность только частичности реформъ, и притомъ взятыхъ каждая порознь, причемъ по личной волѣ царя на первую очередь былъ поставленъ крестьянскій вопросъ. Остальныя реформы, хотя и имѣлись принципіально въ виду, но съ ними не считали нужнымъ торопиться и ихъ откладывали на вторую дальнюю очередь; да и самое признаніе этихъ реформъ далеко не было достояніемъ всѣхъ правящихъ лицъ, и право ихъ осуществленія ставилось въ зависимость отъ общаго состоянія умовъ. Насущность реформъ въ глазахъ печати была аксіомою, какъ равно въ ея распоряженіи были и достаточно обдуманные способы ихъ осуществленія. Въ силу этого она считала себя въ правѣ и своею обязанностью по всѣмъ этимъ вопросамъ подать свой голосъ, какъ голосъ, выражающій собою мнѣніе всей сознательной Россіи. Въ такомъ настроеніи сливались всѣ литературныя фракціи, за весьма малыми исключеніями, почему высшая бюрократія и смотрѣла на печать и ея представителей, какъ на силу себѣ враждебную quand même, и зачисляла послѣднихъ безъ разбора по существу дѣла въ разрядъ крамольниковъ.

Такое отношеніе представителей власти къ представителямъ печати чрезвычайно характерно сказалось въ справкѣ знаменитаго московскаго генералъ-губернатора Закревскаго, представленной въ 1858 г. шефу жандармовъ кн. Долгорукову, о московскихъ литераторахъ. Онъ писалъ *): „По разнымъ слухамъ и секретнымъ негласнымъ дознаніямъ можно предположить, что такъ называемые славянофилы составляютъ у насъ тайное политическое общество. Славянофилы появились послѣ польской революціи, въ видѣ литературнаго общества любителей русской старины. Центръ этого общества—Москва. Литературные органы его: 1. *Русская Бесѣда*, редакторъ Кошелевъ; главные сотрудники: Хомяковъ, Аксаковъ, Самаринъ. 2. *Сельское Благоустройство*, отдѣлъ „Русской Бесѣды“; редакторъ и сотрудники тѣ же.

*) „Русскій Архивъ“ 1885 г., кн. 7-я.

Денежный двигатель общества—Кокоревъ, поддержанный множествомъ купцовъ новаго поколѣнія, которыхъ славянофилы всячески къ себѣ привлекаютъ.

„Общество славянофиловъ развиваетъ общественныя или демократическія начала. Оно составлено отъ лицъ разныхъ сословій, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ, мѣщанъ, людей духовнаго званія и ученыхъ.

„Вредное по своему составу и началамъ, общество это надѣется на какое-то покровительство и смѣло распространяетъ кругъ своихъ дѣйствій. Прежде оно имѣло своимъ органомъ одно періодическое изданіе, „Московскій Сборникъ", выходившій непостоянно и остановленный изданіемъ въ 1853 году. Кромѣ помянутыхъ двухъ журналовъ, необходимо обратить строгое вниманіе высшей цензуры и на слѣдуютіе издаваемые также въ Москвѣ:

1. *Русскій Вѣстникъ.* Редакторы Катковъ и Леонтьевъ. Цензоръ фонъ-Крузе.
2. *Атеній.* Редакторъ Коршъ, сотрудники Кетчеръ и другіе. Цензоръ тотъ же.
3. *Московскія Вѣдомости.* Редакторъ Коршъ.

„Всѣ эти изданія расходятся въ большомъ числѣ экземпляровъ, читаются пылкою, неопытною молодежью и даютъ направленіе общему мнѣнію. Элементы, которые могутъ послужить неблагонамѣреннымъ людямъ, чтобы произвести переворотъ въ государствѣ, слѣдующіе:

1. *Крестьянскій вопросъ*—орудіе для возбужденія крестьянъ противъ помѣщиковъ, и послѣднихъ противъ правительства.
2. *Безсрочно-отпускные нижніе чины.*
3. *Раскольники.* Имъ стараются внушать, что они напрасно надѣются на милосердіе царя, и должны ожидать всего отъ перемѣны образа правленія.
4. *Фабричный народъ.* Этотъ классъ людей давно подготовляется уже къ безпорядкамъ разными иностранными механиками и мастерами на фабрикахъ.
5. *Театральныя представленія.* Актеръ Щепкинъ, на одномъ изъ своихъ вечеровъ, подалъ мысль, чтобы авторы писали піесы, заимствуя сюжеты изъ сочиненій Герцена и дарили эти піесы бѣднымъ артистамъ на бенефисы.
6. *Распространеніе сочиненій Герцена.* Въ прошедшемъ году, во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ продолженіе зимы, одинъ изъ сыновей Щепкина уѣзжалъ нѣсколько разъ

изъ Москвы и, какъ говорятъ, развозилъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ запрещенныхъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Въ настоящее время, какъ слышно, тайные агенты заняты распространеніемъ изданной Герценомъ книги толкованіе Евангелія".

Къ этой сумбурной запискѣ, имѣвшей непосредственною задачей вооружить правительство противъ главнѣйшихъ руководителей періодической печати, былъ присоединенъ „списокъ подозрительныхъ лицъ въ Москвѣ" съ ихъ слѣдующею характеристикою.

Аксаковъ, Константинъ Тимофеевичъ (Сергѣевичъ), магистръ словесности Аксаковъ, Иванъ Тимофеевичъ (Сергѣевичъ), коллежскій совѣтникъ .	Славянофилы и издатели „Паруса".
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, отставной ротмистръ	Славянофилъ.
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ, надворный совѣтникъ	Славянофилъ и издатель журнала „Сельское Благоустройство".
Армфельдъ, Александръ Осиповичъ, д. ст. с. и профессоръ . . .	Славянофилъ.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, коллежскій совѣтникъ	Западникъ и издатель журнала „Русскій Вѣстникъ".
Кокоревъ, Василій Александровичъ, коммерціи совѣтникъ	Западникъ, демократъ и возмутитель, желающій безпорядковъ.
Мамонтовъ, Иванъ Ѳедоровичъ, купецъ 1-й гильдіи	Другъ Кокорева и товарищъ его во всѣхъ предпріятіяхъ.
Степановъ, Петръ Ивановичъ, прапорщикъ	Помощникъ Кокорева по сочиненію статей.
Кетчеръ, Николай Яковлевичъ, коллежскій совѣтникъ	У него бываютъ сборища съ неблагонамѣренными замыслами.

Якушкинъ, Евгеній Ивановичъ, подполковникъ	Сынъ ссыльнаго Якушкина, прикосновеннаго къ 14 декабря 1825 г.
Солдатенковъ, Козьма Терентьевичъ, почетный гражданинъ	Раскольникъ, западникъ, пріятель Кокорева, желающій безпорядковъ и возмущеній.
Погодинъ, Михаилъ Петровичъ, д. с. с.	Корреспондентъ Герцена, литераторъ, стремящійся къ возмущенію.
Фонъ-Крузе, Николай Ѳедоровичъ, надворный совѣтникъ	Цензоръ, пріятель всѣхъ западниковъ и славянофиловъ, другъ Каткова, корреспондентъ Герцена, готовый на все и желающій переворотовъ.
Павловъ, Николай Филипповичъ, тит. совѣтн.	Литераторъ, корреспонд. Герцена, и готовый на все.
Князь Оболенскій, Юрій Александров.	Корреспондентъ Герцена.
Щепкинъ, Михаилъ Семеновичъ, актеръ.	Желаетъ переворотовъ и готовый на все.
Щепкинъ, Николай Михайловичъ, отставной поручикъ и временный купецъ, книготорговецъ . , .	Дѣйствуетъ одинаково съ отцомъ.
Геръ, Осипъ, московскій купецъ . .	Агентъ Кокорева и готовый на все.
Пикулинъ, Павелъ Яковлевичъ, коллежскій совѣтникъ	Желаетъ безпорядковъ и готовый на все.
Самаринъ, Юрій, коллежск. ассесоръ .	Славянофилъ и литераторъ, желающій безпорядковъ и на все готовый.
Козловъ, преподаватель русской словесности въ школѣ межевыхъ топографовъ	Изъ числа вертепниковъ.

Сюда было причислено еще нѣсколько человѣкъ, менѣе извѣстныхъ, съ наименованіемъ ихъ „вертепниками", а другіе безъ столь лестнаго эпитета.

Такимъ образомъ, графъ Закревскій, смѣшавъ въ одну общую кучу рядъ лицъ разнообразныхъ званій и профессій, но несомнѣнно объединенныхъ общимъ желаніемъ насущныхъ реформъ для страны, всѣхъ ихъ подвелъ подъ рубрику „лицъ подозрительныхъ", вредно воздѣйствующихъ на населеніе столицы при помощи печатнаго слова, въ цѣляхъ возмущенія противъ правительства.

Въ Петербургѣ на литературу и литераторовъ также смотрѣли косо, и писательство въ глазахъ бюрократическихъ сферъ не считалось добродѣтелью, достойною поощренія, особенно въ томъ случаѣ, когда подавался голосъ по вопросамъ внутренней жизни въ прогрессивномъ смыслѣ. Здѣсь правительство становилось болѣзненно чутко и лѣтописи цензурнаго вѣдомства обогащались не однимъ курьезомъ. Запрещались не только темы писанія, но даже на нѣкоторыя литературныя имена налагалась печать молчанія. О Бѣлинскомъ нельзя было говорить, такъ что Чернышевскій, напримѣръ, въ „Современникѣ" вынуждаемъ былъ упоминать о своемъ литературномъ учителѣ обиняками и иносказательно. Третье отдѣленіе стояло неукоснительно на стражѣ русскаго слова и продолжало упорно по отношенію его держаться системы и завѣтовъ побѣдителя декабристовъ, что, конечно, ставило писателей въ необходимость ударять правительству Александра II челомъ его же добромъ. Вотъ, напримѣръ, оригинальный разговоръ, происшедшій въ тѣ годы между министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ и И. С. Аксаковымъ, переданный Никитенкомъ*).

— Вы боитесь, ваше превосходительство, революціи—говорилъ министру Аксаковъ.—Вы правы, намъ дѣйствительно угрожаетъ революція, потому что есть заговорщики.

— Какъ?—спросилъ съ ужасомъ Тимашевъ,—гдѣ они?

— Въ третьемъ отдѣленіи. Третье отдѣленіе своимъ преслѣдованіемъ мысли, своимъ гнетомъ готовитъ революцію, ссоря мыслящій классъ съ нашимъ добрѣйшимъ государемъ.

Въ этихъ словахъ при всей ихъ парадоксальности заключалась большая доля истины. Дѣйствительно, главнѣйшіе сотрудники Александра II совершенно искусственно создавали рознь

*) „Записки и Дневникъ" А. В. Никитенка.

между царемъ и классомъ журналистовъ, отодвигая послѣднихъ отъ текущей жизни и обрекая на молчаніе въ тѣ дни, когда всякое разумное слово по главному интересующему государя вопросу могло идти только на пользу благополучнаго рѣшенія этого вопроса, вслѣдствіе чего въ значительной степени этому обстоятельству и обязаны были нѣкоторыя анормальности въ направленіи тогдашней печати. Лишенная возможности серьезно и откровенно дебатировать ходъ подготовлявшейся крестьянской реформы, она вынуждена была направить свои силы на борьбу съ такими явленіями жизни, гдѣ третье отдѣленіе и красныя цензорскія чернила не грозили ей особыми бѣдами. Она хоть этимъ вознаграждала себя за невольное молчаніе въ другихъ областяхъ, а на этомъ пути трудно было удержаться въ рамкахъ сдержанности и порою, пожалуй, даже серьезности и деликатности. Отрицаніе стало какъ бы общимъ знаменемъ, подъ сѣнь котораго становились густые ряды, у которыхъ отняты были близорукою правительственною недальновидностью иныя болѣе полезныя знамена; сначала на первую очередь было выдвинуто отрицаніе стараго режима и всѣхъ входящихъ сюда разнообразныхъ элементовъ — политическихъ, соціальныхъ, экономическихъ, бытовыхъ, церковныхъ и др., а затѣмъ, когда предержащая правительственная власть устранила печать отъ участія въ важномъ историческомъ моментѣ, который она же въ значительной мѣрѣ пріуготовила, она бросилась отъ отрицанія стараго къ отрицанію и новаго, надвигающагося и осуществляющагося, не довѣряя, чтобы это новое могло быть справедливо осуществлено сторонниками стараго режима. Недовѣріе стало какъ-бы общимъ настроеніемъ, озлобленнымъ, раздражительнымъ и желчнымъ. Обида севастопольскаго погрома создавала общее сочувствіе широкихъ массъ такому настроенію, и изъ этихъ массъ въ литературу широкимъ потокомъ хлынула струя разночинства, которое принесло въ нее всю горечь своей невеселой жизни, всѣ свои историческія обиды, страданія и горькія думы. Литература дворянская, какою она была въ золотые дни сороковыхъ годовъ, съ красивыми формами и изящными образами, обратилась въ литературу шумной улицы съ пылью, шумомъ и нескладной иногда суетою и толчеею, сопровождаемою обычными криками, толчками и подчасъ ругательствами. Старый николаевскій литературный околоточный вооруженный краснымъ перомъ вмѣсто алебарды былъ безсиленъ справиться съ этою прорвавшеюся толпою, безъ толку хватая то того, то другого за шиворотъ, нанося своимъ ору-

жіемъ то тутъ, то здѣсь удары; но улица продолжала шумѣть и гудѣть въ своемъ тѣсномъ проходѣ, предусмотрительно, однако, остерегаясь перелѣзать за тѣ рогатки, которыя были по бокамъ ея временно поставлены повелѣніемъ свыше. Толпа косилась на эти казенныя рогатки, но безсильная пока ихъ сдвинуть, обращала свой гнѣвъ и на того, именемъ кого онѣ были поставлены, кто ихъ поставилъ, и на тѣхъ, кому за предѣлами рогатокъ были отведены привилегированныя мѣста. По адресу послѣднихъ двухъ соціальныхъ категорій она отпускала свистъ и язвительный хохотъ, увѣренная въ томъ, что охранителямъ районнаго порядка не до этихъ свистковъ, шутокъ и острословій. И дѣйствительно, послѣдніе, строго соблюдая старый уставъ цензорской службы, оторопѣло смотрѣли на невѣдомую для нихъ дотолѣ картину закипавшей жизни, въ ожиданіи пока высшее начальство не скажетъ по сему предмету какого-нибудь новаго слова и не предпишетъ имъ новой программы дѣйствій. А начальство по обыкновенію, занятое высшими соображеніями и заботою о сохраненіи своего дореформеннаго бюрократическаго существованія, медлило съ своимъ словомъ, да и не имѣло въ своемъ распоряженіи запаса идей, откуда это слово могло бы быть почерпнуто. Оно продолжало держаться традицій былого времени и тѣмъ только усиливало трагизмъ момента, укрѣпляло ряды недовольныхъ и озлобленныхъ и пріуготовляло печальныя страницы русской жизни съ каплями крови на нихъ, которыя съ наступленіемъ эпохи реформъ все чаще стали мелькать въ отечественной лѣтописи второй половины восьмисотыхъ годовъ. Оппозиціонность печати въ значительной мѣрѣ должна быть отнесена на счетъ именно отношенія къ ней бюрократіи кануна реформъ.

Уже Николай Павловичъ прекрасно сознавалъ недостатки цензурнаго вопроса и полагалъ нужнымъ въ этомъ отношеніи что нибудь предпринять, что именно—не было яснымъ, но, во всякомъ случаѣ, крайности знаменитаго Бутурлинскаго комитета, несомнѣнно, не могли быть поставлены вѣнцомъ будущаго литературнаго зданія *). Но, какъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, покойный императоръ проявилъ крайнюю нерѣшительность дѣйствій въ положительную сторону и съ удивительной послѣдовательностью катился вспять, оставивъ такимъ образомъ въ наслѣдіе своему

*) Бутурлинъ, напримѣръ, предлагалъ сдѣлать купюры въ акафистѣ Покрову святой Богородицы, гдѣ призывается заступничество царицы Небесной отъ жестокихъ владыкъ.

сыну нелѣпый цензурный уставъ, гдѣ между прочимъ красовалась ст. 12, по коей воспрещалось пропускать въ печати „всякія разсужденія о потребностяхъ и средствахъ улучшенія какой-либо отрасли государственнаго хозяйства и вообще о всѣхъ мѣрахъ, относящихся къ кругу дѣйствій правительства“.

Первый, подавшій въ бюрократическихъ рядахъ свой голосъ за облегченіе печати отъ ужаснаго гнета, былъ П. А. Валуевъ, будущій министръ внутреннихъ дѣлъ, писавшій въ своей надѣлавшей такъ много шума „Думѣ русскаго“: „...Вездѣ преобладаетъ у насъ стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и не любовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними. Вездѣ противоположеніе правительства народу, казеннаго частному, вмѣсто означенованія ихъ естественныхъ и неразрывныхъ связей. Пренебреженіе къ каждому изъ насъ въ особенности и къ человѣческой личности вообще водворилась въ законахъ“. По мнѣнію Валуева, высказанному имъ въ своемъ „Дневникѣ“ *), самая насущная у насъ потребность это „преобразованіе цензуры“, но при этомъ онъ отмѣчаетъ, что „каждый министръ выражаетъ полное сочувствіе печатному слову, но проситъ только изъять свое вѣдомство“.

Новый государь также былъ убѣжденъ въ необходимости цензурной реформы, но былъ очень далекъ отъ мысли о полной свободѣ слова, которую такъ горячо пропагандировалъ „Колоколъ“ и славянофилы и о которой поднимали рѣчь, какъ то мы уже знаемъ, выдающіеся представители провинціальной общественности на губернскихъ собраніяхъ. Когда министръ народнаго просвѣщенія Норовъ представилъ Александру Николаевичу въ 1857 г. обзоръ современной литературы съ точки зрѣнія цензуры и отмѣтилъ тутъ необходимость „уяснить и упростить дѣйствія цензуры, возстановивъ нынѣ только нарицательно существующій цензурный уставъ 1828 года и сдѣлавъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія“, государь повелѣлъ: „заняться этимъ безотлагательно и при составленіи новаго цензурнаго устава взять за основаніе, что разумная бдительность со стороны цензуры необходима“. Отношеніе Александра II къ тогдашнему состоянію литературы достаточно рельефно обрисовалось въ его помѣткахъ, сдѣланныхъ на представленіи товарища министра народнаго просвѣщенія князя П. А. Вяземскаго, который сталъ на сторону

---

*) „Русская Старина“ 1891 г., кн. 5.

„Русскаго Вѣстника“ и „Морского Сборника“, подвергшихся гнѣву графа Панина. Князь Вяземскій писалъ *): „Осмѣливаюсь всеподданнѣйше изъяснить свое мнѣніе, что благонамѣренныя и скромно изложенныя сужденія о предметахъ подобныхъ порядку судопроизводства, могли бы быть у насъ допускаемы не только въ отдѣльныхъ книгахъ и диссертаціяхъ, но и въ журналахъ, имѣющихъ по своей программѣ отдѣлъ наукъ. Такія статьи не должны однако быть облекаемы въ несвойственную имъ форму беллетристическихъ легкихъ статей и являться въ газетахъ, доступныхъ многочисленнымъ и необразованнымъ читателямъ, которые легко могутъ перетолковать и исказить содержаніе и самой благонамѣренной, но по существу предмета недовольно понятной для нихъ статьи. Безъ сомнѣнія, цензура должна съ особеннымъ тактомъ взвѣшивать достоинства, добросовѣстность и дозволительность сужденій авторовъ по такимъ предметамъ, которые касаются болѣе или менѣе области дѣйствій правительственныхъ учрежденій.

„Никакъ не должно смѣшивать благородное желаніе улучшеній съ *тенденціями* (государемъ подчеркнуто и написано: „Да, но онѣ иногда весьма тѣсно связаны и часто проявляются подъ видомъ улучшеній“) къ политическимъ преобразованіямъ.

„Смѣю думать, всемилостивѣйшій государь, что великодушная милость, дарованная вашимъ величествомъ со вступленіемъ на престолъ, чрезъ дозволеніе ученому и литературному сословію выражать съ умѣренною свободою, въ границахъ, начертанныхъ законами, мысли, относящіяся часто до важныхъ государственныхъ предметовъ, безъ порицанія настоящаго порядка, *принесла уже обильные плоды и нельзя сомнѣваться, чтобы такая литературная дѣятельность* (подчеркнуто государемъ и на поляхъ написано: „желалъ бы имѣть это убѣжденіе“), слѣдуя указаннымъ вашимъ императорскимъ величествомъ путемъ, *не принесла еще вящшей пользы* (подчеркнуто государемъ и на поляхъ написано: „весьма въ томъ сомнѣваюсь“), но что, напротивъ того, запретительная система при общемъ теперь стремленіи къ наукѣ, направленной, благодаря Бога, на улучшеніе всѣхъ государственныхъ частей, была бы несогласна съ высокими царскими цѣлями вашего императорскаго величества и вызвала бы только размноженіе тайныхъ рукописей и ввозимыхъ изъ-за границы

*) Мих. Лемке. „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія“.

враждебныхъ Россіи сочиненій и породила бы, можетъ быть, тайныя общества. Не благоугодно ли будетъ вашему величеству высочайше повелѣть, чтобы г.г. министры и главноначальствующіе въ тѣхъ случаяхъ, когда они находятъ причины быть недовольными какими-либо печатаемыми статьями по предмету ихъ вѣдомствъ, предварительно доклада о томъ вашему величеству, сносились съ министромъ народнаго просвѣщенія и, если затѣмъ найдутъ нужнымъ доводить о томъ до высочайшаго свѣдѣнія, то присоединяли бы вмѣстѣ съ тѣмъ и полученный отъ министра народнаго просвѣщенія отзывъ".

На этомъ докладѣ Александръ II поставилъ резолюцію:

„Подобныя сужденія о вопросахъ государственной и общественной нашей жизни, *весьма часто несогласны съ моими мыслями*, возбуждая только напрасно умы, *могутъ насъ весьма далеко повести;* вотъ почему возлагаю на вашу обязанность доводить до моего свѣдѣнія *всѣ подобныя статьи,* въ которыхъ проявляются стремленія къ нововведеніямъ, дабы я могъ судить о нихъ и останавливать тѣ, кои сочту вредными. Ту же обязанность возлагаю на прочихъ г.г. министровъ, каждому по своей части, и требую, чтобы они доносили *прямо мнѣ,* о чемъ и прошу ихъ увѣдомить".

Результатомъ такой резолюціи явилось секретное предложеніе по цензурѣ Норова: „Съ нѣкотораго времени начали появляться въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ сужденія слишкомъ смѣлыя, касающіяся вопросовъ государственныхъ и также стремящіяся къ нововведеніямъ. Эти сужденія весьма часто несогласны съ видами правительства. Конечно, не надлежитъ смѣшивать благородныя желанія улучшеній съ *тенденціями* къ политическимъ преобразованіямъ; но сіи послѣднія нерѣдко облекаютъ въ благовидныя наружныя формы и потому г.г. цензоры обязаны съ неослабною прозорливостью вникать въ духъ сочиненій, и, покровительствуя наукѣ, не давать хода вреднымъ умозрѣніямъ". Здѣсь, въ этомъ предложеніи Норова, заключался первый шагъ къ установленію надъ печатью гласной опеки и надзора чуть ли не со стороны всѣхъ министерствъ, откомандировавшихъ вслѣдъ за симъ въ петербургскій цензурный комитетъ своихъ довѣренныхъ представителей для наблюденія за благонравіемъ печати по дѣламъ этихъ вѣдомствъ, что поставило журналистику въ совершенно невозможное положеніе и породило среди литераторовъ еще большее озлобленіе и недовольство.

Главная обида, которая была нанесена въ ту эпоху печати, состояла въ томъ, что всемогущимъ врагамъ крестьянской реформы удалось до minimum'а свести ея роль въ дѣлѣ обсужденія этой реформы, почти устранить ее отъ вопроса, на который она въ теченіе ряда десятилѣтій, начиная съ Радищева, потратила столько силъ. Намъ уже извѣстно, какъ радостно и сердечно привѣтствовала вся пресса, и отечественная и зарубежная, рескрипты Александра II, данные на имя Назимова и Игнатьева, и сколько теплаго чувства по адресу автора рескриптовъ высказалъ изъ своего далека Герценъ. Въ интересахъ широкаго и всесторонняго обслуживанія очередного вопроса русской жизни печать энергично отдалась ему, открывая для него особые отдѣлы и даже основывая спеціальные органы, какъ, напримѣръ, „Сельское Благоустройство".

Въ теченіе времени до апрѣля 1858 г. въ газетахъ и журналахъ было напечатано по крестьянскому дѣлу не мало дѣльныхъ и обстоятельныхъ статей, при чемъ тонъ этихъ статей былъ спокойный, серьезный, соотвѣтствующій важности историческаго переживаемаго момента и самой разрабатываемой животрепещущей темѣ. Но вотъ въ февралѣ 1858 г. появляется въ „Современникѣ" начало статьи Кавелина „О новыхъ условіяхъ сельскаго быта", а въ апрѣльскомъ номерѣ окончаніе ея, въ которой была включена извѣстная его записка по крестьянскому вопросу, о коей было говорено выше (гл. XV). Въ этой статьѣ шла рѣчь о выкупѣ полевой земли и о необходимости замѣнить сословныя административныя привилегіи общимъ мѣстнымъ управленіемъ. Такія положенія, высказанныя убѣдительно и громко, вызвали переполохъ въ бюрократическомъ муравейникѣ крѣпостниковъ, поспѣшившихъ объявить, что мнѣнія автора возмутительны, крамольны и идутъ въ разрѣзъ съ намѣреніями правительства. Въ результатѣ цензоръ, пропустившій статью, получилъ выговоръ, Кавелинъ отставленъ отъ чтенія лекцій наслѣднику цесаревичу, а цензурная хроника обогатилась новыми циркулярами, изъ коихъ въ первомъ было произнесено осужденіе статьѣ Кавелина именно за то, что онъ считаетъ обязательнымъ надѣленіе крестьянъ землею, которою они нынѣ пользуются, что, по мнѣнію правительства, противорѣчитъ основнымъ началамъ, установленнымъ высочайшими рескриптами. Второй циркуляръ, отъ 22 апрѣля, былъ болѣе общаго характера и съ вполнѣ опредѣленными уже указаніями по части мѣропріятій относительно всей цензуры.

Здѣсь было сказано *): Ва нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ начали появляться статьи, относящіяся до предпринятаго улучшенія и устройства крестьянскаго быта, гдѣ предлагаются не тѣ начала, кои указаны правительствомъ, излагается необходимость освободить крестьянъ вполнѣ отъ всякой зависимости помѣщиковъ и даже отъ полицейской ихъ власти; помѣщаются противу дворянъ и помѣщиковъ рѣзкія сужденія и, наконецъ, стараются доказать, право собственности крестьянъ на помѣщичью землю и на пріобрѣтеніе усадебъ въ собственность безъ выкупа. Въ нѣкоторыхъ литературныхъ статьяхъ начали помѣщаться весьма неприличныя разсказы случаевъ злоупотребленія помѣщичьей власти. Кромѣ того дошло до высочайшаго свѣдѣнія, что цензура, разрѣшая къ печатанію статьи, написанныя въ видахъ пользы крестьянскаго сословія, запрещаетъ всѣ тѣ статьи, кои пишутся въ пользу помѣщиковъ **). Поэтому, признавая необходимымъ, чтобы при настоящемъ положеніи крестьянскаго вопроса не были рѣшительно допускаемы къ напечатанію такія статьи, въ какой бы формѣ онѣ не были, кои могутъ волновать умы и помѣщиковъ и крестьянъ, предписывается: ни въ какомъ случаѣ не отступать отъ духа и смысла правилъ, указанныхъ уже по сему предмету его императорскимъ величествомъ. Съ изданіемъ нынѣ особой программы для занятій дворянскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ цензурѣ дозволяется допускать къ печатанію только тѣ чисто ученыя теоретическія, историческія и статистическія сочиненія и статьи, гдѣ обсуживаются исключительно предметы сельскаго хозяйства и благоустройства, статьи, не противныя духу и направленію означенной программы, не вдаваясь отнюдь въ сужденія о предметахъ будущаго устройства крестьянъ въ окончательномъ періодѣ предпринятаго правительствомъ преобразованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается, чтобы цензура, разрѣшая початаніе статей, написанныхъ въ пользу крестьянскаго сословія, не препятствовала печатанію статей, написанныхъ въ пользу помѣщиковъ, запрещая критику главныхъ началъ, въ высочайшихъ рескриптахъ и въ означенной выше программѣ указанныхъ, и вообще сочиненія, кои могутъ возбуждать одно

*) „Паденіе крѣпостного права“, И. Иванюкова.

**) Изслѣдователи эпохи такихъ случаевъ изъ практики цензуры не указываютъ, почему и можно предположить, что данное утвержденіе голословно и выставленно для усиленія вящшаго антагонизма между печатью и верховной властью.

сословіе противъ другого, но всегда обращая строгое вниманіе на духъ и благонамѣренность сочиненія".

Этотъ циркуляръ палъ, какъ снѣгъ на голову, журналистикѣ, благодаря чему изъ ея статей по крестьянскому вопросу выпала самая жгучая и животрепещущая часть, что̀, конечно, вызвало страшный переполохъ и озлобленіе. Результатомъ ближайшимъ было то, что литература продолжала, вопреки запрещенію, все же говорить по сему предмету, но только „эзоповымъ языкомъ", что, понятно, вносило въ общественную атмосферу совершенно ненужную и вредную ложь и начало фарисейства, которому по естественной необходимости либеральная часть цензурнаго вѣдомства тайно покровительствовала. Циркуляръ 22 апрѣля, помимо всего прочаго, выдавалъ головою и Александра II, обосновывая положенія, въ циркулярѣ выставленныя, якобы его волею, высказанною въ рескриптѣ, когда вмѣстѣ съ тѣмъ рескрипты ничего положительнаго не предрѣшали. Титулованная крѣпостническая бюрократія какъ бы мстила царю-реформатору и, выставляя его впередъ, спѣшила обрушить на него недобрыя чувства тѣхъ, кто непосредственно задѣвался циркуляромъ 22 апрѣля. И расчетъ оказывался построеннымъ правильно: отмѣчая годовщину существованія „Колокола", Искандеръ-Герценъ писалъ по адресу государя *):

„Александръ II не оправдалъ надеждъ, которыя Россія имѣла при его воцареніи. Въ прошломъ іюнѣ онъ еще стоялъ, какъ богатырь нашихъ сказокъ на перекресткѣ — пойдетъ ли онъ направо, пойдетъ ли онъ налѣво, нельзя было знать, казалось, что онъ непремѣнно пойдетъ по пути развитія, освобожденія, устройства... вотъ шагъ и еще шагъ — но вдругъ онъ одумался и повернулъ:

Слѣва да направо.

„Можетъ еще есть время... но его мчатъ дворцовые кучера, пользуясь тѣмъ, что онъ дороги не знаетъ. И нашъ *Колоколъ* напрасно звонитъ ему, что онъ сбился съ дороги, звонитъ ему бѣдствія Россіи и *собственную опасность* **).

„Но въ томъ-то и бѣда, что сильные міра сего не умѣютъ ни слушать, ни даже вспоминать. Исторія передъ ними, но не

---

*) „Колоколъ", 1858 г. № 18.

**) Курсивъ нашъ. Здѣсь Герценъ прозорливо указалъ на то, что и послѣдовало въ скоромъ будущемъ, начиная съ выстрѣла Каракозова и кончая днемъ 1 марта 1881 г.

для нихъ она передаетъ горькій опытъ народовъ и строгій судъ царей и потомства".

Развивая далѣе главныя положенія, съ которыми выступилъ „Колоколъ", Герценъ въ заключеніе говоритъ: „Мы поставили эпиграфомъ—Vivos voco! Гдѣ же живые въ Россіи? Намъ показалось, что живые есть въ самомъ дворцѣ, мы обращали рѣчь къ нимъ, мы не раскаиваемся въ этомъ. Какъ бы то ни было и что бы ни случилось, но государь, положившій начало освобожденію крестьянъ, заслужилъ великое имя въ исторіи, и благодарность наша останется неизмѣнной. Но говорить намъ съ нимъ нечего. *Живые* — это тѣ разсѣянные по всей Россіи люди мысли, люди добра всѣхъ сословій, мужчины и женщины, студенты и офицеры, которые краснѣютъ и плачутъ, думая о крѣпостномъ состояніи, о безправіи въ судѣ, о своеволіи въ полиціи, которые пламенно хотятъ гласности, которые съ сочувствіемъ читаютъ насъ.

„Колоколъ" ихъ органъ, ихъ голосъ — на безплодныхъ, каменистыхъ вершинахъ некому его слушать, чистый звонъ его можетъ раздаться сильнѣе въ долинѣ".

Настоящая статья Герцена знаменательна: здѣсь и предсказаніе трагическаго будущаго царя-освободителя съ указаніемъ, кто именно первый направилъ его къ кровавой пропасти, здѣсь же впервые мы видимъ и намѣченные кадры будущихъ носителей русской революціонной идеи, которыхъ издатель „Колокола" пріуготовлялъ къ борьбѣ. Офицеры, *студенты*, интеллигентныя женщины—вотъ на кого онъ указывалъ, какъ на активную рабочую массу, долженствующую посвятить себя разрушенію стараго порядка вещей.

Циркуляръ 22 апрѣля создалъ ужасную путаницу въ жизни. Не достигнувъ главной цѣли и не предупредивъ обходовъ, онъ возстановилъ противъ власти печать и дискредитировалъ въ очень короткое время ту самую монаршую волю, на которую онъ безъ всякаго права опирался. Уже черезъ семь мѣсяцевъ по его изданіи для правительства стало яснымъ, что врядъ ли освобожденіе безъ земли можетъ состояться, что врядъ ли удастся сохранить вотчинную полицію. Къ такого рода заключенію приходили и многіе губернскіе комитеты, это же предположеніе высказывалось и въ вліятельныхъ столичныхъ кругахъ. Отсюда выходъ былъ одинъ: упразднить самый циркуляръ, расширить права литературы въ обсужденіи крестьянскаго дѣла и воспользоваться разработанными ею матеріами въ кругу крѣпостного

вопроса. Неустойчивость политики въ отношенiи прессы такимъ образомъ была ясна, какъ равно бросалось въ глаза, какъ легко и недобросовѣстно царедворцы и бюрократiя пользуются для своихъ цѣлей монаршею волею, то произвольно дѣлая ее основанiемъ своихъ распоряженiй, то упраздняя ее подъ давленiемъ насущной необходимости и требованiемъ общаго хода вещей.

Хотя съ апрѣля 1858 г. пресса и получила вновь возможность болѣе обстоятельно и шире говорить по крестьянскому дѣлу, но тѣмъ не менѣе дѣйствовать въ тискахъ переформированнаго цензурнаго устава, опутаннаго сѣтью дополнительныхъ разъясненiй и распоряженiй, было въ высшей степени тяжело. Задача сознательнаго, честнаго и прямого служенiя родинѣ была почти не выполнима, и грустное разочарованiе охватывало все больше мыслящiе круги. За невозможностью высказаться по всему кестьянскому вопросу во всей его полнотѣ „по независящимъ обстоятельствамъ“ закрылось кошелевское „Сельское Благоустройство“, обезцвѣтились и аналогичныя по идеѣ рубрики въ прочихъ журналахъ. Писатель былъ обреченъ на молчанiе и отстраненъ отъ работы, къ которой онъ такъ рвался съ полнымъ довѣрiемъ къ своему царю и его благимъ замысламъ. И онъ, оскорбленный въ своихъ лучшихъ чувствахъ, ушелъ въ обличительную литературу и оппозицiю, отдавъ сюда свои лучшiя силы, которыя, при разумномъ ихъ использованiи правящими сферами, могли бы пригодиться для живой созидательной работы. Надъ Россiей продолжалъ тяготѣть печальный рокъ и ея обновленiе рождалось не при ровномъ утреннемъ свѣтѣ, а черезъ непогоду и подъ мелко сѣющiй осеннiй дождикъ, налагавшiе на все окружающее сѣрый колоритъ. Вмѣсто общности радостнаго чувства и дружной общей работы, на сцену выступали злоба, обида и несправедливости, не сулившiя въ будущемъ ничего добраго.

Стѣсняя кругъ заданiй и темъ журналисти, правительство побуждало цензоровъ къ проявленiямъ чрезмѣрной строгости, что при отсутствiи правильно установленныхъ законовъ вело къ произволу и безпорядку. „Гоненiе мысли, произволъ невѣждъ,— отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ Никитенко,—сдѣлали изъ цензуры съѣзжую и съ мыслями обращались, какъ съ ворами и убiйцами“, при чемъ въ другомъ мѣстѣ указывалъ, кому печать обязана гоненiемъ: „враги всякой мысли, всякаго гражданскаго умственнаго и нравственнаго совершенствованiя — министръ юстицiи графъ Панинъ, Чевкинъ и др. внушили государю, что всѣ революцiи бываютъ отъ литературы“. Въ цѣляхъ предотвращенiя

этой революціи и предпринимались всѣ гоненія на мысль, и послѣдовательно закрывались отдѣльные органы печати, какъ „Молва", „Парусъ", „Русская Газета" и „Слово" („Slowo"), запрещенные не за какія-либо революціонныя мысли и политическія провинности, а только за пылкія выраженія своихъ мнѣній и по причинамъ формальнаго характера. Главный гнѣвъ бюрократіи по обычаю прежнихъ временъ падалъ опять-таки на славянофиловъ за ихъ откровенность и полное несогласіе съ принципами полунѣмецкаго управленія Россіей.

Въ печальной судьбѣ „Паруса" сыграла рѣшающая роль вступительная статья редактора И. Аксакова *), посвященная вопросу о гласности, гдѣ авторъ говорилъ: „Неужели не пришла пора быть искреннимъ и правдивымъ? Неужели мы еще не избавились отъ печальной необходимости лгать и безмолвствовать. Когда же, Боже мой, можно будетъ, согласно съ требованіемъ совѣсти, не хитрить не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе прямо и просто, во всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ!.. Было такое время, когда ни воздуху, ни свѣту не давалось людямъ, когда жизнь притаилась и смолкла, и въ пустынномъ мракѣ пировала и величалась офиціальная ложь — владыкою безмолвнаго простора! Но вѣдь это время прошло! Или мы еще не убѣдились, что постоянное лганье приводитъ общество къ безнравственности, къ безсилію и гибели?

„Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношеніе къ себѣ? Гласность лучше всякой полиціи, составляющей обыкновенно ошибочныя и безтолковыя донесенія, объяснитъ правительству и настоящее положеніе дѣлъ, и его отношеніе къ обществу, и въ чемъ заключаются недостатки его распоряженій, и что предстоитъ ему *совершить* или исправить. Горячо убѣжденные въ пользѣ гласности, вѣруя въ возможность преобразованія путемъ мирнымъ и разумнымъ, мы постараемся излагать наши мнѣнія въ „Парусѣ" съ полною откровенностью и подавать постоянно свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ современныхъ общественныхъ вопросовъ, разумѣется, всегда почтительный и скромный, но вполнѣ независимый и свободный. Неужели намъ это не будетъ дозволено? Попробуемъ. Если же наша газета сядетъ на мель,

---

*) „Парусъ" 1858 г., № 1.

то пусть знаютъ читатели напередъ, что виною тому не редакція, а распоряженія!...“

Доканала „Парусъ“ статья Погодина по вопросамъ внѣшней политики и славянскому, доказывавшая недостаточную заботливость правительства о нашемъ національномъ могуществѣ. Со второго № молодая славянофильская газета была закрыта и ея короткая печальная судьба окончательно убѣдила общество, что бюрократическія сферы никоимъ образомъ не желаютъ своротить со стараго пути прижимокъ и репрессій. Въ связи съ закрытіемъ „Паруса“ пострадала и „Русская Газета“ за сочувствіе своему собрату. Вслѣдъ за славянофильскою газетою катастрофа разыгралась и надъ польскою газетою „Слово“, основанною Огрызко по идеѣ Кавелина въ цѣляхъ примиренія русскихъ съ поляками. Причиною закрытія „Слова“ было помѣщеніе на его столбцахъ письма польскаго эмигранта Лелевеля, извѣстнаго ученаго и участника польскаго возстанія. Появленіе имени Лелевеля въ „Словѣ“ и послужило поводомъ къ крушенію газеты, и резолюція государя по сему предмету свелась къ тому, что „Слово“ было запрещено, редакторъ Огрызко посаженъ въ крѣпость, попечителю округа Делянову сдѣлано замѣчаніе, а профессору университета Чайковскому, привлекшему Лелевеля къ сотрудничеству, сдѣланъ выговоръ. Инцидентъ съ польскою газетою произвелъ на печать удручающее впечатлѣніе и П. Извольскій писалъ по сему предмету Погодину *): „Редакторъ польскаго журнала „Слово“, какъ говорятъ, посаженъ въ крѣпость за помѣщеніе письма Лелевеля, — письма, впрочемъ, не имѣющаго ничего политическаго, но въ которомъ выражалось сочувствіе къ этому изданію. Рѣшеніе это мотивировано не содержаніемъ письма, а тѣмъ, что Огрызко былъ въ сношеніяхъ съ измѣнниками и политическими преступниками. Слухъ прошелъ объ этомъ только вчера въ вечеру и... произвелъ самое тяжкое и грустное чувство. Четыре года этого не было, мы отвыкли отъ этой jus sommaire“.

Удары правительства падали всего чаще на головы тѣхъ, кто дѣйствовалъ прямо и откровенно и кто въ сущности былъ чрезвычайно далекъ отъ потрясенія такъ называемыхъ „основъ“. Тѣ же, кто ставилъ себѣ задачею явное дискредитированіе привительства и вышучиваніе всего строя, тѣ оставались внѣ этихъ ударовъ и съ полнымъ успѣхомъ осуществляли свои цѣли. Быля

*) „Жизнь и труды М. П. Погодина“. Н. Барсуковъ, кн. XVI.

выработана цѣлая система дѣйствій, противъ которой правительство оказывалось безсильнымъ со всѣми своими явными и тайными циркулярами, административными мѣропріятіями и реформаторскими затѣями подчасъ совершенно комическаго характера.

Къ числу такихъ именно затѣй должна быть отнесена попытка, по предложенію министра иностранныхъ дѣлъ Горчакова, „нравственнаго вліянія на печать", т. е. учрежденіе въ Петербургѣ на подобіе Франціи и Пруссіи „Bureau de la presse". Цѣль этого bureau опредѣлялась комитетомъ министровъ такъ: „служить орудіемъ правительства для подготовленія умовъ посредствомъ журналовъ къ предпринимаемымъ мѣрамъ; направлять по возможности новыя періодическія литературныя изданія къ общей государственной цѣли, поддерживая обсужденіе общественныхъ вопросовъ въ видахъ правительственныхъ".

Такое учрежденіе, по мнѣнію комитета *), „вовсе не должно имѣть вида цензурнаго установленія: цензура предупреждаетъ и сдерживаетъ литературу въ извѣстныхъ предѣлахъ, но цензура безсильна дѣйствовать на самое направленіе литературы; *новое предполагаемое учрежденіе имѣло цѣлью обратить литературу на полезное поприще*, указывая дѣятельности литераторовъ или спеціалистовъ на такіе предметы, по которымъ правительство желаетъ или подготовить общественное мнѣніе, или получить разъясненіе, или собрать свѣдѣнія и т. п. Совѣтъ министровъ единогласно призналъ большую пользу отъ подобнаго учрежденія, при чемъ совѣтъ полагалъ, что такое дѣло можетъ быть поручено только лицамъ, назначеннымъ по непосредственному усмотрѣнію и полному довѣрію къ нимъ государя императора. Его величество, раздѣляя эту мысль, остановился на слѣдующихъ предположеніяхъ:

1) лица, которыя будутъ для сего избраны, состоятъ внѣ всякой зависимости отъ министровъ;

2) для успѣха ихъ дѣйствій имъ должно быть извѣстно направленіе, которому министры и главноуправляющіе слѣдуютъ или намѣрены слѣдовать въ кругу своихъ обязанностей;

3) лица эти должны будутъ находиться постоянно въ личныхъ сношеніяхъ съ министрами для безотлагательнаго разрѣшенія могущихъ встрѣтиться недоумѣній. Съ другой стороны, имъ необходимо быть въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ ре-

*) Мих. Лемке „Очерки изъ исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія".

дакторами главнѣйшихъ журналовъ и замѣчательнѣйшими авторами, *дѣйствуя на нихъ не силою официальной строгости, а мѣрами убѣжденія и поощренія и пріобрѣтая такимъ образомъ нравственное на нихъ вліяніе;*

4) имъ предоставляется право поручать разнымъ лицамъ, по ихъ усмотрѣнію, составленіе статей, въ видахъ правительственныхъ, для напечатанія въ періодическихъ изданіяхъ и *въ такомъ случаѣ испрашивать, если сочтутъ нужнымъ, вознагражденіе автору статьи за его литературный трудъ*, и

5) не касаясь распоряженій цензуры, дѣйствующей въ предписанномъ ей предѣлѣ, означенныя лица, если найдутъ полезнымъ, передаютъ свои замѣчанія по общему ходу литературы министру народнаго просвѣщенія. Могущія встрѣтиться столкновенія съ общею цензурою разрѣшаются тѣмъ же министромъ, если это не превышаетъ его власть, въ противномъ же случаѣ онъ, министръ, представляетъ о томъ на высочайшее благоусмотрѣніе".

Это курьезное учрежденіе, наименованное „Комитетомъ о книгопечатаніи", состоялось въ 1859 г. въ составѣ трехъ лицъ („троемужіе"—по выраженію поэта Тютчева): гр. А. В. Адлерберга 2-го (сынъ министра двора), Н. А. Муханова (товарищъ министра народнаго просвѣщенія) и А. Е. Тимашева (начальникъ штаба корпуса жандармовъ и управляющій III отдѣленіемъ). Впослѣдствіи туда былъ приглашенъ и профессоръ университета, цензоръ А. В. Никитенко, сохранившій въ своемъ „Дневникѣ" память о дѣятельности этого „троемужія". По его характеристикѣ, „если бы нарочно постарались отыскать самыхъ неспособныхъ для этой роли людей, то лучше не нашли бы. Они будутъ направлять литераторовъ, совѣтовать имъ, разсуждать съ ними о важнѣйшихъ вопросахъ, нравственныхъ, политическихъ, литературныхъ,—они, которые никогда ни о чемъ не разсуждали, ничего не читали и не читаютъ! Смѣхъ и горе!.. Любопытно, какъ попалъ сюда Тимашевъ. Онъ былъ сперва отвергнутъ. Ему ужасно хотѣлось, однако, стать въ числѣ трехъ великихъ хранителей цѣломудрія русской мысли, и онъ придумалъ слѣдующій остроумный аргументъ: „Такъ какъ,—говоритъ онъ,—я не пользуюсь популярностью, то позвольте мнѣ быть членомъ новаго комитета, чтобы я имѣлъ случай пріобрѣсти ее". Превосходный предлогъ!"

Врядъ ли приходится распространяться о томъ, что учрежденіе, основанное въ интересахъ воспитанія и руководства пе-

чати, да еще въ такомъ составѣ, не могло оказаться жизненнымъ и съ первыхъ же шаговъ сошло на роль соглядатайства за цензурою и печатью съ карательными тенденціями. По сему предмету въ „Дневникѣ“ Никитенка имѣется немало записей, обрисовывающихъ такое направленіе и роль комитета. Такъ, подъ 7 февраля 1859 г. онъ записалъ *): „Комитетъ вступилъ, наконецъ, гласно въ свои негласныя права. Онъ отнесся къ министру съ требованіемъ объявить кому слѣдуетъ, чтобы цензора и литераторы являлись къ нему по его призыву для объясненій и вразумленій. Муханову дано, между прочимъ, право задерживать до его разрѣшенія выдачу билета на выпускъ книги или журнала изъ типографіи. Да это хуже бутурлинскаго негласнаго комитета! Даже императоръ Николай Павловичъ не посягалъ на это. Вотъ они забрались въ какое болото. Что же я съ ними буду говорить, когда они меня позовутъ? Тутъ невозможно никакое разумное внушеніе.

„Какая жалость, что дѣла такъ идутъ. Они разрушаютъ возможность сближенія того, кто мыслитъ въ Россіи, съ правительствомъ, и какъ мы ни привыкли къ дурному управленію (1859 г.), какъ ни мало у насъ средствъ... но тутъ неизбѣжно зло и зло великое. Съ одной стороны, быстрое послѣдовательное погруженіе въ хаосъ всяческихъ административныхъ безпорядковъ и неурядицы, съ другой—разливъ мнѣній, ужъ совершенно противоположныхъ всякому ретроградному движенію—мнѣній опасныхъ, когда они сдѣлаются нормальнымъ состояніемъ умовъ, опаснымъ всегда, даже и у насъ. А наверху плачевная неспособность дать какое-нибудь стройное и разумное направленіе вещамъ,—вѣдь это дурно, изъ рукъ вонъ дурно!“ 12 марта: „Въ комитетѣ Мухановъ свирѣпствовалъ противъ „Искры“, на которую сперва напалъ Тимашевъ за стихи „На Невскомъ проспектѣ“ (№ 9). Но Тимашевъ полагалъ достаточнымъ призвать редактора въ III отдѣленіе и вымыть ему голову, а Мухановъ бредилъ гауптвахтою. Я довольно сильно выразилъ сопротивленіе на *сильныя* мѣры. Послѣ я разсказалъ о пріемѣ, который сдѣлалъ мнѣ вчера государь, и особенно налегъ на то, что ему не угодны крутыя и стѣснительныя мѣры и что я осмѣлился ему сказать о моей роли примирителя“.

8 октября: „Мухановъ и Тимашевъ сильно озлоблены противъ литературы, особенно противъ такъ называемой обличительной ли-

---

*) Записки и дневникъ (1826—1877) А. В. Никитенка.

тературы, послѣдними выходками ея. Они, кажется, расположены къ самымъ жестокимъ мѣрамъ. Мухановъ на мои возраженія замѣтилъ, что во мнѣ виденъ литераторъ—впрочемъ, весьма любезно, шутя. Я отвѣчалъ ему, что я вѣрю въ то, что не Россія для литературы создана, а литература для Россіи, и что такъ какъ это сила, призванная ей на службу, то надо, чтобы она дѣйствовала. Вырывая плевелы, не должно уничтожать пшеницы".

Осуществляя только отрицательную сторону своей возможной дѣятельности, комитетъ о книгопечатаніи вскорѣ убѣдился, что его существованіе совершенно безполезно, и въ январѣ 1860 г. онъ былъ слитъ съ главнымъ управленіемъ цензуры, послѣ нѣкотораго преобразованія послѣдняго, не оставивъ по себѣ ни въ комъ ни добраго воспоминанія, ни сожалѣнія и не ознаменовавъ своей дѣятельности ни однимъ мало-мальски сноснымъ и разумнымъ начинаніемъ.

Печать встрѣтила учрежденіе о книгопечатаніи одни холоднымъ молчаніемъ, другіе пренебрежительно, а Катковъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" гнѣвною статьею. Онъ говорилъ между прочимъ въ № 12 „Современной лѣтописи" за 1859 г. и № 2 за 1860 г. „Для полной искренности надобно каждому оставить его свободу, а безъ полной искренности все будетъ гибельнымъ развратомъ, разрушительнымъ тлѣніемъ. Правительство, одушевленное истинно-благими намѣреніями, правительство сознательное и просвѣщенное не можетъ не чувствовать благородной потребности слышать самостоятельное и свободное мнѣніе. Правительство состоитъ изъ людей, а каковы бы ни были люди, никто безъ тяжкаго грѣха передъ Богомъ, передъ людьми и собственною совѣстью не можетъ считать себя исключительнымъ обладателемъ истины; правительственные люди выходятъ изъ того же общества и выносятъ изъ него извѣстныя понятія и мнѣнія, которыя составляютъ ихъ силу и слабость на чредѣ власти; отчего же изъ этого самаго общества, породившаго и воспитавшаго ихъ, не могутъ выходить другія понятія, другія мнѣнія и разъяснять дѣло съ другихъ сторонъ на пользу всѣмъ, какъ правительству, такъ и обществу?.. Пусть, наконецъ, правительство ищетъ и привлекаетъ къ себѣ людей мыслящихъ и способныхъ—это прекрасно; но пусть оно ищетъ ихъ для правительственныхъ должностей, а не для литературы, иначе оно ошибется въ расчетѣ, обнаружитъ свое безсиліе, покроетъ себя стыдомъ и будетъ могущественно содѣйствовать только умствен-

ному разврату, нравственному растлѣнію... Пусть наемные риторы твердятъ что угодно въ своихъ журналахъ,—никто не приметъ ихъ слова за выраженіе общественнаго мнѣнія; свободные и честные органы будутъ хранить молчаніе, потому что они не захотятъ чувствовать и мыслить по командѣ, даже и въ томъ случаѣ, когда бы мыслили и чувствовали заодно съ правительствомъ. Но отнять у общественнаго мнѣнія свободу выраженія

Василій Степановичъ Курочкинъ.

еще не значитъ измѣнить его элементы, перестроить его основы на свой ладъ и по своему изволенію. Эти элементы, эти основы останутся во мракѣ и будутъ дѣйствовать во мракѣ. Думать, что все неблагопріятное намъ исчезнетъ, если мы зажмуримъ глаза и заткнемъ себѣ уши, не наивное ли ребячество?“.

Отповѣдь Каткова разсердила Петербургъ. По высочайшему повелѣнію цензорамъ Драшусову и Гилярову-Платонову, пропу-

ставшимъ эти „лѣтописи", былъ сдѣланъ выговоръ, а самому редактору „Русскаго Вѣстника" поставлены на видъ „все неприличіе, вся непозволительность статей, такъ и господствующихъ въ „Современной Лѣтописи" его журнала (кромѣ отдѣльныхъ статей), не соотвѣтствующихъ началамъ нашего государственнаго устройства духа и направленія" съ предостереженіемъ, „что если онъ не измѣнитъ этого направленія, то правительство вынуждено будетъ принять касательно его изданія рѣшительныя мѣры".

Такимъ образомъ всѣ правительственныя по дѣламъ печати дѣйствія за тотъ періодъ вносили въ нее только элементъ раздраженія, обиды и нервности; съ каждымъ новымъ мѣропріятіемъ пресса, еще въ 1857 г. готовая итти съ добрымъ чувствомъ навстрѣчу новой зарождавшейся въ Россіи жизни, все болѣе отодвигалась „влѣво" отъ правящихъ сферъ, готовая въ лицѣ самыхъ передовыхъ своихъ органовъ поддержать всякое общественное движеніе, направленное противъ не желающаго сойти со сцены жизни бюрократическаго строя, всякую оппозицію ему, съ рѣшимостью даже перейти, въ случаѣ надобности, отъ слова и теоріи къ дѣлу и активнымъ дѣйствіямъ. Оппозиція, относительно умѣренная, сосредоточилась въ Москвѣ въ редакціи „Русскаго Вѣстника", въ Петербургѣ—въ редакціи „Отечественныхъ Записокъ" Краевскаго. Болѣе крайнее, боевое направленіе принимаютъ „Современникъ" подъ руководствомъ Чернышевскаго и Добролюбова и „Русское Слово" Кушелева-Безбородко, откуда вышла цѣлая плеяда молодыхъ силъ въ лицѣ Благосвѣтлова, Шелгунова, Писарева, Зайцева и др. Въ интересахъ бичеванія бытовой дѣйствительности за невозможностью касаться вопросовъ внутренней политики въ „Современникѣ" былъ открытъ отдѣлъ „Свистокъ", порою тонко и язвительно высмѣивавшій остатки старины и все то, что такъ или иначе съ нею соприкасалось, было ей родственно по духу и являлось врагомъ, явнымъ и скрытымъ, намѣчавшихся новыхъ формъ жизни, новыхъ вѣяній и политическихъ идеаловъ, нашедшихъ себѣ наиболѣе рельефное выраженіе на страницахъ „Колокола". Въ помощь „Свистку" и объ руку съ нимъ шла „Искра", талантливое обличительное юмористическое изданіе, основанное въ 1858 г. П. С. Курочкинымъ, при участіи цѣлаго рода талантливыхъ писателей прогрессивнаго направленія. Обо всѣхъ упомянутыхъ органахъ намъ придется еще говорить въ слѣдующей части нашихъ очерковъ, посвященныхъ „эпохѣ реформъ", а по-

тому, во избѣжаніе будущихъ повтореній, скажемъ пока только нѣсколько словъ объ „Искрѣ“.

По свидѣтельству Н. К. Михайловскаго *), „общество, освѣженное приближающимся вліяніемъ реформъ, откликнулось и создало для П. С. Курочкина или, пожалуй, вѣрнѣе, онъ самъ создалъ себѣ положеніе совершенно исключительное. Это былъ какъ бы предсѣдатель суда общественнаго мнѣнія по множеству дѣлъ, часто очень мелкихъ и вполнѣ личнаго характера, но иногда и крупныхъ и, во всякомъ случаѣ, захватывающихъ, въ своей совокупности, всю грамотную Россію. Положеніе высокое, трудное и отвѣтственное. Многіе и многіе боялись „Искры“, многіе и многіе возлагали на нее надежды. Тройственная формула писательской дѣятельности—мысль, слово, дѣло,— если не всегда и не вполнѣ осуществлялась для Курочкина, то была все-таки близка и возможна. Надо замѣтить, что тогда провинціальная печать не существовала и, значитъ, тѣ факты всероссійской жизни, которые нынѣ черпаются столичными газетами и журналами изъ провинціальной прессы, „Искрѣ“ приходилось получать изъ первыхъ рукъ; это создавало особенно живое общеніе между редакціей газеты и читателями, которые были или могли стать въ любую минуту также и сотрудниками“. На связь „Искры“ съ читателями, особенно по провинціи, указываетъ и Г. З. Елисеевъ, одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ изданія **). Онъ говорилъ: Въ „Искрѣ“, кромѣ безчисленныхъ обличительныхъ корреспонденцій во всѣхъ родахъ, и въ прозѣ, и въ стихахъ, и въ разсказахъ, и замѣткахъ, подписанныхъ обыкновенно псевдонимами, существовалъ еще особый отдѣлъ „намъ пишутъ“, составлявшійся по корреспонденціямъ, получаемымъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Цензура не позволяла называть обличаемыхъ по имени, но даже называть тѣ города, гдѣ они живутъ и гдѣ происходятъ обличаемыя дѣйствія. Поэтому образовался цѣлый словарь городовъ съ условными названіями: Краснорѣцкъ, Кутерма, Лиліенгардъ, Тмутаракань, Златогорскъ, Чернилинъ, Бѣлокаменскъ и т. д., съ условными именами дѣйствующихъ въ нихъ героевъ, въ особенности, если они занимали въ нихъ выдающійся постъ по своему общественному положенію. Въ провинціи каждый городъ, о которомъ шла рѣчь, немедленно узнавалъ свой псевдонимъ, такъ какъ описываемое то или другое совер-

*) Н. Михайловскій „Литературныя воспоминанія и современная смута“.
**) Тамъ же.

шившееся въ немъ безобразіе было, конечно, извѣстно цѣлому городу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, разумѣется, узнавалось и лицо, о которомъ шла рѣчь. Въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ большихъ городахъ цѣль гласности такимъ путемъ не могла достигаться,—развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, когда какой-нибудь крупный скандалъ дѣлался извѣстнымъ всему городу. Тогда дѣлу гласности помогали отчасти рисунки „Искры". Покойный Степановъ, прекрасный рисовальщикъ, давалъ изображаемымъ на этихъ рисункахъ лицамъ такое сходство съ подлинными, что цензура нерѣдко приказывала или обривать бакенбарды съ изображаемаго лица, или поставить не en face, а въ профиль, чтобы не такъ рѣзко бросалось въ глаза сходство. Кромѣ того, у „Искры", вѣроятно, благодаря рисункамъ, появились совершенно неизвѣстные редакціи добровольные *словесные* сотрудники въ пользу гласности".

Такимъ образомъ, если спеціально-политическіе органы печати, какъ, напримѣръ, „Современникъ", давая оппозиціонный тонъ интеллигентнымъ общественнымъ кругамъ, преимущественно черпали свой матеріалъ изъ научнаго арсенала и явленій политической хроники, причемъ кругъ работниковъ журнала былъ ограниченъ, „Искра" вела свою оппозиціонную пропаганду въ широкихъ массахъ, преимущественно провинціальныхъ, создавая себѣ здѣсь чуткую аудиторію и привлекая обывателей къ дѣятельному сотрудничеству на страницахъ своего изданія *). И вотъ, въ то время, когда бюрократія выдумываетъ мертворожденное „Bureau da la presse", въ интересахъ воздѣйствія на умы писателей и читателей, тщась оградить жизнь отъ печати репрессіями и сонмомъ цензоровъ, эта печать, въ обходъ этому, слагаетъ особо свою жизнь, свои задачи и средства осуществленія и ведетъ общество въ направленіи, противномъ тому, куда его старались отвлечь Тимашевы, Панины, Долгорукіе и пр. На одну сторону стали бездарность, духовное ничтожество и ограниченность, на другую—талантъ, сила мысли и чувства. Съ кѣмъ пойти объ руку, не могло быть сомнѣнія для общества: свѣтъ сіялъ не справа, а слѣва. Сюда и потянулись наиболѣе отзывчивые, нервные и кипучіе общественные элементы, чутко воспринимавшіе пульсацію историческаго періода.

---

*) Исторія „Искры", ея содержаніе со множествомъ иллюстрацій, выдержекъ и справокъ представлена въ большой полнотѣ въ книгѣ г. Лемке „Очерки по исторіи русской цензуры и журналистикѣ".

Герценъ не даромъ выставилъ эпиграфъ „vivos voco". и указывалъ, кого онъ считаетъ въ числѣ этихъ живыхъ, „имѣющихъ уши", — это между прочимъ студенты, армія учащейся молодежи, которая должна примкнуть къ оппозиціи во имя ненависти къ дореформенному строю. Его расчетъ оправдался и даже, какъ это случилось далѣе, перешагнулъ за предѣлы ожидаемаго, вопреки его личнымъ убѣжденіямъ и складу политической программы. Молодежь второй половины пятидесятыхъ годовъ начинаетъ понемногу принимать активное участіе въ политическомъ броженіи нашего отечества, а заботливое начальство на первыхъ же порахъ старательно само вгоняетъ его въ оппозицію, возстановляетъ противъ себя и пріобщаетъ своими безтактными дѣйствіями къ остальному закипавшему революціонной непогодой отечественному морю. Мы знаемъ, что въ русскихъ университетахъ отъ времени до времени обнаруживались даже въ суровую николаевскую эпоху теченія политическаго характера, являвшіяся, однако, единичными моментами изъ жизни учащейся молодежи, не захватывавшими ее всецѣло и не отражавшимися на общемъ академическомъ строѣ. Со второй половины пятидесятыхъ годовъ мы уже встрѣчаемся съ болѣе частыми вспышками молодой жизни, причемъ на первыхъ порахъ поводы къ такимъ вспышкамъ не носятъ на себѣ явной политической оскраски, а должны быть относимы къ проявленіямъ избытка силъ, нѣкотораго легкомыслія и общаго отечественнаго нервнаго настроенія.

Волненія среди молодежи и разнаго рода инциденты въ стѣнахъ учебныхъ заведеній разыгрывались главнымъ образомъ на почвѣ столкновеній съ полиціей и администраціей за стѣнами учебныхъ заведеній по совершенно частнымъ случаямъ, причемъ по большей части правда и корректность не являлись обычными спутниками дѣйствій властей предержащихъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія студенческая исторія разыгравшаяся въ Москвѣ. О ней подъ 13 апрѣля 1857 г. записано въ „Дневникѣ" Никитенка: „Въ Москвѣ нѣсколько студентовъ праздновали именины своего товарища. Между студентами было человѣкъ пять-шесть поляковъ. Вдругъ къ нимъ явился квартальный надзиратель съ требованіемъ выдачи мошенника, который будто бы между ними находился. Молодые люди скромно замѣтили, что онъ, вѣроятно, ошибается, что между ними такого не имѣется, и просили его удалиться. Онъ ушелъ, но скоро вернулся, приведя съ собою человѣкъ двадцать полицейскихъ. Одни изъ нихъ сломали двери, другіе полѣзли въ окна; стали

всѣхъ вязать съ криками, что тутъ все измѣнники, ляхи. Произошла кровавая драка. Студенты были отведены на съѣзжую. Четверо такъ пострадали, что опасаются за ихъ жизнь. Генералъ-губернаторъ Закревскій далъ знать телеграммою государю въ Кіевъ, что „въ университетѣ бунтъ". Государь отвѣчалъ: „Не вѣрю".

„Производится слѣдствіе. Теперь государь въ Москвѣ. Общій голосъ, что молодые люди въ этомъ дѣлѣ вели себя превосходно. Даже враги университета во всемъ винятъ полицію. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ рѣшенія государя".

Тютчевъ по этому же предмету писалъ Погодину: Мы „здѣсь живемъ въ тревожномъ ожиданіи августѣйшаго рѣшенія по слѣдующему вопросу: подобаетъ ли московской полиціи распоряжаться въ первопрестольномъ градѣ, вѣрнолюбезной Москвѣ нашей, какъ англичане и башибузуки распоряжались въ Керчи".

Отчасти въ такомъ-же духѣ разыгралась исторія въ Петербургѣ, гдѣ студенты безъ всякаго съ ихъ стороны повода были избиты солдатами по приказанію командующаго офицера на пожарѣ 1858 г. Однородная же исторія имѣла мѣсто въ слѣдующемъ году въ Казани.

Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ, студенчество къ чести сказать Петербургской администраціи, добилось суда и слѣдствія надъ виновными, причемъ поусердствовавшіе низшіе представители власти потерпѣли соотвѣтствующее возмездіе, а молодежь была реабилитирована.

Совершенно особую категорію „студенческихъ исторій" обнимаютъ собою тѣ эпизоды, которые имѣли мѣсто въ стѣнахъ самихъ учебныхъ заведеній, и гдѣ враждующими сторонами являлись, съ одной стороны, учащіеся, съ другой—профессора, учащіе и университетская администрація. Тутъ наблюдается рядъ конфликтовъ, гдѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ все обходится для разбушевавшейся молодежи относительно благополучно, а въ другихъ ихъ постигаетъ черезчуръ строгая кара, до исключенія изъ университета и заключенія въ крѣпость включительно. Всѣ эти невеселыя странички изъ жизни учащейся молодежи того времени обстоятельно сгруппированы въ статьяхъ С. Ашевскаго „Русское студенчество въ эпоху шестидесятыхъ годовъ (1855—1863), напечатанныхъ въ журналѣ „Современный міръ" *).

---

*) „Современный міръ" 1907 г.

Всѣ университетскіе инцинденты, которые легко могли быть разрѣшаемы въ сущности и безъ значительныхъ жертвъ, озлобляли молодежь, порождали ряды недовольныхъ и вносили въ общественную атмосферу еще большую нервность и раздражительность. Отмѣчая на страницахъ „Колокола“ университетскіе конфликты съ ихъ послѣдствіями, Герценъ по поводу ихъ обращался съ горячею рѣчью и къ государю и къ молодежи.

Обращаясь къ Александру Николаевичу, онъ говорилъ *): „...Путь, по которому Россія идетъ, можно исказить, покрыть грязью, усыпать битымъ стекломъ, и изъ свѣтлаго, правильнаго шествія сдѣлать утомительный переходъ и безпрерывную драку, въ которой правительство, какъ матеріально гораздо сильнѣйшее, погубитъ бездну людей, надѣлаетъ бездну несчастій безъ нужды и безъ пользы. Вотъ почему эти реакціи, эти возвращенія ко времени, которое надобно забыть, эти перевѣсы въ сторону прошедшаго—не повергаютъ насъ въ отчаяніе, но заставляютъ дрожать отъ гнѣва и досады.

„Вотъ почему мы входимъ съ раздумьемъ въ новое десятилѣтіе, и, переступая послѣднюю черту прошедшаго, останавливаемся еще разъ, чтобъ сказать государю:

„Государь, проснитесь, новый годъ пробилъ новаго десятилѣтія, которое можетъ будетъ носить ваше имя, но вѣдь нельзя одной и той же рукой ярко и свѣтло записывать свое имя въ исторію, какъ освободителя крестьянъ, и подписывать нелѣпыя повелѣнія противъ свободной рѣчи и противъ молодости—юношей. Васъ обманываютъ, вы сами обманываетесь—это святки, вы ряженые. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья Россіи и кто любитъ только свою частную выгоду. Вамъ это потому вдвое важнѣе, что *еще* друзья Россіи *могутъ быть* и вашими. Велите поскорѣе снять маски. Вы удивитесь—этотъ маскарадъ, васъ окружающій, не похожъ на тотъ, который дѣлали два года тому назадъ для великихъ князей въ кадетскомъ корпусѣ, тамъ дѣти представляли волковъ и вепрей, а тутъ вепри и волки представляютъ сановниковъ и отцовъ отечества!“

Что касается студентовъ, то Герценъ, описавъ подробно перрипетіи, имѣвшія, напримѣръ, мѣсто въ московскомъ университетѣ, въ статьѣ „Синхедріонъ московскихъ университетскихъ фарисеевъ“ **) въ заключеніе обратился къ юношеству „съ со-

*) „Колоколъ“ 1860 г. № 60.
**) „Колоколъ“ 1859 г. № 55.

вѣтомъ, или, вѣрнѣе, съ горячей просьбой", говоря: „Мы, нисколько не обинуясь, обвиняемъ военно-судныя наклонности московскаго профессорскаго аудиторіата. Въ нашемъ сочувствіи вамъ сомнѣваться грѣшно. Вся наша жизнь, всѣ ея отдѣльныя событія могутъ служить свидѣтельствомъ, что если бъ даже мы были вознесены судьбою на мѣста Баршевыхъ и Крыловыхъ *), то и тогда оставались бы вѣрны нашимъ убѣжденіямъ, а потому съ чистой совѣстью и съ откровенностью любви, мы рѣшаемся умолять васъ *быть осторожными*, вы можете погубить не только себя, но гораздо больше.

„*Россія обязываетъ васъ* къ этой жертвѣ. Есть стадіи развитія организма, требующія болѣе строгой гигіены. Россія именно теперь находится въ такомъ состояніи. Ничто старое не вырвано съ корнемъ, ничто новое не пустило еще корни. Опереться не на что. Внѣ благородныхъ инстинктовъ государя, съ одной стороны, и части общества, съ другой, внѣ удвоенной умственной дѣятельности и того трепетнаго ожиданія, которое предваряетъ всякое будущее—ничего нѣтъ, ничто не обезпечено! Не давайте повода, чтобъ снова спустили на васъ присмирѣвшихъ андреевскихъ шакаловъ и дѣйствительныхъ тайныхъ палачей. Память Новосильцевыхъ и Пеликановъ не за горами и пятилѣтніе всходы не такъ сильны, чтобъ противостоять реакціи.

„Возлѣ васъ великій примѣръ, взгляните на тихій океанъ крестьянскаго міра, ожидающаго въ величавомъ покоѣ уничтоженія позорнаго рабства. Какъ были бы рады плантаторы-помѣщики, если бъ они могли вызвать бурю.

„Силы ваши—силы Россіи, берегите ихъ для нея, не тратьте ихъ попустому, вамъ столько дѣла впереди, столько борьбы".

Въ апрѣльскомъ номерѣ (№ 67) въ отдѣлѣ „Смѣси" **) Герценъ сообщаетъ уже тревожную вѣсть подъ рубрикой „Начало новыхъ гоненій въ Россіи". „Въ Петропавловской крѣпости велѣно приготовить казематы,—сказано здѣсь.—На дняхъ ждутъ двѣнадцать студентовъ харьковскаго и кіевскаго университетовъ, обвиняемыхъ въ революціонномъ образѣ мыслей и въ революціонныхъ замыслахъ!—„Times" отъ 24 марта подтверждаетъ страшную вѣсть объ арестаціяхъ въ Кіевѣ и Харьковѣ, прибавляя, что такія же арестаціи были въ Казани. Между арестованными находится профессоръ Качановскій. Корреспондентъ *Теймсъ* замѣчаетъ, что, вѣроятно, по обычному усердію русской

*) Профессора московскаго университета.
**) „Колоколъ" 1860 г.

полиціи какое-нибудь *литературное* общество принято за заговоръ.

„За работу, г. Тимашевъ! за работу III отдѣленіе!... Батракъ вашъ Лужинъ *) доставилъ вамъ грубую матерію, прославьте царствованіе — гласности и мягкаго прекраснодушія. A l'oeuvre, господа!“.

Студенческія исторіи между прочимъ имѣли своимъ ближайшимъ слѣдствіемъ сплоченіе студентовъ между собою, результатомъ чего народились впервые въ стѣнахъ университетовъ сходки, игравшія на всемъ протяженіи исторіи русской политической оппозиціи не малую роль. Эти сходки, предвѣстники будущихъ митинговъ въ „освободительную эпоху“ нашего времени, создавали агитаторовъ, руководителей, рождали „героевъ“ толпы, на которыхъ падалъ наиболѣе значительно гнѣвъ администраціи и которые въ большинствѣ случаевъ, выброшенные за бортъ учебныхъ заведеній, всецѣло отдавали себя впослѣдствіи на борьбу съ правительственной властью и посвящали свою дальнѣйшую жизнь служенію дѣлу революціи со всѣми ея кровавыми крайностями и трагическими послѣдствіями.

Отмѣчая среди студентовъ нарождающееся самосознаніе, участники тогдашнихъ университетскихъ событій говорятъ въ своихъ свидѣтельствахъ о томъ времени: **) „Въ Казани и другихъ городахъ Поволжья укореняется мнѣніе, что студенты составляютъ силу, съ которою нужно считаться; среди студентовъ начинаетъ преобладать убѣжденіе, что они составляютъ не только самостоятельный элементъ въ университетѣ, т. е. что не только имѣютъ право завѣдывать своими студенческими дѣлами посредствомъ сходокъ и депутатскихъ собраній, которыя съ этого времени начинаютъ безпрепятственно практиковаться, устраивать свои дѣла въ стѣнахъ университета, заводить для себя школы, читальни и проч., но и элементъ, могущій влiять на ходъ вообще университетской жизни, вести особую свою университетскую политику“. Въ другомъ мѣстѣ мы читаемъ: ***) „Русское

---

*) Харьковскій губернаторъ, собственноручно избившій одного студента и на основаніи дневника послѣдняго, гдѣ были набросаны мысли о самодержавіи, донесшій въ Петербургъ, что имъ открытъ политическій заговоръ въ университетѣ противъ особы государя.

**) Проф. Ѳирсовъ, „Русская Старина“ 1889 г. Кн. 3.

***) „Колоколъ“ 1862 г. № 126. Здѣсь напечатана „Историческая записка, составленная комиссіей по поводу происходившихъ въ сентябрѣ и октябрѣ 1861 г. безпорядковъ между студентами московскаго университета“. Въ слѣдующемъ № окончаніе „записки“ напечатано подъ заглавіемъ: „Доносъ московскихъ профессоровъ“.

общество внушило студенту такое понятіе о его достоинствѣ, какое едвали существуетъ въ другой странѣ. Тамъ, гдѣ образованіе разлито въ народѣ и пустило прочные корни, тамъ учащіеся получаютъ естественно принадлежащее имъ мѣсто въ общественныхъ рядахъ. Въ Россіи учащіеся становятся представителями образованія, а въ настоящее время всякій русскій человѣкъ глубоко чувствуетъ потребность образованія, какъ единственнаго выхода изъ гнетущихъ его общественныхъ золъ. Сверхъ того, вслѣдствіе вкравшейся у насъ отъ бездѣйствія привычки возлагать по возможности всѣ обязанности на другихъ, у насъ призванными къ дѣятельности постоянно считаются подростающія поколѣнія, тогда какъ поколѣнія зрѣющія начинаютъ уже спокойно наслаждаться жизнью. Оттого молодые люди исполняются сознаніемъ своего высокаго значенія. Студентъ въ Россіи является уже не учащимся, а учителемъ общества. Послѣднее смотритъ на него съ нѣкоторою гордостью и съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Въ глазахъ многихъ студентъ представляетъ будущую надежду Россіи.... Общественное состояніе умовъ въ Россіи возбудило въ студентахъ настроеніе, которое нельзя считать нормальнымъ. Обстоятельства, независящія отъ университета, значительно усилили этотъ духъ".

Въ роли активныхъ дѣятелей, преслѣдующихъ задачи прогрессивно-образовательныя, студенты съ особеннымъ успѣхомъ заявили себя во многихъ открывшихся въ ту пору „Воскресныхъ школахъ" для народа, гдѣ они близко сходились съ выдающимися представителями тогдашняго либерализма, которые состояли руководителями и иниціаторами этихъ школъ. Съ этими-же представителями молодежь сближалась и въ стѣнахъ университетовъ, куда послѣ 1855 года былъ широко открытъ доступъ публики, безъ различія женщинамъ и мужчинамъ. „Связь учащейся молодежи съ обществомъ не ограничивалась одними встрѣчами въ университетскихъ аудиторіяхъ - говоритъ г. Ашевскій *).—Студенты въ то время гораздо чаще, чѣмъ прежде, появлялись въ разныхъ частныхъ и публичныхъ собраніяхъ, гдѣ сталкивались съ наиболѣе видными тогдашними общественными дѣятелями. Такіе передовые писатели, какъ Чернышевскій, Добролюбовъ, Лавровъ, Михайловъ (М. Л.), Помяловскій, Шелгуновъ и др. поддерживали самое тѣсное общеніе съ студенческой средой. На студенческихъ собраніяхъ, въ студенческихъ круж-

*) „Современный міръ" 1907 г. Кн. VIII.

кахъ, которые стали гораздо многочисленнѣе по составу и шире по задачамъ, мы встрѣчаемъ постороннихъ лицъ изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ русскаго общества: писателей, профессоровъ, педагоговъ, офицеровъ, священниковъ и т. д.".

Всѣ имѣющіяся свѣдѣнія объ университетской жизни молодежи того времени свидѣтельствуютъ о ея нервномъ, возбужденномъ настроеніи, объясняемомъ всѣмъ ходомъ тогдашней общественности и связанныхъ съ нею явленій, какъ положительнаго, прогрессивнаго характера, такъ и регрессивнаго, являвшагося слѣдствіемъ неустойчивости внутренней правительственной политики. Вліяніе оппозиціонной печати играло также здѣсь немаловажную роль, и студенты явились важными факторами распространенія какъ въ публикѣ, такъ и въ средѣ учащихся герценовскихъ изданій. Они ихъ перепечатывали въ видѣ лекцій и развозили цѣлыми партіями по городу. Сообщеніе Герцена о казематахъ было вѣстникомъ, что сближеніе активной политической дѣятельности и студенчества состоялось: на сцену выступаетъ уже не университетскій карцеръ, а мрачные своды политической тюрьмы... Очевидно, событія начали развертываться быстрѣе, чѣмъ того ожидалъ издатель „Колокола", и студенчество отъ бурленія по домашнимъ поводамъ и мѣстнымъ причинамъ перешло на арену активной борьбы, куда постепенно и съ удивительной послѣдовательностью его толкали роковыя обстоятельства всей совокупности русской жизни и на которую звалъ и самъ знаменитый эмигрантъ, восклицая: vivos voco!

Помимо воскресныхъ школъ студенты посвящали свое время и преподованію въ тогдашнихъ постоянныхъ ежедневныхъ школахъ, устраиваемыхъ для бѣдныхъ дѣтей, причемъ нельзя не отмѣтить, что нѣкоторые изъ юныхъ педагоговъ преслѣдовали въ своей педагогической дѣятельности не только цѣли учебно-просвѣтительныя, но иногда и задачи политической прогоганды. По словамъ г. Ашевскаго, *) „дѣятельное участіе русской интиллегенціи и въ томъ числѣ учащейся молодежи въ организаціи воскресныхъ школъ было первымъ массовымъ хожденіемъ въ народъ", тогда какъ раньше наблюдались только отдѣльные случаи подобнаго рода... Преподованіе въ школахъ, посѣщавшихся не только дѣтьми, но и взрослыми, положило начало тому сближенію интеллигентной молодежи и городскаго пролетаріата, которое съ каждымъ годомъ дѣлалось все ближе

---

*) „Современный міръ" 1907 г. Кн. XIII.

и тѣснѣе и оказало такое могущественное вліяніе на пробужденіе классоваго самосознанія въ рабочихъ массахъ".

Усиленное участіе учащейся молодежи въ общественной жизни, а также все чаще повторявшіяся въ разныхъ университетахъ „студенческія исторіи" и обнаружившаяся связь учащейся молодежи съ прогрессивными и оппозиціонными общественными элементами привели правительство, въ цѣляхъ болѣе внимательнаго надзора за учащимися, къ сознанію о необходимости подчиненія ихъ внѣ университетскихъ зданій полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи. Какъ ни относиться къ такого рода мѣропріятію, но нельзя не отмѣтить, что оно въ результатѣ не достигло своей непосредственной цѣли, и молодежь, даже подъ бдительнымъ надзоромъ полиціи, въ очень скоромъ времени „ушла въ политику" и связала свою жизнь съ самыми рѣзкими проявленіями революціонныхъ движеній.

Такимъ образомъ въ періодъ, послѣдовавшій за кончиною Николая Павловича и до наступленія дней реформъ, мы наблюдаемъ любопытную и довольно таки быструю общественную эволюцію въ русской жизни. Изъ состоянія свѣтлаго и радостнаго въ ожиданіи давно желаннаго обновленія отечественнаго государственнаго строя общество постепенно переходитъ въ состояніе озлобленное, оппозиціонное. Послѣ того довѣрія и добраго чувства, которое оно такъ громко проявило своему монарху вслѣдъ за первымъ сдѣланнымъ имъ шагомъ по пути реформы въ крестьянскомъ вопросѣ, наступаетъ охлажденіе и разочарованіе какъ по отношенію программы и способовъ выполненія подъятаго имъ дѣла, такъ и въ отношеніи самой личности вѣнценосца. Верхніе бюрократическіе ряды успѣли вооружить противъ него наиболѣе вліятельныхъ, талантливыхъ и энергичныхъ представителей общественности и посѣять въ послѣдней сѣмена недовѣрія и нерасположенія къ тому, кого Герценъ первый громко уже успѣлъ окрестить наименованіемъ „Царя-освободителя". Главнѣйшіе дѣятели прогрессивной печати, какъ у себя на родинѣ, такъ и на „чужомъ берегу", явились въ данномъ случаѣ руководителями и глашателями этого недовѣрія, университетская молодежь взяла на себя распространеніе лозунговъ, даваемыхъ изъ редакціонныхъ кабинетовъ, первая создала образцы дѣйствій оппозиціоннаго характера съ элементомъ въ нихъ тайныхъ совѣщаній, конспирацій и активныхъ выступленій, взбудораженное общество, достаточно подготовленное въ предыдущія эпохи къ воспріятію идей недовольства, явилось благопріятною средою, гдѣ сѣмена недовѣрія

и нерасположенія къ союзу съ правительствомъ дали свой буйный ростъ, а дѣйствія высшей бюрократіи въ ея отношеніяхъ къ депутатамъ и дворянскимъ собраніямъ послужили тѣми средствами, которыя только содѣйствовали этому росту и значительно усилили кадры недовольныхъ и оппозиціонно настроенныхъ. Къ исходу шестидесятаго года мобилизація оппозиціонныхъ силъ была достаточно явною и день 19 февраля 1861 г. далъ правительству только пятилѣтнюю отсрочку въ многолѣтней борьбѣ съ нимъ общественныхъ передовыхъ элементовъ „за конституцію", каковая борьба, перейдя различные этапы съ тою или иною на нихъ окраскою и въ сопутствіи тѣхъ или иныхъ историческихъ явленій, дала въ результатѣ актъ 17 октября 1905 года со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями государственнаго порядка и общественнаго характера.

DATE DUE

MAR 13 1978			